

История коммуны 1871 года

Лиссагарай

History of the Commune of 1871

Lissagaray

Электронная книга проекта Гутенберга по истории коммуны 1871 года

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История коммуны 1871 года

Автор: Лиссагарай

Переводчик: Элеонора Маркс Эвелинг

Дата выхода: 6 мая 2011 г. [Электронная книга № 36043]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Одесситка Пейдж Тернер, Барбара Коскер и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КОММУНЫ 1871 ГОДА" ***

ИСТОРИЯ КОММУНЫ 1871 ГОДА

КНИЖНАЯ ПОЛКА РЕФОРМАТОРОВ.

Большая корона 8в., ткань, по 3 шилл. 6д. каждая.

~~~~~

1. АНГЛИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН: его прошлое и настоящее. Ричард Хит
2. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. Л. Т. Хобхаус, М.А. Предисловие Р. Б. Холдейна, М.П.
3. И ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ЖИЗНИ АГИТАТОРА: Автобиография Джорджа Джейкоба Холиока. 2
4. тома.
5. И ОТРЫВКИ ИЗ ЖИЗНИ РАДИКАЛА БЭМФОРДА. Отредактировано и с предисловием Генри

6. Данкли ("Веракс"). 2 тома.
7. РИЧАРД КОБДЕН И ЮБИЛЕЙ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ. П. Леруа-Болье, Генри Данкли ("Веракс"), доктор Теодор Барт, почтенный. Леонард Кортни, член парламента и почтенный . Чарльз Вильерс, член парламента
8. И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ: Лекции по политической экономии и ее
9. истории, прочитанные в Оксфорде в 1887-1888 годах. Автор: профессор Торольд Роджерс. Третье издание. 2 тома.
10. ПРОМЫШЛЕННАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ. Автор: профессор Торольд
- И Роджерс. 2 тома.
- 11.
12. КОЛОНИЯ ГЛАДСТОН. Джеймс Фрэнсис Хоган, член парламента
13. и ЧАРЛЬЗ БРЭДЛО: Отчет о его жизни и творчестве. Его дочерью Ипатией Бредло Боннер.
14. 2 тома.
15. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ПАЛАТЫ ОБЩИН. Выбрано из трудов Уильяма Уайта со
- И вступительной запиской его сына и Вступлением Джастина Маккарти, члена парламента
- 16.
17. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Луи Проаль.
18. ЖИЗНЬ РИЧАРДА КОБДЕНА. Джон Морли. 2 тома.
- И
- 19.

~~~~~

Лондон: Т. ФИШЕР АНВИН.

ИСТОРИЯ КОММУНЫ 1871 ГОДА

ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗ ЛИССАГАРАЯ

ЛОНДОН
Т. ФИШЕР АНВИН
1902

Содержание.

	СТРАНИЦА
ПРОЛОГА. КАК ПРУССАКИ ЗАХВАТИЛИ ПАРИЖ И СЕЛЬСКИЕ РАЙОНЫ ФРАНЦИИ	1
ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ АТАКИ КОАЛИЦИИ НА ПАРИЖ—БАТАЛЬОНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ФЕДЕРАЛИЗИРУЮТСЯ И ЗАХВАТЫВАЮТ СВОИ ПУШКИ—ПРУССАКИ ВХОДЯТ В ПАРИЖ	58
ГЛАВА II. КОАЛИЦИЯ ОТКРЫВАЕТ ОГОНЬ По ПАРИЖУ—ФОРМИРУЕТСЯ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ —М. ТЬЕР ОТДАЕТ ПРИКАЗ О ШТУРМЕ	69
ГЛАВА III. ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА ГОДА	78

ГЛАВА IV.	
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЗЫВАЕТ ВЫБОРЩИКОВ — МЭРЫ ПАРИЖА И ДЕПУТАТЫ ОТ СЕНЫ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ НЕГО	88
ГЛАВА V.	
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ УТВЕРЖДАЕТ СЕБЯ, РЕОРГАНИЗУЕТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ И УДЕРЖИВАЕТ ПАРИЖ	101
ГЛАВА VI.	
МЭРЫ, ДЕПУТАТЫ, ЖУРНАЛИСТЫ, АССАМБЛЕЯ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ПРОТИВ ПАРИЖА — РЕАКЦИЯ МАРШИРУЕТ ПО ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ И НАКАЗЫВАЕТСЯ	108
ГЛАВА VII.	
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРЕОДОЛЕВАЕТ ВСЕ ПРЕПЯТСТВИЯ И ВЫНУЖДАЕТ МЭРОВ КАПИТУЛИРОВАТЬ	116
ГЛАВА VIII.	
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОММУНЫ	126
ГЛАВА IX.	
КОММУНА В ЛИОНЕ, СЕНТ-ЭТЬЕНЕ И КРЕЗО	131
ГЛАВА X.	
КОММУНА В МАРСЕЛЕ, ТУЛУЗЕ И НАРБОННЕ	142
ГЛАВА XI.	
СОВЕТ КОММУНЫ КОЛЕБЛЕТСЯ С ПЕРВЫХ ЗАСЕДАНИЙ — ИЗБРАННЫЕ МЭРЫ И АДЪЮНКТЫ МАССОВО ДЕЗЕРТИРУЮТ	153
ГЛАВА XII.	
ВЫЛАЗКА ТРЕТЬЕГО АПРЕЛЯ—ПАРИЖАНЕ ПОВСЮДУ ОТБИТЫ—ФЛУРАНС И ДЮВАЛЬ УБИТЫ— ВЕРСАЛЬЦЫ УСТРАИВАЮТ РЕЗНЮ НЕСКОЛЬКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ	162
ГЛАВА XIII.	
КОММУНА ПОБЕЖДЕНА При МАРСЕЛЕ И НАРБОННЕ	171
ГЛАВА XIV.	

ОГРОМНЫЕ РЕСУРСЫ КОММУНЫ—ОГРОМНАЯ СЛАБОСТЬ СОВЕТА—НАЗНАЧЕНИЕ КЛЮЗЕРЕ—ДЕКРЕТ О ЗАЛОЖНИКАХ—ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ—БАНК	182
ГЛАВА XV.	
ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ При НЕЙИ и АНЬЕРЕ —ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОРАЖЕНИЕ ПРИМИРЕНЦЕВ	190
ГЛАВА XVI.	
МАНИФЕСТ СОВЕТА—ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 16 АПРЕЛЯ ПОКАЗЫВАЮТ МЕНЬШИНСТВО В СОВЕТЕ—ПЕРВЫЕ СПОРЫ—ЗАРОДЫШИ ПОРАЖЕНИЯ	199
ГЛАВА XVII.	
НАШИ ПАРИЖАНЕ—ПРИОСТАНОВКА ВООРУЖЕНИЯ ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ НЕЙИ—АРМИЯ ВЕРСАЛЯ И ПАРИЖА	207
ГЛАВА XVIII.	
ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ—ФИНАНСЫ—ВОЙНА—ПОЛИЦИЯ—ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА—ПРАВОСУДИЕ—ОБРАЗОВАНИЕ—ТРУД И БИРЖА	217
ГЛАВА XIX.	
МАСОНЫ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К КОММУНЕ—ПЕРВАЯ ЭВАКУАЦИЯ ЧАСТИ ИССИ—СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	236
ГЛАВА XX.	
РОССЕЛЬ ЗАМЕНЯЕТ КЛЮЗЕРЕ—СОПЕРНИЧЕСТВО—ЗАЩИТА ФОРТА ИССИ	246
ГЛАВА XXI.	
ПАРИЖ ПОДВЕРГСЯ БОМБАРДИРОВКЕ — ФОРТ ИССИ ПАЛ —СОВЕТ ИЗБИРАЕТ НОВЫЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ—РОССЕЛЬ ЛЕТИТ	254
ГЛАВА XXII.	
ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ КОММУНЫ	265
ГЛАВА XXIII.	
ПОЛИТИКА М. ТЬЕРА В ОТНОШЕНИИ ПРОВИНЦИЙ —КРАЙНЕ ЛЕВЫЕ ПРЕДАЮТ ПАРИЖ	271
ГЛАВА XXIV.	

БЕССИЛИЕ ВТОРОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ—ЭВАКУАЦИЯ
ФОРТА ВАНВ И ДЕРЕВНИ ИССИ—МАНИФЕСТ МЕНЬШИНСТВА—ВЗРЫВ НА АВЕНЮ
РАПП— ПАДЕНИЕ ВАНДОМСКОЙ КОЛОННЫ 283

ГЛАВА XXV.

ПАРИЖ НАКАНУНЕ СМЕРТИ 293

ГЛАВА XXVI.

ВЕРСАЛЬЦЫ ВХОДЯТ В ПАРИЖ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 МАЯ, В ТРИ ЧАСА ДНЯ —СОВЕТ
КОММУНЫ РАСПУСКАЕТСЯ 304

ГЛАВА XXVII.

ПОНЕДЕЛЬНИК 22—ГО — ВЕРСАЛЬЦЫ ВТОРГАЮТСЯ В ВОСТОЧНЫЕ КВАРТАЛЫ -
ПАРИЖ ВОССТАЕТ 313

ГЛАВА XXVIII.

ВТОРНИК, 23—Е — ВЗЯТ МОНМАРТР—МАССОВАЯ РЕЗНЯ—МЫ ТЕРЯЕМ
ПОЗИЦИИ—ПАРИЖ В ОГНЕ-ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В ОТЕЛЬ-ДЕ—ВИЛЬ 326

ГЛАВА XXIX.

СРЕДА, 24-Е-ЧЛЕНЫ СОВЕТА ЭВАКУИРУЮТ ОТЕЛЬ—ДЕ—ВИЛЬ— ВЗЯТ ПАНТЕОН—
ВЕРСАЛЬЦЫ СОТНЯМИ РАССТРЕЛИВАЮТ ФЕДЕРАЛОВ—ФЕДЕРАЛЫ
РАССТРЕЛИВАЮТ ШЕСТЕРЫХ ЗАЛОЖНИКОВ—НОЧЬ ПУШЕК 339

ГЛАВА XXX.

ЧЕТВЕРГ, 25—Е— ВЕСЬ ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ПЕРЕХОДИТ В РУКИ ВОЙСК-ДЕЛЕКЛЮЗ
УМИРАЕТ-БРАССАРДЬЕ АКТИВИЗИРУЮТ НАСТУПЛЕНИЕ. РЕЗНЯ - ЧЛЕНЫ СОВЕТА
ЭВАКУИРУЮТ МЭРИЮ ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА 353

ГЛАВА XXXI.

ЦЕНТРЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ В БЕЛЬВИЛЕ —ПЯТНИЦА, ЧЕТВЕРТОЕ ЧИСЛО -НА
УЛИЦЕ ХАКСО РАССТРЕЛЯНЫ ВОСЕМЬ ЗАЛОЖНИКОВ—В СУББОТУ, 27—ГО,
ЗАХВАЧЕН ВЕСЬ ДВАДЦАТЫЙ ОКРУГ — ПЕР—ЛАШЕЗ ВЗЯТ -В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 28-
ГО, БИТВА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ УТРА - В ПОНЕДЕЛЬНИК, 29-
ГО, СДАН Венсенский ФОРТ 365

ГЛАВА XXXII.

ВЕРСАЛЬСКАЯ ЯРОСТЬ—БОЙНИ-СУДЫ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ—СМЕРТЬ
ВАРЛЕНА—ПОХОРОНЫ 382

ГЛАВА XXXIII.	
КОЛОННЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ—ОРАНЖЕРЕЯ—АРЕСТЫ—САТОРИ— РАЗОБЛАЧИТЕЛИ—ПРЕССА—ЛЕВЫЕ ОСКОРБЛЯЮТ ПОБЕЖДЕННЫХ— ДЕМОНСТРАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	395
ГЛАВА XXXIV.	
ПОНТОНЫ—ФОРТЫ—ТЮРЬМЫ—ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ	408
ГЛАВА XXXV.	
ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ-КАЗНИ— БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС ВЫНЕСЕННЫХ ПРИГОВОРОВ	424
ГЛАВА XXXVI.	
НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ—ИЗГНАНИЕ—БАЛАНС БУРЖУАЗНОЙ МЕСТИ-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАЛАТА И АМНИСТИЯ	445
~~~~~	
ПРИЛОЖЕНИЕ	467

ПРОЛОГ.

"Osons, ce mot renferme toute la politique de cette heure."—*Rapport de St. Just à la Convention.*

КАК ПРУССАКИ ЗАХВАТИЛИ ПАРИЖ И СЕЛЬСКУЮ ФРАНЦИЮ.

9 августа 1870г.— За шесть дней Империя проиграла три сражения. Дуэ, Фроссар, Мак-Магон позволили изолировать себя, застать врасплох, потерпеть поражение. Эльзас потерян, Мозель обнажен. Ошарашенное министерство созвало Палату представителей. Оливье, опасаясь демонстрации, заранее называет if "пруссак". Но с одиннадцати часов утра огромная возбужденная толпа занимает площадь Согласия, набережные и окружает Легислатурный корпус.

Париж ждет *голосования* левых депутатов. С момента объявления поражений они стали единственным моральным авторитетом. Буржуазия, рабочие - все сплываются вокруг них. Мастерские вывели свою армию на улицы, и во главе различных группировок стоят люди испытанной энергии.

Империя шатается - теперь ей остается только пасть. Войска, выстроенные перед Легислатурным корпусом, сильно возбуждены, готовы поджать хвост, несмотря на награжденного и ворчливого маршала Бараге д'Илье. Люди кричат: "На границу". Офицеры громко отвечают: "Наше место не здесь".

В Зале собраний известные республиканцы, члены клубов, которые ворвались внутрь, грубоапостроф-нируют депутатов-империалистов, громко говорят о провозглашении Республики. Бледнолицые мамелюки крадутся позади групп. Появляется мсье Тьер и восклицает: "Ну, тогда создавайте свою республику!" Когда президент Шнайдер проходит к креслу, его встречают криками "Отречься от престола!"

Левые депутаты окружены делегатами извне. "Чего вы ждете? Мы готовы. Только подойдите к колоннадам у ворот". Почетные гости кажутся сбитыми с толку, ошеломленными. "Вас достаточно много? Не лучше ли было отложить это до завтра?" Действительно, наготове всего 100 000 человек. Приходит кто-то и говорит Гамбетте: "На площади Бурбон нас несколько тысяч". Другой, автор этой истории, говорит: "Позаботьтесь о ситуации сегодня, когда ее еще можно спасти. Завтра, когда вы доведены до отчаяния, вам это будет навязано". Но эти мозги кажутся парализованными; ни одно слово не вырывается из этих разинутых ртов.

Заседание открывается. Жюль Фавр предлагает этой низшей палате, виновнику наших бедствий, ядру Империи, захватить власть. Мамелюки возмущенно восстают, и Жюль Симон, волосы дыбом, возвращается к нам в Зал Пердю. "Они угрожают расстрелять нас", - кричит он; "Я вышел на середину зала и сказал: "Ну что ж, стреляйте в нас". Мы восклицаем: "Положим

этому конец". "Да, — говорит он, - мы должны положить этому конец", - и возвращается в Комнату.

И так закончились их "проклятые лица". Мамлюки, которые знают своих Левых, обретаю уверенность в себе, выбрасывают Оливье за борт и формируют *министерство* государственного переворота. Шнайдер поспешно прерывает заседание, чтобы избавиться от толпы. Люди, слабо отброшенные солдатами, толпами устремляются к мостам, следуют за теми, кто покидает Зал Заседаний, каждую минуту ожидая услышать провозглашение Республики. Месье Жюль Симон, находясь вне досягаемости штыков, произносит героическую речь и созывает народ на собрание на следующий день на площади Согласия. На следующий день полиция занимает все подходы.

Таким образом, Левые уступили Наполеону III. две наши последние армии. Одного усилия было бы достаточно, чтобы свергнуть эту картонную Империю.^[1] Люди инстинктивно предложили свою помощь, чтобы предоставить нацию самой себе. Левые дали им отпор, отказались спасти страну путем бунта и, ограничив свои усилия нелепым движением, оставили мамелюкам заботу о спасении Франции. Турки в 1876 году проявили больше ума и эластичности.

В течение трех недель это была повторная история Низшей империи - скованной нации, падающей в пропасть перед лицом своих неподвижных правящих классов. Вся Европа кричала: "Берегитесь!" Только они не слышали. Массы, обманутые хвастливой и продажной прессой, могут игнорировать опасность, убаюкивать себя тщетными надеждами; но у депутатов есть, должно быть, в руках сокрушительная правда. Они скрывают ее. Левые истощают себя в восклицаниях. 12-го числа М. Гамбетта восклицает: "Мы должны вести республиканскую войну" - и снова садится. 13-го Жюль Фавр требует создания Комитета обороны. В этом ему отказывают. Он не произносит ни звука. 20-го министерство объявляет, что Базен загнал три армейских корпуса в каменоломни Жомона; на следующий день, напротив, вся европейская пресса сообщила, что Базен, трижды разбитый, был отброшен к Мецу 200 000 немцев. И ни один депутат не встает, чтобы возразить лжецам! С 26-го они знают безумный марш Мак-Магона на Мец, разоблачающий последнюю армию Франции, толпу из 80 000 новобранцев, и побежденных, перед 200 000 победоносных немцев. М. Тьер, снова восстановленный в благосклонности после катастроф, демонстрирует в комитетах и кулуарах, что этот марш - путь к полному краху. Крайне левые говорят и возмущаются тем, что все потеряно, и из всех этих ответственных лиц, видящих, как государственный корабль швыряет буря, ни один не поднимает руку, чтобы взяться за штурвал.

С 1813 года Франция не видела подобного краха правящих классов. Невыразимая подлость Сен-журса меркнет перед этой высшей трусостью, ибо здесь Тартюф привит к Тримальсиону. Тринадцать месяцев спустя, в Версале, я слышу среди восторженных аплодисментов обращение Империи: "Вар, верни нам наши легионы". Кто говорит, кто так аплодирует? Та самая великая буржуазия, которая в течение восемнадцати лет была нема и склонялась в прах, предлагая свои легионы Вару. Буржуазия приняла Вторую империю из страха перед социализмом, точно так же, как их отцы подчинились первой, чтобы положить конец Революции. Наполеон I оказал буржуазии две услуги, не переплаченные его апофеозом. Он обеспечил им железную централизацию и отправил в могилы 15 000 несчастных, все еще охваченных пламенем Революции, которые в любой момент могли претендовать на предоставленные им общественные земли. Но он оставил ту же буржуазию оседланной для

всех хозяев. Когда они овладели парламентским правлением, к которому Мирабо хотел их привести одним махом, они были неспособны управлять. Их мятеж 1830 года, превращенный народом в революцию, сделал брюхо хозяином. У крупного буржуа 1830 года, как и у него 1790-го, была только одна мысль — насытиться привилегиями, вооружить бастионы для защиты своих владений, увековечить пролетариат. Судьба его страны для него ничего не значит, так что он жиреет. Чтобы руководить Францией, компрометировать Ее, парламентский король имеет такую же свободу действий, как и Бонапарт. Когда в результате нового народного порыва буржуазия вынуждена спустя три года захватить штурвал, несмотря на массовые убийства и проскрипции, он выскальзывает из их парализованных рук в руки первого встречного.

С 1851 по 1869 год они возвращаются в то же состояние, что и после 18 Брюмера. Их привилегии в безопасности, они позволяют Наполеону III. разграбить Францию, сделать ее вассалом Рима, обесчестить ее в Мексике, разорить ее финансы, опошлить разврат. Всемогущие благодаря своим слугам и своему богатству, они не рискуют ни человеком, ни долларом ради протеста. В 1869 году давление извне ставит их на грань власти; немного силы воли - и правительство в их руках. У них есть только изыскство евнуха. При первых признаках бессильного хозяина они целуют розгу, поразившую их 2 декабря, освобождая место для плебисцита, который переименовывает Империю.

Войну готовил Бисмарк, Наполеон III. этого хотела крупная буржуазия. Они могли бы остановить это серьезным жестом. мсье Тьер ограничился гримасой. Он видел в этой войне нашу неминуемую гибель; он знал нашу ужасную неполноценность во всем; он мог бы объединить левых, *многопартийных*, журналистов, донести до них безумие нападения и, опираясь на эту силу мнения, сказать Тюильри, Парижу, если потребуется: "Война невозможна; мы будем бороться с ней как с государственной изменой". Он, озабоченный только тем, чтобы оправдаться, просто потребовал депеши вместо того, чтобы сказать правду: "У вас нет шансов на успех".[2] И эти великие буржуа, которые не рискнули бы и малой частью своего состояния без самых серьезных гарантий, поставили 100 000 жизней и миллиарды Франции на слово Лебефа и двусмысленности Граммона.[3]

А что же тогда делает в это время небольшой средний класс? Этот тощий класс, который проникает во все - промышленность, торговлю, администрацию, — могущественный благодаря охвату народа, такой энергичный, такой готовый в первые дни нашей Хиджры, не восстанет ли он, как в 1792 году, ради общего блага? Увы! он был испорчен горячим разложением Империи. В течение многих лет оно жило наугад, изолируя себя от пролетариата, откуда оно вышло только вчера и куда великие бароны Капитала завтра снова отбросят его. Нет больше того братства с народом, того рвения к реформам, которые проявлялись с 1830 по 1848 год. Со своей смелой инициативой, своим революционным инстинктом оно теряет также сознание своей силы. Вместо того чтобы представлять саму себя, что она вполне могла бы делать, она ищет представителей среди либералов.

Друг народа, который напишет историю либерализма во Франции, избавит нас от многих потрясений. Искренний либерализм был бы безумием в стране, где правящие классы, отказываясь ни в чем уступать, принуждают каждого честного человека стать революционером. Но это никогда не было ничем иным, как иезуитизмом свободы, уловкой буржуазии, направленной на изоляцию рабочих. От Байи до Жюль Фавра умеренные прикрывали маневры деспотизма, хоронили наши революции, устраивали массовые убийства пролетариев. Старые

трезвомыслящие парижане ненавидели их больше, чем ультраправых реакционеров. Дважды имперский деспотизм реабилитировал их, и немногочисленный средний класс, вскоре забывший свою истинную роль, принял в качестве защитников тех, кто притворялся побежденным, как и они сами. Люди, которые пресекли движение 1848 года и проложили путь ко 2 декабря, таким образом, стали во время последовавшей за ним тьмы признанными защитниками поруганной свободы. С первым рассветом они оказались теми, кем всегда были - врагами рабочего класса. При Империи левые никогда не снисходили до того, чтобы заботиться об интересах рабочих. Эти либералы так и не нашли для них ни слова протеста, даже такого, свидетелями которого иногда были Палаты представителей 1830-1848 годов. Молодые юристы, которых они привлекли к себе, вскоре раскрыли свои замыслы, сплотившись вокруг Либеральной империи, одни открыто, как Олливье и Даримон, другие осмотрительно, как Пикар. Для робких или амбициозных они основали "открытые левые", коллегия кандидатов на государственные должности; и в 1870 году ряд либералов действительно добивались официальных должностей. Для "непримиримых" существовали "закрытые левые", где непримиримые драконы Гамбетта, Кремье, Араго, Пеллетан охраняли чистые принципы. Вожди возвышались в центре. Таким образом, эти две группы авгуров представляли собой все фракции буржуазной оппозиции — робких и бесстрашных. После плебисцита они превратились в священный синод, неоспоримых вождей мелкого среднего класса, все более и более неспособных управлять собой и встревоженных социалистическим движением, за которым они указывали на руку императора. Она наделила их всеми полномочиями, закрыла глаза и позволила себе постепенно дрейфовать к парламентской империи, изобилующей портфелями для своих покровителей. Гром поражений оживил его, но лишь на мгновение. По приказу депутатов сохранять спокойствие немногочисленный средний класс, мать 10 августа, покорно склонил голову и позволил иностранцу вонзить свой меч в самое лоно Франции.

Бедная Франция! Кто спасет тебя? Смиренные, бедные, те, кто шесть лет боролся за тебя с Империей.

В то время как высшие классы продают нацию за несколько часов отдыха, а либералы стремятся свить свои гнезда под Империей, горстка людей без оружия, без защиты восстает против все еще всемогущего деспота. С одной стороны, молодые люди, составляющие буржуазию, перешли на сторону народа, верные дети 1789 года, решившие продолжать дело Революции; с другой стороны, рабочие объединяются для изучения и завоевания прав трудящихся. Напрасно Империя пытается расколоть их силы, соблазнить рабочих. Они видят ловушку, осмистывают профессоров цезарианского социализма и с 1863 года, без журналов, без трибуны, утверждают себя как класс, к великому скандалу либеральных подхалимов, утверждая, что 1789 год уравнивал все классы. В 1867 году они выходят на улицы, устраивают манифестацию у могилы Манина и, несмотря на дубинки сбирри, протестуют против Ментаны. При этом появлении революционной социалистической партии левые скрежещут зубами. Когда некоторые рабочие, не знающие собственной истории, спрашивают Жюль Фавра, поддержит ли их либеральная буржуазия в день их восстания за Республику, лидер Левых дерзко отвечает: "Господа рабочие, вы создали Империю; ваше дело разрушить ее". А Пикар отвечает: "Социализма не существует, или, во всяком случае, мы не будем иметь с ним дела".

Настроенные таким образом на будущее, рабочие продолжают борьбу в одиночку. С момента возобновления публичных собраний они заполняют залы и, несмотря на преследования и тюремное заключение, преследуют, подрывают Империю, пользуясь каждой случайностью,

чтобы нанести удар. 26 октября 1869 года они угрожают двинуться на Легислатурный корпус; в ноябре они оскорбляют Тюильри избранием Рошфора; в декабре они подстрекают правительство *Марсельезой*; в январе 1870 года они идут 200 000 человек на похороны Виктора Нуара и, будучи хорошо срежиссированы, свергли бы трон.

Левые, напуганные этим множеством, которое угрожает сокрушить их, клеймят своих лидеров как головорезов или агентов полиции. Они, однако, остаются на переднем плане, разоблачая Левых, вызывая их на дискуссию, поддерживая в то же время непрерывный огонь по Империи. Они образуют авангард против плебисцита. При слухах о войне они первыми заявляют о себе. Старые отбросы шовинизма, взбаламученные бонапартистами, сливают свои мутные воды. Либералы остаются невозмутимыми или аплодируют; рабочие преграждают им путь. 15 июля, в тот самый час, когда Оливье с трибуны с легким сердцем призывает к войне, социалисты-революционеры заполонили бульвары, выкрикивая "Да здравствует мир!" и распевая тихоокеанский припев:

"Les peuples sont pour nous des frères
Et les tyrans des ennemis."

От замка О до бульвара Сен-Дени им аплодируют, но на бульварах Бонн-Нувель и Монмартр их освистывают, и они вступают в драки с некоторыми бандами, призывающими к войне.

На следующий день они снова встречаются у Бастилии и маршируют по улицам, Ранвье, художник по фарфору, хорошо известный в Бельвиле, марширует во главе их со знаменем. В предместье Монмартр сержанты бросаются на них с обнаженными мечами.

Не имея возможности повлиять на буржуазию, они обращаются к рабочим Германии, как они это сделали в 1869 году: "Братья, мы протестуем против войны, мы, кто желает мира, труда и свободы. Братья, не слушайте наемников, которые пытаются ввести вас в заблуждение относительно истинных желаний Франции". Их благородный призыв был вознагражден. В 1869 году берлинские студенты ответили оскорблениями на миролюбивое обращение французских студентов. Рабочие Берлина в 1870 году так говорили рабочим Франции: "Мы тоже желаем мира, труда и свободы. Мы знаем, что по обе стороны Рейна есть братья, с которыми мы готовы умереть за Всемирную республику". Великие пророческие слова! Пусть они будут вписаны на первой странице Золотой Книги, только что открытой рабочими.

Таким образом, к концу Империи не было ни жизни, ни деятельности, кроме как в рядах пролетариата и примкнувших к ним молодых людей среднего класса. Они одни проявили некоторое политическое мужество, и посреди общего паралича июля 1870 года они одни нашли в себе силы хотя бы попытаться спасти Францию.

Им не хватало авторитета; они не смогли увлечь за собой небольшой средний класс, за который они также борются, из-за полного отсутствия у них политического опыта. Как они могли приобрести это за восемьдесят лет, когда правящий класс не только лишал их света, но даже права просвещать самих себя? С помощью адского макиавеллизма они заставляли их пробираться ощупью в темноте, чтобы легче было передать их мечтателям и сектантам. При империи, когда вновь появились общественные собрания и журналы, политическое воспитание рабочих еще только предстояло осуществить. Многие, оскорбленные болезненными умами, полагая, что их получение избирательных прав зависит от *государственного переворота*, отдавались тому, кто говорил о свержении Империи. Другие, убежденные, что даже самые

закоренелые буржуа враждебны социализму и ухаживают за народом только для осуществления своих честолюбивых планов, хотели, чтобы рабочие объединились в группы, независимые от какой бы то ни было опеки. Эти разные течения пересекались друг с другом. Хаотичное состояние партии действия было раскрыто в ее журнале "*Марсельеза*", горячей мешанине доктринеров и отчаявшихся писателей, объединенных ненавистью к Империи, но без определенных взглядов и, прежде всего, без дисциплины. Потребовалось много времени, чтобы остудить первый пыл и избавиться от романтического вздора, который сделали модным двадцать лет угнетения и нехватки знаний. Однако влияние социалистов начало преобладать, и, без сомнения, со временем они классифицировали бы свои идеи, составили свою программу, устранили бы простых распространителей и приступили к серьезным действиям. Уже в 1869 году общества рабочих, основанные для взаимного кредитования, сопротивления и учебы, объединились в Федерацию, штаб-квартирой которой была площадь Кордери-дю-Тампль. Интернационал, излагавший наиболее адекватную идею революционного движения нашего столетия, под руководством Варлена, переплетчика редкого ума, Дюваля, Тайса, Франкеля и нескольких преданных людей, начинал набирать силу во Франции. Оно также собиралось в Кордери и призывало к созданию более медлительных и сдержанных обществ рабочих. Общественные собрания 1870 года больше не походили на предыдущие; люди хотели полезных дискуссий. Такие люди, как Мильер, Лефрансе, Верморель, Лонге и другие, серьезно конкурировали с простыми декламаторами. Но для развития партии труда потребовалось бы много лет, которым препятствовали молодые буржуазные авантюристы в поисках репутации, обремененные заговорщиками и романтическими мечтателями, все еще не знающими административного и политического механизма буржуазного режима, на который они нападали.

Незадолго до войны были предприняты попытки ввести некоторую дисциплину. Некоторые пытались сместить депутатов от левых и встретились с ними у Кремье. Они нашли их ошеломленными, больше боявшимися *государственного переворота*, чем побед пруссии. Кремье, вынужденный действовать, наивно ответил: "Давайтеждемся новой катастрофы, как, например, падения Страсбурга".

Действительно, необходимо было подождать, ибо без этих теней ничего нельзя было сделать. Небольшой парижский средний класс верил в крайне левых, как он верил в наши армии. Те, кто хотел обойтись без них, потерпели неудачу. 14-го числа друзья Бланки попытались поднять на ноги окраинные кварталы, напали на квартиры пожарных Ла Виллет и обратили в бегство городских сержантов. Хозяева поля боя, они прошли по бульвару до Бельвиля, крича: "Да здравствует Республика! Смерть пруссакам!" Никто к ним не присоединился. Толпа наблюдала издали, изумленная, неподвижная, вызванная подозрениями полицейских агентов, которые таким образом отвлекли ее от настоящего врага — Империи. Левые притворились, что верят в прусского агента, чтобы успокоить буржуазию, и Гамбетта потребовал немедленного суда над узниками Ла Виллета. Министру Паликао пришлось напомнить ему, что определенные формы должны соблюдаться даже военным правосудием. Военный трибунал приговорил десятерых к смертной казни, хотя почти все обвиняемые не имели никакого отношения к драке. Несколько искренних людей, желая предотвратить эти казни, отправились к Мишле, который написал трогательное письмо от их имени. У империи не было времени приводить приговоры в исполнение.

Начиная с 25-го числа Мак-Магон вел свою армию в ловушки, расставленные Мольтке. 29-го, застигнутый врасплох и разбитый в Бомон-л'Аргонне, он понял, что перегнул палку, и все же двинулся вперед. 27-го Паликао написал ему: "Если вы откажетесь от Базена, у нас будет революция в Париже". И, чтобы предотвратить Революцию, он разоблачил Францию. 30-го он бросил свои войска в яму под Седаном; 1 сентября армия была окружена 200 000 врагами, а высоты были увенчаны 700 пушками. На следующий день Наполеон III. передал свою шпагу королю Пруссии. Об этом сообщил телеграф; в ту же ночь об этом узнала вся Европа. Депутаты, однако, хранили молчание; оно сохранялось и 3-го числа. Только 4-го числа, в полночь, после того как Париж пережил день лихорадочного возбуждения, они решились заговорить. Жюль Фавр потребовал упразднения Империи и создания Комиссии, отвечающей за защиту, но позаботился о том, чтобы не затрагивать Палату представителей. В течение дня несколько неугоминых людей пытались поднять мосты на бульварах, а вечером взволнованная толпа прижалась к ограде Законодательного корпуса, крича: "Да здравствует Республика". Гамбетта встретил их и сказал: "Вы ошибаетесь; мы должны оставаться едиными; не устраивать революции". Жюль Фавр, окруженный при выходе из Палаты, пытался успокоить народ.

Если бы Париж руководствовался левыми, Франция капитулировала бы в тот же час более позорно, чем Наполеон III. Но утром 4 сентября собираются люди, и среди них национальные гвардейцы, вооруженные мушкетами. Изумленные жандармы уступают им дорогу. Мало-помалу Легислатурный корпус захвачен. В десять часов, несмотря на отчаянные усилия левых, толпа заполняет галереи. Время пришло. Палата представителей, собирающаяся сформировать министерство, пытается захватить власть. Левые всеми силами поддерживают эту комбинацию, возмущаясь простым упоминанием Республики. Когда с галерей раздается этот крик, Гамбетта предпринимает неслыханные усилия и призывает народ дожидаться результата обсуждений в Палате, результата, известного заранее. Это проект М. Тьер: правительственная комиссия, назначенная Собранием; мир требовался и принимался любой ценой; после этого позора - парламентская монархия. К счастью, новая толпа захватчиков врывается в двери, в то время как обитатели галерей скользят в зал. Народ изгоняет депутатов. Гамбетта, вынужденный подняться на трибуну, обязан объявить об упразднении Империи. Толпа, желая большего, требует Республики и уводит депутатов, чтобы провозгласить ее в Ратуше.

Это уже было в руках народа. В зале дю Трон были некоторые из тех, кто в течение месяца пытался разбудить общественное мнение. Во-первых, на местах они могли бы, проявив немного дисциплины, повлиять на формирование правительства. Выступление левых застало их врасплох, и, подстрекаемый одобрительной толпой, Жюль Фавр занял кресло, которое ему уступил Мильер, сказав: "В настоящий момент на карту поставлено только одно дело — изгнание пруссаков".[4] Жюль Фавр, Жюль Симон, Жюль Ферри, Гамбетта, Кремье, Эммануэль Араго, Глебизуан, Пеллетан, Гарнье-Паж, Пикар, объединившись, провозгласили себя правительством и зачитали свои имена толпе, которая в ответ добавила имена таких людей, как Делеклюз, Ледрю-Роллен, Бланки. Они, однако, заявили, что не примут никаких коллег, кроме депутатов Парижа. Толпа заплодировала. Это безумие только что освобожденных крепостных сделало левых хозяевами. Они были достаточно умны, чтобы признать Рошфора.

Затем они обратились к генералу Трошю, назначенному Наполеоном губернатором Парижа. Этот генерал стал кумиром либералов, потому что немного обижался на Империю.[5] Вся его военная слава заключалась в нескольких брошюрах. Левые много видели его во время последнего кризиса. Придя к власти, они умоляли его руководить обороной. Он просил, во-

первых, место для Бога в новом режиме; во-вторых, для себя пост председателя совета. Он получил все. Будущее покажет, какие тайные узы так быстро объединили левых с верным бретонцем, который пообещал "умереть на ступенях Тюильри, защищая династию". [6]

Таким образом, Францией завладели двенадцать человек. Они не пользовались никаким другим титулом, кроме своего мандата представителей Парижа, и объявили себя легитимными путем народного одобрения.

Вечером Интернационал и синдикаты рабочих прислали делегатов в Отель-де-Виль. В тот же день они послали новое обращение к немецким рабочим. Выполнив свой братский долг, французские рабочие отдались обороне. Позвольте правительству организовать это, и они будут придерживаться этого. Самых подозрительных задержали. 7-го числа, в первом номере своей газеты "*Отечество в опасности*", Бланки и его друзья предложили правительству свое самое энергичное, безоговорочное сотрудничество.

Весь Париж отдался людям из Отель-де-Виль, забыв об их недавнем дезертирстве, наделив их величием опасности. Захватить, монополизировать правительство в такой момент казалось дерзостью, на которую способен только гений. Париж, лишенный на восемьдесят лет своих муниципальных свобод, принял на пост мэра лакримоза Этьена Араго. В двадцати округах он назначил мэров, которые ему понравились, и они снова назначили адъюнктов, которые были им по душе. Но Араго объявил досрочные выборы и говорил о возрождении великих дней 1792 года. В этот момент Жюль Фавр, гордый, как Дантон, крикнул Пруссии, Европе: "Мы не уступим ни пяди наших территорий, ни камня из наших крепостей", и Париж восторженно зааплодировал этой диктатуре, заявившей о себе столь героическими словами. 14-го, когда Трошю проводил смотр Национальной гвардии, 250 000 человек, размещенных на бульварах, площади Согласия и Елисейских полях, восторженно приветствовали его и повторили обет, подобный обету их отцов утром в Вальми.

Да, Пэрис отдалась без остатка — с неизлечимой уверенностью — тем же самым Левым, к которым она была вынуждена прибегнуть к насилию, чтобы совершить свою революцию. Ее вспышка воли длилась всего час. После того, как империя была свергнута, она повторно отреклась от престола. Напрасно дальновидные патриоты пытались держать ее в боевой готовности; напрасно Бланки писал: "Париж не более неприступен, чем мы были непобедимы. Париж, сбитый с толку хвастливой прессой, игнорирует величие опасности; Париж злоупотребляет доверием". Париж отдалась своим новым хозяевам, упрямо закрыв глаза. И все же каждый день приносил с собой новые дурные предзнаменования. Тень осады приближалась, и правительство обороны, далекое от того, чтобы убрать лишних ртов, согнало 200 000 жителей пригородов в город. Внешние работы не продвигались. Вместо того чтобы бросить на работу весь Париж и вывести этих потомков выравнивателей Марсова поля из окружения войсками численностью в 100 000 человек, с барабанным боем и развевающимися знаменами, Трошю предоставил земляные работы обычным подрядчикам. Высоты Шатийона, ключа к нашим фортам на юге, едва были обследованы, когда 19-го появился враг, смета с плато перепуганный отряд зуавов и солдат, не желавших сражаться. На следующий день тот Париж, который, как объявила пресса, не мог быть захвачен, был окружен и отрезан от Франции.

Это вопиющее невежество очень скоро встревожило революционеров. Они обещали свою поддержку, но не слепую веру. Начиная с 4 сентября, желая централизовать силы партии действия для защиты и поддержания Республики, они предложили общественным собраниям в

каждом округе назначить Комитет бдительности, которому поручено контролировать мэров, и делегировать четырех членов в Центральный комитет двадцати округов. Результатом такого бурного процесса выборов стал комитет, состоящий из рабочих, служащих, писателей, известных в революционных движениях последних лет. Этот комитет обосновался в холле на улице Кордери, предоставленном Интернационалом и Федерацией синдикатов.

Они практически приостановили свою работу, служба в Национальной гвардии поглотила всю их деятельность. Некоторые из их членов снова встретились в Комитете бдительности и в Центральном комитете, что привело к тому, что последний был ошибочно отнесен к Интернационалу. 4-го числа он потребовал манифестом избрания муниципалитетов, передачи в их руки полиции, избрания всех магистратов и контроля над ними, абсолютной свободы печати, публичных собраний и ассоциаций, экспроприации всех предметов первой необходимости, распределения их по пособиям, вооружения всех граждан, отправки комиссаров для поднятия провинций. Но Париж тогда был заражен приступом самоуверенности. Буржуазные газеты объявили комитет прусским. Имена некоторых подписантов были, однако, хорошо известны на собраниях и прессе: Ранвье, Мильер, Лонге, Вальес, Лефрансе, Маллон и др. Их плакаты были сорваны.

20-го числа, после обращения Жюль Фавра к Бисмарку, Комитет провел большое собрание в Алькасаре и направил депутацию в Отель-де-Виль с требованием войны *вне закона* и досрочных выборов в Парижскую коммуну. Жюль Ферри дал честное слово, что правительство не пойдет на уступки ни за какие деньги, и объявил о муниципальных выборах в конце месяца. Через два дня указом они были отложены на неопределенный срок.

Таким образом, это правительство, которое за семнадцать дней ничего не подготовило, которое позволило окружить себя даже без борьбы, отвергло совет Парижа и более чем когда-либо присвоило себе право руководства обороной. Владело ли оно тогда секретом победы? Трошю только что сказал: "Соппротивление - это героическое безумие"; Пикар: "Мы будем защищаться ради чести, но всякая надежда химерична"; элегантный Кремье: "Пруссаки войдут в Париж, как нож в масло"; [7] начальник штаба Трошю: "Мы не можем защищаться; мы решили не защищаться"; [8] и вместо того, чтобы честно предупредить Париж, сказав: "Немедленно капитулируйте или ведите бой сами", эти люди, объявившие оборону невозможной, заявили о ее безраздельном руководстве.

Какова же тогда их цель? Вести переговоры. После первых поражений у них нет другой. Неудачи, которые возвеличили наших отцов, только сделали левых более трусливыми, чем империалистические депутаты. 7 августа Жюль Фавр, Жюль Симон и Пеллетан сказали Шнайдеру: "Мы не можем держаться; мы должны прийти к соглашению как можно скорее". [9] Все последующие дни у левых был только один политический план — призвать Палату представителей взять правительство в свои руки для переговоров, надеясь впоследствии занять свой пост. Едва установив это, эти защитники послали М. Тьер по всей Европе умолял о мире, а Жюль Фавр бежал за Бисмарком, чтобы спросить его условий, [10] — шаг, который показал пруссаку, с какими трепещущими людьми ему пришлось иметь дело.

Когда весь Париж крикнул им: "Защитите нас, отбросьте врага", они заплодировали, согласились, но сказали себе: "Вы должны капитулировать". В истории не было более вопиющего предательства. Ослиная самоуверенность подавляющего большинства не более

уменьшает преступление, чем глупость простофили оправдывает мошенника. Предали ли люди 4 сентября, да или нет, полученный ими мандат? "Да", - таков будет вердикт будущего.

Негласный мандат, это правда, но такой ясный, такой формальный, что весь Париж вздрогнул при известии о разбирательстве в Ферьерсе. Если бы защитники продвинулись еще на шаг, они были бы сметены. Они были вынуждены прервать заседание, уступить место тому, что они называли "безумием осады", имитировать оборону. На самом деле они ни на час не оставляли своей идеи, считая себя единственными людьми в Париже, которые не потеряли головы.

"Борьба будет, раз уж так захотели парижане, но только с целью смягчить Бисмарка". Говорят, что по возвращении с смотра эта сцена обнадеживающего энтузиазма, проявленного 250 000 вооруженных людей, подействовала на Трошю, который объявил, что, возможно, удастся удержать крепостные валы.^[11] Таков был максимум его энтузиазма: продержаться - не открывать ворота. Что касается обучения или организации этих 250 000 человек, объединения их с 240 000 мобилей, солдат и морской пехоты, собранных вместе в Париже, и формирования всеми этими силами мощного бича, способного отбросить врага обратно к Рейну, то об этом он и не мечтал. Его коллеги мало думали об этом и обсуждали с ним только те более или менее придирки, на которые они могли бы отважиться с прусским захватчиком.

Он был за мягкое разбирательство. Его набожность запрещала ему проливать бесполезную кровь. Поскольку, согласно всем военным наставлениям, великий город должен был пасть, он хотел сделать это падение как можно менее кровавым. Кроме того, возвращение М. Тьера, который мог в любой момент вернуть мирный договор, ждали. Предоставив врагу спокойно обосноваться вокруг Парижа, Трошю организовал несколько стычек для посторонних глаз. Единственное серьезное сражение произошло 30-го числа при Шевилли, когда после успеха мы отступили, бросив батарею из-за отсутствия подкреплений и команд. Общественное мнение, все еще обманутое теми же людьми, которые кричали "Берлин!", верило в успех. Не были обмануты только революционеры. Капитуляция Туля и Страсбурга была для них торжественным предупреждением. Флуранс, командир 63-го батальона, но который был настоящим командиром Бельвиля, больше не мог сдерживаться. С головой и сердцем ребенка, пылким воображением, руководствуясь только собственным порывом, Флуранс повел свои батальоны к Ратуше, потребовал массовой осады, вылазок, муниципальных выборов и перевода города на скудный паек. Трошю, который, чтобы позабавить его, дал ему титул майора крепостного вала, произнес сложную речь; двенадцать апостолов поспорили с ним и в конце концов выпроводили его. Когда делегаты съехались со всех сторон, требуя, чтобы Париж высказался в свою защиту, назначил совет, свою коммуну, правительство 7-го заявило, что их достоинство запрещает им уступить этим требованиям. Эта дерзость вызвала движение 8 октября. Комитет двадцати округов выразил протест энергичным плакатом. Семьсот или восемьсот человек кричали "Да здравствует коммуна" под окнами Ратуши. Но толпа еще не потеряла веру. Большое количество батальонов поспешило на помощь; правительство провело с ними смотр. Жюль Фавр открыл шлюзы своей риторики и объявил выборы невозможными, потому что — неопровержимая причина! — все должны быть на крепостном валу.

Большинство с жадностью заглотило наживку. 16-го Трошю написал своему закадычному другу Этьену Араго: "Я буду следовать плану, который я наметил для себя, до конца", - и "бездельники" объявили о победе и возложили бремя своей Величественной песни на Базена: "Оставьте его в покое; у него есть свой план". Агитаторы были похожи на пруссаков, поскольку Трошю, как

хороший иезуит, не преминул упомянуть о "небольшом количестве людей, чьи преступные взгляды служат планам врага". Затем Пэрис позволила себе в течение всего октября убаюкивать себя под звуки успешных экспедиций, которые всегда заканчивались отступлениями. 13-го мы взяли Банье, и энергичная атака отбила бы у нас Шатийон: у Трошю не было резервов. 21-го марш на Мальмезон выявил слабость капиталовложений и посеял панику даже в Версале. Вместо того чтобы продвигаться вперед, генерал Дюкро задействовал всего шесть тысяч человек, и противник отбил его, захватив две пушки. Правительство превратило эти отражения в успешные разведки и чеканило деньги на депешах Гамбетты, который, отправленный в провинции 8-го числа, объявил о воображаемых армиях и опьянил Париж рассказом о блестящей обороне Шатодена.

Мэры поощряли это приятное доверие. Они сидели в Ратуше со своими помощниками, и это Собрание из шестидесяти четырех членов могло бы ясно увидеть, в чем заключалась Защита, если бы у них хватило хоть малейшей смелости. Но она состояла из тех либералов и республиканцев, последним выражением которых являются Левые. Время от времени они стучались в дверь правительства, робко допрашивали его и получали лишь туманные заверения, в которые сами не верили,^[12] но прилагали все усилия, чтобы заставить Париж поверить.

Но в "Кордери", в клубах, в газете Бланки, в *Ревеле* Делеклюза, в *Схватке* Феликса Пая раскрывается план людей из Отель-де-Виль. Что означают эти частичные вылазки, которые никогда не продолжаются? Почему Национальная гвардия плохо вооружена, неорганизована, отстранена от участия в любых военных действиях? Почему не ведется отливка пушек? Шесть недель пустой болтовни и бездействия не могут оставить ни малейшего сомнения в недееспособности или недоброжелательности правительства. Эта же мысль занимает умы всех. Пусть скептики уступят место тем, кто верит в Оборону; пусть Париж вновь овладеет собой; пусть возродится Коммуна 1792 года, чтобы снова спасти город и Францию. С каждым днем это решение все глубже проникает в мужественные умы. 27-го "*Битва*", проповедовавшая коммуны высокопарной фразеологией, музыкальный ритм которой поражал массы больше, чем нервная диалектика Бланки, разражается ужасающей молнией. "Базен собирается сдать Мец, чтобы вести переговоры о мире от имени Наполеона III; его адъютант находится в Версале". Отель-де-Виль немедленно опроверг эту новость, назвав ее "столь же позорной, сколь и ложной". Славный солдат Базен не переставал беспокоить осаждающую армию блестящими вылазками". Правительство призвало журналиста к "наказанию общественного мнения". В ответ на это обращение парижские беспилотники зажужжали, сожгли журнал и разорвали бы журналиста на куски, если бы он не сбежал. На следующий день *Бойцы* заявили, что у них есть заявление Рошфора, которому Флуранс передал его. Последовали другие осложнения. 20-го числа неожиданность сделала нас хозяевами Бурже, деревни на северо-востоке Парижа, а 29-го генеральный штаб объявил этот успех триумфом. Целый день это оставляло наших солдат без еды, без подкрепления, под огнем пруссаков, которые, вернувшись 30-го числа в составе 15 000 человек, отбили деревню у ее 1600 защитников. 31 октября проснувшийся Париж получил известие о трех бедствиях: потере Бурже, капитуляции Меца вместе со всей армией "славного Базена" и прибытии М. Тьер с целью переговоров о перемирии.

Люди 4 сентября верили, что они спасены, что их цель достигнута. Они разместили плакаты о перемирии рядом с капитуляцией, "хорошие и плохие новости",^[13] убежденные, что Париж, отчаявшийся в победе, примет мир с распростертыми объятиями. Париж вздрогнул, как от

удара электрическим током, одновременно всколыхнув Марсель, Тулузу и Сент-Этьен. Возмущение было таким стихийным, что с одиннадцати часов, под проливным дождем, массы людей пришли к Ратуше с криками "Нет перемирию". Несмотря на сопротивление толпы, защищавшей вход, они ворвались в вестибюль. Араго и его помощники поспешили туда, клянясь, что правительство изнуряет себя попытками спасти нас. Первая толпа удалилась; за ней последовала вторая. В двенадцать часов Трошю появился у подножия лестницы, думая отделаться речью; в ответ ему раздались крики: "Долой Трошю". Жюль Симон сменил его и, уверенный в своей риторике, даже вышел на площадь перед Ратушей и принялся рассуждать об удобствах перемирия. Люди кричали "Никакого перемирия". Ему удалось отступить, только попросив толпу назвать шестерых делегатов, которые должны были сопровождать его в Отель-де-Виль. Их получили Трошю, Жюль Фавр, Жюль Ферри и Пикар. Трошю в эпоху Цицерона демонстрировал бесполезность Бурже и делал вид, что он только что узнал о капитуляции Меца. Чей-то голос крикнул: "Ты лжец". Незадолго до этого в зал вошла депутация от Комитета двадцати округов и Комитетов бдительности. Другие, желая подзадорить Трошю, предложили ему продолжить свою речь. Он возобновил выступление, когда на площади раздался выстрел, положивший конец монологу и отпугнувший оратора. Когда спокойствие восстановилось, Жюль Фавр занял место генерала и подхватил нить его речи.

В то время как в зале дю Трон происходили эти сцены, мэры, которые так долго были сообщниками Трошю, совещались в зале муниципального совета. Чтобы подавить беспорядки, они предложили провести выборы в муниципалитеты, сформировать батальоны Национальной гвардии и присоединить их к армии. Козла отпущения Этьена Араго послали предложить правительству это спасительное средство. В два часа огромная толпа заполонила площадь Отель-де-Виль, крича: "Долой Трошю! Да здравствует Коммуна!" и несли транспаранты с надписью "Никакого перемирия". Они несколько раз вступали в столкновения с мобилиями. Делегаты, вошедшие в Отель-де-Виль, ничего не ответили. Около трех часов утра толпа, теряя терпение, бросилась вперед, прорвалась сквозь толпу и вынудила Феликса Пая, пришедшего в Отель-де-Виль в качестве экскурсанта, пройти в Мэрский зал. Он восклицал, вырывался, протестовал, что это против всех правил. Мэры поддержали его, как могли, и объявили, что они потребовали проведения выборов в муниципалитеты и что соответствующий указ вот-вот будет подписан. Толпа, продолжая продвигаться вперед, поднимается в Тронный зал, прерывая речь Жюля Фавра, который присоединился к своим коллегам в зале заседаний правительства.

Пока люди ломились в двери, Защитники проголосовали за предложение мэров — но в принципе — не назначая дату выборов,^[14] — еще один иезуитский трюк. К четырем часам в зал ворвалась толпа. Рошфор напрасно обещал муниципальные выборы. Они просили Коммуну! Один из делегатов Комитета двадцати округов, взявшись за стол переговоров, провозгласил упразднение правительства. Комиссии было поручено провести выборы в течение сорока восьми часов. Имена Дориана, единственного министра, который близко к сердцу принял защиту, Луи Блана, Ледрю-Роллена, Виктора Гюго, Распая, Делеклюза, Феликса Пая, Бланки и Мильера были встречены одобрительными возгласами.

Если бы эта Комиссия воспользовалась властью, очистила Отель-де-Виль, вывесила воззвание о созыве избирателей с наименьшей задержкой, дневная работа была бы успешно завершена. Но Дориан отказался. Луи Блан, Виктор Гюго, Ледрю-Роллен, Распай, Феликс Пай промолчали или вообще поджали хвост. У Флуранса было время подойти. Он ворвался в собрание со своими тиральерами из Бельвиля, сел за стол, за которым собрались члены правительства, и вместо

коммуны предложил создать Комитет общественного спасения. Одни аплодировали, другие протестовали, заявляя, что речь не идет о замене одного вида диктатуры другим. Флуранс взял верх, прочитал имена, сначала свое собственное, затем Бланки, Делеклюза, Мильера, Ранвье, Феликса Пая и Мотту. Последовали нескончаемые дискуссии, беспорядок стал ужасным. Бойцы 4 сентября чувствовали, что они спасены, и улыбались, глядя на завоевателей, которые позволили победе ускользнуть у них из рук.

С тех пор все оказались вовлечены в неразрешимую путаницу. В каждом зале было свое правительство, свои ораторы. Неразбериха была такой, что около восьми часов реакционным национальным гвардейцам удалось под носом у Флуранса схватить Трошу и Жюль Ферри, в то время как другие увели Бланки, когда несколько французов попытались его спасти. В кабинете мэра Этьен Араго и его помощники созвали выборщиков на следующий день под председательством Дориана и Шельхера. К десяти часам их плакат был развешан по Парижу.

Весь день Пэрис наблюдала за происходящим. "Утром 31 октября, - рассказывает Жюль Ферри, - население Парижа, от высшего до низшего, было настроено к нам абсолютно враждебно.^[15] Все думали, что мы заслуживаем увольнения ". Батальоны Трошу не только не шелохнулись, но и один из лучших, приведенный на помощь правительству генералом Тамизье, главнокомандующим Национальной гвардией, поднял приклад своего ружья, когда прибыл на площадь Отель-де-Виль. Вечером все изменилось, когда стало известно, что члены правительства были заключенными, и прежде всего те, кто их заменял. Мера показалась слишком суровой. Такой человек, который мог бы принять Ледрю-Роллена или Виктора Гюго, не смог бы решиться на Флуранса и Бланки.^[16] Напрасно весь день били барабаны; вечером они доказали свою эффективность. Батальоны непокорных утром прибыли на Вандомскую площадь, большинство из них, правда, верили, что выборы состоялись; собрание офицеров на бирже согласилось дожидаться обычного голосования только благодаря плакату Дориана и Шельхера. Трошу и дезертиры из Ратуши снова обрели свою верную паству. Ратуша, с другой стороны, пустела.

Большинство батальонов Коммуны, считая свое дело победоносным, вернулись в свои квартиры. В здании оставалось едва ли тысяча безоружных людей, единственными солдатами были неуправляемые тирайлеры Флуранса, пока он бродил взад и вперед среди этой толпы. Бланки подписывал и еще раз подписывал. Делеклюз попытался сохранить некоторые остатки этого великого движения. Он встретился с Дорианом, получил официальное заверение, что выборы в коммуне состоятся на следующий день, а выборы Временного правительства - послезавтра; зафиксировал эти заверения в записке, в которой повстанческий комитет заявил о своем желании дожидаться выборов, и подписал ее Мильером, Флурансом и Бланки. Мильер и Дориан отправились передать этот документ представителям Защиты. Мильер предложил им вместе покинуть Отель-де-Виль, одновременно поручив Дориану и Шельхеру продолжить выборы, но при четком условии, что не будет судебного преследования. Представители защиты согласились,^[17] и Мильер как раз говорил им: "Джентльмены, вы свободны", когда Национальные гвардейцы попросили предоставить письменные обязательства. Заключенные возмутились тем, что их слово подвергли сомнению, в то время как Мильер и Флуранс не смогли заставить охранников понять, что подписи иллюзорны. Во время этой смертельной анархии батальоны охраны порядка становились все больше, и Жюль Ферри атаковал дверь, ведущую на площадь Лобау. Делеклюз и Дориан сообщили ему о договоренности, которая, по их мнению, была достигнута, и уговорили его подождать. В три часа ночи все еще царил хаос. На площади

Отель-де-Виль били барабаны Трошу. Батальон бретонских мобилей ворвался в Отель-де-Виль через подземный ход казарм Наполеона, застал врасплох и обезоружил многих тирайлеров. Жюль Ферри ворвался в кабинет министров. Недисциплинированная масса не оказала сопротивления. Жюль Фавр и его коллеги были освобождены. Когда бретонцы стали угрожающими, генерал Тамизье напомнил им о соглашении, заключенном вечером, и, в качестве залога взаимного забвения, покинул Отель-де-Виль между Бланки и Флурансом. Трошу шествовал по улицам среди помпезного великолепия своих батальонов.

Таким образом, этот день, который мог бы поддержать Оборону, закончился ничем. Беспорядочность, недисциплинированность патриотов вернули правительству его безупречный сентябрьский характер. В ту же ночь оно воспользовалось этим, чтобы сорвать плакаты Дориана и Шельхера; оно назначило муниципальные выборы на 5-е число, но взамен потребовало проведения плебисцита, поставив вопрос в империалистическом стиле: "Те, кто хочет сохранить правительство, проголосуют за". Тщетно Комитет двадцати округов издавал манифест; тщетно "*Reveil*", "*Patrie en Danger*", "*Combat*" перечисляли сотни причин, по которым необходимо было ответить "*Hem*". Через шесть месяцев после плебисцита, который привел к войне, подавляющее большинство Парижа проголосовало за плебисцит, который привел к капитуляции. Пусть Париж помнит и обвиняет себя. Из страха перед двумя или тремя мужчинами она открыла новый кредит этому правительству, которое добавило неспособности к наглости, и сказала ему: "Я хочу тебя" 322 000 раз. Армия, мобильные телефоны, сказали 237 000 "за". Было всего 54 000 гражданских лиц и 9000 солдат, которые смело сказали "*нет*".

Как случилось, что эти 60 000 человек, столь дальновидных, расторопных и энергичных, не смогли направить общественное мнение в нужное русло? Просто потому, что им не хватало кадров, метода, организаторов. Лихорадка осады не смогла дисциплинировать революционную партию, находившуюся в таком ужасном замешательстве несколько недель назад, да и патриархи 1848 года не пытались этого сделать. Якобинцы, такие как Делеклюз и Бланки, вместо того чтобы руководить народом, жили в узком кругу друзей. Феликс Пят, колебавшийся между простыми идеями и литературной эпилепсией, стал практичным только[18] когда ему пришлось спасти свою шкуру. Остальные, Ледрю-Роллен, Луи Блан, Шельхер, надежда республиканцев при Империи, вернулись из изгнания мелкими, изможденными, насквозь прогнившими от тщеславия и эгоизма, без мужества или патриотизма, презирая социалистов. Якобинские щеголи, называвшие себя радикалами, Флоке, Клемансо, Бринон и другие политики-демократы тщательно держались в стороне от рабочих. Старые монтаньяры сами сформировали собственную группу и никогда не входили в Комитет двадцати округов, которому нужны были только метод и политический опыт, чтобы стать силой. Так что это был всего лишь центр эмоций, а не направления — секция Гравильеров 1870-71 годов, смелая, красноречивая, но, как и ее предшественница, трактовавшая все в манифестах.

Там, по крайней мере, была жизнь, лампа, не всегда яркая, но всегда горящая. Какой вклад вносит сейчас небольшой средний класс? Где их якобинцы, даже их кордельеры? В Кордери я вижу пролетариат небольшого среднего класса, людей пера и ораторов, но где основная часть армии?

Все молчит. За исключением предместий, Париж был огромной больничной палатой, где никто не осмеливался говорить громче своего дыхания. Это моральное отречение является истинным психологическим феноменом осады, тем более необычным, что оно сосуществовало с замечательным рвением к сопротивлению. Мужчины, которые говорят о том, что пойдут искать смерти со своими женами и детьми, которые говорят: "Мы скорее сожжем наши дома, чем сдадим их врагу",^[19] злятся на любые споры о власти, вверенной мужчинам в Отель-де-Виль. Если они боятся легкомысленных, фанатиков или компрометирующих коллаборационистов, почему они не берут руководство движением в свои руки? Но они ограничиваются тем, что кричат: "Никакого восстания перед врагом! Никаких фанатиков!", как будто капитуляция была лучше восстания; как будто 10 августа 1792 года и 31 мая 1793 года не были восстаниями перед врагом; как будто не было ничего среднего между отречением от престола и бредом. И вы, граждане старых секций 1792-93 годов, которые давали идеи Конвенту и Коммуне, которые диктовали им средства обеспечения безопасности, которые руководили клубами и братскими обществами, содержали в Париже сотни светящихся центров, скажите, узнаете ли вы своих отпрысков в этих чайках, слабаках, завидующих народу, падающих ниц перед левыми, как преданные перед воинством?

5-го и 7-го числа они возобновили свое плебисцитарное голосование, назначив двенадцать из двадцати мэров, названных Араго, четверо из них, Дюбай, Вотрен, Тирар и Демаре, принадлежали к чистой реакции. Большая часть адъюнктов принадлежала к либеральному типу. Жители предместья, всегда находившиеся на своем посту, избрали Делеклюза в девятнадцатом округе, а Ранвье, Мильера, Лефрансе и Флуранса - в двадцатом. Эти последние не смогли занять свои места. Правительство, нарушив конвенцию Дориана и Тамизье, выдало ордера на их арест и арест примерно двадцати других революционеров.^[20] Таким образом, из семидесяти пяти действительных членов парламента, мэров и адъюнктов не было и десяти революционеров.

Эти тени муниципальных советников считали себя распорядителями Защиты, запрещали себе задавать нескромные вопросы, вели себя наилучшим образом, кормили и лечили пациента Трошю. Они позволили назначить наглого и неспособного Ферри в центральную мэрию, а Клемана-Тома, палача июня 1848 года, назначить главнокомандующим Национальной гвардией. В течение семидесяти дней, чувствуя, как час от часа слабеет пульс Парижа, у них так и не хватило честности, мужества сказать правительству: "Куда вы нас ведете?"

В начале ноября ничего не было потеряно. Армия, мобильные подразделения, морская пехота насчитывали, согласно результатам плебисцита, 246 000 человек и 7500 офицеров: 125 000 национальных гвардейцев, способных вести кампанию, легко могли быть отобраны в Париже, а 129 000 оставлены для обороны внутренних дел.^[21] Необходимое вооружение могло быть доставлено за несколько недель, особенно пушки, каждый лишал себя хлеба, чтобы снабдить свой батальон пятью орудиями, традиционной гордостью парижан. "Где найти 9000 артиллеристов?" сказал Трошю. Да ведь в каждом парижском механике есть задатки артиллериста, что в достаточной степени доказала Коммуна. Во всем остальном наблюдался тот же переизбыток. Париж кишел инженерами, надзирателями, бригадирами, из которых, возможно, готовили офицеров. Там впустую валялись все материалы для победоносной армии.

Подагрические солдафоны регулярной армии не видели здесь ничего, кроме варварства. Этот Париж, для которого Гош, Марсо, Клебер не были бы ни слишком молодыми, ни слишком

верными, ни слишком чистыми, имел в качестве генералов остатки Империи и орлеанизма, декабристского Виноя, Дюкро, Лузанна, Лефло и такое ископаемое, как Шабо-Латур. В своей приятной близости они много смеялись над защитой.^[22] Обнаружив, однако, что шутка затянулась, 31 октября привело их в ярость. Они питали непримиримую, бешеную ненависть к Национальной гвардии и до последнего часа отказывались использовать ее.

Вместо того, чтобы объединить силы Парижа, придать всем одинаковым *кадрам* одинаковую форму, одинаковый флаг и гордое название Национальной гвардии, Трошю сохранил три подразделения: армию, мобильную армию и гражданское население. Это было естественным следствием его мнения об обороне. Армия, подстрекаемая штабом, разделяла его ненависть к Парижу, который, как говорили, навязал ей бесполезную униформу. Провинциальная чернь, подталкиваемая своими офицерами, лучшими оруженосцами страны, также озлобилась. Все, видя презрение к Национальной гвардии, презирали ее, называя их "*Возмутителями спокойствия! Les trente sous!*" (После осады парижане получили тридцать су-1. 2½ доллара. — в качестве контрибуции.) Столкновений следовало опасаться каждый день.^[23]

31 октября ничего не изменило в реальном положении дел. Правительство прервало переговоры, которые, несмотря на их победу, они не могли вести без провала, издало указ о создании маршевых рот в Национальной гвардии и ускорило установку пушек, но, ни на йоту не веря в оборону, все же стремилось к миру. Беспорядки были главной темой их забот.^[24] Они хотели спасти Париж не только от "безумия осады", но прежде всего от революционеров. В этом направлении их подталкивала крупная буржуазия. Перед 4 сентября последние заявили, что они "не стали бы сражаться, если бы рабочий класс был вооружен и если бы у него был хоть какой-то шанс одержать верх".^[25] Вечером 4 сентября Жюль Фавр и Жюль Симон отправились в Законодательный корпус, чтобы успокоить их, объяснить им, что новые жильцы не нанесут ущерба дому. Но непреодолимая сила событий снабдила пролетариат оружием, и сделать его неэффективным в их руках стало теперь высшей целью буржуазии. В течение двух месяцев они выжидали своего часа, и плебисцит сообщил им, что он настал. Трошю удерживал Париж, и духовенство удерживало Трошю тем теснее, что он считал себя послушным только своей совести. Странное сознание, полное потайных ходов, с большим количеством сложностей, чем в театре. С 4 сентября генерал считал своим долгом обмануть Париж, сказав: "Я сдам тебя, но это для твоего же блага". После 31 октября он поверил в двоякость своей миссии — увидел в себе архангела, Святого Михаила общества, находящегося под угрозой. Это знаменует второй период защиты. Возможно, это связано с кабинетом министров на Почтовой улице, поскольку главы духовенства яснее, чем кто-либо другой, понимали опасность привлечения рабочих к войне. Их интриги были полны коварства. Яростные реакционеры испортили бы все, подтолкнув Париж к революции. Они применяли тонкие уловки в своей подземной работе, наблюдая за каждым движением Трошю, разжигая его антипатию к Национальной гвардии, проникая повсюду - в генеральный штаб, машины скорой помощи, даже в мэрию. Подобно рыбаку, борющемуся со слишком крупной добычей, они сбили Пэрис с толку, теперь, очевидно, позволив ей плавать в своей стихии, чем внезапно ослабили ее из-за гарпуна. 28 ноября Трошю впервые выступил под аккомпанемент полного оркестра. Генерал Дюкро, который командовал, представился как Леонидас: "Я приношу присягу перед вами, перед всей нацией. Я вернусь в Париж мертвым или победителем. Вы можете увидеть, как я паду; вы никогда не увидите, как я отступлю". Это заявление возвысило Париж. Она воображала себя накануне Жемаппа, когда парижские добровольцы взобрались на высоты, защищенные артиллерией; на этот раз в сражении должна была принять участие Национальная гвардия.

Мы должны были пробить брешь у Марны, чтобы присоединиться к мифическим армиям провинций, и переправиться через реку у Ножана. Инженер Дюкро плохо принял свои меры; мосты были в ненадлежащем состоянии. Пришлось ждать до следующего дня. Противник, вместо того чтобы быть застигнутым врасплох, смог перейти к обороне. 30-го энергичная атака сделала нас хозяевами Шампиньи. На следующий день Дюкро бездействовал, в то время как враг, позорящий Версаль, накапливал свои силы у Шампиньи. 2-го числа они отвоевали часть деревни. Весь день мы вели ожесточенные бои. Бывшие депутаты от левых сил были представлены на поле боя письмом своему "очень дорогому президенту". В тот вечер мы разбили лагерь на наших позициях, но наполовину замерзли, "дорогой президент" приказал оставить одеяла в Париже, и мы отправились в путь — доказательство того, что все это было сделано в насмешку — без палаток и машин скорой помощи. На следующий день Дюкро объявил, что мы должны отступать, и "перед Парижем, перед всей нацией" этот обесчещенный хвостун объявил об отступлении. У нас было 8000 убитых или раненых из 100 000 человек, которые были отправлены, и из 50 000 сражавшихся.

В течение двадцати дней Трошю почивал на лаврах. Клеман-Томас воспользовался этим свободным временем, чтобы распустить и заклеить тирайлеров Бельвиля, в рядах которых, однако, было много убитых и раненых. На основании простого доклада командующего Венсеннским генералом он также заклеил позором 200-й батальон. Флуранс был арестован. 20 декабря эти бешеные чистильщики наших собственных рядов согласились немного повнимательнее отнестись к пруссакам. "Мобили Сены" были пущены без пушек против стен Пятен и в атаку на Бурже. Враг встретил их сокрушительным артиллерийским огнем. Преимущество, полученное Виллем-Эвваром справа, не было реализовано. Солдаты возвращались в величайшем смятении, некоторые из них кричали: "Да здравствует мир!" Каждое новое предприятие нарушало план Трошю, ослабляло войска, но никак не влияло на мужество сражавшихся национальных гвардейцев. В течение двух дней на плато Д'Орон они выдержали огонь шестидесяти орудий. Когда было много убитых, Трошю обнаружил, что позиция не имеет значения, и эвакуировался.

Эти повторяющиеся облавы начали подрывать доверчивость Парижа. С каждым часом уколы голода усиливались, и конина стала деликатесом. Собаки, кошки и крысы были жадно съедены. Женщины часами ждали на холоде и в грязи, чтобы получить пособие на голодную смерть. Вместо хлеба им давали черную кашу, от которой мучился желудок. Дети умирали на пустой груди своих матерей. Древесина ценилась на вес золота, и беднякам оставалось только разогревать депеши Гамбетты, неизменно сообщавшие о фантастических успехах.^[26] В конце декабря у людей начали открываться глаза на их лишения. Должны ли они были сдаться, сохранив оружие в целости и сохранности?

Мэры не шелохнулись. Жюль Фавр устраивал для них еженедельные приемы, на которых они сплетничали о кухне времен осады.^[27] Только один выполнил свой долг — Делескюз. Он приобрел большой авторитет благодаря своим статьям в "*Ревель*", столь же беспристрастным, сколь и суровым. 30 декабря он сделал запрос Жюлю Фавру, сказал своим коллегам: "Вы несете ответственность", потребовал, чтобы муниципальный совет был привлечен к защите. Его коллегивыразили протест, особенно Дюбай и Вашеро. Он вернулся к обвинению 4 января, выдвинув радикальное предложение — об отставке Трошю и Клеман-Тома, мобилизации Национальной гвардии, учреждении совета обороны, обновлении Военного комитета. На него обращали внимания не больше, чем раньше.

Комитет двадцати округов поддержал Делеклюза, выпустив 6-го числа красный плакат: "Выполнило ли правительство, взявшее на себя ответственность за национальную оборону, свою миссию? Нет. Своим промедлением, своей нерешительностью, своей инертностью те, кто управляет нами, привели нас к краю пропасти. Они не знали ни как управлять, ни как сражаться. Мы умираем от холода, почти от голода. Вылазки без цели, смертельная борьба без результатов, повторяющиеся неудачи. Правительство оценило свои возможности; это убивает нас. Сохранение этого режима означает капитуляцию. Политика, стратегия, управление Империей, продолженное людьми 4 сентября, были осуждены. Дайте дорогу народу! Дорогу Коммуне!"^[28] Это было откровенно и правдиво. Каким бы неспособным к действию ни был Комитет, его идеи были справедливыми и точными, и до конца осады он оставался неутомимым и проникательным наблюдателем Парижа.

Толпа, жаждавшая прославленных имен, не обратила внимания на эти плакаты. Некоторые из подписавших их были арестованы. Трошю, однако, почувствовал себя побежденным и в тот же вечер вывесил на всех стенах объявление: "Губернатор Парижа никогда не капитулирует". И Париж снова заплодировал, спустя четыре месяца после 4 сентября. Было даже удивлено, что, несмотря на заявление Трошю, Делеклюз и его помощники подали в отставку.^[29]

Тем не менее, упрямо не закрывая глаз, невозможно было не видеть пропасти, к которой нас подталкивало Правительство. Пруссаки обстреливали наши дома из фортов Исси и Ванв, а 30 декабря Трошю, объявив все дальнейшие действия невозможными, сослался на мнение всех своих генералов и в заключение предложил заменить его. 2, 3 и 4 января правозащитники обсуждали выборы в Ассамблею, которая должна была последовать за катастрофой.^[30] Если бы не раздражение патриотов, Париж капитулировал бы до 15 числа.

Предмесья больше не называли людей из правительства иначе, как "бандой Иуды". Великие демократические ламы, ушедшие после 31 октября, вернулись в Коммуну, доказав тем самым свою собственную беспомощность и здравый смысл народа. Республиканский альянс, где Ледрю-Роллен служил перед полудюжиной курильщиков, Республиканский союз и другие буржуазные церкви зашли так далеко, что очень энергично потребовали созыва Парижского собрания для организации обороны. Правительство считало, что нельзя терять времени. Если бы буржуазия присоединилась к народу, капитулировать стало бы невозможно без грозного *отряда*. Население, которое ликовало под снарядами, не позволило бы бросить себя, как стадо овец. Сначала было необходимо умертвить его, излечить от "безумия", как сказал Жюль Ферри, избавить от лихорадки. "Национальная гвардия будет удовлетворена только тогда, когда погибнут 10 000 национальных гвардейцев", - заявили они за столом правительства. По настоянию Жюля Фавра и Пикара, с одной стороны, и простодушных Эммануэля Араго, Гарнье-Пажа и Пеллетана, с другой, шарлатан Трошю согласился дать последнее представление.

Это было задумано как фарс^[31] одновременно с капитуляцией.^[32] 19-го числа Совет обороны заявил, что новое поражение станет сигналом к катастрофе. Трошю был готов принять мэров в качестве посредников по вопросу капитуляции и пересмотра конституции. Жюль Симон и Гарнье-Паж были готовы сдать Париж и лишь сделать некоторые оговорки в отношении Франции. Гарнье-Паж предложил назначить путем специальных выборов мандатарии, обязанные капитулировать. Таково было их бдение перед битвой.

18-го числа звуки труб и барабанов призвали Париж к оружию и привели пруссаков в боевую готовность. Для этого грандиозного усилия Трошю смог собрать только 84 000 человек, из

которых девятнадцать полков принадлежали Национальной гвардии. Он заставил их провести ночь, которая была холодной и дождливой, в грязи полей Мон-Валерьяна.

Атака была направлена против укреплений, прикрывавших Версаль со стороны Ла-Бержери. В десять часов, под напором старых войск,[33] Национальная гвардия и мобилы, составлявшие большинство левого крыла и центра,[34] взяли штурмом редут Монрету, парк Бюзенваль, часть Сен-Клу, продвинулись вперед до Гарша, заняв, одним словом, все обозначенные посты. Генерал Дюкро, командовавший левым крылом, прибыл с опозданием на два часа, и хотя его армия состояла в основном из линейных войск, он не продвинулся вперед.

Мы захватили несколько господствующих высот, которые генералы не оборудовали. Пруссакам позволили беспрепятственно прочесать эти гребни, и в четыре часа они послали штурмовые колонны. Наши сначала отступили, затем, придя в себя, остановили продвижение противника. К шести часам, когда вражеский огонь уменьшился, Трошю приказал отступать. Тем не менее, между Мон-Валерьеном и Бюзенвалем было 40 000 резервистов. Из 150 артиллерийских орудий было задействовано только тридцать. Но генералы, которые в течение всего дня едва ли соизволили связаться с Национальной гвардией, заявили, что они не смогут продержаться вторую ночь, и Трошю приказал эвакуировать Монрету и все завоеванные позиции. Батальоны возвращались, рыдая от ярости. Все понимали, что все это было жестокой насмешкой.[35]

Париж, заснувший победоносным сном, проснулся от звука набата Трошю. Генерал попросил двухдневного перемирия, чтобы вывезти раненых и похоронить мертвых. Он сказал: "Нам нужно время, повозки и много носилок". Число убитых и раненых не превышало 3000 человек.

На этот раз Париж, наконец, увидел бездну. Кроме того, Защитники, пренебрегая дальнейшей маскировкой, внезапно сбросили маски. Жюль Фавр и Трошю вызвали мэров. Трошю заявил, что все потеряно и любая дальнейшая борьба невозможна.[36] Зловещая весть немедленно облетела город.

За четыре месяца осады патристический Париж предвидел, принял все: мор, штурм, грабежи, все, кроме капитуляции. В этом смысле 20 января застало Париж, несмотря на его доверчивость, его слабость, тем же Парижем, что и 20 сентября. Таким образом, когда было произнесено роковое слово, город, казалось, поначалу был поражен, как при виде какого-то чудовищного, неестественного преступления. Раны, нанесенные за четыре месяца, открылись снова, вызывая о мести. Холод, голод, бомбардировки, долгие ночи в окопах, маленькие дети, умирающие тысячами, смерть, рассеянная по всему миру во время боевых вылазок, и все это для того, чтобы закончиться позором, сформировать эскорт Базена, стать вторым Мецем. Казалось, что можно услышать насмешку пруссака. У некоторых оцепенение перешло в ярость. Те, кто жаждал капитуляции, приняли позу. Малодушные мэры даже притворились, что пришли в ярость. Вечером 21-го их снова принял Трошю. В то же утро все генералы единогласно решили, что еще одна вылазка невозможна. Трошю весьма философски продемонстрировал мэрам абсолютную необходимость сближения с врагом, но заявил, что не будет иметь к этому никакого отношения, намекнув, что они должны капитулировать вместо него. Они скорчили рожи, протестовали, все еще воображая, что не несут ответственности за этот вопрос.

После их ухода Защитники совещались. Жюль Фавр попросил Трошю подать заявление об отставке. Но он, апостол, настоял на том, чтобы они уволили его, воображая таким образом обмануть историю, заставив поверить, что он до последнего сопротивлялся капитуляции.[37]

Дискуссия становилась все более жаркой, когда в три часа ночи им сообщили об освобождении Флуранса и других политических заключенных, содержащихся в Мазасе. Час назад перед тюрьмой появился отряд национальной гвардии во главе с адъютантом из восемнадцатого округа. Сбитый с толку губернатор позволил им поступать по-своему. Защитники, опасаясь повторения событий 31 октября, поторопились со своим решением, заменив Трошу Виноем.

Он хотел, чтобы его умоляли. Жюль Фавр и Лефло должны были показать ему вооруженный народ, неминуемое восстание. В тот самый момент, утром 22-го, префект полиции, объявив себя бессильным, подал в отставку. Бойцы 4 сентября пали так низко, что преклонили колени перед бойцами 2 декабря. Виной снизошел до того, чтобы уступить.

Его первым действием было вооружиться против Парижа, разрушить его позиции перед пруссаками, отозвать войска Сюрена, Жантйи, Ле-Лила, вызвать кавалерию и жандармерию. Мобильный батальон под командованием Вабре, полковника Национальной гвардии, укрепился в Отель-де-Виль. Клеман-Томас выступил с яростным заявлением: "Фракции присоединяются к врагу". Он заклинал "всю Национальную гвардию подняться, чтобы разгромить их". Он не призывал ее восстать против пруссаков.

Налицо были признаки нарастающего гнева, но никаких симптомов серьезного столкновения. Многие революционеры, прекрасно понимая, что всему пришел конец, не поддержали бы движение, которое в случае успеха спасло бы обороняющихся и вынудило победителей капитулировать вместо них. Другие, чей патриотизм не был просвещен разумом, еще не остывшим от пыла Бьюзенваля, верили в *массовую вылазку*. "Мы должны, по крайней мере, - говорили они, - спасти нашу честь". Накануне вечером некоторые участники митинга проголосовали за то, чтобы оказать вооруженное сопротивление любой попытке капитуляции, и назначили себе встречу перед Ратушей.

В двенадцать часов в Батиньоле зазвучали барабаны, призывающие к оружию. В час дня на площади Отель-де-Виль появилось несколько вооруженных групп; толпа начала собираться. Депутация, возглавляемая членом Альянса, была принята Г. Чоди, помощником мэра, поскольку правительство заседало в Лувре с 31 октября. Оратор сказал, что несправедливость Парижа потребовала назначения Коммуны. Шоди ответил, что коммуна - это бессмыслица; что он всегда выступал и всегда будет выступать против нее. Прибыла другая, более энергичная депутация. Чоди встретил ее оскорблениями. Тем временем волнение передалось толпе, заполнившей площадь. 101-й батальон прибыл с левого берега с криками "Смерть предателям!", когда 207-й батальон Батиньоля, промаршировавший по бульварам, вышел на площадь по улице Тампл и остановился перед Ратушей, двери и окна которой были закрыты. К ним присоединились другие. Прозвучало несколько выстрелов, окна Ратуши заволокло дымом, и толпа рассеялась с криками ужаса. Укрывшись за фонарными столбами и кучами песка, несколько национальных гвардейцев выдержали огонь мобилей. Другие вели огонь из домов на авеню Виктория. Стрельба продолжалась уже полчаса, когда на углу проспекта появились жандармы. Повстанцы, почти окруженные, отступили. Около дюжины были арестованы и доставлены в Отель-де-Виль, где Виной хотел немедленно расправиться с ними. Жюль Ферри отшатнулся и отправил их перед обычным военным трибуналом. У тех, кто устроил демонстрацию, и у безобидной толпы зрителей было тридцать убитых или раненых, среди прочих был человек огромной энергии, комендант Сапиа. В Отель-де-Виль был только один убитый и двое раненых.

В тот же вечер правительство закрыло все клубы и выдало многочисленные ордера. Восемьдесят три человека, большинство из них невиновны,^[38] были арестованы. Этим случаем также воспользовались, чтобы отправить Делеклюза, несмотря на его шестьдесят пять лет и острый бронхит, который подтачивал его здоровье, присоединиться к заключенным 31 октября, которых всех подряд бросили в сырую темницу Венсена. *Восстание* и *Бой* были подавлены.

В возмущенном воззвании повстанцы были названы "сторонниками иностранцев" - единственным ресурсом, оставшимся у бойцов 4 сентября в этом позорном кризисе. Только в этом они были якобинцами. Кто служил врагу? Правительство, всегда готовое к переговорам, или люди, когда-либо оказывавшие отчаянное сопротивление? История расскажет, как при Меце огромная армия, *скадрами*, хорошо обученными солдатами, позволила сдать себя без единого маршала, *главнокомандующего* или полка, поднявшегося, чтобы спасти ее от Базена;^[39] в то время как революционеры Парижа, без лидеров, без организации, перед тем как 240 000 солдат и мобилей одержали победу. перешли к миру, оттянули капитуляцию на месяцы и отомстили за это своей кровью.

Наигранное возмущение предателей вызывало только чувство отвращения. Само их название "Правительство обороны" кричало против них. В самый день драки они разыграли свой последний фарс. Жюль Симон, собрав мэров и дюжину вышестоящих офицеров,^[40] предложил верховное командование военному, который мог предложить план. Этот Париж, который они приняли полным жизни, люди 4 сентября, теперь, когда они истощили его и обескровили, предложили оставить другим. Ни один из присутствующих не возмутился печально известной иронией. Они ограничились отказом от этого безнадёжного наследия. Это было именно то, чего ждал Жюль Симон. Кто-то пробормотал: "Мы должны капитулировать". Это был генерал Леконт. Мэры поняли, зачем их созвали, и некоторые из них выдавили слезу.

С этого времени Пэрис существовал подобно пациенту, ожидающему ампутации. Форты все еще гремели, убитых и раненых все еще приносили, но было известно, что Жюль Фавр находится в Версале. 27-го в полночь пушки замолчали. Бисмарк и Жюль Фавр пришли к *честному* взаимопониманию.^[41] Париж сдался.

На следующий день Правительство обороны опубликовало основу переговоров — двухнедельное перемирие, немедленный созыв Собрания, занятие фортов, разоружение всех солдат и мобилей, за исключением одной дивизии. Город оставался мрачным. Эти дни страданий потрясли Париж. Было проведено всего несколько демонстраций. Батальон Национальной гвардии прошел перед ратушей с криками "Долой предателей!". Вечером 400 офицеров подписали пакт о сопротивлении, назначив своим начальником Брюнеля, бывшего офицера, изгнанного из армии при Империи за его республиканские взгляды, и решили выступить на форты востока под командованием адмирала Сайссе, которому пресса приписала репутацию Борепара. В полночь призыв к оружию и набат вызвали десятый, тринадцатый и двадцатый округа. Но ночь была ледяной, Национальная гвардия слишком ослабла для акта отчаяния. На место встречи прибыли только два или три батальона. Брюнель был арестован через два дня после этого.

29 января немецкий флаг был поднят над нашими фортами. Все было подписано накануне вечером. 400 000 человек, вооруженных мушкетами и пушками, капитулировали перед 200 000. Форты, окружение были разоружены. Париж должен был выплатить 200 000 000 франков в течение двух недель. Правительство хвасталось тем, что сохранило оружие Национальной

гвардии, но все знали, что для того, чтобы взять его, пришлось бы штурмовать Париж. В конце концов, не удовлетворившись сдачей Парижа, Правительство национальной обороны сдало всю Францию. Перемирие распространялось на все армии провинций, кроме армии Бурбаки, единственной, которая могла бы извлечь из него выгоду.

В последующие дни поступили кое-какие известия из провинции. Было известно, что Бурбаки, теснимый пруссаками, после комедии самоубийства бросил всю свою армию в Швейцарию. Аспект и слабость делегирования полномочий по защите в провинциях только начали проявляться, когда *Mot d'Ordre*, основанный Рошфором, который покинул правительство после 31 октября, опубликовал прокламацию Гамбетты, клеймящую позорным миром, и целый список радикальных декретов: отстранение от должности всех крупных функционеров и официальных депутатов Империи; роспуск *генерального совета*, отзыв некоторых судей^[42] который входил в состав смешанной комиссии от 2 декабря. Было проигнорировано, что в течение всей войны делегация действовала вопреки своим последним декретам, которые, исходя от павшей державы, были всего лишь предвыборной уловкой, и имя Гамбетты было внесено в большинство избирательных списков.

Некоторые буржуазные газеты поддерживали Жюля Фавра и Пикара, которые были достаточно умны, чтобы на них смотрели как на аутсайдеров правительства; никто не осмелился зайти так далеко, чтобы поддержать Трошю, Симона и Ферри. Разнообразие избирательных списков, выдвинутых республиканской партией, объясняло ее бессилие во время осады. Люди 1848 года отказались принять Бланки, но приняли нескольких членов Интернационала, чтобы присвоить его название, и их список, состоящий из нео-якобинцев и социалистов, озаглавил себя "список четырех комитетов". Клубы и рабочие группы составили списки более откровенного характера; в одном из них значилось имя немецкого депутата-социалиста Либкнехта. Самым решительным из них был выбор Кордери.

Интернационал и Федеральная палата обществ рабочих, безмолвствовавшие и дезорганизованные во время осады, снова взялись за свою программу, заявив: "Среди тех, кто у власти, также должны быть рабочие". Они пришли к соглашению с Комитетом двадцати округов, и три группы выпустили один и тот же манифест. "Это, - сказали они, - список кандидатов, представленный от имени нового мира партией обездоленных. Франция вот-вот восстановится; рабочие имеют право найти и занять свое место в новом порядке вещей. Кандидатуры социалистов-революционеров означают отрицание права обсуждать существование Республики; подтверждение необходимости прихода рабочих к политической власти; свержение олигархического правительства и промышленного феодализма". Помимо нескольких известных широкой публике имен Бланки, Гамбона, Гарибальди, Феликса Пая, Ранвье, Тридона, Лонге, Лефрансе, Вальеса, эти кандидаты—социалисты были известны только в рабочих центрах - механиках, сапожниках, литейщиках, портных, плотниках, кухарках, краснодеревщиках, резчицах.^[43] Их плакатов было немного. Эти обездоленные не могли конкурировать с буржуазным предпринимательством. Их день должен был наступить несколькими неделями позже, когда две трети из них должны были быть избраны в Коммуну. Теперь мандат получили только те, кого приняли газеты среднего класса, всего пятеро: Гарибальди, Гамбон, Феликс Пай, Толен и Мэлон.

Список представителей 8 февраля был настоящей арлекинадой, включающей все республиканские оттенки и все политические причуды. Луи Блан, который играл роль паиньки

во время осады и которого поддерживали все комитеты, кроме Кордери, возглавил процессию с 216 000 голосами, за ним последовали Виктор Гюго, Гамбетта и Гарибальди; Делеклюз получил 154 000 голосов. Затем появилась пестрая толпа ископаемых якобинцев, радикалов, офицеров, мэров, журналистов и изобретателей. В дело вмешался один-единственный член правительства, Жюль Фавр, хотя его личная жизнь была раскрыта Мильером, который также был избран.[44] По жестокой несправедливости, the vigilant sentinel, единственный журналист, который во время осады всегда проявлял проницательность, Бланки, набрал всего 52 000 голосов, примерно столько же, сколько тех, кто выступал против плебисцита, в то время как Феликс Пят получил 145 000 за свое участие в бою.[45]

Это запутанное, неуместное голосование подтвердило, по крайней мере, республиканскую идею. Париж, растоптанный Империей и либералами, цеплялся за Республику, которая дала ей обещание на будущее. Но еще до того, как был объявлен ее голос, она услышала, как из провинциальных урн для голосования донесся дикий крик реакции. Прежде чем хоть один из ее представителей покинул город, она увидела по дороге в Бордо отряд крестьян, пурсоньяков, мрачных клерикалов, призраков 1815, 1830, 1848 годов, высших и низших реакционеров, которые, ворча и разъяренные, пришли по милости всеобщего избирательного права, чтобы завладеть Францией. Что означал этот зловещий маскарад? Как этой подземной растительности удалось пробиться сквозь вершину страны и зарости ею?

Было необходимо, чтобы Париж и провинции были сокрушены, чтобы прусский Шейлок высосал наши миллиарды и урезал свой фунт плоти, чтобы осадное положение на четыре года тяготило сорок два департамента, чтобы 100 000 французов были отрезаны от жизни или изгнаны со своей родной земли, чтобы черное братство проводило свои шествия по всей Франции, чтобы осуществить эту великую консервативную махинацию, которую с первого часа и до последнего взрыва революционеры Парижа и провинций не переставали разоблачать перед нашими вероломными или враждебными силами. нерасторопные губернаторы.

В провинциях поле боя и тактика были иными. Заговор, вместо того чтобы вестись внутри правительства, обошел его стороной. В течение всего сентября реакционеры прятались в своих укрытиях. Правительство национальной обороны забыло только об одном элементе обороны — провинциях, семидесяти шести департаментах. И все же они волновали, проявляли жизнь; они одни сдерживали реакцию. Лион даже осознал свой долг раньше, чем Париж; утром 4 сентября она провозгласила Республику, подняла красный флаг, учредила Комитет общественной безопасности.—Марсель и Тулуза организовали региональные комиссии. Защитники ничего не поняли в этом патриотическом рвении, сочли Францию разобщенной и поручили навести порядок двум сильнозапятнанным либеральным пережиткам, Кремье и Гле—Бизуану, а также бывшему губернатору Кайенны, бонапартистскому адмиралу Форишону.

Они прибыли в Тур 18-го. Патриоты поспешили туда, чтобы встретить их. На западе и юге они уже организовали Лиги для мобилизации департаментов против врага и восполнения недостатка в центральном импульсе. Они окружили парижских делегатов, прося их о *mot-d'ordre*, энергичных мерах, присылке уполномоченных и обещая им полное сотрудничество. Мерзости ответили: "Мы *entre nous*, давайте говорить откровенно. Что ж, тогда у нас больше нет армии; всякое сопротивление невозможно. Мы держимся только ради создания лучших условий ". Мысами были свидетелями этой сцены.[46] Раздался только один возглас

негодования: "Что! это ваш ответ, когда тысячи французов приходят предложить вам свои жизни и состояния?"

28-го лионцы вырвались вперед. Едва ли четыре департамента отделяли их от врага, который мог в любой момент прийти, чтобы обложить их город контрибуцией, и с 4 сентября они напрасно требовали оружия. Муниципалитет, избранный 16-го числа вместо Комитета общественной безопасности, проводил время в ссорах с префектом Шалемель-Лакуром, высокомерным нео-якобинцем. 27-го, вместо принятия каких-либо серьезных мер обороны, совет уменьшил на пять пенсов жалование рабочим, занятым на укреплениях, и назначил Кюзере генералом *в составе* создаваемой армии.^[47]

Республиканские комитеты Бротто, Ла-Гийотьера, Ла-Круа-Русс,^[48] и Центральный комитет Национальной гвардии решили оказать давление на Отель-де-Виль и 28-го числа представили ему энергичную программу обороны. Рабочие укреплений во главе с Сайном поддержали этот шаг демонстрацией. Они заполнили площадь Терро и, кто с речами, кто с волнением, вторглись в Отель-де-Виль. Сен предложил создать революционную комиссию, и Кюзере, узнав об этом, назначил его командующим Национальной гвардией. Кюзере, очень обеспокоенный своим будущим, появился на балконе только для того, чтобы изложить свой план и посоветовать успокоиться. Однако, когда комиссия была сформирована, он больше не осмеливался сопротивляться и отправился на поиски своих войск. У дверей его арестовали мэр, Энон и префект. Они проникли в Отель-де-Виль у площади Комедии. Сань, выскочив на балкон, объявил новость толпе, которая, бросившись к Ратуше, освободила предполагаемого генерала и, в свою очередь, арестовала мэра и префекта.

Буржуазные батальоны вскоре прибыли на площадь Терро; вскоре после этого вышли батальоны Ла Круа-Русс и Ла Гийотьер. Первый выстрел мог привести к большой беде. Они вступили в переговоры. Комиссия исчезла, а генерал потерял сознание.

Это было предупреждением. В нескольких городах проявились и другие симптомы. Префекты даже председательствовали в Лигах и встречались друг с другом. В начале октября адмирал Кайенны смог выставить в поход только 30 000 человек, а из Тура не пришло ничего, кроме указа о назначении выборов на 16-е число.

9-го числа, когда Гамбетта спустился со своего воздушного шара, все патриоты стартовали. Консерваторы, которые начали выползать из своих укрытий, быстро отступили снова. Пыл и энергия его первого заявления увлекли людей. Гамбетта безраздельно владел Францией; он был всемогущ.

Он распорядился огромными ресурсами Франции, бесчисленными людьми; Буржем, Брестом, Ориентом, Рошфором, Тулоном для строительства арсеналов; мастерскими вроде Лилля, Нанта, Бордо, Тулузы, Марселя, Лиона; свободными морями; несравненно большими силами, чем в 1793 году, которым приходилось одновременно бороться с иностранцами и внутренними восстаниями. Очаги разгорались. Муниципальные советы давали о себе знать, сельские округа пока не проявляли признаков сопротивления; национальный заповедник остался нетронутым. Горящий металл требовал только формовки.

Дебют делегата был серьезной ошибкой. Он выполнил парижский декрет о переносе выборов, которые обещали быть республиканскими и воинственными. Сам Бисмарк сказал Жюлю Фавру, что он не хочет Созывать Ассамблею, потому что эта Ассамблея будет посвящена войне.

Энергичные циркуляры, некоторые меры против интриганов, официальные инструкции префектам могли бы оживить и победоносно выплеснуть этот патриотический пыл. Собрание, укрепленное всеми республиканскими устремлениями, энергично руководимое, заседающее в густонаселенном городе, стократно увеличило бы национальную энергию, выявило бы незапланированные таланты и могло бы потребовать от страны всего, крови и золота. Это провозгласило бы Республику и в случае неудачи спасло бы ее от падения, предотвратив реакцию. Но инструкции Гамбетты были формальными. "Выборы в Париже вернули бы такие дни, как июнь", - сказал он. "Мы должны обойтись без Парижа", - был наш ответ. Все было бесполезно. Кроме того, несколько префектов, неспособных влиять на свое окружение, предсказали мирные выборы. Не имея энергии, чтобы справиться с реальными трудностями ситуации, Гамбетта воображал, что сможет устранить их с помощью нелепой уловки своей диктатуры.

Совершил ли он великую политическую революцию? Нет. Вся его программа заключалась в том, чтобы "Поддерживать порядок и свободу и продолжать войну".^[49] Кремье назвал бонапартистов "республиканцами, сбившимися с пути истинного". Гамбетта верил или делал вид, что верит, в патриотизм реакционеров. Несколько папских зуавов, которые предложили себя, жалкая покорность бонапартистских генералов, подхалимаж нескольких епископов,^[50] этого было достаточно, чтобы ввести его в заблуждение. Он продолжил тактику своих предшественников по примирению со всеми; он пощадил даже чиновников. В департаменте финансов и общественного просвещения он и его коллеги запретили увольнять любого чиновника. Военное министерство долгое время находилось под верховным руководством бонапартиста и всегда вело закулисную войну против обороны. Гамбетта содержал в некоторых префектурах тех же служащих, которые составляли проскрипционные списки от 2 декабря 1851 года. За исключением нескольких мировых судей и небольшого числа магистратов, в политическом *персоналениче* не изменилось, вся подчиненная администрация осталась нетронутой.

Не хватало ли ему авторитета? Его коллеги по совету даже не осмеливались повышать голос; префекты знали только его; генералы в его присутствии вели себя как школьники. Не хватало *персонала*? Лиги содержали солидные элементы; мелкая буржуазия и пролетариат могли бы дать *кадры*.

Гамбетта увидел здесь только заговоры, хаос, федерализм и грубо распустил своих делегатов. В каждом департаменте были группы известных, испытанных республиканцев, которым можно было бы доверить управление и часть поддержки обороны под руководством комиссаров. Гамбетта почти везде отказывался ссылаться на них; тех немногих, кого он назначал, он умел крепко сковать. Он передал всю власть префектам, большинство из которых были развалинами 1848 года, или своим коллегам по Конференции Моле, нервным, болтливым, робким, стремящимся, чтобы о них хорошо отзывались, и многим стремящимся свить гнездо в своем департаменте.

Оборона в провинциях опиралась на эти два костыля — Военное министерство и префекты. На этот абсурдный план примирения и было направлено правительство.

Принес ли новый делегат, по крайней мере, мощную военную концепцию? "Никто в правительстве, ни генерал Трошу, ни генерал Леффо, никто не предлагал какую-либо военную операцию".^[51] Обладал ли он хотя бы тем быстрым проникновением, которое компенсирует

недостаток опыта? После двадцати дней, проведенных в провинции, он понимал военную обстановку не лучше, чем в Париже. Капитуляция Меца вызвала у него возмущенные воззвания, но он понимал не больше, чем его коллеги из Ратуши, что это был самый подходящий момент для решительных действий.

За исключением трех дивизий (30 000 человек) и большей части своей кавалерии, немцы были вынуждены задействовать для осады Парижа все свои войска, и у них не осталось резерва. Три дивизии в Орлеане и Шатодене сдерживались нашими войсками на Луаре. Кавалерия, хотя и захватила значительную территорию на западе, севере и востоке, не могла выстоять против пехоты. В конце октября армия перед Парижем, сильно укрепленная против города, вообще не была прикрыта со стороны провинций. Появление 50 000 человек, даже молодых, вынудило бы пруссаков снять блокаду.

Мольтке был далек от того, чтобы пренебрегать опасностью. Он решил в случае необходимости снять блокаду, пожертвовать артиллерийским парком, который в то время формировался в Виллекубле, сосредоточить свою армию для действий на открытой местности и восстановить блокаду только после победы, то есть после прибытия армии из Меца. "Все было готово к нашему отступлению; нам оставалось только запрячь лошадей", - рассказывал очевидец, швейцарский полковник Д'Эрлах. Официальные газеты Берлина уже подготовили общественное мнение к этому событию.

Блокада Парижа, даже кратковременная, могла бы привести под давлением Европы к почетному миру; в этом можно было почти не сомневаться. Париж и Франция, восстановившие свою спасительную жизнерадостность, возвращение большого города и последующее продление ее сопротивления дали бы время, необходимое для организации провинциальных армий.

В конце октября наша луарская армия находилась в процессе формирования: 15-й корпус в Сальбрисе, 16-й в Блуа, уже насчитывавший 80 000 человек. Если бы она вклинилась между баварцами при Орлеане и пруссаками при Шатодене; если бы — и это было нетрудно при ее численном превосходстве — она била врага одного за другим, путь на Париж был бы открыт, и освобождение Парижа было бы почти наверняка.

Делегацию Туров пока не видел. Она ограничила свои усилия возвращением Орлеана, чтобы разбить там укрепленный лагерь; поэтому 26-го генерал Д'Орель де Паладин, назначенный Гамбеттой главнокомандующим двумя корпусами, получил приказ освободить город от баварцев. Он был сенатором, фанатичным, бешеным реакционером, в лучшем случае годившимся только на должность офицера зуавов, в душе кипевшим от ярости при обороне. Было решено атаковать из Блуа. Вместо того чтобы вести 15-й корпус пешком, что, по словам Роморантена, заняло бы сорок восемь часов, делегация отправила его по Вьерзонской железной дороге в Тур, путешествие, которое заняло пять дней и не могло быть скрыто от противника. Тем не менее, 28-го д'Орель расположился перед Блуа, располагая по меньшей мере 40 000 человек, и на следующий день он должен был отбыть в Орлеан.

28-го, в девять часов вечера, командующий немецкими войсками сообщил ему о капитуляции Меца. Д'Орель, ухватившись за этот предлог, телеграфировал в Тур, что ему следует отложить свое выступление.

Генерал, обладающий некоторыми способностями, некоторой добросовестностью, напротив, ускорил бы все. Поскольку немецкая армия перед Мецем, теперь выведенная из окружения, должна была обрушиться на центр Франции, нельзя было терять ни дня, чтобы опередить ее. Был известен каждый час. Это был критический момент войны.

Делегация Тура была такой же глупой, как Д'Орель. Вместо того чтобы распустить его, она ограничилась стонами, приказав ему сосредоточить свои силы. Эта концентрация была прекращена 3 ноября.^[52] У д'Ореля тогда было 70 000 человек, размещенных от Мера до Марченуара. Он мог бы действовать, потому что события поддерживали его. В тот же день целая бригада прусской кавалерии была вынуждена оставить Мант и отступить перед отрядами французов; было замечено, что французские войска маршируют из Курвиля в направлении Шартра. Д'Орель не пошевелился, и делегация оставалась такой же парализованной, как и он. "Господин министр, - писал 4 ноября военный делегат М. де Фрейсине,^[53] "в течение нескольких дней армия и я сам не знаем, хочет ли правительство мира или войны. В этот момент, когда мы только приступаем к осуществлению тщательно подготовленных проектов, слухи о перемирии тревожат умы наших генералов, и я сам, я стремлюсь оживить их дух и подтолкнуть их вперед, я не знаю, не будет ли на следующий день правительство отреклось от меня ". Гамбетта в тот же день ответил: "Я согласен с вами относительно отвратительного влияния политических колебаний правительства. С сегодняшнего дня мы должны принять решение о нашем походе вперед"; а 7-го Д'Орель все еще оставался неподвижным. Наконец, 8-го числа он отправился в путь и прошел около пятнадцати километров, а вечером снова заговорил о том, чтобы сделать привал.^[54] Все его силы вместе превышали 100 000 человек. 9-го он принял решение атаковать Кульмье. Баварцы немедленно эвакуировали Орлеан. Д'Орель, вместо того чтобы преследовать их, объявил, что собирается укрепиться перед городом. Делегация позволила ему поступать, как ему заблагорассудится, и не отдавала приказов преследовать врага.^[55] Через три дня после битвы Гамбетта пришел в штаб и одобрил план Д'Ореля. Баварцы во время этой передышки отступили к Тури, и две дивизии, спешно переброшенные из Меца по железной дороге, прибыли к Парижу. Мольтке мог спокойно направить 17-ю прусскую дивизию в направлении Тури, куда она прибыла 12-го. Три других корпуса армии Меца форсированными маршами подошли к Сене. Невежество делегации, препятствие со стороны Трошю, недоброжелательность и грубые ошибки Д'Ореля сводили на нет единственные шансы снять блокаду Парижа.

19-го числа армия Меца прорвала блокаду на севере и юге. Отныне Делегации предстояло играть только одну роль — готовить армии для Франции, надежные, способные к маневрам, и находить для этого необходимое время, как это делали в древние времена римляне, а в наши дни американцы. Они предпочитали создавать напрасные видимости, забавляя общественное мнение звоном оружия, воображая, что таким образом смогут озадачить и пруссаков. Это бросило на них людей, воспитанных всего несколько дней назад, без наставлений, без дисциплины, без орудий войны, фатально обреченных на поражение. Префекты, отвечавшие за организацию мобилей, и те, кто находился на грани мобилизации, находились в постоянном конфликте с генералами и терялись в деталях оснащения. Генералы, неспособные что-либо сделать с этими плохо снабженными контингентами, продвигались вперед только по принуждению.^[56] Гамбетта по прибытии сказал в своем воззвании: "Мы назначим молодых вождей", и важные команды были отданы мужчинам Империи, измотанным, невежественным, ничего не знающим об отечественных войнах. Этим молодым рекрутам, которые должны были быть наэлектризованы волнующими призывами, Д'Орель проповедовал слово Господне и

интересы службы.[57] Сообщник Базена, Бурбаки,[58] по возвращении из Англии получил командование армией Востока. Слабость нового делегата вызвала сопротивление всех недовольных. Гамбетта спросил офицеров, согласятся ли они служить под началом Гарибальди;[59] он не только позволил им отказаться, но даже освободил кюре, который с кафедры назначил цену за голову генерала. Он смиренно объяснил офицерам-роялистам, что речь идет не о защите Республики, а о территории. Он разрешил папским зуавам водрузить знамя Святого Сердца. Он позволил адмиралу Форишону бороться с делегацией за распоряжение военно-морским флотом.[60] Он с негодованием отвергал каждый проект принудительного займа и отказывался санкционировать тех, за кого проголосовали в некоторых департаментах. Он оставил железнодорожные компании хозяевами транспорта в руках реакционеров, всегда готовых создать трудности. С конца ноября эти шумные и противоречивые приказы, это скопление невыполнимых указов, эти данные и отнятые обратно полномочия ясно доказывали, что имелось в виду только притворное сопротивление.

Страна подчинилась, отдавая все с пассивной слепотой. Контингенты были набраны без труда; в сельских округах не было непокорных новобранцев, хотя жандармерия отсутствовала при армии; Лиги уступили после первого же протеста. Движение началось только 31 октября. Марсельские революционеры, возмущенные слабостью своего муниципального совета, провозгласили Коммуну. Ключере, который из Женевы попросил у "прусского" Гамбетты командования армейским корпусом, появился в Марселе, получил звание генерала, снова отступил и удалился в Швейцарию, его достоинство запрещало ему служить простым солдатом. В Тулузе население изгнало генерала. В Сент-Этьене коммуна просуществовала час. Но везде одного слова было достаточно, чтобы заменить власть в руках делегации; таково было всеобщее опасение создать малейшую неловкость.

Это отречение пошло на пользу только реакционерам. Иезуиты, возобновившие свои интриги, были восстановлены Гамбеттой в Марселе, откуда их изгнало возмущение народа. Делегат отменил приостановку работы газет, в которых были опубликованы письма Шамбора и Д'Омале. Он защитил судей, входивших в состав смешанной комиссии, освободил того, кто уничтожил департамент Вар, и уволил префекта Тулузы за то, что он приостановил функции другого в Верхней Гаронне. Бонапартисты снова собрались вместе.[61] Префект Бордо, ультра-умеренный либерал, попросил разрешения арестовать некоторых из их главарей, Гамбетта сурово ответил ему: "Такова практика Империи, а не Республики". Кремье тоже сказал: "Республика - это господство закона".

Затем возникла Консервативная Вандея. Монархисты, клерикалы, капиталисты ждали своего часа; прячась в своих замках, все их твердыни оставались нетронутыми; семинарии, трибуналы, генеральные советы, которые долгое время Делегация отказывалась распускать в *массовом порядке*. Они были достаточно умны, чтобы появляться то тут, то там на поле боя, чтобы сохранить видимость патриотизма. За несколько недель они раскусили Гамбетту насквозь и раскусили Либерала, стоящего за "Трибюн".

Их кампания была спланирована и проводилась с самого начала единственными серьезными политическими тактиками, которыми располагает Франция, — иезуитами, мастерами духовенства. Прибытие М. Тьера обеспечило явного лидера.

Люди 4 сентября назначили его своим послом. Франция, почти лишившаяся дипломатов со времен Талейрана, никогда не имела такого человека, которого было бы так легко провести, как

этого маленького человечка. Он наивно отправлялся в Лондон, в Петербург, в Италию, чьим заклятым врагом он всегда был, умоляя побежденную Францию заключить союзы, в которых ей было отказано, когда она еще была цела. С ним повсюду шутили. Он добился лишь одной беседы с Бисмарком и договорился о перемирии, отвергнутом 31 октября. Когда он прибыл в Тур в первых числах ноября, он знал, что мир невозможен и что отныне это должна быть война на ножах. Вместо того чтобы мужественно извлечь из этого максимум пользы, поставить свой опыт на службу делегации, у него была только одна цель - сбить с толку защиту.

У нее не могло быть более грозного врага. Успех этого человека без идей, без принципов правления, без понимания прогресса, без мужества был бы невозможен везде, кроме французской буржуазии. Но он всегда был под рукой, когда либерал хотел расстрелять народ, и он замечательный мастер парламентских интриг. Никто лучше него не знал, как атаковать, изолировать правительство, группировать предрассудки, ненависть и интересы, прятать свои интриги за маской патриотизма и здравого смысла. Кампания 1870-71 годов, несомненно, станет его шедевром. Он решил, что львиная доля причитается пруссакам, и обращал на них внимания не больше, чем если бы они снова переправились через Мозель. Для него враг был защитником. Когда наша бедная чернь, безкадров, без военной подготовки, погибла от такой же смертельной температуры, как в 1812 году, г-н Тьер ликовал по поводу наших бедствий. Его дом стал штаб-квартирой консервативной знати. Особенно в Бордо он казался настоящей резиденцией правительства.

Перед инвеститурой реакционная пресса Парижа организовала провинциальную службу и с самого начала охладила пыл делегации. После прибытия М. Оливели регулярную войну. Оно никогда не переставало преследовать, обвинять, указывать на малейшие недостатки с целью не наставления, а клеветы и прийти к предрешенному выводу: борьба - безумие, неповиновение законно. С середины декабря этот лозунг, которому неукоснительно следовали все партийные газеты, распространился по сельским округам.

Впервые сельские сквайры нашли дорогу к слуху крестьянина. Эта война была близка к тому, чтобы забрать всех мужчин, которые не служили в армии или в Мобильной гвардии, и для их приема готовились лагеря. В тюрьмах Германии содержалось 260 000 человек; в Париже, на Луаре, в восточной армии - более 350 000. Тридцать тысяч были мертвы, и тысячи заполнили больницы. С августа месяца Франция предоставила по меньшей мере 700 000 человек. Где им остановиться? Этот крик эхом отдавался в каждом доме: "Республика хочет войны! Париж в руках *уравнителей*". Что знает французский крестьянин о своем отечестве и многие ли могли бы сказать, где находится Эльзас? Именно его прежде всего имеет в виду буржуазия, когда она сопротивляется обязательному образованию. В течение восьмидесяти лет все их усилия были направлены на то, чтобы превратить в кули потомков добровольцев 1792 года.

Вскоре дух восстания охватил чернь, почти повсюду которой командовали реакционеры Марка. Здесь конюший императора, там бешеные роялисты возглавляли батальоны. В луарской армии бормотали: "Мы не будем сражаться за господина Гамбетту".^[62] Офицеры мобилизованных войск хвастались тем, что никогда не подвергали опасности жизни своих людей.

В начале 1871 года провинции были подорваны из конца в конец. Некоторые распущенные генеральные советы собирались публично, заявляя, что они считают себя избранными. Делегация следила за продвижением этого врага, проклинала М. Тьера в частном порядке, но позаботилась о том, чтобы не арестовать его. Революционеры, которые пришли рассказать о

том, как далеко идут дела, были коротко выведены. Гамбетта, измученный, неверивший в защиту, думал только о том, как примирить влиятельных людей и сделать себя приемлемым на будущее.

По сигналу о начале выборов декорации, тщательно подготовленные, предстали целиком, показывая консерваторов сгруппированными, высокомерными, с готовыми списками. Сейчас мы были далеки от октября месяца, когда во многих департаментах не осмеливались выдвигать своих кандидатов. Указы о дисквалификации высших бонапартистских функционеров затронули только тени. Коалиция, презиравшая сломленных людей Империи, тщательно сформировала персонал из дворян с косичками, зажиточных фермеров, промышленных воротил - людей, способных выполнять работу прямолинейно. Духовенство умело объединило в своих списках легитимистов и орлеанистов, возможно, заложив основу для слияния. Голосование проходило как плебисцит. Республиканцы пытались говорить о почетном мире; крестьяне хотели слышать только о мире любой ценой. Города едва ли знали, как отстаивать свою позицию; в лучшем случае избирали либералов. Из 750 членов Ассамблея насчитала 450 прирожденных монархистов. Очевидный руководитель кампании, король либералов М. Тьер, был возвращен в двадцати трех департаментах.

Примиритель по рангу мог соперничать с Трошу. Один взволновал Париж, другой - Республику.

СНОСКИ:

[1] Префект полиции Пьетри подтверждает это: "Несомненно, что в тот день революция могла увенчаться успехом, поскольку толпа, окружившая Легислатурный корпус 9 августа, состояла из элементов, подобных тем, которые восторжествовали 4 сентября". — *Справка о 4 сентября*, том i . стр. 258.

[2] Пусть будет понятно, что я продолжаю со слов наших противников — парламентских запросов, мемуаров, отчетов, исторических хроник; что я не приписываю им поступка или слова, которые не были признаны ими самими, их документами или их друзьями. Когда я говорю " М. " . Тьер видел, господин Тьер знал, что М. Тьер сказал: "Я видел, стр. 6", Я знал, стр. 11, том i"Запроса о действиях правительства в области национальной обороны". То же самое будет со всеми действиями и словами всех официальных или враждебных персонажей, которых я цитирую.

[3] Ознакомьтесь с показаниями маркиза де Талуэта, репортера Комиссии, которой было поручено проверить известную депешу, ускорившую голосование за войну. *Enquête sur le 4 Septembre*, vol. i. p. 121-124.

[4] *Соревнование 31 октября*, автор Millière.

[5] Что, однако, не помешало ему принять секретное задание во время Крымской войны. Ему было поручено Наполеоном III. предложить англичанам предать Турцию, ограничив войну защитой Константинополя.

[6] *Запрос на 4 сентября*, Жюль Бrame, том i, стр. 201.

[7] *Запрос на 4 сентября*, том ii. стр. 194.

[8] Там же, стр. 313.

[9] Там же, Жюль Фавр, том i, стр. 330.

[10] В своем официальном отчете Жюль Фавр, чтобы очистить правительство, не забыл взять на себя ответственность за эту миссию, которую, по его словам, он предпринял без ведома своих коллег.

[11] *Анкета на 4 сентября*, Гарнье-Страницы, том i, стр. 445.

[12] "Постоянно находясь в отношениях с встревоженным населением, которое срочно спрашивало, что происходит, что думает правительство, что оно делает, мы были вынуждены проверять это; говорить, что оно действовало из лучших побуждений; что оно полностью посвятило себя обороне; что командующие армией были очень преданы делу и работали с рвением.... Мы сказали это, не зная, не веря в это. Мы ничего не знали". — *Анкета на 4 сентября*, Корбон, том i, стр. 375.

[13] *Запрос на 4 сентября*, Жюль Ферри. Он даже называет перемирие "компенсацией".

[14] *Запрос на 4 сентября*, том i, стр. 432.

[15] *Запрос на 4 сентября*, том i, стр. 395. Показания этого слабоумного, всегда одинаково наивного, тем более убедительны.

[16] "Мы смогли объединить 40 000 человек, сообщив Национальной гвардии, что Бланки и Флуранс заняли Отель-де-Виль. Эти два названия не преминули произвести свойственный им эффект". — *Анкета на 18 Марта*, изд. Адам, том ii. стр. 157. "Если бы имя Бланки не было произнесено, новые выборы, объявленные плакатом Дориана и Шельхера, состоялись бы на следующий день". — *Анкета на 4 сентября*, Жюль Ферри, том i, стр. 396-431.

[17] Смотрите утверждение Дориана. *Enquête sur le 4 Septembre*, vol. i. p. 527-528.

[18] Он предложил почетный мушкет любому, кто убьет короля Пруссии, и покровительствовал греческому огню, на котором должна была поджариться немецкая армия.

[19] *Анкета на 18 Марта*, Жюль Фавр, том ii. стр. 42.

[20] Был арестован даже Феликс Пай. Ему удалось выйти из тюрьмы с помощью шутки, написав Эммануэлю Араго: "Как жаль, что я оказался вашим заключенным; вы могли бы быть моим защитником". Он был освобожден.

[21] Военный министр Лефло, который, естественно, все недооценивает, говорит: "Это оставило нам, обеспечивая осадные операции против пруссаков, располагаемые силы численностью от 230 000 до 240 000 человек".

[22] Приложение I.

[23] *Анкета на 18 Марта*, Крессон, том ii. стр. 135.

[24] Жюль Симон, *Сувениры 4 сентября*. Его текстовые выражения.

[25] *Анкета на 18 Марта*, Жюль Фавр, том ii. стр. 43.

[26] После Орлеанской катастрофы, разделившей нашу армию надвое, он писал: "Армия Луары далека от уничтожения; она разделена на две армии равной силы".

[27] Они избегали составления протоколов, чтобы не допустить даже видимости того, что это муниципалитет (*Запрос на 4 сентября*, Жюль Ферри, том i, стр. 406). Дюжина из этих храбрецов встретила с несколькими помощниками в мэрии третьего округа. Все их усилия были направлены на то, чтобы найти кого-нибудь на замену Трошю. Один из них, месье Корбон, сказал (*Обзор событий 18 марта*, том ii, стр. 613): "Как бы они ни были недовольны тем, как Защита вела дела, они ни за что на свете не свергли бы или ослабили правительство".

[28] Этот плакат был составлен Тридоном и Валлесом.

[29] "Смотрите, - сказали они, - какую ужасную ответственность мы понесли бы, если бы согласились и дальше оставаться пассивными инструментами политики, осуждаемой интересами Франции и Республики".

[30] Ознакомьтесь с Протоколом заседания Правительства защиты, который, очевидно, был составлен наилучшим образом месье Дрео, зятем Гарнье-Стр.

[31] *Анкета на 18 Марта*, Дюкро, том iii. стр. хх.

[32] Ознакомьтесь с Протоколом заседания Правительства обороны.

[33] Кто свидетельствует о храбрости Национальной гвардии? Сами высшие офицеры. Смотрите в *Запросе на 18 марта* показания генерала Леффо, вице-адмирала Потуана, полковника Ламбера и Трошю, выступающих с трибуны: "Если бы я не боялся показаться назойливым, я мог бы показать, что до конца дня неопытные национальные гвардейцы брали и отвоевывали с энергией старых войск, под ужасающим огнем, оставленные высоты. Необходимо было удержать их любой ценой, чтобы обеспечить отступление войск, занятых в центре. Я сказал им об этом, и они пожертвовали собой без колебаний".

[34] Корпус Виноя, взявший Монрету, насчитывал пять полков и один батальон пехоты, девятнадцать мобильных батальонов, пять полков Национальной гвардии. У армии генерала Бельмара, взявшей Бузенваль, было пять линейных полков, семнадцать мобильных батальонов, восемь полков национальной гвардии.

[35] "Мы добавим Национальной гвардии немного перца (*экрабуйер для национальной гвардии*), раз они этого хотят", - сказал полковник пехоты, сильно раздосадованный этим делом. *Enquête sur le 4 Septembre*, Colonel Chaper, vol. ii. p. 281.

[36] В качестве утешения он сказал им, что "с вечера 4 сентября он заявил, что было бы безумием пытаться поддерживать осаду прусской армией".—*Справка о 4 сентября*, Корбон, т. iv. стр. 889.

[37] Он произнес эти слова совершенного иезуитизма: "Уступить голоду — значит умереть, а не капитулировать". -*Жюль Симон, "Сувениры 4 сентября"*, стр. 299.

[38] Показания генерала Сумэра, *Запрос на 4 сентября*, том ii. стр. 215.

[39] Какой позор! 175 000 человек притворялись, что их продал один-единственный! Во время Семилетней войны в Вестфалии, при Миндене, когда генерал Моранжис готовился

капитулировать, 1500 человек, подстрекаемые капралом, отказались сдаваться, прорвались и присоединились к армии графа Клермона.

[40] *Enquête sur le 4 Septembre*, Arnaud de l'Ariège, vol. ii. p. 320-321.

[41] "Я возвращаюсь из Версаля. Я договорился с месье де Бисмарком, и между нами было решено, что стрельба должна быть прекращена как дело чести". — Приказ, отправленный Жюлем Фавром 27-го, в семь часов вечера. Vinoy, *L'Armistice et la Commune*, p. 67.

[42] Указ принес в жертву пятнадцать человек и пощадил двадцать четыре.

[43] А. Арно, Авриаль, Бесле, Бланки, Демей, Дерюр, Дюпа, Э. Дюпон, Ж. Дюран, Э. Дюваль, Эд, Флотт, Франкель, Гамбон, Гупиль, Гранже, Гумберт, Жаклар, Жарнигон, Лакамбре, Лакорд, Ланжевен, Лефрансе, Левердей, Лонге, Макдоннелл, Мэлон, Мейе, Мине, Уде, Пинди, Ф. Пят, Ранвье, Рей, Руйе, Серрейе, Тайс, Толен, Тридон, Вайан, Вальес, Варлен. Имена тех, кто был избран членами Коммуны, выделены курсивом.

[44] В "*Мстителе*", который занял место Боя, он доказал с документами в руках, что в течение многих лет Жюль Фавр был виновен в подлоге, двоеженстве и фальсификации документов о легитимации.

[45] После возвращения пятерых шестнадцать кандидатов от Ла Кордери получили от 65 000 голосов до 22 000 голосов; Тридон 65 707, Дюваль 22 499.

[46], Которая, кроме того, была изложена Марком Дюфрессом в *Справке о 4 сентября*, т. iv. стр. 428.

[47] Ключере, бывший офицер, награжден в 1848 году за мужественное поведение. "К сожалению, я проявил слишком много энергии в той катастрофической битве", - писал он в журнале *Fraser's Magazine* за март 1878 года. Прикрепленный к Арабским бюро, он отказался от своей должности после Крымской войны и, не имея возможности играть какую-либо роль в Европе, на короткое время участвовал в гражданской войне в Америке, затем уехал в Нью-Йорк, где проводил предвыборную кампанию своим пером. Неправильно понятый буржуазией двух миров, он снова занялся политикой, но с противоположной стороны; предложил себя ирландским повстанцам; высадился в Ирландии, призывая их восстать, и в одну прекрасную ночь покинул их. Зарождающийся Интернационал также видел, как этот могущественный генерал пришел и предложил свои услуги. Он много сделал на пути распространения памфлетов; пытался внушить рабочим, что он был мечом и щитом социализма. "Мы или ничего", - сказал он сыновьям погибших в июне. Правительство 4 сентября также не смогло оценить его гений, он назвал Гамбетту пруссаками добился, чтобы Кордери отправил его делегатом в Лион, где Варлен, которого он долгое время обманывал, представил его. Он предложил лионскому совету организовать армию добровольцев, которая должна была действовать на фланге врага.

[48] Рабочие кварталы Лиона.

[49] *Запрос на 4 сентября*, Гамбетта, том i, стр. 560.

[50] Еврей Кремье жил с архиепископом-ультрамонтаном Гиббертом (с тех пор ставшим архиепископом Парижа) в его епископском дворце в Туре, каждый день обедал за его столом и взамен оказывал ему все мелкие услуги, о которых просили духовенство.

[51] *Запрос на 4 сентября*, Гамбетта, том i, стр. 561.

[52] D'Aurelles de Paladines, *La Première Armée de la Loire*, p. 93.

[53] Де Фрейсине, *Военная провинция*, стр. 86, 87.

[54] Там же, стр. 91.

[55] 11-го числа делегат телеграфировал Д'Орелю: "Мы полностью одобряем диспозицию, которую вы приняли для своих войск вокруг Орлеана.... Вы получите инструкции. Тем временем удвойте бдительность, чтобы не допустить возобновления наступления со стороны противника". —Д'Орель де Паладайн, *"Первая армия Луары"*, стр. 120. Таким образом, делегация была далека от того, чтобы говорить об атаке, она думала только об обороне.

[56] "Только когда они ничего не могли с собой поделать, они решились действовать", - сказал Гамбетта в *запросе на 4 сентября*. Признание, исходящее от него, драгоценно.

[57] Забавнее всего слышать, как Д'Орель подтрунивает над Трошю, не осознавая, что он такой же смешной. В своих показаниях (*Анкета на 4 сентября*, том iii, стр. 201) он говорит: "Я не сдавал на хранение ни плана, ни завещания адвокату; я ограничился письмом епископу Орлеанскому: Монсеньор, луарская армия сегодня выступает в поход навстречу армии генерала Дюкро. Молитесь, монсеньор, о спасении Франции".

[58] А какого другого имени заслуживает генерал, который оставил свой полевой пост, чтобы отправиться на переговоры с сувереном, которого Франция изгнала?

[59] *Анкета на 4 сентября*, Роллан, том iii. стр. 456.

[60] Там же, Даллоз, том iv. стр. 398.

[61] Если верить генералу Бойе, который видел письмо, делегация Тура 24 октября сделала официальные заигрывания с императрицей, а затем отдала приказ временному поверенному в делах в Лондоне пойти и поблагодарить ее за патриотизм, который она проявила, отказавшись вести переговоры с Бисмарком, который шутливо обращался с ней так же, как и с Базеном. See *Enquête sur le 4 Septembre*, vol. iv. p. 258.

[62] *Запрос на 4 сентября*, адмирал Жорегиберри, том iii. стр. 297.

ГЛАВА I.

"Le chef du pouvoir exécutif, pas plus que l'Assemblée Nationale, s'appuyant l'un sur l'autre et se fortifiant l'un par l'autre, n'avaient en aucune manière provoqué l'insurrection parisienne."—*Discours de M. Dufaure contre l'Amnistie, Séance du 18 Mai 1876.*

ПЕРВЫЕ АТАКИ КОАЛИЦИИ НА ПАРИЖ —БАТАЛЬОНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ФЕДЕРАЛИЗУЮТСЯ И ЗАХВАТЫВАЮТ СВОИ ПУШКИ — ПРУССАКИ ВХОДЯТ В ПАРИЖ.

Вторжение вернуло "Комнату проникновения" 1816 года. После того, как я мечтал о возрожденной Франции, устремляющейся к свету, чувствовать себя отброшенным на полвека назад, под ярмо конгрегации иезуитов, жестоких сельских жителей! Были люди, которые пали духом. Многие говорили о том, чтобы самим эмигрировать. Бездумные говорили: "Палата просуществует всего день, поскольку у нее нет иного мандата, кроме как принимать решения о мире и войне". Однако те, кто наблюдал за ходом заговора и за ведущей ролью в нем духовенства, заранее знали, что эти люди не позволят Франции вырваться из их когтей, пока они не сокрушат ее.

Люди, только что сбежавшие из охваченного голодом, но сияющего Парижа, по прибытии в Бордо обнаружили Кобленца первой эмиграции, но на этот раз наделенного способностью подавлять злобу, копившуюся в течение сорока лет. Клерикалам и консерваторам впервые было позволено, без вмешательства императора или короля, сколько душе угодно топтать Париж, атеиста, революционера, который так часто сбрасывал с себя их ярмо и разрушал их планы. На первом же заседании их гнев вырвался наружу. В дальнем концезала, одиноко сидевший на своей скамье, всеми избегаемый, старик поднялся и попросил разрешения обратиться к Собранию. Из-под его плаща виднелась красная рубашка. Это был Гарибальди. Услышав свое имя, он хотел ответить, сказать в нескольких словах, что он отказывается от мандата, которым Париж оказал ему честь. Его голос потонул в воплях. Он остался стоять, подняв руку, но оскорбления удвоились. Наказание, однако, было близко. "Сельское большинство! позор Франции!" - крикнул с галереи молодой вибрирующий голос Гастона Кремье из Марселя. Депутаты угрожающе поднялись. Сотни криков "Браво" раздались с галерей, ошеломив сельчан. После заседания толпа приветствовала Гарибальди и освистывала его обидчиков. Национальная гвардия представила оружие, несмотря на ярость М. Тьера, который под перистилем обращался с апострофом к командующему офицеру. На следующий день люди вернулись, выстроившись в очередь перед театром, и заставили депутатов-реакционеров выслушать республиканские приветствия. Но они знали свою силу и с самого начала заседаний перешли в наступление. Один из сельских жителей, указывая на представителей Парижа, воскликнул: "Они запятнаны кровью гражданской войны!" И когда один из этих представителей

воскликнул: "Да здравствует Республика!", большинство приветствовало его, говоря: "Вы - лишь часть страны". На следующий день Палата была окружена войсками, которые сдерживали натиск республиканцев.

В то же время консервативные газеты объединились в своем шипении против Пэрис, отрицая даже ее страдания. Национальная гвардия, по их словам, бежала перед пруссаками; ее единственными подвигами были 31 октября и 22 января. Эти наветы плодились в провинциях, давно подготовленных к их приему. Их невежество в отношении осады было настолько велико, что они несколько раз называли имена некоторых из них — Трошю, Дюкро, Ферри, Пеллетана, Гарнье-Пажа, Эммануэля Араго, — которым Париж отказал в праве голоса.

Долгом парижских представителей было рассеять эту тьму, рассказать об осаде, осудить людей, ответственных за провал обороны, объяснить значение голосования парижан, развернуть флаг республиканской Франции против клерико-монархической коалиции. Они хранили молчание, довольствуясь ребяческими партийными собраниями, с которых Делеклюз уходил с таким же разбитым сердцем, как с Собрания парижских мэров. Наш Эпименид 1848 года стереотипными фразами гуманиста отвечал на бряцание оружия врага, который все это время утверждал свою программу: заключить мир, похоронить Республику и с этой целью поставить Парижу мат. Тьер был назначен главой исполнительной власти при всеобщем одобрении и выбрал в качестве своих министров Жюля Фавра, Жюля Симона, Пикара и Леффло, которые все еще могли пройти проверку у провинциальных республиканцев.

Эти выборы, эти угрозы, эти оскорбления в адрес Гарибальди, парижских представителей; Тьера, воплощения парламентской монархии, первого магистрата Республики, удар за ударом обрушивались на Париж, лихорадочный, едва восстановленный Париж, еще больше жаждущий свободы, чем хлеба. Тогда это была награда за пять месяцев страданий и выносливости. Эти провинции, к которым Париж тщетно зывал в течение всей осады, осмелились теперь заклеить его трусостью, отбросить от Бисмарка к Шамбору. Что ж, тогда Париж был полон решимости защищаться даже от Франции. Новая неминуемая опасность, тяжелый опыт осады взбодрили ее энергию и наделили великий город единой коллективной душой.

Уже к концу января некоторые республиканцы, а также некоторые буржуазные интриганы в поисках мандата пытались объединить Национальную гвардию с целью проведения выборов. В Цирке состоялось большое собрание под председательством Корти, торговца из третьего округа. Там они составили список, решили встретиться еще раз, чтобы обсудить ситуацию на случай двойного результата выборов, и назначили комитет, которому будет поручено регулярно созывать все компании. Это второе собрание состоялось 15-го числа на улице Воксхолл Дуане. Но кто тогда думал о выборах? Преобладала одна-единственная мысль: объединение всех парижских сил против торжествующих сельских жителей. Национальная гвардия представляла всю мужественность Парижа. Ясная, простая, по сути, французская идея объединения батальонов давно была у каждого в голове. Это было встречено одобрительными возгласами и было решено, что батальоны конфедерации должны быть объединены вокруг Центрального комитета.

Комиссии на том же заседании было поручено разработать устав. Представители каждого округа — восемнадцать из двадцати — назначили комиссара. Кто были эти люди? Агитаторы, революционеры Ла Кордери, социалисты? Нет; среди них не было ни одного известного имени.

Все избранные были людьми среднего класса, лавочниками, служащими, чужими в тусовках, до сих пор по большей части незнакомыми даже с политикой.^[63] Корти, президент, был известен только со времени встречи в цирке. С первого дня идея федерации предстала такой, какой она была — универсальной, а не сектантской, и поэтому мощной. На следующий день Клеман-Томас заявил правительству, что он больше не может отвечать за Национальную гвардию, и подал в отставку. Его временно заменил Вино.

24-го числа в Воксхолле перед 2000 делегатами и охраной комиссия зачитала разработанный ею устав и призвала делегатов немедленно приступить к выборам Центрального комитета. Собрание было бурным, беспокойным, мало склонным к спокойным обсуждениям. Каждый из последних восьми дней приносил с собой все новые оскорбительные угрозы из Бордо. Говорили, что они собирались разоружить батальоны, лишить тридцати су, единственного ресурса рабочих, и немедленно взыскать причитающуюся арендную плату за жилье и просроченные коммерческие счета. Кроме того, перемирие, продленное на неделю, истекало 26-го, и газеты объявили, что пруссаки войдут в Париж 27-го. Целую неделю этот кошмар тяготил всех патриотов. Собрание также сразу приступило к рассмотрению этих животрепещущих вопросов. Варлен предложил: Национальная гвардия признает только избранных ею начальников. Другой вариант: Национальная гвардия протестует через Центральный комитет против любых попыток разоружения и заявляет, что в случае необходимости она окажет вооруженное сопротивление. За оба предложения проголосовали единогласно. И теперь, должен ли был Париж подчиниться вторжению пруссаков, позволить им шествовать по его бульварам? Это даже не могло обсуждаться. Все собрание, взволнованное, вскочило и издало боевой клич. Некоторые предостережения о благоразумии игнорируются. Да, они противопоставили бы свое оружие вторжению пруссаков. Предложение будет представлено делегатами в их соответствующие компании. И, отложив заседание до 3 марта, собрание прервало свое заседание *массовым маршем* направилось к Бастилии, унося с собой большое количество солдат и мобилей.

С утра Париж, опасаясь потери своей свободы, собрался вокруг своей революционной колонны, как до этого он толпился вокруг статуи Страсбурга, когда дрожал за Францию. Батальоны дефилировали во главе с барабанами и флагами, покрывая рельсы и постамент венками из бессмертников. Время от времени на постамент поднимался делегат и с этой бронзовой трибуны обращался к народу с речью, который отвечал криками "Да здравствует Республика!". Внезапно сквозь толпу к памятнику пронесли красный флаг, который вскоре снова появился на балюстраде. Грозный клич приветствовал его, за которым последовало долгое молчание. Человек, взобравшийся на купол, осмелился подойти и закрепить его в руке статуи Свободы, венчающей колонну. Таким образом, под неистовые крики народа, впервые с 1848 года, флаг равенства затмил это место, более красное, чем его флаг, из-за крови тысячи мучеников.

На следующий день паломничество продолжили не только национальные гвардейцы, но и солдаты и мобили. Армия уступила вдохновению Парижа. Мобили прибыли в сопровождении своих квартирмейстеров с большими черными коронами в руках; трубачи, расставленные по углам пьедестала, отдали им честь, и толпа приветствовала их эхом. Женщины, одетые в черное, вывесили трехцветный флаг с надписью "Женщины-республиканки мученикам". Когда пьедестал был накрыт, короны и цветы вскоре полностью обвили вокруг бюста, окружив его

сверху донизу желтыми и черными цветами, красными и трехцветными орифламмами, символами скорби по прошлому и надежды на будущее.

26-го манифестации стали бесчисленными и раздраженными. Полицейский агент, удивленный тем, что записал названия батальонов, был схвачен и брошен в Сену. Двадцать пять батальонов осквернены, мрачны, охвачены ужасной тоской. Срок перемирия подходил к концу, и *вофициальном журнале* не говорилось о переносе сроков. Газеты объявили о вступлении немецкой армии на Елисейские поля на следующий день. Правительство перебрасывало войска на левый берег Сены и очищало Промышленный дворец. Они забыли только о пушках Национальной гвардии, скопившихся на площади Ваграм и в Пасси. Из-за беспечности капитулянтов пруссакам уже было поставлено на 12 000 мушкетов больше, чем было предусмотрено.^[64] Кто мог бы сказать, не протянут ли последние руки к этим прекрасным образцам, отлитым из плоти и крови парижан, помеченным номерами батальонов?^[65] Спонтанно восстал весь Париж. Буржуазные батальоны Пасси, по согласованию с муниципалитетом,^[66] подали пример, перенеся фрагменты Ранелага в парк Монсо.^[67] Другие батальоны пришли за своими пушками в парк Ваграм, перевезли их по улицам Сент-Оноре и Риволи на площадь Вогезов, под защиту Бастилии.

В течение дня отряд, посланный Виноем в Бастилию, брался с народом. Вечером спуски, набат, трубы выбросили на улицы тысячи вооруженных людей, которые пришли на мессу к Бастилии, замку О и улице Риволи. Тюрьма Сен-Пелажи была взята под стражу, и Брюнель вышел на свободу. В два часа ночи сорок тысяч человек вновь вышли на Елисейские поля и авеню Великой армии, молчаливые, в полном порядке, чтобы встретить пруссаков. Они ждали до рассвета. По возвращении батальоны Монмартра захватили все пушки, которые нашли на своем пути, и доставили их в мэрию восемнадцатого округа и на бульвар Орнано.

Этому лихорадочному, но рыцарскому порыву Вайной мог противопоставить только порядок дня, клеймящий его позором. И это правительство, оскорбившее Париж, попросило ее принести себя в жертву за Францию! Плакат, вывешенный утром 27-го, объявлял о продлении перемирия, а с 1 марта - о занятии Елисейских полей 30 000 немцами.

В два часа дня комиссия, которой было поручено разработать устав Центрального комитета, провела заседание в мэрии третьего округа. Некоторые из его членов со вчерашнего вечера, считая себя облеченными властью в связи с ситуацией, пытались организовать постоянный подкомитет в этом округе; но, будучи недостаточно многочисленными, они отложили заседание до следующего дня и проконсультировались с командирами батальонов. Заседание под председательством капитана Бержере было бурным. Делегаты Монмартрского батальона, создавшие свой собственный комитет на улице Розье, хотели говорить только о боевых действиях, предъявили свои *императорские мандаты* и напомнили о резолюции Воксхолла. Было почти единогласно решено поднять оружие против пруссаков. Мэр Бонвале, несколько обеспокоенный появлением таких гостей, приказал окружить мэрию и наполовину уговорами, наполовину силой сумел избавиться от них.

В течение целого дня жители предместий вооружались и захватывали боеприпасы; орудия "вала" устанавливались на их повозки; мобили, забыв, что они военнопленные, отправились отбирать свое оружие. Вечером одна толпа завлекла морских пехотинцев из казарм Ла Пепиньер и повела их в Бастилию, чтобы побрататься с народом.

Катастрофа была бы неизбежна, если бы не мужество нескольких человек, осмелившихся противостоять этому опасному течению. Все общества, собиравшиеся на площади Кордери, Центральный комитет двадцати округов, Интернационал и Федерация с опаской смотрели на этот Центральный комитет, составленный из неизвестных людей, которые никогда не принимали участия в революционных кампаниях. Покидая мэрию третьего округа, несколько делегатов батальонов, принадлежавших к секциям Интернационала, пришли в Кордери, чтобы рассказать о заседании и принятом отчаянном решении. Были предприняты все усилия, чтобы успокоить их, и ораторы были отправлены в Воксхолл, где проходило большое собрание; им удалось добиться того, чтобы их услышали. Многие другие граждане прилагали огромные усилия, чтобы призвать людей к здравому смыслу. На следующее утро, 28-го, три группы Кордери опубликовали манифест, призывающий рабочих остерегаться. "Каждое нападение, - говорили они, - привело бы к тому, что народ подвергся бы ударам врагов Революции, которые утопили бы все социальные оправдания в море крови". Под давлением со всех сторон Центральный комитет был вынужден уступить, как он объявил в прокламации, подписанной двадцатью девятью именами. "Любая агрессия привела бы к немедленному свержению Республики. Вокруг кварталов, которые будут заняты врагом, будут установлены баррикады, так что он пройдет парадом в лагере, отрезанном от нашего города ". Это было первое официальное выступление Центрального комитета. Двадцати девяти неизвестным[68], способным таким образом усмирить Национальную гвардию, аплодировали даже буржуа, которые, казалось, не удивлялись их могуществу.

Пруссак вошел в Париж 1 марта. Этот Париж, которым завладел народ, больше не был Парижем знати и крупной буржуазии 1815 года. С домов свисали черные флаги, но пустынные улицы, закрытые магазины, пересохшие фонтаны, закрытые покрывалами статуи на площади Согласия, не зажигаемый по ночам газ еще более красноречиво свидетельствовали о том, что город находится в агонии. Проституток, отважившихся проникнуть в расположение врага, публично выпороли. Кафе на Елисейских полях, открывшее свои двери победителям, было разграблено. В Сен-Жерменском предместье был только один *знатный сеньор* который предложил пруссакам свой дом.

Пэрис все еще вздрагивала от этого оскорбления, когда из Бордо на нее обрушилась новая лавина оскорблений. Ассамблея не только не нашла ни слова, ни действия, чтобы помочь ей в этом болезненном кризисе, но и ее газеты, во главе с *Журналом Officiel*, были возмущены тем, что она подумала о защите от пруссаков. В бюро подписывалось предложение о переносе места проведения Ассамблеи за пределы Парижа. Разрабатываемый закон о просроченных счетах и арендной плате за жилье открывал перспективу бесчисленных неудач. Мир был принят, за него поспешно проголосовали, как за обычное дело. Эльзас, большая часть Лотарингии, 1 600 000 французов, оторванных от своей родины, пять миллиардов, которые нужно выплатить, форты к востоку от Парижа, которые нужно оккупировать до выплаты первых 500 000 000 франков, и восточные департаменты до полной выплаты; вот чего стоили нам Трошю, Фавр и коалиция, цена, за которую Бисмарк предоставил нам *Chambre introuvable*. И чтобы утешить Париж в столь большом позоре, г-н Тьер назначил генералом Национальной гвардии неспособного и жестокого командующего первой армией Луары Д'Ореля де Паладина. Два сенатора, Виноа и Д'Орель, два бонапартиста во главе республиканского Парижа — это было уже слишком. Весь Париж предчувствовал *государственный переворот*. [69]

В тот вечер на бульварах собрались большие группы. Национальная гвардия, отказавшись признать Д'Ореля своим командиром, предложила назначить Гарибальди. 3-го числа двести батальонов отправили своих делегатов в Воксхолл. Дело началось с зачитывания устава. В преамбуле Республика объявлялась "единственным правительством, основанным на законе и справедливости, стоящим выше всеобщего избирательного права, которое является ее детищем". "Делегаты, - гласила статья 6, - должны предотвращать любые попытки, целью которых было бы свержение Республики". Центральный комитет состоял из трех делегатов от каждого округа, избираемых ротами, батальонами, легионами и *главнокомандующими легиона*.^[70] В ожидании очередных выборов собрание тут же назначило временный исполнительный комитет. Варлен, Пинди, Жак Дюран и некоторые другие социалисты Кордери входили в его состав, поскольку между Центральным комитетом, или, скорее, комиссией, разработавшей устав, и тремя группами Кордери было достигнуто соглашение. Варлин провел единогласное голосование за немедленное переизбрание офицеров Национальной гвардии. Было выдвинуто другое предложение: "Чтобы департамент Сены образовал независимую республику на случай, если Ассамблея попытается обезглавить Париж", — предложение, необоснованное по своей концепции, неправильно составленное, которое, казалось, изолировало Париж от остальной Франции — антиреволюционная, антипарижская идея, жестоко используемая против Коммуны. Кто же тогда должен был кормить Париж, если не провинции? Кто должен был спасти наших крестьян, если не Париж? Но Парис в течение шести месяцев была прикована к уединенной жизни; она одна до последнего момента выступала за продолжение борьбы любой ценой, одна утвердила Республику голосованием. Ее уход, голосование провинций, сельского большинства заставили столько людей, готовых умереть за всемирную республику, вообразить, что Республика может быть заперта в Париже.

СНОСКИ:

[63] 3-й округ, А. Женоталь; 4-й, Алавуан; 5-й, Мане; 6-й, В. Фронтир; 7-й, Бадуа; 8-й, Мортероль?; 9-й, Майер; 10-й, Арнольд; 11-й, Пиконель; 12-й, Одойно; 13-й, Сонсиал; 14-й, Дакоста; 15-й, Массон; 16-й, Пе; 17-й - Вебер; 18-й - Труйе; 19-й - Лагард; 20-й - А. Бонит. Корти остался президентом, Рамель - секретарем.

[64] Вино, *"Перемирие и коммуна"*, стр. 128.

[65] Реакционеры заявили, что эти опасения были притворными; что пушки были в безопасности от пруссаков. Это настолько ложно, что сам генеральный штаб опасался неожиданности. See Mortemart, chef d'état-major, *Enquête sur le 4 Septembre*, vol. ii. p. 844.

[66] *Запрос на 18 Марта*, полковник Лавин, том ii. стр. 467.

[67] "Первые пушки были взяты, унесены с собой при известии о вступлении пруссаков. И все это, господа, поверьте мне, было похищено преданными порядку гражданами, национальными гвардейцами Пасси и Отейля, и куда увезено? Из Ранелага". — *Жюль Ферри, Анкета на 18 Марта*, том ii. стр. 68.

[68] А. Алавуан, А. Буи, Фронтир, Бурсье, Давид, Бюиссон, Харонд, Гриц, Тессье, Рамель, Бадуа, Арнольд, Пиконель, Одойно, Массон, Вебер, Лагард, Ж. Ларок, Ж. Бержере, Пушен, Лавалетт, Флери, *Maljournal*, Шуто, Кадаз, Гасто, Дютиль, Матте, Мутен. Только десять из тех, кто был

избран на 15-й цифре в этом документе. Различные делегации, воздержавшиеся и нерегулярно присоединившиеся назвали почти двадцать новых имен.

[69] Роже дю Нор, начальник штаба Д'Ореля, "слышал, как во всех подразделениях Национальной гвардии говорили: "Зачем ставить человека с такой энергией во главе Национальной гвардии, если не для того, чтобы совершить *государственный переворот*?" — *Анкета на 18 Марта*, том ii.

[70] Национальные гвардейцы каждого из двадцати округов были сформированы в отдельный легион.

ГЛАВА II.

"Cette république a été menacée par l'Assemblée, a-t-on dit, Messieurs, quand l'insurrection a éclaté, l'Assemblée ne s'était encore signalée au point de vue politique que par deux actes: la nomination du chef du pouvoir exécutif et l'acceptation d'un cabinet républicain." — *Discours de M. Larcy, du Centre Gauche, contre l'Amnistie, Séance du 18 Mai 1876.*

КОАЛИЦИЯ ОТКРЫВАЕТ ОГОНЬ По ПАРИЖУ — ФОРМИРУЕТСЯ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — М. ТЬЕР ОТДАЕТ ПРИКАЗ О ШТУРМЕ.

На сельский плебисцит парижская национальная гвардия ответила своей федерацией; на угрозы монархистов, на проекты обезглавливания, - взятием Бастилии; на назначение Д'Ореля - резолюциями 3 марта. То, на что не смогли повлиять опасности осады, осуществила Ассамблея — союз среднего класса с пролетариатом. Подавляющее большинство Парижа смотрело на растущую армию Республики без сожаления. 3-го числа министр внутренних дел Пикар осудил

"анонимный центральный комитет" и призвал "всех добропорядочных граждан подавить эти преступные проявления", но никто не пошевелился. Кроме того, обвинение было смехотворным. Комитет появился в день открытых дверей, разослал свои протоколы в газеты и всего лишь выступил с манифестацией, чтобы спасти Париж от катастрофы. На следующий день был получен ответ: "Комитет не является анонимным; это союз представителей свободных людей, стремящихся к солидарности всех членов Национальной гвардии. Его акты всегда подписывались. Оно с презрением отвергает клевету, обвиняющую его в подстрекательстве к грабежу и гражданской войне". Далее следовали подписи.[71]

Руководители коалиции ясно видели, в какую сторону развиваются события. Республиканская армия с каждым днем увеличивала свой арсенал мушкетов, и особенно пушек. Теперь боеприпасы находились в десяти разных местах — у Итальянской заставы, в предместье Сент-Антуан, на холмах Монмартра. Красный плакат информировал Париж о создании Центрального комитета федерации национальной гвардии и приглашал граждан организовать в каждом округе комитеты батальонов и советы легионов и назначить делегатов в Центральный комитет. Ансамбль, пыл движения, казалось, свидетельствовали о мощной организации Центрального комитета. Еще несколько дней, и ответ народа был бы полным, если бы удар не был нанесен сразу.

Чего они не поняли, так это мужественного сердца врага. Победа 22 января ослепила их. Они верили рассказам своих журналов, в трусость национальных гвардейцев, в бахвальство Дюкро, который в бюро Собрания клялся в вечной ненависти к демагогам, но ради которого, по его словам, он победил бы.[72] Хулиганы реакции воображали, что могут проглотить Париж одним глотком.

Операция была проведена с канцелярским мастерством, методично и дисциплинированно. Легитимисты и орлеанисты, расходясь во мнениях относительно имени монарха, приняли компромисс Тьера, равную долю в правительстве, который получил название "бордосский пакт". Кроме того, против Парижа не могло быть разделения.

С начала марта провинциальные газеты одновременно сообщали о поджогах и грабежах в Париже. 4-го числа в бюро Собрания распространился только один слух — что вспыхнуло восстание; что телеграфная связь прервана; что генерал Виноа отступил на левый берег Сены. Правительство, которое распространяло эти слухи,[73] отправило четырех депутатов, которые также были мэрами, в Париж. Они прибыли 5-го и нашли Париж совершенно спокойным, даже веселым.[74] Мэры и адъютанты, собранные министром внутренних дел, засвидетельствовали спокойствие в городе. Но Пикард, не сомневающийся в заговоре, сказал: "Это спокойствие только кажущееся. Мы должны действовать". А ультраконсервативный Вотрен добавил: "Мы должны взять быка за рога и арестовать Центральный комитет".

Правые не переставали травить быка. Насмешки, провокации, оскорбления посыпались на Париж и ее представителей. Некоторые из них, Рошфор, Тридон, Мэлон и Ранк, когда уходили после голосования, изуродовавшего страну, сопровождались криками "Приятного вам путешествия". Виктора Гюго, защищавшего Гарибальди, освистали. К требованию Делеклюза об импичменте членов Национальной обороны прислушались не лучше. Жюль Симон заявил, что поддержит закон о запрете ассоциаций. 10-го числа было открыто нарушение. Была принята резолюция о том, что Париж больше не должен быть столицей и что Ассамблея должна заседать в Версале. Это требовало создания Коммуны, поскольку Париж не мог оставаться

одновременно без правительства и без муниципалитета. Найдя поле битвы, отчаяние заключалось в том, чтобы снабдить его армией. Правительство уже решило продолжать выплачивать жалование Национальной гвардии только тем, кто об этом попросит. Ассамблея постановила, что счета, подлежащие оплате 13 ноября 1870 года, должны быть оплачены 13 марта, то есть через три дня. Министр Дюфор упрямо отказывался от каких-либо уступок по этому вопросу. Несмотря на настоятельные призывы Мильера, Ассамблея отказалась принять какой-либо закон о защите жильцов, чья арендная плата за жилье была просрочена в течение шести месяцев. Двести или триста тысяч рабочих, лавочников, модельеров, мелких фабрикантов, работавших в своих собственных квартирах, которые израсходовали свой небольшой запас денег и больше не могли зарабатывать, поскольку весь бизнес застопорился, были, таким образом, брошены на милость землевладельца, на голод и банкротство. С 13 по 17 марта было опозорено 150 000 банкнот. Наконец, Право обязало М. Тьер заявил с трибуны, "что Ассамблея может приступить к своим обсуждениям в Версале, не опасаясь *эмиграции*", тем самым вынудив его действовать немедленно, поскольку депутаты должны были снова встретиться в Версале 20-го.

Д'Орель начал операции против Национальной гвардии, заявив, что подчинит ее строгой дисциплине и очистит от плохих элементов. "Мой первый долг, — гласил его распорядок дня, — обеспечить должное уважение к закону и собственности", — эта вечная провокация со стороны буржуазии, когда она приходит к высшей власти в результате революционных событий.

К нему присоединились и другие сенаторы. 7-го Виноа выбросил на улицы по восемь шиллингов за голову двадцать одну тысячу мобильных телефонов Сены. 11-го, в день, когда Париж узнал о ее обезглавлении и разорительных декретах, Виноа закрыл шесть республиканских журналов, четыре из которых, "*Критика народа*", "*Мот д'Ордре*", "*Отец Дюшен*" и "*Месть*", имели тираж 200 000 экземпляров. В тот же день военный трибунал, который судил обвиняемых 31 октября, приговорил нескольких человек к смертной казни, среди прочих Флуранса и Бланки. Таким образом, пострадали все — буржуа, республиканцы, революционеры. Это Собрание Бордо, смертельный враг Парижа, чужой ей по чувствам, уму и языку, казалось Правительством иностранцев. Торговые кварталы, так же как и предместья, подняли всеобщий протест против этого.^[75]

С этого момента последние колебания исчезли. Мэр Монмартра Клемансо в течение нескольких дней интриговал, добиваясь сдачи пушки, и даже нашел офицеров, готовых капитулировать; но батальон запротестовал, и 12-го, когда Д'Орель отправил свои команды, гвардейцы отказались сдать орудия. Пикар, попытавшись проявить твердость, послал за Корти, сказав: "Члены Центрального комитета рискуют своими головами", и получил квазиобещание. Комитет исключил Корти.

Начиная с 6-го, он собирался в зале Кордери. Хотя он держался в стороне и был полностью независим от трех других групп, репутация этого места была полезна для него. Это свидетельствовало о хорошей политике и поставило в тупик интриги *коменданта* Дю Биссона, офицера, который служил за границей и участвовал в предприятиях сомнительного характера, и который пытался создать Центральный комитет сверху из командиров батальонов. Центральный комитет направил в эту группу трех делегатов, где они встретили оживленную оппозицию. Один командир батальона, Барберет, проявил себя особенно беспокойным; но другой, Фальто, увел Собрание, сказав: "Я иду к народу". Объединение было завершено 10-го

числа, в день общего собрания делегатов. Комитет представил свой еженедельный отчет. В нем рассказывалось о событиях последних дней, назначении Д'Ореля, угрозах Пикара, справедливо замечая: "Таковыми, какие мы есть, нас сделали события: неоднократные нападки прессы, враждебной демократии, научили этому, угрозы правительства подтвердили это; мы - неумолимый барьер, воздвигнутый против любой попытки свержения Республики". Делегатам было предложено ускорить выборы Центрального комитета. Было составлено обращение к армии: "Солдаты, дети народа! Давайте объединимся, чтобы служить Республике. Короли и императоры причинили нам достаточно вреда. На следующий день солдаты, недавно прибывшие из армии Луары, собрались перед этими красными плакатами, на которых были написаны имена и адреса всех членов Комитета.

Революция, лишенная своих журналов, говорила теперь с помощью плакатов самого разнообразного цвета и мнений, развешанных по всем стенам. Флуранс и Бланки, осужденные за неповиновение, вывесили плакаты со своими протестами. Подкомитеты формировались во всех популярных округах. Главой тринадцатого округа был молодой железный основатель Дюваль, человек холодной и властной энергии. Подкомитет улицы Розье окружил свои пушки рвом и охранял их днем и ночью.[76] Все эти комитеты отменили приказы Д'Ореля и были истинными командирами Национальной гвардии.

Несомненно, Париж был встревожен, готовый искупить свое отречение во время осады. Этот Париж, тощий и угнетенный нуждой, отложил мир и дела, думая только о Республике. Временный центральный комитет, не заботясь о Виное, который потребовал ареста всех его членов, 15-го числа выступил на общем собрании в Воксхолле. Были представлены двести пятнадцать батальонов, которые провозгласили Гарибальди главнокомандующим Национальной гвардией. Оратор Луллье ввел Собрание в заблуждение. Он был бывшим морским офицером, совершенно безмозглым, с подобием военного образования, и, когда не был подогрет алкоголем, у него бывали периоды просветления, которые могли обмануть любого. Он был назначен командующим полковником артиллерии. Затем шли имена тех избранных членов Центрального комитета, всего около тридцати, поскольку в нескольких округах голосование еще не проводилось. Это был обычный Центральный комитет, который должен был быть создан в Отель-де-Виль. Многие из избранных входили в состав предыдущей комиссии. Все остальные были столь же малоизвестны, принадлежали к пролетариату и мелкому среднему классу, известным только их батальонам.

Что имело значение в их безвестности? Центральный комитет не был правительством во главе партии. У него не было никакой утопии, которую можно было бы инициировать. Одна только очень простая идея - страх перед монархией - могла объединить столько батальонов. Национальная гвардия служила надежной защитой от *государственного переворота*, ибо, если Тьер и его агенты повторяли слово "Республика", их собственная партия и Собрание кричали: "Да здравствует король!" Центральный комитет был стражем, вот и все.

Надвигалась буря; все было неопределенно. Интернационал созвал депутатов-социалистов, чтобы спросить их, что делать. Но никакого нападения не планировалось и даже не предполагалось. Центральный комитет официально заявил, что народ не сделает первого выстрела и что он будет защищаться только в случае агрессии.

Агрессор, г-н Тьер, прибыл 15-го. Он давно предвидел, что придется вступить в ужасную борьбу с Парижем; но он намеревался действовать в удобное для себя время, чтобы вернуть город,

располагая сорокатысячной армией, хорошо подобранной, тщательно охраняемой от парижан. Этот план был раскрыт генералом. В этот момент у Тьера были лишь остатки армии.

230 000 человек, разоруженных в результате капитуляции, в основном мобилы или мужчины, у которых закончился срок службы, были отправлены домой в спешке, поскольку они только пополнили бы парижскую армию. Уже несколько мобилей, морских пехотинцев и солдат заложили основу республиканского объединения с Национальной гвардией. У Виноя оставалась только дивизия, предоставленная ему пруссаками, и 3000 сержантов, или жандармов, всего 15 000 человек, довольно плохо подготовленных. Лефио послал ему несколько тысяч человек, набранных в армиях Луары и Севера, но они прибывали медленно, почти без *кадров*, измученные и испытывающие отвращение к службе. На самом первом смотре Вайноя они были на грани бунта. Они оставили их бродить по Парижу, брошенных, смешавшихся с парижанами, которые помогали им, женщины приносили им супы и одеяла в их хижинах, где они замерзали. Фактически, 19-го числа у правительства было всего около 25 000 человек, без сплоченности и дисциплины, две трети из них перешли в предместья.

Как разоружить 100 000 человек при такой толпе? Ведь для того, чтобы унести пушки, необходимо было разоружить Национальную гвардию. Парижане больше не были новичками в военном деле. "Забрав наши пушки, - говорили они, - они сделают наши мушкеты бесполезными". Коалиция ничего не желала слушать. Едва прибыв на место, они призвали М. Нужно действовать, немедленно вскрывать нарыв. Финансисты — без сомнения, те же, кто ускорил войну, чтобы придать новый импульс своей работе[77]— сказали ему: "Вы никогда не сможете проводить финансовые операции, если не покончите с этими негодяями".[78] Все они заявляли, что захват пушки будет просто детской забавой.

За ними действительно почти не следили, но потому, что Национальная гвардия знала, что они находятся в безопасном месте. Достаточно было бы поднять несколько булыжников, чтобы предотвратить их перемещение по узким крутым улочкам Монмартра. При первой тревоге весь Париж поспешил бы на помощь. Это было видно 16-го числа, когда жандармы явились, чтобы забрать с площади Вогезов пушку, обещанную Вотреном. Со всех сторон подоспели национальные гвардейцы и отвинтили детали, а владельцы магазинов на улице Турнель начали расчищать улицу.

Атака была бессмысленной, и именно это заставило Париж оставаться в обороне. Но М. Тьер ничего не заметил - ни недовольства средних классов, ни глубокого раздражения предместий. Маленький человечек, всю свою жизнь обманываемый даже Мак-Магоном, побуждаемый приближением 20 марта, подстегиваемый Жюлем Фавром и Пикаром, которые после провала 31 октября считали революционеров неспособными на какие-либо серьезные действия и ревниво стремились сыграть роль Бонапарта, с головой окунулся в это предприятие. 17-го он собрал совет и, не рассчитав свои силы или силы противника, не предупредив мэров (Пикар официально пообещал им не пытаться применять силу, не посоветовавшись с ними), не выслушав командиров буржуазных батальонов,[79] это правительство, слишком слабое, чтобы арестовать даже двадцать пять членов Центрального комитета, отдало приказ унести двести пятьдесят пушек[80] охраняется всем Парижем.

СНОСКИ:

[71] Арнольд, Ж. Бержере, Буи, Кастиони, Шовьер, Шуто, Курти, Дютиль, Флери, Фронтир, Х. Фортуне, Лакорд, Лагард, Лавалетт, Мальжурналь, Матте, Остин, Пиконель, Пинди, Прюдом, Варлен, Х. Верле, Виар . Многие из этих имен, имена представителей, избранных 3-го числа, были новыми. С другой стороны, многие из тех, кто фигурировал в плакате 28-го, отсутствовали, потому что подписали только те, кто присутствовал на заседании.

[72] Он осмелился заявить с трибуны, что вернулся только 3-го, "чтобы спасти Париж от любых демагогических попыток".

[73] Префектура Ренна опубликовала это правительственное сообщение: "В Париже организуется преступный мятеж. Я посылаю силы, которые, объединившись с честной Национальной гвардией Парижа и другими регулярными войсками, которые все еще находятся там, подавят, я надеюсь, эту гнусную попытку".

[74] Жюль Ферри, оставшийся в Париже, телеграфировал 5-го правительству: "Никогда воскресенье не было более спокойным, несмотря на зловещие сообщения. Население наслаждается солнцем и прогулками, как будто ничего не произошло. Я больше не верю в опасность".

[75] "Голосование Ассамблеи, - писал Жюль Фавр, - было встречено в Париже крайне неодобрительно; не только среди фанатиков и агитаторов; все классы населения проявили себя почти единодушно. Все увидели в этом оскорбление и угрозу. Повсюду повторялось, что это был первый акт монархического *государственного переворота*; что Ассамблея была готова назначить короля и что, зная непопулярность своей работы, она стремилась выполнить ее вдали от глаз тех, кто мог бы ей воспротивиться".

[76] Это Комитет, который многие принимали за Центральный комитет.

[77] Некоторые биржевые спекулянты, полагая, что шестинедельная кампания придаст новый импульс спекуляциям, которыми они жили, сказали: "Это неприятный момент, придется пожертвовать примерно 50 000 человек, после чего горизонт прояснится и торговля оживится".—*M. Thiers, Enquête sur le 4 Septembre*, vol. i. p. 9.

[78] *Анкета на 18 Марта*, М. Тьер, том ii. стр. 11.

[79] Вечером Д'Орель собрал сорок самых надежных и спросил их, пойдут ли их батальоны в поход. Все они говорили, что на их людей нельзя рассчитывать. *Enquête sur le 18 Mars*, vol. ii. p. 435, 456.

[80] Это количество фигур , указанное М. Thiers in the *Enquête sur le 18 Mars*.

ГЛАВА III.

"Nous avons donc fait ce que nous devions faire; rien n'a provoqué l'insurrection de Paris."—*Discours de M. Dufaure contre l'Amnistie, Séance du 18 Mai 1876.*

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА.

Исполнение было таким же глупым, как и замысел. 18 марта, в три часа ночи, несколько колонн разошлись в разных направлениях к холмам Шомон, Бельвилю, предместью Тампль, Бастилии, Ратуше, площади Сен-Мишель, Люксембургскому саду, тринадцатому округу и дому инвалидов. Генерал Сюзбьель двинулся на Монмартр с двумя бригадами численностью около 6000 человек. Все было тихо и безлюдно. Бригада Патюреля овладела Мулен-де-ла-Галетт, не нанеся ни одного удара. Бригада Леконта заняла башню Сольферино, встретившись только с одним часовым, Тюрпенем, который скрестил с ними штыки и был зарублен жандармами. Затем они бросились к посту на улице Розье, взяли его штурмом и загнали национальных гвардейцев в пещеры башни Сольферино. В шесть часов неожиданность была полной. Местье Клемансо поспешил на холмы, чтобы поздравить генерала Леконта. Повсюду пушки были застигнуты врасплох таким же образом. Правительство восторжествовало по всей линии, и Д'Орель разослал в газеты воззвание, написанное в духе завоевателя.

Требовалось только одно - упряжки для перевозки добычи. Виной почти забыл о них. В восемь часов они начали разделявать несколько лошадей. Тем временем жители предместья просыпались, и магазины открывались рано. Вокруг молочниц и перед винными лавками люди заговорили вполголоса; они указывали на солдат, митральезы были направлены на улицы, стены были увешаны еще влажными плакатами с подписью М. Тьер и его министры. Они говорили о парализованной торговле, приостановленных заказах, напуганных столицах: "Жители Парижа, в ваших интересах правительство решило действовать. Пусть хорошие граждане отделятся от плохих; пусть они помогут общественной силе; они окажут услугу самой Республике", - сказала ММ. Пуйе-Кертье, Де Ларси, Дюфор и другие республиканцы. Вывод заимствован из декабрьской фразеологии: "Виновные должны быть переданы правосудию. Порядок, полный, немедленный и неизменный, должен быть восстановлен". Они говорили о порядке; кровь должна была пролиться.

Как и в наши великие дни, первыми начали действовать женщины. Те, кто был 18 марта, закаленные осадой — они получали двойную порцию страданий, — не стали дожидаться людей. Они окружили митральезы, обратились к сержанту, командовавшему орудием, со словами: "Это позор; что вы там делаете?" Солдаты не ответили. Время от времени какой-нибудь унтер-офицер обращался к ним: "Ну же, мои добрые женщины, отойдите с дороги". В то же время горстка национальных гвардейцев, направляясь к посту на улице Дудовиль, нашла там два барабана, которые не были разбиты, и отбиласпуск. В восемь часов они насчитывали 300 офицеров и гвардейцев, которые поднимались по бульвару Орнано. Они встретили взвод солдат 88-го полка и с криками "Да здравствует Республика!" завербовали их. К ним присоединился и пост на улице Дежан, и, подняв приклады своих мушкетов, солдаты и охранники вместе двинулись к улице Мюллер, которая ведет к холмам Монмартра, обороняемым с этой стороны бойцами 88-го полка. Они, увидев, что их товарищи смешались со стражниками, сделали им знак подойти, чтобы они пропустили их. Генерал Леконт, увидев эти знаки, приказал заменить солдат городскими сержантами и запер их в башне Сольферино, добавив: "Вы получите по заслугам". Сержанты сделали несколько выстрелов, на что охранники ответили. Внезапно на другом фланге, со стороны улицы Розье, появилось большое количество национальных гвардейцев с поднятыми прикладами мушкетов, женщин и детей. Генерал Леконт, оказавшись в окружении, трижды отдавал приказы открывать огонь. Его люди стояли неподвижно, держа оружие наготове. Толпа, наступая, вступила с ними в братство, и Леконт и его офицеры были арестованы.

Солдаты, которых он только что запер в тауэре, хотели застрелить его, но несколькими национальным гвардейцам с большим трудом удалось освободить его, поскольку толпа приняла его за Виноя, и они отвели его вместе с офицерами в Шато-Руж, где располагался штаб батальонов Национальной гвардии. Там они попросили у него приказ об эвакуации холмов. Он подписал его без колебаний.^[81] Приказ был немедленно доведен до сведения офицеров и солдат на улице Розье. Жандармы сдали свои ружья и даже закричали: "Да здравствует Республика!" Три выстрела из пушки возвестили о взятии Холмов.

Генерал Патурель, который хотел унести пушку, застигнутый врасплох в Мулен-де-ла-Галетт, столкнулся с живой баррикадой на улице Лепик. Люди остановили лошадей, перерезали путы, разогнали артиллеристов и вернули пушку на свой пост. На площади Пигаль генерал Сюзбьель отдал приказ атаковать толпу, собравшуюся на улице Гудон, но перепуганные егеря пришпорили своих лошадей, и над ними посмеялись. Капитан, бросившийся вперед с саблей в руке, ранил часового и упал, пронзенный пулями. Генерал бежал. Жандармы, которые начали стрелять из-за хижин, вскоре были оттеснены, и основная масса солдат перешла к народу.

В Бельвиле, Бют-Шомоне, Люксембургевойска повсюду братались с толпами, собравшимися при первой тревоге.

К одиннадцати часам народ разгромил агрессоров на всех участках, сохранил почти все свои пушки, из которых было унесено только десять, и захватил тысячи шассепотов. Все их батальоны были теперь пешими, и люди из предместий начали расчищать улицы.

С шести часов утра Д'Орель бил по канату в центральных кварталах, но тщетно. Батальоны, ранее известные своей преданностью Трошю, послали на место встречи всего двадцать человек. Весь Париж, прочитав плакаты, воскликнул: "Это *государственный переворот*". В двенадцать часов Д'Орель и Пикар забили тревогу: "Правительство призывает вас защищать

свои дома, свои семьи, свою собственность. Какие-то заблудшие люди под предводительством каких-то тайных вождей поворачивают против Парижа пушки, спрятанные у пруссаков". Эти июньские воспоминания 1848 года, это обвинение в не деликатности по отношению к пруссакам никого не взволновали, и все министерство пришло на помощь: "Распространяется абсурдный слух, что правительство готовит *государственный переворот*. Оно хотело и желает покончить с повстанческим комитетом, члены которого представляют только коммунистические доктрины". Эти неоднократно звучавшие сигналы тревоги подняли всех 500 человек.[82]

Правительство находилось в Министерстве иностранных дел, и после первых неудач г-н Тьер отдал приказ отступить со всеми войсками на Марсово поле. Когда он увидел дезертирство Национальной гвардии Центра, он заявил, что необходимо эвакуировать Париж. Несколько министров возражали, хотели, чтобы несколько пунктов были защищены: Отель-де-Виль, его казармы, занятые бригадой Дерроха, Военная школа и чтобы они заняли позицию на Трокадеро. Маленький человечек, совершенно сбитый с толку, желал слышать только о крайних мерах. Леффло, которого чуть не сделали узником Бастилии, энергично поддержал его. Было решено эвакуировать весь город, даже форты на юге, восстановленные пруссаками за две недели до этого. Около трех часов популярные батальоны Гро Кайю прошли маршем мимо Ратуши под звуки барабанов и труб. Совет счел себя окруженным.[83] М. Тьер сбежал по черной лестнице и уехал в Версаль настолько не в себе, что на мосту Севр отдал письменный приказ эвакуировать Мон-Валерьен.

В тот самый час, когда бежал г-н Тьер, революционные батальоны еще не предприняли никакой атаки и не заняли никаких официальных постов.[84] Утренняя агрессия удивила Центральный комитет, как и весь Париж. Накануне вечером они, как обычно, расстались, назначив себе встречу 18-го числа, в одиннадцать часов вечера, за Бастилией, в школе на улице Басфруа; площадь Кордери, за которой усиленно наблюдала полиция, больше не была безопасной. После 15-го числа новые выборыполнили их число, и они назначили Комитет обороны. При известии о нападении одни побежали на улицу Басфруа, другие занялись формированием батальонов в своих кварталах: Варлен в Батиньоле, Бержере, недавно назначенный шеф-легионером, на Монмартре, Дюваль в Пантеоне, Пинди в третьем округе, Фальто на улице Севр. Ранвье и Брюнель, не принадлежа к Комитету, агитировали Бельвиль и десятый округ. В десять часов дюжина членов организации собрались вместе, заваленные сообщениями со всех сторон и время от времени получая заключенных. Положительные сведения поступили только к двум часам. Затем они составили своего рода план, по которому все батальоны федералистов должны были собраться у Ратуши, а затем разойтись во всех направлениях для передачи приказов.[85]

Батальоны действительно были приведены в боевую готовность, но не выступили в поход. Революционные кварталы, опасаясь возобновления атаки и не обращая внимания на всю полноту своей победы, прочно забаррикадировались и оставались на своих местах. Даже Монмартр кишел всего лишь стражниками в поисках новостей и распущенными солдатами, для которых собирались пожертвования, поскольку они с утра ничего не ели. Около половины четвертого Комитет бдительности восемнадцатого округа, учрежденный на улице Клиньянкур, был проинформирован о том, что генералу Леконту угрожает большая опасность. Толпа, состоявшая в основном из солдат, окружила Шато-Руж и потребовала генерала. Члены Комитета бдительности Ферре, Жаклар и Бержере немедленно отправили приказ коменданту

Шато-Руж охранять заключенного, который должен был предстать перед судом. Когда прибыл заказ, Леконт только что ушел.

Он давно просил, чтобы его отвели в Центральный комитет. Начальники поста, сильно встревоженные криками толпы, стремясь избавиться от своей ответственности и полагая, что этот Комитет заседает на улице Розье, решили проводить генерала и его офицеров туда. Они прибыли около четырех часов, пройдя сквозь ужасно раздраженную толпу, но никто не поднял на них руку. Генерала тщательно охраняли в маленькой гостиной на первом этаже. Там возобновились сцены Шато-Руж. Разъяренные солдаты требовали его смерти. Офицеры Национальной гвардии предпринимали отчаянные попытки успокоить их, крича: "Подождите Комитет". Им удалось выставить часовых и на некоторое время утихомирить беспорядки.

Никто из членов Комитета еще не прибыл, когда в половине пятого улицу наполнили грозные крики и, преследуемый свирепой толпой, человек с белой бородой был прижат к стене дома. Это был Клеман Тома, человек июня 1848 года, оскорбитель революционных батальонов. Его узнали и арестовали на Шоссе мучеников, где он осматривал баррикады. Несколько офицеров Национальной гвардии, гарибальдийский капитан Герпен-Лакруа и несколько французов пытались остановить смертоносную толпу, тысячу раз повторяя: "Подождите Комитет! Предать военному суду!" Их толкнули, и Клеман-Тома снова схватили и швырнули в маленький садик при доме. Двадцать мушкетов, направленных на него, сбили его с ног. Во время этой казни солдаты разбили окна в комнате, где содержался генерал Леконт, набросились на него и потащили в сад. Этот человек, который утром трижды приказывал открыть огонь по людям, плакал, умолял о пощаде и говорил о своей семье. Его прижали к стене, и он упал под пулями.

Эти репрессии закончились, гнев масс утих. Они позволили доставить офицеров из свиты Леконта обратно в Шато-Руж, и с наступлением темноты их отпустили.

Пока происходили эти казни, люди, так долго стоявшие в обороне, начали приходить в движение. Брюнель окружил казармы принца Евгения, удерживаемые 120-м полком. Полковник в сопровождении примерно сотни офицеров, напустив на себя надменный вид, приказал Брюнелю посадить их всех под замок. Две тысячи ружей попали в руки народа. Брюнель продолжил свое шествие по улице Тампль к Ратуше. Национальная импримери была занята в пять часов. В шесть часов толпа с топорами атаковала двери наполеоновских казарм. Раздался выстрел из проема, и три человека упали; но солдаты показывали знаки из окон улицы Риволи, крича: "Это жандармы стреляли. Vive la République!" Вскоре после этого они открыли двери и позволили унести свое оружие.^[86]

В половине восьмого Отель-де-Виль был почти окружен. Жандармы, которые занимали его, бежали по подземному ходу казарм Лобау. Около половины девятого Жюль Ферри и Вабр, полностью покинутые своими людьми, оставленные без какого-либо приказа правительства, тоже ускользнули. Вскоре после этого колонна Брюнеля прибыла на площадь и захватила Отель-де-Виль, куда в то же время со стороны набережных прибыл Ранвье.

Численность батальонов постоянно увеличивалась. Брюнель отдал приказ возвести баррикады на улице Риволи, на набережных, оцепил все подходы, распределил посты и выслал сильные патрули. Одному из них, окружавшему мэрию Лувра, где совещались мэры, почти удалось поймать Ферри, который спас себя, выпрыгнув из окна. Мэры вернулись в мэрию Биржевой площади.

Они уже встречались там днем вместе со многими помощниками, очень обиженные бессмысленной атакой правительства, ожидая информации и идей. К четырем часам они отправили делегатов к правительству. мсье Тьер уже ушел. Пикар вежливо проводил их. Д'Орель умыл руки в связи со всем этим делом, заявив, что этим занимались адвокаты. Однако ночью возникла необходимость принять решение. Федеральные батальоны уже окружили ратушу и заняли Вандомскую площадь, куда Варлен, Бержере и Арнольд повели батальоны Монмартра и Батиньоля. Вашро, Вотрен и несколько реакционеров говорили о сопротивлении любой ценой, как будто за ними стояла армия. Другие, более разумные, искали какой-нибудь выход. Они думали, что смогут все уладить, назначив префектом полиции Эда.Адам, отличившийся в боях с повстанцами в июне 1848 года и в качестве генерала Национальной гвардии, легкомысленный прудонист Ланглуа, бывший интернационалист, который утром был за движение 31 октября, вечером - против него и был назначен депутатом благодаря царапине, полученной во время жестикуляции в Бузенвале. Делегаты отправились предлагать Жюлю Фавру это блестящее решение. Он наотрез отказался, сказав: "Мы не можем вести переговоры с наемными убийцами". Эта комедия была разыграна только для того, чтобы оправдать эвакуацию Парижа, которую он скрыл от мэров. Во время конференции было объявлено, что Жюль Ферри покинул Отель-де-Виль. Другой Жюль изобразил удивление и поручил мэрам призвать батальоны порядка для замены исчезнувшей армии.

Они вернулись ошеломленные этой насмешкой, униженные тем, что их совершенно оставили в неведении относительно намерений правительства. Если бы они обладали хоть каплей политического мужества, то отправились бы напрямую в Отель-де-Виль, вместо того чтобы снова начинать совещаться в своей мэрии. Наконец, в десять часов утра Пикар сообщил им, что они могут привезти своего Лафайета. Они немедленно отправили Ланглуа в Отель-де-Виль.

Некоторые члены Центрального комитета находились там с десяти часов, как правило, очень встревоженные и очень нерешительные. Никому из них и в голову не приходило, что власть так тяжело ляжет на их плечи. Многие не хотели сидеть в Отель-де-Виль. Они совещались. В конце концов было решено, что они останутся только на два-три дня, отведенных для выборов. Тем временем необходимо было пресечь любые попытки сопротивления. Присутствовал Луллье, который суетился вокруг Комитета в один из своих периодов серьезной просветленности, обещая предотвратить любую опасность и апеллируя к голосованию Воксхолла. В течение всего дня он не играл никакой роли.^[87] Комитет допустил грубую ошибку, назначив его главнокомандующим Национальной гвардией, в то время как Брюнель, который оказывал такую услугу с утра, уже был установлен в Отель-де-Виль.

В три часа объявил о себе Ланглуа, конкурент Луллье. Он был полон уверенности в себе и уже отправил свое воззвание в *Официальный журнал*. "Кто вы?" - спросили его часовые. "Генерал национальной гвардии", - ответил Ланглуа. Его сопровождали несколько депутатов от Парижа: Локруа, Курне и др. Комитет согласился их принять. "Кто назвал вас?" - спросили они Ланглуа. "Господин Тьер". Они улыбнулись этому апломбу сумасшедшего. Когда он отстаивал права Собрания, они подвергли его испытанию: "Признаете ли вы Центральный комитет?" - "Нет". Он сбежал, чтобы баллотироваться после своего воззвания.

Ночь была спокойной, фатально спокойной для свободы. У южных ворот Виноа увел свои полки, артиллерию и обоз в Версаль. Распущенные войска раздраженно трусили трусцой, оскорбляя жандармов.^[88] Штаб, верный своим традициям, потерял голову и оставил в Париже три полка,

шесть батарей и все канонерские лодки, которых было бы достаточно, чтобы пустить по течению реки. Малейшая демонстрация федералов остановила бы этот массовый исход. Отнюдь не думая о закрытии ворот, новый командующий Национальной гвардией — он хвастался этим перед военным советом — оставил все вопросы открытыми для армии.

СНОСКИ:

[81] Этот приказ, предписывающий войскам выстраиваться в ряд в окружении Национальной гвардии, был написан карандашом капитаном. Леконт переписал это чернилами, не изменив ни слова. Военный трибунал опроверг это, чтобы прославить этого генерала, который умер так малодушно.

[82] От пяти до шести сотен, говорит М. Тьер; четырнадцать человек на батальон, говорит Жюль Перри. *Enquête sur le 18 Mars*.

[83] М. Тьер в *Анжете на 18 Марта* говорит, во-первых, "Мы позволили им оскверниться", затем, двадцатью строками дальше, "Мы дали им отпор". Лефло не скрывал испуга, в котором находился Совет: "Момент показался мне критическим. И я сказал: "Я думаю, нам конец; нас уведут"; и действительно, батальонам стоило только проникнуть во дворец, и мы все были взяты до последнего человека. Но три батальона ушли, ничего не сказав". — Том ii. стр. 80.

[84] В отчете *Опроса 18 марта* говорилось, что "Комитет, не колеблясь, во второй половине дня 18 марта вступил во владение всеми административными органами". Это если не ложь, то призванная смягчить паническое бегство М. Тьер, — одно из грубейших доказательств незнания этого доклада, который приписывает выступление 24 февраля приказу Центрального комитета.

[85] Смотрите Приложение II., подробности работы Центрального комитета в течение этого дня, рассказанные одним из его членов.

[86] Вино имеет наглость заявить в своей книге *"Перемирие и коммуна"*: "Генерал собрал своих людей и с мечом в руке храбро встал во главе своих войск".

[87] Через десять дней после того, как он рассказал в безумном письме, написанном в Консьержери, что он сделал все; захватил Отель-де-Виль, префектуру полиции, Вандомскую площадь, Тюильри и т.д.; и это письмо упоминается как авторитетное в отчете *опроса 18 Марта*! На будущее я воздержусь от указания на ошибки, которыми изобилует этот отчет, представляющий собой невежественное и злобное резюме лжи, неточностей и враждебности, накопленных в ходе этого *расследования*, из которого были исключены все побежденные и даже самые мелкие противники. Совершенно недостаточный в качестве исторического источника, он вполне может послужить для описания интеллекта и морали французской буржуазии той эпохи.

[88] *Анкета на 18 Марта*, Маррей, том ii. стр. 200.

ГЛАВА IV.

"Nos cœurs brisés font appel aux vôtres."—*Les Maires et Adjoints de Paris et les Députés de la Seine à la Garde Nationale et à tous les Citoyens.*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЗЫВАЕТ ВЫБОРЩИКОВ — МЭРЫ ПАРИЖА И ДЕПУТАТЫ ОТ СЕНЫ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ НЕГО

Пэрис узнала о своей победе только утром 19 марта. Какая перемена на сцене, даже после всех перестановок в драме, разыгравшейся за последние семь месяцев! Над Отель-де-Виль развевался красный флаг. С ранним утренним туманом армия, правительство, Администрация испарились. Из глубин Бастилии, с безвестной улицы Басфруа Центральный комитет был поднят на вершины Парижа на глазах у всего мира. Таким образом, 4 сентября Империя исчезла; таким образом, левые депутаты получили в свои руки брошенную власть.

У Комитета, к его великой чести, была только одна мысль - восстановить свою власть в Париже. Если бы это были сектантские декреты, движение закончилось бы так же, как 31 октября. К счастью, она состояла из новичков, без прошлого и без политических притязаний; людей небольшого среднего класса, а также рабочих, лавочников, коммерческих клерков, механиков, скульпторов, архитекторов, мало заботящихся о системах, стремящихся прежде всего спасти Республику. На этой головокружительной высоте у них была только одна идея, которая поддерживала их, - закрепить за Парижем ее муниципалитет.

При Империи это был один из излюбленных приемов левых, с помощью которого они в основном завоевали расположение мелкойпарижской буржуазии, сильно униженной при виде правительственных выдвиженцев, восседавших на троне в Отель-де-Виль целых восемьдесят лет. Даже самые миролюбивые из них были шокированы непрекращающимся увеличением бюджета, множащимися займами и финансовыми махинациями Османна. И как они аплодировали Пикару, отменившему для крупнейшего и просвещеннейшего города Франции

по крайней мере права, которыми пользуется самая маленькая деревня, или когда он бросил вызов паше Сены, требуя предоставить регулярные отчеты! Ближе к концу империи идея выборного муниципального совета пустила корни; в определенной степени она была реализована на практике во время осады, и теперь только ее полная реализация могла утешить Париж в его децентрализации.

С другой стороны, народные массы, нечувствительные к буржуазному идеалу муниципального совета, были нацелены на Коммуну. Они призывали к этому во время осады как к оружию против внешнего врага; они все еще призывали к этому как к рычагу для искоренения деспотизма и нищеты. Какое им было дело до совета, пусть и выборного, но без реальных свобод и прикованного к государству - без власти над администрацией школ и больниц, правосудием и полицией, и совершенно непригодного для борьбы с социальным рабством своих сограждан? То, к чему стремились люди, было политической формой, позволяющей им работать над улучшением своего положения. Они видели, что все конституции и все представительные правительства противостоят воле так называемого представленного избирателя, а государственная власть, становясь все более и более деспотичной, лишает рабочих даже права защищать свой труд, и эта власть, которая предопределила даже сам воздух, которым можно дышать, всегда отказывалась вмешиваться в капиталистический разбой. После стольких неудач они были полностью убеждены, что действующий правительственный и законодательный режим по самой своей природе неспособен освободить рабочего. Этой эмансипации они ожидали от автономной коммуны, суверенной в пределах, совместимых с поддержанием национального единства. Общинная конституция должна была заменить представителя, господствующего над своим избирателем, строго ответственным императивом. Старая государственная власть, привитая стране, питающаяся ее содержанием, узурпирующая верховенство на основе разделенных и антагонистических интересов, организующая в интересах немногих правосудие, финансы, армию и полицию, должна была быть заменена делегированием всех автономных коммун.

Таким образом, муниципальный вопрос, апеллируя к законной восприимчивости одних, к смелым устремлениям других, собрал все классы вокруг Центрального комитета.

В половине девятого они провели свое первое заседание в том же зале, где Трошю был возведен на трон. Президентом был молодой человек лет тридцати двух, Эдвард Моро, мелкий комиссионер. "Он не был сторонником того, - сказал он, - чтобы заседать в Отель-де-Виль, но поскольку они были там, необходимо было немедленно урегулировать их ситуацию, сказать Парижу, чего они хотят, провести выборы в кратчайшие возможные сроки, обеспечить общественные службы и защитить город от неожиданностей".

Двое его коллег немедленно заявили: "Сначала мы должны выступить маршем на Версаль, разогнать Ассамблею и обратиться к Франции с призывом вынести решение".

Другой, автор ходатайства Воксхолла, сказал: "Нет. У нас есть только мандат на защиту прав Парижа. Если провинции разделяют наши взгляды, пусть они последуют нашему примеру".

Некоторые хотели завершить революцию, прежде чем обращаться к избирателям. Другие выступили против этого расплывчатого предложения. Комитет решил немедленно приступить к выборам и поручил Моро составить апелляцию. Пока документ подписывался, прибыл член Комитета и сказал: "Граждане, нам только что сообщили, что большинство членов

правительства все еще находятся в Париже; в первом и втором округах организуется попытка сопротивления; солдаты отбывают в Версаль. Мы должны принять срочные меры, чтобы наложить руки на министров, рассеять враждебные батальоны и не дать врагу покинуть город".

На самом деле Жюль Фавр и Пикар почти не покидали Париж. Зачистка министерств публично продолжалась; шеренги солдат все еще маршировали прочь через ворота левого берега. Но Комитет продолжал подписывать, пренебрегая этой традиционной мерой предосторожности — закрытием ворот - и проиграл выборы. Оно не понимало — пока что очень немногие понимали, — что это была смертельная схватка с Версальским собранием.

Комитет, распределяя работу, которую предстояло выполнить, назначил делегатов, которые должны были вступить во владение министерствами и руководить различными службами. Некоторые из этих делегатов были выбраны вне Комитета, из числа тех, кто считался людьми действия или революционерами. Когда кто-то заговорил об увеличении жалованья, его коллеги с негодованием ответили: "Мы здесь не для того, чтобы подражать правительству обороны. До сих пор мы жили на свое жалованье; его все равно будет достаточно". Были приняты меры для постоянного присутствия некоторых членов клуба в Отель-де-Виль, а затем они закрыли заседание в час дня.

Снаружи радостный гомон людей оживлял улицы. Весеннее солнце улыбалось парижанам. Это был их первый день утешения и надежды за последние восемь месяцев. Перед баррикадами Ратуши, на холмах Монматра, на всех бульварах толпились зрители. Кто тогда говорил о гражданской войне? Только *Официальный журнал*. В нем события излагались по-своему. "Правительство исчерпало все средства примирения", и в отчаянном обращении к Национальной гвардии говорилось: "Комитет, именующий себя Центральным комитетом, хладнокровно убил генералов Клеман-Тома и Леконта. Кто члены этого Комитета? Коммунисты, бонапартисты или пруссаки? Возьмете ли вы на себя ответственность за эти убийства?" Эти стенания беглецов взволновали лишь несколько рот центра. И все же — это серьезный симптом — молодые буржуа из Политехнической школы пришли в мэрию второго округа, куда стекались мэры, а студенты университетов, до сих пор составлявшие авангард всех наших революций, выступили против Комитета.

Ибо эту революцию совершили пролетарии. Кто они были? Чего они хотели? В два часа все поспешили взглянуть на плакаты Комитета, только что выпущенные Национальной импримерией. "Граждане, жители Парижа, спокойные и бесстрастные в своей силе, ждали без страха, как без провокации, бесстыдных глупцов, которые хотят прикоснуться к нашей Республике. Пусть Париж и Франция вместе заложат фундамент настоящей Республики, единственного правительства, которое навсегда положит конец эпохе революций. Народ Парижа созван для проведения своих выборов". И, обращаясь к Национальной гвардии: "Вы поручили нам организовать защиту Парижа и ваших прав. Наш мандат истек. Подготовьтесь и немедленно проведите свои общинные выборы. Тем временем мы, во имя народа, удержим Отель-де-Виль". Далее следовало двадцать имен^[89], которые, за исключением трех или четырех, Асси, Луллье и Варлена, были известны только по плакатам последних нескольких дней. С утра 10 августа 1792 года Париж не видел в своем Отель-де-Виль такого появления неизвестных мужчин.

И все же их плакаты пользовались уважением, их батальоны свободно распространялись. Они захватили все посты; в час дня - министерства финансов и внутренних дел; в два часа - Военно-

морское и военное министерства, телеграф, *официальную* газету, и Дюваль был назначен в префектуру полиции. И они попали в цель. Что, в самом деле, можно было сказать против этой новорожденной державы, первым словом которой было ее собственное отречение?

Все вокруг них имело воинственный вид. Давайте перейдем полуоткрытые баррикады на улице Риволи. Двадцать тысяч человек расположились лагерем на площади Ратуши; к мушкетам у них был прилеплен хлеб. Пятьдесят артиллерийских орудий, пушек и митральез, расставленных вдоль фасада, служили *шевро де фризе* ратуши. Двор и лестницы были забиты стражниками, принимающими пищу, большой зал дю Тронэ кишел офицерами, охранниками и гражданскими. В холле слева, которым пользовался персонал, шум стих. Комната на берегу реки, в углу здания, была приемной Комитета. Около пятидесяти человек писали там, склонившись над длинным столом. Там царили дисциплина и тишина. Мы были далеки от анархистов 31 октября. Время от времени дверь, охраняемая двумя часовыми, открывалась перед членом Комитета, который отдавал приказы или наводил справки.

Заседание возобновилось. Один из членов попросил Комитет выразить протест против казней Клеман-Тома и Леконта, к которым он не имел никакого отношения. "Позаботьтесь о том, чтобы не отречься от людей, - ответил другой, - из страха, что они, в свою очередь, отрекутся от вас". Третий сказал: "*Официальный* журнал заявляет, что казнь произошла на наших глазах. Мы должны прекратить эту клевету. Народ и буржуазия объединили свои усилия в этой революции. Этот союз необходимо сохранить. Вы хотите, чтобы все приняли участие в выборах". "Что ж, тогда, - обратился он к апострофу, - откажитесь от народа, чтобы завоевать буржуазию; народ отступит, и вы увидите, с буржуа ли совершаются революции".[90]

Комитет постановил, что в *Официальный журнал* следует поместить заметку для восстановления истины. Эд. Моро предложил и зачитал проект манифеста, который был принят.

Комитет обсуждал дату и порядок проведения выборов, когда ему сообщили, что в мэрии третьего округа проводится большое совещание командиров батальонов, мэров и депутатов Сены. Г-н Тьер утром передал союзу мэров временную администрацию Парижа, и они испробовали свою власть на Национальной гвардии. Комитет был заверен в том, что они намерены созвать выборщиков.

"Если это так, - сказали несколько членов совета, - мы должны прийти к соглашению с ними, чтобы сделать ситуацию регулярной". Другие, помня осаду, просто хотели, чтобы их арестовали. Один из членов сказал: "Если мы хотим, чтобы Франция была с нами, мы не должны пугать ее. Подумайте, какой эффект произвел бы арест депутатов и мэров и каким, с другой стороны, был бы эффект от их объединения". Другой: "Важно собрать внушительное количество избирателей. Весь Париж пойдет к урнам для голосования, если депутаты и мэры присоединятся к нам". "Скажите лучше, - воскликнул один пылкий коллега, - что вы не соответствуете своему положению; что ваша единственная забота - освободиться". В конце концов они решили послать Арнольда в мэрию в качестве делегата.

Его достаточно плохо приняли. Наиболее радикальные адъюнкты и депутаты, социалисты, такие как Мильер и Малон, категорически выступили против Ратуши, возмущенные опасной инициативой народа. Многие также спрашивали: "Кто эти неизвестные люди?" Даже в Кордери интернационалисты и бывшие члены Комитета двадцати округов сохраняли неуверенность в

себе. Однако собрание решило направить уполномоченных в Отель-де-Виль, поскольку, нравится им это или нет, там была власть.

Тем временем Центральный комитет назначил выборы на среду, издал декрет о введении осадного положения, отмене военного трибунала и амнистии за все политические преступления. В восемь часов состоялось третье заседание, посвященное приему членов комиссии. Это были депутаты Клемансо, Мильер, Толен, Курне, Малон и Локруа, мэры Бонвале и Мотту, адъютанты Мюрат, Жаклар и Лео Мейе.

Клемансо, наполовину сообщник, наполовину одураченный М. Тьер, совершивший *государственный переворот* в качестве мэра и заместителя, был выразителем этого. Он был многословен и педантичен. "Восстание было предпринято по незаконным мотивам; пушки принадлежат государству. Центральный комитет не имеет мандата и никоим образом не удерживает Париж. Многочисленные батальоны собирались вокруг депутатов и мэров. Скоро Комитет станет смешным, а его постановления будут презираться. Кроме того, Париж не имеет права восстать против Франции и должен безоговорочно признать авторитет Собрания. У Комитета есть только один способ выйти из затруднения — подчиниться союзу депутатов и мэров, которые полны решимости добиться от Ассамблеи удовлетворения требований Парижа".

Во время этой речи его часто прерывали. Что? Они осмелились говорить о восстании! Кто начал гражданскую войну, напал первым? Что сделали Национальные гвардейцы, как не ответили на ночную агрессию, вернув пушки, оплаченные ими самими? Что сделал Центральный комитет, кроме как последовать за народом и занять опустевший Отель-де-Виль?

Один из членов Комитета сказал: "Центральный комитет получил регулярный императивный мандат. Этот мандат запрещает им позволять правительству или Ассамблее затрагивать их свободы или Республику. Теперь Ассамблея никогда не переставала ставить под сомнение существование Республики. Это поставило во главе нас обесчещенного генерала, обезглавило Париж, попыталось разрушить его торговлю. Оно глумилось над нашими страданиями, отрицало преданность, мужество, самоотречение, которые Париж проявил во время осады, освистывало своих самых любимых представителей, Гарибальди и Виктора Гюго. Заговор против Республики очевиден. Покушение было начато с затыкания ртов прессе; они надеялись положить ему конец разоружением наших батальонов. Да, наше дело было делом законной защиты. Если мы склонили головы перед этим новым оскорблением, Республике пришел конец. Вы только что говорили об Ассамблее Франции. Мандат Ассамблеи истек. Что касается Франции, то мы не претендовали на то, чтобы диктовать ей законы — мы слишком часто страдали от ее законов, — но мы не подчинимся ее сельским плебисцитам. Вы видите это; вопрос больше не в том, какой из наших мандатов является наиболее правильным. Мы говорим вам, что революция совершена; но мы не узурпаторы. Мы хотим призвать Париж назначить своих представителей. Вы поможете нам и продолжите с нами консультации по выборам? Мы с нетерпением принимаем ваше сотрудничество".

Когда он говорил об автономных коммунах и их федерации, "Будьте осторожны", - сказал Мильер. - "Если вы развернете этот флаг, они спустят всю Францию на Париж, и я предвижу такие роковые дни, как июньские. Час социальной революции еще не пробил. Прогресс достигается более медленными маршами. Спуститесь с высот, на которые вы себя поставили. Одержав победу сегодня, ваше восстание может быть подавлено завтра. Извлеките из него как

можно больше пользы, но не стесняйтесь довольствоваться малым. Я заклинаю вас оставить поле деятельности открытым для союза мэров и депутатов; ваше доверие будет оправдано".

Один из членов Комитета: "Поскольку заговорили о социальной революции, я заявляю, что наш мандат не распространяется так далеко". (Другие члены Комитета: "Да! Да!" - "Нет! Нет!") "Вы говорили о федерации, о Париже как о свободном городе. Наш долг более прост. Он заключается в том, чтобы приступить к выборам. Народ впоследствии примет решение о своих действиях. Что касается уступок депутатам и мэрам, то это невозможно. Они непопулярны и не имеют авторитета в Ассамблее. Выборы состоятся с их согласия или без него. Помогут ли они нам? Мы примем их с расprostертыми объятиями. Если нет, мы обойдемся без них, а если они попытаются преградить нам путь, мы будем знать, как довести их до бессилия".

Делегаты воспротивились. Дискуссия разгорелась. "Но, в конце концов, - сказал Клемансо, - каковы ваши претензии? Ограничиваете ли вы свой мандат обращением к Ассамблее с просьбой о создании муниципального совета?"

Многие члены Комитета: "Нет! Нет!" "Мы хотим, - сказал Варлен, - не только выборов в муниципальный совет, но и реальных муниципальных свобод, упразднения префектуры полиции, права Национальной гвардии назначать своих начальников и реорганизовывать себя, провозглашения Республики законным правительством, чистого и простого перечисления причитающейся арендной платы, справедливого закона о просроченных счетах, а также запрета армии на территории Парижа".

Мэлон: "Я разделяю ваши устремления, но ситуация опасная. Ясно, что Ассамблея ничего не будет слушать до тех пор, пока Комитет занимает Отель-де-Виль. Если, напротив, Пэрис снова доверится своим законным представителям, я думаю, они могли бы сделать больше, чем вы".

Дискуссия затянулась до половины одиннадцатого; Комитет отстаивал свое право приступить к выборам, делегаты - свои претензии заменить Комитет. Наконец они согласились с тем, что Комитету следует направить четырех своих членов во второй округ. Были назначены Варлен, Моро, Арнольд и Журд.

Там они нашли весь штат либерализма: депутатов, мэров и адъюнктов; Луи Блана, Шলেখера, Карно, Пейра, Тирара, Флоке, Демаре, Вотрена и Дюбайля, всего около шестидесяти человек. У дела народа там было несколько приверженцев, искренних, но ужасно встревоженных неопределенным будущим. Председательствовал мэр второго округа Тирар, либерал, нервный, надменный, один из тех, кто помог парализовать Париж в руках Трошю. В своих показаниях перед Сельской следственной комиссией он искажил, пародировал это заседание, на котором радикально-либеральная буржуазия обнажила всю свою низость. Теперь мы, в назидание народу и по справедливости к нему, расскажем чистую правду.

Делегаты: "Центральный комитет не желает ничего лучшего, как прийти к соглашению с муниципалитетами, если они согласятся на выборы".

Шলেখер, Тирар, Пейра, Луи Блан, все радикалы и либералы хором заявляют: "Муниципалитеты не будут вести переговоры с Центральным комитетом. Есть только один орган власти — союз мэров, наделенный делегированием от правительства".

Делегаты: "Давайте не будем обсуждать этот вопрос. Центральный комитет существует. Национальная гвардия назначила нас, и мы удерживаем Отель-де-Виль. Будете ли вы продолжать проводить выборы?"

- Но какова ваша программа? - спросил я.

Варлин изложил это. На него напали со всех сторон. Четырем делегатам пришлось столкнуться с двадцатью нападавшими. Главный аргумент либералов состоял в том, что Париж не может собраться сам, а должен дожидаться разрешения Ассамблеи. Это воспоминание о временах осады, когда они пали ниц перед Правительством обороны.

Делегаты, напротив, утверждали: "Народ имеет право сам собираться. Это неоспоримое право, которым она не раз пользовалась в нашей истории в моменты большой опасности, и в настоящее время мы переживаем такой кризис, поскольку Версальское собрание стремится к монархии".

Затем последовали взаимные обвинения: "Теперь вы столкнулись лицом к лицу с силой", - заявили делегаты. "Остерегайтесь развязывания гражданской войны вашим сопротивлением". "Это вы хотите гражданской войны", - ответили либералы. В полночь Моро и Арнольд, совершенно обескураженные, удалились. Их коллеги уже собирались последовать за ними, когда некоторые помощники умоляли их остаться. "Мы обещаем, - заявили мэры и заместители, - приложить все усилия для проведения муниципальных выборов в кратчайшие сроки". "Очень хорошо, - ответили делегаты, - но мы сохраняем нашу позицию; мы хотим гарантий". Депутаты и мэры, проявляя все большее упрямство, сделали вид, что Париж должен сдаться безоговорочно. Журд уже собирался удалиться, когда кто-то из помощников снова задержал его. На мгновение показалось, что они пришли к взаимопониманию. Комитет должен был передать все административные услуги мэрам и позволить им занять одну часть ратуши; сам, однако, должен был продолжать заседать там, сохранить исключительное руководство Национальной гвардией и следить за безопасностью города. Это соглашение требовало подтверждения только путем выпуска общего заявления, но когда дело дошло до обсуждения заголовка последнего, борьба стала более ожесточенной, чем раньше. Делегаты предложили: "Заместителей, мэров и помощников по согласованию с Центральным комитетом". Эти господа, напротив, хотели спрятаться за маской. В течение часа Луи Блан, Тирар и Шельхер осыпали делегатов оскорблениями. Луи Блан крикнул им: "Вы мятежники против свободно избранного Собрания.^[91] Мы, обычные мандатарии, не можем признавать сделку с повстанцами. Мы должны быть готовы предотвратить гражданскую войну, но не выглядеть вашими пособниками в глазах Франции". Журд ответил манекену, что эта сделка, чтобы быть принятой жителями Парижа, должна быть одобрена публично, и, отчаявшись извлечь что-либо из этой встречи, удалился.

И среди этой *элиты* либеральной буржуазии, бывших эмигрантов, публицистов, историков наших революций, ни один возмущенный голос не возразил: "Давайте прекратим эти жестокие споры, этот лай на революцию. Горе нам, если мы не распознаем силу, проявляющую себя через неизвестных людей! Якобинцы 1794 года отрицали это, и они погибли; монтаньяры 1848 года отказались от этого, и они погибли; левые при Империи, Правительство национальной обороны, пренебрегли этим, и наша целостность как нации погибла. Давайте откроем наши глаза, наши сердца; давайте сойдем с проторенной дороги. Нет, мы не будем расширять пропасть, которую июньские дни 1848 года и Империя проложили между нами и рабочими. Нет;

принимая во внимание бедствия Франции, мы не позволим затронуть ее живые силы, все еще находящиеся в резерве. Чем более ненормальна, чудовищна наша ситуация, тем более мы обязаны найти решение, даже под пристальным взглядом пруссака. Вы, Центральный комитет, которые являются представителями Парижа, мы, к которым прислушивается Республиканская Франция, мы наметим поле для совместных действий. Вы даете силу, большие устремления, мы - знание реальностей и их неумолимых предписаний. Мы представим Ассамблее эту хартию, свободную от всех утопических взглядов, в равной степени учитывающую права нации и столицы. Если Ассамблея отвергнет это, мы будем первыми, кто проведет выборы, чтобы потребовать вашего избирательного права. И когда Франция увидит, что Париж собирает свои силы, уравновешенные благоразумием в своем Отель-де-Виль, энергичных новичков в союзе с людьми старой репутации, единственно возможный оплот против роялистов и клерикалов, она восстанет, как во времена Федерации, и по ее голосу Версалью придется уступить".

Но чего можно было ожидать от людей, которые даже не смогли набраться достаточно мужества, чтобы вырвать Париж из рук Трошю? Варлину в одиночку пришлось выдержать их комбинированную атаку. Измученный - это состязание длилось пять часов — он наконец уступил, но в знак протеста. Вернувшись в Отель-де-Виль, он собрал всю свою обычную энергию, свой спокойный ум и сказал Комитету, что теперь он видит ловушку, и посоветовал ему отвергнуть притязания мэров и депутатов.

СНОСКИ:

[89] Асси, Биллиоре, Ферра, Бабик, Э. Моро, К. Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гушье, Лавалетт, Ф. Журд, Руссо, К. Луллье, Бланше, Ж. Гроллар, Бэрронд, Х. Жересм, Фабр, Фужере, члены, присутствующие на утреннее сидение. Позже Комитет постановил, что в его публикациях должны быть указаны имена всех его членов.

[90] Протоколы первого Центрального комитета исчезли, но один из его наиболее усердных членов восстановил по памяти основные заседания. Эти подробности мы почерпнули из его записей, проверенных несколькими его коллегами. Излишне говорить, что протоколы, опубликованные *Paris Journal*, которыми пользовались историки-реакционеры, являются неполными, неточными, составленными на основе слухов, неразумных оплошностей и часто из чистого воображения. Так, например, они считают, что на всех заседаниях председательствует Асси, приписывая ему главную роль, потому что при Империи очень ошибочно предполагалось, что он руководил забастовкой Крезю. Асси никогда не имел никакого влияния в Комитете.

[91] Текстовая. Именно у маленького человека из Парижа маленький человек из Версаля позаимствовал эту фразу, когда заканчивал ее.

ГЛАВА V.

"Je croyais que les insurgés de Paris ne pourraient pas conduire leur barque."—*Jules Favre, Enquête sur 18 Mars.*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ УТВЕРЖДАЕТ СЕБЯ, РЕОРГАНИЗУЕТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ И УДЕРЖИВАЕТ ПАРИЖ.

Таким образом, никакого соглашения достигнуто не было, только один из четырех делегатов от чистой усталости в определенной степени уступил. Итак, утром 20-го, когда мэр Бонвале и два помощника, посланные мэрами, пришли, чтобы вступить во владение Отель-де-Виль, члены Комитета единодушно воскликнули: "Мы не лечили". Но Бонвале, делая вид, что верит в обычное соглашение, продолжил: "Депутаты сегодня собираются потребовать муниципальных привилегий. Их переговоры не увенчаются успехом, если администрация Парижа не будет передана мэрам. Под страхом срыва усилий, которые могут спасти вас, вы должны выполнить обязательства ваших делегатов".

Один из членов Комитета: "Наши делегаты не получали мандата вступать в подобные обязательства вместо нас. Мы не просим, чтобы нас спасали".

Другой: "Слабость депутатов и мэров - одна из причин революции. Если Комитет откажется от своей позиции и разоружится, Ассамблея ничего не даст".

Другой: "Я только что вернулся из Кордери. Комитет второго округа проводит заседание и призывает Центральный комитет оставаться на своем посту до выборов".

Другие уже собирались заговорить, когда Бонвале заявил, что он пришел завладеть Отель-де-Виль, а не дискутировать, и ушел. Его высокомерие подтвердило худшие подозрения. Те, кто накануне вечером был склонен к заключению условий, сказали: "Эти люди хотят предать нас". За спинами мэров Комитет наблюдал неумолимую реакцию. В любом случае, просить у них Отель-де-Виль означало просить их жизни, поскольку Национальная гвардия сочла бы их предателями и наказала бы на месте. Одним словом, компромисс стал невозможен. *Официальный журнал* впервые оказался в руках людей, и плакаты заговорили сами за себя.

"Выборы в муниципальный совет состоятся в следующую среду, 22 марта", - постановил Центральный комитет. И в манифесте говорилось: "Центральный комитет, порождение

Республики, устройство которой носит великое слово "Братство", прощает своих клеветников, но это убедило бы честных людей, которые по невежеству поверили их клевете. Это не было секретом, поскольку его члены подписывали свои имена под всеми его прокламациями. Это не было чем-то неизвестным, поскольку это было свободное выражение избирательного права 215 батальонов. Это не было причиной беспорядков, поскольку Национальная гвардия не совершила ничего сверхъестественного. И все же провокаций было предостаточно. Правительство оклеветало Париж и настроило против него провинции, хотело навязать нам генерала, пыталось разоружить нас и заявило Парижу: "Ты показал себя героем, мы боимся тебя, поэтому мы сорвем с тебя корону столицы Франции". Что сделал Центральный комитет в ответ на эти нападки? Она основала Федерацию, проповедовала умеренность, великодушие. Одна из величайших причин гнева против нас - неизвестность наших имен. Увы! многие имена были известны, хорошо известны, и эта дурная слава оказалась для нас фатальной. Дурная слава достается дешево; часто достаточно пустых фраз или небольшой трусости; недавние события доказали это. Теперь, когда наша цель достигнута, мы говорим людям, которые достаточно уважали нас, чтобы прислушиваться к советам, которые часто сталкивались с их нетерпением: "Вот мандат, который вы нам доверили". Там, где начинается наш личный интерес, заканчивается наш долг. Исполняйте свою волю. Вы освободили себя. Малоизвестные несколько дней назад, малоизвестные, мы вернемся в ваши ряды и покажем нашим губернаторам, что можно спускаться по ступеням вашего Ратушного дома с гордо поднятой головой, с уверенностью, что внизу вы почувствуете давление ваших верных и мужественных рук ".^[92] Рядом с провозглашением столь яркого и столь нового красноречия депутаты и мэры написали на плакатах несколько сухих и бесцветных строк, где они обещали потребовать от Собрания в тот же день избрания всех начальников Национальной гвардии и создания муниципального совета.

В Версале они обнаружили дико возбужденную толпу. Перепуганные чиновники, прибывшие из Парижа, сеяли ужас вокруг себя, и в провинциях было объявлено о пяти или шести восстаниях. Коалиция была встревожена. Победа Парижа, правительство в бегах — это было не то, что было обещано. Эти заговорщики, подорвавшие на mine, которую они сами подорвали, подняли крик о заговоре, говорили о том, чтобы укрыться в Бурже. Пикар, конечно, телеграфировал во все провинции: "Армия численностью 40 000 человек сосредоточена в Версале"; но единственной армией, которую можно было увидеть, были разрозненные группы солдат, бродившие по улицам. Все, что удалось сделать Виноу, - это разместить несколько постов на дорогах Шатийона и Севра и защитить подходы к Собранию несколькими митральезами.

Президент Гриви, который в течение всей войны прятался в провинции, угрюмо настроенный против защиты, открыл заседание, заклеив этот преступный мятеж, "который не могли смягчить никакие предлоги". Затем депутаты от Сены начали шествие к трибуне. Вместо коллективного манифеста они представили Ассамблее ряд фрагментарных предложений, без связи, без общих взглядов и без преамбулы, объясняющих. Сначала законопроект о созыве с наименьшей задержкой выборов в Париже, затем другой, предоставляющий Национальной гвардии право выбирать своих начальников. Один только Мильер вспомнил о просроченных коммерческих счетах и предложил продлить их на шесть месяцев.

До этого в адрес Парижа раздавались только восклицания и приглушенные оскорбления, но никакого официального акта обвинения. На вечернем заседании депутат применил это требование. Трошу совершил вылазку. В этой чудовищной сцене, которую мог изобразить

только Шекспир, мрачный человек, который мягко передал большой город в руки Вильгельма, обвинил революционеров в собственной измене, обвинив их в том, что они почти дюжину раз вводили пруссаков в Париж. И Собрание, благодарное за его заслуги, за его ненависть, давшее ему корону, которой он заслуживал, засыпало его аплодисментами. Еще один пришел, чтобы раздуть этот гнев. Накануне вечером национальная гвардия арестовала в поезде, прибывшем из Орлеана, двух генералов в форме. Одним из них был Шанзи, неизвестный толпе, которая приняла его за Д'Ореля. Их нельзя было освободить, не подвергнув опасности их жизни, но сопровождавший их депутат Тюрке был немедленно освобожден. Он помчался в Комнату, рассказал им сказку и притворился, что очень тронут, говоря о своих товарищах. "Я надеюсь, - сказал лицемер, - что они не будут убиты". Этот рассказ сопровождался яростными криками Собравшихся.[93]

С первого же заседания стало ясно, какой должна была стать борьба между Версалем и Парижем. Монархические заговорщики, на мгновение забыв о своей мечте, поспешили сначала сделать самое неотложное: спастись от Революции. Они окружили М. Тьера и пообещали ему свою абсолютную поддержку в сокрушении Парижа. Таким образом, это министерство, которому действительно Национальное собрание объявило бы импичмент, стало, даже благодаря своему преступлению, всемогущим. Едва оправившись от испуга, вызванного паническим бегством, г-н Тьер и его министры осмелились разыграть из себя хвастунов. И в самом деле, разве провинции не поспешили бы им на помощь, как в июне 1848 года? А пролетарии без политического образования, без администрации, без денег, как они могли бы "управлять своей лодкой"?

В 1831 году пролетарии, хозяева Лиона, потерпели неудачу в своей попытке установить самоуправление, и насколько большими были трудности для парижан! Все новые власти до тех пор находили административную машину в рабочем состоянии, готовой к победе. 20 марта Центральный комитет обнаружил, что она разобрана на куски. По сигналу из Версаля большинство функционеров покинули свои посты. Кварталы, уличный контроль, освещение, рынки, общественная благотворительность, телеграф, весь дыхательный и пищеварительный аппарат города с населением в 1 600 000 душ, все должно было быть импровизировано. Некоторые мэры забрали печати, реестры и наличные деньги своих мэрий. Военное интендантство оставило без гроша шесть тысяч больных в больницах и машинах скорой помощи.[94] М. Тьер пытался дезорганизовать даже управление кладбищами.

Бедняга! который никогда ничего не знал о нашем Париже, о ее неиссякаемой силе, о ее удивительной эластичности. Центральный комитет получил поддержку со всех сторон. Комитеты округов предоставили мэри *персонал*; некоторые представители небольшого среднего класса поделились своим опытом, и наиболее важные службы были приведены в порядок в кратчайшие сроки людьми со здравым смыслом и энергией, что вскоре оказалось выше рутины. Служащие, которые остались на своих постах, чтобы передать средства Версалу, вскоре были обнаружены и вынуждены бежать.

Центральный комитет преодолел более серьезную трудность. Триста тысяч человек, оставшихся без работы, без каких-либо средств к существованию, ждали тридцати су, на которые они жили последние семь месяцев. 19-го Варлен и Журд, делегаты отдела финансов, вступили во владение этим министерством. В казне, согласно переданной им ведомости счетов, находилось 4 600 000 франков; но ключи находились в Версале, и, ввиду

продолжавшегося в то время движения за примирение, делегаты не осмелились взломать замки. На следующий день они пошли просить Ротшильда открыть им кредит в банке, и он прислал сообщение, что средства будут авансированы. В тот же день Центральный комитет поставил этот вопрос более остро и направил трех делегатов в банк с просьбой о необходимых авансах. Им ответили, что миллион предоставлен в распоряжение Варлена и Журда, которые в шесть часов вечера были приняты губернатором месье Руландом. "Я ожидал вашего визита", - сказал он. "На следующее утро после смены правительства банку всегда приходится изыскивать деньги для новичков. Не мое дело судить о событиях; Банк Франции не имеет никакого отношения к политике. Вы *-де-факто* правительство, и банк выдает вам на сегодняшний день миллион. Только будьте так любезны указать в вашей квитанции, что эта сумма была реквизирована на счет города Парижа".^[95] Делегаты забрали миллион франков ассигнациями. Все служащие Министерства финансов исчезли с утра, но с помощью нескольких друзей сумма была быстро разделена между чиновниками, выплачивавшими деньги. В десять часов делегаты смогли сообщить Центральному комитету, что жалование распределяется по всем округам.

Банк действовал осмотрительно: Центральный комитет прочно удерживал Париж. Мэры и депутаты не смогли объединить более трехсот или четырехсот человек, хотя они обвинили адмирала Сайссе в организации сопротивления. Комитет был настолько уверен в своей силе, что приказал снести баррикады. Все пришли на это, гарнизон Венсенна спонтанно сдался вместе с фортом. Его победа была слишком полной, поскольку она была опасной и вынудила его рассредоточить свои войска, чтобы овладеть заброшенными фортами на юге. Луллье, которому была поручена эта миссия, 19 и 20 числа занял форты Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси. Последний пункт, куда он отправил Национальную гвардию, Мон-Валерьен, был ключом от Парижа, а в то время и от Версаля.

В течение тридцати шести часов неприступная крепость оставалась пустой. Вечером 18-го, после приказа об эвакуации, защищать его пришлось всего двадцати мушкетерам и нескольким венсенским егерям, интернированным там за мятеж. В тот же вечер они взломали замки крепости и вернулись в Париж.

Когда в Версале стало известно об эвакуации Мон-Валерьена, генералы и депутаты умоляли М. Тьера вновь занять его. Он упрямо отказался, заявив, что этот форт не имеет стратегической ценности. В течение всего дня 19-го они по-прежнему терпели неудачу. Наконец виной, в свою очередь, призвал на них, удалось на 20-е, в час ночи, в борьбе заказа от м. Тьер. Немедленно была отправлена колонна, и в полдень тысяча солдат заняла крепость. Только вечером, в восемь часов, появились тернские батальоны; губернатор легко избавился от их офицеров. Луллье, делая свой доклад Центральному комитету, сказал, что он занял все форты, и даже назвал батальон, который, по его словам, находился тогда в Мон-Валерьене.

СНОСКИ:

^[92] Мне не нужно обосновывать длинные цитаты, которые я приведу. Французскому пролетарию никогда не разрешалось высказываться в книгах по истории; по крайней мере, он должен делать это, рассказывая о своей собственной революции.

[93] Два генерала засвидетельствовали чрезвычайное внимание, проявленное к ним в тюрьме. See the *Enquête sur le 18 Mars*. Два дня спустя, после простого обещания Шанзи не выступать против Парижа, Центральный комитет освободил их.

[94] *Анкета 18 Марта*, доктор Дане, том ii. стр. 531.

[95] Конечно, радикалы увидели в этом бонапартистский маневр, написали и сказали с трибуны Собрания: "Бонапартистский директор Банка Франции спас Революцию; без миллиона в понедельник Центральный комитет капитулировал бы". На это отвечают два факта: с 19-го числа Комитет располагал в Министерстве финансов 4 600 000 франков; в муниципальной казне было 1 200 000 франков, а 21-го октября в бюджет поступило еще 500 000.

ГЛАВА VI.

"L'idée de voir un massacre me remplissait de douleur." — *Jules Favre, Enquête sur le 4 Septembre*.

МЭРЫ, ДЕПУТАТЫ, ЖУРНАЛИСТЫ, АССАМБЛЕЯ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ПРОТИВ ПАРИЖА — РЕАКЦИЯ МАРШИРУЕТ ПО ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ И НАКАЗЫВАЕТСЯ.

21-го числа ситуация резко обострилась.

В Париже - Центральный комитет, а с ним все рабочие и все великодушные и просвещенные люди небольшого среднего класса. Комитет заявил: "У нас есть только одна цель — выборы. Мы приглашаем всех сотрудничать с нами, но мы не покинем Отель-де-Виль, пока они не будут сделаны".

В Версале - Ассамблея; —все монархисты, вся крупная буржуазия, все рабовладельцы. Они кричали: "Париж - всего лишь мятежник, Центральный комитет - банда разбойников".

Между Версалем и Парижем - несколько депутатов-радикалов, все мэры, множество помощников. Они составляли либеральную буржуазию, то священное стадо, которое совершает все революции и позволяет создавать все империи. Презируемые Собранием, презируемые народом, они кричали Центральному комитету: "Узурпаторы!" - и Собранию: "Вы все испортите".

День 21-го знаменателен тем, что в этот день все эти голоса были услышаны.

Центральный комитет: "Париж ни в коем случае не имеет намерения отделиться от Франции; отнюдь нет. Ради Франции она смирилась с Империей и Правительством национальной обороны, со всем их предательством и дезертирством, конечно, не для того, чтобы бросить ее сейчас, а только для того, чтобы сказать ей как старшейсестре: поддерживай себя, как я поддерживала себя; противостои угнетению, как это делала я".

A Journal Officiel в первой из тех статей, где Моро, Лонге и Рожар комментировали новую революцию, говорилось: "Пролетарии столицы, несмотря на неудачи и измены правящих классов, поняли, что для них пробил час спасти положение, взяв в свои руки руководство общественными делами. Едва завладев властью, они поспешили созвать жителей Парижа к урнам для голосования. В истории нет примера, чтобы временное правительство так стремилось сложить с себя свой мандат. При столь бескорыстном поведении вполне можно спросить, как пресса может быть признана достаточно несправедливой, чтобы обрушивать на этих граждан клевету, оскорбление и брань? Рабочие, те, кто производит все и ничему не радуется, неужели они всегда будут подвергаться насилию? Буржуазия, совершившая свое освобождение, разве она непонимает, что теперь пришло время освобождения пролетариата? Почему же тогда она упорно отказывает пролетариату в его законной доле?"

Это была первая социалистическая нота, прозвучавшая в движении. Парижские революции никогда не остаются чисто политическими. Приближение иностранца, отречение рабочих 4 сентября заставило замолчать все социальные требования. После заключения мира рабочие оказались у власти, их голос, естественно, был услышан. Как справедлива была эта жалоба Центрального комитета! Какой обвинительный акт французский пролетариат мог бы составить против своих хозяев! И разве не могли люди 18 марта 1871 года, подчеркивая свои великие слова 1848 года, сказать: "Мы отдали восемьдесят лет терпения на службу нашей стране"?

В тот же день Центральный комитет приостановил продажу предметов, заложенных в ломбардах, продлил срок погашения просроченных счетов на месяц и запретил арендодателям увольнять своих арендаторов до дальнейшего уведомления. В трех строках она восстановила справедливость, разгромила Версаль и завоевала Париж.

С другой стороны, представители и мэры сказали людям: "Никаких выборов; все к лучшему. Мы хотели сохранить Национальную гвардию; мы ее получим. Мы хотели, чтобы Париж вернул себе муниципальную свободу; мы добьемся этого. Ваши просьбы были представлены Ассамблее. Ассамблея *удовлетворила их* единогласным голосованием, что гарантирует проведение муниципальных выборов. В ожидании этих единственно законных выборов мы заявляем, что воздержимся от участия в выборах, назначенных на завтра, и протестуем против их незаконности".

Трижды лживый адрес! Ассамблея ни словом не обмолвилась о Национальной гвардии; она не обещала муниципальной свободы, и некоторые подписи были предположительными.

Буржуазная пресса последовала его примеру. С 19-го фигуристские газеты, поддерживаемые полицией, "алтарем" и "альковым", либеральные газеты, с помощью которых Трошю подготовил капитуляцию Парижа, не переставали поносить федеральные батальоны. Они говорили о разграблении государственной казны и частной собственности, о потоке прусского золота в предместья, об уничтоженных ими документальных свидетельствах, наносящих ущерб членам Центрального комитета. Республиканские журналы также находили в движении золото, но золото бонапартистское; и лучшие из них, наивно убежденные, что Республика принадлежит их покровителям, выступали против прихода пролетариата, говоря: "Эти люди позорят нас". Ободренные мэрами и депутатами, все они согласились на восстание; и 21-го числа в коллективном заявлении попросили избирателей признать недействительным незаконный созыв ратуши.

Незаконность! Таким образом, вопрос был поставлен легитимистами, дважды навязанными нам иностранными штыками; орлеанистами, пришедшими к власти через баррикады; декабрьскими разбойниками; даже изгнанниками, вернувшимися домой благодаря восстанию. Что? Если буржуа, которые издают все законы, всегда действуют незаконно, то как же поступить рабочим, против которых изданы все законы?

Эти нападки мэров, депутатов и прессы лишили мужества Зачинщиков реакции. В течение двух дней этот сброд беглецов, наводнивший во время осады кафе Брюсселя и лондонский Хеймаркет, жестикулировал на фешенебельных бульварах, призывая к порядку *и работе*. 21-го, около десяти часов, на Биржевой площади около сотни этих странных рабочих прошли маршем вокруг Фондовой биржи с развевающимися знаменами и, продвигаясь по бульварам под крики "Да здравствует Собрание!", вышли на Вандомскую площадь, выкрикивая перед главным штабом: "Долой Комитет!" Комендант города Бержере приказал им прислать делегатов. "Нет, нет! - закричали они. - Никаких делегатов! Вы хотите убить их!" Федералы, потеряв терпение, приказали очистить Место. Буйные щеголи назначили себе встречу на следующий день перед новым оперным театром.

В тот же час Ассамблея провела свою демонстрацию. Проект обращения к народу и армии, состоящего из лжи и оскорблений Парижа, только что был зачитан, и Мильер указал, что в нем содержатся некоторые неудачные выражения, и был встречен одобрительными возгласами. Требование левых, по крайней мере, завершить обращение словами "Да здравствует Республика!" было отчаянно отклонено подавляющим большинством. Луи Блан и его группа, умоляя Собрание немедленно рассмотреть их проект муниципального закона и выступить против голосования по выборам, которые Комитет объявил на следующий день, г-н Тьер ответил: "Дайте нам время изучить этот вопрос". "Время! - воскликнул г-н Клемансо. - нам нечего терять". Затем г-н Тьер преподавал этим трусливым урок, которого они вполне заслуживали: "Какая польза от уступок?" сказал он. "Какой у вас авторитет в Париже? Кто станет слушать вас в Огюсте-Вилье? Считаете ли вы, что принятие законопроекта разоружит партию разбойников, партию убийц?" Затем он поручил Жюлю Фавру распространиться на эту тему с особой пользой для провинций. В течение полутора часов этот ожесточенный последователь Гуаде, круживший по Парижу своими изощренными периодами, поливал ее своим ядом. Без сомнения, он снова увидел себя 31 октября, когда народ держал его в своей власти и простил - жестокое

воспоминание о его измученном духе. Он начал с того, что зачитал заявление для прессы, "мужественно написанное, - сказал он, - под ножом убийц". Он говорил о Париже как о находящемся во власти "горстки негодяев, ставящих выше права Собрания не знаю какие кровавые и хищнические идеалы". Затем, смиренно умоляя монархистов и католиков: "Чего они хотят, - воскликнул он, - чего они осознали, так это покушения на ту пагубную доктрину, которая в философии может быть названа индивидуализмом и материализмом, а в политике означает, что Республика поставлена выше всеобщего избирательного права". Услышав эту идиотскую придирку, Собрание разразилось бурными аплодисментами. "Эти новые врачи, - продолжал он, - претендуют на отделение Парижа от Франции. Но пусть повстанцы знают следующее: если мы покинули Париж, то с намерением вернуться, чтобы решительно бороться с ними". (Браво! браво!) Затем, разжигая панику среди тех сельских жителей, которые каждую минуту ожидали увидеть, как на них надвигаются федеральные батальоны: "Если кто-то из вас попадет в руки этих людей, которые узурпировали власть только ради насилия, убийств и воровства, судьба несчастных жертв их жестокости будет вашей". И, наконец, искажая, улучшая со свирепым мастерством некачественность статьи в *Journal Officiel* о казни генералов: "Больше никаких проволочек. В течение трех дней я боролся с требованиями победителя, который хотел разоружить Национальную гвардию. Я прошу прощения за это у Бога и человека". Каждое новое оскорбление, каждый бандерильо, вонзенный в плоть Парижа, вызывал у Собравшихся безумное ура. Адмирал Сайссе топал, подчеркивая отдельные фразы оратора своими хриплыми междометиями. Подстрекаемый этими бурными возгласами, Жюль Фавр удвоил свою брань. Со времен Жиронды, со времен проклятия Иснара, Париж не подвергался такому проклятию. Даже Ланглуа, не в силах больше этого выносить, воскликнул: "О, это возмутительно, чудовищно - так говорить!" И когда Жюль Фавр заключил, неумолимый, бесстрастный, лишь с небольшой пеной у рта: "Франция не опустится до кровавого уровня негодяев, угнетающих столицу", - все Собрание в ярости поднялось. "Давайте обратимся к провинциям", - кричали сельские жители. И Сайссе: "Да, давайте обратимся к провинциям и пойдем маршем на Париж". Напрасно один из депутатов от Сены умолял Ассамблею не позволять им возвращаться в Париж с пустыми руками. Эта крупная буржуазия, которая только что уступила честь, состояние и территорию Франции пруссакам, трепетала от ярости при одной мысли о том, чтобы уступить что-либо Парижу.

После этой ужасной сцены депутаты-радикалы не нашли ничего лучшего, как выступить со слезливым обращением, в котором призвали Париж проявить терпение. Центральный комитет был вынужден отложить выборы до 23-го, поскольку несколько мэрий принадлежали врагу; но 22-го он предупредил газеты, что провокации к восстанию будут жестоко подавлены.

Матадоры реакции, оживленные речью Жюля Фавра, приняли это предупреждение за праздное бахвальство. 22-го в полдень они собрались на площади Новой оперы. В час дня они насчитывали тысячу денди, сквайров, журналистов, известных знакомых Империи, которые прошли маршем по улице Мира под крики "Да здравствует орден!". Их план состоял в том, чтобы под видом мирной демонстрации овладеть Вандомской площадью и изгнать с нее федералов; тогда, став хозяевами мэрии первого округа, половины второго и Пасси, они разрезали бы Париж надвое и угрожали Ратуше. Адмирал Сайссет последовал за ними.

До Рю-Нев ул. Августина эти демонстрации-люди Тихоокеанская разоружены и жестокому обращению двух отдельно стоящих часовых Национальной гвардии. Увидев это, федералы с Вандомской площади схватили свои мушкеты и поспешили строем к началу улицы Нев-де-Пти-

Шан. Их было всего 200 человек, весь гарнизон города; у двух пушек, наведенных на Рю де ла Пэ, не было патронов. Реакционеры вскоре встретили первую строчку криком: "Долой Комитет! Долой убийц!" размахивали знаменем и носовыми платками, в то время как некоторые из них протягивали руки, чтобы схватить мушкеты. Бержере, *Maljournal*, члены Комитета, стоявшие в первых рядах, призвали бунтовщиков удалиться. Яростные крики "Труссы! разбойники!" - заглушили их голоса, и на них наставили трости. Бержере подал знак барабанщикам. Было произнесено и повторилось с десятков *разсумаций*. В течение нескольких минут была слышна только барабанная дробь и в перерывах между этими дикими криками. Ряды, находившиеся в тылу манифестации, напирала на тех, кто был впереди, и пытались прорваться через ряды федералов. Наконец, без сомнения отчаявшись добиться успеха простой бравадой, повстанцы открыли огонь из револьверов; [96] два охранника были убиты и семеро ранены; [97] *Maljournal* попал в бедро.

Мушкеты гвардейцев выстрелили, так сказать, спонтанно. Залп и ужасный крик, за которыми последовала еще более мрачная тишина. В несколько секунд людная улица Мира опустела. На пустынной дороге, усыпанной револьверами, тростями и шляпами, лежало около дюжины трупов. Если бы федералы целились только в сердца врагов, было бы убито 200 человек, поскольку в такой компактной массе ни один выстрел не прошел бы мимо цели. Повстанцы убили одного из своих, виконта де Молина, он упал в первых рядах, лицом к месту событий, пуля попала в затылок. На его теле был найден кинжал, закрепленный небольшой цепочкой. Остроумная пуля попала в спину главному редактору *Paris Journal*, бонапартисту Де Пену, одному из самых низких клеветников движения.

Беглецы пересекли Париж с криками: "Убийство!" Магазины на бульварах были закрыты, а Биржа наполнилась группами бешеных. В четыре часа появились несколько отрядов реакционеров, решительных, в полном порядке, с мушкетами за плечами, и захватили помещения Биржи.

В три часа о событии стало известно в Версале. Ассамблея только что отклонила законопроект Луи Блана о муниципальном совете, и Пикар зачитывал другой, отказывающий Парижу во всяком правосудии, когда поступили новости. Ассамблея поспешно прекратила заседание; министры выглядели ошарашенными.

Все их чванство накануне вечером было направлено только на то, чтобы напугать Париж, ободрить блюстителей порядка и спровоцировать *государственный переворот*. Инцидент произошел, но Центральный комитет восторжествовал. Впервые М. Тьер начал верить, что этот Комитет, способный подавить бунт, в конце концов, может быть Правительством.

Вечерние новости были более обнадеживающими. Стрельба, казалось, разбудила *блюстителей порядка*. Они стекались к площади Биржи. Очень много офицеров, только что вернувшихся из Германии, пришли предложить свою помощь. Реакционные отряды прочно обосновались в мэрии девятого округа и вновь заняли мэрию шестого, вытеснив федералов с вокзала Сен-Лазар, охраняя все подходы к оккупированным кварталам и насильственно арестовывая прохожих. Они образовали город в городе. Мэры составляли постоянный комитет в мэрии второго округа. Теперь их сопротивление было обеспечено армией.

СНОСКИ:

[96] Агрессия была настолько очевидной, что ни один из двадцати военных трибуналов, изучавших каждую деталь революции 18 марта, не осмелился упомянуть о деле на Вандомской площади.

[97] Их имена были опубликованы в *Официальном журнале*.

ГЛАВА VII.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРЕОДОЛЕВАЕТ ВСЕ ПРЕПЯТСТВИЯ И ВЫНУЖДАЕТ МЭРОВ КАПИТУЛИРОВАТЬ.

Центральный комитет оказался на высоте положения. Его прокламации, социалистические статьи в *Officiel*, агрессивность мэров и депутатов, наконец, сплотили вокруг него все революционные группы. Она также пополнила свой состав несколькими людьми, более известными широким массам.[98] По его приказу Вандомская площадь была оборудована баррикадами; батальоны ратуши были усилены; сильные патрули восстановили бульвары перед постами реакционеров на улицах Вивьен и Друо. Благодаря этому ночь прошла спокойно.

Поскольку выборы на следующий день стали невозможны, Комитет объявил, что они могут состояться только 26-го, и сообщил Парижу: "Реакция, вызванная вашими мэрами и вашими заместителями, объявила нам войну. Мы должны принять борьбу и сломить это сопротивление". Оно объявило, что вызовет к себе всех журналистов, клеветующих на людей. Оно направило батальон Бельвиля для повторного занятия мэрии шестого округа и заменило своими делегатами мэров и адъюнктов третьего, десятого, одиннадцатого, двенадцатого и восемнадцатого округов, несмотря на их протесты. Месье Клемансо писал, что он уступил силе, но сам не стал бы прибегать к силе. Это было тем более великодушно, что все его силы состояли из него самого и его помощника. Федералы обосновались в Батиньоле на железнодорожных

линиях и остановили поезда, предотвратив таким образом захват станции Сен-Лазар. Наконец, Комитет энергично выступил против Биржи.

Реакция рассчитывала, что голод заставит Комитет капитулировать. Миллион, назначенный на понедельник, пропал; был обещан второй. В четверг утром Варлен и Журд, отправившиеся за взносом, получили только угрозы. Они написали губернатору: "Уморить людей голодом - такова цель партии, которая считает себя честной. Голод никого не обезоруживает; он только поощряет опустошение. Мы берем брошенную нам перчатку". И, не удостоив внимания биржевых мошенников, Комитет направил к банку два батальона, которым пришлось уступить.

В то же время Комитет не пренебрегал ничем, чтобы успокоить Париж. В город было выпущено множество людей с отпускными билетами. Комитет сообщил о них Национальной гвардии и вывесил на дверях Ратуши объявление: "Каждый, пойманный на месте преступления, будет расстрелян". Полиция Пикара не смогла положить конец азартным игрокам, которые каждую ночь после осады заполняли улицы; было достаточно одного приказа Комитета. Большим пугалом реакционеров были пруссаки, и Жюль Фавр объявил об их скорейшем вмешательстве. Комитет опубликовал депеши, которые передавались между ним и комендантом Компьеня, следующего содержания: "Немецкие войска будут оставаться пассивными до тех пор, пока Париж не займет враждебную позицию". Комитет ответил с большим достоинством: "Революция, совершенная в Париже, носит по существу муниципальный характер. Мы не компетентны обсуждать предварительные условия мира, принятые Ассамблеей". Таким образом, Париж не испытывал беспокойства по этому поводу.

Единственное возмущение исходило от мэров. Санкционировано М. Тьера они назначили начальником Национальной гвардии Сайссе, безумца с заседания 21-го, дав ему в помощники Ланглуа и Шельхера, и приложили все усилия, чтобы привлечь Национальную гвардию на площадь Биржи, где они распределили жалованье, причитающееся стражникам захваченных мэрий. Многие приходили только за жалованьем, а не воевать. Даже вожди начали разделяться между собой. Самые оголтелые, конечно, говорили о том, чтобы смести все перед собой. Это были Вотрен, Дюбай, Денорманди, Дегув-Денункес и Элигон, бывший рабочий, бездельник, допущенный в комнату для прислуги буржуа и напыщенный, как другие лакеи. Но многие другие колебались и подумывали о примирении, особенно после того, как некоторые депутаты и адъютанты — Мильер, Малон, Дерюр и Жаклар - вышли из союза мэров, тем самым еще больше подчеркнув его откровенно реакционный характер. Наконец, некоторые мягкотелые мэры, все еще верящие, что Ассамблее нужно всего лишь просвещение, разыграли импровизированную мелодраматическую сцену.

Они прибыли в Версаль 23-го, в тот момент, когда сельские жители, снова собравшись с духом, обратились к провинциям с призывом выступить маршем на Париж. В самом торжественном виде эти мэры предстали перед трибуной президента, опоясанные своими официальными шарфами. Левые аплодировали, крича "Да здравствует Республика!" Ламуретты ответили на комплимент. Но Правые и Центристы закричали "Да здравствует Франция! Порядок! Порядок!" и, сжав руки, они обратились к депутатам от левых, которые наивно ответили: "Вы оскорбляете Париж!" на что остальные ответили: "Вы оскорбляете Францию!" - и покинули Палату представителей. Вечером депутат, который также был мэром, Арно Де л'Арьеж, зачитал с трибуны декларацию, которую они принесли, и закончил словами: "Мы накануне ужасной гражданской войны. Есть только один способ предотвратить это — назначить выборы

главнокомандующего Национальной гвардией на 28-е число, а выборы муниципального совета - на 3 апреля". Эти предложения были переданы в Комитет.

Мэры вернулись домой возмущенные. Депеша от предыдущего вечера уже взбудоражила Париж. Г-н Тьер объявил провинциям, что министры-бонапартисты Руэ, Шевро и Буатель, арестованные жителями Булони, были защищены и что маршал Канробер, один из сообщников Базена, предложил свои услуги правительству. Оскорбление, нанесенное мэрам, вызвало раздражение всего среднего класса и вызвало внезапные перемены в их республиканских журналах. Нападки на Центральный комитет ослабли. Даже умеренные начали ожидать от Версаля худшего.

Центральный комитет воспользовался этим изменением мнения. Только что получивший сообщение о провозглашении Коммуны в Лионе, он высказался еще яснее в своем манифесте от 24-го. "Некоторые батальоны, введенные в заблуждение своими реакционными начальниками, сочли своим долгом помешать нашим движениям. Некоторые мэры и депутаты, забыв о своих мандатах, поощряли это сопротивление. Мы полагаемся на ваше мужество в выполнении нашей миссии. Возражают, что Ассамблея обещает нам в какой-то неопределенный срок выборы муниципального совета и наших вождей и что, следовательно, наше сопротивление не должно быть продолжительным. Нас слишком часто обманывали, чтобы снова попадаться в ловушку; левая рука забрала бы обратно то, что дает правая. Посмотрите, что уже сделало правительство. Палата представителей голосом Жюля Фавра бросила вызов ужасной гражданской войне, призвала провинции разрушить Париж и покрыла нас самой гнусной клеветой".

Высказавшись, Комитет приступил к действиям и назвал имена трех генералов — Брюнеля, Дюваля и Юда. Пришлось посадить под стражу пьяницу Луллье, который с помощью штаба предателей накануне вечером позволил целому полку армии, стоявшему лагерем в Люксембурге, покинуть Париж с оружием багажом. Теперь также стало известно, что Мон-Валерьян погиб по его вине.

Генералы сделали профессию, чтобы их не поняли превратно: "Сейчас больше не время для парламентаризма. Мы должны действовать. Париж хочет быть свободным. Великий город не допустит безнаказанного нарушения общественного порядка".

Это прямое предостережение было адресовано лагерю Биржи, который, к тому же, заметно уменьшался. Дезертирство из него множилось с каждым заседанием сельских советов. Женщины пришли за своими мужьями. Офицеры-бонапартисты, превысив допустимую норму, вызвали раздражение умеренных республиканцев. Программа мэров - подчинение Версалю — обескуражила средний класс. Генеральный штаб этой беспорядочной армии был по глупости создан в Гранд-отеле. Там сидела сумасшедшая троица — Сайссе, Ланглуа и Шельхер, — которые из-за крайней доверчивости впали в состояние крайнего уныния. Самый безмозглый из них, Сайссе, взял на себя смелость объявить с помощью плакатов, что Ассамблея полностью признала муниципальное избирательное право, избрание всех офицеров Национальной гвардии, включая главнокомандующего, внесение изменений в закон о просроченных коммерческих счетах и законопроект о льготной арендной плате для арендаторов. Эта гигантская мистификация только озадачила Версаль.

Комитет, продвигаясь вперед, [99] приказал Брюнелю захватить мэрии первого и второго округов. Брюнель с 600 солдатами из Бельвиля, двумя артиллерийскими орудиями и в сопровождении двух делегатов Комитета, Лисбона и Протота, явился в три часа в мэрию Лувра. Буржуазные компании напустили на себя вид сопротивления. Брюнель выдвинул свою пушку, когда ему сразу же открыли проход. Он объявил адъюнктам Мелине и Ад. Адам, что Комитет приступит к выборам как можно скорее. Запуганные адъюнкты обратились в мэрию второго округа за разрешением на лечение. Дюбай ответил, что они могут пообещать провести выборы 3 апреля. Брюнель настоял на назначении 30 марта. Адъюнкты согласились. Национальные гвардейцы обоих лагерей приветствовали это соглашение восторженными возгласами и, смешав свои ряды, двинулись маршем к мэрии второго округа. На улице Монмартр несколькими ротам биржевой армии, пытавшимся преградить им путь, сказали: "Мир заключен", и они пропустили их. В мэрии второго округа Шельхер, председательствовавший на собрании мэров, Дюбай и Вотрен оказали сопротивление, отказавшись ратифицировать конвенцию, настаивая на дате 3 апреля. Но подавляющее большинство их коллег согласилось с решением от 30-го числа и с избранием главнокомандующего Национальной гвардией на 3 апреля. Радостную весть приветствовали громкие возгласы, и народные батальоны, приветствуемые батальонами буржуазии, прошествовали по улице Вивьен и бульварам, волоча за собой пушки, на которых сидели парни с зелеными ветками в руках.

Центральный комитет не мог согласиться на эту сделку. Дважды он откладывал выборы. Новая отсрочка дала бы некоторым мэрам пять дней на составление заговора и игру на руку Версалью. Кроме того, федеральные батальоны, находившиеся в пешем строю с 18-го числа, были действительно измотаны. Ранвье и Арнольд в тот же вечер отправились в мэрию второго округа, чтобы сообщить, что Отель-де-Виль придерживается даты выборов 26-го числа. Мэры и адъюнкты, многие из которых имели только одну цель, как они впоследствии признавались, [100] выиграть время, выступили против нарушения веры. Делегаты запротестовали, поскольку у Брюнеля не было иного мандата, кроме как оккупировать мэрии. В течение нескольких часов делегаты пытались все обговорить, но они стояли на своем и ушли в два часа ночи, так и не придя ни к какому заключению. После их ухода наиболее несговорчивые обсуждали возможность сопротивления. Неугомонный Дюбай написал призыв к оружию, отправил его в типографию и провел всю ночь со своим верным Элигоном, передавая приказы командирам батальонов и снабжая мэрию митральезами.

В то время как они, таким образом, были настроены на сопротивление, сельские жители считали себя преданными. С каждым днем они становились все более нервными, будучи лишенными своих земных удобств, вынужденными разбивать лагерь в вестибюлях Версальского замка, подвергаясь всем ветрам и панике. Они устали от непрекращающегося вмешательства мэров и были поражены провозглашением Сейсе. Они воображали, что М. Тьер кокетничал *сэмигрантами*, что *мелкий буржуа*, как он лицемерно называл себя, хотел разжалобить монархистов и, используя Париж как рычаг, свергнуть их. Они говорили о его смещении и назначении главнокомандующим одного из Д'Орлеанов, Жуанвиля или Д'Омая. Их заговор мог бы разгореться на вечернем заседании, когда должно было быть зачитано предложение мэров. Г-н Тьер заранее был с ними, умолял Собрание отложить обсуждение, добавляя, что необдуманное слово может стоить потоков крови. Гревй справился с заседанием за десять минут. Но слух о заговоре распространился по всему миру.

Суббота была последним днем кризиса. Либо Центральный комитет, либо мэры должны были исчезнуть. Комитет в то же утро вывесил плакат: "Перенос митральез в мэрию второго округа вынуждает нас сохранить нашу резолюцию. Выборы состоятся 26 марта". Париж, который считал, что мир заключен, и впервые за последние пять дней ночь прошла спокойно, был очень разгневан, увидев, что мэры возобновили пререкания. Идея проведения выборов проникла во все слои общества, и многие газеты высказались в ее поддержку, даже среди тех, кто подписал протест 21-го числа. Никто не мог понять этой ссоры из-за свидания. Неудержимый поток братания охватил весь город. Ряды двух или трех сотен солдат порядка, оставшихся верными Дюбайлю, час от часу редели, оставляя адмирала Сайссе в одиночестве произносить свое воззвание в пустыне Гранд-отеля. У мэров больше не было армии, когда в десять часов Ранвье пришел узнать их окончательное решение. Их спор стал жарким, когда некоторые депутаты Парижа, вернувшись из Версаля, объявили новость о том, что герцог д'Омаль был провозглашен генерал-лейтенантом. Тогда несколько мэров и адъюнктов наконец поняли, что на карту поставлена Республика, и, убедившись в своем бессилии, капитулировали. Был составлен проект плаката, который должен был быть подписан мэрами, депутатами и от имени Центрального комитета двумя делегатами Ранвье и Арнольдом. Комитет хотел подписать *массовом порядке* и слегка изменил текст, сказав: "Центральный комитет, вокруг которого сплотились депутаты Парижа, мэры и адъюнкты, созывает..." Вслед за этим некоторые мэры, ища предлог, встали, крича: "Это не наш съезд; мы сказали, что депутаты, мэры, адъюнкты и члены Комитета ..."; и, рискуя снова разжечь тлеющие угли, вывесили плакаты протеста. И все же Комитет вполне мог бы сказать: "Которые сплотились?" поскольку это не принесло никаких результатов. Однако Париж отклонил иски провокаторов. Адмиралу Сайссе пришлось распустить четырех оставшихся у него людей. Тирард на плакате посоветовал выборщикам голосовать; за М. В то же утро Тьер намекнул ему: "Не продолжайте бесполезного сопротивления. Я реорганизую армию. Я надеюсь, что через две-три недели у нас будет достаточно сил, чтобы освободить Париж".^[101]

Обращение к выборам подписали только пять депутатов: Локрой, Флоке, Клемансо, Толен и Греппо; остальные члены группы Луи Блана держались в стороне от Парижа в течение нескольких дней. Эти слабаки, всю свою жизнь воспевавшие славу Революции, когда она возникла перед ними, разбежались в ужасе, подобно арабскому рыбаку при появлении джина.

С этими мандаринами трибуны истории и журналистики, немые и безжизненными, странным образом контрастируют сыны толпы, безвестные, но богатые волей, верой и красноречием. Их прощальная речь была достойна их прихода: "Не забывайте, что люди, которые будут служить вам лучше всего, - это те, кого вы выберете из своей среды, живущие своей жизнью, страдающие от тех же бед. Остерегайтесь амбициозных не меньше, чем выскочек. Остерегайтесь также простых болтунов. Избегайте тех, к кому благоволит судьба, ибо слишком редко тот, кому повезло, склонен смотреть на рабочего как на брата. Отдавайте предпочтение тем, кто не домогается ваших голосов. Истинные заслуги скромны, и дело рабочих - знать тех, кто достоин, а не выставять себя напоказ".

Они действительно могли "спуститься по ступеням Отель-де-Виль с поднятой головой", эти безвестные люди, которые надежно закрепили революцию 18 марта. Призванные только организовать Национальную гвардию, брошенные во главе беспрецедентной революции без руководства, они были способны противостоять нетерпеливым, подавить бунт, восстановить

общественные службы, обеспечить Париж продовольствием, пресечь интриги, воспользоваться всеми промахами Версаля и мэров и, преследуемые со всех сторон, ежеминутно подвергаясь опасности гражданской войны, умели вести переговоры, действовать в нужное время и в нужном месте. Они воплотили тенденцию движения, ограничили свою программу пересмотром голосов в общинах и повели все население к урнам для голосования. Они положили начало точному, энергичному и братскому языку, неизвестному всем буржуазным державам.

И все же это были малоизвестные люди, все с неполным образованием, некоторые из них фанатики. Но люди думали вместе с ними. Париж был жаровней, Отель-де-Виль - пламенем. В Отель-де-Виль, где прославленные буржуа после поражения только накапливали глупость, эти новички одержали победу, потому что прислушались к голосу Парижа.

Пусть их заслуги освободят их от двух серьезных проступков — допущения побега армии и чиновников и повторного захвата Мон-Валерьяна Версалем. Говорили, что 19-го или 20-го числа они должны были выступить маршем на Версаль. Но при первой тревоге они бежали бы в Фонтенбло вместе с Администрацией и Левыми, со всем, что было нужно для управления провинциями и обмана. Оккупация Версаля лишь вытеснила бы противника, и это было бы ненадолго, поскольку народные батальоны были слишком плохо обеспечены, слишком плохо командовались, чтобы удерживать одновременно этот открытый город и Париж.

Во всяком случае, Центральный комитет оставил своему преемнику все средства, необходимые для разоружения врага.

СНОСКИ:

[98] Вот имена тех, кто подписал прокламации и уведомления Комитета. Мы восстановим, насколько возможно, их правильную орфографию, часто изменяемую даже в *Официальных документах* вплоть до указания вымышленных имен: Андинью, А. Арно, Г. Арнольд, А. Асси, Бабик, Барру, Бержере, Биллиоре, Буи, Бурсье, Бланше, Кастиони, Шуто, К. Дюпон, Эд, Фабр, Ферра, Флери, Х. Фортуне, Фужере, Годье, Жересм, Гушье, Грелье, Ж. Гроллар, Жосселен, Журд, Лавалетт, Лисбон, Луллье, Maljournal, Ред. Моро, Мортье, Прюдом, Ранвье, Руссо, Варлен, Виар. Несмотря на решение Комитета, не все его члены всегда подписывали прокламации. Наконец, некоторые из тех, кто принимал участие в определенных обсуждениях, вообще не подписывались.

[99] Этот приказ был отдан накануне вечером. Предательство Дю Биссона, назначенного Луллье начальником штаба, помешало его исполнению.

[100] Тирар: "Вся моя забота и забота моих коллег заключалась в том, чтобы отложить выборы так, чтобы они состоялись 3 апреля" — *Запрос на 18 Марта*, том ii, стр. 340. Вотрен: "Таким образом, я и мои коллеги выиграли еще восемь дней". — *Там же.*, стр. 379. Ж. Фавр: "В течение восьми дней мы были единственной баррикадой, воздвигнутой между восстанием и правительством". — *Там же.*, стр. 385. Демаре: "Я считал необходимым оставаться в опасности, чтобы дать правительству Версаля время для вооружения". — *Там же.*, стр. 412.

[101] *Анкета на 18 Марта*, Тирард, том ii. стр. 342.

ГЛАВА VIII.

"Une portion considérable de la population et de la garde nationale de Paris sollicite le concours des départements pour le rétablissement de l'ordre."—*Circulaire de M. Thiers aux Préfets, le 27 Mars.*

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОММУНЫ.

Эта неделя завершилась триумфом Парижа. Парижская Коммуна снова возобновила свою роль столицы Франции, снова стала национальным инициатором. В десятый раз с 1789 года рабочие направили Францию на правильный путь.

Штыки Пруссии обнажили нашу страну такой, какой ее оставили восемьдесят лет буржуазного господства, — Голиафом, отданным на милость своего погонщика.

Париж разорвал тысячи пут, приковывавших Францию к земле, как Гулливера к добыче муравьев; восстановил кровообращение в ее парализованных конечностях; сказал: "Жизнь всей нации заключена в каждом из ее мельчайших организмов; единство улья, а не казармы. Органической ячейкой Французской Республики является муниципалитет, коммуна".

Воскрешенный Лазарь Империи и осады, сорвав со своего лба салфетку и стряхнув с себя погребальные одежды, был готов начать новую жизнь вместе с возрожденными коммунами Франции в своем свите. Эта новая жизнь придала всему Парижу юный вид. Те, кто месяц назад отчаивался, теперь были полны энтузиазма. Незнакомые люди обращались друг к другу и пожимали руки. Ибо на самом деле мы не были чужими, но были связаны одной верой и одними устремлениями.

Воскресенье, 26-е, было днем радости и солнца. Париж снова вздохнул, счастливый, как человек, только что избежавший смерти или большой опасности. Улицы Версаля выглядели мрачными, жандармы оккупировали вокзал, грубо потребовали паспорта, конфисковали все

парижские журналы и при малейшем проявлении сочувствия к городу арестовали вас. В Париж каждый мог въехать свободно. Улицы кишели людьми, в кафе было шумно; один и тот же парень выкрикивал "*Парижский журнал* и "*Коммуну*"; нападки на Отель-де-Виль, протест нескольких недовольных были вывешены на стенах рядом с плакатами Центрального комитета. Люди были без гнева, потому что без страха. Бюллетень для голосования заменил чашу.

Законопроект Пикара давал Парижу всего шестьдесят муниципальных советников, по три на каждый округ, независимо от численности его населения. Таким образом, 150 000 жителей одиннадцатого округа имели такое же количество представителей, как и 45 000 жителей шестнадцатого. Центральный комитет постановил, что на каждые 20 000 жителей и на каждую долю в 10 000 человек должен быть член совета; всего девяносто. Выборы должны были проводиться по февральским спискам и обычным способом; только Комитет выразил пожелание, чтобы в будущем открытое голосование считалось единственным способом, достойным демократических принципов. Все предместья повиновались и открыто проголосовали. Избиратели квартала Сент-Антуан построились в длинные колонны и, возглавляемые красным флагом, с избирательными бюллетенями, засунутыми в шляпы, дефилировали перед колонной Бастилии и в том же порядке маршировали по своим участкам.

Объединение и созыв мэров, рассеявшие все сомнения, также побудили буржуазные круги проголосовать. Выборы стали законными, поскольку полномочные представители правительства дали свое согласие. Проголосовало двести восемьдесят семь тысяч человек, что относительно намного больше, чем на февральских выборах, ибо с тех пор, как после осады были открыты ворота, большая часть представителей легкого сословия устремила в провинции, чтобы восстановить здоровье.

Выборы прошли так, что люди стали свободными. При подходе к залам ни полиции, ни интриг. И все же М. Тьер осмелился телеграфировать в провинции: "Выборы состоятся сегодня без свободы и без морального авторитета". Свобода была настолько абсолютной, что во всем Париже не произошло ни единого протеста.

Умеренные газеты даже высоко оценили статьи *Officiel*, в которых делегат Лонге изложил роль будущего Общественного собрания: "Прежде всего, оно должно определить свой мандат, установить границы своих полномочий. Его первой работой должно стать обсуждение и составление устава. Сделав это, он должен рассмотреть способы признания и гарантии центральной властью статута муниципальной автономии ". Прямота, благоразумие, умеренность, которыми были отмечены все официальные действия, начинали возбуждать самых упрямых. Не утихала только ненависть к версальцам. В тот же день М. Тьер воскликнул с трибуны: "Нет, Франция не позволит восторжествовать тем негодьям, которые хотят утопить ее в крови".

На следующий день 200 000 "негодяев" пришли в Отель-де-Виль, чтобы установить там своих избранных представителей, барабаны батальона били, знамена были увенчаны фригийскими шапочками и красной бахромой вокруг мушкетов; их ряды, пополненные линейными солдатами, артиллеристами и морскими пехотинцами, верными Парижу, стекались со всех улиц к Гревской площади, как тысячи потоков великой реки. Посреди Ратуши, напротив центрального входа, была воздвигнута большая платформа. Над ней возвышался бюст Республики, обмотанный красным шарфом. Огромные красные ленты бились о фасад и колокольню, словно языки пламени, возвещающие Франции благу вест. Сотня батальонов заполнила площадь и

сложила свои штыки, освещенные солнцем, перед Ратушей. Другие батальоны, которые не смогли попасть в это место, выстроились вдоль улиц вплоть до Севастопольского бульвара и набережных. Знамена были сгруппированы перед платформой, некоторые трехцветные, все с красными кисточками, символизируя приход народа. Пока зал заполнялся, раздавались песни, оркестры играли *Марсельезу* и *Гимн Департамента*, трубы трубили атаку, а на набережной гремели пушки старой коммуны.

Внезапно шум стих. На платформе появились члены Центрального комитета и Коммуны с красными шарфами на плечах. Ранвье сказал: "Граждане, мое сердце слишком полно радости, чтобы произносить речь. Позвольте мне только поблагодарить жителей Парижа за великий пример, который они подали миру". Член Комитета объявил имена избранных. Барабаны отбили салют, оркестры и двести тысяч голосов подхватили *Марсельезу*. Ранвье, воспользовавшись паузой, выкрикнул: "Именем народа провозглашается Коммуна".

Тысячекратное эхо ответило: "Да здравствует Коммуна!" На концах штыков были подняты фуражки, в воздухе развевались флаги. Из окон, с крыш тысячи рук махали платками. Быстрые выстрелы пушек, оркестров, барабанов сливались в одну устрашающую вибрацию. Сердца всех подпрыгнули от радости, глаза наполнились слезами. Никогда со времен великой Федерации Париж не был так тронут.

Отступлением очень ловко руководил Брюнель, который, с одной стороны, эвакуировал город, с другой - ввел те батальоны, которые остались без него, и все они в равной степени стремились приветствовать Коммуну. Перед бюстом Республики были приспущены флаги, офицеры отдали честь саблями, солдаты подняли мушкеты. Только в семь часов прошла последняя процессия.

Агенты М. Тьера вернулись в смятении и сообщили ему: "На самом деле в манифестации участвовал весь Париж". И Центральный комитет вполне мог бы воскликнуть в своем энтузиазме: "Сегодня Париж открыл новую страницу в книге истории, и там вписано его могущественное имя. Пусть шпионы Версаля, которые рыщут вокруг нас, пойдут и расскажут своим хозяевам, что означает общее перемещение целого населения. Пусть эти шпионы донесут до них образ великолепного зрелища восстановления народом своего суверенитета".

Эта молния заставила бы прозреть слепого. 287 000 избирателей, 200 000 человек с одним и тем же лозунгом. Это был не секретный комитет, не горстка мятежников и бандитов, как говорили в течение десяти дней. Здесь была огромная сила, служащая определенной идее — Общественной независимости, интеллектуальной жизни Франции, — бесценная сила в это время всеобщей анемии, дар божий, столь же драгоценный, как компас, спасенный после крушения и спасающий выживших. Это был один из тех великих исторических поворотных моментов, когда народ может быть переформирован.

Либералы, если вы искренне призывали к децентрализации при Империи; республиканцы, если вы поняли июнь 1848 года и декабрь 1851 года; Радикалы, если вы действительно хотите самоуправления народа, прислушайтесь к этому новому голосу, воспользуйтесь этой замечательной возможностью.

Но пруссак! Какое это имеет значение? Почему бы не ковать оружие на глазах у врага? Буржуа, разве не на глазах у иностранца ваш предок Этьен Марсель пытался переделать Францию? А ваш Съезд, разве он не начал действовать в самый разгар урагана?

Что они ответили? Смерть Парижу!

Красное солнце гражданского раздора растапливает маску. Вот они стоят бок о бок, как в 1791, 1794 и 1848 годах, монархисты, клерикалы, либералы, радикалы, все они подняли руки против народа — одна армия в разных мундирах. Их децентрализация - это сельский и капиталистический федерализм; их самоуправление, эксплуатация бюджета ими самими, точно так же, как вся политическая наука их государственных деятелей состоит только из массовых убийств и осадного положения.

Какая буржуазия в мире после таких огромных бедствий не стала бы с осторожностью ухаживать за таким резервуаром живой силы? Они, видя этот Париж, способный породить новый мир, ее сердце наполнилось лучшей кровью Франции, у них была только одна мысль — обескровить Париж.

ГЛАВА IX.

"Toutes les parties de la France sont unies et ralliées autour de l'Assemblée et du gouvernement."—
Circulaire de M. Thiers à la Province, le 23 au soir.

КОММУНА В ЛИОНЕ, СЕНТ-ЭТЬЕНЕ И КРЕЗО.

В каком состоянии находились провинции?

В течение нескольких дней, лишённые каких-либо парижских журналов, они питались лживыми депешами М. Тьер, [102] затем посмотрел на подписи под воззваниями Центрального комитета

и, не найдя там ни левых, ни демократических образцов, спросил: "Кто эти неизвестные люди?" Республиканские буржуа, дезинформированные о событиях, происходивших во время осады Парижа, — к тому же очень ловко обманутые консервативной прессой, — как когда-то говорили их отцы, "Питт и Кобург", будучи неспособными понять народные движения, они кричали: "Эти неизвестные люди не могут быть никем иным, как бонапартистами". Только люди проявили истинный инстинкт.

Парижская коммуна нашла свое первое эхо в Лионе. Это был необходимый отзвук. С появлением Ассамблеи рабочие обнаружили, что за ними наблюдают. Муниципальные советники, слабые люди, некоторые из них чуть ли не до реакции, приспустили красный флаг под предлогом того, что "гордый флаг *сопротивления* не должен пережить унижения Франции". Неуклюжий трюк не ввел в заблуждение людей, которые на площади Гильотьер выстроились на страже вокруг своего флага. Новый префект Валентин, бывший офицер, столь же жестокий, сколь и вульгарный, что-то вроде Клемана Тома, в достаточной степени предупредил людей, какая Республика их ожидает.

19-го числа, при первых новостях, республиканцы были настороже и не скрывали своих симпатий к Парижу. На следующий день Валентин опубликовал провокационное воззвание, изъял парижские журналы и отказался передавать какие-либо депеши. 21-го числа в муниципальном совете некоторые члены пришли в негодование, и один из них сказал: "Давайте, по крайней мере, наберемся смелости быть Лионской коммуной". 22-го, в полдень, восемьсот делегатов Национальной гвардии собрались во дворце Сен-Пьер. Было выдвинуто предложение выбирать между Парижем и Версалем. Гражданин, только что прибывший из Парижа, объяснил происходящее там движение, и многие хотели, чтобы митинг немедленно объявил о себе в Париже. Наконец, Ассамблея направила делегатов в Отель-де-Виль с просьбой продлить муниципальные свободы, назначить мэра главнокомандующим Национальной гвардией и наделить его функциями префекта.

Муниципальный совет только что заседал. Мэр Энон, реликвия 1848 года с деревянной головой, выступал против любого сопротивления Версалью. Мэр Гийотьера Крестен, известный республиканец, потребовал, чтобы они, по крайней мере, выразили протест. Другие хотели, чтобы совет расширил свои прерогативы. Энон пригрозил подать заявление об отставке, если они будут продолжать в том же духе, и предложил им обратиться к префекту, который в то время созывал реакционные батальоны.

Делегаты Сен-Пьерского дворца прибыли и были грубо приняты Эноном. Одна депутация следовала за другой, всегда встречая один и тот же отпор. Однако в это время батальоны Бротто и Ла Гильотьера готовились, и в восемь часов плотная толпа заполнила площадь Терро перед Ратушей, выкрикивая: "Да здравствует Коммуна! Долой Версаль!" Реакционные батальоны не отреагировали на призыв префекта.

Часть совета снова собралась в девять часов, в то время как остальные, вместе с Эноном, все еще спорили с делегатами. После ответа мэра, который не оставлял им никакой надежды прийти к взаимопониманию, делегаты ворвались в зал заседаний совета, и толпа, узнав об этом, ворвалась в Отель-де-Виль. Делегаты, собравшиеся за столом совета, назначили Крестена мэром Лиона. Он отказался и, вызванный для объяснения причин, заявил, что руководство движением принадлежит тем, кто его инициировал. После большого шума Национальная гвардия созвала Коммунальную комиссию, во главе которой они поставили

пятерых муниципальных советников — Крестена, Дюрана, Буватье, Перре и Веле. Делегаты послали за Валентином и спросили его, поддерживает ли он Версаль. Он ответил, что его прокламация не оставляет сомнений в этом, после чего он был арестован. Затем они приняли решение о провозглашении Коммуны, роспуске муниципального совета, увольнении префекта и генерала Национальной гвардии, которого должен был заменить Риччотти Гарибальди, известный как своим именем, так и своими заслугами в армии Вогезов. Эти резолюции были объявлены народу и встречены радостными возгласами. С балкона снова был развернут красный флаг.

На следующий день, 23 марта, ранним утром пятеро советников, назначенных накануне вечером, отступили, тем самым вынудив повстанцев самостоятельно явиться в Лион и соседние города. "Коммуна, - говорили они, - должна отстоять за Лионом право устанавливать свои собственные налоги и управлять ими, иметь свою собственную полицию и распоряжаться своей Национальной гвардией, которая должна занимать все посты и крепости". Эта довольно скудная программа была немного расширена комитетами Национальной гвардии и Республиканского альянса: "С коммуной налоги будут снижены, государственные деньги больше не будут разбазариваться, будут созданы социальные институты, востребованные рабочим классом. Многие страдания будут облегчены до тех пор, пока окончательно не исчезнет это отвратительное социальное зло - пауперизм ". Эти недостаточные прокламации, неубедительные, умалчивающие об опасности республики и клерикальном заговоре, были единственными рычагами, с помощью которых можно было бы поднять немногочисленный средний класс.

Таким образом, Комиссия оказалась в изоляции. Она взяла форт Шарпенн, накопила патроны, расставила пушки и митральезы вокруг Ратуши; но народные батальоны, за исключением двух или трех, отступили, не оставив пикета, и сопротивление было организовано. Генерал Круза на вокзале собрал всех солдат, морпехов и мобилей, разбросанных по Лиону. Энон назвал генерала Национальной гвардии. Офицеры батальонов охраны порядка выразили протест против Коммуны и предоставили себя в распоряжение муниципального совета, который заседал в кабинете мэра, недалеко от Комиссии.

Забыв, что накануне вечером он распустил Совет, он пригласил Его провести заседание в обычном зале заседаний. Они прибыли в четыре часа. Комиссия уступила им это место, и национальные гвардейцы заняли ту часть зала, которая была отведена для публики. Если бы в этом среднем классе была хоть капля энергии, хоть какое-то предчувствие зверств консерваторов, республиканские советники возглавили бы это народное движение; но некоторые из них все еще оставались теми же торговыми аристократами, бережно относившимися к своему золоту и своим личностям во время войны за национальную оборону; другие - теми же самонадеянными радикалами, которые всегда стремились к подчинению, а не к освобождению рабочего класса. Пока они совещались, не приходя ни к какому решению, помощники, теряя терпение, произнесли несколько восклицаний, шокирующих их благородие, и они резко подняли заседание, чтобы пойти и составить обращение вместе с Эноном.

Вечером в клуб на улице Дюгесклен прибыли два делегата Центрального комитета Парижа. Их отвели в Отель-де-Виль, где с большого балкона они обратились к собравшимся с речью, которые ответили криками "Да здравствует Париж! Да здравствует коммуна!", и имя Риччотти снова было провозглашено.

Но это была всего лишь демонстрация. Сами делегаты были слишком неопытны, чтобы поддерживать жизнь и руководить этим движением. 24-го числа на площади Терро осталось всего несколько групп зевак. *Слуски* звучали напрасно. Четыре влиятельных лионских журнала - радикальный, либеральный и Клерикальный - "энергично отвергли всякое попустительство парижскому, лионскому и другим восстаниям", а генерал Круза распространил слух, что пруссаки, расположившиеся лагерем в Дижоне, угрожают занять Лион в течение двадцати четырех часов, если не будет восстановлен порядок. Комиссия, все более и более опустевшая, снова обратилась к Совету, который теперь проводил свое заседание на Бирже, с предложением передать им управление. Совет отказался лечить. "Нет, - сказал мэр, - мы никогда не примем Коммуну". И когда объявили о прибытии мобилей из Белфорта, Совет решил устроить им торжественный прием. Это было объявлением войны.

Переговоры продолжались весь день до позднего вечера. Мало-помалу Отель-де-Виль опустел, и члены Комиссии исчезли. В четыре часа утра единственные двое, кто остался, отменили свои полномочия,^[103] распустили часовых, охранявших префекта, и покинули Отель-де-Виль. На следующий день Лайонс обнаружила, что ее Коммуна исчезла.

В тот же вечер, угасая в Лионе, революционное движение вспыхнуло в Сент-Этьене. С 31 октября, когда им почти удалось официально провозгласить Коммуну, социалисты не переставали призывать к этому, несмотря на сопротивление и даже угрозы муниципального совета.

Существовало два республиканских центра — Комитет национальной гвардии, вдохновляемый революционным клубом на улице Виерж, и Республиканский альянс во главе передовых республиканцев. Муниципальный совет был, за одним или двумя исключениями, составлен из тех радикалов, которые не знают, как противостоять народу, не будучи раздавленными реакцией. Комитет и Альянс согласились просить о его продлении.

18 марта рабочие встретили с энтузиазмом. Радикальный орган, *L'Éclaireur*, заявил, не делая никаких выводов: "Если Ассамблея одержит верх, Республике конец; если, с другой стороны, депутаты Парижа разойдутся с Центральным комитетом, у них должны быть для этого веские причины". Народ пошел дальше. 23-го числа Club de la Vierge направил делегатов в Отель-де-Виль с просьбой о создании коммуны. Мэр пообещал передать этот вопрос своим коллегам. Альянс также выступил с требованием ввести в состав совета определенное количество делегатов.

На следующий день, 24-го, делегации вернулись. Совет подал в отставку и объявил, что они будут исполнять свои обязанности только до тех пор, пока их не заменят выборщики, которые будут созданы с наименьшей задержкой. Это было поражение, поскольку в тот же день временный префект Морелле заклинал население не провозглашать Коммуну, а уважать авторитет Собраниа. В семь часов вечера рота Национальной гвардии сменила часового под крики "Да здравствует коммуна!". Центральный комитет пригласил Альянс присоединиться к ним в захвате Отель-де-Виль. Радикалы отказались, заявив, что обещания Совета достаточно; что движения в Париже и Лионе носят неопределенный характер и что необходимо утвердить порядок и общественное спокойствие.

Во время этих переговоров люди, собравшиеся в Клубе Борьбы, обвинив первых делегатов в слабости, решили послать других и сопровождать их, чтобы они не могли уступить дорогу. В десять часов две колонны по 400 человек в каждой выстроились перед ограждением Ратуши. Они были закрыты по приказу нового префекта, месье Де л'Эспе, самодержца металлургических заводов, который только что прибыл, горя желанием усмирить нарушителей спокойствия. Но люди начали разбирать рельсы, и было необходимо впустить своих делегатов. Они нашли мэра и Морелле, попросили о создании Коммуны и временно о присоединении народной комиссии. Мэр отказался, бывший префект упрямо пытался доказать, что Коммуна - это прусское изобретение. Потеряв надежду убедить делегатов, он отправился предупредить г—на Де л'Эспе — префектура примыкала к мэрии, - и затем оба скрылись в саду, где им удалось воссоединиться с генералом Лавуа, командующим гарнизоном.

В полночь делегаты, не сумев ничего добиться, заявили, что никому не будет позволено покинуть Отель-де-Виль, и, подойдя к перилам, велели демонстрантам поразмыслить. Некоторые убежали в поисках оружия, другие проникли в Зал Прюдомов, где провели митинг. Ночь прошла бурно. Делегаты, только что узнавшие о неудаче движения в Лионе, заколебались. Люди угрожали и были за то, чтобы избить спуск. Мэр отказался. Наконец, в семь часов он нашел выход и пообещал предложить провести плебисцит по вопросу о создании Коммуны. Делегат зачитал это заявление народу, который сразу же покинул Отель-де-Виль.

В тот же миг господину Де л'Эспе пришла в голову блестящая идея спуститься по *канату*, о чем народ тщетно просил с полуночи. Он собрал несколько национальных стражников порядка, вернулся в опустевший Отель-де-Виль и объявил о своей победе. Муниципальный совет проинформировал его об утреннем соглашении, и Де л'Эспе отказался назначить дату выборов. Кроме того, сказал он, генерал обещал ему помощь гарнизона.

В одиннадцать часов призыв префекта к оружию вновь собрал все народные батальоны. Перед Ратушей образовались группы с криками "Да здравствует Коммуна!". Де л'Эспе послал за своими войсками, состоящими из 250 пехотинцев и двух эскадронов гусар, которые медленно подошли. Толпа окружила их; Совет запротестовал, и префекту пришлось распустить своих воинов, оставив против толпы только шеренгу пожарных и в Ратуше две роты, из которых только одна была на стороне партии порядка.

Ближе к середине дня делегация созвала Совет, чтобы сдержать свое обещание. Присутствующие члены совета — их было немного — были не против принять в качестве коадьюторов по два делегата от каждой компании, но Де л'Эспе официально заявил против каких-либо уступок. В четыре часа явилась очень многочисленная делегация Комитета. Префект говорил о том, чтобы самому сократить окопы и укрепить ворота для обороны, но пожарные подняли приклад своих мушкетов, открыли проход, и Де л'Эспе пришлось принять некоторых делегатов.

Толпа снаружи становилась все более неуправляемой, раздраженной этими бесполезными переговорами. В половине пятого прибыли рабочие с оружейной мануфактуры, когда из одного из домов этого района раздался выстрел, убивший рабочего Лайонне. В ответ раздалось сто выстрелов; забили барабаны, трубы возвестили атаку, и батальоны ворвались в Ратушу, в то время как другие обыскивали дом, откуда, как предполагалось, началась атака.

При звуке стрельбы префект прервал совещание и попытался скрыться, как и накануне вечером, сбился с пути, был узнан и схвачен вместе с заместителем прокурора Республики, возвращен с последним в большой зал и показан с балкона. Толпа освистала его, убежденная, что он отдал приказ стрелять по людям. Одного из охранников-реакционеров, г-на Де Вентавона, во время его бегства из мэрии приняли за убийцу Лионне, и его носили на носилках, на которых труп только что доставили в больницу.

Префект и заместитель прокурора остались в большом зале среди раздраженных людей. Многие обвиняли Де л'Эспе в том, что он спровоцировал расстрел шахтеров Обена во времена Империи. Он запротестовал, заявив, что был директором шахт Аршамбо, а не шахт Обена. Мало-помалу утомленная толпа рассеялась, и к восьми часам в зале осталось всего около сорока охранников. Заключенные поели, когда президент коммуны, который находился в соседней комнате, увидев, что все спокойно, тоже удалился. В девять часов толпа вернулась, крича: "Коммуна! La Commune! Подпишите!" Де л'Эспе предложил подписать свое заявление об отставке, но добавил, что сделал это по принуждению. Заключенными руководили двое мужчин, Виктория и Фийон, последний - старый изгнанник, совершенно растерянный, который обращался то против толпы, то против заключенных. В десять часов, оказавшись под натиском толпы людей, Фийон, как во сне, повернулся лицом по сторонам и произвел два выстрела из револьвера, убив свою подругу Виктуар и ранив барабанщика. Мгновенно мушкеты были направлены на него, и Фийон и Де л'Эспе упали замертво. Депутат, прикрытый трупом Фийона, избежал выстрела. На следующий день он и г-н Де Вентавон были освобождены.

В течение вечера была сформирована Комиссия, избранная из числа офицеров Национальной гвардии и постоянных ораторов "Клуба борьбы". Оно оккупировало станцию, завладело телеграфом, изъяло патроны из порохового погреба и созвало выборщиков на 29-е число. "Коммуна, - говорилось в нем, - означает не поджоги, не воровство, не мародерство, как это многие с удовольствием преподносят, а завоевание привилегий и независимости, отнятых у нас имперским и монархическим законодательством; это истинная основа Республики". Это была вся преамбула. В этом промышленном улье, рядом тысячами шахтеров Ла-Рикамари и Фирминьи, они не нашли, что сказать по социальному вопросу. Комиссия знала только, как обойтиспуск, на который, как и в Лионе, никто не отреагировал.

На следующий день, в воскресенье, город, спокойный и любопытствующий, прочитал воззвание коммуны, расклеенное рядом с призывами генерала и прокурора. В то время как этот последний, как и подобает хорошему радикалу, говорил о бонапартистском заговоре, генерал предложил Совету отозвать свою отставку. Он пошел к советникам, укрывшимся в казармах, и сказал им: "Мои солдаты не будут сражаться, но у меня есть тысяча ружей. Если вы хотите ими воспользоваться, вперед!" Советники протестовали против своей непригодности к военным подвигам; но в то же время, как и в Лионе, отказались общаться с Ратушей, считая, "что вести дела можно только с честными людьми".

27-го Альянс и *L'Éclaireur* полностью вышли из состава Комиссии, и ее состав постепенно сократился. Вечером те немногие верующие, которые еще держались, приняли двух молодых людей, присланных делегатами Центрального комитета в Лионе. Они оказали сопротивление, но Отель-де-Виль опустел, и утром 28-го там оставалось всего около сотни человек. В шесть часов явился генерал Лавуа с французскими войсками из Вогезов и несколькими войсками,

прибывшими из Монбризона. Национальная гвардия, услышав его призыв сложить оружие во избежание кровопролития, согласилась эвакуировать мэрию.

Были произведены многочисленные аресты. Консерваторы осыпали коммуны обычными оскорблениями и рассказали, что среди убийц префекта были замечены каннибалы.^[104] *L'Éclaireur* не преминул продемонстрировать, что движение было чисто бонапартистским. Рабочие чувствовали себя побежденными, и на торжественных похоронах г-на Де л'Эспе были произнесены негромкие, но пронзительные проклятия.

В Крезе пролетарии также потерпели поражение. Тем не менее, социалисты управляли городом с 4 сентября, мэр Дюме был бывшим рабочим металлургического завода. 25-го, услышав новости из Лиона, они заговорили о провозглашении Коммуны. На смотре 26-го национальные гвардейцы кричали "Да здравствует коммуна!", и толпа сопровождала их до площади мэрии, которую занимал кирасирский полковник Герхардт. Он приказал пехотинцам стрелять. Они отказались. Затем он приказал кавалерии атаковать; но гвардейцы подняли штыки и вторглись в мэрию. Дюме объявил об упразднении Версальского правительства, провозгласил Коммуну, и был поднят красный флаг.

Но там, как и везде, люди не двигались. Командир Крезе вернулся на следующий день с подкреплением, разогнал толпу, которая с любопытством и пассивностью стояла на площади, и овладел мэрией.

За четыре дня Коммуна потеряла все революционные центры востока - Лион, Сент-Этьен и Крезе.

СНОСКИ:

^[102] Он тут же начал эту несравненную кампанию лжи, за ходом которой мы будем внимательно следить. 19-го он сказал: "Армия численностью в 40 000 человек сосредоточена в хорошем порядке в Версале". 23 000 человек (число, указанное им самим в *анкете*) были полностью распущены. 20-го: "Правительство не хотело вступать в кровавую борьбу, хотя и было спровоцировано". К 21-му армия выросла до 45 000 человек: "Восстание всеми отвергнуто". 22-го: "Со всех сторон правительству предлагают батальоны мобилей для поддержки его против анархии". 27-го, во время подсчета голосов: "Значительная часть населения и Национальной гвардии Парижа просит помощи у провинций для восстановления порядка".

^[103] "Учитывая, - говорилось в их заявлении, - что Временная коммуна Лион, поддержанная Национальной гвардией, больше не чувствует их поддержки, члены коммуны объявляют себя освобожденными от обязательств перед своими избирателями и отказываются от всех полученных полномочий".

^[104] Некоторые печально известные свидетельства должны быть приведены полностью, чтобы дать представление о белой горячке крупной буржуазии, когда речь заходит о Коммуне. Через четыре месяца после этих событий префект Дюкро, изобретатель знаменитых мостов на Марне, дал показания перед *Комиссией 18 Марта*: "Они не проявили уважения к его трупу; они отрезали ему голову. Ночью, страшно сказать, один из мужчин, участвовавших в убийстве и преданных суду, пришел в кафе, предлагая присутствующим фрагменты черепа месье Де л'Эспе

и раскалывая его зубами на куски того же самого черепа ". И Дюкро осмелился добавить: "Этот человек был арестован, предстал перед судом и оправдан". Ужасные фантазии, которые заклеили даже радикалы Сент-Этьена.

ГЛАВА X.

КОММУНЫ В МАРСЕЛЕ, ТУЛУЗЕ И НАРБОННЕ.

После выборов 8 февраля, прихода реакционеров, выдвижения М. Тьер, подлатанный и позорный мир, монархия в перспективе, неповиновение и поражения вызывали такое же горькое негодование в доблестном городе Марселе, как и в Париже. Там новость о событиях 18 марта попала на пороховой склад. Тем не менее, требовались дальнейшие подробности, когда 22-го принесли известное донесение Руэ-Канробера.

Клубы, игравшие большую роль в бурной жизни Марселя, сразу же оказались переполнены. Расчетливые и методичные радикалы напали на клуб Национальной гвардии; народные элементы встретились в "Эльдорадо". Там они аплодировали Гастону Кремье, элегантному и женоподобному оратору, время от времени радующемуся эпиграмматическим оборотам, как, например, в Бордо. Гамбетта был обязан ему своим избранием в Марселе при Империи. Кремье немедленно поспешил в клуб Национальной гвардии, осудил Версаль, сказал им, что они не могут допустить гибели Республики, но должны действовать. Клуб, хотя и был крайне возмущен депешей, предостерег его от чрезмерной поспешности. Прокламации Центрального комитета, по их словам, не провозглашали какой-либо четко определенной политики. Подписанные неизвестными именами, они вполне могли исходить от бонапартистов.

Этот якобинский аргумент был смешон в Марселе, где депеша М. Тьера послужила сигналом к волнениям. От кого пахло бонапартизмом — от этих неизвестных людей, восставших против Версаля, или от М. Тьер покровительствует Руэру и его министрам и хвастается предложением Канробера?

После выступления Буше, заместителя *прокурора Республики*, Гастон Кремье, обдумав свой первый импульсивный шаг, в сопровождении делегатов клуба отправился в "Эльдорадо". Там он прочитал и прокомментировал *Официальный закон* Парижа, который получил от префекта, и успокоил волнение. "Правительство Версаля подняло свой костыль против того, что они называют восстанием Парижа; но оно сломалось в их руках, и их попытка привела к созданию Коммуны. Давайте поклянемся, что мы едины для защиты правительства Парижа, единственного, которое мы признаем". Они разделились, готовые к сопротивлению, но решившие выждать время.

Таким образом, возбужденное население все еще сдерживало себя, когда префект подстрекал его к самым глупым провокациям. Этот адмирал Коснье, выдающийся морской офицер, но политически всего лишь фигура, совершенно не в своей тарелке в этих краях, куда он только что прибыл, был пассивным орудием реакции, которая с 4 сентября уже несколько раз ссорилась с Национальной гвардией — *civiques*, — провозгласившей Коммуну и изгнавшей иезуитов. Преподобный отец Тиссье, хотя и отсутствовал, все еще был ее лидером. Умеренность горожан она ошибочно приняла за трусость. Как и М. Тьер 17-го числа счел себя достаточно сильным, чтобы совершить блестящий удар.

Вечером адмирал держал совет с мэром Бори, старой развалиной 1848 года, участвовавшей во всех клерико-либеральных коалициях, *прокурором Республики*, Гибером, робким обрезчиком, и генералом Эспиваном де ла Вильбуа, одной из тех жестоких карикатур, которыми изобилуют гражданские войны Южной Америки. Тупой легитимист, одурманенный фанатик, воплощенная учебная программа, рыцарь ковра и бывший член Смешанных комиссий 1851 года, во время войны он был изгнан из Лилля народом, возмущенным как своей полной неспособностью, так и своим прошлым. Он представил совету *законный закон* о священниках и реакционерах и предложил созвать Национальную гвардию для проведения вооруженной манифестации в пользу Версаля. Без сомнения, он попросил бы большего, но гарнизон состоял исключительно из беспризорников армии Востока и нескольких расформированных артиллеристов. Коснье, совершенно сбитый с толку, одобрил демонстрацию и отдал приказ мэру и полковнику Национальной гвардии подготовиться к ней.

23 марта, в семь часов утра, прозвучал призыв к оружию. Гениальная идея префекта распространилась по городу, и народные батальоны приготовились выполнить ее с честью. В десять часов они прибыли на Кур-дю-Шапитр, и артиллерия Национальной гвардии была вытянута вдоль Кур-дю-Сен-Луи. В двенадцать часов франкотиреры, национальные гвардейцы, солдаты всех родов войск вперемешку собрались на Бельзунском поле. Вскоре все батальоны Бель-де-Мей и Эндурра^[105] были собраны в полном составе, в то время как батальоны порядка оставались невидимыми.

Муниципальный совет, испугавшись, дезавуировал демонстрацию и вывесил плакат с обращением республиканцев. Клуб национальной гвардии присоединился к совету и потребовал возвращения Собрании в Париж и отстранения от государственных функций всех пособников Империи. Заместитель прокурора Буше подал в отставку.

Все это время батальоны маршировали взад и вперед, выкрикивая "Да здравствует Париж!" Популярные ораторы обратились к ним с речью, и клуб, опасаясь неминуемого взрыва, послал Гастона Кремье, Буше и Фрейссине попросить префекта разогнать ряды и передать депеши из

Парижа. Делегаты обсуждали это с Коснье, когда снаружи поднялся ужасающий шум. Префектура была осаждена.

В четыре часа батальоны, шедшие пешком в течение шести часов, двинулись вперед под звуки своих барабанов. Двенадцать или тринадцать тысяч человек, прорвавшись через Каннебьер и улицу Сен-Ферреоль, остановились перед префектурой. Делегаты клуба попытались вступить в переговоры, когда раздался выстрел, и толпа, ворвавшаяся в префектуру, арестовала префекта, двух его секретарей и генерала Оливье. Гастон Кремье появился на балконе, заговорил о правах Парижа и порекомендовал поддерживать порядок. Толпа зааплодировала, но все еще продолжала входить и просить оружия. Г. Кремье сформировал две колонны и направил их к металлургическому заводу Менпенти, оружие которого было сдано.

Во время этой суматохи была сформирована Комиссия из шести членов: Г. Кремье, Иова, Этьена, уличного носильщика, Мавиль, сапожника, Гайяра, механика и Аллерини, которые совещались посреди толпы. Г. Кремье предложил освободить только что взятых в плен, но со всех сторон раздавались крики: "Оставьте их у себя в качестве поручителей". Адмирала провели в соседнюю комнату, внимательно наблюдали и — странная мания для всех этих народных движений — попросили об отставке. Коснье, совершенно не в своей тарелке, подписал то, о чем его просили.^[106]

Комиссия объявила, что все полномочия сосредоточены в ее руках, и, чувствуя необходимость укрепления своих позиций, предложила муниципальному совету и клубу Национальной гвардии прислать по три делегата от каждого. Совет назначил Давида Боска, Дессерви и Сидора; клуб - Буше, Карту и Фульжераса. На следующий день они выступили с умеренным заявлением: "Марсель пожелал предотвратить гражданскую войну, спровоцированную версальскими циркулярами. Марсель поддержит законно сформированное республиканское правительство, заседающее в столице. Ведомственная комиссия, сформированная с участием всех республиканских групп, будет следить за Республикой до тех пор, пока ее не сменит новая власть, исходящая от действующего правительства, заседающего в Париже".

Названия муниципального совета и клуба успокоили средний класс. Реакционеры продолжали трубить в свои рожки, и армия ночью эвакуировала город. Оставив префекта в ловушке, в которую он сам его загнал, трус Эспиван по поручению префектуры скрылся у любовницы командира Национальной гвардии по имени Спир, которой он впоследствии пожаловал рыцарский орден Почетного легиона за эту службу нравственному порядку. В полночь он ускользнул и присоединился к войскам, которые без помех со стороны народа, убаюканные победой, достигли деревни Обань, примерно в семнадцати километрах от Марселя.

Таким образом, Марсель был полностью в руках народа. Победа была слишком полной даже для склонных к ликованию голов. Этот "город солнца" не склонен к мягким оттенкам; его небо, его поля, его люди - все окрашено в грубые тона. 24-го гражданская гвардия подняла красный флаг и уже сочла Комиссию слишком равнодушной. Сидор, Десерви и Фульжерас, несмотря на свои обязанности, держались в стороне от префектуры; Карту отправился в Париж за информацией, и поэтому все бремя легло на Боска и Буше, которые вместе с Гастоном Кремье стремились упорядочить движение. Заявив, что красный флаг неуместен, а задержание заложников бесполезно, они вскоре попали под подозрение и угрозу. Вечером 24-го Буше, совершенно обескураженный, подал в отставку, но, по жалобе Г. Кремье в клуб Национальной гвардии, согласился вернуться на свой пост.

Эти разногласия уже распространились по городу, и 25-го Комиссия была вынуждена объявить, что "самое совершенное согласие объединило его с муниципальным советом". Но последняя в тот же день объявила себя единственной существующей властью и призвала Национальную гвардию выйти из апатии. Оказавшись между реакцией и народом, оно начало ту жалкую пьесу, которая должна была закончиться бесславно.

В то время как либералы подражали Тирарам и крайне левым депутатам, на которых ссылался Дюфор в своих депешах, Эспиван во всем копировал генерала Тьера. Он перерыл все административные департаменты Марселя. Казначейство гарнизона было переведено в Обань. Полторы тысячи гарибальдийцев из армии Вогезов и солдат, возвращавшихся на свои склады в Африке, остались без хлеба, без жалованья, без *маршрутных листков* и остались бы без убежища, если бы Гастон Кремье и Буше не добились назначения советом временного квартирмейстера. Благодаря Комиссии те, кто пролил свою кровь за Францию, получили хлеб и кров. Гастон Кремье сказал им в своем обращении: "Когда придет время, вы вспомните братскую руку, которую мы протянули вам". Он был мягким энтузиастом, который рассматривал революцию в довольно буколическом аспекте.

26-го числа изоляция Комиссии стала более очевидной. Никто не выступил против нее, но и не присоединился к ней. Почти все мэры департамента отказались вывешивать его прокламации, и в Арле демонстрация в поддержку красного флага сорвалась. Пылкие духом люди в префектуре не предприняли ничего, чтобы объяснить значение флага, который они развернули, и посреди этого унылого затишья, на виду у Марселя, с любопытством наблюдавшего за происходящим, он свисал с колокольни префектуры, неподвижный и безмолвный, как загадка.

В столице юго-запада также прекратилось восстание. Тулуза содрогнулась от раскатов грома 18 марта. В предместье Сен-Сиприен было интеллигентное и доблестное рабочее население, составлявшее основу Национальной гвардии и с 19-го числа сменявшее вахту под крики "Да здравствует Париж!" Несколько революционеров вызвали префекта Дюпорталя, чтобы высказать свое мнение за или против Парижа. В течение месяца "*Эмансипация*", которой он руководил, вела кампанию против сельских жителей, и он даже на публичном собрании подчеркивал свои республиканские взгляды. Но он был не из тех, кто проявляет инициативу, и отказался порвать с Версалем. Дубинки, однако, окружили его, обязав офицеров Национальной гвардии принести присягу защищать Республику, и попросили патроны. М. Тьер, видя, что Дюпорталь в конце концов последует их примеру, назвал префекта Де Кератри, бывшего префекта полиции 4 сентября. В ночь с 21-го на 22-е он прибыл в дом дивизионного генерала Нансути и, получив сообщение, что гарнизон состоит всего из 600 расформированных человек и что вся Национальная гвардия перейдет к Дюпорталю, начал отступление к Ажену.

23-го Национальная гвардия подготовила демонстрацию с целью захвата арсенала, когда Дюпорталь и мэр помчались в Капитолий, Отель-де-Виль Тулузы. Мэр заявил, что предполагаемый пересмотр не состоится, а Дюпорталь заявил, что скорее подаст заявление об отставке, чем выступит за движение. Но генералы, испугавшись этой вспышки в предместье, укрылись в арсенале. Мэр и муниципальный совет, поняв, что продолжать их платоническую роль больше не годится, в свою очередь бежали, и поэтому Дюпорталь, оставшись один в своей префектуре, проявил себя как великий революционер и, следовательно, тем более заслужив симпатии Национальной гвардии. Он приложил все усилия, чтобы успокоить генералов,

отправился в арсенал, заявил там о своем твердом решении поддерживать порядок от имени версальского правительства, единственного, которое он признавал законным, и добился такого успеха, что они посоветовали М. Тьер, чтобы сохранить его на своем посту. Кератри, воспользовавшись его заявлением, попросил его помощи, чтобы завладеть префектурой, и Дюпорталь назначил ему встречу перед офицерами мобильной полиции и Национальной гвардии, созванными на следующий день, 24-го. Кератри поняла и осталась в Ажене.

Целью этой встречи был поиск добровольцев против Парижа, запрошенных Ассамблеей. Четыре офицера мобилей из шестидесяти предложили свои услуги Версалью. Офицеры Национальной гвардии не пришли в префектуру, а, напротив, в тот же момент подготовили демонстрацию против Кера-тери. В час дня 2000 человек были собраны на площади Капитолия и с развевающимися знаменами направились в префектуру, где Дюпорталь принял их офицеров. Один из них заявил, что они отнюдь не поддерживают Ассамблею, а готовы выступить против нее, и что если М. Тьер не заключал мира с Парижем, они провозгласили Коммуну. При этом имени из всех углов зала раздались крики: "Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж!" Офицеры, распаляясь, приказали арестовать Кератри, провозгласили Коммуну и призвали Дюпорталья встать во главе их. Он попытался отказаться и предложил действовать только как услужливый суфлер вождей коммуны; но офицеры, осуждая дезертирство, убедили его выйти на площадь префектуры, где его приветствовала Национальная гвардия, и они проследовали в Капитолий.

Едва прибыв в большой зал, руководители, казалось, были сильно смущены. Они, в свою очередь, предложили пост президента мэру, другим муниципальным советникам, которые улизнули, и Дюпорталью, который отделался составлением манифеста, который был зачитан с большого балкона. "Коммуна Тулузы, - говорилось в нем, - провозглашает Республику единой и неделимой, призывает депутатов Парижа быть посредниками между правительством и большим городом и призывает господина Тьера распустить Собрание". Массы приветствовали эту молочную-водную коммуну, которая верила в депутатов от левых и в притеснения М. Тьера сельским большинством.

Вечером несколько офицеров Национальной гвардии назначили Исполнительную комиссию, состоявшую, за двумя или тремя исключениями, из простых болтунов; в ней главные лидеры движения не фигурировали. Она удовлетворилась расклеиванием плаката с манифестом и пренебрегла малейшими мерами предосторожности, даже занятием железнодорожного вокзала. Генералы, тем не менее, не осмелились покинуть свой арсенал, где 26-го к ним присоединились первый председатель суда и генеральный прокурор, которые выступили с обращением, призывающим население сплотиться вокруг них. Национальная гвардия хотела ответить штурмом арсенала, и предместье уже стекалось к Капитолию. Но Комиссия предпочла вести переговоры, послала в арсенал сообщение о том, что она распадется, если правительство назначит республиканского префекта вместо Кератри и полностью откажется от Дюпорталья, который, правда, ничего не сделал. Переговоры продолжались весь вечер, и национальная гвардия, уставшая, обманутая своими начальниками и думающая, что все улажено, вернулась по домам.

Кератри, хорошо осведомленный обо всех этих неудачах, прибыл на следующий день на железнодорожную станцию с тремя эскадронами кавалерии, проследовал к арсеналу, прервал переговоры и отдал приказ выступать. В час дня версальская армия, состоявшая из 200

кавалеристов и 600 разношерстных солдат, начала свой поход. Одна колонна заняла мост Сен-Сиприен, чтобы отделить город от предместья, другая направилась к префектуре, а третья, с Нансути, Кератри и магистратами, прошла маршем к Капитолию.

Около 300 человек заполнили двор, окна и террасу. Версальцы развернули свои войска и установили шесть орудий в линию примерно в шестидесяти ярдах от здания, тем самым безрассудно подставив свою пехоту и артиллеристов под мушкеты повстанцев. Первый председатель суда и генеральный прокурор вступили в переговоры, но ничего не добились. Кератри произносил *объяснения*, его голос тонул в криках. Одиночный залп холостыми патронами напугал бы солдат и артиллеристов, которые, кроме того, могли подвергнуться преследованиям с обоих флангов. Но лидеры бежали из Капитолия. Мужество нескольких человек все еще могло привести к драке, когда вмешалась Республиканская ассоциация, убедила гвардейцев отступить и спасла Кера-Тери. Префектура была взята так же легко, и в тот же вечер Кератри обосновался там. Члены Исполнительной комиссии на следующий день опубликовали манифест, полный такой пошлости, что обеспечили себе безнаказанность, и один из них добился, чтобы Кератри назначил себя мэром.

Таким образом, великодушные рабочие Тулузы, поднявшиеся под крик "Да здравствует Париж!", были брошены на произвол судьбы теми, кто поднял восстание. Это стало катастрофическим испытанием для Парижа, поскольку в случае победы весь юг последовал бы примеру Тулузы.

Человек мысли и энергии, которых не хватало во всех этих движениях, проявился в Нарбоннском восстании. Старый город, галльский по своему энтузиазму, римский по своему упорству, является истинным центром демократии в департаменте Од. Нигде во время войны не звучал более энергичный протест против недостатков Гамбетты. Именно по этой причине национальные гвардейцы Нарбонны еще не получили своих мушкетов, в то время как каркассонские уже давно были вооружены. Узнав о событиях 18 марта, Нарбонн, не колеблясь, заявил о своей поддержке Парижа. Чтобы провозгласить Коммуну, к изгнаннику Империи сразу же обратились к человеку с твердыми убеждениями и твердым характером Диджону. Диджон, столь же скромный, сколь и решительный, предложил руководство движением своему товарищу по изгнанию Марку, признанному лидеру демократии в Оде, одному из самых ярых противников Гамбетты во время войны. Марку, хитрый юрист, боявшийся скомпрометировать себя и опасавшийся энергии Диджона в главном городе департамента, убедил его уехать в Нарбонну. Диджон прибыл туда 23-го числа и первым делом подумал о преобразовании муниципального совета в соответствии с принципами Коммуны. Но из-за отказа мэра Рейналя созвать совет, люди, потеряв всякое терпение, вечером 24-го ворвались в Отель-де-Виль и, вооружившись мушкетами, задержанными муниципалитетом, установили контакт с Диджоном и его друзьями. Он появился на балконе, провозгласил объединение коммуны Нарбонна с Парижской и немедленно приступил к принятию мер защиты.

На следующий день Рейналь попытался сплотить гарнизон, и перед Ратушей образовалось несколько отрядов; но люди, особенно женщины, достойные своих парижских сестер, разоружили солдат. Капитан и лейтенант были задержаны в качестве заложников; остальная часть гарнизона ушла и заперлась в казармах Сенбернара. Поскольку Рейналь все еще продолжал оказывать сопротивление, люди арестовали его 26-го; и Диджон с тремя

заложниками во главе отряда федералов отправился захватывать префектуру, выставив пикеты у железнодорожного вокзала и телеграфа. Чтобы раздобыть оружие, он ворвался в арсенал, где, несмотря на своего лейтенанта, который приказал им стрелять, солдаты сдали свое оружие. В тот же день прибыли делегаты из соседних коммун, и Диджон приступил к работе по обобщению движения.

Он ясно понимал, что восстания в департаментах вскоре прекратятся, если не будут хорошо организованы, и хотел протянуть руку помощи восстанию в Тулузе и Марселе. Безье и Сетте уже пообещали ему свою поддержку, и он готовился отправиться в Безье, когда 28-го прибыли две роты туркоса, за которыми вскоре последовали другие войска, присланные из Монпелье, Тулузы и Перпиньяна. С этого момента Диджон был вынужден перейти к обороне. Он возвел баррикады, усилил посты, приказав федералам всегда ожидать нападения и целиться в офицеров.

Мы вернемся к этой теме позже. Сейчас Париж вспоминает нас. Другие провинциальные движения были всего лишь кратковременными колебаниями. 28-го, когда Париж все еще ликовал от победы, все коммуны Франции были уже сметены, за исключением Марселя и Нарбонны.

СНОСКИ:

[105] Популярные кварталы Марселя.

[106] Это отречение было раскрыто в военном суде адвокатом одного из обвиняемых. Косные, опасаясь, что это может быть истолковано как акт трусости, прострелил себе мозги.

ГЛАВА XI.

СОВЕТ КОММУНЫ КОЛЕБЛЕТСЯ С ПЕРВЫХ ЗАСЕДАНИЙ — МЭРЫ И АДЪЮНКТЫ, ИЗБРАННЫЕ МАССОВО, ДЕЗЕРТИРУЮТ.

На площади Ратуша все еще царил оживление, когда новоизбранные члены коммуны собрались в зале муниципального совета.

Голосование вернуло шестнадцать мэров, адъюнктов и либералов всех оттенков,^[107] несколько радикалов,^[108] и около шестидесяти революционеров всех мастей.^[109]

Как получилось, что были выбраны именно эти последние? Все должно быть сказано, и мужественная правда, наконец, заменит черствую лесть старой романтической школы, называющей себя "Революционной". Может быть что-то более ужасное, чем поражение: неправильно истолковать или забыть его причины.

Ответственность достаточно тяжело ложится на избранных, но мы не должны возлагать все на одну сторону — избиратели тоже имеют свою долю ответственности.

Центральный комитет сказал людям в воскресенье, 19-го числа: "Готовьтесь к вашим общинным выборам". Таким образом, у них была целая неделя на то, чтобы сформулировать мандат и выбрать свои мандатарии. Несомненно, сопротивление мэров и занятие военных постов не позволили многим революционным избирателям покинуть свои округа, но все еще оставалось достаточно граждан, чтобы провести работу по отбору.

Никогда еще мандат не был столь необходим, поскольку речь шла о том, чтобы дать Парижу общинную конституцию, приемлемую для всей Франции. Никогда еще Париж так не нуждался в просвещенных и практичных людях, способных одновременно вести переговоры и сражаться.

И все же менее подготовительной дискуссии не было. Лишь несколько человек призвали к благоразумию народ, обычно столь щепетильный в вопросах выборов, и который только что совершил революцию, чтобы избавиться от своих представителей. Комитет двадцати округов опубликовал манифест, очень актуальный по нескольким пунктам и который мог бы послужить наброском; два делегата Министерства внутренних дел попытались посредством статьи в *Officiel* произвести впечатление на Пэрис важностью ее голоса. Ни одно собрание не сформулировало общую программу Парижа; только два или три округа дали какой-то мандат.

Вместо того чтобы голосовать за программу, они голосовали за имена. Те, кто требовал Коммуны, отличился при Кордери или во время осады, были избраны без дальнейших объяснений, некоторые даже дважды, как Флуранс, несмотря на грубые ошибки 31 октября. Были названы только семь или восемь, и то не самых лучших, неизвестных людей из Центрального комитета, который, правда, решил не выставлять свою кандидатуру на выборах. На общественные собрания во многих округах были приглашены самые яростные ораторы, романтики, появившиеся во время осады и лишенные всякого знания практической жизни. Нигде кандидаты не подвергались никаким испытаниям. В пылу борьбы они не думали о завтрашнем дне. Можно было бы подумать, что рассматриваемый объект был простым проявлением, а не основой нового порядка вещей.

Были избраны только двадцать четыре рабочих, и из них треть принадлежала скорее к общественным собраниям, чем к Интернационалу или обществам рабочих. Остальные народные делегаты были выбраны из малочисленного среднего класса и представителей так

называемых свободных профессий, бухгалтеров, публицистов — их было целых двенадцать, — врачей и юристов. Они, за исключением нескольких действительно прилежных людей, будь то ветераны или новички, были так же невежественны, как и рабочие, в политическом и административном механизме буржуазии, хотя и обладали собственной индивидуальностью. Безопасность Центрального комитета заключалась в том, что он не был украшен великими людьми, у каждого из которых была своя формула. Совет коммуны, напротив, изобиловал часовнями, группами, полуизвестными людьми и, следовательно, бесконечной конкуренцией.

Таким образом, поспешность и беспечность революционных избирателей направили в Отель-де-Виль большинство людей, в большинстве своем преданных, но выбранных без разбора, и, в придачу, предоставили их их собственному вдохновению, их прихотям, без какого-либо определенного мандата сдерживать и направлять их в начавшейся борьбе.

Время и опыт, без сомнения, исправили бы эту небрежность, но времени не хватало. Народ властвует только в течение часа, и горе ему, если он не будет тогда готов, вооружен *полностью*. Выборы 26 марта были непоправимы.

На первом заседании присутствовало всего около шестидесяти избранных. На его открытии Центральный комитет пришел поздравить Совет. Председатель по старшинству Беслай, капиталист братского склада ума, произнес вступительную речь. Он очень удачно определил эту молодую революцию: "Предоставление избирательных прав Парижской коммуне - это предоставление избирательных прав всем коммунам Республики. Ваши противники сказали, что вы нанесли удар по Республике. Это как со сваем, которую нужно загнать поглубже в землю. Республика 1793 года была солдатом, который хотел централизовать все силы нации; Республика 1871 года - рабочим, который превыше всего хочет свободы, чтобы оплодотворить мир. Коммуна будет заниматься всем местным, Департамент - региональным, правительство - национальным. Давайте не будем переступать этот предел, и страна и правительство будут счастливы и горды, аплодируя этой революции". Это была наивная иллюзия пожилого человека, который, тем не менее, имел опыт долгой политической жизни. Эта программа, столь умеренная по своей форме, была не чем иным, как похоронным звоном крупной буржуазии, как было показано на этом самом заседании.

В нем уже прозвучали резкие нотки. Буйные и легкомысленные начали беспорядочные движения и хотели, чтобы Коммуна объявила себя всемогущей. Тирар, избранный своим округом, воспользовался этим случаем, чтобы снять свою кандидатуру, заявив, что его мандат носит чисто муниципальный характер, что он не может признать политический характер коммуны, подал в отставку и иронично попрощался с Советом: "Я оставляю вам свои искренние пожелания добра; желаю вам успеха в вашей задаче" и т.д.

Наглость этого бесчестного человека, который в течение восьми дней занимался разжиганием гражданской войны, а теперь отказался от мандата, о котором просил в своем обращении к избирателям, вызвала всеобщее возмущение. Более нетерпеливые хотели, чтобы его арестовали, другие - объявить о лишении его мандата. Он избежал наказания, потому что сказал в "Версаль трибюн": "Когда вы входите в Отель-де-Виль, вы не уверены, что вернетесь оттуда".

Этот инцидент, без сомнения, побудил Совет проголосовать за секретность своих заседаний под неуклюжим предлогом, что Коммуна не является парламентом. Это решение

произвело очень плохой эффект, нарушив лучшие традиции великой коммуны 1792-93 годов, поскольку придало Совету видимость заговора, и было сочтено необходимым отменить его две недели спустя, когда газеты изобиловали фантастическими сообщениями, как естественное следствие тайных заседаний. Но публичность никогда не заключалась ни в чем, кроме публикации сокращенных отчетов в *Officiel*. Совет никогда не допускал публику, чье присутствие предотвратило бы многие ошибки.

На следующий день Совет разделился на комиссии, которым были поручены различные услуги. Были названы Военная комиссия и другие ведомства, занимающиеся финансами, правосудием, общественной безопасностью, трудом и биржами, провизией, иностранными делами, государственными службами и образованием. Исполнительная комиссия состояла из Лефрансе, Дюваля, Феликса Пая, Бержере, Тридона, Эда и Вайяна, из которых Дюваль, Бержере и Эд также входили в Военную комиссию.

Только что было проголосовано за подписание всех декретов *Коммуной*— голосование, о котором слишком быстро забыли, — когда были объявлены делегаты Центрального комитета. После получасового ожидания их представили. "Граждане, - сказал их представитель, - Центральный комитет прибыл, чтобы передать вам свои революционные полномочия. Мы возобновляем выполнение функций, определенных нашими уставами".

Это был момент для того, чтобы Совет подтвердил свои полномочия. Единственный представитель населения, единолично ответственный, он должен был теперь взять в свои руки все полномочия, не терпя сосуществования Комитета, который, несомненно, всегда помнил о своем первостепенном положении и стремился вернуть его. На предыдущем заседании Совет отдал должное Центральному комитету, проголосовав за то, чтобы они хорошо относились к Парижу и Республике, и теперь, поверив им на слово, должен был объявить, что роль Комитета подошла к концу. Вместо авторитетного решения в этом смысле были использованы взаимные обвинения.

Один из членов Совета напомнил об обещании Центрального комитета распасться после выборов. Если они не стремились к власти, не было необходимости в поддержании их организации. Варлен и Бесле защищали существование Комитета, с которым боролись Журд и Ригу. Делегаты, которые подчинились бы безапелляционному слову, выступили против этой слабости. "Это, - сказали они, - Федерация, которая спасла Республику. Последнее слово еще не сказано. Распустить эту организацию - значит подорвать вашу силу. Центральный комитет не претендует на участие в правительстве. Он остается узами союза между вами и Национальной гвардией, правой рукой Революции. Мы снова становимся теми, кем были, - великим семейным советом Национальной гвардии".

Это сравнение произвело заметное впечатление. Дебаты затянулись, и делегаты Комитета удалились, так и не придя ни к какому выводу.

Вслед за этим, без предисловий, как Чертик из табакерки, Феликс Пайат вскочил и предложил отменить воинскую повинность.

3 марта он тайком покинул Национальное собрание, так же как 31 октября покинул Отель-де-Виль, а через несколько дней тайком сбежал из тюрьмы. 18 марта он не пошевелился, в то время как Делеклюз присоединился к революции с первого дня. Феликс Пайат ждал триумфа и накануне выборов пришел, чтобы зазвучать в тимпан перед Комитетом, "который учит

скромности самое гордое имя и внушает гениальным людям чувство неполноценности". Избранный примерно 12 000 голосами в десятом округе, он теперь был готов занять свое место в Отель-де-Виль.

Час, которого ждали двадцать лет, наконец пробил; он собирался ступить на доску. Среди толпы драматургов, чудотворцев, романтиков, визионеров и якобинских реликвий, тащившихся с 1830 года по пятам социальной революции, его делом были призывы к цареубийству, к революционному шуанизму, послания, аллегии, тосты, призывы, воспоминания, риторические высказывания о событиях дня, переделка старых монтаньярских изделий и придание им немного гуманитарного лоска. При Империи его яростные манифесты были предметом восхищения полиции и бонапартистских журналов, отличными подачками для народа, который не мог извлечь из них ни практической идеи, ни крупички смысла. Это опьянение было более чем наполовину притворным. Растрепанный безумец на сцене за кулисами стал в какой-то степени хитрым, плутоватым и осторожным. В сущности, он был всего лишь спленетическим скептиком, искренним только в своем самопожертвовании. Он пришел в Коммуну с карманами, набитыми декретами.

Когда он зачитал свое ходатайство, романтики бурно приветствовали его и сразу же приняли. Тем не менее, еще утром Совет не намекал ни на что подобное, а лишь заявил в прокламации, с которой они направились в Париж: "Сегодня принято решение об арендной плате за жилье, завтра - о просроченных счетах, восстановлены и упрощены общественные службы, реорганизована Национальная гвардия - это наши первые действия". А теперь это резко вторглось в национальные дела. Утром коммуна, вечером Учредительное собрание.

Если они хотели превратить революцию из общинной в национальную, они должны были сказать об этом, смело изложить всю свою программу и продемонстрировать Франции необходимость своей попытки. Но что означал этот указ, составленный наугад, без предварительного заявления и без продолжения? Эта услуга за услугу даже не обсуждалась. Под предлогом недопущения парламентаризма спорные вопросы были решены в спешке.

Затем Совет постановил отменить арендную плату, подлежащую уплате в период с октября 1870 года по июль 1871 года. Версаль предлагал только отсрочки; это противоречило справедливости. Совет освободил арендную плату по той веской причине, что собственность должна приносить свою долю общих жертв; но это не коснулось многих промышленников, которые получили скандальные прибыли во время осады. Это противоречило справедливости.

Наконец, они забыли заявить о себе в провинции, и без того столь покинутые Центральным комитетом. Комиссии, конечно, было поручено составить обращение, но ее работа не принесла удовлетворения, и была назначена другая, так что то с одной, то с другой комиссией программа коммуны была приостановлена на двадцать два дня, и Совет позволил всем восстаниям в провинциях угаснуть, не дав им никаких советов или идей.

Эти посягательства, этот беспорядок взволновали Париж мыслью о том, что у новой власти нет ни очень ясных представлений, ни осознания сложившейся ситуации. Либеральная фракция Совета воспользовалась этим предлогом, чтобы уйти. Если бы их съезд 20-го числа был искренним, если бы они заботились о судьбах Парижа, избранные мэр и адъютанты мужественно отстаивали бы свои мандаты. Как и жители провинций, они дезертировали, но были еще более виновны, поскольку не протестовали против своих выборов. Многих никогда не

видели в Отель-де-Виль; другие ломали руки, причитая: "Куда мы едем?" Некоторые притворялись смертельно больными: "Вы видите, я при последнем издыхании". Те, кто с тех пор был самым жестоким, искали смиренных оправданий. Ни один не сломался смело.

Их отставки,[110] двойные выборы оставили двадцать два места вакантными 30-го числа, когда Совет проверил полномочия. Верный лучшим традициям Французской Республики, он признал венгра Френкеля, одного из самых интеллигентных членов Интернационала, избранного в тринадцатом округе. Шесть кандидатов не получили восьмой части голосов, требуемых законом 1849 года; Совет принял решение с учетом этого нарушения, потому что округа этих кандидатов, состоящие из реакционных кругов, пустели день ото дня.

Дважды наказанные стражи порядка продолжали переселяться в Версаль, где они пополнили свой запас злобы и предрассудков. Город принял воинственный вид; все говорило о том, что борьба близка. Г-н Тьер уже отрезал Париж от Франции. Накануне апрельского семестра, 31 марта, директор главного почтового управления Рампонт, нарушив честное слово, данное им делегату Центрального комитета Тейсу, ушел в отставку после того, как дезорганизовал почтовую службу, а М. Тьер задержал все товарные поезда и задержал всю корреспонденцию, направлявшуюся в Париж.

1 апреля он официально объявил войну. "Ассамблея, - телеграфировал он префектам, - заседает в Версале, где завершается организация одной из лучших армий, которыми когда-либо обладала Франция. Тогда добропорядочные граждане могут воспрянуть духом и надеяться на конец борьбы, который будет печальным, но коротким". Циничное бахвальство той самой буржуазии, которая отказалась организовать армии против пруссаков. "Одна из лучших армий" была пока всего лишь сбродом 18 марта, усиленным пятью или шестью полками; около 35 000 человек, 3000 лошадей и 5000 жандармов, или сержантов, - единственный корпус, имевший хоть какую-то прочность.

Париж не верил даже в существование этой армии. Популярны газеты требовали вылазки, называя поездку в Версаль прогулкой. Самым стремительным был "*Мститель*", в котором Феликс Пай яростно тряс своим колпаком и бубенчиками. Он призвал коммуны "давить на Версаль". Бедный Версаль! она больше не помнит 5 и 6 октября 1789 года, когда одних женщин Коммуны было достаточно, чтобы поймать ее короля". Утром в воскресенье, 2 апреля, тот же член Исполнительной комиссии объявил Парижу: "Вчера в Версале солдаты, которым было предложено проголосовать *за* или *против*, если они пойдут маршем на Париж, ответили "Нет!"

СНОСКИ:

[107] Адам, Мелин, Рошар, Барре (1-й округ, Лувр); Бреле, Луазо-Пинсон, Тирар, Шерон (2-й, Биржа); Ч. Мюрат (3-й, Темпл); А. Ле Руа, Робине (6-й, Люксембург); Демаре, Э. Ферри, Наст (9-й, Опера); Мармоттан, Де Бутейе (16-е, Пасси).

[108] Гупиль (6-е место, Люксембург); Э. Лефевр (7-е место, Бурбонский дворец); А. Ранк, У. Парент (9-е место, Опера).

[109] Демей, А. Арно, Пинди, К. Дюпон (3-е место, Темпл); А. Арно, Лефрансе, Клеманс, Э. Жерарден (4-е место, Отель-де-Виль); Режер, Журд, Тридон, Бланше, Ледруа (5-е место, Пантеон); Бесле, Варлен (6-е, Люксембург); Паризель, Урбен, Брюнель (7-е, Бурбонский дворец); Рауль Риго, Вайан, А. Арнольд, Аликс (8-е, Елисейские поля); Гамбон, Феликс, Пье, Х.

Фортуне, Шампи, Бабик, Растуль (10-е, Анкло Сен-Лоран); Мортье, Делеклюз, Асси, Протот, Эд, Авриаль, Вердюр (11-е, Попенкур); Варлен, Жересм, Тейс, Фруно (12-е, Рейи); Лео Мейе, Дюваль, Шардон, Франкель (13-е, Гобелен); Биллиоре, Мартеле, Декамп (14-е, Обсерватория); В. Клеман, Ж. Вальес, Ланжевен (15-е, Вожирар); Варлен, Э. Клеман, Ш. Жерарден, Шален, Малон (17-е, Батиньоль); Бланки, Тейш, Дерер, Ж. Б. Клеман, Ферре, Верморель, П. Груссе (18-е, Монмартр); Уде, Пюже, Делеклюз, Ж. Мио, Остин, Флуранс (19-е, Бют-Шомон); Бержере, Ранвье, Флуранс, Бланки (20-е, Менильмонтан). Бланки был арестован на юге Франции, куда он отправился по состоянию здоровья.

[110] См. Приложение III.

ГЛАВА XII.

ВЫЛАЗКА ТРЕТЬЕГО АПРЕЛЯ — ПАРИЖАНЕ ПОВСЮДУ ОТБИТЫ — ФЛУРАНС И ДЮВАЛЬ УБИТЫ — ВЕРСАЛЬЦЫ УСТРАИВАЮТ РЕЗНЮ НЕСКОЛЬКИХ ПЛЕННЫХ.

В тот же день, 2 апреля, в час дня, без предупреждения, без вызова, версальцы открыли огонь и забросали Париж снарядами.

В течение нескольких дней их кавалерия обменивалась выстрелами с нашими передовыми постами в Шатийоне и Путто. Мы заняли Курбевуа, через который проходит дорога на Версаль, что очень встревожило сельских жителей. 2-го числа, в десять часов утра, три бригады лучших версальских войск численностью в 10 000 человек прибыли на перекресток дорог Бержера. Шестьсот или семьсот кавалеристов бригады Галифе поддерживали это движение, в то время как у нас было только три федеральных батальона в Курбевуа, всего пятьсот или шестьсот человек, защищенных наполовину законченной баррикадой на дороге Сен-Жермен. Их охрана, однако, была в порядке; их ведетки убили главного хирурга версальской армии, которого они приняли за полковника жандармерии.

В полдень версальцы, обстреляв из пушек казармы Курбеуа и баррикаду, перешли к штурму. При первых выстрелах наших людей они бросились врассыпную, бросив на дороге пушки и офицеров. Виною пришлось прийти самому и собрать беглецов. Тем временем 113-й линейный полк обошел Курбеуа с правого фланга, а пехота морской пехоты повернула налево, маршируя через Путто. Слишком уступая по численности и опасаясь быть отрезанными от Парижа, федералы эвакуировали Курбеуа и, преследуемые снарядами, отступили на авеню Нейи, оставив двенадцать убитыми и несколько пленных. Жандармы схватили пятерых, один из которых был пятнадцатилетним ребенком, немилосердно избили их и расстреляли у подножия Мон-Валерьяна. Эта экспедиция завершилась, армия восстановила свой расквартирование.

При пушечном выстреле весь Париж вздрогнул. Никто не верил в атаку, поэтому все, начиная с 28-го, жили в атмосфере полной уверенности. Без сомнения, это была годовщина, в высшей степени недоразумение. Когда прибыли новости, кареты скорой помощи; когда было произнесено слово "Осада возобновляется!", взрыв ужаса потряс все кварталы. Охваченный страхом улей - таков был Париж. Снова были возведены баррикады, повсюду раздался клич к оружию, а пушки выдвинуты к крепостным валам Порт-Майо и Терна. В три часа 80 000 человек были на ногах, крича: "На Версаль!" Женщины возбуждали батальоны и говорили о том, чтобы идти в авангарде.

Исполнительная комиссия собралась и вывесила прокламацию: "Заговорщики-роялисты напали; несмотря на умеренность нашего отношения, они напали. Наш долг - защитить великий город от этих преступных посягательств". В Комиссии генералы Дюваль, Бержере и Эд заявили о нападении. "Энтузиазм, - говорили они, - непреодолим, уникален. Что может сделать Версаль против 100 000 человек? Мы должны совершить вылазку". Их коллеги сопротивлялись, особенно Феликс Пайат, столкнувшийся с его разглагольствованиями и утренними испарениями. Его трусость заменила ему спасателя. "Нельзя начинать, - сказал он, - наугад, без пушек, без *кадров* и без начальников"; и он потребовал вернуть силы войскам. Дюваль, который с 19 марта был решительно настроен на вылазку, яростно упрекнул его: "Почему же тогда в течение трех дней вы кричали: "На Версаль?" Самым энергичным противником вылазки был Лефрансе. Наконец, четыре гражданских члена — то есть большинство — решили, что генералы должны представить подробный отчет о своих силах в людях, артиллерии, боеприпасах и транспорте. В тот же вечер Комиссия назначила Кюзеревоенным делегатом вместе с Эдесом, который, будучи членом так называемой партии действия, был обязан этим постом только покровительству своих старых друзей.

Несмотря на поддержку большинства членов Комиссии, генералы отправились в путь. Кроме того, они не получали официального приказа об обратном. Феликс Пайат даже закончил словами: "В конце концов, если вы думаете, что готовы ..." Они видели Флуранса, всегда готового к *государственному перевороту*, других коллег, столь же предприимчивых, и, по их собственному признанию, уверенных в том, что за ними последует Национальная гвардия. Они отправили *шеф-поварам легиона* приказ о построении колонн. Батальоны правого берега должны были сосредоточиться на Вандомской площади и площади Ваграм; батальоны левого берега - на площади Италии и Марсовом поле.

Эти передвижения без руководства штабных офицеров были выполнены очень плохо. Многие солдаты маршировали туда-сюда, уставали. Однако в полночь на правом берегу Сены все еще оставалось около 20 000 человек, а на левом - около 17 000.

Совет заседал с восьми часов до полуночи. Неумолимый Феликс Пайат, всегда актуальный, потребовал отмены бюджета на общественные богослужения. Большинство немедленно удовлетворило его. С таким же успехом он мог бы издать указ об упразднении версальской армии. О вылазке, о военных приготовлениях, оглушивших Париж, никто не произнес ни слова на Совете, никто не оспаривал поле боя с генералами.

План последних, о котором они сообщили Ключере, состоял в том, чтобы провести сильную демонстрацию в направлении Рюэля, в то время как две колонны должны были двинуться на Версаль через Медон и плато Шатийон. Бержере при содействии Флуранса должен был действовать справа; Эд и Дюваль должны были командовать колоннами центра и левого фланга. Простая идея, которую легко воплотить в жизнь опытным офицерам и солидным начальникам колонн. Но большинство батальонов остались без командиров с 18 марта, Национальная гвардия безкадров, а генералы, взявшие на себя ответственность за руководство 40 000 человек, никогда не выводили ни одного батальона в поле боя. Они пренебрегли даже самыми элементарными мерами предосторожности, не знали, как собрать артиллерию, повозки с боеприпасами или машины скорой помощи, забыли составить расписание дня и оставили людей на несколько часов без еды в пронизывающем тумане. Каждый федерал выбрал того начальника, который ему больше нравился. У многих не было патронов, и они считали вылазку простой демонстрацией. Исполнительная комиссия только что опубликовала депешу с Вандомской площади, штаб-квартиры Национальной гвардии: "Все линейные солдаты прибывают к нам и заявляют, что, кроме вышестоящих офицеров, никто не хочет воевать".

В три часа ночи колонна Бержере численностью около 10 000 человек и всего с восемью орудиями прибыла к мосту Нейи. Необходимо было дать людям, которые со вчерашнего вечера ничего не предпринимали, время прийти в себя. На рассвете они двинулись в направлении Рюэля. Батальоны маршировали частями, выстроившись в линию посреди дороги, без разведчиков, и бодро взбирались на плато де Бержер, как вдруг в их рядах разорвался снаряд, за которым последовал второй. Мон-Валерьен открыл огонь.

Ужасная паника охватила батальоны, среди тысячекратных криков "Измена!" вся Национальная гвардия поверила, что мы заняли Мон-Валерьен. Многие члены Коммуны, Центрального комитета на Вандомской площади знали обратное и очень глупо скрывали это, живя надеждой, что крепость не будет обстреляна. Правда, у него было всего два или три плохо снаряженных ружья, из которых гвардейцы могли бы выйти за пределы досягаемости одним быстрым движением; но, застигнутые врасплох в состоянии слепой уверенности, они вообразили, что их предали, и разбежались во все стороны. Бержере использовал все средства, чтобы остановить их. Снаряд разорвал надвое брата начальника его штаба, офицера регулярной армии, перешедшего на сторону Коммуны. Большая часть федералов рассеялась по полям и вернула себе Париж. Только 91-й и несколько других, всего 1200 человек, остались с Бержере и, разделившись на небольшие группы, достигли Рюэля. Вскоре после этого Флуранс прибыл по дороге в Аньер, приведя с собой едва ли тысячу человек.^[111] Остальные отстали в Париже или по дороге. Флуранс, тем не менее, продвигаясь вперед, прибыл в Мальмезон, обратил в бегство егерей Галлифэ, и авангард парижан продвинулся до Буживаля.

Версальцы, застигнутые врасплох этой вылазкой, остановились очень поздно, около десяти часов. Десять тысяч человек были брошены против Буживаля, и батареи, расположенные на

холме Ла-Жоншер, обстреляли Рюэй из пушек. Две кавалерийские бригады справа и бригада Галлифета слева защищали фланги. Авангард парижан — всего лишь горстка людей — оказал решительное сопротивление, чтобы дать Бержере время для своего отступления, которое началось около часа дня на Нейи, где они укрепили мостовой переход. Несколько храбрых людей, упорно державшихся в Рюэле, с большим трудом достигли моста Аньер, где их преследовала кавалерия, взявшая несколько пленных.

Флуранс был удивлен Рюэлем и домом, который он занимал с несколькими офицерами, окруженными жандармами. Готовясь защищаться, офицер отряда, капитан Демарец, раскрыл ему голову таким яростным ударом сабли, что мозги хлынули наружу. Тело бросили в мусорную корзину и отвезли в Версаль, где собрались знатные дамы, чтобы насладиться зрелищем. Так умер великодушный человек, любимец Революции.

На крайнем левом фланге Дюваль провел ночь с шестью или семью тысячами человек на плато Шатийон. К семи часам он сформировал колонну отборных людей, продвинулся к Пти-Бисетру, разгромил аванпост генерала дю Барайля и послал офицера на разведку в Вилькубле, который командовал маршрутом. Офицер объявил, что дороги свободны, и федералы без страха продвигались вперед. Когда недалеко от деревни началась стрельба. Люди были развернуты в качестве стрелков, и Дюваль, стоя посреди дороги без прикрытия, подал им пример. Они продержались несколько часов. Несколько снарядов было бы достаточно, чтобы выбить врага, но у Дюваля не было артиллерии. Даже патронов уже не хватало, и ему пришлось послать в Шатийон за добавкой.

Основная масса федералов, занявших редут, пребывая в неразберихе, уже считала себя окруженной со всех сторон. Прибывшие посланцы Дюваля умоляли, угрожали, но не смогли получить ни подкрепления, ни боеприпасов. Один офицер даже приказал отступить. Несчастный Дюваль, полностью покинутый, подвергся нападению бригады Дерроха и всей дивизии Пелле, насчитывающей 8000 человек. Он удалился со своими войсками на плато Шатийон.

Наши усилия в центре были не более успешными. Десять тысяч человек покинули Марсово поле в три часа ночи вместе с Ранвье и Авриалем. Генерал Юдес, как и весь его боевой порядок, приказал войскам двигаться дальше. В шесть часов 61-й достиг Мулино, обороняемого жандармами; вскоре они были вынуждены отступить к Медону, сильно занятому версальской бригадой, окопавшейся на виллах и снабженной митральезами. У федералов было всего восемь орудий, в то время как у Парижа были сотни, и в каждом из них было всего по восемь патронов. В шесть часов, устав от стрельбы по стенам, они отступили к Мулино. Ранвье отправился на поиски пушек и установил их в форте Исси, тем самым помешав версальцам перейти в наступление.

Нас били по всем пунктам, и коммуналистские газеты кричали "Победа!" Введенная в заблуждение штабами, которые даже не знали имен генералов, Исполнительная комиссия объявила о соединении Флуранса и Дюваля в Курбевуа. Феликс Пия, снова ставший воинственным, шесть раз прокричал в своем "*Мстителе*": "На Версаль!"^[112] Несмотря на утренний спад, энтузиазм населения не угас. Батальон из 300 женщин прошел маршем по Елисейским полям с красным флагом во главе, требуя совершить вылазку против врага. Вечерние газеты сообщили о прибытии Флуранса в Версаль.

На крепостных валах открылась печальная истина. Длинные шеренги гвардейцев вернулись через все ворота, и в шесть часов единственной армией за пределами Парижа была гвардия на плато Шатийон. Несколько снарядов, упавших в их гущу, довершили беспорядок. Некоторые из мужчин угрожали Дювалю, который прилагал отчаянные усилия, чтобы удержать их вместе. Он остался, окруженный лишь горсткой людей, но всегда одинаково решительный. Всю ночь он, обычно такой неразговорчивый, не переставал повторять: "Я не отступлю".

На следующий день в восемь часов вечера плато и соседние деревни были окружены бригадой Дерроха и дивизией Пелле. "Сдавайтесь, и ваши жизни будут спасены", - сказал им генерал Пелле. Парижане сдались. Версальцы сразу же схватили солдат, сражавшихся в рядах федералов, и расстреляли их. Пленных между двумя шеренгами егерей отправили в Версаль, а их офицеров с непокрытыми головами и с оторванными *галунами* поставили во главе конвоя.

В Пти-Бисетре они встретились с главнокомандующим Виноем. Он приказал расстрелять офицеров, но начальник конвоя, напомнив ему об обещании генерала Пелле, Виноа спросил: "Есть ли здесь начальник?" "Я сам", - сказал Дюваль, выбегая из рядов. Вперед выступил другой: "Я начальник штаба Дюваля". Затем командир добровольцев Монружа встал рядом с ними. "Вы ужасные негодяи", - сказал Виноа и, повернувшись к своим офицерам, приказал "Расстреляйте их". Дюваль и его товарищи не удостоили его ответом, расчистили канаву и прислонились к стене, на которой были начертаны слова "Дюваль, садовод". Они разделись и, крича "Да здравствует коммуна", умерли за это. Всадник сорвал с Дюваля сапоги и носил их повсюду в качестве трофея,^[113] а редактор "*Фигаро*" завладел его окровавленным воротником.

Таким образом, армия порядка положила начало гражданской войне массовым убийством заключенных. Это началось 2-го; 3-го, в Шату, генерал Галлифе застрелил трех федералов, которые были застигнуты врасплох в гостинице за трапезой, а затем он опубликовал свирепое воззвание: "Парижские бандиты объявили войну. Они убили моих солдат. Я объявляю этим убийцам беспощадную войну. Я должен был подать пример".

Генерал, назвавший сражающихся в Париже "бандитами", а эти покушения - "примером", был негодяем из высшего общества, сначала разорившимся, а затем содержавшимся актрисами. Прославившийся своими разбоями в Мексике, он за несколько лет получил звание бригадного генерала благодаря чарам своей жены, известной в оргиях императорского двора. Ничто так не поучает в этой гражданской войне, как знаменосцы "честных людей".

Их отряд в полном составе поспешил на Парижскую авеню в Версале, чтобы принять узников Шатийона. Вся парижская эмиграция, чиновники, элегантность, светские женщины и уличные жители, все пришли с яростью гиен, чтобы ударить федералов сжатыми руками, тростями и зонтиками, сбрасывая с себя кепи и плащи, крича: "Долой убийц! На гильотину!" Среди этих "убийц" был географ Элизе Реклю, схваченный вместе с Дювалем. Чтобы дать им время утолить свою ярость, конвой сделал несколько остановок, прежде чем отвести пленников в казармы жандармов. Затем их бросили в доки Сатори, а оттуда перевезли в Брест на грузовиках для перевозки скота.

Пикар хотел привлечь к этой травле всех честных людей провинции. "Никогда, - телеграфировал этот Фальстаф с гнойничковым видом, - более низкие лица низменной демагогии не встречались со страдающим взглядом честных людей".

Уже накануне вечером, после убийств в Мон-Валерье и Шату, г-н Тьер написал своим префектам: "Моральный эффект превосходен". Отвратительное повторение этих слов: "В Варшаве царит порядок" и "Шассепо сотворил чудеса". Ах! хорошо известно, что не французская буржуазия, а дочь народа произнесла эти великие слова: "Я никогда не видела, чтобы проливалась французская кровь, без того, чтобы у меня волосы не вставали дыбом".

СНОСКИ:

[111] Мак-Магон, совершивший свой *государственный переворот* в Райшоффене и Седане, увидел там 17 000 человек. *Enquête sur le 18 Mars*, vol. ii. p. 22.

[112] "В Версаль, если мы не хотим снова прибегать к воздушным шарам! В Версаль, если мы не хотим вернуться к голубям! В Версаль, если мы не хотим превратиться в хлеб с отрубями" и проч., и проч. — *Le Vengeur*, 3 апреля.

[113] Эти подробности, частично изложенные в дневниках того времени, были дополнены многочисленными товарищами Дюваля, которых мы опросили. В своей изуродованной, лживой, наивно циничной книге Вино осмелился сказать: "Повстанцы сложили оружие и сдались *по собственному усмотрению*: человек по имени Дюваль был *убит в стычке*".

ГЛАВА XIII.

КОММУНА ПОБЕЖДЕНА В МАРСЕЛЕ И НАРБОННЕ.

То же самое издание *sun*, увидевшее, как чаша весов повернулась против Парижа, посмотрело и на поражение марсельцев.

Паралитическая комиссия все еще продолжала действовать, когда 26-го Эспиван разгромил ревеля, ввел в департаменте осадное положение и издал прокламацию *в стиле* Тьера. Муниципальный совет задрожал, и 27-го числа отозвал своих делегатов из префектуры. Гастон

Кремье и Буше были немедленно отправлены в мэрию, чтобы объявить, что Комиссия готова отозвать свою кандидатуру перед советом. Совет попросил время для рассмотрения.

Вечер подходил к концу, и Комиссия искала лазейку, с помощью которой можно было бы выйти из положения, ставшего несостоятельным, когда Буше предложил телеграфировать в Версаль, что они передадут свои полномочия в руки республиканского префекта. Жалкий результат великого движения! Они знали, кем были республиканские префекты М. Тьера. Комиссия, измученная, обескураженная, позволила Буше составить телеграмму, когда прибыли Ландек, Амуру и Мэй, присланные, по их словам, из Парижа. Они говорили от имени великого города. Буше хотел проверить их полномочия и оспорил их действительность, которая действительно была более чем спорной, после чего члены Комиссии пришли в негодование. Волшебное название "победоносный Париж" возродило энтузиазм первых часов, и Буше покинул это место. В полночь муниципальный совет решил оставить в силе свою резолюцию и сообщил об этом клубу Национальной гвардии, который немедленно последовал их примеру. В половине второго ночи делегаты клуба сообщили Комиссии, что их полномочия подходят к концу. Либеральная буржуазия трусливо улизнула, радикалы отступили, и народ остался один на один с реакцией.

Это был второй этап движения. Самый высокопоставленный из трех делегатов, Ландек, стал авторитетом первостепенной важности для Комиссии. Хладнокровные республиканцы, которые слышали его и знали о его прошлых связях с империалистической полицией, заподозрили бонапартиста под этим крайне невежественным хулиганом. Он действительно был всего лишь жонглером, предназначенным для бродячей сцены, гротескным тщеславцем, ни перед чем не брезгующим, потому что ничего не знающим. Ситуация с этим шарлатаном в качестве лидера становилась все более трагичной. Г. Кремье, не сумев найти другого вопроса, все еще настаивал на решении, принятом накануне вечером. 28-го он написал муниципальному совету, что Комиссия готова уйти в отставку, возложив на них ответственность за события, и призвал своих коллег освободить заложников; это только усилило подозрения в умеренности. За ним пристально наблюдали, ему угрожали, он пал духом из-за этих споров и в тот же вечер покинул префектуру. Его выход из состава Комиссии лишил ее всех полномочий. Ему удалось обнаружить его убежище, воззвать к его преданности делу и привести его обратно в префектуру, чтобы там вернуться к своей странной роли начальника, одновременно пленного и ответственного.

Муниципальный совет не ответил на письмо Г. Кремье, и 29-го Комиссия возобновила свое предложение. Совет по-прежнему хранил молчание. Вечером 400 делегатов Национальной гвардии, собравшихся в музей, решили объединить батальоны и назначили комиссию, которой было поручено провести переговоры между Отель-де-Виль и префектурой. Но эти делегаты представляли только революционную часть батальонов, и Отель-де-Виль все больше и больше погружался в пучину уныния.

Теперь между двумя державами началась прокламационная война. 30-го числа совет ответил на обсуждение музейного собрания прокламацией командиров реакционных батальонов. Комиссия опубликовала манифест с требованием автономии коммуны и упразднения префектур; сразу же после этого совет объявил генерального секретаря префекта законным представителем правительства и пригласил его вновь занять свой пост. Секретарь пропустил это мимо ушей и укрылся на борту *Ла Куронна*, многие члены совета также перебрались на

фрегат — беспричинная трусость, поскольку самые отъявленные реакционеры ходили туда-сюда без малейшего вмешательства. Энергия Комиссии была просто демонстрацией; она арестовала только двух или трех чиновников, прокурора Гибера, депутата, на короткое время директора таможни и сына мэра. Генерал Олливе был освобожден, как только стало известно, что он отказался входить в состав Смешанных комиссий 1851 года. Они даже были настолько легкомысленны, что оставили пост рядом с префектурой в руках егерей, забытых Эспиваном. Поэтому бегство совета казалось еще более постыдным. Город по-прежнему оставался спокойным, веселым, игривым. Однажды катер-консультант "*Ле Ренар*", пришедший показать свою пушку в Каннебьер, так заулюлюкал, что толпа, столпившаяся на набережной, была вынуждена снять трос и присоединиться к фрегату в новой гавани.

Следовательно, Комиссия пришла к выводу, что никто не посмеет напасть на них, и поэтому не приняла никаких мер защиты. Они могли бы легко вооружить высоты Нотр-Дам-де-ла-Гард, которые господствовали над городом, и завербовать большое количество гарибальдийцев, поскольку некоторые офицеры прошлой кампании предложили все организовать. Комиссия поблагодарила их, сказала, что войска не придут, и что даже если они придут, они будут брататься с народом. Они удовлетворились тем, что подняли черный флаг, обратились с воззванием к солдатам и собрали в префектуре оружие и пушки, не имевшие снарядов соответствующего калибра. Ландек, со своей стороны, желая отличиться, объявил, что звание Эспивента аннулировано, и на его место назначил бывшего сержанта кавалерии по имени Пелисье. "До вступления в должность, - говорилось в указе, - войска будут оставаться под командованием генерала Эспивента". Этот грубый фарс датирован 1 апреля. Перед военным трибуналом, который судил его, Пелисье попал в точку. Когда его спросили: "В каких армиях вы были генералом?" "Я был генералом ситуации", - был его ответ; и действительно, он никогда не командовал никакими войсками. Утром 24-го рабочие вернулись к своей работе, так как национальным гвардейцам, за исключением стражей префектуры, не платили. Людей для охраны постов удалось найти с трудом, и к полуночи в префектуре оставалось всего сто защитников.

А Государственный переворот был бы легким делом, и какой-нибудь богатый буржуа захотел попробовать это. Мужчины были там, и маневры были согласованы. В полночь Комиссия должна была быть отправлена и префектура вступила во владение, в то время как Эспиван должен был двинуться на город, чтобы добраться туда к рассвету. В Обань был отправлен офицер. Генерал отказался под предлогом благоразумия, но его свита раскрыла истинный мотив отказа. "Мы, - сказали они гонцу, - ушли из Марсея, как воры; мы хотим вернуться в него победителями".

Такое выступление казалось довольно трудным для армии Обани, насчитывающей 600 или 700 человек, без *кадров* и без дисциплины. Один единственный полк, 6-й егерский, продемонстрировал более боевую выправку. Но Эспивент полагался на матросов *Ла Куронна*, национальных стражей порядка, находившихся с ним в постоянных отношениях, и, прежде всего, на хорошо известную пассивность Комиссии.

Последняя попыталась укрепиться за счет присоединения делегатов от Национальной гвардии. Они проголосовали за роспуск муниципального совета, и Комиссия созвала выборщиков на 3 апреля. Эта мера, если бы она была принята 24 марта, возможно, все бы уладила, но 2 апреля это был всего лишь удар в воздухе.

3-го числа, получив известие из Версаля, Эспиван отдал приказ командирам реакционных батальонов держать себя в готовности. Вечером, в одиннадцать часов, гарибальдийские офицеры пришли сообщить в префектуру, что войска в Обани выдвигаются. Комиссия возобновила свой старый рефрен: "Пусть они придут; мы готовы их принять". В половине второго они решили начать отступление, и к четырем часам несколько человек собрались в префектуре. Около сотни франтиреров обосновались на станции, где Комиссия даже не подумала установить батарею.

В пять часов Марсель был поднят по тревоге. Несколько реакционных групп появились на Площади правосудия и на Улице Бонапарта; моряки *Ла Куронн* были выстроены перед биржей; на вокзале раздались первые выстрелы.

Войска Эспивана появились в трех точках — на вокзале, площади Кастеллан и Ла-Плен. Французы, несмотря на прекрасную оборону, вскоре были окружены и вынуждены отступить. Версальцы застрелили начальника станции федералистов на глазах у его сына, шестнадцатилетнего мальчика, который бросился к ногам офицера, предлагая свою жизнь за жизнь своего отца. Второму начальнику станции, Фунелю, удалось спастись лишь со сломанной рукой. Колонны Ла-Плена и Эспланады отодвинули свои передовые посты на расстояние 300 ярдов от префектуры.

Комиссия, всегда витавшая в облаках, направила посольство в Эспиван. Г. Кремье и Пелисье отправились в путь, сопровождаемые огромной толпой мужчин и детей, кричавших "Да здравствует Париж!" На аванпостах площади Кастеллан, где располагался штаб, начальник 6-го егерского полка Вильнев вышел навстречу делегатам. "Каковы ваши намерения?" - спросил Г. Кремье. "Мы хотим восстановить порядок". "Что? вы осмелитесь стрелять в народ?" - воскликнул Г. Кремье и начал разглагольствовать, когда версальец пригрозил приказать своим егерям идти дальше. Затем делегатов самих провели в Эспивент. Сначала он заговорил о том, чтобы арестовать их, но затем дал им пять минут на эвакуацию из префектуры. Г. Кремье, вернувшись, обнаружил, что егеря борются с толпой, которая пыталась их разоружить. Появился новый поток людей, которым предшествовал черный флаг, они энергично напирали на солдат. Немецкий офицер из штаба Эспивана арестовал Пелисье, но версальское начальство, видя, что их люди колеблются, приказало отступить.

Толпа заплодировала, полагая, что их разойдут. Два пехотных корпуса уже отказались от марша, и площадь Префектуры была заполнена группами, уверенными в успехе. Внезапно, около десяти часов, егеря вышли из строя у улиц Рим и л'Армени. Люди закричали и окружили их, когда многие подняли приклад своих мушкетов. Один офицер, который, подгоняя свою роту, заставил их скрестить штыки, упал, его голова была пробита пулей. Его люди атаковали федералов, которые укрылись и были взяты в плен в префектуре, куда последовали егеря. На залпы национальной гвардии порядка и егерей с поля Бонапарта и из дома братьев Игнорантен, продолжавших вести беглый огонь, федералы ответили из окон префектуры.

Перестрелка продолжалась два часа, и никакое подкрепление в поддержку федералов не прибыло. Непрístupные в префектуре, прочном квадратном здании, они тем не менее потерпели поражение, не имея ни провизии, ни достаточного количества боеприпасов, и им было бы достаточно подождать с заказанным оружием, пока у них не иссякнут патроны. Но генерал Сакре-Кер не смирился бы с таким полу-триумфом. Это была его первая кампания; он хотел крови и, прежде всего, шума. С одиннадцати часов он приказал обстреливать префектуру

с вершины Нотр-Дам-де-ла-Гард с расстояния около 500 ярдов. Форт Сен-Николас также открыл огонь, но его снаряды, менее дальнзоркие, чем снаряды Богоматери де ла Гард, обрушились на аристократические дома на улице Бонапарта, убив одного из тех героических стражников порядка, которые стреляли из-за спин солдат. В три часа дня префектура подняла флаг перемирия. Эспивент продолжал стрелять. К нему был направлен посланник, но он настоял на их сдаче по собственному усмотрению. К пяти часам более 300 снарядов разорвались по зданию, ранив многих федералов. Мало-помалу защитники, видя, что их не поддерживают, покинули это место. Префектура уже давно прекратила огонь, когда Эспивент все еще обстреливал ее. Страх этого негодяя был так велик, что он продолжал бросать снаряды до наступления ночи. В половине восьмого моряки "*Ла Куронн*" и "*Магнаниме*" отважно штурмовали префектуру, лишившись всех ее защитников.

Они нашли заложников целыми и невредимыми, как и егерей, взятых в плен утром. И все же репрессии иезуитов были жестокими. Стражи порядка арестовывали наугад и затаскивали своих жертв в фонарные лавки станции. Там офицер внимательно осмотрел заключенных, сделал знак тому или иному из них выйти и прострелил себе мозги. В последующие дни ходили слухи о суммарных казнях в казармах, фортах и тюрьмах. Число погибших неизвестно, но оно превысило 150 человек, не считая многих раненых, которые скрывались. У версальцев было тридцать убитых и пятьдесят раненых. Более 900 человек были брошены в казематы замка Иф и форта Сен-Николя. Г. Кремье был арестован у привратника Израильского кладбища. Он добровольно открылся тем, кто его искал, сильный в своей добросовестности и все еще верящий в судей. Храбрый Этьен тоже был схвачен. Ландек, конечно, ушел очень вовремя.

5-го числа Эспивент с триумфом вступил в бой, с диким неистовством приветствуемый реакционерами. Но из дальних рядов толпы слышались крики и шипение в адрес убийц. На площади Сен-Ферреоль был обстрелян капитан, и люди забросали камнями окна дома, из которого приветствовали моряков.

Через два дня после битвы, по возвращении из *Ла Куронны*, муниципальный совет обрел голос, чтобы нанести удар побежденным.

Национальная гвардия была разоружена, разразилась жестокая реакция, иезуиты снова взяли верх, и Эспивент расхаживал по залу, получая овации под крики "Да здравствует Иисус! Vive le Sacré Cœur!" Клуб Национальной гвардии был закрыт, Буше арестован, а оскорбленные, преследуемые радикалы еще раз увидели, чего стоит дезертировать от народа.

Нарбонна тоже была подавлена. 30 марта префект и генеральный прокурор выпустили прокламацию, в которой они говорили о "горстке мятежников", представляли себя сторонниками истинной Республики и повсюду телеграфировали о провале провинциальных движений. "Является ли это причиной, - ответил Диджон плакатом, - приспустить перед силой этот красный флаг, окрашенный кровью наших мучеников? Пусть другие согласятся жить вечно угнетенными". После чего он приготовился к битве и забаррикадировал улицы, ведущие к Ратуше. Женщины, всегда шедшие впереди, разрыхляли тротуары и складывали мебель. Власти, опасаясь серьезного сопротивления, отправили месье Марку к его другу Диджону. Брут Каркассонский въехал в Отель-де-Виль в сопровождении двух республиканцев из Лиму, чтобы предложить от имени генерального прокурора полную амнистию тем, кто покинет здание. Они предложили Диджону двадцать четыре часа на то, чтобы добраться до границы. Диджон собрал

свой совет, и все отказались лететь. М. Марку поспешил сообщить военным властям, что теперь они могут действовать.^[114] Генерал Зенц был немедленно отправлен в Нарбонну.

В три часа ночи отряд туркосов произвел рекогносцировку баррикад на улице Дюпон. Федералы, стремясь к братанию, очистили его и были встречены залпом, убив двух человек и ранив троих. 31-го, в семь часов, Зенц в прокламации объявил, что бомбардировка вот-вот возобновится. Диджон сразу же написал ему: "Я имею право ответить на такую дикуую угрозу в том же стиле. Я предупреждаю вас, что если вы обстреляете город, я прикажу расстрелять троих пленников, которые находятся в моей власти". Зенц в качестве ответа арестовал посланника и приказал раздать бренди туркосам, единственным войскам, которые вышли в поход. Эти негодяи прибыли в Нарбонну, жаждущие пограбить, и уже разграбили три кафе. Бой вот-вот должен был начаться, когда генеральный прокурор снова направил двух посланников, предлагая амнистию всем тем, кто покинет Отель-де-Виль до открытия огня, но казнь заложников будет наказана массовым убийством всех его обитателей. Диджон записал эти условия под диктовку одного из посланников, зачитал их федералам и предоставил каждому возможность отказаться от участия. В этот момент генеральный прокурор предстал с турками перед террасой сада. Диджон бросился туда. Прокурор обратился к толпе с речью, и когда он заговорил о снисхождении, Диджон возразил, что только что была обещана амнистия. Прокурор потопил дискуссию в барабанной дроби, зачитал перед Ратушей законное *решение* и потребовал заложников, которых ему передали дезертировавшие солдаты.

Все эти переговоры сильно ослабили оборону. Кроме того, Отель-де-Виль ничего не мог поделать против бомбардировки, которая нанесла бы ущерб городу. Диджон приказал эвакуировать здание и заперся один в кабинете мэра, решив дорого продать свою жизнь; но люди, несмотря на его сопротивление, увели его. Отель-де-Виль был пуст, когда прибыли турки. Они разграбили все его уголки, и было видно, как офицеры украшали себя украденными ценностями.

Несмотря на официальные обещания амнистии, были выданы многочисленные ордера на арест. Диджон отказался лететь и написал генеральному прокурору, что тот может его арестовать. Такой человек в Тулузе спас бы движение и поднял бы весь Юг.

У Лиможа был проблеск надежды в роковой день 4 апреля. Эта революционная столица Центра не могла равнодушно смотреть на усилия Парижа. 23 марта Народное общество объединило все демократические силы и провело голосование с выражением благодарности парижской армии за ее поведение 18-го числа. Когда Версаль призвал добровольцев, Общество обязало муниципальный совет предотвратить подобное подстрекательство к гражданской войне. Вскоре после провозглашения коммуны рабочие общества направили делегата в Париж, чтобы ознакомиться там с ее принципами и просить прислать комиссара в Лимож. Члены коммуны ответили, что в настоящее время это невозможно, что они подумают об этом со временем; и никогда никого не посылали. Таким образом, Народное общество было вынуждено действовать в одиночку. Он призвал муниципальный совет провести смотр национальной гвардии, будучи уверенным, что это приведет к демонстрации против Версаля. Совет, состоявший, за немногими исключениями, из робких людей, пытался выиграть время, когда стали известны новости о 3 апреля. Утром 4-го, прочитав на стенах триумфальную телеграмму из Версаля, рабочие взбунтовались. Отряд из пятисот солдат собирался отправиться в Версаль; толпа

последовала за ними на вокзал, и рабочие уговаривали их присоединиться к народу. Солдаты, окруженные, сильно возбужденные, побратавшиеся, сдали свое оружие, многие из которых были доставлены в Народное общество и спрятаны там.

Спуск был немедленно прерван. Кирасирский полковник Билле, который в сопровождении ординарцев проезжал через город, был окружен народом и вынужден кричать: "Да здравствует Республика!" В пять часов вся Национальная гвардия была с оружием в руках на площади Мэрии. Офицеры встретились в ратуше, где член городского совета предложил провозгласить Коммуну. Мэр возражал, но крик раздавался со всех сторон. Капитан Куассак взял на себя смелость отправиться на станцию, чтобы остановить поезд, готовый к отправлению войск. Другие офицеры посоветовались со своими ротами, которые ответили единым единодушным криком: "Да здравствует Париж! Низвергнутый Версаль!" Вскоре после этого батальоны, выстроившись перед Ратушей в сопровождении двух муниципальных советников в официальных костюмах, отправились просить генерала об освобождении солдат, арестованных в течение дня. Генерал отдал приказ освободить их и в то же время послал полковнику Билле приказ готовиться к восстанию. С площади Турни федералы направились к префектуре, заняв ее, несмотря на сопротивление консервативной Национальной гвардии, и начали возводить баррикады. Несколько солдат прибыли с улицы Тюрем, несколько горожан заклинали офицеров не начинать гражданскую войну. Они заколебались и отступили, когда полковник Бийе во главе примерно пятидесяти кирасир выступил на площадь Эглиз-Сен-Мишель и приказал своим людям выступить вперед и обнажить шпаги. Они выстрелили из пистолетов, федералы ответили, и полковник был смертельно ранен. Его лошадь развернулась и понесла своего всадника до площади Сен-Пьер, остальные лошади последовали за ней, и федералы, таким образом, остались хозяевами поля. Но им не хватило организованности, ночью они распались и покинули префектуру. На следующий день компания, занимавшая станцию, посчитав себя брошенной, отступила. Начались аресты, и многим пришлось скрываться.

Таким образом, восстания в крупных городах затухали одно за другим, подобно боковым кратерам истощенного вулкана. Революционеры из провинций повсюду проявляли себя совершенно дезорганизованными, лишенными какой-либо способности управлять страной. Повсюду, одержав вначале победу, рабочие знали только, как произносить "за Париж". Но, по крайней мере, они проявили некоторую жизнестойкость, великодушие и гордость. Восемьдесят лет господства буржуазии не смогли превратить их в нацию наемников; в то время как радикалы, которые либо боролись с ними, либо держались в стороне от них, еще раз засвидетельствовали дряхлость, эгоизм среднего класса, всегда готового предать рабочих "высшим" классам.

СНОСКИ:

[114] "Генерал, командующий департаментом, и генеральный прокурор, зная, что я в течение тридцати лет был другом человека, командовавшего коммуной в Нарбонне, пришли просить моего вмешательства, чтобы побудить его подчиниться. Было условлено, что в случае неудачи я немедленно отправлю телеграмму генералу Робине, чтобы военные власти могли принять соответствующие меры. В полночь я отправил телеграмму.... Вы меня не знаете; только

благодаря моему личному влиянию в Каркассоне поддерживался порядок". — Речь г-на Марку перед Собранием в ответ г-ну де Гаварди, заседание 27 января 1874 г.

ГЛАВА XIV.

ОГРОМНЫЕ РЕСУРСЫ КОММУНЫ— ОГРОМНАЯ СЛАБОСТЬ СОВЕТА—ВЫДВИЖЕНИЕ
КАНДИДАТУРЫ КЛЮЗЕРЕ—ДЕКРЕТ О ЗАЛОЖНИКАХ—ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ—БАНК.

После семидесятидневного перемирия Париж снова вступил в борьбу за Францию в одиночку. Это была уже не только территория, к которой она стремилась, но и сама основа нации. Одержав победу, она не была бы бесплодной, как победы на поле боя; возродившись, народ взялся бы за великую работу по перестройке общественного здания; побежденный лишился бы всякой свободы, буржуазия превратила бы свои кнуты в скорпионов, и целое поколение соскользнуло бы в могилу.

И Париж, такой великодушный, такой братский, не содрогнулся от надвигающейся гражданской войны. Она отстаивала идею, которая возвысила ее батальоны. В то время как буржуа отказывается сражаться, говоря: "У меня есть семья", рабочий говорит: "Я сражаюсь за своих детей".

В третий раз с 18 марта в Париже осталась только одна душа. Официальные депеши, наемные журналисты, обосновавшиеся в Версале, изображали ее как столпотворение всех чернокожих Европы, перечисляли кражи, массовые аресты, бесконечные оргии, приводили подробные суммы и имена. По их словам, честные женщины больше не осмеливались выходить на улицы; 1 500 000 человек, угнетаемых 20 000 головорезами, возносили горячие молитвы за Версаль. Но путешественник, рискнувший посетить Париж, обнаружил, что улицы и бульвары спокойны и представляют собой их обычный вид. Грабители разграбили только гильотину, торжественно сожженную перед мэрией одиннадцатого округа. Со всех сторон поднялся одинаковый ропот негодования по поводу убийства заключенных и постыдных сцен в Версале. Бессвязность

первых актов Собора едва ли была замечена, в то время как свирепость версальцев была темой дня. Люди, полные негодования против Парижа, видя это спокойствие, это единение сердец, этих раненых, кричащих "Да здравствует Коммуна!", эти восторженные батальоны; там Мон-Валерьен изрыгает смерть, здесь люди, живущие как братья, за несколько часов подхватили парижскую болезнь.

Это была лихорадка веры, слепой преданности и надежды — надежды превыше всего. Какое восстание было вооружено таким образом? Это больше не была горстка отчаявшихся людей, сражающихся за несколькими тротуарами, вынужденных заряжать свои мушкеты пулями или камнями. Коммуна 1871 года, гораздо лучше вооруженная, чем коммуна 1793 года, располагала по меньшей мере 60 000 человек, 200 000 мушкетов, 1200 пушек, пятью фортами; окружением, охватывающим Монмартр, Бельвиль, Пантеон, охватывающим весь город, боеприпасами, которых хватило бы на годы, и миллиардами в ее распоряжении. Что еще хотят завоевать? Некий революционный инстинкт. В Отель-де-Виль не было человека, который не хвастался бы этим.

Заседание 3 апреля во время битвы было бурным. Многие выступали против этой безумной вылазки. Лефрансе, возмущенный тем, что его обманули, вышел из состава Комиссии, которая, призванная к объяснениям, возложила всю вину на генералов. Друзья последнего встали на их защиту, потребовав, чтобы с новостями подождали. Вскоре были принесены ужасные вести, и они не могли больше медлить. За подобную узурпацию власти возможно было только одно искупление. Флоуренс и Дюваль пошли на это добровольно. Остальные должны были последовать их примеру. Таким образом, мертвые были бы умиротворены, подобные безумства раз навсегда пресечены, а авторитет Коммуны восстановлен для самых непокорных.

Но люди в Отель-де-Виль не были столь непреклонны. Многие сражались, составляли заговоры вместе при Империи, жили в одних тюрьмах, отождествляли Революцию со своими друзьями. И, кроме того, генералы, были ли виновны только они? Такое количество батальонов не могло бы двигаться всю ночь без того, чтобы Совет не был проинформирован об этом. Хотя они были слепыми или глухими, они тем не менее несли меньшую ответственность. Чтобы быть справедливыми, они должны были уничтожить самих себя. Они, без сомнения, чувствовали это и не осмеливались ударить генералов.

Они могли бы, по крайней мере, уволить их. Они удовлетворились их заменой в Исполнительной комиссии и уведомили об этой мере самым почтительным образом. "Коммуна желала оставить им всю свободу в ведении военных операций; она была так же далека от желания вывести их из строя, как и от желания ослабить их власть". И все же их беспечность, их неспособность были смертны. Их невежество только спасло их от подозрений в предательстве. Эта снисходительность была полна обещаний на будущее.

Это будущее означало Кюзере. С первых дней он осаждал Центральный комитет, Министерства в поисках должности генерала, его руки были заняты планами войны против мэров. Комитет не хотел иметь с ним ничего общего. Затем он вцепился в Исполнительную комиссию, которая 2 апреля в семь часов вечера назначила его военным делегатом с приказом немедленно приступить к своим обязанностям.^[115] В тот момент раппеля избивали за роковую вылазку. Кюзере позаботился о том, чтобы не завладеть своим постом, позволил генералам разориться и 3-го числа предстал перед Советом, чтобы осудить их "*авантюризм*". Именно этот военный памфлетист, не имевший ничего, кроме награды, победил социалистов 1848 года,

игравших марионетку в трех восстаниях, которым социалисты 1871 года поручили защиту своей Революции.

Выбор был отвратительным, сама идея назначить делегата ошибочной. Совет просто решил продолжать обороняться. Для охраны рубежей, упорядочения служб, обеспечения и управления батальонами лучшим делегатом был бы здравый смысл. Комиссия, состоящая из нескольких активных и трудолюбивых людей, предоставила бы все гарантии безопасности.

Более того, Совет не смог указать, какого рода защиту они имели в виду. Защита фортов, редутов, вспомогательных позиций требовала тысяч солдат, опытных офицеров, войны с мотыгой и мушкетом. Национальная гвардия не была пригодна для такой службы. Напротив, за крепостными валами она стала непобедимой. Этого было бы достаточно, чтобы взорвать форты на юге, укрепить Монмартр, Пантеон и Бют-Шомон, сильно вооружить валы, создать вторую, третью окружность, сделать Париж неприступным или неприступным для врага. Совет не указал ни одну из этих систем, но позволил своим делегатам поиграть с двумя и, в конце концов, отменил одну из них другой.

Если они хотели путем назначения делегата сконцентрировать военную власть, почему бы им не распустить Центральный комитет? Последний действовал, говорил смелее и гораздо лучше, чем Совет, исключивший его из Ратуши. Комитет обосновался на улице Антрепо, за зданием таможни, недалеко от своей колыбели. Оттуда 5 апреля он выпустил прекрасную прокламацию: "Рабочие, не обманывайте себя относительно важности борьбы. Это взаимодействие между паразитизмом и трудом, эксплуатацией и производством. Если вы устали прозябать в невежестве и погрязать в нищете, если вы хотите, чтобы ваши дети были мужчинами, наслаждающимися плодами своего труда, а не простыми животными, приученными к мастерской и полю боя, если вы не хотите, чтобы ваши дочери, которых вы не в состоянии воспитать и не обращаете внимания, как вам этого хочется, стали орудиями наслаждения в руках денежной аристократии, если вы, наконец, хотите воцарения справедливости, рабочие, будьте разумны, восстаньте!"

Комитет, конечно, заявил на другом плакате, что он не претендует ни на какую политическую власть, но власть во время революции сама по себе принадлежит тем, кто ее определяет. В течение восьми дней Совет не знал, как интерпретировать Коммуну, и весь его багаж состоял из двух незначительных постановлений. Центральный комитет, напротив, очень четко обозначил характер этого противостояния, ставшего социальным, указал за борьбой за муниципальные свободы, пожирающей сфинкса, вопрос о пролетариате.

Совет мог бы извлечь пользу из этого урока, одобрить, если необходимо, этот манифест, а затем, сославшись на протесты Комитета, обязать его самораспуститься. Это было тем более легко, что Комитет, сильно ослабленный выборами, существовал только благодаря четырем или пяти членам и своему красноречивому выразителю Моро. Но Совет удовлетворился мягким протестом на заседании 5-го числа и, как обычно, позволил событиям идти своим чередом, насколько это было возможно.

Оно уже переходило от слабости к слабости; и все же, если оно когда-либо и верило в свою собственную энергию, то именно в тот день. Жестокость версальцев, убийство заключенных, Флуранса и Дюваля, вызвали всеобщее спокойствие. Три дня назад они были полны жизни, эти отважные коллеги и друзья. Их пустые места, казалось, звали к мести. Что ж, тогда, поскольку

Версаль вел войну каннибалов, они ответят око за око, зуб за зуб. Кроме того, говорили, что, если Совет не предпримет никаких действий, народ, возможно, отомстит сам себе, и еще более ужасно. Они постановили, что любой, обвиняемый в пособничестве Версалью, будет предан суду в течение сорока восьми часов и, если виновен, останется в качестве заложника. За казнь в Версале защитника Коммуны последует казнь заложника — тремя, говорилось в декрете, равным или двойным числом, говорилось в прокламации.

Эти различные показания выдавали смятенное состояние их умов. Только Совет верил в то, что напугал Версаль. Буржуазные журналы, конечно, кричали "Мерзость!", а М. Тьер, который стрелял без всяких указов, разоблачал жестокость Коммуны. В глубине души все они смеялись вслух. Реакционеры любого толка давным-давно бежали; в Париже оставалась только мелкая сошка и несколько изолированных людей, которыми, если потребуется, Версаль был готов пожертвовать.^[116] Члены Совета в своей детской импульсивности не видели настоящих заложников, смотревших им в лицо — банк, реестр актов гражданского состояния, домены и фонд женихов. Это были уязвимые места, за которые можно было удержать буржуазию. Не рискуя ни единым человеком, Коммуне оставалось только протянуть руку и предложить Версалью вести переговоры или покончить с собой.

Робкие делегаты 26 марта были не из тех людей, которые осмелились бы на это. Позволив версальской армии отступить, Центральный комитет совершил серьезную ошибку; вина Совета была несравненно более разрушительной. Все серьезные мятежники начинали с того, что хватались за жилы врага — казну. Совет коммуны был единственным революционным правительством, которое отказалось это сделать. Упраздняя бюджет общественного богослужения, который был в Версале, они преклонили колени перед бюджетом буржуазии, который был в их власти.

Затем последовала сцена высокой комедии, если только можно смеяться над халатностью, которая привела к такому большому кровопролитию. С 19 марта управляющие банком жили как приговоренные к смерти, каждый день ожидая расстрела своих сокровищ. О том, чтобы перевезти их в Версаль, они и мечтать не могли. Для этого потребовалось бы шестьдесят или восемьдесят фургонов и армейский корпус. 23-го губернатор Роуленда больше не мог этого выносить и бежал. Его сменил заместитель губернатора Де Плюк. После своей первой беседы с делегатами Ратуши он разгадал их робость, дал отпор, затем, казалось, смягчился, понемногу уступил и раздавал свои деньги франк за франком. В банке, который Версаль считал почти пустым, находились: монеты на 77 миллионов;^[117] банкноты на 166 миллионов; дисконтированные векселя на 899 миллионов; ценные бумаги в счет выданных авансов на 120 миллионов; слитки на 11 миллионов; драгоценности на депозите на 7 миллионов; общественные ценности и другие титулы на депозите на 900 миллионов; то есть 2 миллиарда 180 миллионов франков: 800 миллионов в банке - для купюр требовалась только подпись кассира, подпись легко сделать. В руках Коммуны тогда было три миллиарда, из которых более миллиарда реализовано, что было достаточно, чтобы купить всех генералов и функционеров Версаля; в качестве заложников - 90 000 вкладчиков титулов и два миллиарда в обращении, гарантии которых лежали в ящиках на улице ла Врильер.

29 марта старый Бесли предстал перед дарохранительницей. Де Плюк собрал своих 430 клерков, вооруженных мушкетами без патронов. Бесли, которого вели через ряды этих воинов, смиренно молил губернатора быть настолько любезным, чтобы обеспечить жалованье

Национальной гвардии. Де Плюк ответил высокомерно, говорил о самозащите. "Но, - сказал Бесли, - если бы, чтобы предотвратить кровопролитие, Коммуна назначила губернатора". "Губернатора! никогда! - сказал де Плюк, который понимал своего человека. - Но делегат! Если бы вы были этим делегатом, мы могли бы прийти к взаимопониманию. И, изобразив патетику: "Придите, месье Бесле, помогите мне спасти это. В этом счастье вашей страны; в этом счастье Франции".

Глубоко тронутый Бесли поспешил в Исполнительную комиссию, где повторил свой урок тем лучше, что поверил в это и гордился своими финансовыми знаниями. "Банк, - сказал он, - это богатство страны: без него больше не будет промышленности, не будет торговли. Если вы нарушите его, все записи в нем превратятся в макулатуру".^[118] Этот мусор циркулировал в Отель-де-Виль, и прудонисты из Совета, забыв, что их хозяин поставил подавление банка во главу своей революционной программы, поддержали старого Беслея. В самом Версале, цитадели капитализма, не было более ярых защитников, чем в Отель-де-Виль. Если бы кто-нибудь хотя бы предложил: "Давайте хотя бы займем банк", - но у Исполнительной комиссии не хватило духу сделать это, и она удовлетворилась вводом в эксплуатацию Беслея. Де Плюк принял доброго человека с распростертыми объятиями, поселил его в ближайшем кабинете, даже уговорил переночевать в банке, сделал своим заложником и снова вздохнул свободно.

Таким образом, с первой недели Собрание Ратуши проявило слабость по отношению к инициаторам вылазки, слабость по отношению к Центральному комитету, слабость по отношению к банку, пренебрегая своими постановлениями, выбором своего делегата в Военное министерство, не имея военного плана, без программы, без общих взглядов и предаваясь отрывочным дискуссиям. Радикалы, оставшиеся в Совете, поняли, к чему все клонится, и, не склонные разыгрывать из себя мучеников, подали в отставку.

О Революция! ты не ждешь назначенного дня и часа. Ты приходишь внезапно, слепая и роковая, как лавина. Истинный солдат народа принимает бой, куда бы ни привела его опасность. Грубые ошибки, дезертирство, компрометирующие товарищи не обескураживают его. Хотя он уверен в поражении, он все еще борется; его победа маячит в будущем.

СНОСКИ:

^[115] Таков текст указа.

^[116] М. Бартелеми Сент-Илер, секретарь м. Тьера, ответил Барралю де Монто, который говорил о возможности массовой резни в тюрьмах: "Заложники! заложники! Но мы ничего не можем сделать. Что нам делать? Тем хуже для них". — *Анкета на 18 Марта*, том ii. стр. 271.

^[117] М. Бесли в своей книге *"Сувениры из Меса"*, Париж, 1873, говорит: "Наличных на руках было сорок с лишним миллионов". Этих "каких-то странностей" было не менее 203 миллионов. Они представили хорошему человеку вымышленные заявления, с помощью которых обманули его. В своих показаниях и приложениях (*Исследование 18 Марта*, том iii. errata, стр. 488), М. де Плюк привел истинные утверждения.

^[118] Это были все причины, на которые он когда-либо мог сослаться, даже в своей книге, написанной в Швейцарии, куда сам г-н де Плюк отправился, чтобы депонировать его после падения коммуны. Помимо того, что его жизнь была спасена, позже он получил судебное

постановление о том, что против него не должно быть никаких дальнейших судебных разбирательств.

ГЛАВА XV.

ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ При НЕЙИ И АНЬЕРЕ —ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОРАЖЕНИЕ ПРИМИРЕНЦЕВ.

Разгром 3 апреля обескуражил робких, но воодушевил пылких. Батальоны, бездействовавшие до тех пор, поднялись; вооружение фортов больше не отставало. За исключением Исси и Ванвеса, довольно поврежденных, форты были целы. Вскоре весь Париж услышал, как эти прекрасные семизарядные пушки, которыми Трошю пренебрег,^[119] стреляли так яростно и с такой точной прицельностью, что вечером 4-го версальцы были вынуждены покинуть плато Шатийон. Траншеи, защищавшие форты, были укомплектованы людьми. Ле-Мулино, Кламар, Ле-Валь-Флери оглашались пальбой. Справа мы вновь заняли Курбевуа, а мост в Нейи был забаррикадирован.

Оттуда мы продолжали угрожать Версалью. Виноа получил приказ взять Нейи. Утром 6-го Мон-Валерьен, недавно вооруженный 24-фунтовыми пушками, открыл огонь по Курбевуа. После шестичасового обстрела федералы эвакуировались с перекрестка и заняли позицию за большой баррикадой на мосту Нейи. Версальцы обстреливали его из пушек, пока он находился под защитой Порта Майо.

В этом Порт-Майо, ставшем легендарным, было всего несколько пушек, открытых для обстрела с высоты Мон-Валерьена. В течение сорока восьми дней Коммуна находила людей, способных занять этот ненадежный пост. Их мужество наэлектризовало всех. Толпа направилась к Триумфальной арке, чтобы посмотреть на них, и мальчики, едва дождавшись взрыва, побежали за осколками снарядов.

Бесстрашие парижан вскоре вновь проявилось в первых стычках. Сами буржуазные газеты сожалели, что не следовало тратить столько пыла на пруссаков. Паника 3 апреля стала свидетелем героических поступков, и Совет, радостно воодушевленный, захотел устроить защитникам коммуны достойные их похороны. Это понравилось народу. 6-го, в два часа дня, неисчислимая толпа поспешила в больницу Божон, куда были перевезены умершие. У многих, застреленных после боя, на руках были следы от веревок. Происходили душераздирающие сцены. Матери и жены, склонившиеся над этими телами, издавали крики ярости и клятвы отомстить. Три огромных катафалка, в каждом из которых находилось по тридцать пять гробов, обтянутых черным крепом, украшенных красными флагами, запряженные восемью лошадьми каждый, медленно покатали к большим бульварам, сопровождаемые звуками труб и *Мстителей Парижа*. Делеклюз и пятеро членов Коммуны, в красных шарфах и с непокрытой головой, шли в качестве главных провожающих. За ними следовали родственники жертв, сегодняшние вдовы, которых поддерживали завтрашние. Тысячи и тысячи мужчин, женщин и детей, с бессмертниками в петлицах, молчаливые, торжественные, маршировали под приглушенный бой барабанов. Время от времени раздавались приглушенные звуки музыки, похожие на спонтанное бормотание слишком долго сдерживаемой печали. На больших бульварах нас было 200 000 человек, и 100 000 бледных лиц смотрели на нас из окон. Женщины рыдали, многие падали в обморок. Эта Виа Сакра Революции, место стольких горестей и стольких радостей, возможно, никогда не была свидетелем такого единения сердец. Делеклюз воскликнул в экстазе: "Какой замечательный народ! Будут ли они по-прежнему говорить, что мы - горстка недовольных?" На Папской коляске он подошел к братской могиле. Морщинистый, сутулый, поддерживаемый только своей несгибаемой верой, этот умирающий человек отдал честь мертвым. "Я не буду произносить перед вами длинных речей; они и так уже обошлись нам слишком дорого.... Справедливость для семей жертв; справедливость для великого города, который после пяти месяцев осады, преданный своим правительством, все еще держит в своих руках будущее человечества.... Давайте не будем оплакивать наших братьев, которые героически пали, но давайте поклянемся продолжать их дело и спасти Свободу, Коммуну, Республику!"

На следующий день версальцы обстреляли из пушек баррикаду и проспект Нейи. Жители, которых у них не хватило человечности предупредить заранее, были вынуждены укрыться в своих подвалах. К половине пятого огонь версальцев прекратился, и федералы воспользовались небольшим отдыхом, когда солдаты в массовом порядке вышли на мост. Застигнутые врасплох федералы попытались остановить их продвижение, ранив одного генерала и убив двоих, один из которых, Бессон, был ответственен за внезапное нападение на Бомон л'Аргонн во время марша на Седан. Но превосходящим силам солдат удалось продвинуться до старого парка Нейи.

Потеря этого выхода была тем более серьезной, что Бержере в письме, опубликованном в *Officiel*, ответил за Нейи. Исполнительная комиссия заменила его поляком Домбровским, которого Гарибальди потребовал в свой генеральный штаб во время войны в Вогезах. Штаб Бержере выразил протест, и их препирательства привели к аресту их начальника Советом, у которого уже возникли подозрения. Сама Национальная гвардия проявила некоторое недоверие к новому генералу. Комиссия должна была представить его Парижу и, будучи дезинформированной, придумала легенду в его пользу. Домбровский не заставил себя долго ждать.

В тот же день федералы Нейи увидели молодого человека небольшого роста в скромной униформе, медленно осматривавшего передовые отряды в гуще огня. Это был Домбровский. Вместо взрывной, пылающей французской храбрости, холодная и, так сказать, бессознательная храбрость славянина. За несколько часов новый вождь покорил всех своих людей. Способный офицер вскоре проявил себя. 9-го ночью с двумя батальонами с Монмартра Домбровский, сопровождаемый Верморелем, застал версальцев врасплох у Аньера, отбросил их, захватил их пушки и из бронированных железнодорожных вагонов обстрелял Курбеуа и мост Нейи с фланга. В то же время его брат штурмовал замок Бекон, который контролирует дорогу из Аньера в Курбеуа. Виноа попытался отбить этот пост в ночь с 12-го на 13-е, но его люди были с позором отброшены и бежали в Курбеуа так быстро, как только позволяли ноги.

Париж не знал об этом успехе, настолько ущербной была служба генерального штаба. Эта блестящая атака была делом одного человека, точно так же, как защита фортов была спонтанной работой Национальной гвардии. Тогда еще не было руководства. Всякий, кто хотел ввязаться в какое-нибудь предприятие, делал это; всякий, кто нуждался в пушках или подкреплении, шел просить их на Вандомскую площадь, в Центральный комитет, в Ратушу генералиссима Клузере.

Последний совершил свой дебют с грубой ошибкой, вызвав только неженатых мужчин в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет, лишив таким образом Коммуну ее самых энергичных защитников, седовласых мужчин, которые первыми и последними подверглись обстрелу во всех наших восстаниях. Через три дня этот указ пришлось отменить. 5-го числа в своем докладе Совету этот глубокий стратег объявил, что атака Версаля маскировала движение за занятие фортов правого берега, в тот момент находившихся в руках пруссаков. Как и Трошу, он винил канонаду последних нескольких дней в том, что, по его словам, боеприпасы были израсходованы впустую. И это тогда, когда Париж изобиловал порохом и снарядами; когда ее молодые войска должна была развлекать и поддерживать артиллерия; когда версальцы из Шатийона, непрерывно преследуемые нашим огнем, были вынуждены отступать каждую ночь; когда только непрерывная канонада могла спасти Нейи.

Совет поступил ничуть не мудрее в своих мерах защиты. Он предписывал обязательную службу и разоружение непокорных; но расследования, проводившиеся наугад, без помощи полиции, не дали ни одного человека или тем более сотни мушкетов. Он назначил пожизненные пенсии вдовам, родителям федералов, погибших в бою, их детям ежегодное пособие до восемнадцати лет и усыновил сирот. Отличные меры эти, поднимающие дух сражающихся, только они предполагали победу Коммуны. Не лучше ли было, как в случае с Дювалем и Домбровским, сразу отдать несколько тысяч франков тем, кто имел на них право? На самом деле эти несчастные пенсионеры получили от Коммуны всего пятьдесят франков.

Эти меры, неполные, плохо управляемые, подразумевали недостаток изучения и рефлексии. Члены пришли на Совет как на открытое заседание, без какой-либо подготовки, чтобы действовать без какой-либо методики. Постановления предыдущего дня были забыты, вопросы решены только наполовину. Совет учредил военные советы и военно-полевой суд и позволил Центральному комитету регулировать процедуру и наказания; он организовал одну половину медицинской службы, а другую - Клузерет; он отменил звание генерала, и вышестоящие офицеры сохранили его, а военный делегат присвоил его им. В середине заседания Феликс Пят

вскочил со своего стула, чтобы потребовать отмены Вандомской колонны, в то время как Домбровский отчаянно призывал подкрепление.

У него было едва ли 2500 человек, чтобы удерживать Нейи, Аньер и весь полуостров Женвилье, в то время как версальцы собирали против него свои лучшие войска. С 14 по 17 апреля они обстреливали замок Бекон из пушек, а утром 17-го атаковали его бригадой. 250 занявших его федералов продержались шесть часов, и уцелевшие отступили к Аньеру, где вместе с ними воцарилась паника. Домбровский, Околовиц и несколько крепких мужчин поспешили туда, им удалось восстановить небольшой порядок и укрепить головной мост. Домбровский запросил подкрепления, Военное министерство прислало ему всего несколько рот. На следующий день наш авангард был застигнут врасплох сильными отрядами, и пушки Курбевуа нанесли удар по Аньеру. После упорного боя к десяти часам несколько батальонов, измотанных, оставили южную часть деревни. В северной части бой был отчаянным. Домбровский, несмотря на телеграмму за телеграммой, получал только 300 человек. В пять часов вечера версальцы предприняли большое усилие, и федералы, измученные, опасаясь за свое отступление, бросились на лодочный мост, который они пересекли в беспорядке.

Реакционные журналы подняли много шума по поводу этого отступления. Париж был взбудоражен. Это ожесточенное упорство боя начало открывать глаза оптимистам. До тех пор многие люди считали все это каким-то ужасным недоразумением и формировали группы примирения. Сколько тысяч в Париже не понимали плана М. Тьера и коалиции до дня окончательной резни! 4 апреля некоторые фабриканты и торговцы создали *Национальный союз синдикальных палат* взяли за основу свою программу "Поддержание и предоставление избирательных прав Республики" признание муниципальных привилегий Парижа. В тот же день в Эколь-квартале профессора, врачи, юристы, инженеры и студенты вывесили манифест с требованием демократической и светской республики, автономной коммуны и федерации коммун. Аналогичная группа вывесила письмо М. Тьеру: "Вы верите в бунт, и вы оказываетесь лицом к лицу с точными и универсальными убеждениями. Подавляющее большинство Парижа требует Республики как права, стоящего выше всех дискуссий. Париж увидел во всем поведении Ассамблеи преднамеренный план восстановления монархии ". Некоторые высокопоставленные лица масонских лож сразу же обратились к Версалю и Совету: "Прекратите проливать такую драгоценную кровь".

Наконец, некоторое количество тех мэров и адъюнктов, которые не капитулировали до последнего, таких как Флоке, Корбон, Бонвале и др., напыщенно учредили *Республиканскую союзную лигу за права Парижа*. Теперь они требовали признания Республики, права Парижа на самостоятельное управление и передачи опеки над городом исключительно Национальной гвардии; всего, чего хотела Коммуна, всего, против чего они протестовали с 19 по 25 марта.

Формировались другие группы. Все согласились по двум пунктам — консолидация Республики и признание прав Парижа. Почти все общественные журналы воспроизвели эту программу, и республиканские журналы приняли ее. Депутаты Парижа выступили последними, и то только для того, чтобы обрушиться с критикой на Париж. В том слезливом и иезуитском тоне, которым он пародировал историю,^[120] в те многословные сентиментальные периоды, которые служат для маскировки сухости его сердца и мелочности его ума, король гномов Луи Блан писал от имени своих коллег: "Ни один член большинства пока не поставил под сомнение республиканский принцип.... Что касается тех, кто участвовал в восстании, мы говорим им, что

они должны были содрогнуться при мысли об усугублении, продлении бедствий иностранной оккупации путем добавления к ним бедствий гражданских беспорядков".

Именно это М. Тьер слово в слово повторил первым примиренцам, делегатам *Синдиката*, которые обратились к нему 8 мая: "Пусть восстание разоружится; Собрание не может разоружиться. Но Париж хочет Республики. Республика существует; клянусь честью, пока я у власти, она не сдастся. Но Париж хочет муниципальных привилегий. Палата готовит закон для всех коммун; Париж получит ни больше, ни меньше". Делегаты зачитали компромиссный проект, в котором говорилось о всеобщей амнистии и приостановлении вооружений. Г-н Тьер позволил им читать дальше, формально не оспорив ни одной статьи, и делегаты вернулись в Париж, убежденные, что они обнаружили основу соглашения.

Едва они ушли, как М. Тьер бросился к Собранию, которое только что наделило все коммуны правом избирать своих мэров. Г-н Тьер взошел на трибуну, требуя, чтобы это право было ограничено городами с населением менее 20 000 душ. Они крикнули ему: "За это уже проголосовали". Он настаивал, заявив, что "в республике правительство должно быть лучше вооружено, потому что порядок поддерживать труднее"; пригрозил подать в отставку и вынудил Ассамблею аннулировать свое голосование.

10 числа *Лига прав Парижа* протрубила в трубу и вывесила плакат с торжественным заявлением: "Пусть правительство прекратит критиковать факты, совершенные 18 марта. Давайте продолжим всеобщие переизбрания Коммуны.... Если правительство Версаля останется глухим к этим законным отзывам, пусть будет хорошо понято, что весь Париж поднимется на их защиту".^[121] На следующий день делегаты Лиги отправились в Версаль, и М. Тьер подхватил свой старый припев: "Пусть Париж разоружится", - и слышать не хотел ни о перемирии, ни об амнистии. "Помилование будет распространено, - сказал он, - на тех, кто разоружится, за исключением убийц Клеман-Тома и Леконта". Это было сделано для того, чтобы оставить за собой право выбора из нескольких тысяч человек. Короче говоря, он хотел, чтобы его заменили на его посту 18 марта с победой в придачу. В тот же день он сказал делегатам масонских лож: "Обратитесь к Коммуне; чего хотят, так это подчинения повстанцев, а не отставки законной власти". Чтобы облегчить это представление, на следующий день *Официальный Версаль* сравнил Париж с Марафонской равниной, кишасей бандой "разбойников и убийц". 13-го депутат Брюне, спросив, хочет или не хочет правительство заключить мир с Парижем, Ассамблея отложила рассмотрение этого запроса на месяц.

Лига, таким образом, хорошо разыгранная, 14-го числа перешла в "Отель-де-Виль". Совет, чуждый всех этих переговоров, оставил их полностью свободными и запретил только собрание, объявленное на Бирже плохо переодетыми Тирардами. Оно удовлетворилось противопоставлением Лиге ее декларации от 10-го числа: "Вы сказали, что, если Версаль останется глухим, восстанет весь Париж. Версаль остался глух; восстаньте". И чтобы сделать Пэрис судьей, Совет лояльно опубликовал в своем *Официальном* отчете посредников.

СНОСКИ:

^[119] Из 400 предметов, отлитых Парижем во время осады, правительство национальной обороны приняло только сорок под предлогом того, что остальные были несовершенновыми.—
Вино, *Съезде Пари*, стр. 287.

[120] Иногда даже на фальсификацию. В своем рассказе о 9 Термидоре он заставляет Баррера сказать Бийо-Варенну: "*Не* нападайте на Робеспьера"; и на основании этого рассуждает о величии своего героя. Так вот, в отчете Куртуа, который он цитирует, надеясь, без сомнения, что никто не станет проверять точность заявления, говорится: "*Только*атакуйте", а не "*Не* атакуйте".

[121] Похоже, в Лиге произошел раскол. Радикалы, Флоке, Корбон и др., не одобряли эту полукомандную позицию и позже хвастались ею перед Комиссией по расследованию событий 18 марта; но во время Коммуны они не выступили с публичным протестом против этого обращения.

ГЛАВА XVI.

МАНИФЕСТ СОВЕТА—ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ 16 АПРЕЛЯ ПОКАЗЫВАЮТ МЕНЬШИНСТВО В СОВЕТЕ—ПЕРВЫЕ СПОРЫ — ЗАРОДЫШИ ПОРАЖЕНИЯ.

Во второй раз ситуация была отчетливо обозначена. Если Совет не знал, как определить Коммуну, не было ли это самым безошибочным образом и на глазах всего Парижа объявлено, что это означает лагерь мятежников, по боевым действиям, бомбардировкам, яростиверсальцев и отпору примиренцев? Дополнительные выборы 16 апреля — смерть, двойные результаты выборов и отставки дали тридцать одно вакантное место — выявили эффективные силы восстания. Иллюзия 26 марта рассеялась; теперь голосование проходило под огнем. Кроме того, газеты коммуны и делегаты Синдикальных палат тщетно призывали избирателей к урнам для голосования. Из 146 000 человек, собравшихся в этих округах на выборах 26 марта, сейчас пришло только 61 000. Округа советников, покинувших свои места, дали 16 000 голосов вместо 51 000.

Сейчас или никогда настал момент объяснить Франции их программу. Исполнительная комиссия 6-го числа в обращении к провинциям выразила протест против клеветы Версаля, но ограничилась заявлением, что Париж сражается за всю Францию, и не выдвинула никакой

программы. Протесты республиканцев М. Тьера, враждебность крайне левых, отрывочные декреты полностью сбили с толку провинции. Необходимо было немедленно все исправить. 19-го числа комиссия, которой было поручено составить программу, представила свою работу, или, скорее, работу другой организации. Печальный и характерный символ этого: декларация Коммуны исходила не от Совета, несмотря на его двенадцать публицистов. Из пяти участников, которым было поручено разработать проект, только Делеклюз внес свой вклад в некоторые отрывки; техническая часть была работой журналиста Пьера Дени.

В "*Кри дю Пэупл*" он воспринял и сформулировал как закон прихоть *свободного города* Парижа, зародившуюся в первом порыве страсти на собраниях в Воксхолле. Согласно этому законодателю, Париж должен был стать ганзейским городом, увенчать себя всеми свободами и с высоты своей гордой крепости сказать закованным в цепи коммунаам Франции: "Подражайте мне, если сможете; но имейте в виду, я ничего не сделаю для вас, только подам пример". Этот очаровательный план вскружил головы нескольким членам Совета, и слишком много следов этого было видно в декларации.

"Чего требует Париж?" - говорилось в нем. "Признание Республики. Абсолютная автономия коммуны распространяется на все населенные пункты Франции. Неотъемлемыми правами коммуны являются: голосование по общинному бюджету; урегулирование и перераспределение налогов; руководство местными службами; организация магистратуры, внутренней полиции и образования; управление коммунальными благами; выбор и постоянное право контроля над общинными магистратами и должностными лицами; абсолютная гарантия свободы личности, свободы совести и свободы труда; организация городской обороны и Национальной гвардии; только коммуне поручено наблюдение и обеспечение свободного и справедливого осуществления права на собрания и гласность.... Париж больше ничего не хочет ... при условии, что великая центральная администрация, делегирование федеративных коммун, обеспечит реализацию и практическое применение того же принципа".

Каковы должны были быть полномочия этой центральной делегации, взаимные обязательства коммун? В декларации об этом не говорилось. Согласно этому тексту, каждый населенный пункт должен был обладать правом замкнуться в пределах своей автономии. Но чего ожидать от автономии в Нижней Бретани, в девяти десятых французских коммун, более половины из которых не имеют 600 жителей,^[122] если даже парижская декларация нарушала самые элементарные права, возлагая на Коммуну надзор за *справедливым* осуществлением права на собрания и гласность, забывая упомянуть право на ассоциацию? Это печально известно, это было доказано, но слишком хорошо. Сельские автономные коммуны превратились бы в чудовище с тысячей присосков, прикрепленных к флангу Революции.

Нет! Тысячи немых и слепых не способны заключить социальный пакт. Слабые, неорганизованные, скованные тысячью пут, жители страны могут быть спасены только городами, а жители городов руководствуются Парижем. Неудача всех провинциальных восстаний, даже в крупных городах, в достаточной степени свидетельствовала об этом. Когда в декларации говорилось: "Единство, которое до сих пор навязывалось нам Империей, монархией и парламентаризмом, есть всего лишь деспотическая, неразумная централизация", - это обнажало раковую опухоль, пожирающую Францию; но когда добавлялось: "Политическое единство, как его понимает Париж, - это добровольное объединение всей местной инициативы", это показывало, что оно вообще ничего не знало о провинциях.

Декларация продолжалась в стиле обращения, иногда по существу: "Париж работает и страдает за всю Францию, интеллектуальное, моральное, административное и экономическое возрождение которой она готовит своими сражениями и своими страданиями.... Коммунальная революция, начатая народной инициативой 18 марта, открывает новую эру". Но во всем этом не было ничего определенного. Почему бы, взяв на вооружение формулу 28 марта: "Для коммуны - то, что является общинным, для нации - то, что является национальным", - не определить будущую коммуну, достаточно обширную, чтобы наделить ее политической жизнью, достаточно ограниченную, чтобы позволить ее гражданам легко объединять свои социальные действия, коммуну с населением от 15 000 до 20 000 душ, кантон-коммуна, и четко установить ее права и права Франции? Они даже не говорили о объединении крупных городов в федерацию для завоевания их общих избирательных прав. Какой бы она ни была, эта программа, неясная, неполная, невыполнимая во многих пунктах, не могла, несмотря на некоторые благородные идеи, внести большого вклада в просвещение провинций.

Это был всего лишь проект. Без сомнения, Совет собирался обсудить его. За него проголосовали после первого чтения. Никаких дебатов, вряд ли это было замечание. У этой ассамблеи, которая дала четыре дня на обсуждение просроченных коммерческих счетов, не было ни одного заседания для изучения этой декларации, ее программы на случай победы, ее завещания на случай поражения.

Что еще хуже, новый недуг заразил Совет, ростки которого, посеянные в течение нескольких дней, полностью созрели в результате дополнительных выборов. Романтики породили казуистов, и оба пришли к разногласиям по поводу проверки новых мандатов.

30 марта Совет утвердил шесть выборов относительным большинством голосов. Докладчик о выборах 16-го числа предложил объявить избранными всех тех кандидатов, которые получили абсолютное большинство голосов. Казуисты пришли в негодование. "Это было бы, - говорили они, - наихудшим ударом, который какое-либо правительство нанесло всеобщему избирательному праву". Но продолжать постоянно созывать выборщиков было невозможно. Три наиболее преданных округа не дали никаких результатов; один из них, тринадцатый, лишившись своих лучших людей, затем сражался на передовых постах. Новое голосование лишь более рельефно обозначило бы изоляцию коммуны; и потом, является ли момент сражения, когда батальон уничтожен, лишен своего командира, подходящим временем для того, чтобы настаивать на регулярном повышении?

Дискуссия была очень жаркой, поскольку в этом объявленном вне закона Отель-де-Виль заседали отъявленные законники. Париж должен был быть задушен их спасительными принципами. Уже сейчас, во имя священной автономии, которая запрещала вмешательство автономии соседа, Исполнительная комиссия отказалась вооружать коммуны вокруг Парижа, которые просили выступить против Версаля. М. Тьер не предпринял более эффективных мер для изоляции Парижа.

За выводы доклада проголосовали двадцать шесть голосов против тринадцати. Только двадцать выборов были признаны действительными, ^[123] что было нелогично; один с менее чем 1100 голосами был принят, другой с 2500 отклонен. Все выборы должны были быть признаны состоявшимися или вообще никаких. Четверо из новых делегатов были журналистами, шестеро

- простыми рабочими. Одиннадцать человек, присланных общественными собраниями, пришли поддержать романтиков. Двое, чьи выборы были утверждены Советом, отказались участвовать в заседании, поскольку они не набрали восьмой части голосов. Автор замечательных *Предложений Лабьена*, Рогар, позволил ввести себя в заблуждение ложным опасением законности - единственной слабостью этого великодушного человека, посвятившего Коммуне свое чистое и блестящее красноречие. Его отставка лишила Совет человека здравого смысла, но еще раз помогла разоблачить апокалиптического Феликса Пая.

С 1 апреля, предчувствуя надвигающуюся бурю и выражая тот же ужас перед ударами, что и Панург, Феликс Пиа попытался покинуть Париж, подал в отставку с поста члена Исполнительной комиссии Совета и объявил, что его присутствие в Версале необходимо. Поскольку вылазка версальских гусар была слишком опасной, он снизошел до того, чтобы остаться, но в то же время надел две маски: одну для Ратуши, другую для публики. В Совете, на тайных заседаниях он призывал к насильственным мерам с живостью дикой кошки; в "*Мстителе*" он выступал понтификально, тряс седыми волосами, говоря: "К урне для голосования, не к Версалу!" В его собственной газете у него было два лица. Хотел ли он, чтобы журналы были закрыты, он подписался "*Le Vengeur*"; хотел ли он подольститься, он подписался Феликс Пай. Поражение при Аньере снова внушило ему страх, и он снова стал искать лазейку. Отставка Рогара открыла ее. Прикрываясь этим чистым именем, Феликс Пайат подал в отставку. "Коммуна нарушила закон", - написал он. "Я не хочу быть соучастником". И чтобы лишиться себя возможности вернуться в Совет, он использовал достоинство последнего. Если, по его словам, это будет продолжаться, он будет вынужден, к своему большому сожалению, подать в отставку "*до победы*".

Он рассчитывал ускользнуть, как от Ассамблеи Бордо, но его мошенничество вызвало отвращение у Совета. "*Мститель*" только что обвинил Феликса Пая в подавлении нескольких реакционных газет, чего неоднократно требовал Феликс Пай. Верморель осудил это двуличие. Один из участников: "Здесь было сказано, что отставка будет рассматриваться как государственная измена". Другой: "Человек не должен покидать свой пост, когда этот пост сопряжен с опасностью и честью". Третий официально потребовал ареста Феликса Пая. "Я сожалею, - сказал другой, - что не было четко указано, что отставка может быть подана только самим выборщиком". И Делеклюз добавил: "Никто не имеет права отказаться от участия из-за личной неприязни или потому, что какая-то мера не соответствует его идеалу. Значит, вы верите, что все одобряют то, что здесь делается? Да, есть участники, которые остались и которые останутся до конца, несмотря на оскорбления, брошенные в наш адрес. Что касается меня, то я решил остаться на своем посту, и если мы не увидим победы, то не будем последними, кто падет на крепостных валах или на ступенях Ратуши".

Эти мужественные слова были встречены продолжительными аплодисментами. Ничья преданность не была более похвальной. Привычки Делеклюза, серьезного и трудолюбивого, его высокие устремления больше, чем кто-либо другой, отчуждали его от многих его коллег, легкомысленных бездельников, склонных к личным пререканиям. Однажды, устав от этого хаоса, он захотел уйти в отставку. Достаточно было сказать ему, что его уход нанесет большой ущерб делу народа, чтобы убедить его остаться и ждать не победы — как и Феликс Пайет, он знал, что это невозможно, — а смерти, которая оплодотворит будущее.

Феликс Пайат, которого так хлестали со всех сторон, не осмеливаясь огрызнуться на Делеклюза, набросился на Вермореля, которого вопреки всем доводам назвал "шпионом"; и поскольку Верморель был членом Комиссии общественной безопасности, обвинил его в *Мести* за то, что он скрыл улики, собранные против него в префектуре полиции. Этот представитель вида лепорид назвал верморель "бомбической". Таков был его способ обсуждения. Под покровом литературной изысканности скрывались удобства Биллингсгейта. В 1848 году в *Конституции* он назвал Прудона "свиньей", а в 1871 году в *коммуне* он назвал Тридона "навозной кучой". Он был единственным членом этого Собрания, где были рабочие грубых профессий, которые приносили в дискуссии непристойности.

Верморель, отвечая в *Духе народа*, легко уложил его. Избиратели Феликса Пая прислали ему три призыва остаться на своем посту: "Ты солдат; ты должен оставаться в брешах. Только мы имеем право отозвать вас". Выведенный из себя своими мандатами, под угрозой ареста со стороны Совета, этот грек предпочел меньшую опасность и вернулся в Отель-де-Виль с жеманным видом.

Версаль ликовал по поводу этих жалких пустяков. Впервые публика познакомилась с внутренним убранством Совета, с его бесконечно малочисленным кружком, состоящим из чисто личных дружеских или антипатических отношений. Кто бы ни принадлежал к такой группе, он получал всестороннюю поддержку, каковы бы ни были его промахи. Гораздо больше: чтобы иметь возможность служить Коммуне, необходимо было принадлежать к такому братству. Многие искренне преданные люди предлагали себя, испытанные демократы, интеллигентные служащие, дезертиры из правительства, даже офицеры-республиканцы. Они были чересчур самонадеянно встречены некоторыми вчерашними неспособными выскочками, чья преданность заключалась в том, чтобы не пережить 20 мая. И все же нехватка *персонала* и нехватка талантов с каждым днем становились все более непреодолимыми. Члены Совета жаловались, что ничего не получается. Исполнительная комиссия не знала, как командовать, а ее подчиненные - как подчиняться; Совет одновременно передавал власть и удерживал ее, ежеминутно вмешивался в малейшие детали службы; руководил правительством, администрацией и обороной, как вылазкой 3 апреля.

СНОСКИ:

[122] В семидесяти трех коммунах проживает более 20 000 жителей; в 108 - от 10 000 до 20 000; 309 - от 5000 до 10 000; 249 - от 4000 до 5000; и 581 - от 3000 до 4000. Таким образом, существует всего 1320 коммун с населением более 3000 человек, максимум 800 из которых имеют какую-либо политическую жизнь.

[123] Везинье, Кюзере, Пилло, Андрие (1-й округ, Лувр); Потье, Серрейе, Ж. Дюран, Йоханнар (2-й, Биржа); Курбе, Рогар (6-й, Люксембург); Сикар (7-й, Дворец Бурбон); Брион (9-й, Опера); Филипп, Лонклас (12-й, Рейи); Лонге (16-й, Пасси); Дюпон (17-й, Батиньоль); Кюзере, Арнольд (18-й, Монмартр); Менотти Гарибальди (19-й, Бют-Шомон); Виар, Тринке (20-й Менильмонтан).

ГЛАВА XVII.

НАШИ ПАРИЖАНЕ —ПРИОСТАНОВКА ВООРУЖЕНИЯ В СВЯЗИ С ЭВАКУАЦИЕЙ НЕЙИ—АРМИИ ВЕРСАЛЯ И ПАРИЖА.

Великолепное пламя Парижа все еще скрывало эти недостатки. Чтобы описать его, нужно было быть разгоряченным им. Рядом с этим коммунарские журналы, несмотря на их романтизм, выглядят бледно и уныло. Это правда, *мизансцена* была незатейливой. На улицах, на безмолвных бульварах батальон из ста человек отправляется на битву или возвращается с нее; женщина, которая следует за ним, прохожий, который аплодирует, — вот и все. Но это драма Революции, простая и грандиозная, как драма Эсхила.

Командир в своем *варезе*, запыленный, с опаленными серебряными галунами, его люди седовласые или молодые, ветераны июня 1848 года и ученики марта, сын часто марширует рядом с отцом.^[124]

Эта женщина, которая приветствует их или сопровождает, она настоящая парижанка. Нечистый андрогин, рожденный в болоте Империи, мадонна порнографов, Дюма-сыновей и Фейдо, последовала за своими покровителями в Версаль или работает на прусской шахте в Сен-Дени. Она, которая сейчас наверху, - парижанка, сильная, преданная, трагичная, знающая, как умереть так, как она любит. Помощница в труде, она также будет соратницей в смертельной борьбе. Грозное равенство, которое можно противопоставить буржуазии. Пролетарий силен вдвойне — у него одно сердце и четыре руки. 24 марта федерал обратился с такими благородными словами к буржуазным батальонам первого округа, заставив их опустить оружие: "Поверьте мне, вам не выстоять; все ваши жены в слезах, а наши не плачут".

Она не сдерживает своего мужа.^[125] Напротив, она призывает его к битве, несет ему белье и суп, как раньше делала в его мастерской. Многие не захотели возвращаться, но взялись за оружие. На плато Шатийон они последними выдержали огонь. *Кантиньерки*, одетые просто как работницы, а не в маскарадные костюмы, сокращались десятками. 3 апреля в Медоне

гражданка Лашез, *кантиньер* 66-го батальона, целый день оставалась на поле боя, ухаживая за ранеными, одна, без врача.

Если они вернутся, то только для того, чтобы призвать к оружию. Сформировав центральный комитет в мэрии десятого округа, они выпустили пламенные воззвания: "Мы должны победить или умереть. Вы, которые говорите: "Какое значение имеет триумф нашего дела, если я должен потерять тех, кого люблю?" - знаете, что единственное средство спасти тех, кто вам дорог, - это броситься в борьбу". Их комитеты множились. Они предлагали себя Коммуне, требуя оружия, опасных постов и жалуюсь на трусов, которые уклонились от своего долга.^[126] Мадам Андре Лео своим красноречивым пером объяснила значение Коммуны, вызвала делегата Военного министерства, чтобы тот воспользовался "священной лихорадкой, которая горит в сердцах женщин". Молодая русская дама благородного происхождения, образованная, красивая, богатая, по фамилии Демитриефф, была Героиней де Мерикур этой Революции. Пролетарский характер коммуны был воплощен в Луизе Мишель, учительнице из семнадцатого округа. Нежная и терпеливая с маленькими детьми, которые обожали ее, мать стала львицей на благо народа. Она организовала отряд медсестер скорой помощи, которые ухаживали за ранеными даже под огнем. Там у них не было соперников. Они также отправлялись в больницы, чтобы спасти своих любимых товарищей от суровых монахинь; и глаза умирающих прояснялись при звуке этих нежных голосов, которые говорили им о Республике и надежде.

В этом соревновании преданности дети сражались вместе с мужчинами и женщинами. Победившие версальцы захватили 660 из них, и многие погибли в уличной битве. Тысячи служили во время осады. Они следовали за батальонами в траншеи, в форты, особенно цепляясь за пушки. Некоторыми артиллеристами Порт-Майо были мальчики от тринадцати до четырнадцати лет. Беззащитные, на открытой местности, они совершали подвиги безумного героизма.^[127]

Это парижское пламя распространялось за пределы ограды. Муниципалитеты Со и Сен-Дени объединились в Венсенне, чтобы выразить протест против бомбардировок, отменить муниципальные привилегии и провозгласить Республику. Его жар ощущался даже в провинциях.

Они начали верить, что Париж неприступен, и много смеялись над депешами М. Тьер, говоря 3 апреля: "Этот день решает судьбу восстания"; 4 апреля: "Повстанцы потерпели сегодня решительное поражение"; 7 апреля: "Этот день решающий"; 11 апреля: "В Версале готовятся непреодолимые средства"; 12 апреля: "Мы ожидаем решающего момента". И, несмотря на столь многочисленные решающие успехи и непреодолимые средства, версальская армия все это время была сбита с толку на наших передовых постах. Его единственные решающие победы были одержаны над домами в окрестности и пригородах.

Окрестности Порт-Майо, авеню Великой армии и Терн постоянно освещались пожарами. Аньер и Леваллуа превратились в руины, жители Нейи умирали с голоду в своих подвалах. Версальцы бросали только по этим пунктам 1500 снарядов в день; и все же М. Тьер писал своим префектам: "Если раздастся несколько пушечных выстрелов, это действие не правительства, а нескольких повстанцев, пытающихся заставить нас поверить, что они сражаются, в то время как они едва осмеливаются показаться".

Коммуна помогала пострадавшим от бомбардировок жителям Парижа, но ничего не могла сделать для жителей Нейи, оказавшихся между двух огней. Крик жалости вырвался из всей прессы. Все газеты требовали перемирия для эвакуации Нейи; в дело вмешались масоны и *Лига прав Парижа*. С большим трудом, поскольку генералы не хотели перемирия, делегаты добились приостановки вооружения на восемь часов. Совет назначил пятерых своих членов для приема пострадавших от бомбардировок людей; муниципалитеты подготовили им убежище, и некоторые женские комитеты покинули Париж, чтобы помочь им.

25-го, в девять часов утра, пушки от Порт-Майо до Аньера замолчали. Тысячи парижан пришли посмотреть на руины авеню и Порт-Майо, на ступку из земли, гранита и осколков снарядов; стояли неподвижно, глубоко взволнованные, перед артиллеристами, опирающимися на свои знаменитые орудия, а затем разошлись по всему Нейи. Маленький городок, когда-то такой кокетливый, демонстрировал в ярких лучах солнца свои разрушенные дома. На согласованных границах стояли два барьера, один из линейных солдат, другой из федералов, отделенные друг от друга интервалом примерно в двадцать ярдов. На версальцев, отобранных из числа их самых надежных войск, офицеры смотрели с прищуром. Парижане, славные ребята, подошли к солдатам, заговорили с ними. Офицеры тут же подбежали, яростно крича. Когда солдат вежливо ответил двум дамам, офицер набросился на него, вырвал у него мушкет и, направив штык на парижанок, крикнул: "Вот как с ними разговаривают". Несколько человек, пересекших обозначенную границу, были взяты в плен. По-прежнему пробило пять часов, но никакой резни не произошло. Проспект опустел. Каждый парижанин, возвращаясь домой, нес свой мешок земли к укреплениям Порт-Майо, которые восстанавливались как по волшебству.

Вечером версальцы снова открыли огонь. Огонь по фортам юга не прекращался. В тот же день неприятель снял маскировку с этой стороны батарей, которые он сооружал в течение двух недель, — первая часть плана генерала Тьера.

6-го числа он передал все войска под командование этого Мак-Магона, на котором все еще были пятна Седана. Армия в это время насчитывала 46 000 человек, по большей части остатки складов, неспособных к каким-либо серьезным действиям. Чтобы укрепить его и пополнить солдат, мсье Тьер отправил Жюля Фавра с жалобным нытьем к Бисмарку. Пруссак освободили 60 000 пленных на более суровых условиях мира и уполномочили своего сплетника Тьера увеличить до 130 000 человек численность солдат вокруг Парижа, которая, согласно предварительным условиям мира, не должна была превышать 40 000 человек. 25 апреля версальская армия состояла из пяти корпусов, два из которых, Дуэ и Клиншан, состояли из освобожденных военнопленных из Германии и резерва под командованием Виноя, всего 110 000 человек. Оно увеличилось до 170 000 человек, получавших пайки, из которых 130 000 были комбатантами. М. Тьер проявил реальные способности, натравив его на Париж. Солдат хорошо кормили, хорошо одевали, за ними строго наблюдали; дисциплина была восстановлена. Происходили таинственные исчезновения офицеров, виновных в том, что они выразили свой ужас перед этой братоубийственной войной. Тем не менее, это была еще не готовая к наступлению армия, солдаты всегда убегали перед упорным сопротивлением. Несмотря на официальное хвастовство, генералы рассчитывали только на артиллерию, которой они были обязаны успехами при Курбеуа и Аньере. Париж должен был быть охвачен только огнем.

Как и во время первой осады, Париж был буквально окружен штыками, но на этот раз наполовину иностранными, наполовину французскими. Немецкая армия, образующая полукруг

от Марны до Сен-Дени, занимающая форты востока и севера; версальская армия, замыкающая круг от Сен-Дени до Вильнев-Сен-Жоржа, единственная хозяйка Мон-Валерьяна. Последние могли тогда атаковать коммуну только с запада и юга. В то время у федералов было пять фортов Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси для самообороны, с окопами и передовыми постами, которые соединяли их друг с другом, а также главные деревни - Нейи, Аньер и Сент-Уан.

Уязвимая точка окружения, обращенная к Версальцам, находилась на юго-западе, на выступе Пойнт-дю-Жур, защищаемом фортом Исси. Достаточно прикрытый справа парком, замком Исси и траншеей, соединяющей его с Сеной, под командованием наших канонерских лодок, этот форт был перекрыт спереди, а слева высотами Бельвю, Медон и Шатийон. Г-н Тьер вооружил их осадными орудиями, которые он прислал из Тулона, Шербура, Дуэ, Лиона и Безансона — 293 орудия — и их эффект был таков, что с первых дней форт Исси был поколеблен. Генерал Сисси, которому было поручено командование этими операциями, немедленно приступил к маневрированию.

Сокрушить форт Исси и форт Ванв, который его поддерживал, затем форсировать Пойнт-дю-Жур, откуда войска могли бы двинуться на Париж, - таков был план г-на Тьера. Единственной целью операций от Сент-Уана до Нейи было предотвратить наше наступление со стороны Курбевау.

Каким силам и какому плану противостояла Коммуна?

В отчетах говорилось о 96 000 человеках и 4000 офицерах действующей Национальной гвардии; в резерве - 100 000 человек и 3500 офицеров.^[128] Тридцать шесть свободных корпусов утверждали, что насчитывают 3450 человек. При всех сделанных выводах можно было бы получить 60 000 комбатантов, если бы они знали, как к этому приступить. Но слабость Совета, сложность надзора и репрессий позволили менее храбрым и тем, кто не нуждался в оплате, уклоняться от всякого контроля. Многие ухитрились ограничить свои услуги внутренними районами Парижа. Таким образом, из-за отсутствия порядка действительные силы оставались очень слабыми, и линию от Сент-Уана до Иври никогда не удерживали более 15 000 или 16 000 федералов.

Кавалерия существовала только на бумаге. Имелось всего 500 лошадей, чтобы тащить пушки или повозки и сажать на них офицеров и эстафет. Инженерный отдел оставался в зачаточном состоянии, несмотря на лучшие указы. Из 1200 пушек, которыми располагал Париж, было использовано только 200. Артиллеристов никогда не было больше 500, в то время как в отчетах говорилось о 2500.

Домбровский занял мосты Аньер, Леваллуа и Нейи, имея не более 4000 или 5000 человек.^[129] Для защиты своих позиций у него было в Клиши и Аньере около тридцати орудий и два бронированных железнодорожных вагона, которые с 15 апреля по 22 мая, даже после вступления версальцев, не прекращали движение вдоль линий; в Леваллуа - дюжина орудий. Крепостные валы севера помогли ему, и доблестный Порт-Майо прикрывал его при Нейи.

На левом берегу, от Исси до Иври, в фортах, деревнях и траншеях, находилось от 10 000 до 11 000 федералов. В форте Исси находилось в среднем 600 человек и 50 орудий калибра 7 и 12 сантиметров, из которых две трети были бездействующими. Бастионы 72 и 73 немного успокоили его, чему способствовали четыре бронированных локомотива, установленных на виадуке Пойнт-дю-Жур. Внизу канонерские лодки, перевооруженные, обстреляли Бретей, Севр,

Бримборион, даже осмелившись продвинуться до Шатийона, и, не защищенные, обстреляли Медон. Несколько сотен тирайеров заняли парк и замок Исси, Мулино, Ле Валь и траншеи, которые соединяли форт Исси с фортом Ванв. Этот последний, незащищенный, как Исси, доблестно поддерживал свои усилия гарнизоном в 500 человек и примерно 20 пушками. Бастионы окружения поддерживали его очень слабо.

Форт Монруж, насчитывавший 350 человек и 10-15 орудий, должен был поддерживать только форт Ванв. Отряд Бисетра, состоявший из 500 человек и 20 орудий, должен был вести огонь по объектам, скрытым от его взгляда. Его защищали три значительных редута — Верхний Брюйер с 500 людьми и 20 орудиями; Мулен Саке с 700 людьми и около 14 орудиями; и Вильжюиф с 300 людьми и несколькими гаубицами. В крайнем левом углу располагался форт Иври и его подворья, в которых насчитывалось 500 человек и около 400 орудий. Промежуточные деревни, Жантийи, Кашан и Аркей, были оккупированы от 2000 до 2500 федералами.

Номинальное командование южными фортами, сначала доверенное Эду, которому помогала бывшая офицерша Гарибальди Ла Сесилия, 20-го перешло в руки эльзасца Ветцеля, офицера армии Луары. Из своего штаба в Исси он должен был руководить траншеями Исси и Ванвеса и обороной фортов. На самом деле их командиры, которые часто менялись, поступали так, как им заблагорассудится.

Командование от Исси до Аркейля было к середине апреля поручено генералу Вроблевскому, одному из лучших офицеров польского восстания, молодому, сведущему в военной науке, храброму, методичному и проницательному, привлекающему к ответственности всех и вся; отличный начальник для молодых войск.^[130]

Все эти генералы получали только один приказ: "Защищайтесь". Что касается общего плана, то его никогда не было. Ни Кюзере, ни Россель не собирались на военные советы.

Люди также были предоставлены самим себе, о них никто не заботился и их никто не контролировал. Едва ли когда-либо происходила замена войск под огнем, если таковая вообще имела место. Вся нагрузка легла на одних и тех же людей. Некоторые батальоны оставались в окопах по двадцать-тридцать дней, в то время как другие постоянно находились в резерве. Если некоторые люди настолько привыкали к огню, что отказывались возвращаться домой, другие впадали в уныние, приходили показать свою одежду, покрытую паразитами, и просили отдыха. Генералы были вынуждены оставить их у себя, поскольку некого было поставить на их места.

Эта беспечность вскоре разрушила всю дисциплину. Храбрецы хотели полагаться только на себя, а остальные уклонялись от службы. Офицеры сделали то же самое, некоторые оставили свои посты, чтобы помочь вести бой в соседнем месте, другие вернулись в город. Военный трибунал вынес нескольким из них очень суровые приговоры. Совет отменил приговоры и заменил один приговор к смертной казни тремя годами тюремного заключения.

Поскольку они отказались от строгости, от обычной военной дисциплины, им следовало бы изменить свой метод и тактику. Но теперь Совет был еще менее способен проявить собственную волю, чем в первый день. Он всегда сетовал на то, что дела зашли в тупик, но не знал, как их сдвинуть с мертвой точки. 26-го военная комиссия, заявив, что декреты и распоряжения остаются мертвой буквой, поручила муниципалитетам, Центральному комитету и главам легионов провести реорганизацию Национальной гвардии. Ни один из этих механизмов не функционировал методично; Совет даже не думал организовывать Париж по

секциям; Центральный комитет был заинтригован; *руководители легионов* были взволнованы; некоторые члены Совета и генералы мечтали о военной диктатуре. В разгар этой роковой борьбы Совет на нескольких заседаниях обсуждал, следует ли безвозмездно возвращать ломбардные билеты их владельцам в размере двадцати или тридцати франков и следует ли *Officiel* продавать за пять сантимов.

К концу апреля ни один проницательный наблюдатель не мог не заметить, что оборона стала безнадежной. В Париже активные и преданные своему делу люди истощали свои силы в изнурительной борьбе с бюро, комитетами, подкомитетами и тысячью претенциозных соперничающих администраций, часто теряя целый день на то, чтобы завладеть одной-единственной пушкой. На крепостных валах несколько артиллеристов изрешетили версальскую линию и, не прося ничего, кроме хлеба и железа, стояли насмерть, пока их не разорвало снарядами. Форты с пробитыми казематами и разрушенными амбразурами яростно отвечали на огонь с высот. Храбрые стрелки, ничем не защищенные, застали солдат врасплох в их укрытиях. Вся эта преданность и ослепительный героизм были потрачены впустую, подобно пару из двигателя, выходящему через сотни выпусков.

СНОСКИ:

[124] Приложение IV.

[125] И какая возвышенная вера в их наивность! Мы слышали, как в омнибусе две женщины возвращались из окопов. Одна плакала; другая сказала ей: "Не расстраивайся, наши мужья вернутся. И тогда Коммуна пообещала позаботиться о нас и наших детях. Но нет! невозможно, чтобы они погибли, защищая столь благое дело. Кроме того, я предпочла бы, чтобы мой муж умер, чем попал в руки версальцев.

[126] "Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что в бой вступают только те, кто готов добровольно. Это не донос, гражданин делегат; я далек от подобной мысли; но я боюсь, как бы слабость членов Коммуны не привела к срыву наших великих проектов на будущее ". Это героическое письмо взято из книги "*Фонд общества нашей коммуны*", в которой содержатся документы, найденные армией в различных мэриях и администрациях. Произведение в целом представляет собой одиозную карикатуру, самой нелепой чертой которой, безусловно, является сам автор, некий Джозеф Прюдомм, в образе ищайки.

[127] Приложение V.

[128] Цифры очень приблизительные. Возвращение *Официального* документа от 6 мая является очень неполным. В целом, эти заявления были ошибочными, вымышленными, особенно после прихода к власти Мейера.

[129] Цифры, которые я привожу, были тщательно проверены *de visu*, сначала во время борьбы, а затем генералами, вышестоящими офицерами и функционерами Военного министерства. Генерал Апперт составил просто фантастические отчеты. Он создавал воображаемые бригады, добивался эффективной отдачи, считая регулярными комбатантами всех мужчин, которых в любой момент могли отчислить на действительную службу, и постоянно дублировал статьи своих счетов. Таким образом, он ухитрился выделить более 20 000 человек Домбровскому и целых 50 000 трем командирам — довольно смехотворные цифры. Его отчет изобилует

ошибками относительно имен и функций; он даже не знает имен некоторых главнокомандующих. Он не представляет никакой исторической ценности.

[130] Член Совета обнаружил его и представил в Военном министерстве, где он объяснил свои идеи: "Но, - заметили ему, - это слово в слово то, что Феликс Пайат не перестает говорить нам". "Несколько дней назад, - ответил Вроблевский, - я отправил Феликсу Пайату меморандум". Россель пошел в бюро Пайата и там нашел меморандум. В течение нескольких дней этот мошенник извлекал выгоду из идей Вроблевского без малейшего намека на их автора и поражал Комиссию своим здравым смыслом и техническими знаниями.

ГЛАВА XVIII.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ—ФИНАНСЫ—ВОЙНА—ПОЛИЦИЯ—ВНЕШНЯЯ—ПРАВОСУДИЕ —
ОБРАЗОВАНИЕ—ТРУД И БИРЖА.

Недостаточность и слабость Исполнительной комиссии стали настолько шокирующими, что 20-го числа Совет решил заменить ее делегатами от девяти комиссий, между которыми он распределил свои различные функции. Эти комиссии были возобновлены в тот же день. В целом ими довольно пренебрегали; и как мог один человек присутствовать на ежедневных заседаниях Ратуши, на своей комиссии и своей мэрии? Ибо Совет поручил своим членам управление их соответствующими округами; и реальная работа нескольких комиссий ложилась бременем на делегатов, которые руководили ими с самого начала, и по большей части 20 апреля их не сменили. Они продолжали действовать, как и прежде, практически в одиночку. Прежде чем продолжить наше повествование, мы более внимательно рассмотрим их действия.

От двух делегаций требовалась только добрая воля - от департамента продовольствия и государственных или муниципальных служб. Снабжение города продовольствием осуществлялось через нейтральную зону, где М. Тьер, как бы ни стремился заморить Париж голодом,[131] не смог воспрепятствовать регулярным поставкам продовольствия. Поскольку все

бригадиры остались на своих постах, муниципальные службы не пострадали. Четыре направления — Финансы, Война, Общественная безопасность, Экстерьер - требовали особых способностей. Три другие - Образование, Справедливость, Труд и Обмен - должны были выдвинуть философские принципы этой революции. Вседелегаты, кроме рабочего Франкеля, принадлежали к небольшому среднему классу.

Финансовым ведомством руководил Журд, который своей неистощимой болтливостью затмил слишком скромного Варлена. Поставленная задача состояла в том, чтобы каждое утро добывать 675 000 франков для оплаты услуг, прокормить 250 000 человек и найти средства для ведения войны. Помимо 4 658 000 франков в сундуках Казначейства, в Финансовом управлении было обнаружено акций на 214 миллионов и другого имущества; но Журд не мог или не хотел торговать ими, и, чтобы пополнить свою казну, ему пришлось распоряжаться доходами всех администраций — телеграфа и почты, октруа, прямыми взносами, таможнями, рынками, табаком, регистрацией и марками, муниципальными фондами и железнодорожными сборами. Банк мало-помалу выплатил 9 400 000 франков, причитавшихся городу, и даже расстался с 7 290 000 франками на своем собственном счете. С 20 марта по 30 апреля таким образом было собрано двадцать шесть миллионов. За тот же период только Военное министерство поглотило более двадцати. Интендантство получило 1 813 000 франков, все муниципалитеты вместе - 1 446 000, Внутренние дела - 103 000, морская пехота - 29 000, правосудие - 5500, торговля - 50 000, Образование - только *тысячу*, Внешняя торговля - 112 000, Пожарные - 100 000, Национальная библиотека - 80 000, Комиссия по баррикадам - 44 500, Национальное посольство - 100 000, Ассоциация портных и сапожников - 24 882. Эти пропорции оставались почти неизменными с 1 мая до падения коммуны. Расходы второго периода выросли примерно до двадцати миллионов. Общая сумма расходов Коммуны составила около 46 300 000 франков, из которых 16 696 000 были предоставлены банком, а остальные - различными службами, что дало октрои почти двенадцать миллионов.

Большинство этих Служб находились под руководством рабочих или бывших подчиненных служащих, и все они выполнялись с использованием четвертой части их обычной численности. Директор почтового департамента Тайс, любитель погромов, обнаружил, что Служба совершенно дезорганизована, отделения закрыты, марки спрятаны или унесены, материалы, печати, тележки и т. Д. увезены, А сундуки пусты. В зале были вывешены плакаты, и суды обязали сотрудников проследовать в Версаль под страхом увольнения, но Тайс действовал быстро и энергично. Когда подчиненные сотрудники, которых не предупредили заранее, пришли, как обычно, чтобы организовать почтовую службу, он обратился к ним, поговорил с ними и приказал закрыть двери. Мало-помалу они уступили. Некоторые функционеры, которые были социалистами, также оказали свою помощь, и руководство различными службами было поручено главным клеркам. Были открыты отделенческие бюро, и в течение сорока восьми часов сбор и рассылка писем в Париж были реорганизованы. Что касается писем, предназначенных для провинции, то ловкие агенты подбрасывали их в конторы Сен-Дени и на десять миль в округе, в то время как для доставки писем в Париж были предоставлены все возможности частной инициативе. Был учрежден высший совет, который повысил заработную плату почтальонам, сортировщикам, носильщикам, смотрителям бюро, сократил время службы в качестве нештатных сотрудников и постановил, что способности служащих следует проверять в будущем с помощью тестов и экзаменов.[\[132\]](#)

Монетный двор под руководством Камелина, бронзовщика, одного из самых активных членов Интернационала, изготовил почтовые марки. На Монетном дворе, как и на главном почтовом управлении, версальский директор и главные служащие сначала провели переговоры, а затем ушли. Камелина, поддержанная несколькими друзьями, смело заняла это место, работы были продолжены, и каждый внес свой профессиональный опыт, были внедрены усовершенствования в оборудовании, а также новые методы. Банк, спрятавший свои слитки, был вынужден предоставить их на сумму около 110 000 франков, немедленно разменянных на пятифранковые монеты. Была выгравирована новая монетная пластина, и ее собирались пустить в ход, когда версальцы вошли в Париж.

Департамент государственной помощи также зависел от финансового положения. Человек величайших заслуг, Трейяр, старый изгнанник из 1851 года, реорганизовал эту администрацию, которая, по его мнению, полностью вышла из строя. Некоторые врачи и агенты службы покинули больницы; директор и управляющий домами престарелых в Исси бежали, в результате чего многие их пенсионеры были вынуждены просить милостыню. Некоторые служащие заставляли наших раненых ждать у дверей госпиталя, в то время как сестры милосердия пытались заставить их краснеть за свои великолепные раны; но Трейяр вскоре навел порядок, и во второй раз с 1792 года больные и немощные нашли друзей в лице своих опекунов и благословили Коммуну. Этот добросердечный и интеллектуальный человек, который был убит версальским офицером 24 мая в Пантеоне, оставил очень подробный отчет о подавлении благотворительных организаций, которые приковывают бедных к правительству и духовенству. Он предложил заменить их бюро помощи в каждом округе под руководством коммунального комитета.

Телеграф, регистрация и Домены, которыми умело руководил честный Фонтейн; служба пожертвований, полностью восстановленная Файе и Комбо; национальная типография, которую Дебок реорганизовал и управлял с замечательной ловкостью,^[133] и другие ведомства, связанные с финансами, обычно принадлежавшие крупной буржуазии, были уничтожены. рабочие, подчиненные служащие, управляются умело и экономно - максимальная заработная плата в 6000 франков так и не была достигнута ; и это не последнее из их преступлений в глазах версальской буржуазии.

По сравнению с министерством финансов Военное ведомство было областью тьмы и полной неразберихи. Офицеры и охранники наводнили офисы Министерства, некоторые требовали снаряжения и провизии, другие жаловались на то, что их не сменяют. Их отправили обратно на Вандомскую площадь, опираясь на здравый смысл, и руководил ими довольно двусмысленный полковник Генри Прюдомм. Этажом ниже Центральный комитет, созданный Кюзере, суетился, тратил время и силы на бесконечные заседания, придирался к делегатам на войне, забавлялся созданием новых знаков отличия, принимал недовольных из министерства, запрашивал ответы из генерального штаба, утверждал, что дает советы по военным операциям. В свою очередь, Артиллерийский комитет, основанный 18 марта, спорил по поводу утилизации пушки с Военным министерством. У последнего были экспонаты с Марсова поля, а у Комитета - с Монмартра. Попытки создать центральный артиллерийский парк,^[134] или даже узнать точное количество артиллерийских орудий, были тщетны. Орудия большой дальности до последнего момента оставались лежать вдоль крепостных валов, в то время как у фортов были только орудия калибра семь и двенадцать сантиметров, чтобы противостоять огромным пушкам морской пехоты, и часто отправляемые боеприпасы были не соответствующего калибра.

Комиссариат, подвергшийся нападению авантюристов всех мастей, забирал их припасы как попало. Возведение баррикад, которые должны были образовать вторую и третью окружность, начатую 9 апреля, было поручено капризному парню, проводившему посевные работы бестолково и вопреки планам своего начальства. Все остальные Службы проводились в том же стиле, без фиксированных принципов, без ограничения их соответствующих областей, колеса машины не работали друг с другом. На этом концерте без дирижера каждый инструменталист играл то, что ему нравилось, путая свою партитуру с партитурой соседа.

Твердая и гибкая рука вскоре восстановила бы гармонию. Центральный комитет, несмотря на свое намерение читать лекции коммуне, которая, по его словам, была "его дочерью, и нельзя допустить, чтобы она сбилась с пути истинного", теперь был всего лишь сборищем болтунов, лишенных всякого авторитета. Она в значительной степени обновилась с момента основания Коммуны, и выборы в нее, вызвавшие много споров - поскольку многие стремились к званию члена — дали большинство взбалмошных, беспечных людей.^[135] В своем нынешнем состоянии этот Комитет черпал всю свою важность из ревности Совета. Артиллерийский комитет, монополизированный скандалистами, немедленно уступил бы малейшему давлению. Комиссариат и другие службы полностью зависели от действий делегата на войне.

Призрачный генерал, растянувшись на своем диване, вынашивал приказы, циркуляры, то меланхолические, то повелевающие, и даже пальцем не пошевелил, чтобы проследить за их исполнением. Если бы кто-нибудь из членов Совета пришел, чтобы разбудить его: "Что ты делаешь? Такое место в опасности, - высокомерно ответил он. - Все мои меры предосторожности приняты; дайте моим комбинациям время завершиться", - и снова перевернул страницу. Однажды он обрушился с критикой на Центральный комитет, который покинул Министерство и отправился дуться на улицу Антрепо; неделю спустя он напал на тот же Комитет, восстановив его в Военном министерстве. Тщеславный до бесстыдства,^[136] он показывал поддельные письма от Тодлебена, в которых предлагались планы обороны, и проводил время, позируя корреспондентам иностранных журналов. С наигранной гордостью он никогда не надевал униформу, которая, однако, в то время была истинной одеждой пролетария. Совету потребовался почти месяц, чтобы признать, что этот бездушный хвастун был всего лишь разочарованным офицером постоянной армии, несмотря на его вид новатора.

Многие надежды возлагались на начальника его штаба Росселя, молодого радикала двадцати восьми лет от роду, сдержанного пуританина, который сеял свой революционный дикий овес. Будучи капитаном инженерных войск в армии Меца, он пытался оказать сопротивление Базену и бежал от пруссаков. Гамбетта назначил его полковником инженерных войск в лагере Невер, где он все еще находился 18 марта. Он был ослеплен; увидел в Париже будущее Франции и свое собственное; отказался от чина и поспешил туда, где друзья определили его в 17-й легион. Он был высокомерен, вскоре стал непопулярен и был арестован 3 апреля. Два члена Совета, Мэлон и Ч. Жерарден освободили его и представили Кюзере, который принял его в качестве начальника генерального штаба. Россель, воображавший, что Центральный комитет - это сила, примиряющаяся с ним, казалось, обращался к нему за советом и искал людей, которых считал популярными. Его холодность, технический словарный запас, четкость речи, манера держаться как у великого человека очаровывали сотрудников бюро, но те, кто присматривался к нему повнимательнее, замечали его неуверенный взгляд - безошибочный признак смятения духа. Постепенно молодой офицер-революционер вошел в моду, и его консульская выправка не вызвала неудовольствия публики, которой претила дряблость Кюзере.

Однако ничто не оправдывало это увлечение. Начальник генерального штаба с 5 апреля, он позволил всем Службам действовать самостоятельно; единственным, в какой-то мере организованным, *Контролем общей информации* занимался Моро, который каждое утро снабжал Военное министерство и Коммуну подробными и часто очень живописными отчетами о военных операциях и моральном состоянии Парижа.

Это была практически вся полиция, которая была в Коммуне. Комиссия общественной безопасности, которая должна была пролить свет на самые потаенные уголки, излучала лишь прерывистое мерцание.

Центральный комитет назначил Рауля Риго, двадцатичетырехлетнего молодого человека, много участвовавшего в революционном движении, гражданским делегатом префектуры полиции, но под строгим руководством Дюваля. Из Риго, хорошо державшего себя в руках, мог бы получиться очень хороший младший офицер, и пока Дюваль был жив, он не ошибался. Непростительная ошибка Совета заключалась в том, что он был поставлен во главе службы, где малейшая ошибка была более опасной, чем на передовых постах. Его друзья, которые, за исключением небольшого числа Ферре, Реньяра и двух-трех других, были такими же молодыми и легкомысленными, как и он сам, по-мальчишески выполняли самые деликатные обязанности. Комиссия общественной безопасности, которая должна была руководить Риго, лишь последовала его примеру. Там, прежде всего, они жили как добрые товарищи, очевидно, не подозревая о том, что взяли на себя опеку и ответственность за 100 000 жизней.

Неудивительно, что вскоре мыши были замечены играющими возле префектуры полиции. Газеты, изъятые утром, вечером громко кричали на улицах; заговорщики проникали на все службы, не вызывая подозрений ни у Риго, ни у его товарищей. Они никогда ничего не обнаруживали; это всегда было необходимо делать за них. Они производили аресты, похожие на военные марши, днем, с большим подкреплением в виде национальной гвардии. После указа о заложниках им удалось схватить только четырех или пять священнослужителей Марка, галликанского архиепископа Дарбоя, отъявленного бонапартиста; его главного викария Лагарда; викария Мадлен; Дегерри, что-то вроде Де Морни в сутане; аббата Аллара, епископа Сурат-ского; и нескольких нервных иезуитов. Только случай передал в их руки председателя Апелляционного суда Бонжана,^[137] и Джекера, знаменитого изобретателя экспедиции в Мексику.^[138]

Эта преступная беспечность, за которую люди заплатили своей кровью, была спасением преступников. Какие-то национальные гвардейцы раскрыли тайны монастыря Пикпюс, обнаружили трех несчастных женщин, запертых в зарешеченных клетках, странные инструменты,^[139] железные корсеты, ремни, стойки, странно напоминающие инквизицию, трактат об абортах и два черепа, все еще покрытых волосами. Одна из заключенных, единственная, чей рассудок не дрогнул, сказала, что она провела в этой клетке десять лет. Полиция удовлетворилась отправкой монахинь в Сен-Лазар.^[140] Некоторые жители десятого округа обнаружили женские скелеты в пещерах церкви Сен-Лоран. Префектура лишь провела показное расследование, которое закончилось ничем.

Однако среди всех этих недостатков проявилась гуманитарная идея, настолько здоровой была эта народная революция. Начальник Бюро общественной безопасности, обращаясь к общественности с призывом почтить память жертв войны, сказал: "Коммуна послала хлеб девяноста двум женам тех, кто убивает нас. Вдовы не принадлежат ни к одной партии. У

Республики есть хлеб для всех несчастных и забота обо всех сиротах ". Это замечательные слова, достойные Шалье и Шометта. Префектура, заваленная доносами, заявила, что не будет принимать во внимание анонимные сообщения. "Человек, - сказал чиновник, - который не осмеливается подписать донос, служит личной злобе, а не общественным интересам". Заложникам разрешалось получать извне еду, белье, книги, бумаги, навещать их друзей и принимать корреспондентов иностранных журналов. Было даже сделано предложение М. Тьер обменять величайших заложников марки, архиепископа Дегерри, Бонжана и Лагард, на единственного Бланки. Для ведения этих переговоров в Версаль был отправлен генеральный викарий, поклявшийся архиепископу и делегату вернуться в свою тюрьму в случае неудачи. Но М. Тьер думал, что Бланки возглавит движение, в то время как ультрамонтаны, страстно желавшие занять епископскую кафедру в Париже, позаботились о том, чтобы не спасать галликанца Дарбоя, чья смерть принесла бы им двойную выгоду, оставив им богатое наследство и сделав их за небольшие деньги мучениками. М. Тьер отказался, и Лагард осталась в Версале.^[141] Собор не наказал архиепископа за это неверие и через несколько дней отпустил его сестру на свободу. Никогда, даже в дни отчаяния, о привилегии женщин не забывали. Провинившиеся монахини Пикпюса и другие религиозные деятели, доставленные в Сен-Лазар, были заключены в особую часть здания.

Префектура и управление юстиции также проявили гуманность, улучшив обслуживание тюрем. Совет, в свою очередь, стремясь гарантировать свободу личности, постановил, что о каждом аресте следует немедленно уведомлять представителя правосудия и что никакое расследование не должно производиться без обычного ордера. Дезинформированные национальные гвардейцы арестовали определенных лиц, считавшихся подозрительными, и Совет объявил в *Официальном* заявлении, что за каждым произвольным действием последует увольнение и немедленное судебное преследование. Батальон, искавший оружие у газовой компании, счел себя уполномоченным захватить кассу; Совет немедленно вернул сумму. Комиссар полиции, арестовавший Гюстава Шоди, обвиняемого в том, что он приказал открыть огонь 22 января, также конфисковал деньги заключенного; Совет уволил комиссара. Чтобы предотвратить любое злоупотребление властью, он распорядился провести расследование состояния заключенных и мотивов их содержания под стражей, разрешив в то же время всем своим членам посещать заключенных. Вслед за этим Риге подал в отставку, которая была принята, поскольку он начинал всем надоедать, и Делеклюз был вынужден сделать ему выговор. Его шалости заполняли колонки версальских журналов, которые всегда были в поиске скандалов. Они обвинили эту ребяческую полицию в терроризме Парижа и представили членов Совета, которые отказались поддержать приговор военного трибунала, как убийц. Историки-фигуристы поддерживали эту легенду. Эта подлая буржуазия, которая склонилась перед 30 000 арестами в декабре, *официальная* литература Империи, и аплодировала 50 000 арестам в мае, все еще воет по поводу 800 или 900 арестов, произведенных при Коммуне. Они никогда не превышали эту цифру за два месяца борьбы, и две трети арестованных провели в заключении всего несколько дней, многие - всего несколько часов. Но провинции, подпитываемые только новостями версальской прессы, верили в ее измышления, усиленные циркулярами М. Тьер телеграфирует префектам: "Повстанцы опустошают главные дома Парижа, чтобы выставить мебель на продажу".

Просвещать провинции и провоцировать их вмешательство - такова была роль Внешней делегации, которая под неудачно выбранным названием была лишь второй по важности после Военной. С 4 апреля — (я позже расскажу об этих передвижениях) — департаменты пришли в

движение. За исключением Марселя, частично разоруженного, Национальная гвардия повсюду была вооружена. В центре, на востоке, западе и юге легко могли быть предприняты мощные диверсии, захвачены станции и, таким образом, задержаны подкрепления и артиллерия, предназначенные для Версаля.

Делегация удовлетворилась отправкой нескольких эмиссаров, не зная местности, в которую они были направлены, без такта и полномочий. Им даже пользовались предатели, которые прикарманивали его деньги и передавали его инструкции в Версаль. Известные республиканцы, знакомые с обычаями провинции, тщетно предлагали свои услуги. Здесь, как и везде, необходимо было быть фаворитом. Наконец, на работу по просвещению и поднятию Франции на восстание была выделена только сумма в 100 000 франков.

Делегация представила лишь небольшое количество манифестов, один из которых представлял собой правдивое и красноречивое резюме парижской революции, и два обращения к крестьянам, одно от мадам Андре Лео, простое, пылкое, вполне доступное крестьянству: "Брат, тебя обманывают. Наши интересы совпадают. Ты желаешь того же, о чем я прошу. Права, которых я требую, принадлежат тебе.... Чего, в конце концов, хочет Париж, так это земли для крестьян, инструмента для рабочих". Это хорошее семя уносилось в бесплатных воздушных шариках, которые с помощью хитроумно сконструированного механизма время от времени сбрасывали отпечатанные бумажки. Сколько погибло, пало среди шипов!

Эта делегация, созданная только для внешнего вида, полностью забыла об остальном мире. По всей Европе рабочие классы с нетерпением ждали новостей из Парижа, были в своих сердцах единомышленниками великого города, ставшего теперь их столицей, множили свои собрания, шествия и обращения. Их газеты, по большей части бедные, мужественно боролись против клеветы буржуазной прессы. Долг делегации состоял в том, чтобы протянуть руку помощи этим бесценным вспомогательным средствам: это ничего не дало. Некоторые из этих газет исчерпали свои последние средства в защиту Коммуны, что позволило ее защитникам погибнуть из-за нехватки хлеба.

Делегация, не имевшая опыта и ресурсов, не могла противостоять проницательному уму М. Тьера. Оно проявило большое рвение в защите иностранцев и отправило на Монетный двор богатую серебряную посуду Министерства, но реальной работы почти не выполнило.

Теперь мы переходим к делегациям, имеющим жизненно важное значение. Поскольку волею обстоятельств Коммуна стала поборницей Революции, она должна была провозгласить чаяния века и, если ей суждено умереть, оставить по крайней мере завещание на своей могиле. Достаточно было бы ясно изложить совокупность институтов, которых революционная партия требовала в течение сорока лет.

Представителю юстиции, юристу, оставалось только кратко изложить реформы, которых давно требовали все социалисты. Частью пролетарской революции было показать аристократии нашей судебной системы деспотические и устаревшие доктрины Кодекса Наполеона; суверенный народ почти никогда не судит себя, но судит касту, вышедшую из другой власти, отличной от его собственной, абсурдную иерархию судей и трибуналов, *табеллионатов*, прокуроров, 400 000 нотариусов, солиситоров, офицеров шерифа, регистраторов, судебных приставов, адвокатов и законоведов, истощающих национальное богатство на многие сотни миллионов. Прежде всего, революция, совершенная во имя Коммуны, должна была наделить

коммуны трибуналом, в котором люди, восстановленные в своих правах, должны были судить присяжными все дела, гражданские и коммерческие, о проступках, а также преступлениях; окончательным трибуналом, без каких-либо апелляций, за исключением неофициальных, чтобы указать, как солиситоры, регистраторы, шерифы могут оказаться бесполезными, а нотариусы заменены простыми регистраторами. Делегат в основном ограничивался назначением нотариусов, офицеров шерифа и судебных приставов, получавших фиксированное жалование, — очень бесполезных назначений во время войны, и вина которых, к тому же, заключалась в том, что они подчеркивали принцип необходимости таких офицеров. Вряд ли из этого вышло что-то прогрессивное. Было постановлено, что в случае арестов в протоколах должны быть указаны мотивы и имена свидетелей, которые должны быть вызваны, в то время как бумаги, ценности и пожитки заключенных должны быть переданы в Фонд истцов. Другой указ предписывал директорам приютов для душевнобольных в течение четырех дней прислать именное заявление с объяснениями относительно своих пациентов. Если бы Совет пролил некоторый свет на эти институты, которые скрывают так много преступлений, человечество было бы его должником. Однако эти указы так и не были исполнены.

Восполнил ли практический инстинкт недостаток научных знаний у делегации? Пролил ли он свет на тайны пещер Пикпюс, скелетов Сен-Лорана? Казалось, она не обратила на них внимания, и реакция была веселой по поводу этих предполагаемых открытий. Делегация даже упустила возможность привлечь на сторону Коммуны, хотя бы на один день, всех республиканцев Франции. Джекер был в их власти. Богатый, храбрый, дерзкий, он всегда жил, уверенный в безнаказанности, поскольку буржуазная законность не предусматривает наказания за преступления, подобные мексиканской экспедиции. Только революция могла поразить его. Не было ничего проще, чем выступить против него. Джекер, притворявшийся одураченным Империей, жаждал разоблачений. В публичном суде, перед двенадцатью присяжными, wybranymi наугад, перед лицом всего мира, с его помощью можно было бы разоблачить мексиканскую экспедицию, раскрыть интриги духовенства, вывернуть карманы воров; можно было бы показать, как императрица, Мирамон и Морни привели заговор в действие, по какой причине и ради каких людей Франция потеряла моря крови и сотни миллионов. Впоследствии искупление могло быть совершено под открытым небом, на площади Согласия, напротив Тюильри. Поэты, которых редко расстреливают, возможно, вздохнули бы, но народ, вечная жертва, заплодировал бы и сказал: "Только революция вершит правосудие". Они даже не стали расспрашивать Джекера.

Делегации департамента образования суждено было вписать одну из лучших страниц в историю Коммуны, поскольку после многих лет изучения и экспериментов этот вопрос должен был возникнуть в готовом виде в поистине революционном мозгу. Делегация не оставила ни воспоминаний, ни набросков, ни адреса, ни строчки, чтобы засвидетельствовать это в будущем. Тем не менее, делегат был врачом, студентом немецких университетов. Он удовлетворился тем, что убрал распятия в школьных классах и обратился с призывом ко всем тем, кто изучал вопрос преподавания. Комиссии было поручено организовать начальное и профессиональное обучение, работа которой заключалась в объявлении об открытии школы 6 мая. Еще одна комиссия по образованию женщин была назначена в тот день, когда версальцы вошли в Париж.

Административные действия делегата ограничивались невыполнимыми указами и несколькими назначениями. Двум преданным и талантливым людям, Эли Реклюсу и Б. Гастино, было

поручено провести реорганизацию Национальной библиотеки. Они запретили давать книги напрокат, положив тем самым конец скандальной практике, с помощью которой немногие привилегированные лица создавали частные библиотеки из государственных коллекций. Федерация художников под председательством Курбе, избранного членом Совета 16 апреля, занялась повторным открытием музеев и надзором за ними.

Ничего не было бы известно об идеях этой революции в области образования, если бы не несколько циркуляров муниципалитетов. Многие вновь открыли школы, покинутые конгрегационистами и муниципальными учителями, или изгнали оставшихся священников. Муниципалитет двадцатого округа одел и накормил детей; муниципалитет четвертого округа заявил: "Научить детей любить и уважать своих ближних, внушить им любовь к справедливости, научить их тому, что они должны воспитывать себя в интересах всех, - таковы принципы морали, на которых в будущем будет основываться общественное образование". "Учителя школ и детских домов, - заявил муниципалитет семнадцатого округа, - в будущем будут использовать исключительно экспериментальный и научный метод, который всегда исходит из фактов, физических, моральных, интеллектуальных". Но эти расплывчатые формулы не могли компенсировать отсутствие законченной программы.

Кто же тогда будет говорить от имени народа? Делегация труда и биржи. Его целью, состоявшей исключительно из социалистов-революционеров, было "изучение всех реформ, которые должны быть проведены в общественных службах Коммуны или в отношениях трудящихся мужчин и женщин со своими работодателями; пересмотр торгового кодекса и таможенных пошлин; преобразование всех прямых и косвенных налогов, создание статистики труда". Он предполагал собрать у самих граждан материалы для постановлений, которые должны были быть представлены в Коммуну.

Делегат этого департамента Лео Франкель заручился поддержкой инициативной комиссии, состоящей из рабочих. Во всех округах были открыты списки заявок на работу. По просьбе многих подмастерьев пекарей была запрещена ночная работа - мера как гигиеническая, так и моральная. Делегация подготовила проект по ликвидации ломбардов, декрет о приостановке выплаты заработной платы и поддержала декрет о мастерских, покинутых их беглыми хозяевами.

Их план предусматривал безвозмездное возвращение заложенных предметов жертвам войны и нуждающимся. Те, кто мог отказаться признать этот последний титул, должны были получить свои обещания в обмен на обещание вернуть долг через пять лет. Отчет заканчивался такими словами: "Хорошо известно, что за подавлением ломбардов должна последовать общественная организация, дающая серьезные гарантии поддержки рабочим, лишившимся работы. Учреждение коммуны требует учреждений, защищающих рабочих от эксплуатации капитала".

Декрет, отменивший задержки заработной платы, положил конец одному из самых вопиющих беззаконий капиталистического режима, эти штрафы часто налагаются под самым надуманным предлогом самим работодателем, который, таким образом, является одновременно судьей и истцом.

Указ, касающийся опустевших мастерских, возвратил массам, лишенным собственности на протяжении веков, собственность, созданную их собственным трудом. Комиссия по расследованию, назначенная Синдикальными палатами, должна была составить статистику и

опись заброшенных мастерских, которые должны были быть возвращены в руки рабочих. Таким образом, "экспроприаторы, в свою очередь, были экспроприированы". Девятнадцатый век не пройдет, не начав эту революцию; каждый технический прогресс приближает ее. Чем больше эксплуатация труда концентрируется в немногих руках, тем больше рабочая масса сплачивается и дисциплинируется. Вскоре сознательному и объединенному производящему классу, подобно молодой Франции 1789 года, придется противостоять лишь горстке привилегированных присваивателей. Самый закоренелый социалист-революционер - монополист.

Несомненно, этот указ содержал пробелы и нуждался в подробном разъяснении, особенно в отношении кооперативных обществ, которым должны были быть переданы мастерские. Он был не более чем другим, применимым в этот час борьбы, и требовал ряда дополнительных декретов; но он, по крайней мере, давал некоторое представление о требованиях рабочего класса, и, не будь в нем ничего другого, простым созданием Комиссии труда и обмена революция 18 марта сделала бы для рабочих больше, чем все буржуазные собрания Франции с 5 мая 1789 года.

Делегация лейбористов хотела внимательно ознакомиться с контрактами комиссариата. Это продемонстрировало, что в случае контрактов, присуждаемых участнику, предложившему наименьшую цену, снижение цен зависит от заработной платы, а не от прибыли подрядчика. "И коммуна достаточно слепа, чтобы поддаваться таким маневрам, - говорилось в отчете, - и в этот самый момент, когда рабочий скорее отваживается на смерть, чем дольше подчиняться этой эксплуатации". Делегат потребовал, чтобы в смете расходов была указана стоимость рабочей силы, чтобы заказы отдавались преимущественно корпорациям рабочих, а контрактные цены устанавливались арбитражным путем между комиссариатом, Синдикальной палатой корпорации и уполномоченным по труду.

Чтобы не обращать внимания на финансовое управление всеми делегациями, Совет в мае учредил вышестоящую комиссию, которой было поручено провести ревизию их счетов. Он постановил, что должностные лица или подрядчики, виновные в присвоении имущества или краже, должны быть наказаны смертной казнью.

Короче говоря, за исключением делегирования труда, там, где они действительно работали, основные делегации не справлялись со своей задачей. Все совершили одну и ту же ошибку. В течение двух месяцев в их руках были архивы буржуазии с 1789 года. Существовала счетная палата (Cour des Comptes), раскрывавшая тайны чиновничьей деятельности; Государственный совет - темные интриги деспотизма; префектура полиции - скандальные низы социальной власти; Министерство юстиции - раболепие и преступления самого деспотичного из всех классов. В Ратуше хранились до сих пор не изученные архивы первой революции 1815, 1830, 1848 годов, и все дипломаты Европы с ужасом ожидали открытия портфелей в Министерстве иностранных дел. Они могли бы раскрыть перед глазами народа сокровенную историю Революции, Директории, первой империи, июльской монархии 1848 года и Наполеона III. Они опубликовали всего две или три брошюры.^[142] Делегаты спали рядом с этими сокровищами, не обращая внимания, как казалось, на их ценность.

Радикалы, видя этих юристов, этих врачей, этих публицистов, которые позволили Жекеру хранить молчание, а Счетную палату закрыть, не поверили бы в такое невежество и по-прежнему делали вид, что разгадывают загадку словом "бонапартизм". Глупое обвинение,

опровергнутое тысячей доказательств. Даже для чести делегатов необходимо сказать горькую правду. Их невежество было не наигранным, а слишком реальным. В значительной степени это было порождением прошлого угнетения.

СНОСКИ:

[131] Приложение VI.

[132] Приложение VII., отчет Theisz.

[133] Приложение VIII.

[134] Здесь было пять парков — Отель-де-Виль, Тюильри, Военная школа, Монмартр, Венсен. Всего, включая артиллерию фортов и артиллерию открытой местности, коммуна располагала более чем 1100 пушками, гаубицами, минометами и митральезами.

[135] Второй Центральный комитет состоял из сорока членов, из которых только двенадцать входили в состав первого комитета.

[136] "Знаете ли вы, - сказал он Делеклюзу, - что Версаль предложил мне миллион?" - Молчи! - ответил Делеклюз, поворачиваясь к нему спиной.

[137] Он был арестован 20 марта в своей личной комнате во Дворце правосудия, где у него была назначена встреча с генеральным прокурором.

[138] Его узнали, когда он попросил свой паспорт в префектуре полиции.

[139] Корреспондент *Times* писал в номере от 9 мая: "Настоятельница и ее монахини объяснили, что это были ортопедические инструменты — поверхностная ложь. Матрас и ремни показались мне легко объяснимыми; я видела, как подобные предметы использовались во французской акушерке и в случаях буйного бреда; но дыба и ее дополнения по праву вызывают серьезные подозрения, поскольку предполагают применение грубой силы, которую не оправдала бы ни одна известная в настоящее время болезнь".

[140] Монахиня, которая занимала пост настоятельницы, крупная и дерзкая мегера, ответила Ригу в непринужденной манере. "Почему вы заставили замолчать этих женщин?" - Чтобы оказать услугу их семьям; они были сумасшедшими. Видите ли, джентльмены, вы молодые люди из хороших семей; вы поймете, что иногда приятно скрыть безумие своих родственников. "Но разве вы не знаете закона?" "Нет, мы подчиняемся нашим начальникам". "Чьи это книги?" "Мы ничего о них не знаем". Таким образом, изображая простоту, они продавали простаков.

[141] Об этих переговорах частично сообщается в *официальном* документе коммуны. Добавим дополнительные подробности. Вскоре после своего ареста архиепископ написал М. Тьеру, умоляя его остановить казнь заключенных, от которой зависели жизни заложников. М. Тьер не ответил. Старый друг Бланки, Флотт, пошел к президенту, чтобы предложить обмен, и сказал, что архиепископу может грозить опасность. Господин Тьер решительно взмахнул рукой: "Какое мне до этого дело?" Флотте снова взялся за переговоры через Дарбоя, который назначил Дегерри посланником в Версаль. Префектура, не желая отдавать такого заложника, заменила Дегерри генеральным викарием Лагардом. Архиепископ снабдил его инструкциями, и 12 апреля

Флотте проводил Лагарда на вокзал и заставил его поклясться вернуться, если он потерпит неудачу в своей миссии. Лагард поклялась: "Даже если меня расстреляют, я вернусь. Можете ли вы поверить, что я могла хоть на мгновение допустить мысль оставить монсеньора здесь одного?" В тот момент, когда поезд собирался тронуться, Флотт снова настоял: "Не уезжай, если у тебя нет намерения возвращаться". Священник снова повторил свою клятву. Он ушел и передал письмо, в котором архиепископ просил об обмене. Г-н Тьер, притворившись, что ничего не знает об этом письме, ответил на первое, которое только что опубликовал коммуналистский журнал. Его ответ - один из его шедевров лицемерия и лжи: "Факты, на которые вы привлекаете мое внимание, абсолютно ложны, и я действительно удивлен, что такой просвещенный прелат, как вы, монсеньор.... Наши солдаты никогда не стреляли в пленных и не пытались добить раненых. Возможно, что в пылу сражения они обратили свое оружие против людей, убивающих их генералов; но по окончании боя они вновь проявляют естественное великодушие, присущее национальному характеру. Поэтому я отвергаю, монсеньор, клевету, о которой вам рассказали. Я подтверждаю, что наши солдаты никогда не расстреливали пленных". 17-го Флот получил письмо, в котором Лагард сообщала ему, что его присутствие в Версале по-прежнему необходимо. Флот пожаловался архиепископу, который не мог поверить в это дезертирство. "Невозможно, - сказал он, - чтобы господин Лагард оставался в Версале; он вернется; он сам поклялся мне в этом", - и он передал Флотту записку для Лагард. Последний ответил, что г-н Тьер нанял его. 23-го Дарбой снова написал ему: "Получив это письмо, месье Лагард должен немедленно вернуться в Париж и снова въехать в Мазас. Эта задержка серьезно компрометирует нас и может привести к самым печальным результатам ". Лагард больше ничего не ответила.

Бланки, доставленный в Форт дю Торо, строго содержался в одиночной камере. Его друзья подумывали о его освобождении, и для его освобождения была подготовлена сумма в 50 000 франков. Но потребовалось бы гораздо больше, и, прежде всего, ловких агентов, ибо малейшая неосторожность стоила бы жизни заключенному. Дело затянулось, и часть средств все еще находилась в казне Комитета общественного спасения при вступлении версальцев.

[142] Жорж Дюшен начал изучать коммерческие операции Правительства национальной обороны, но ничего не опубликовал.

ГЛАВА XIX.

МАСОНЫ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К КОММУНЕ—ПЕРВАЯ ЭВАКУАЦИЯ ФОРТА ИССИ—СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Г-н Тьер был полностью осведомлен о недостатках Коммуны, но он также знал и слабость своей армии. Кроме того, он гордился тем, что разыгрывал солдата перед пруссаками. Чтобы успокоить своих коллег, жаждавших штурма Парижа, он высокомерно принял сторонников примирения, которые умножили свои успехи и неудачные комбинации.

Вмешались все, от доброго и дальновидного консидеранта до циника Жирардена, вплоть до бывшего адъютанта Саассе Шельхера, который заменил свой план сражения 24 марта планом примирения. Эти встречи стали обычными темами для насмешек. С момента своего помпезного заявления "Весь Париж восстанет" *Лига прав Парижа* полностью исчезла из поля зрения. Было прекрасно件нятно, что эти радикалы искали какой-нибудь достойный способ избежать опасности. В конце апреля их фиктивные движения служили лишь фоном, оттеняющим мужественное поведение масонов.

21 апреля масоны, отправившись в Версаль просить о перемирии, подали жалобу на муниципальный закон, недавно принятый Ассамблеей. "Что?" - ответил мсье Тьер. "Но это самый либеральный закон, который был у нас во Франции за восемьдесят лет". "Прошу прощения, а как насчет общественных институтов 1791 года?" "Ах! вы хотите вернуться к безумствам наших отцов? - Но, в конце концов, вы решили пожертвовать Парижем?" "Несколько домов будут изрешечены, несколько человек убиты, но закон будетсоблюден". Масоны вывесили этот отвратительный ответ на плакате в Париже.

26-го они встретились в Шатле, и несколько человек предложили им пойти и водрузить свои знамена на крепостных валах. Г-н Флоке, который, думая о будущем, подал в отставку с поста заместителя вместе с г-ном Дж. Локрой и Клемансо протестовали против такого сотрудничества небольшого среднего класса с народом. Его пронзительный голос потонул в восторженных криках в зале.^[143] По ходатайству Ранвье масоны поднялись в Отель-де-Виль со своим знаменем, где их встретил Совет в Суде Чести. "Если с самого начала, - сказал их представитель Тирифок, - масоны не хотели действовать, то это было потому, что они хотели иметь определенные доказательства того, что Версаль и слышать не хотел о примирении. Сегодня они готовы водрузить свое знамя на крепостном валу. Если хоть одно ядро коснется его, масоны выступят с тем же рвением, что и вы, против общего врага ". Это заявление было встречено громкими аплодисментами. Жюль Вальес от имени Коммуны подал свой красный шарф, которым было обернуто знамя, и делегация Совета сопровождала братьев в масонский храм на улице Кадет.

Они прибыли через три дня, чтобы подтвердить свое слово. Объявление об этом вмешательстве вселило в Париж большую надежду. С раннего утра огромная толпа загроудила подходы к Карусели, месту встречи всех лож; и, несмотря на нескольких реакционных масонов, которые

протестовали с плакатами, к десяти часам в Карусели собралось 10 000 братьев, представляющих пятьдесят пять лож. Шестеро членов Совета провели их к Ратуше посреди толпы и шеренги батальонов. Оркестр, игравший музыку торжественного и ритуального характера, предшествовал процессии; затем шли высшие офицеры, гроссмейстеры, члены Совета и братья с широкой синей, зеленой, белой, красной или черной лентой, в зависимости от их ранга, сгруппированные вокруг шестидесяти пяти знамен, которые никогда прежде не демонстрировались публично. Во главе процессии несли белое знамя Венсенна, на котором красными буквами была выведена братская и революционная надпись: "*Любите друг друга*". Особенно приветствовали ложу женщин.

Знамена и многочисленная делегация были введены в Отель-де-Виль, члены Совета ожидали их приема на балконе лестницы почета. Знамена были закреплены вдоль ступеней. Эти штандарты мира рядом с красным флагом, эта малочисленная буржуазия, берущаяся за руки с пролетариатом под гордым образом Республики, эти крики о братстве ослепляли, оживляли даже самых подавленных. Феликс Пайет разразился рапсодией слов и риторических антитез. Старый Бесли был гораздо красноречивее в нескольких словах, прерываемых настоящими слезами. Брат добивался чести первым водрузить на крепостном валу знамя своей ложи *La Persévérance*, основанной в 1790 году, в эпоху великих федераций. Один из членов Совета вручил красное знамя: "Пусть оно сопровождает ваши знамена; пусть впредь никакая рука не настроит нас друг против друга". И оратор делегации Тирифок, указывающий на венсенское знамя: "Это будет первое, которое будет представлено перед рядами врага. Мы скажем им: "Солдаты метрополии, побратайтесь с нами, придите и обнимите нас". Если мы потерпим неудачу, мы пойдем и присоединимся к боевым отрядам".

Когда делегаты покинули Отель-де-Виль, бесплатный воздушный шар, отмеченный тремя символическими точками, поднялся в воздух, то тут, то там разбрасывая манифест масонов. Огромная процессия, продемонстрировавшая Бастилии и бульварам свои таинственные знамена под неистовые аплодисменты, около двух часов прибыла на перекресток Елисейских полей. Снаряды Мон-Валерьяна вынудили их свернуть на боковые улицы по пути к Триумфальной арке. Туда отправилась делегация всех достопочтенных, чтобы водрузить знаменана самых опасных постах, от ворот Майо до Ворот Бино. Когда на заставе Порт-Майо был поднят белый флаг, версальцы прекратили огонь.

Делегаты масонов и некоторые члены Совета, назначенные их коллегами сопровождать их, двинулись во главе со своим знаменем по аллее Нейи. На мосту Курбевуа, перед версальской баррикадой, они встретили офицера, который провел их к генералу Монтодону, самому масону. Парижане объяснили цель своей манифестации и попросили перемирия. Генерал предложил послать депутацию в Версаль. Были выбраны три делегата, и их товарищи вернулись в город. Вечером от Сент-Уана до Нейи воцарилась тишина, поскольку Домбровский взял на себя обязательство продолжать перемирие. Впервые за двадцать пять дней сон Парижа не был потревожен пушечным залпом.

На следующий день делегаты вернулись. Г-н Тьер едва соизволил принять их, проявил нетерпение, раздражение, решил ничего не разрешать и больше не принимать депутатий. Затем масоны решили отправиться на битву со своими знаками отличия.

Во второй половине дня *Республиканский альянс департаментов* подписал акт присоединения к коммуне. Мильер, который полностью присоединился к движению, не будучи

в состоянии завоевать доверие Отель-де-Виль, приложил все усилия, чтобы объединить провинциалов, проживающих в Париже. Кто не знает, какой вклад внесли провинции кровью и сухожилиями в развитие великого города? Из 35 000 заключенных французского происхождения, фигурирующих в официальных отчетах Версаля, по их собственному заявлению, было только 9000 уроженцев Парижа. Каждая ведомственная группа должна была напрячься, чтобы просветить свою родину, разослать циркуляры, прокламации, делегатов. 30-го все группы собрались во дворе Лувра, чтобы проголосовать за обращение к департаментам, и все около 15 000 человек во главе с Мильером отправились в Отель-де-Виль, "чтобы возобновить свою приверженность патриотической работе Парижской коммуны".

Процессия все еще проходила мимо, когда распространился зловеющий слух: форт Исси эвакуирован.

Под прикрытием своих батарей версальцы, продвигаясь вперед, в ночь с 26-го на 27-е захватили врасплох Мулино, через который можно добраться до парка Исси. На следующий день шестьдесят орудий мощного калибра сосредоточили свои снаряды на форте, в то время как другие заняли Ванв, Монруж, канонерские лодки и окружение. Исси храбро отвечал, но наши траншеи, о которых Ветцелю следовало позаботиться, были в плохом состоянии. 29-го обстрел усилился, и снаряды перепахали парк. В одиннадцать часов вечера версальцы прекратили огонь и в ночной тишине застали врасплох федералов и заняли окопы. 30-го, в пять часов утра, форт, который не получал никакого предупреждения об этом инциденте, оказался окруженным полукольцом версальцев. Командир Меги был сбит с толку, послал за подкреплением, но так и не получил его. Гарнизон встревожился, и эти федералы, которые бодро выдержали град снарядов, испугались нескольких стрелков. Меги провел совет, и было принято решение об эвакуации. Пушки были поспешно укреплены — настолько сильно, что в тот же вечер на них не было гвоздей, — и большая часть гарнизона ушла. Некоторые люди с иными представлениями о долге считали делом чести оставаться на своем посту. В течение дня версальский офицер потребовал от них сдаться в течение четверти часа под страхом расстрела. Они даже не ответили.

В три часа Ключере и Сесилия прибыли в Исси с несколькими наспех подобранными отрядами. Они развернулись в качестве стрелков, вытеснили версальцев из парка, и в шесть часов федералы вновь заняли форт. У входа они обнаружили ребенка Дюфура возле тачки, наполненной патронами и картушами, готового взорвать себя и, как он полагал, хранилище вместе с ним. Вечером Верморель и Тринке привели другие подкрепления, и мы вновь заняли все наши позиции.

При первых слухах об эвакуации Национальная гвардия поспешила в Отель-де-Виль с запросом в Исполнительную комиссию. Он отрицал, что отдавал какой-либо приказ об эвакуации форта, и пообещал наказать предателей, если таковые найдутся. Вечером он арестовал Ключере по прибытии из форта Исси. О нем ходили странные слухи, и он ушел из Министерства, не оставив ни малейшего следа какой-либо полезной работы. Что касается внутренней обороны, то все, что он сделал, - это закопал пушки в Трокадеро, которые, по его словам, должны были прорвать Мон-Валерьен. Позже, после падения Коммуны, он попытался свалить всю свою неспособность на своих коллег, рассматривая их в английских журналах как тщеславных и невежественных дураков, вменяя подлости такому человеку, как Делеклюз, заявляя, что его арест все испортил, и скромно называя себя "воплощением народа".^[144]

Эта паника Исси послужила причиной создания Комитета общественной безопасности. Уже 28 апреля, в конце заседания, Мио, один из самых бородатых людей 1848 года, поднялся, чтобы "без фраз" потребовать создания Комитета общественной безопасности, имеющего власть над всеми комиссиями. Когда его заставили изложить свои доводы, он величественно ответил, что считает создание Комитета необходимым. Было только одно мнение относительно необходимости усиления центрального контроля и действий, поскольку вторая Исполнительная комиссия показала себя такой же бессильной, как и первая, каждый делегат шел своим путем и принимал решения за свой счет. Но что означало это слово Комитет общественной безопасности, эта пародия на прошлое и пугало олухов? Это противоречило пролетарской революции, этому Отель-де-Виллю, откуда первоначальный Комитет общественной безопасности изгнал Шометта, Жака Ру и лучших друзей народа. Но романтики из Совета имели лишь поверхностное представление об истории Революции, и это звучное название привело их в восторг. Они бы тут же проголосовали за это, если бы не энергия некоторых коллег, которые настаивали на обсуждении. "Да, - сказали эти последние, - нам нужен энергичный Заказ, но не дайте нам революционнопастищю. Пусть Коммуна будет преобразована; пусть она перестанет быть маленьким болтливым парламентом, который в один прекрасный день отменит, как ему заблагорассудится, то, что он создал накануне". И они предложили создать Исполнительный комитет. Голоса разделились поровну.

Дело Исси перевернуло чашу весов. 1 мая 34 "За" против 28 "Против" носили название Комитета общественной безопасности. В целом за проект проголосовали 48 человек, против - 23. Некоторые проголосовали за Комитет, несмотря на его название, с единственной целью создания сильной власти. Многие объяснили причины своего голосования. Некоторые утверждали, что они подчинялись *императивному мандату* своих избирателей. Одни хотели "заставить трусов и предателей трепетать"; другие просто заявляли, как Мио, что "это была необходимая мера". Феликс Пайат, который подстрекал Мио и яростно поддерживал это предложение, чтобы вернуть уважение ультрас, привел такую убедительную причину: "Да, учитывая, что слова *Приветствую общественность* относятся абсолютно к той же эпохе, что и слова Французская республика и Парижская коммуна". Но Тридон: "Нет: потому что я не люблю бесполезную и нелепую старую одежду". Верморель: "Нет: это всего лишь слова, а люди слишком долго были заняты словами". Лонге: "Я голосую "Нет", не больше веря в слова о спасении, чем в талисманы и обереги". Семнадцать человек коллективно выступили против учреждения Комитета, который, по их словам, приведет к установлению диктатуры, а другие ссылались на тот же мотив, который был достаточно ребяческим. Совет оставался настолько суверенным, что через восемь дней после этого отменил состав Комитета.

Выразив протест этим голосованием, оппоненты впоследствии должны были извлечь максимум пользы из сложившейся ситуации. Тридон, конечно, сказал: "Я не вижу людей, способных создать такой Комитет"; тем больше причин не оставлять это место романтикам. Вместо того чтобы прийти к взаимопониманию с теми из своих коллег, которые желали сконцентрировать власть, а не гальванизировать труп, оппоненты сложили руки на груди. "Мы не можем, - сказали они, - никого назначать в учреждение, которое мы считаем бесполезным и фатальным.... Мы считаем воздержание единственной достойной, логичной и политической позицией".

Бюллетень, таким образом, заранее заклеянный позором, давал власть без полномочий; набралось всего 37 голосов. Были названы имена Ранвье, А. Арно, Лео Мейе, Ч. Жерардена,

Феликса Пая. Паникеры могут утешать себя. Единственный человек, обладавший настоящей энергией, честный и сердечный Ранвье, оказался во власти своей слепой доброты.

Тогда друзья Коммуны, храбрые солдаты окопов и фортов, узнали, что в Отель-де-Виль их меньшинство. Он появился в тот самый момент, когда Версаль снял маску со своих батарей. Это меньшинство, которое, за исключением примерно десяти членов, составляло наиболее просвещенных и трудолюбивых членов Совета, так и не смогло приспособиться к сложившейся ситуации. Эти люди никогда не могли понять, что Коммуна - это баррикада, а не правительство. Это было распространенной ошибкой, суеверной верой в долговечность своего правительства; поэтому, например, они на семь месяцев отложили дату полного возврата залогов в ломбардах. Мечтателей в меньшинстве было, пожалуй, столько же, сколько и в большинстве. Некоторые выдвигали свои принципы, как голова Медузы, и не пошли бы ни на какие уступки даже ради победы. Они обострили реакцию против принципа авторитета до грани самоубийства. "Мы, - говорили они, - были за свободу при Империи; находясь у власти, мы не будем этого отрицать". Даже в изгнании они воображали, что Коммуна погибла из-за своих авторитарных тенденций. Проявив немного дипломатии, уступив обстоятельствам и слабостям своих коллег, они могли бы отделить от большинства всех действительно ценных людей. [145] Тридон пришел к ним без приглашения, но он обладал превосходным умом; им следовало бы заигрывать с другими, противопоставляя простым хвастунам точные идеи, и истинной энергией умирять беспокойных. Они оставались неумолимыми, упрямыми и довольствовались насильственными протестами.

С этого момента разногласия переросли во враждебность. Зал заседаний совета был маленьким, плохо проветриваемым; вскоре накаленная атмосфера взбудоражила всех. Дискуссии становились все ожесточеннее, и Феликс Пайат превратил их в нападки. Делеклюз никогда не выступал иначе, как за союз, согласие. Другой предпочел бы, чтобы Коммуна погибла, а не была спасена одним из тех, на кого он затаил обиду, и он ненавидел любого, кто улыбался его безумию. Он не возражал против дискредитации Совета, очернения его самых преданных членов, так что его возмущало посягательство на его тщеславие. Он мог лгать с совершенным бесстыдством, выдумать какую-нибудь гнусную клевету, поработать коллегу, а затем внезапно, в эмоциональном порыве, раскрыть объятия, воскликнув: "Давайте обнимемся". Теперь он обвинил Вермореля в том, что тот продал свой дневник Империи после того, как предложил его орлеанистам. Он скользил по вестибюлям, комиссиям, Председатель правления, то вкрадчивый, то вспыльчивый, то патриархальный. "Коммуна! да ведь это мое дитя! Я наблюдал за этим двадцать лет. Я ухаживал за этим, я качал это ". Послушать его, так 18 марта было связано с ним. Таким образом, он завербовал наивных, легкомысленных людей, присланных в Совет на публичных собраниях, и, несмотря на свою полную неспособность, проявленную этим человеком, когда он был членом первой исполнительной власти, несмотря на его попытки бороться, он набрал двадцать четыре голоса на выборах в Комитет общественной безопасности. Заливное воспользовалось этим, чтобы зашипеть диссонансом.

Разобщенность внутри Совета была фатальной, матерью поражения. Это прекратилось — пусть люди знают это так же, как и свои ошибки, — когда они подумали о народе, когда они поднялись над этими жалкими личными ссорами. Они последовали за похоронами Пьера Леру, который защищал повстанцев в июне 1848 года; приказали снести церковь Бреа, построенную в память о справедливо наказанном предателе; памятник искупления, оскорбление революции; не забыли о политических заключенных, все еще находившихся в Баньо, и облагородили

площадь Италии именем Дюваля. Все социалистические декреты принимались единогласно, ибо, хотя они и отличались друг от друга, все они были социалистическими. В Совете был только один голос за исключение двух его членов, виновных в каком-то прежнем правонарушении,^[146] и никто даже в разгар опасности не осмелился произнести слово "капитуляция".

СНОСКИ:

[143] Перед Комиссией по расследованию на Ассамблее он принял позу Даниила во рву со львами. Собрание, однако, удовлетворилось шипением на него, поскольку Париж позволял этим бессильным трутям жужжать столько, сколько им заблагорассудится, не обращая на них никакого внимания.

[144] Приложение IX.

[145] Меньшинство образовало ядро из двадцати двух членов: Андрие, Арнольд, А. Арнольд, Авриаль, Бесле, Клеманс, В. Клеман, Курбе, Франкель, Э. Жерарден, Журд, Лефрансе, Лонге, Малон, Остин, Пинди, Серрейе, Тейс, Тридон, Вальес, Варлен, Верморель.

[146] Бланше, бывший капуцин и банкрот, и Э. Клеман, который при Империи предложил свои услуги полиции.

ГЛАВА XX.

РОССЕЛЬ ЗАМЕНЯЕТ КЛЮЗЕРЕ—СОПЕРНИЧЕСТВО—ЗАЩИТА ФОРТА ИССИ.

Последним актом второй Исполнительной комиссии было назначение Росселя делегатом на войне. В тот же вечер (30 апреля) за ним послали. Он явился немедленно, рассказал историю знаменитых осад и пообещал сделать Париж неприступным. Никто не спрашивал у него письменного плана, и тут же, как на сцене, его кандидатура была подписана. Он немедленно

написал Совету: "Я принимаю на себя эти трудные функции, но мне нужна всяческая ваша поддержка, чтобы не пасть под тяжестью этих обстоятельств".

Россель знал эти обстоятельства досконально. В течение двадцати пяти дней, будучи начальником генерального штаба, он был самым осведомленным человеком в Париже относительно всех ее военных ресурсов. Он был знаком с членами Совета, Центрального комитета, офицерами, боеспособными силами, характером войск, которыми он взялся руководить.

С самого начала он задел не ту струнку в своем ответе версальскому офицеру, который призвал форт Исси сдаться. "Мой дорогой товарищ, в первый раз, когда ты позволишь себе послать нам столь наглый вызов, я прикажу поднять твой флаг перемирия. Твой преданный товарищ". Циничное легкомыслие отдавало кондотьером. Конечно, тот, кто угрожал застрелить невинного солдата и отдал своего *дорогого*, своего *преданного товарища* сотруднику Галлифета, был чужд великому сердцу Парижа и его гражданской войне.

Ни один человек не понимал Париж, Национальную гвардию, меньше, чем Россель. Он воображал, что *отец Дюшен* был настоящим рупором рабочих. Едва дослужившись до министерства, он заговорил о размещении Национальной гвардии в казармах, о канонадировании беглецов; он хотел расчленить легионы и сформировать из них полки с полковниками, названными им самим. Центральный комитет, к которому *принадлежали легионеры*, выразил протест, и батальоны подали жалобу в Совет, который вызвал Росселя. Он изложил свой проект профессионально, трезвыми, точными словами, настолько непохожими на пятикнижие декламации, что Совет поверил, что видит человека, и был очарован. Тем не менее его проектом был расформирование Национальной гвардии, и Совет, как и Исполнительная комиссия, получил от него общий план обороны. Он, конечно, потребовал, чтобы муниципалитеты были обвинены в концентрации оружия, лошадей и судебном преследовании непокорных, но он не поставил никаких *непременных*.

Он не прислал никакого отчета о военной ситуации. Он отдавал приказы о строительстве второго кольца баррикад и трех цитаделей на Монмартре, Трокадеро и Пантеоне, но никогда лично не заботился об их исполнении. Он распространил командование генерала Вроблевского на все войска и форты на левом берегу, но три дня спустя снова ограничил его, передав Ла Сесилии, которая не обладала ни одним из качеств, необходимых для высшего командира. Он никогда не давал генералам никаких инструкций по наступлению или обороне. Несмотря на определенные припадки, в действительности у него было так мало энергии, что он назначил Эдеса командующим вторым активным резервом в тот самый момент, когда, вопреки формальному приказу, этот последний покинул форт Исси, которым он командовал после повторной оккупации.

Версальцы возобновили огонь с полной яростью. Снаряды, бомбы сотрясали казематы, картечь устилала траншеи железом. В ночь с 1-го на 2-е версальцы, всегда совершавшие ночные неожиданности, атаковали станцию Клармар, которая была взята почти без боя, и замок Исси, который им пришлось завоевывать шаг за шагом. Утром 2-го форт снова оказался в той же ситуации, что и тремя днями ранее. Часть деревни Исси даже оказалась в руках солдат. В течение дня парижские франкотиреры выбили их на острие штыка. Юдес, который тщетно требовал подкрепления, отправился в Военное министерство, чтобы заявить, что он не

останется, если Ветцеля не уволят. Ветцеля сменила Сесилия, но Эд не вернулся в форт и оставил командование начальнику своего штаба.

Таким образом, с 3-го числа стало очевидно, что все будет продолжаться так же, как при Кюзере, и Центральный комитет осмелел. Оно все больше и больше уходило в тень, поскольку Военная комиссия держала его на расстоянии. На его заседаниях, все более и более запутанных и пустых, присутствовало мало участников — около десяти членов, иногда даже меньше. Предприятие Росселя против легионов вернуло ему немного авторитета и смелости. 3-го числа, в согласии *с главами легионов*, они решили обратиться к Совету за руководством Военным министерством. Россель пронюхал об этом деле и приказал арестовать одного из его участников; остальные в большом количестве, *шеф-повара легиона* с саблями на поясе, отправились в Отель-де-Виль, где их принял Феликс Пайат, глубоко тронутый странным самомнением, что они пришли наложить на него руки. "В Военном министерстве ничего не ладится", - сказали они. "Все службы в беспорядке. Центральный комитет предлагает себя, чтобы руководить ими. Делегат будет руководить операциями, Комитет займется администрацией". Феликс Пайат одобрил идею и представил ее Совету. Меньшинство возмутилось претензиями Комитета и даже поговаривало о том, чтобы арестовать их. Большинство оставило этот вопрос на усмотрение Комитета общественной безопасности, который издал декрет, допускающий сотрудничество Центрального комитета. Россель смирился с ситуацией и объявил об этом командирам корпусов. Несмотря на все это, Военная комиссия продолжала ссориться с Комитетом.

Наши люди дорого заплатили за эти небольшие перевороты в кабинете министров. Уставшие, плохо управляемые, они небрежно относились к своим часам и, таким образом, подвергались любым неожиданностям. Самый ужасный произошел в ночь с 3 на 4 мая в редуте Мулен Саке, который в этот момент удерживали 500 человек. Они спали в своих палатках, когда версальцы, схватив часовых, вошли в редут и перебили около пятидесяти федералов. Солдаты протыкали палатки штыками, кромсая трупы, а затем ушли с пятью орудиями и 200 пленными. Капитана 55-го полка обвинили в том, что он предал лозунг. Правда неизвестна, поскольку — невероятный факт! — Совет никогда не расследовал это дело.

Г-н Тьер объявил об этом "*элегантном перевороте*"^[147] в шутивном сообщении о том, что они убили двести человек; что "такова была победа, о которой Коммуна могла бы объявить в своих бюллетенях". Заключенных, доставленных в Версаль, встречал элегантный сброд, убивавший время в кафе Сен-Жермена, ныне ставших средоточием светской проституции, или поднимавшийся на высоты, чтобы посмотреть, как снаряды бьют по стенам и парижанам. Но что это были за безвкусные развлечения рядом с конвоем заключенных, которых они могли бить, плевать в них и поносить, тысячекратно продлевая муки Мато?

Просто звериная свирепость солдат была гораздо менее ужасной. Эти бедняги твердо верили, что федералы были ворами или пруссаками и что они пытали своих пленников. Были такие, кого доставили в Париж, где они долгое время отказывались от всякой пищи, опасаясь яда. Офицеры распространяли эти ужасные истории; некоторые даже верили им.^[148] Большая часть, прибывшая из Германии в состоянии крайнего раздражения против Парижа,^[149] публично заявили: "Мы не дадим этим негодяям пощады", и они подали пример суммарных казней. 25 апреля в Бель-Эпине, близ Виль-Жюифа, четверо национальных гвардейцев, застигнутые врасплох конными егерями и вынужденные сдаться, сложили оружие. Солдаты

вели их, когда появился офицер и, не мудрствуя лукаво, разрядил в них свой револьвер. Двое были убиты; двое других, оставленных умирать, смогли дотащиться до соседних окопов, где один из них скончался.^[150] Четвертого перевезли в машину скорой помощи. Париж, ранее осажденный пруссаками, теперь был выслежен тиграми.

Эти зловещие предчувствия участи, уготованной побежденным, возмутили Совет, но не просветили его. Беспорядок усиливался вместе с опасностью. Россель ничего не предпринимал. Пай, которого он часто заставлял замолчать одним словом, ненавидел его и никогда не переставал подрывать его авторитет. "Вы видите этого человека, - сказал он романтикам, - что ж, он предатель — цезарианец! После плана Трошю план Росселя". 8 мая он передал руководство военными операциями Домбровскому, оставив лишь номинальные функции Росселю, который, узнав об этом в тот же вечер, поспешил в Комитет общественной безопасности и заставил его отменить указ.^[151] 4-го числа Феликс Пят отправил приказы генералу Вроблевскому, не поставив в известность Росселя. На следующий день Россель пожаловался Совету Комитета общественной безопасности на это злонамеренное вмешательство, которое все испортило. "При таких обстоятельствах я не могу нести ответственность", - сказал он и потребовал публичности заседаний, поскольку его всегда принимали на частных аудиенциях. Вместо того, чтобы заставить его сообщить о своем плане, они развлекались тем, что заставляли его сдавать что-то вроде экзамена на звание масона. Допотопный Миот спросил его, каким было его демократическое прошлое. Россель выпутался очень ловко. "Я не скажу вам, что я глубоко изучал вопрос социальных реформ, но я испытываю отвращение к этому обществу, которое только что так подло предало Францию. Я не знаю, каким будет новый порядок социализма. Мне он нравится на доверии, и он в любом случае будет лучше старого". Каждый задавал ему те вопросы, которые он выбирал лично, а не через президента. Он отвечал им всем хладнокровно и точно, обезоруживая все их сомнения, и вызывал одобрительные возгласы, но не более того.

Если бы он обладал той твердой головой, которую ему приписывали, он бы давно оценил ситуацию, понял, что для этой беспрецедентной борьбы требовалась новая тактика, нашел поле боя для этих импровизированных солдат, организовал внутреннюю оборону и ожидал наступления Версаля с высот Монматра, Трокадеро и Мон-Валерьен. Но он мечтал о битвах, в сущности, был всего лишь книжным солдатом, оригинальным только в речи и стиле. Постоянно жалуясь на недостаток дисциплины и людей, он позволил пролить лучшую кровь Парижа в бесплодных боях за город, в героических сражениях при Нейи, Ванве и Исси.

Прежде всего в Исси. Это был уже не форт, который вряд ли можно было назвать сильной позицией, а смесь земли и щебня, разбитая снарядами. Из укрепленных казематов открывался вид на местность, пороховые погреба были обнажены, половина бастиона 3 находилась во рву, к брешу можно было подъехать в карете. Самое большее десять орудий ответили на огонь шестидесяти версальских орудий, в то время как в результате обстрела траншей, нацеленного на амбразуры, погибли почти все наши артиллеристы. 3-го числа версальцы повторили свой призыв сдаться; им ответили словом Камбронна. Начальник генерального штаба, оставленный Эдом, тоже сбежал, но, к счастью, форт остался вдоблестных руках инженера Риста и Жюльена, командира 14-го батальона одиннадцатого округа. Именно им и федералам, которые стояли рядом с ними, принадлежит честь этой великолепной обороны. Вот несколько записей из их военного журнала.

"4 мая.— Мы получаем разрывные шарики, которые лопаются с шумом капсюлей. Повозки не прибывают; продовольствия мало, а семисантиметровых раковин, наших лучших образцов, скоро не хватит. Обещанные каждый день подкрепления не появляются. Два командира батальонов были у Росселя. Он принял их очень плохо и сказал, что имеет право расстрелять их за то, что они оставили свой пост. Они объяснили нашу ситуацию. Россель ответил, что форт защищается штыком, и процитировал работу Карно. Тем не менее, он пообещал подкрепление. Масоны водрузили свое знамя на наших валах. Версальцы разрушили его в одно мгновение. Наши машины скорой помощи переполнены; тюрьма и коридоры, ведущие к ней, забиты трупами. Омнибус скорой помощи прибывает вечером. Мы отправляем туда как можно больше наших раненых. Во время перехода из форта в Исси версальцы забрасывают его шариками.

"5-е.— Огонь противника не прекращается ни на мгновение. Наших амбразур больше нет; осколки фронта все еще отвечают. В два часа мы получаем десять вагонов семисантиметровых снарядов. Приехал Россель. Он долго рассматривал работы версальцев. *enfants-perdus*, которые служат частицам бастиона 5, теряют много людей; они остаются непоколебимыми. Сейчас в подземельях трупы глубиной в два ярда. Все наши траншеи, изрешеченные артиллерией, эвакуированы. Траншея версальцев находится в шестидесяти ярдах от контрэскарпа. Они продвигаются все дальше и дальше. Приняты необходимые меры предосторожности на случай ночной атаки. Все фланговые орудия заряжены картечью. У нас есть две митральезы над *территорией*, чтобы одновременно прочесывать ров и гласис.

"6—е. - Батарея Флери регулярно выпускает по нам свои шесть снарядов каждые пять минут. В "скорую помощь" только что доставили каниньерку с ранением в левую часть паха. За последние четыре дня три женщины отправились в самую гущу огня, чтобы оказать помощь раненым. Эта умирает и просит нас вспомнить о ее двух маленьких детях. Еды больше нет. Мы едим только конину. Вечер: крепостной вал неприступен.

"7-е.— Мы получаем до десяти снарядов в минуту. Крепостные валы полностью обнажены. Все части, за исключением двух или трех, демонтированы. Версальские работы почти касаются нас. Еще тридцать погибших. Мы вот-вот будем окружены".

СНОСКИ:

[147] *La Guerre des Communeux*".

[148] 12 мая на баррикаде Пти-Ванв был взят в плен инженерный офицер дивизии Лакретель второго корпуса капитан Рожем. Когда его привели к командиру окопов, "Я знаю, что меня ждет", - сказал он. "Пристрелите меня". Командир пожал плечами и отвел его к Делеклюзу. "Капитан, - сказал делегат, - пообещайте, что вы не будете сражаться против Коммуны, и вы свободны". Офицер пообещал и, глубоко тронутый, попросил у Делеклюза разрешения пожать ему руку. Это один факт из сотни подобных. Нужно ли добавлять, что с 3 апреля по 23 мая федералы не расстреляли *ни одного* пленного, офицера или солдата?

[149] Приложение X.

[150] Этот факт был установлен в ходе тщательного расследования, которое Совет поручил провести трем своим членам. Двое из них, Гамбон и Ланжевен, по своим качествам вне всяких подозрений. Они получили заявление раненого мужчины и увидели одно из тел, два других найдены не были.

[151] Это никогда не появлялось в *Officiel*, но было объявлено в *Vengeur*, поскольку Феликс Пайат злоупотребил своими служебными полномочиями, чтобы первым сообщить своему журналу об официальных решениях. На этот раз он был немного слишком быстр.

ГЛАВА XXI.

"La plus grande infamie dont l'histoire moderne ait garde la souvenir, s'accomplit à cette heure, Paris est bombardé."—Jules Favre, Jules Simon, E. Picard, Trochu, Jules Ferry, E. Arago, Garnier-Pages, Pelletan.*Proclamation du Gouvernement de la Defense Nationale à propos du bombardement Prussien.*

"Nous avons écrasé tout un quartier de Paris."—*M. Thiers à l'Assemblée Nationale, Séance du 5 Août 1871.*

ПАРИЖ ПОДВЕРГАЕТСЯ БОМБАРДИРОВКЕ —ФОРТ ИССИ РУШИТСЯ—СОВЕТ ИЗБИРАЕТ НОВЫЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ—РОССЕЛЬ УЛЕТАЕТ.

Мы должны оставить эту героическую атмосферу и вернуться к спорам Совета и Центрального комитета. Почему они не проводили свои заседания в Мюэтте или на глазах у публики?[152] Снаряды Монрету, которые только что разоблачили его мощную батарею, суровое отношение людей, без сомнения, заставили бы их объединиться против общего врага. Он начал колотить в пролом.

8 мая утром семьдесят частей морской пехоты начали атаку на окружение от бастиона 60 до мыса дю Жур. Снаряды Кламара уже долетали до набережной Жавель, а батарея Бретея засыпала снарядами квартал Гренель. За несколько часов половина Пасси стала непригодной для жилья.

Г-н Тьер сопровождал свои снаряды прокламацией: "Парижане, правительство не будет бомбардировать Париж, о чем не преминут сообщить вам члены Коммуны. Он выстрелит из своей пушки.... Он знает, он понял бы, даже если бы вы не говорили об этом со всех сторон, что, как только солдаты пересекут оцепление, вы сплотитесь вокруг национального флага ". И он предложил парижанам открыть ему ворота. Какими были действия Совета в ответ на этот призыв к государственной измене?

8-го числа он приступил к случайному обсуждению протоколов своих заседаний^[153] и публичность последнего, которую один член большинства хотел полностью подавить. Меньшинство жаловалось на Центральный комитет, который посягнул на все службы, несмотря на Военное положение; он выгнал Варлена из комиссариата, полностью реорганизованного им. Они спросили, называет ли правительство себя Центральным комитетом или коммуной. Феликс Пийат оправдывал себя, обвиняя Росселя. "Комитет общественного спасения не виноват, если у Росселя нет ни сил, ни ума, чтобы удержать Центральный комитет в рамках его функций". Друзья Росселя ответили, обвинив Пая в постоянном вмешательстве даже в чисто военные вопросы. Если "Мулен Саке" и был удивлен, то только потому, что Вроблевский, командовавший на той стороне, получил официальный приказ от Феликса Пая вернуться в Исси. "Это ложь, - сказал Пай. - Я никогда не отдавал такого приказа". Они позволили ему основательно запутаться, а затем предъявили приказ, полностью написанный его собственной рукой. Он взял его, повертел в руках, изобразил удивление и в конце концов был вынужден признаться.^[154] Затем обсуждение вернулось к Центральному комитету — должны ли они распустить его, арестовать его членов или передать ему управление Военным министерством? Совет, как обычно, не решился принять решение и после путаных дебатов остановился на резолюции от 3 мая — Центральный комитет будет подчинен Военной комиссии.

В этот самый момент в Военном министерстве разыгрались странные сцены. *Легионеры*, которые все больше и больше выступали против Росселя, в тот день решили запросить у него отчет обо всех решениях, которые он собирался принять в отношении Национальной гвардии. Россель знал об их проекте. Вечером, когда они прибыли в министерство, они обнаружили во дворе вооруженный взвод и увидели, что Россель наблюдает за ними из своего окна. "Ты дерзок, - сказал он. - ты знаешь, что этот взвод здесь, чтобы застрелить тебя?" Они, не проявляя особого беспокойства: "Не нужно дерзости; мы просто пришли поговорить с вами об организации Национальной гвардии". Россель расслабился, подошел к окну и отдал приказ взводу возвращаться. Эта пародийная демонстрация не упустила своего эффекта. *Шеф-повара легиона* оспаривали проект на полках пункт за пунктом, демонстрируя его невозможность. Устав спорить, Россель сказал им: "Я полностью осознаю, что у меня нет сил, но я утверждаю, что у вас их тоже нет. У вас есть, говорите вы? Хорошо, приведите мне доказательства. Завтра, в одиннадцать часов, приведите мне 12 000 человек на площадь Согласия, и я попытаюсь что-нибудь предпринять". Он хотел предпринять попытку у станции Клармар. *Шеф-повара легиона* отправились на поиски мужчин и провели в них всю ночь.

Пока продолжались эти бои, эвакуировался форт Исси. С утра он был доведен до последней крайности. Любой из его защитников, кто приближался к орудиям, был мертвецом. Вечером офицеры собрались и пришли к выводу, что они больше не могут держаться. Вслед за этим мужчины, отброшенные со всех сторон снарядами, собрались под сводом входа, когда снаряд из Мулен-де-Пьер упал среди них, убив шестнадцать из них. Рист, Жюльен и несколько других, которые упорно стремились удержать эти руины, в конце концов были вынуждены сдаться. Около семи часов началась эвакуация. Командир Лисбон, один из членов первого Центрального комитета, человек необычайной храбрости, прикрывал отступление под градом пуль.

Через несколько часов после этого версальцы, переправившись через Сену, укрепились перед Булонью, перед бастионами мыса дю Жур, и прорыли траншею в трехстах ярдах от окружения. Всю ту ночь и все утро 9-го Военное министерство и Комитет общественной безопасности ничего не знали об эвакуации форта.

9-го, в середине дня, батальоны, о которых просил Россель, были выстроены вдоль площади Согласия. Россель прибыл верхом, едва взглянул на линию фронта, а затем обратился к *главнокомандующим*: "Здесь для меня недостаточно людей"; и сразу же развернувшись, поехал в Военное министерство, где ему сообщили об эвакуации форта Исси. Он схватил ручку, написал: "Трехцветный флаг развевается на форте Исси, оставленном вчера вечером гарнизоном", и, не поставив в известность Совет или Комитет общественной безопасности, отдал приказ расклеить десять тысяч экземпляров этих двух строк, в то время как обычно печаталось шесть тысяч.

Затем он написал заявление об отставке: "Граждане, члены Коммуны, я чувствую себя неспособным больше нести ответственность за командование, где каждый раздумывает и никто не подчиняется. Центральный артиллерийский комитет ничего не обсуждал и не предписывал. Коммуна ничего не обсуждала и не приняла решения. Центральный комитет раздумывает и еще не знает, как поступить. Во время этой задержки враг окружил форт Исси неосторожными атаками, за что я наказал бы его, если бы в моем распоряжении были хоть малейшие военные силы". Затем он по-своему и очень неточно рассказал об эвакуации форта, смотре на площади Согласия; сказал, что вместо обещанных 12 000 человек было всего 7000, [\[155\]](#) и заключил: "Таким образом, бездействие Артиллерийского комитета помешало организации артиллерии; нерешительность Центрального комитета остановила администрацию; ничтожные предварительные занятия *шеф-поваров легиона* парализовали мобилизацию войск. Мой предшественник совершил ошибку, борясь с этой абсурдной ситуацией. Я ухожу в отставку и имею честь просить вас предоставить мне камеру в Мазасе".

Таким образом он думал очистить свою военную репутацию; но пункт за пунктом он мог бы получить категорический ответ. Почему вы согласились с этой "абсурдной" ситуацией, с которой вы были хорошо знакомы? Почему вы не выдвинули никаких условий при поступлении в Министерство 1 апреля, никаких условий Совету 2 и 3 мая? Почему вы отослали по меньшей мере 7000 человек сегодня утром, когда вы притворяетесь, что в вашем распоряжении нет "ни малейших вооруженных сил"? Почему в течение пятнадцати часов вы ничего не знали об эвакуации форта, за проливами которого вашей обязанностью было ежечасно наблюдать? Где ваш второй оцепление? Почему на Монмартре и Пантеоне не ведется никаких работ?

Россель, возможно, мог бы адресовать свои упреки Совету, но он совершил непростительную ошибку, отправив свои письма в газеты. Таким образом, менее чем за два часа он привел в уныние 8000 бойцов, посеял панику, заклеил храбрецов Исси, донес врагу о слабости обороны, и это в тот самый момент, когда версальцы радовались взятию Исси.

Там все веселились. Месье Тьер и Мак-Магон обратились с речью к солдатам, которые с пением принесли обратно несколько предметов, найденных в форте. Собрание прервало свои заседания и вышло на мраморный двор, чтобы поаплодировать этим детям народа, считавшим себя победителями. Месяц спустя г-н Тьер сказал с трибуны: "Когда я вижу, как эти сыны нашей земли, часто незнакомые с возвышающим образованием, умирают за вас, за нас, я глубоко тронут". Трогательное чувство охотника перед своей стаей. Помните об этом признании и о людях, за которых вы умираете, сыны земли!

А в Отель-де-Виль они все еще спорили! Риго выступил с ответными обвинениями. Большинство членов Совета назначили его прокурором коммуны, несмотря на его преступное легкомыслие в префектуре. Дискуссия становилась все более ожесточенной, когда поспешно вступил Делеклюз и воскликнул: "Вы обсуждаете это, когда на плакате было написано, что на форте Исси развевается трехцветный флаг. Я обращаюсь ко всем вам с призывом. Я надеялся, что Париж спасет Францию, а Франция - Европу. Коммуна полна революционного инстинкта, способного спасти страну. Отбросьте сегодня всю вашу враждебность. Мы должны спасти страну. Комитет общественной безопасности не оправдал наших ожиданий. Это было препятствием, а не стимулом. Чем оно занимается? Индивидуальными назначениями вместо общих мер. Указом, подписанным Мейе, этот гражданин сам назначается губернатором форта Бисетр. У нас там был человек, солдат, [156] которого сочли слишком суровым. Желательно, чтобы все были такими же суровыми, как он. Ваш Комитет общественной безопасности уничтожен, раздавлен тяжестью воспоминаний, связанных с ним. Я говорю, что он должен исчезнуть".

К Собранию, таким образом, вернулось чувство своего долга, и оно преобразовалось в секретный комитет, подробно обсудивший Комитет общественного спасения. Чем оно занималось неделю назад? Учредил Центральный комитет в Военном министерстве, усилил беспорядки, пережил две катастрофы. Его члены терялись в деталях или же занимались любительской работой. Кто-то покинул Отель-де-Виль, чтобы уйти и запереться в крепости; если бы, по крайней мере, это была крепость Исси или Ванвеса! Феликс Пайат проводил большую часть своего времени в редакции "*Мстителя*", изливая там свою злобу в многословных статьях. Член Комитета общественной безопасности попытался защитить его, сославшись на расплывчатость его характеристик. Ему ответили, что статья 3 декрета наделяет Комитет полными полномочиями в отношении всех комиссий. Наконец, после многих часов работы, они решили немедленно обновить состав Комитета; назначить гражданского делегата в Военное министерство; составить прокламацию; собираться, за исключением чрезвычайных случаев, только три раза в неделю; учредить новый Комитет на постоянной основе в Отель-де-Виль, в то время как другие члены Совета должны были регулярно находиться в своих округах. Делеклюз был назначен делегатом на войне.

Вечером, в десять часов, состоялось второе заседание по назначению нового Комитета. Большинство проголосовало за избрание председателем Феликса Пая, весьма раздраженного дневными нападениями. Он открыл заседание требованием арестовать Росселя. Умело

сгруппировав факты, которые казались подозрительным, он сделал Росселя козлом отпущения за ошибки Комитета, обратив гнев Совета против него. В течение получаса он поносил отсутствующего человека, которого не посмел бы оскорбить в лицо. "Я говорил вам, граждане, что он предатель. Вы мне не поверили. Вы молоды; вы, подобно нашим образцам Конвента, не знали, как относиться с недоверием к военной мощи". Это воспоминание восхитило романтиков. У них была только одна мечта — стать конвенционалистами. Этой революции пролетариев было так трудно избавиться от буржуазной мишуры.

Не хотели, чтобы гнев Пая убедил Ассамблею. Поступок Росселя был виновен в глазах наименее предвзятых. Решение о его аресте было принято единогласно, за вычетом двух голосов, и Военная комиссия получила приказ привести его в исполнение.

Затем они перешли к выдвижению кандидатур членами Комитета. Меньшинство, несколько успокоенное избранием Делекюза и Журда, которые, по-видимому, признавали право Совета назначать делегатов, решило принять участие в голосовании и попросило места в списке большинства. Это был прекрасный повод стереть все разногласия, восстановить союз против Версаля. Но вероломные побуждения Феликса Пая побудили романтиков смотреть на своих коллег из меньшинства как на настоящих реакционеров. После его речи заседание было прервано; мало-помалу члены меньшинства оказались одни в зале совета. Они искали своих коллег и застали их врасплох в соседней комнате, совещавшихся отдельно. После ожесточенной перепалки все они вернулись в Совет.

Представитель меньшинства потребовал, чтобы они положили конец этим позорным разделением. Романтик в ответ потребовал ареста фракционного меньшинства, и президент Пайат уже собирался опустошить сосуды своего гнева, когда Мэлон крикнул ему: "Молчать! вы - злой гений этой революции. Не продолжайте распространять свои ядовитые подозрения, сеять раздор. Именно ваше влияние разрушает Коммуну!" И Арнольд, один из основателей Центрального комитета, "Именно эти ребята 1848 года по-прежнему будут уничтожать революцию".

Но теперь было слишком поздно вступать в борьбу, и меньшинству предстояло искупить свой доктринерский подход и некомпетентность. Прошел весь список большинства: Ранвье, Арно, Гамбон, Делекюз и Эд. Поскольку кандидатура Делекюза в Военное министерство оставалась вакантной, через два дня было проведено повторное голосование, и меньшинство предложило кандидатуру Варлена. Большинство, злоупотребив своей победой, допустило неприличие, отдав предпочтение Биллиорею, самому никчемному члену клуба.

Совет разошелся в час ночи. "Разве мы этого не делали? и что вы думаете о том, как я управлял бизнесом?" - сказал Феликс Пайат своим друзьям, вставая со стула.^[157] Этот честный мандатарий, полностью поглощенный работой по "выполнению" своих коллег, забыл подтвердить захват форта Исси. И в тот же вечер, через двадцать шесть часов после эвакуации, Отель-де-Виль вывесил на двери мэрии плакат: "Это ложь, что трехцветный флаг развевается над фортом Исси. Версальцы не оккупировали и не будут оккупировать его". Это противоречие было столь же убедительным, как и высказывание Трошю по поводу Меца.

Во время этих волнений в Отель-де-Виль Центральный комитет вызвал Росселя, упрекнул его в том, что он опубликовал дневной плакат и необычно большое количество экземпляров. Он язвительно защищался. "Это был мой долг. Чем больше опасность, тем больше мой долг

сообщить об этом людям". Однако он не предпринял ничего подобного в связи с неожиданностью в Мулен-Саке. После его ухода Комитет долго совещался. Кто-то сказал: "Мы пропали, если у нас не будет диктатуры". В течение нескольких дней эта идея была преобладающей в Комитете. Последние вполне серьезно проголосовали за то, чтобы был диктатор, и что диктатором должен был стать Россель. Делегация из пяти человек с серьезным видом отправилась за ним; он спустился в Комитет, притворился, что размышляет, и, наконец, сказал: "Слишком поздно. Я больше не делегат. Я подал заявление об уходе". Некоторые начали сердиться на него, он сделал им выговор и ушел. В своем кабинете он обнаружил Военную комиссию в составе Делеклюза, Тридона, Авриала, Йоханнеса, Варлина и Арнольда, которые только что прибыли.

Делеклюз объяснил их миссию. Россель выслушал очень спокойно; сказал, что, хотя указ был несправедливым, он подчинился ему. Затем он описал военную ситуацию, всевозможное соперничество, которое постоянно преследовало его, слабость Совета. "Оно не знало, - сказал он, - ни как использовать Центральный комитет, ни как сломить его в подходящий момент. наших ресурсов вполне достаточно, и я готов, со своей стороны, взять на себя всю ответственность, но при условии, что меня поддержит сильная и однородная держава. Я не мог бы перед лицом истории взять на себя ответственность за определенные необходимые репрессии без согласия и поддержки Коммуны". Он говорил очень долго в том ясном и нервном стиле, который дважды в Совете одерживал верх над его самыми решительными противниками. Комиссия, сильно пораженная его аргументами, удалилась в другую комнату. Делеклюз заявил, что не может решиться арестовать Росселя до тех пор, пока Совет не выслушает его. Его коллеги придерживались того же мнения и оставили экс-делегата под охраной Авриала и Йоханнеса, которые на следующее утро проводили его в Отель-де-Виль. Авриал осталась с Росселем в кабинете советника, в то время как Джоханнард отправился сообщить Совету об их прибытии.

Некоторые хотели, чтобы Росселя услышали; большинство, не доверяя самим себе, боялись, как бы его голос снова не прозвучал в Совете, утверждали, что его слушание противоречит справедливости, и приводили в пример Кюзере, который был арестован, не будучи услышанным, как будто одна несправедливость могла повлечь за собой другую. В приеме Росселя было отказано.

Ч. Жерарден, член Совета, направился в кабинет советника. - Что решила коммуна? - спросил Авриаль. "Пока ничего", - ответил Ч. Жерарден, который, тем не менее, только что покинул заседание и, увидев револьвер Авриала на столе, сказал Росселю: "Ваш опекун добросовестно выполняет свой долг". - Я не полагаю, - поспешно ответил Россель, - что эта предосторожность касается меня. Кроме того, гражданин Авриаль, я даю вам слово чести солдата, что не буду пытаться сбежать.

Авриал, очень уставший от своего поста часового, уже попросил Совет сменить его. Не получив ответа, он подумал, что может оставить своего пленника под охраной члена Комитета общественной безопасности, поскольку Ч. Жерарден еще не был отстранен от своих обязанностей, и направился в Совет. Когда он вернулся, Росселя и Ч. Жерардена уже не было. Амбициозный молодой человек выскользнул, как ласка, из этой гражданской войны, в которую он опрометчиво ввязался.

Можно догадаться, скупился ли Пит на прилагательные по отношению к беглецу. Новый Комитет, только что получивший информацию о раскрытии двух заговоров, выступил с

отчаянным заявлением: "Измена проникла в наши ряды. Оставление форта Исси, о котором негодяй, сдавший его, объявил на нечестивом плакате, было лишь первым актом драмы. Должно было последовать монархическое восстание среди нас, совпавшее со сдачей одних из наших ворот. Все нити темного заговора теперь в наших руках. Большинство виновных арестованы. Пусть все глаза будут открыты, все оружие готово нанести удар по предателям!"

Это превращалось в мелодраму, когда требовались хладнокровие и точность. И Комитет странно хвастался, когда делал вид, что арестовал "большинство преступников" и что он держит "в своих руках все нити темного заговора".

СНОСКИ:

[152] 3 мая они проголосовали за допуск публики и даже поручили двум депутатам найти подходящий зал; но указ не был выполнен, хотя в самом Отель-де-Виль был великолепный зал Сен-Жан, который можно было подготовить за несколько часов.

[153] Отчеты в *Officiel*, доверенные неопытным авторам, которые сокращали или дополняли по своему усмотрению, снова переделанные в типографии, часто прерываемые формированием секретных комитетов, дают лишь очень смутное представление об этих заседаниях.

[154] "Комитет общественной безопасности, № 98.—Париж, 3 мая 1871 г. — Генерал Вроблевский, -Пожалуйста, немедленно возвращайтесь в форт Исси. Необходимо срочно выделить средства для нескольких служб, инженерных, артиллерийских и т.д. Члены Комитета общественной безопасности. Феликс Пай, Ant. Arnaud. Прилагаю депешу от коменданта форта".

Перед публикой, не знавшей об этом сообщении, Пай продолжал лгать. Он сказал в *Vengeur*: "Единственный приказ, отданный непосредственно генералам Комитетом общественной безопасности защищать Исси, который Россель не защищал, был адресован генералу Вроблевскому, которому были доверены форты юга. Комитет общественной безопасности, приказав ему присматривать за Исси, не сместил его." На самом деле обороной форта Исси руководил не Вроблевский, а Сесилия, которая после повторной оккупации занимала главный пост на этой стороне и командовала Ветцелем, которому была доверена защита подступов к форту.

[155] Шеф-повара легиона сказали, что 10 000. Истина лежит между ними двумя.

[156] П. Вишард, бывший начальник штаба гарибальдийского генерала Боссак.

[157] Услышано и передано Лефрансе, правдивость которого вне подозрений. *Etude sur le Mouvement Communaliste par G. Lefrançais*, p. 294. Neuchâtel, 1870.

ГЛАВА XXII.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ КОММУНЫ.

Коммуна дала начало различным профессиям заговорщиков, предателей Гейтса, посредников в заговорах. Вульгарные шулеры, Джонатан Уайлдс из трущоб, которого отпугнула бы тень полиции, у них не было другой силы, кроме слабости префектуры и беспечности делегаций. Свидетельства, касающиеся их, в определенной степени все еще хранятся у версальцев; но они сами много публиковали, часто свидетельствовали друг против друга, и благодаря частной информации, благодаря возможностям, предоставляемым нашим изгнанием, мы сможем проникнуть в это царство подлости.

С конца марта они обложили контрибуциями все министерства Версаля, предлагая за несколько су сдать некоторые ворота Парижа или похитить членов Совета. Постепенно они были более или менее классифицированы. Полковнику штаба Корбену было поручено организовать верную Национальную гвардию, все еще находившуюся в Париже. Командирреакционного батальона Шарпантье, бывший офицер-строевик Сен-Сира, предложил ему свои услуги, был принят и представил нескольких своих закадычных друзей, Дюрушу, Демэ и Галлимара. Им было поручено набрать подпольные батальоны, которые должны были занять стратегические точки города в тот день, когда общая атака соберет всех федералов на крепостные валы. Морской офицер Домален в этот момент предложил удивить Монмартр, Отель-де-Виль, Вандомскую площадь и комиссариат несколькими тысячами добровольцев, которых, по его словам, у них было под рукой. Он вступил в партнерство с Шарпантье.

Они засуетились вовсю, сгруппировали поразительное количество людей вокруг официальных постов и вскоре сообщили о 6000 человеках и 150 артиллеристах, оснащенных пикирующими машинами. Все эти смельчаки ждали только сигнала. Тем временем, конечно, требовались деньги, чтобы поддержать их рвение, и Шарпантье и Домален через посредство Дюрушу действительно вытянули у версальцев несколько сотен тысяч франков.

К концу апреля они нашли грозного соперника в лице Ле Матери де Бофон, бывшего морского офицера *ивременного* губернатора Кайенны. Вместо того чтобы набирать буржуазных рекрутов, идею, которую он назвал смехотворной, Бофонд предложил парализовать сопротивление с помощью умных агентов, которые должны были спровоцировать дезертирство и дезорганизовать службы. Его план, вполне соответствующий представлениям М. Тьера, был одобрен в Версале, что дало ему все полномочия. Он взял в помощники двух решительных людей: Ларока, банковского клерка, и Ласнье, бывшего офицера легиона Шельхера.

Кроме них, в министерстве были еще другие ищайки — эльзасец Ароншон, полковник свободного корпуса во время войны, уволенный своими людьми, которые в Туре обвинили его в воровстве; Францини, позже выданный Англией и осужденный как мошенник; Барраль де

Монто, который смело явился в военное министерство и благодаря своему апломбу получил звание командира седьмого легиона; аббат Челлини, капеллан неизвестно какого флота, которому покровительствовал Жюль Симон; наконец, благородный Убежденные заговорщики, великие генералы, презираемые революцией, Луллье, Дю Биссон, Ганье д'Абен. Эти честные республиканцы не могли допустить, чтобы Коммуна разрушила Республику. Если они и принимали деньги из Версаля, то только для того, чтобы спасти Париж и республиканскую партию от людей из Ратуши. Они хотели свергнуть Коммуну, но предали ее, о! нет, ни в коем случае!

Некто Бриер де Сен-Лагье составил исчерпывающие отчеты о всех этих рыцарях, а М. Секретарь Тьера Тронсен-Думерсан, осужденный три года спустя как мошенник, ездил взад и вперед между Парижем и Версалем, привозил деньги, руководил всеми нитями этих разнообразных заговоров, причем один часто осуществлялся за спиной другого.

Отсюда постоянные столкновения. Оборванцы взаимно доносили друг на друга. Бриер де Сен-Лагье писал: "Я прошу господина министра внутренних дел установить наблюдение за госпожой Матерью де Бофон. Я сильно подозреваю, что он бонапартист. Полученные им деньги были в значительной степени использованы для оплаты его долгов". В качестве компенсации в другом отчете говорилось: "Я подозреваю, что Мм. Domalain, Charpentier, and Brière de St.-Lagier. Они часто встречаются у Питера и вместо того, чтобы заниматься великим делом освобождения, подражают Пантагрюэлю. Они сойдут за орлеанистов.[\[158\]](#)

Наиболее предприимчивому из этих предпринимателей, Бофону, удалось установить отношения с генеральным штабом полковника Генри Продомма, с Военной школой, которой командовал Вино, и с Военным министерством, где начальник артиллерии Гюйе ухитрился вмешаться в работу службы боеприпасов. Его агенты, Ласнье и Ларок, работали с неким Мьюли, который, обойдя Центральный комитет, добился назначения себя командиром семнадцатого легиона и в некоторой степени вывел его из строя. Офицер артиллерии, капитан Пигье, предоставленный в их распоряжение министерством, нарисовал план баррикад, и один из участников оркестра смог написать 8 мая: "Торпеды не заложены; армия может войти под звуки труб". Теперь они прибегли к прямому подкупу; теперь, играя роль ревностных коммунаров, они знали, как вытягивать информацию; в то время как неосторожность чиновников необычайно облегчала их задачу. Штабные офицеры, начальники служб, любившие напускать на себя важный вид, обсуждали самые деликатные вопросы в кафе на бульварах, где полно шпионов.[\[159\]](#) Курне, сменивший Риго в префектуре полиции, несмотря на серьезность своего поведения, не улучшил службу общей безопасности. Луллье, дважды арестованный, каждый раз сбежавший, открыто говорил в кафе о ликвидации Коммуны. Тронсен-Думерсан, известный в течение двадцати лет как полицейский агент Министерства внутренних дел, свободно прогуливался по бульварам, на виду у своих слуг. Подрядчики, которым было поручено укрепить Монмартр, каждый день находили новые предлоги, чтобы отложить начало работ; церковь Бреа осталась нетронутой; организатору сноса памятника искупления удалось отложить его до ввода войск. Хазард в одиночку раскрыл заговор *Брассара* (armlet), а верность Домбровски раскрыла заговор Вайссета.

Этот коммерческий агент отправился в Версаль, чтобы предложить министерству провести операцию по пересмотру. Выставленный вон, он снова появился, но на этот раз с предложением подкупить Домбровски. Под покровительством адмирала Сайссе — еще более

сумасшедшего, чем когда—либо, - он организовал свое предприятие в форме коммерческого общества, нашел акционеров, выделил двадцать тысяч франков на непредвиденные расходы и вступил в сношения с адъютантом Домбровского по имени Хатцингер, впоследствии нанятым версальской полицией в качестве шпиона среди изгнанников в Лондоне. Вайссет сказал ему, что Версаль выделит Домбровскому миллион, если генерал сдаст ворота, находящиеся под его командованием. Домбровский немедленно уведомил Комитет общественной безопасности и предложил позволить одному или двум версальским армейским корпусам войти в город, а затем разгромить их батальонами, находящимися в засаде. Комитет не стал бы рисковать этим предприятием, но приказал Домбровскому продолжить переговоры.^[160] Хатцингер сопровождал Вайссета в Версаль, встретился с Сайссетом, который предложил сдаться в качестве заложника в качестве гарантии выполнения обещаний, данных Домбровскому. Адмирал даже собирался однажды ночью тайно отправиться на Вандомскую площадь, и Комитет общественной безопасности, предупрежденный заранее, готовился арестовать его, когда Бартеlemi Сент-Илер отговорил Саиссэ от этой новой ошибки.

Затем М. Тьер начал отказываться от надежды захватить город врасплох. Это было его хобби в первые дни мая. Поверив судебному приставу, который пообещал своему другу Лапорту, командиру шестнадцатого легиона, добиться сдачи ворот Дофина, г-н Тьер разработал целый план, несмотря на отвращение Мак-Магона и армии, жаждавшей триумфального въезда.^[161] В ночь на 3 мая вся действующая армия и часть резерва были подняты в воздух, а генерал Тьер отправился спать в Севр. В полночь войска собрались в Булонском лесу перед нижним озером, не сводя глаз с закрытых ворот. Последние должны были быть открыты реакционной ротой, сформированной в Пасси под командованием Вери, лейтенанта тридцать восьмого полка, действовавшего в качестве заместителя своего бывшего командира Лавиня. Но умные заговорщики забыли предупредить Лавиня, и рота, которая должна была сменить федералов, не получив приказа от своего начальника, заподозрила засаду и отказалась от услуг. Таким образом, верный дозор не был сменен. На рассвете, после напрасного ожидания в течение нескольких часов, войска вернулись в свои места расквартирования. Через два дня после того, как Лапорт был арестован и снова выпущен на свободу, слишком рано.

Бофон, приняв план судебного пристава, гарантировал сдачу ворот Отей и Дофин в ночь с 12 на 13 мая. Г-н Тьер, снова пойманный, отправил все снаряжение для эскалады, и несколько отрядов были направлены к Поинт-дю-Жур, в то время как армия была готова последовать за ним. Но в последний момент хитроумные комбинации заговорщиков были сорваны,^[162] и, как и 3-го числа, армии пришлось поджечь хвост. Об этом покушении стало известно Комитету общественной безопасности, который ничего не знал о первом.

Ласные был арестован на следующий день. Комитет только что наложил руки на трехцветные нарукавные повязки, которые должны были носить Национальные стражи порядка при вступлении в армию. Женщина Легрос, которая их изготовила, пренебрегла оплатой труда девушек, работавших у нее. Одна из них, полагая, что работа была выполнена за счет Коммуны, пошла попросить жалованье в Отель-де-Виль. Расспросы, сделанные у женщины Легро, навели их на след Бофона и его сообщников. Бофону и Лароку удалось скрыться; Тронсен-Думерсан отправился в Версаль. Таким образом, Шарпантье оставался хозяином положения. Корбен убедил его организовать своих людей десятками и сотнями и разработал целый план, с помощью которого можно было овладеть Ратушей сразу после ввода войск. Шарпантье, всегда невозмутимый, день за днем отвлекал его новостями о новых завоеваниях, говорил о 20 000

новобранцев, просил динамит для взрыва домов,[163] и в истинно пантагрюэлевском стиле проглатывал значительные суммы, переданные ему Дюрушу.

В конце концов, всей банде заговорщиков не удалось захватить ни одного выхода, но они оказали значительную помощь в дезорганизации служб. Тем не менее, следует проявлять большую осторожность, пользуясь их отчетами, часто раздутыми воображаемыми успехами, чтобы оправдать выплату сотен тысяч франков, которые они прикарманили.

СНОСКИ:

[158] Все неопубликованные отчеты, которые я цитирую и на которые я опираюсь, скопированы с оригиналов.

[159] Приложение XI.

[160] Приложение XII.

[161] "Лучше было овладеть городом главными силами", - сказал апостольский граф де Мун (*Анкета на 18 Марта*, том ii, стр. 277). "Таким образом, право проявляет себя безапелляционным образом" — без сомнения, право на кровавую бойню. "Было бы лучше, если бы никто не говорил, что мы вошли через заднюю дверь".

[162] Было заявлено, что польский офицер из штаба Домбровского, убитый впоследствии во время уличной драки, был посредником в этой попытке государственной измены. Я не смог, несмотря на тщательные поиски, обнаружить ни малейшего доказательства этого обвинения.

[163] Смотрите письмо полковника Корбина, цитируемое в *"Истории заговоров в коммуне"*, произведении А. Ж. Дальсема, оформленном в форме романа, но содержащем некоторые документы.

ГЛАВА XXIII.

"C'est par le canon et par la politique que nous avons pris Paris."—*M. Thiers, Enquête sur le 18 Mars.*

ПОЛИТИКА М. ТЬЕРА В ОТНОШЕНИИ ПРОВИНЦИИ —КРАЙНЕ ЛЕВЫЕ ПРЕДАЮТ ПАРИЖ.

Кто был великим заговорщиком против Парижа? Крайне левый.

Что оставалось г-ну Тьерсу 19 марта? С помощью чего он мог управлять Францией? У него не было ни армии, ни пушек, ни крупных городов. У них было оружие, и их рабочие были начеку. Если бы тот немногочисленный средний класс, который заставляет провинции одобрять революции метрополии, последовал за движением, подражая своим парижским собратьям, г-н Тьер не смог бы противопоставить им ни одного полка. Какими ресурсами располагал вождь буржуазии, чтобы выжить, удержать провинции и побудить их предоставить солдат и пушки, которые должны были захватить Париж? Слово и горстка людей. Слово было Республика; мужчины, признанные вожди Республиканской партии.

Хотя тупые сельчане рывкали при одном только названии Республики и отказывались включать его в свои воззвания, г-н Тьер, более хитрый, громко произносил его и, искажая голоса Собрания,^[164] раздал это как лозунг своим подчиненным.^[165] С момента первых восстаний у всех провинциальных чиновников был один и тот же рефрен: "Мы защищаем Республику от фракций".^[166]

Это, конечно, было нечто; но сельские голосования, прошлое г-на Тьера, вступили в противоречие с этими протестами республиканцев. Бывшие герои национальной обороны больше не были приемлемы в качестве ценных бумаг даже для провинций. Г-н Тьер хорошо понимал это и ссылаясь на чистейших из чистых — на вернувшихся из изгнания людей с шевронами. Их престиж все еще оставался нетронутым в глазах провинциальных демократов. Г-н Тьер встретил их в вестибюлях, сказал им, что судьба Республики в их руках, польстил их старческому тщеславию и соблазнил их так успешно, что, начиная с 23-го,^[167] они служили ему подставками для бутылок. Когда мелкие республиканцы из провинциальной буржуазии увидели, что глубокомысленный Луи Блан, интеллигентный Шельхер и самые известные ворчуны из радикального авангарда устремились в Версаль и оскорбляют Центральный комитет, и, с другой стороны, не получили ни программы, ни способных эмиссаров из Парижа, они отвернулись и позволили пламени, зажженному рабочими, угаснуть.

Канонада 3 апреля немного взбодрила их. 5-го муниципальный совет Лилля, состоящий из представителей республиканской знати, заговорил о примирении и призвал М. Тьер, чтобы утвердить Республику. Лионский парламент составил аналогичное обращение; Сент-Омер направил делегатов в Версаль; Труа заявил, что "сердцем и душой солидарен с героическими гражданами, которые боролись за свои республиканские убеждения". Макон призвал правительство и Ассамблею положить конец этой борьбе путем признания республиканских институтов. Дром, Вар, Воклюз, Ардеш, Луара, Савойя, Эро, Жер и Восточные Пиренеи - двадцать департаментов - выступили с аналогичными обращениями. Рабочие Руана заявили о своем присоединении к Коммуне; рабочие Гавра, получившие отпор от буржуазных республиканцев, составили независимую группу. 16 апреля в Гренобле 600 мужчин, женщин и детей отправились на вокзал, чтобы предотвратить отправку войск и боеприпасов в Версаль.

18-го числа в Ниме люди во главе с красным флагом прошли маршем по городу под крики "Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж! Долой Версаль!" 16, 17, 18 числа в Бордо произошли беспорядки. Несколько полицейских были заключены в тюрьму, с некоторыми офицерами жестоко обращались, пехотные казармы забрасывали камнями, люди кричали: "Да здравствует Париж! Смерть предателям!" Движение распространилось даже на сельскохозяйственные классы. В Сенкуане в Шер, в Шарите-сюр-Луар, в Пуьи в Ньевре национальные гвардейцы с оружием в руках несли красный флаг. Косне последовал 18-м, Флери-сюр-Луар - 19-м. В Арьеже постоянно был поднят красный флаг; в Фуа они остановили транспортировку пушки; в Вариле они пытались вывести поезд с боеприпасами с линий. В Периге рабочие железнодорожной станции схватили митральезы.

15 апреля пять делегатов от муниципального совета Лиона явились к М. Тьеру. Он заявлял о своей преданности Республике, клялся, что Собрание не должно превратиться в Учредительное. Если он выбирал своих функционеров за пределами республиканцев, то только для того, чтобы относиться ко всем партиям с уважением в интересах самой Республики. Он защищал его от людей из Ратуши, его злейших врагов, сказал он; делегаты могли убедиться в этом даже в Париже, и он был вполне готов снабдить их охранными грамотами. Кроме того, если бы Лайонс осмелился пошевелиться, 30 000 человек были готовы подавить его.^[168] Это была его типичная речь. Все депутации получили один и тот же ответ, данный с таким дружелюбием и такой покладистой фамильярностью, что совершенно ошеломили провинциалов.

От президентства они перешли к светилам крайне левых, Луи Бланку, Шельхеру, Адаму и другим видным демократам, которые поддержали слова М. Тьера. Эти господа, снисходительно признав, что дело Парижа было не совсем неправильным, объявили его плохо начатым и скомпрометированным преступной борьбой. Когда Париж однажды разоружится, они посмотрят, что можно сделать. Оппортунизм - явление не вчерашнего дня. Он родился^[169] в мир 19 марта 1871 года, крестным отцом был Louis Blanc & Co., и был крещен в крови 30 000 парижан. "С кем они должны вести переговоры в Париже?" - спросил Луи Блан. "Не говоря уже о бонапартистских и прусских интригах, люди, которые там стремились захватить правительство, были фанатиками, дураками или мошенниками".^[170] И все радикалы восторжествовали: "Разве мы не должны были быть в Париже, если бы Париж был прав?" Большинство делегатов, юристов, врачей, бизнесменов, воспитанных в почитании этих сияющих огней, услышав, помимо молодежи, что они говорят как понтифики, вернулись в провинции и, поскольку Левые проповедовали им, в свою очередь проповедовали, что необходимо отказаться от Коммуны, чтобы спасти Республику. Некоторые из них побывали в Париже; но, увидев разногласия в Отель-де-Виль, часто встречаемые людьми, неспособными сформулировать свои идеи, которым угрожал Феликс Пиа в "*Мстители*", они вернулись убежденные, что из этого беспорядка ничего не выйдет. Когда они снова проезжали через Версаль, левые депутаты торжествовали. "Ну, что мы вам говорили?" Даже Мартин-Бернард дал своим избирателям пинка под зад.

В Париже были люди, которые не могли поверить в такое неприкрытое предательство со стороны Левых, и все же заклинали их. "Что вы делаете в Версале, когда Версаль бомбит Париж?" говорилось в обращении, произнесенном в конце апреля. "Какой фигурой вы можете выделиться среди этих коллег, убивающих ваших избирателей? Если вы упорствуете в том, чтобы оставаться среди врагов Парижа, по крайней мере, не становитесь их сообщниками своим молчанием. Что?! вы позволяете М. Тьер должен написать в департаменты: "*Повстанцы*

опустошают главные дома Парижа, чтобы выставить мебель на продажу", - а вы не поднимаетесь на трибуну, чтобы протестовать! Что? вся бонапартистская и сельская пресса может наводнить департаменты гнусными статьями, в которых они утверждают, что в Париже царят убийства, насилие и воровство, а вы молчите! Господин Тьер может утверждать, что его жандармы не убивают заключенных; вы не можете игнорировать эти зверские казни и молчите! Поднимитесь на трибуну; скажите департаментам правду, которую враги Коммуны скрывают от них. Но наши враги - они и ваши враги?"

Бесполезный призыв, от которого трусливые левые знали, как уклониться. Луи Блан в своем стиле Тартюфа воскликнул: "О гражданская война! отвратительная борьба! Пушечный гром! Люди убивают друг друга и умирают; и те в Собрании, кто охотно отдал бы свою жизнь, чтобы увидеть мирное решение этой кровавой проблемы, обречены на пытки, заключающиеся в неспособности совершить какое-либо действие, издать крик, произнести слово ". С момента зарождения Французских ассамблей столь позорных левых еще никто не видел. Зрелище избиения, поношения, оплевывания заключенных не могло вызвать протеста у этих жалких парижских депутатов. Только один человек, Толен, попросил объяснений по поводу убийства в отеле "Бель-Эпин". Луи Блан, Шельхер, Греппо, Адан, Ланглуа, Бриссон и другие, Жеронт и Скапен ханжески взирали на своих измученных избирателей и, полностью осознавая легкую забывчивость Парижа, мечтали об их будущем переизбрании.

Их клевете удалось подавить акции протеста, но не унять страданий провинций. Сердцем и душой рабочие Франции были с Парижем. Служащие на железнодорожных станциях обращались с речью к солдатам, призывая их поднять приклады своих ружей; официальные плакаты были разорваны ночью; крупные центры сотнями рассылали свои адреса; все республиканские газеты требовали мира, искали какой-либо способ примирения между Парижем и Версалем.

Париж и Версаль! Волнение стало хроническим, и г-н Тьер выдвинул Дюфора, Капельмейстера современной буржуазии, одного из самых одиозных исполнителей ее грязной работы. Он приказал своим прокурорам преследовать в судебном порядке всех писателей, поддерживающих Коммуну, "эту диктатуру, узурпированную иностранцами и увольнительными, которая свидетельствует о своем господстве кражами со взломом, взламыванием частных домов глубокой ночью и с применением оружия", и наложить руки на "примиренцев, которые умоляют Ассамблею протянуть свою благородную руку к окровавленной руке ее врагов". Таким образом, Версаль надеялся нанести удар террора в момент муниципальных выборов, которые состоялись 30 апреля.

Они повсюду были республиканцами. Эти провинции, восставшие против Парижа в июне 1848 года и на выборах 1849 года, в 1871 году не послали и сотни добровольцев и боролись только с Собранием. В Тьерсе (Пюи-де-Дом) народ занял Ратушу, поднял красный флаг изхватил телеграфы. Беспорядки произошли в Суппе, Немуре, Шато-Ландо в округе Фонтенбло. В Дордиве (Луаре) коммунары посадили перед мэрией тополь, увенчанный красным флагом. В Монтаржи они подняли красный флаг, вывесили плакат с обращением коммуны к сельским округам и заставили адвоката, пытавшегося сорвать плакат, на коленях просить прощения. В Куломье (Сена и Марна) прошла демонстрация под крики "Да здравствует Республика! Vive la Commune!"

Лион поднял восстание. С 24 марта здесь господствовал триколор, за исключением Гильотьера,^[171] где люди сохранили красный. Вернувшись в Отель-де-Виль, Совет потребовал признания прав Парижа, избрания Учредительного собрания и назначил командующим Национальной гвардией офицера *франтиреров* Бурра. В то время как Совет множил свои обращения и ходатайства к М. Тьеру, Национальная гвардия снова зашевелилась. Она представила программу муниципальному совету, который официально отклонил ее. Отпор, встреченный делегатами, отправленными в Версаль, усилил раздражение. Когда 30 апреля были объявлены общинные выборы, революционные элементы утверждали, что муниципальный закон, принятый Собранием, является недействительным, поскольку это Собрание не обладает правами учредительного собрания. Два делегата от Парижа вызвали мэра Энона, чтобы отложить выборы; и один из участников драки 28 сентября, Гаспар Бланк, снова появился на сцене. Радикалы, всегда чужавшие запах бонапартизма, подняли много шума из-за присутствия этого персонажа. Однако в то время он был еще всего лишь сумасбродом и только в изгнании надел империалистическую ливрею. 27-го числа в Бротто на большом публичном собрании было принято решение воздержаться от голосования. Все комитеты Гильотьера последовали его примеру и на открытом заседании 29-го числа приняли решение выступить против голосования.

30-го, в день выборов, с шести часов утра на площади Гильотьер был избит *подъемник*; вооруженные граждане вынесли урны для голосования и выставили часовых у входа в зал. На плакате было вывешено воззвание: "Город Лион больше не может смотреть, как душат его сестру, героический город Париж. Лионские революционеры единодушно учредили Временную комиссию. Его члены, прежде всего, полны решимости, вместо того чтобы потерпеть поражение, превратить город в груды развалин, достаточно трусливых, чтобы позволить убить Париж и Республику". Площадь Мэрии была запружена возбужденной толпой; мэра Крестена и его адъютанта, пытавшихся вмешаться, не послушали, и в мэрии обосновалась Революционная комиссия.

Бурра отдал приказ командирам Гильотьер объединить свои батальоны. К двум часам дня они подъехали ко двору Де Броссе. Огромное количество гвардейцев не одобряли это движение, но никто не хотел быть солдатом Версаля. Толпа окружила их и, наконец, сломала строй; около сотни человек во главе со своим капитаном отправились в мэрию, чтобы поднять свои красные полевые знамена. Послали за мэром, и Комиссия призвала его присоединиться к движению; но он отказался, как и 22 марта. Внезапно прогремела пушка.

Энон и его совет, как и месяц назад, предпочли бы повременить, в то время как Валентин и Круза мечтали об Эспиване. В пять часов 38-я шеренга вышла из строя у моста Гийотьер; толпа проникла в ряды солдат, заклиная их не стрелять, и офицеры были вынуждены отвести своих людей в казармы. В это время Гильотьер укреплялся. Большая баррикада, протянувшаяся от складов Нового света до угла Мэрии, перегораживала Большую улицу; еще одна была возведена у входа на улицу Труа Руа; третья находилась на одном уровне с улицей Шаброль.

В половине седьмого 38-й вышел из своих казарм, но на этот раз под наблюдением егерского батальона. Валентин, Круза и прокурор республики маршировали во главе их. Перед мэрией был зачитан Акт о беспорядках; в ответ на это несколько выстрелов ранили префекта. Кавалерия захватила двор Де Броссе и площадь Мэрии, в то время как два орудия открыли огонь по зданию. Вскоре его двери открылись, и обитатели покинули его. Войска вошли после того, как

убили часового, намереваясь стоять на страже до последнего. Было сказано, что пятеро повстанцев, застигнутых врасплох внутри здания, были убиты версальским офицером выстрелами из своего револьвера.

Часть ночи на соседних улицах продолжалась борьба, и солдаты, обманутые темнотой, убили около сотни своих же людей. Потери коммунаров были менее велики. К трем часам ночи все было кончено.

На Круа-Руссе несколько граждан вторглись в мэрию и разбросали избирательные бюллетени; проверка Гильотьера пресекла их сопротивление.

Версальцы воспользовались этой победой, чтобы разоружить батальоны Гильотьера; но население отказалось, сплотившись вокруг победителей. Некоторые монархисты были избраны в течение дня, но все, кто считал выборы 30-го числа недействительными, были вынуждены провести повторное голосование, и ни один из них не был переизбран. Движение в пользу Парижа продолжалось.

Эти новоизбранные республиканские советники могли бы эффективно уравновесить авторитет Версаля; передовая пресса поощряла их. *Трибун* Бордо имел честь первым предложить созвать конгресс всех городов Франции с целью прекращения гражданской войны, обеспечения муниципальных привилегий и укрепления Республики. Муниципальный совет Лиона опубликовал идентичную программу, пригласив все муниципалитеты направить делегатов в Лион. 4 мая делегаты советов главных городов Эро встретились в Монпелье. *Liberté* "Эро" в теплом обращении, опубликованном пятьюдесятью журналами, созвала ведомственную прессу на конгресс. Общее действие вот-вот должно было прийти на смену бессвязным волнениям последних нескольких недель. Если бы провинции понимали свои силы, время, свои нужды, если бы они нашли группу людей, соответствующих обстоятельствам, Версаль, зажатый между Парижем и департаментами, был бы вынужден капитулировать перед республиканской Францией. Г-н Тьер, живо представив опасность, повлиял на позицию сильного правительства и энергично запретил конгрессы. "Правительство предало бы Ассамблею, Францию, цивилизацию, - говорилось в *Officiel* от 8 мая, - если бы оно позволило сторонникам коммунизма и восстания объединиться на стороне законной власти, основанной на всеобщем избирательном праве". Пикар, выступая с трибуны конгресса по поводу подстрекательства, сказал: "Никогда не было более преступной попытки, чем их. Вне Ассамблеи не существует права". Генеральный прокурор и префекты получили приказ не допускать проведения всех собраний. Некоторые члены *Парижской лиги прав* по пути в Бордо были арестованы.

Большого и не требовалось, чтобы напугать радикалов. Организаторы бордосского конгресса промолчали; лионцы написали жалобное обращение в Версаль о том, что они намеревались созвать собрание нотаблей. Г-н Тьер, достигнув своей цели, не стал преследовать их в судебном порядке, даже позволил делегатам восемнадцати департаментов изложить свои жалобы и серьезно заявить, что они "привлекли к ответственности того из двух воюющих сторон, который откажется от их условий". И все же они могли бы гордиться. Их вождь сделал меньше. Гамбетта удалился в Испанию, в Сен-Себастьян, и там, безмолвный, без признаков сочувствия к тем, кто пожертвовал собой ради Республики, он с циничной *дальновидностью* ожидал исхода гражданской войны.

Таким образом, немногочисленный средний класс провинций упустил редкий шанс завоевать свои свободы, снова взять на себя великую роль 1792 года. Стало очевидно, насколько сильно его кровь и интеллект обеднели из-за длительного политического вассалитета и полного отсутствия какой бы то ни было муниципальной жизни. С 19 марта по 5 апреля они оставили рабочих, когда, поддержав их усилия, они могли бы спасти и продолжить Революцию. Когда, наконец, они захотели высказаться, они оказались в одиночестве, игрушкой и посмешищем своих врагов. Такова их история со времен Робеспьера.

Итак, 10 мая М. Тьер полностью овладел ситуацией. Используя все средства, как коррупцию, так и патриотизм, лживя в своих телеграммах, заставляя лгать свои журналы, поочередно фамильярничая и надменничая в своих беседах с депутациями, выдвигая то своих жандармов, то левых депутатов, он преуспел в пресечении всех попыток примирения. Он только что подписал Франкфуртский мир и, свободный с этой стороны, избавленный от провинций, остался один на один с Парижем.

Пришло время. Пять недель осады истощили терпение сельских жителей; подозрения первых дней возродились; им казалось, что "мелкий буржуа" тянет время, чтобы пощадить Париж. *Союз синдикатов* только что опубликовал отчет о новом интервью, в котором М. Тьер, казалось, расслабился. Депутат от правых бросился к трибуне, обвиняя М. Тьера в том, что он откладывает вступление в Париж. Он коротко ответил: "То, что наша армия прорыла траншеи всего в шестистах ярдах от Парижа, не означает, что мы не хотим туда войти". На следующий день, 12 мая, Правые вернулись к обвинению. Правда ли, что М. Тьер сказал мэру Бордо: "Если повстанцы прекратят военные действия, ворота Парижа будут широко открыты в течение недели для всех, кроме убийц генералов". Могло ли быть так, что правительство намеревалось вырвать некоторых парижан из лап Ассамблеи? - возмущался, ныл г-н Тьер. "Вы выбрали день, когда я буду изгнан, когда снесут мой дом. Это унижение. Я обязан командовать ужасными действиями; я командую ими. Я должен получить вотум доверия. Наконец, выведенный из терпения, он ответил на деревенское ворчание рычанием. "Я говорю вам, что среди вас есть неосторожные люди, которые слишком спешат. У них должно быть еще восемь дней. По истечении этих восьми дней опасности больше не будет, и задача будет соразмерна их мужеству и возможностям".

Восемь дней! Вы слышите, члены Коммуны?

СНОСКИ:

[164] 23-го Пикар телеграфировал генеральному прокурору Экса: "Позавчера Республика была снова утверждена прокламацией Ассамблеи". Ту самую прокламацию, которую Собрание отказалось завершить возгласом "Да здравствует Республика!"

[165] В тот же день — это был день Марсельского восстания — Дюфор телеграфировал тому же генеральному прокурору: "Прочтите название Французской Республики во главе всех депеш, которые я вам отправляю".

[166] В моем распоряжении имеется около двадцати прокламаций префектов или магистратов. Все они по этому вопросу абсолютно одинаковы.

[167] "Крайне левые аплодировали великолепной речи Председателя Совета". Выступление 21 марта против Парижа. Дюфор генеральному прокурору в Эксе, 23 марта.

[168] Он признался в своем обмане в речи, произнесенной в Бордо в 1875 году: "Я смог с остатками разбитой армии объединить вооруженные силы численностью 150 000 человек, но если бы этих сил было достаточно, чтобы оторвать Париж от Коммуны, они не смогли бы удержать в покое крупные города Франции, горячо стремящиеся к сохранению Республики и приходящие ко мне с недоверием и раздражением спрашивать, за монархию ли мы сражались".

[169] Я бы сказал "воскрешенный", если бы этим евнухам не было слишком большой чести сравнивать их с Робеспьером, который рядом с ними выглядит героем. Но как помешать своим мыслям обратиться к понтифику, объявляющему неуместным взрыв республиканцев в июне-июле 1791 года; неуместными крики Парижа, истерзанного захватчиками; неуместными требованиями народа внести в Конституцию 1798 года хоть одну статью в свою пользу; неуместными комиссары, без которых Франция была бы расчленена; неуместным великое движение против Церкви; неуместными социалисты и Жак Ру, которого он приговорил к смерти; неуместными закрытые им народные общества и после исчезновения которого Париж истек; неподходящий Клотц, стремившийся сплотить вокруг Франции все революционные силы мира; неподходящий Эбер, который, тем не менее, помог ему задушить социалистов; неподходящий, в общем, все, что не было вырезано по его собственному любезному образцу вплоть до того дня, когда он сам был объявлен неподходящим крупной буржуазией, которая сочла столь же легким, сколь и подходящим, проглотить его одним глотком, как только он очистился, обескровил, надел намордник на всю жизнь. они - революционный лев.

[170] Приложение XIII.

[171] Рабочий квартал в Лионе.

ГЛАВА XXIV.

БЕССИЛИЕ ВТОРОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ —ЭВАКУАЦИЯ ФОРТА ВАНВ
И ДЕРЕВНИ ИССИ—МАНИФЕСТ МЕНЬШИНСТВА—ВЗРЫВ На АВЕНЮ РАПП—ПАДЕНИЕ
ВАНДОМСКОЙ КОЛОННЫ.

При появлении нового Комитета 10 мая наше военное положение не изменилось на линии от Сент-Уана до Нейи, где обе стороны противостояли друг другу на одном уровне; но со стороны Ла-Мюэтта оно становилось серьезным. Мощные батареи Монрету, Медона, Мон-Валерьяна засыпали Пасси снарядами и сильно повредили крепостные валы. Версальские окопы простирались от Булони до Сены. Их стрелки наступали на деревню Исси и заняли траншеи между фортом и Ванвом, которые они пытались отрезать от Монружа. Халатность защиты была все той же. Укрепления от Ла-Мюэтт до форта Ванв были едва вооружены; наши канонерские лодки почти в одиночку поддерживали огонь Медона, Кламара и Валь-Флери.

Первым актом нового Комитета был приказ о сносе дома М. Тьера. Этот легкомысленный поступок помог бомбардиру попасть во дворец, за который Ассамблея проголосовала на следующий день. Затем Комитет опубликовал свое заявление: "Государственная измена проникла внутрь" и т.д.

Делеклюз выпустил его за свой счет. Он тащился вперед, тяжело дыша, и вполне мог сказать: "Если бы я полагался только на свои силы, я бы отказался от этой функции. Ситуация серьезна; но когда я размышляю о возвышенном будущем, уготованном нашим детям, даже если оно должно быть предоставлено нам пожинать то, что мы посеяли, я все равно с энтузиазмом приветствую революцию 18 марта".

Войдя в министерство, он обнаружил, что Центральный комитет также разрабатывает прокламацию. "Центральный комитет заявляет, что его долг - не допустить провала революции 18 марта, которую он так хорошо начал. Он беспощадно сломит всякое сопротивление. Она полна решимости положить конец всем спорам, подавить злокачественных новообразований, подавить соперничество, невежество и неспособность ". Это означало говорить более авторитетно, чем Совет, и, прежде всего, странно льстить самому себе.

С первой же ночи необходимо было устранять последствия катастрофы. Форт Ванвес, на котором теперь были сосредоточены все удары, ранее направленные против Исси, стал почти непригодным для обороны, и его командир эвакуировал его. Врублевский, которому сообщили об этом, принял командование от Ла Сесилии, которая заболела, и в ночь с 10-го на 11-е поспешил туда во главе 187-го и 105-го батальонов прославленного 11-го легиона, которые до последнего дня не переставали снабжать оборону людьми. В четыре часа утра Врублевский появился перед гласисом, где стояли версальцы, атаковал их на острие штыка, обратил в бегство, взял несколько пленных и захватил форт. В очередной раз наши отважные федералы показали, на что они способны при правильном командовании.

В течение дня версальцы возобновили бомбардировку. Они забросали монастырь Уазо и всю деревню Исси, главная улица которой теперь превратилась в груды развалин, снарядами и гранатами, начиненными пикратом калия. В ночь с 12-го на 13-е они напали на лицей Ванвеса, а

13-го напали на семинарию Исси. В течение пяти дней Брюнель изматывал себя, пытаясь навести хоть какой-то порядок в обороне этой деревни. Россель послал за этим храбрым членом Совета, которого ревнивые круги держали на расстоянии, и сказал ему: "Положение Исси почти потеряно; возьмете ли вы на себя его защиту?" Брюнель посвятил себя делу, воздвиг баррикады, попросил артиллерию (ее было всего четыре орудия) и новые батальоны, чтобы заменить 2000 человек, которые продержались сорок один день.^[172] Они послали ему всего две или три сотни человек. Он попытался что-то из этого сделать и укрепил семинарию, которую федералы под градом снарядов не смогли удержать. Брюнель организовал вторую линию обороны в домах деревни, а вечером отправился в Военное министерство, где Делеклюз хотел, чтобы он помогал на Военном совете.

Первый и единственный военный совет, проведенный при коммуне. Присутствовали Домбровский, Вроблевский и Сесилия. Домбровский, полный энтузиазма, говорил о привлечении 100 000 человек. Вроблевский, более практичный, предложил сосредоточить все усилия, бесполезно потраченные в Нейи, против окопов на юге. После долгих дебатов ни к какому выводу прийти не удалось. Когда Брюнель прибыл, заседание уже было начато; поэтому ему пришлось пойти поискать Делеклюза в Отель-де-Виль, а затем он вернулся по своим следам к Исси. У ворот Версаля он увидел свои батальоны по другую сторону вала. Они, не слушая своих командиров, покинули деревню и хотели вернуться в город. Брюнель запретил опускать подъемный мост и попытался выбраться через ворота Ванвеса, где его отказались пропустить. Он вернулся в Военное министерство, объяснил ситуацию, попросил людей, бродил всю ночь в поисках, а в четыре часа утра отправился в путь со 150 федералами, но обнаружил, что деревня полностью занята версальцами. Офицеры Исси предстали перед военным трибуналом. Брюнель давал показания и горько жаловался на преступную беспечность, которая парализовала защиту. За ответ он был арестован.

Он говорил, но слишком искренне. Беспорядок в Военном министерстве сделал всякое сопротивление химеричным. Делеклюз принес с собой только свою преданность. Обладая слабым характером, несмотря на свою кажущуюся жесткость, он находился во власти генерального штаба, которым по-прежнему руководил Продомм, который, пережив всех своих начальников, сумел добиться того, чтобы его считали незаменимым. Центральный комитет, ободренный робостью Совета, вторгся повсюду, издавал декреты, приказывал оплачивать расходы, не передавая их под контроль Военной комиссии. Члены Комиссии, люди интеллигентные, но принадлежащие к меньшинству, подали жалобу в Комитет общественной безопасности, который заменил их романтиками. Спор тем не менее продолжался и приобрел такой ожесточенный характер, что по легионам поползли слухи о разрыве между Советом и Центральным комитетом.

Версальцы, со своей стороны, все еще продолжали наступать. В ночь с 13-го на 14-е форт Ванв, который теперь производил лишь редкие залпы, был полностью потушен и больше не мог быть возобновлен. Гарнизон, отрезанный со всех сторон, отступил к каменоломням Монружа, и версальцы заняли то, что осталось от форта. В Версале снова раздалась орация.

16 мая у нас не было ни одного человека от левого берега до Пти-Ванв, где стояли лагерем около 2000 федералов под командованием Сесилии и Лисбона. Мы попытались отбить деревню Исси, но были отбиты. С этого момента враг мог продолжать наступление и вооружать два бастиона форта Исси, которые выходили на город. Его огонь, на мгновение сдерживаемый крепостными

валами, теперь демонстрировал явное превосходство и присоединился к батареям, разгромившим шестнадцатый округ. Этот злополучный квартал был теперь взят анфиладой с фронта и флангов почти сотней артиллерийских орудий. Действительно, пришло время подумать об обороне внутренних районов. Делеклюз распространил полномочия трех генералов на кварталы города, прилегающие к их командованию; он распустил батальон баррикад, от которого не было никакой пользы; он поручил работы военным инженерам и обратился с апелляцией к землекопам. Но все его указы оставались такой макулатурой или были перечеркнуты другими. Когда делегат предложил землекопам 3 франка 50 сантимов, Комитет общественного спасения в той же колонке *Officiel* предложил им 3 франка 75 сантимов.

Комитет общественной безопасности внес свой вклад в оборону, издав указ, обязывающий всех жителей Парижа иметь гражданские удостоверения, предъявление которых может потребовать любая Национальная гвардия, — такой же невыполнимый и непрактичный указ, как указ о непокорных новобранцах. Отель-де-Виль ни у кого не вызывал благоговения; за его громкими словами чувствовалось бессилие. 12-го числа несколько батальонов окружили банк и хотели произвести обыск, но старый Беслай помешал им сделать это, и ужасные диктаторы из Комитета общественной безопасности дезавуировали своего собственного агента. Общественность рассмеялась — ужасная вещь! Последний удар, и все было кончено с властью Коммуны; и этот удар был нанесен меньшинством.

Последний был раздосадован тем, что его наиболее способные члены были изгнаны со службы — Верморель из Комиссии общественной безопасности, Лонге из *Officiel*, Варлен из комиссариата — и был встревожен беспорядком в Военном министерстве. У него возникла неудачная идея отрицать свою собственную ответственность, он подготовил манифест и вынес его на заседание 15-го числа. Большинство, предупрежденное заранее, за исключением четырех или пяти членов, не явилось. Меньшинство подтвердило свое отсутствие и вместо того, чтобы ждать следующего заседания, отправило заявление в газеты. "Коммуна, - говорилось в нем, - передала свою власть в руки диктатуры, которой она дала название Комитета общественного спасения. Большинство своим голосованием объявило себя безответственным. Меньшинство, напротив, утверждает, что Коммуна обязана принять на себя всю ответственность перед революционным движением. Что касается нас самих, мы требуем права самостоятельно отвечать за свои поступки, не прикрываясь высшей диктатурой. Мы удаляемся в свои районы. Убежденные в том, что вопрос войны важнее всех других, мы проведем время, оставшееся нам в связи с нашими муниципальными обязанностями, среди наших братьев из Национальной гвардии".

Это большая ошибка, и совершенно непростительная. Меньшинство не имело права кричать о диктатуре, проголосовав, без каких-либо явных оговорок, за второй комитет. Оно не имело права говорить, что избранные делегаты народа посягали на его суверенитет, поскольку такая концентрация власти была совершенно случайной, вызванной борьбой и оставлявшей принцип народного суверенитета нетронутым при обычных обстоятельствах. Было бы более достойно открыто дезавуировать действия Комитета, а затем самим предложить что-то лучшее. Было бы логично, поскольку "вопрос войны взял верх над всеми остальными", не ослаблять таким образом морально оборону, покидая Отель-де-Виль. Округа направили делегатов в Совет не для того, чтобы удерживать их в своих округах.

Несколько представителей меньшинства вынесли этот вопрос на публичные собрания, которые призывали их вернуться на свои посты. Жители четвертого округа дали объяснение в театре "Лирика", в котором они сказали, "что их руководящим принципом было то, что Коммуна должна была быть лишь исполнителем общественной воли, проявляющей себя постоянно и изо дня в день указывающей, что должно быть сделано для обеспечения триумфа революции". Без сомнения, этот принцип был правильным, и революцию можно обезопасить только с помощью прямого законодательства народа. Но было ли сейчас время для принятия законов, когда верховодили пушки? И в разгар пожара должен ли "исполнительный агент" ожидать, что солдат, который сражается за него, также принесет ему идеи?

Версальские газеты ликовали по поводу этого манифеста. Многие из подписавших его поняли свою ошибку, и пятнадцать из них явились на заседание 17-го. Совет никогда не был таким многочисленным; на поименное голосование откликнулись шестьдесят шесть членов. Сначала Совет рассмотрел предложение, выдвинутое предателем. Барраль де Монто, начальник штаба 7-го легиона, только что опубликовал, что версальцы из Ванва застрелили санитарку Коммуны. Урбен, по настоянию Монто, которому удалось завоевать его дружбу, попросил, чтобы в качестве возмездия пять заложников были расстреляны во внутренних районах Парижа, а пять - на передовых постах. Совет перешел к порядку дня. Сразу после этого инцидента член большинства сделал запрос представителям меньшинства. Он без труда продемонстрировал тщетность доводов, приведенных в их манифесте, и, распаляясь, назвал своих противников жирондистами. "Что? Жирондисты! - ответил Франкель. - Сразу видно, что вы ложитесь спать ночью и встаете утром с *"Монитором"* за 1793 год, иначе вы бы знали разницу между нами, социалистами-революционерами, и жирондистами". Дискуссия стала жаркой. Вальес, подписавший манифест, сказал: "Я заявил, что мы должны прийти к взаимопониманию с большинством; но они также должны уважать меньшинство, которое является силой"; и он потребовал, чтобы все силы были обращены против врага. Гражданин Мио сурово ответил из густой гущи своей бороды. Член большинства заговорил о примирении; немедленно Феликс Пайат, чтобы усилить их гнев, попросил зачитать манифест. Напрасно Вайан разумно и справедливо сказал: "Когда наши коллеги возвращаются к нам, отрекаясь от своей программы, мы не должны показывать это им, чтобы заставить их упорствовать в своих ошибках", - и примирительный приказ Мио, составленный в выражениях, оскорбительных для меньшинства, был побежден.

Внезапно громкий взрыв прервал спор. Биллиоре ворвался в комнату с новостью о том, что только что взорвался патронный завод на авеню Рапп.

Весь восток Парижа был потрясен. Пирамида из пламени, расплавленного свинца, человеческих останков, горящего дерева и пуль поднялась с Марсова поля на огромную высоту и обрушилась на окрестности. Обрушились четыре дома; более сорока человек были ранены, и катастрофа была бы еще ужаснее, если бы пожарные Коммуны не вырвали из гущи пламени повозки с патронами и бочки с порохом. Собирается обезумевшая толпа, верящая в преступление; несколько человек были арестованы, а артиллериста доставили в Военную школу.

Кто был виновником? Никто не знает. Ни Совет, ни прокурор коммуны не рассматривали это дело. Тем не менее Комитет общественной безопасности объявил в прокламации, что четверо виновных задержаны, а Делеклюз заявил, что дело должно быть передано на рассмотрение

военного трибунала. Больше об этом ничего не было слышно, хотя пролить свет на это дело было как долгом, так и интересом Совета. Серьезное расследование, вероятно, выявило бы преступление. Женщины, которые обычно уходили с фабрики в семь часов, в тот день были уволены в шесть часов. Было замечено, что Шарпантье попросил у Корбена динамит; заговорщикам могло быть очень полезно одним ударом посеять панику в Военном министерстве, Военной школе, артиллерийском парке и хижинах на Марсовом поле, которые всегда были заняты несколькими федералами.^[173] Пэрис твердо верила в заговор. Реакционеры говорили: "Это месть за Вандомскую колонну".

Его снесли накануне вечером с большой церемонией. Его снос, идея которого стала весьма актуальной во время первой осады,^[174] постановление было принято 12 апреля.^[175] Это вдохновение, популярное, гуманное, глубокое, показывающее, что война классов должна была прийти на смену войне наций, в то же время было направлено против эфемерного триумфа пруссии. Довольно дорогостоящие приготовления, обошедшиеся почти в 15 000 франков, затянулись из-за равнодушия инженера и постоянных попыток подкупить рабочих. 16 мая, в два часа дня, огромная толпа заполонила все соседние улицы, весьма встревоженная результатом операции. Реакционеры предсказывали всевозможные катастрофы; инженер, напротив, утверждал, что никакого толчка не будет; что колонна разлетится на куски во время спуска. Он распилил его горизонтально немного выше пьедестала; косая канавка должна была облегчить падение навзничь на обширную кучу хвороста, песка и навоза, скопившуюся в направлении улицы Мира.

Веревка, прикрепленная к вершине колонны, была обмотана вокруг стержня, закрепленного у входа на улицу. Место было переполнено национальными гвардейцами; окна, крыши были заполнены любопытствующими зрителями. За неимением ММ. Жюль Симон и Ферри, в то время горячесторонники операции, г-н Гле-Бизуан поздравил нового префекта полиции Ферре, который только что занял место Курне, и признался ему, что в течение сорока лет он страстно желал, чтобы памятник искуплению был снесен. Оркестры заиграли "Марсельезу", стержень повернулся, шкив сломался, и человек был ранен. В толпе уже ходили слухи об измене, но вскоре был поставлен второй шкив. В четверть шестого на балюстраде на некоторое время появился офицер, помахал трехцветным флагом, затем закрепил его на перилах. В половине шестого стержень снова повернулся, и через несколько минут конец колонны медленно сдвинулся с места; стержень мало-помалу поддался, затем, внезапно раскачиваясь назад и вперед, сломался и упал с тихим стоном. Голова Бонапарта покатилась по земле, и его рука-отцеубийца была отделена от туловища. Раздались громкие возгласы, как у народа, освобожденного от ярма. На руины взобрались и приветствовали их восторженными криками, и красный флаг взвился над очищенным пьедесталом, который в тот день стал алтарем рода человеческого.

Люди хотели разделить между собой фрагменты колонны, но им помешало несвоевременное вмешательство присутствующих членов Совета. Неделью спустя их забрали версальцы. Одним из первых действий победившей буржуазии было снова поднять этуогромную глыбу, символ их суверенитета. Чтобы вознести Цезаря на его пьедестал, им понадобились строительные леса из 30 000 трупов. Подобно матерям времен Первой империи, пусть те, кто живет в наши дни, никогда не смотрят на эту бронзу без слез.

СНОСКИ:

[172] Это было то, что генерал Апперт называет бригадой Брюнеля. Численностью 7882 человека.

[173] Приложение XIV.

[174] Во время первой осады *Официальный журнал* мэрии Парижа поместил письмо Курбе с требованием свергнуть колонну.

[175] Таким образом, Курбе еще не был членом Совета. Тем не менее его считали главным виновником падения колонны и обвинили в расходах на ее восстановление.

ГЛАВА XXV.

ПАРИЖ НАКАНУНЕ СМЕРТИ.

Парижу Коммуны осталось жить всего три дня; давайте запечатлеем в нашей памяти ее лучезарную физиономию.

Тот, кто вдохнул в твою жизнь огненную лихорадку современной истории, кто задышался на твоих бульварах и плакал в твоих предместьях, кто пел песни на заре твоих революций, а несколько недель спустя мыл руки в пудре за твоими баррикадами, тот, кто слышит из-под твоих камней голоса мучеников возвышенных идей и читает на каждой из твоих улиц дату человеческого прогресса, даже он отдает меньше справедливости твоему изначальному величию, чем незнакомец, пусть и обыватель, который приходил взглянуть на тебя в дни войны. коммуна. Притяжение мятежного Парижа было настолько сильным, что люди спешили туда из Америки, чтобы увидеть это беспрецедентное в мировой истории зрелище — величайший город европейского континента в руках пролетариев. Даже малодушных тянуло к ней.

В первых числах мая приехал один из наших друзей — один из самых робких людей в робких провинциях. Его родные и близкие провожали его при отъезде со слезами на глазах, как будто он спускался в преисподнюю. Он спросил нас: "Что правдивого во всех этих слухах?" "Что ж, приходите и обыщите все закоулки логова".

Мы вышли из Бастилии. *Street-arabs cry Rochefort's Mot d'Ordre, the Père Duchêne, Jules Vallès' Cri du Peuple, Félix Pyat's Vengeur, La Commune, L'Affranchi, Le Pilon des Mouchards*. От *Officiel* мало что требуется; журналисты Совета подавляют его своей конкуренцией. *Cri du Peuple* выходит тиражом 100 000 экземпляров. Это самый ранний выход; он поднимается вместе с шантеклером. Если сегодня утром у нас будет статья Вальеса, считайте, что нам повезло; но вместо него слишком часто выступает Пьер Дени с его автономией и эксцентричностью. Покупайте "*Пер Дюшен*" только один раз, хотя его тираж превышает 60 000 экземпляров. Возьмем статью Феликса Пая в *Vengeur* как прекрасный пример литературного опьянения. У буржуазии нет лучших помощников, чем эти тщеславные и невежественные болтуны. Вот доктринерский журнал *La Commune*, в который иногда пишет Мильер и в котором Жорж Дюшен отчитывает молодежь и стариков из Отель-де-Виль с суровостью, которая больше подошла бы другому персонажу, чем он. Не забывайте о *Mot d'Ordre*, что бы там ни говорили романтики. Она была одной из первых, кто поддержал революцию 18 марта, и метала ужасные стрелы в версальцев.

В киосках выставлены карикатуры. Тьер, Пикар и Жюль Фавр изображают Трех граций, обнимающих друг друга за животы. Эта прекрасная рыба, *макери*, с сине-зеленой чешуей, которая украшает постель императорской короной, - маркиз де Галлифэ. *Авенур*, рупор *Лиги*. *Le Siècle*, ставшая очень враждебной после ареста Гюстава Шоди; и *La Vérité*, газета Янки Порталиса, сложены в кучу, меланхоличные и неповрежденные. Многие реакционные газеты были запрещены префектурой, но все они не умерли, потому что парень, в котором нет никакой тайны, предлагает их нам.

Прочтите, поищите, найдите один призыв к убийству, к мародерству, одну жестокую строчку во всех этих коммунаских журналах, возбужденных битвой, а затем сравните их с версальскими газетами, требующими массового обстрела, как только войска захватят Париж.

Давайте последуем за теми катафалками, которые везут по улице ла Рокет, и войдем вместе с ними на кладбище Пер-Лашез. Все те, кто погиб за Париж, похоронены с погребальными церемониями в великом месте упокоения. Коммуна взяла на себя честь оплатить их похороны; ее красный флаг развевается по четырем углам катафалка, за ним следуют некоторые товарищи по батальону, в то время как несколько прохожих всегда присоединяются к процессии. Это жена, сопровождающая своего умершего мужа. Член Совета следует за гробом; у могилы он говорит не о сожалениях, а о надежде, о мести. Вдова сжимает своих детей в объятиях и говорит им: "Помните и восклицайте вместе со мной: "Да здравствует Республика! Да здравствует коммуна!"

Возвращаясь по своим следам, мы проходим мимо мэрии одиннадцатого округа. Он завешан черным в знак траура по последнему империалистическому плебисциту, жертвой которого был невиновен народ Парижа. Мы пересекаем площадь Бастилии, веселую, оживленную ярмаркой имбирного хлеба. Париж ничем не уступит пушке; она даже продлила ежегодную ярмарку на неделю. Качели раскачиваются взад и вперед, вращаются колеса фортуны, киоскеры

выкрикивают свои шестипенсовые товары, шуты соблазняют зрителей и обещают половину выручки раненым.

Мы спускаемся по этим большим бульварам. Толпа толкается к цирку Наполеона, где собралось 5000 человек, заполняя его от площади до потолка. Маленькие флажки, на каждом из которых написано название департамента, призывают провинциалов объединиться. Это собрание было созвано некоторыми торговцами, которые предлагают гражданам департаментов направить делегатов к своим соответствующим депутатам, полагая, что последних можно успокоить и добиться мира путем объяснений. Высокий худощавый мужчина с печальным лицом просит разрешения обратиться к народу и поднимается на платформу. Это Мильер, которого толпа приветствует. "Мира, - сказал он, - мы все желаем этого, граждане. Но кто же тогда начал войну? Кто напал на Париж 18 марта? Господин Тьер. Кто напал на нее 2 апреля? М. Тьер. Кто говорил о примирении, множил попытки к миру? Париж. Кто всегда давал им отпор? М. Тьер. Примирение! Господин Дюфор сказал: "Что ж, восстание менее преступно". И то, чего не смогли бы сделать ни масоны, ни лиги, ни адреса, ни муниципальные советники провинций, чего вы ожидаете добиться от депутации, выбранной из числа парижан! Видите, сами того не зная, вы ослабляете оборону. Нет, никаких больше депутатий, но активная переписка с провинциями — в этом спасение!" "Так это и есть тот энергумен, которого мы так боимся в провинции!" - воскликнул наш друг. "Да, и эти тысячи людей самого разного положения, которые вместе стремятся к миру, советуются друг с другом, вежливо отвечают, - это безумные люди, горстка бандитов, удерживающих столицу".

Перед казармами принца Евгения мы видим 1500 солдат, которые оставались в Париже 18 марта и которых Коммуна развлекает, не прося их ни о какой услуге. В верхней части бульвара Маджента мы осматриваем многочисленные скелеты в церкви Сен-Лоран, расположенные в том же порядке, в котором они были найдены, без гробов и покрывал. Разве погребения в церквях формально не запрещены? Однако некоторые из них, особенно Нотр-Дам де Виктуар, изобилуют скелетами. Разве это не обязанность Коммуны - разоблачать эти незаконные действия, которые, возможно, являются преступлениями?

На бульварах, от Бон-Нувель до Оперы, мы видим тот же Париж, слоняющийся без дела перед магазинами, сидящий перед кафе. Экипажи встречаются редко, так как из-за второй осады закончился запас провизии для лошадей. По улице 4 Сентября мы добираемся до Фондовой биржи, увенчанной красным флагом, и Национальной библиотеки, где за длинными столами сидят читатели. Пересекая Пале-Рояль, в аркадах которого всегда шумно, мы подходим к музею Лувр; залы, увешанные картинами, открыты для публики. Версальские журналы, тем не менее, пишут, что коммуна продает национальные коллекции иностранцам.

Мы спускаемся по улице Риволи. Справа, на улице Кастильоне, огромная баррикада преграждает вход на Вандомскую площадь. Выход на площадь Согласия прегражден редутами Сен-Флорентен, простирающимся до здания Морского министерства справа от него, и садом Тюильри слева от него, с тремя довольно плохо направленными амбразурами шириной восемь ярдов. Огромный ров, обнажающий все артерии подземной жизни, отделяет это место от редута. Рабочие завершают строительство и прикрывают погоны газоном. Многие прохожие с любопытством смотрят на нас, и не одна бровь опускается. Искусно построенный коридор ведет нас к площади Согласия. Гордый профиль статуи Страсбурга выделяется на фоне красных

флагов. Коммунары, которых обвиняют в игнорировании Франции, благочестиво заменили увядшие венки времен первой осады свежими весенними цветами.

Теперь мы входим в зону боевых действий. Аллея Елисейских полей разворачивает свою давно опустевшую линию, перерезанную унылыми разрывами снарядов со стороны Мон-Валерьяна и Курбева. Они простираются до Дворца промышленности, сокровища которого работники коммуны мужественно охраняют. Вдалеке возвышается могучая громада Триумфальной арки. Зрители первых дней исчезли, ибо площадь Этуаль стала почти такой же смертоносной, как крепостной вал. Снаряды разбивают барельефы, которые месье Жюль Симон заковал в железо для защиты от пруссаков. Главная арка замурована, чтобы остановить попадавшие в нее снаряды. За этой баррикадой они готовятся установить несколько фигур на платформу, которая почти такая же высокая, как Мон-Валерьян.

Мимо предместья Сент-Оноре мы проезжаем по Елисейским полям. В правом углу, расположенном между авеню Великой Армии, авеню Терн, крепостными валами и авеню Ваграм, нет ни одного неповрежденного дома. Вы видите М. Тьер "не бомбардирует Париж, как не преминут заявить жители Коммуны". С полуразрушенной стены свисают обрывки плаката; это речь месье Тьера против короля Бомбы, которую группа примиренцев была достаточно остроумна, чтобы воспроизвести. "Вы знаете, господа, - сказал он буржуа 1848 года, - что происходит в Палермо. Вы все содрогнулись от ужаса, услышав, что в течение сорока восьми часов крупный город подвергался бомбардировке. Кем? Был ли это иностранный враг, воспользовавшийся правом ведения войны? Нет, джентльмены, это было сделано его собственным правительством. И почему? Потому что этот несчастный город потребовал своих прав. Что ж, тогда для отстаивания своих прав он получил сорок восемь часов бомбардировки!" Счастливый Палермо! Париж уже подвергся сорокадневной бомбардировке.

У нас есть некоторый шанс добраться до бульвара Перье по левой стороне Авеню Терн. Оттуда и до Порт-Майо каждое место таит в себе опасность. Дождавшись кратковременного затишья, мы добираемся до ворот, или, скорее, к груде развалин, которые отмечают их место. Станции больше не существует, туннель засыпан, крепостные валы сползают в рвы. И все же есть люди-саламандры, которые осмеливаются разгуливать среди этих руин. Лицом к воротам стоят три отряда под командованием капитана Марсельезы; справа - капитан Руша с пятью отрядами; слева - капитан Мартин с четырьмя. Монтерет, который командует этим постом последние пять недель, живет с ними в этой атмосфере оболочек. "Мон-Валерьян", "Курбева" и "Бекон" сбросили более восьмисот таких снарядов. Двенадцать блюд подают десять мужчин, обнаженных по пояс, их тело и руки почернели от пудры, они покрыты струйками пота, часто в каждой руке по спичке. Единственный выживший из первого отряда, матрос Бонаventura, двадцать раз видел, как его товарищей разнесло на куски. И все же они держатся, и эти орудия, постоянно демонтируемые, постоянно обновляются; их артиллеристы жалуются только на нехватку боеприпасов, потому что обозы больше не осмеливаются приближаться. Версальцы очень часто пытались и могут пытаться преподнести сюрпризы. Монтерет наблюдает день и ночь и может, не хвастаясь, написать в Комитет общественной безопасности, что, пока он там, версальцы не войдут через ворота Майо.

Каждый шаг к Ла Мюэтт - это вызов смерти. Но наш друг должен увидеть все величие Парижа. На крепостном валу, недалеко от ворот Ла-Мюэтт, офицер машет своим кепи в сторону Булонского леса; вокруг него свистят пули. Это Домбровский, который развлекается тем, что

оскорбляет версальцев из окопов. Члену Совета, который находится рядом с ним, удается заставить его отказаться от этого мушкетерского безрассудства, и генерал отводит нас в замок, где он разместил один из своих штабов. Все комнаты продырявлены снарядами. Тем не менее он остается там и заставляет своих людей оставаться. Было подсчитано, что его адъютанты в среднем жили восемь дней. В этот момент вбегает часовой Бельведера с испуганным выражением лица; снаряд пробил его пост. "Оставайся там, - говорит ему Домбровский. - Если тебе не суждено умереть там, тебе нечего бояться". Таково было его мужество — сплошной фатализм. Он не получил подкрепления, несмотря на свои депеши в Военное министерство; считал игру проигранной и говорил об этом слишком часто.

Это мой единственный упрек, ибо вы не ожидаете, что я принесу извинения за то, что Коммуна позволила иностранцам умереть за нее. Разве это не революция всех пролетариев? Разве народ не должен, наконец, воздать должное великой польской расе, которую предали все французские правительства?

Домбровский провожает нас через Пасси до Сены и показывает нам почти заброшенные крепостные стены. Снаряды разрушают или выкашивают все подходы к железной дороге; большой виадук проваливается в сотне мест; закованные в железо локомотивы опрокинуты. Версальская батарея на острове Бийанкур стреляет в упор по нашим канонерским лодкам и топит одну из них, "*Л'Эсток*", у нас на глазах. Вовремя прибывает буксир, забирает команду и поднимается по Сене под огнем, который следует за ним до Йенского моста.

Чистое небо, яркое солнце, мирная тишина окутывают этот ручей, это крушение, эти разбросанные ракушки. Смерть кажется более жестокой среди безмятежности природы. Давайте пойдем и поприветствуем наших раненых в Пасси. Член Совета Лефрансе посещает машину скорой помощи доктора Демаркея, которого он расспрашивает о состоянии раненых. "Я не разделяю вашего мнения, - отвечает доктор, - и я не могу желать триумфа вашего дела; но я никогда не видел, чтобы раненые сохраняли больше спокойствия и невозмутимости во время операций. Я объясняю это мужеством энергией их убеждений". Затем мы посещаем койки; большинство больных с тревогой спрашивают, когда они смогут возобновить свою службу. Молодой человек восемнадцати лет, которому только что ампутировали правую руку, протягивает другую, восклицая: "Эта рука все еще у меня для служения Коммуне!" Офицеру, смертельно раненному, сообщают, что Коммуна только что передала его жалование жене и детям. "Я не имел на это права", - отвечает он. "Это, мой друг, жестокие пьяницы, которые, согласно Версалию, составляют армию Коммуны".

Мы возвращаемся на Марсово поле; его хижины плохо укомплектованы. Для удержания там батальонов потребовались бы другие *кадры*, другая дисциплина. Перед Школой, в 1500 ярдах от крепостных валов и в нескольких шагах от Военного министерства, сотни боеприпасов остаются неподвижными, забитыми грязью. Оставив справа от нас Военное министерство, этот центр разногласий, войдем в Легислатурный корпус, превращенный в мастерскую. Там работают полторы тысячи женщин, которые шьют мешки с песком, чтобы заделать проломы. Высокая и красивая девушка Марта, повязавшая на талию красный шарф с серебряной бахромой, подаренный ей товарищами, распределяет работу. Часы труда сокращаются под радостные песни. Каждый вечер выплачивается жалование, и женщины получают всю сумму, по восемь сантимов за мешок, в то время как прежние подрядчики едва ли давали им два.

Теперь мы идем по набережным, убаюканные невозмутимым спокойствием. Академия наук проводит свои заседания по понедельникам. Не рабочие сказали: "Республике не нужны ученые". Мсье Делоне в кресле председателя. Мсье Эли де Бомон просматривает корреспонденцию и читает записку от своего коллеги М. Ж. Бертрана, бежавшего в Сен-Жермен. Мы найдем отчет в *Официальном* документе коммуны.

Мы не должны покидать левый берег, не посетив военную тюрьму. Спросите солдат, сталкивались ли они хоть с одной угрозой, хоть с одним оскорблением в Париже; обращались ли с ними не как с товарищами, не подчинялись ли каким-либо исключительным правилам, не были ли освобождены, когда захотели помочь своим парижским братьям.

Тем временем наступил вечер. Открываются театры. "Лирика" дает грандиозное представление в пользу раненых, а "Опера-Комик" готовит еще одно. Опера обещает нам особое представление в следующий понедельник, когда мы услышим революционный гимн Госсека. Артисты Gaîté, покинутые своим менеджером, сами руководят своим театром. "Жимназ", "Шатле", Французский театр, "Амбигю Комик", "Классы" каждый вечер собирают большую аудиторию. Перейдем к более мужественным зрелищам, каких Париж не видел с 1793 года.

Открываются десять церквей, и Революция поднимается на кафедры. В старом квартале Гравилье площадь Святого Николая на Полях наполняется мощным гулом множества голосов. Несколько газовых горелок едва освещают бурлящую толпу, а в дальнем конце, почти скрытая тенью сводов, висит фигура Христа, облаченного в популярную орифламму. Единственный светлый центр - письменный стол напротив кафедры, завешенный красным. Орган и люди поют *Марсельезу*. Оратор, перевозбужденный этим фантастическим окружением, пускается в экзотические апострофы, которые эхо повторяет как угрозу. Люди обсуждают события дня, средства защиты; члены Совета подвергаются суровому осуждению, и выносятся решительные резолюции, которые должны быть представлены в Ратушу на следующий день. Женщины иногда просят разрешения выступить; в "Батиньоле" у них есть свой клуб. Без сомнения, на этих лихорадочных собраниях рождается мало точных идей, но многие находят в них источник энергии и мужества.

Сейчас только девять часов, и, возможно, мы еще успеем на концерт в Тюильри. У входа горожане в сопровождении уполномоченных собирают пожертвования для вдов и сирот коммуны. Огромные залы оживлены приличной и веселой толпой. Впервые респектабельно одетые женщины сидят на трибунах. На галереях играют три оркестра, но душа праздника - в Маршалском зале, где мадемуазель Агар декламирует из "Шатийонов" в том самом месте, где десять месяцев назад воссел на трон Бонапарт со своим оркестром. Моцарт, Мейербер, Россини, великие произведения искусства изгнали музыкальную непристойность Империи. Из большого центрального окна в сад доносятся гармоничные звуки; радостные огоньки сияют, как звезды, на зеленой лужайке, танцуют среди деревьев и окрашивают играющие фонтаны. В беседах люди смеются; но благородные Елисейские поля, темные и пустынные, кажется, протестуют против этих популярных мастеров, которых они никогда не признавали. Версаль тоже протестует против этого пожара, тусклый отблеск которого озаряет Триумфальную арку, чья мрачная громада возвышается над гражданской войной.

В одиннадцать часов, когда толпа расходится, мы слышим шум со стороны часовни. Мсье Шельхер только что арестован. Его доставили в префектуру, где через несколько часов прокурор Риго отпускает его на свободу.

Бульвары запружены людьми, идущими из театров. В кафе "Петерс" происходит скандальное собрание штабных офицеров и проституток. Внезапно появляется отряд национальных гвардейцев и уводит их. Мы следуем за ними в Отель-де-Виль, где их принимает Ранвье, который там дежурит. Происходит короткая расправа: женщины - в Сен-Лазар, офицеры с лопатами и мотыгами - в окопы.

Час ночи. Париж спит спокойно. Таков, мой друг, Париж разбойника. Вы видели этот Париж думающим, плачущим, сражающимся, работающим, полным энтузиазма, братским, суровым к пороку. Ее улицы, свободные днем, менее безопасны в ночной тишине? С тех пор как в Париже появилась собственная полиция, преступность исчезла.^[177] Каждый предоставлен своим инстинктам, и где вы видите победу разврата? Эти федералы, которые могли бы привлечь миллиарды, живут на смехотворную зарплату по сравнению с их обычной зарплатой. Узнаете ли вы наконец этот Париж, семь раз обстреливаемый с 1789 года и всегда готовый восстать ради спасения Франции? Скажите, в чем ее программа? Что ж, ищите это перед собой, а не в шатающемся Отель-де-Виль. Эти дымящиеся бастионы, эти взрывы героизма, эти женщины, эти мужчины всех профессий, объединенные, все рабочие земли рукоплещают нашей борьбе, все монархи, вся буржуазия объединились против нас, разве они недостаточно громко выражают нашу общую мысль и то, что все мы боремся за равенство, предоставление избирательных прав трудящимся, наступление социального общества? Горе Франции, если она не поймет! Уезжайте немедленно; расскажите, что такое Париж. Если она умрет, какая жизнь останется вам? У кого, кроме Парижа, хватит сил продолжить Революцию? Кто, кроме Парижа, задавит клерикального монстра? Идите, скажите республиканским провинциям: "Эти пролетарии тоже сражаются за вас, которые, возможно, завтра станут изгнанниками". Что касается этого класса, поставщика империй, который воображает, что может управлять с помощью периодических бойни, идите и скажите им с акцентом, достаточно громким, чтобы заглушить их крики: "Кровь народа обогатит революционное поле. Идея Парижа возникнет из его горящих внутренностей и станет неумолимой головней среди сыновей убитых".

СНОСКИ:

^[176] Похороны лейтенанта Шатле из 61-го.

^[177] Смотрите показания начальника полиции месье Клода, *Энкетт-сюр-ле-18 Марта*. том ii. стр. 106.

ГЛАВА XXVI.

"La porte de St. Cloud vient de s'abatre. Le général Douai s'y est précipité."—*M. Thiers aux Préfets, le 21 Mai.*

ВЕРСАЛЬЦЫ ВСТУПАЮТ В ПАРИЖ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 мая. В ТРИ ЧАСА ДНЯ СОВЕТ КОММУНЫ РАСПУСКАЕТСЯ.

Приближалась великая атака; Собрание выстроилось в боевом порядке. 16 мая он отказался признать Республику правительством Франции и проголосовал за публичную молитву 417 голосами из 420. 17-го армия установила свои батареи прорыва у ворот Ла-Мюэтт, Отей, Сен-Клу, Пойнт-дю-Жур, Исси. Батареи в тылу продолжали обстреливать окружение Пойнт-дю-Жур и сбивать с толку Пасси. Осколки замка Брекон разрушили Монмартрское кладбище и добрались до площади Сен-Пьер. У нас было пять округов под обстрелом.

18-го вечером версальцы застали врасплох федералов Кашана, приблизившись к ним с криком "Да здравствует коммуна!". Однако нам удалось предотвратить их движение в сторону Верхнего Брюйера. Доминиканские монахи, которые из своего монастыря подавали сигналы врагу, были арестованы и доставлены в форт Бисетр.

19.— Несмотря на версальские подходы, наша оборона не стала более энергичной. Бастионы 72 и 73 время от времени выпускали несколько снарядов по деревне и форту Исси. От Point du Jour до Porte-Maillot у нас была только пушка Дофинских ворот, чтобы ответить сотне версальских орудий и проверить их работу в Булонском лесу. Несколько баррикад у ворот Бино и Аньер и на Итальянском бульваре, два редута на площади Согласия и улице Кастильоне, ров на Королевской улице и еще один у Трокадеро - вот и все, что Совет сделал за семь недель для защиты внутренних районов. Не было никаких работ на вокзале Мон-Парнас, в Пантеоне, на холмах Монмартра, где 14-го числа были выпущены две или три пули только для того, чтобы убить наших собственных людей у Лавалья. На террасе Тюильри около двенадцати землекопов печально копались в бесполезной яме. Комитет общественной безопасности, по их словам, не мог найти рабочих, когда у них было 1500 бездельников в казармах принца Евгения, 100 000 сидячих охранников и миллионы франков на руках. Железная воля и твердое руководство все еще могли бы спасти все; но сейчас мы находились в периоде комы, огромной усталости. Соревнования, ссоры и интриги истощили всю энергию. Совет занимался деталями, мелочами. Комитет общественного спасения множил свои романтические заявления, которые никого не трогали. Центральный комитет думал только о том, чтобы захватить власть, которой он был не в состоянии обладать, и 19-го объявил себя администратором Военного министерства. Его члены были настолько уверены в своем влиянии, что один из них указом, опубликованным в *Officiel*,

приказал всем жителям Парижа "явиться по домам в течение сорока восьми часов" под страхом "сожжения их титулов на аренду большого ливра". Это был кулон с гражданской карточкой.

Наши лучшие батальоны, поредевшие, предоставленные самим себе, были всего лишь развалинами. С начала апреля мы потеряли 4000 человек убитыми или ранеными и 3500 пленными. Теперь у нас оставалось 2000 человек от Аньера до Нейи, возможно, 4000 от Ла-Мюэтт до Пти-Ванв. Батальонов, назначенных на посты в Пасси, там не было или они оставались в домах вдали от крепостных валов; многие их офицеры исчезли. На бастионах с 36 по 70, как раз в точке атаки, не было и двадцати артиллеристов; часовые отсутствовали.

Было ли это государственной изменой? Несколько дней спустя заговорщики хвастались, что разобрали эти укрепления; но ужасной бомбардировки было бы достаточно, чтобы объяснить это бездействие. И все же это была преступная беспечность. Домбровский, уставший бороться с инертностью Военного министерства, был обескуражен, слишком часто уходил в свою квартиру на Вандомской площади, в то время как Комитет общественной безопасности, проинформированный об оставлении крепостных валов, довольствовался предупреждением Военного министерства вместо того, чтобы поспешить на помощь и взять ситуацию в свои руки.

В субботу, 20 мая, батареи прорыва были разоблачены; взрывы 300 морских орудий и осадных орудий, сливающиеся воедино, возвестили о начале конца.

В тот же день де Бофон, которого арест Ласнье не обескуражил, отправил своего обычного эmissара предупредить начальника версальского генерального штаба о том, что ворота Монружа, Ванва, Вожирара, Пойнт-дю-Жур и Дофина совершенно пустынные. Немедленно был отдан приказ о сосредоточении войск. 21-го числа версальцы оказались в полной готовности, как и 3-го и 12-го, но на этот раз успех казался несомненным; ворота Сен-Клу были разбиты вдребезги.

В течение нескольких дней некоторые члены Совета указывали на это нарушение начальнику генерального штаба Генри Продомму. Он ответил а-ля Ключере, что его меры приняты; что он даже собирается возвести ужасную железную баррикаду перед этими воротами; но он не пошевелился. Воскресным утром Лефрансе, перейдя ров по развалинам подъемного моста на расстоянии примерно пятнадцати ярдов, наткнулся на версальские траншеи. Пораженный неотвратимостью опасности, он послал Делеклюзу записку, которая была утеряна.

В половине третьего в тени Тюильри давался грандиозный концерт в пользу вдов и сирот Коммуны. Пришли тысячи людей; яркие весенние платья женщин освещали зеленые аллеи; люди жадно вдыхали свежий воздух, исходящий от огромных деревьев. В двухстах ярдах от нас, на площади Согласия, разрывались версальские снаряды, издавая диссонирующую нотусреди радостных звуков оркестров и бодрящего дыхания весны.

По окончании концерта штабной офицер поднялся на трибуну дирижера оркестра. "Граждане, - сказал он, - М. Тьер обещал вчера войти в Париж. Господин Тьер не вошел и не войдет. Я приглашаю вас прийти сюда в следующее воскресенье, в то же самое место, на наш второй концерт в пользу вдов и сирот".

В тот самый час, в ту самую минуту, почти на расстоянии пушечного выстрела, авангард версальцев вступал в Париж.

Ожидаемый сигнал, наконец, был подан от ворот Сен-Клу, но исходил не от лицензированных заговорщиков. Шпион-любитель Дукатель пересекал эти кварталы, когда увидел, что все, включая ворота и крепостные валы, совершенно опустело. После этого он взобрался на бастион 64, размахивая белым платком, и крикнул солдатам в окопах: "Вы можете войти, здесь никого нет". Вперед вышел морской офицер, допросил Дюкателя, перешел по развалинам подъемного моста и смог убедиться, что бастионы и соседние дома полностью заброшены. Немедленно вернувшись в окопы, офицер телеграфировал эту новость ближайшим генералам. Батареи прорыва прекратили огонь, и солдаты из ближних окопов небольшими взводами проникли в окружение. М. Тьер, Мак-Магон и адмирал Потуан, которые как раз в это время находились в Мон-Валерье, телеграфировали в Версаль, чтобы все дивизии были приведены в движение.

Домбровский, несколько часов отсутствовавший в своей штаб-квартире в Ла-Мюэтте, прибыл в четыре часа. Его встретил командир и сообщил ему о вступлении версальцев. Домбровский дал офицеру закончить свой доклад, затем, повернувшись к одному из своих адъютантов, с тем хладнокровием, которое он преувеличивал в критических обстоятельствах, сказал: "Пошлите в Морское министерство за батареей из семи пушек; предупредите такие-то батальоны. Я сам приму командование на себя. Он также направил депешу в Комитет общественной безопасности и Военное министерство и отправил батальон добровольцев занять ворота Отей.

В пять часов национальная гвардия без кепи, без оружия подняла крик тревоги на улицах Пасси; некоторые офицеры, обнажив сабли, пытались остановить их; федералы вышли из своих домов, одни заряжали ружья, другие утверждали, что это была ложная тревога. Командир добровольцев собрал и увел за собой столько людей, сколько смог.

Эти добровольцы были солдатами, обученными стрельбе. Возле железнодорожной станции они увидели красномундирников и встретили их залпом. Версальский офицер верхом на лошади, который спешил, пытаясь подстегнуть своих людей с обнаженной саблей, пал под нашими пулями, и его солдаты отступили. Федералы прочно обосновались на виадуке и на открытии бульвара Мюрата, в то время как набережная рядом с Йенским мостом была забаррикадирована.

Депеша Домбровского попала в Комитет общественной безопасности. Биллиорай, дежуривший в этот момент, сразу же направился в Совет. Ассамблея как раз предавала Кюзере суду, и Верморель выступал с речью. Бывший делегат, сидя на стуле, слушал оратора с той тщеславной беспечностью, которую наивные принимали за талант. Биллиоре, очень бледный, вошел и на мгновение присел; затем, когда Верморель продолжил, крикнул ему: "Заклучайте! заключайте! Я должен сделать сообщение величайшей важности для Ассамблеи; я требую тайного заседания".

Верморель: "Пусть скажет гражданин Биллиорэй".

Биллиорай встал и прочитал бумагу, которая слегка дрожала в его руке. "Домбровский войне и Комитету общественного спасения. Версальцы вошли через Порт-де-Сен-Клу. Я принимаю меры, чтобы отбросить их назад. Если вы сможете прислать мне подкрепление, я отвечаю за все".^[178]

Сначала воцарилось мучительное молчание, вскоре нарушенное вопросами. "Несколько батальонов ушли маршем, - ответил Биллиоре. - Комитет общественной безопасности наблюдает".

Дискуссия была снова продолжена и, естественно, прервана. Совет оправдал Кюзере; нелепый импичмент, выдвинутый Мио, составленный исключительно из сплетен, игнорировал единственный инкриминирующий факт — бездействие Кюзере во время его делегирования. Затем они разделились на группы и прокомментировали сообщение. Уверенность Домбровски, уверенность Биллиорея оказались вполне достаточными для романтиков. Что касается веры в генерала, прочности крепостных валов, бессмертия дела; что касается ответственности Комитета общественного спасения, то этот вопрос был замалчиваем; пусть каждый отправляется на поиски информации и в случае необходимости отправляется в свой округ.

Время было потрачено впустую на светскую беседу; не было ни предложений, ни прений; пробило восемь часов, и председатель объявил заседание открытым. Последнее заседание Совета! И некому было потребовать создания постоянного комитета; некому было призвать своего коллегу подождать здесь новостей, вызвать Комитет общественной безопасности на заседание Совета. Не было никого, кто настаивал бы на том, что в этот критический момент неопределенности, когда, возможно, потребовалось бы немедленно разработать план обороны или принять решительное решение на случай катастрофы, пост стражей Парижа находился в центре, в Отель-де-Виль, а не в их соответствующих округах.

Таким образом, Совет Коммуны исчез из истории, как и Отель-де-Виль, в момент высшей опасности, когда версальцы проникли в Париж.

Такая же прострация царила и в Военном министерстве, где в пять часов получили известие. Центральный комитет обратился к Делеклюзу, который казался очень спокойным, и сказал то, во что многие действительно верили, что уличная борьба пойдет на пользу Коммуне. Командир отделения в Пойнт-дю-Жур только что пришел доложить, что ничего серьезного не произошло, и делегат принял его заявления без подтверждения. Начальник генерального штаба даже не счел нужным пойти и сделать личное признание, и к восьми часам он получил эту невероятную депешу, прикрепленную к плакату: "Обсерватория Триумфальной арки отрицает въезд версальцев; по крайней мере, она не видит ничего похожего на это. Командир (Рено) секции только что покинул мой кабинет и заявляет, что произошла всего лишь паника и что ворота Отей не были взломаны; что если несколько версальцев и вошли, то они были отброшены. Я послал за одиннадцатью батальонами подкрепления и таким же количеством офицеров генерального штаба, которые не должны покидать их, пока не отведут на посты, которые они должны занять".

В тот же час М. Тьер телеграфировал своему префекту, "ворота Сен-Клу упавший под огонь наших пушек. Генерал Дуэ ворвался в город". Двойная ложь. Ворота Сен-Клу были широко открыты в течение трех дней, и версальцы не осмеливались пройти через них, и генерал Дуэ прокрался внутрь очень скромно, человек за человеком, введенный изменой.

Ночью Министерство, казалось, немного проснулось. Туда стекались офицеры, требуя приказаний. Генеральный штаб не разрешил бить в набат под предлогом того, что население не должно быть встревожено. Некоторые члены Совета наконец углубились в изучение плана Парижа, изучая те стратегические моменты, о которых забыли на шесть недель. Когда требовалось немедленно найти идею, метод и дать точные инструкции, делегат запирался в своем кабинете, чтобы составить прокламацию.

В то время как в центре Парижа, уверенная в своих доверенных лицах, горстка людей, без солдат, без информации, готовила первое сопротивление, версальцы продолжали проникать

внутри через бреши в крепостных валах. Волна за волной их поток затихал, скрываемый сумерками. Постепенно они скопились между железнодорожной линией и укреплениями. В восемь часов они были достаточно многочисленны, чтобы разделить на две колонны, одна из которых, повернув налево, увенчала бастионы 66 и 67, в то время как другая двинулась направо по дороге на Версаль. Первый засел в центре Пасси, заняв приют Святого Перина, церковь и площадь Отей; другой, сметая элементарную баррикаду, сооруженную на набережной в начале улицы Гийон, к часу ночи со стороны улицы Рейнуар, взобрался на Трокадеро, не укрепленное и не охраняемое с этой стороны, и сразу же овладел им.

В Отель-де-Виль наконец собрались члены Комитета общественного спасения. Один Биллиоре исчез, чтобы больше не появиться. Они ничего не знали о численности и расположении войск, но знали, что под покровом ночи враг вошел в Пасси. Штабные офицеры, посланные на разведку в Мюэтт, вернулись с самыми обнадеживающими новостями. Вслед за этим, в одиннадцать часов, член Совета Асси вошел на улицу Бетховена, где были погашены огни. Вскоре его лошадь отказалась продвигаться вперед; она поскользнулась в больших лужах крови, а национальные гвардейцы, казалось, уснули вдоль стен. Внезапно люди бросились вперед. Это были версальцы, поджидавшие в засаде; эти спящие были убитыми федералами.

Версальцы устраивали резню в стенах Парижа, а Париж об этом не знал. Ночь была ясная, звездная, мягкая, благоухающая; театры были переполнены, бульвары искрились жизнью и весельем, яркие кафе кишели посетителями, а пушки повсюду замолкали — тишина, невиданная в течение трех недель. Если бы "лучшая армия, которая когда-либо была у Франции", двинулась прямо по набережным и бульварам, совершенно свободным от баррикад, одним прыжком, без единого выстрела, она сокрушила бы Парижскую коммуну.

Добровольцы продержались на железнодорожной ветке до полуночи; затем, измученные, оставшись без какого-либо подкрепления, они отступили к Ла-Мюэтту. Генерал Клинчан последовал за ними, занял ворота Отей, прошел мимо ворот Пасси и двинулся на штаб Домбровского. Пятьдесят добровольцев еще некоторое время вели перестрелку в замке, но, обойденные с востока, собираясь быть окруженными со стороны Трокадеро, в половине второго ночи они начали отступление по Елисейским полям.

На левом берегу генерал Сисси весь вечер сосредотачивал свои силы примерно в 200 ярдах от окружения. В полночь его саперы пересекли ров, взобрались на крепостной вал, даже не столкнувшись с часовым, и открыли ворота Севра и Версаля.

В три часа ночи версальцы хлынули в Париж через пять зияющих ран ворот Пасси, Отей, Сен-Клу, Севра и Версаля. Была занята большая часть пятнадцатого округа, взята Мюэтта; взят весь Пасси и высоты Трокадеро, взят также пороховой склад на улице Бетховен, огромные катакомбы, проходящие под шестнадцатым округом, забитые 3000 бочек пороха, миллионами патронов, тысячами гильз. В пять часов первый версальский снаряд упал на Почетный легион. Как и утром 2 декабря, Париж спал.

СНОСКА:

[178] Оригинал этого документа был утерян, но мы смогли восстановить текст, опираясь на свидетельства брата Домбровского и большого числа членов Совета, присутствующих на этом заседании.

ГЛАВА XXVII.

"Les généraux qui ont conduit l'entree à Paris sont de grands hommes de guerre."—*M. Thiers à l'Assemblée Nationale, 22 Mai 1871.*

ПОНЕДЕЛЬНИК, 22—Е ЧИСЛО — ВЕРСАЛЬЦЫ ВТОРГАЮТСЯ В ВОСТОЧНЫЕ КВАРТАЛЫ -ПАРИЖ ВОССТАЕТ.

В два часа Домбровский прибыл в Отель-де-Виль, бледный, удрученный, его грудь была в синяках от камней, пробитых дробью. Он рассказал Комитету общественной безопасности о вступлении версальцев, о неожиданности Пасси, о его бесполезных попытках сплотить людей. Поскольку на него давили с новостями, поскольку они казались удивленными таким быстрым вторжением, поскольку Комитет так мало знал о военной ситуации, Домбровский, который неправильно их понял, воскликнул: "Что? Комитет общественного спасения принимает меня за предателя! Моя жизнь принадлежит Коммуне". Его жест, его голос свидетельствовали о его горьком отчаянии.

Утро было теплым и ясным, как и накануне. Призыв к оружию, набат подняли три или четыре тысячи человек, которые поспешили к Тюильри, Ратуше и Военному министерству; но сотни других в этот момент оставили свои посты, покинули Пасси и опустошили пятнадцатый округ. Федералы из Пти-Ванва вернулись в Париж в пять часов и, увидев, что Трокадеро занято версальцами, отказались держаться. На левом берегу, на площади Святой Клотильды, несколько офицеров попытались остановить их, но были отбиты охраной. "Теперь это война на баррикадах, - сказали они, - каждый на своей стороне". У Почетного Легиона они проложили себе дорогу; провозглашение Делеклюза освободило их.

Так начиналось то роковое воззвание, расклеенное на всех стенах:

"Хватит милитаризма! Больше никаких штабных офицеров в их расшитых золотом мундирах! Дайте дорогу народу, бойцам с обнаженным оружием! Час войны за независимость пробил! Народ ничего не знает об ученых маневрах. Но когда у них в руках оружие, а под ногами мостовая, они не боятся всех стратегов монархической школы!"

Когда военный министр таким образом клеймит всякую дисциплину, кто отныне будет подчиняться? Когда он отвергает все методы, кто прислушается к доводам разума? Таким образом, мы увидим сотни людей, отказывающихся сойти с тротуара своей улицы, не обращающих внимания на соседний квартал в агонии, остающихся неподвижными до последнего часа в ожидании, когда придет армия и сокрушит их.

В пять часов утра начался официальный выезд. Начальник генерального штаба Анри Продомм приказал срочно эвакуировать Военное министерство, не унося и не уничтожая документы. На следующий день они попали в руки версальцев и предоставили военным трибуналам тысячи жертв.

Покидая министерство, Делеклюз встретил Брюнеля, который, выйдя на свободу только накануне вечером, сразу же собрал свой легион и теперь пришел предложить свои услуги, поскольку был одним из тех людей с слишком твердыми убеждениями, которые не может поколебать самая жестокая несправедливость. Делеклюз отдал ему приказ защищать площадь Согласия. Брюнель отправился туда и разместил 150 тираллеров, три штуки по 4 см, одну из 12, две из 7 на террасе Тюильри и на берегу реки. Он снабдил редут Сен-Флорентин митральезой и осколком 4-го калибра; редут на Рю-Рояль, у входа на площадь Согласия, двумя осколками 12-го калибра.

Перед Брюнелем, на площади Бованен, несколько человек из 8-го легиона предприняли тщетные попытки остановить беглецов из Пасси и Отейля, а затем самостоятельно привели квартал в боеспособное состояние. Были возведены баррикады в предместье Сент-Оноре до Английского посольства, на улице Сюрен и Виль-Левек; на площади Св. Огюстен, открытие бульвара Осман и перед бульваром Мальзерб, когда появились версальцы.

Ранним утром они двинулись в дальнейший поход. В половине шестого Дуэ, Клиншан и Ладмиро, пройдя вдоль крепостного вала, вышли на авеню Великой армии. Артиллеристы Порт-Майо, обернувшись, увидели у себя в тылу версальцев, своих соседей на протяжении примерно десяти часов. Ни один часовой не донес на них. Монтерет выстроил своих людей у Терна; затем, оставшись наедине с ребенком, зарядил одну из пушек Порт-Майо, выпустил последний снаряд по врагу и сумел скрыться через Батиньоль.

Колонна Дуэ снова прошла Проспект до баррикады перед Триумфальной аркой, которую они взяли без боя, федералы едва успели унести пушки, которые должны были установить на Триумфальной арке. Солдаты прошли маршем по набережной и вышли на безмолвную площадь Согласия; внезапно терраса Тюильри загорелась; версальцы, встреченные залпом в упор, бежали до Промышленного дворца, оставив много убитых.

Слева солдаты заняли заброшенный Елисейский дворец, и к утру Морни и Аббатуччи вышли на площадь Св. Огюстен, где едва начались баррикады, не смог оказать сопротивления, и к

половине восьмого версальцы расположились в казармах Пепиньер. Федералы образовали вторую линию в тылу, перекрыв бульвар Малешерб в верхней части улицы Буасси д'Англас.

Слева от Дуэ Клинчан и Ладмиро продолжали свое движение вдоль крепостных валов. Важные работы у ворот Бино, Курселя, Аньера и Клиши, направленные против укреплений, оказались бесполезными, и Терн был занят без нанесения удара. В то же время одна из решительных дивизий прошла мимо внешних крепостных валов. Федеральные батальоны, дежурившие в Нейи, Леваллуа-Перре, и Сент-Уане, подверглись обстрелу с тыла (это было первое известие, которое они получили о вступлении версальцев), и многие федералы были взяты в плен. Другим удалось вернуться в Париж через ворота Бино, Аньера и Клиши, посеяв панику и слухи об измене в семнадцатом округе.

Веревку били всю ночь в Батиньоле, и она вызвала сидячих охранников и молодежь. Саперный батальон бросился вперед, чтобы встретить стрелков Клиншана, и начал стрелять перед парком Монсо и площадью Ваграм, когда национальные гвардейцы, обманутые их красными штанами, открыли по ним смертоносный огонь. Они отступили и обнажили Парк, который заняли версальцы, а затем двинулись к Батиньолю. Там они были остановлены баррикадами, возвышавшимися со всех сторон; слева, от площади Клиши до улицы Леви; в центре, на улицах Лебуто, Ла Кондамин и ДезДам; справа был укреплен Ла Фурш, соперничающий с площадью Клиши, и вскоре Батиньоле превратился в серьезную передовую стену Монмартра, нашей главной крепости.

Последний в течение семнадцати часов[179] молча наблюдал за вступлением войск в Версаль. Утром колонны Дуэ и Ладмиро, их артиллерия и обозы встретились друг с другом и запутались на площади Трокадеро. Несколько снарядов с Монмартра[180] превратили бы эту неразбериху в бегство, и наименьшим препятствием, с которым столкнулись войска при вступлении в Париж, было бы второе 18 марта; но пушки Бьюттов оставались немymi.

Чудовищная халатность, которой одной было бы достаточно, чтобы осудить Совет, Военное министерство и делегатов Монмартра. Восемьдесят пять пушек и около двадцати митральез лежали там, грязные, вперемешку, и никто за эти восемь недель даже не подумал о том, чтобы почистить их. Снарядов калибра 7 см. было предостаточно, но патронов не было. В Мулен-де-ла-Галетт только три части длиной 24 см. были снабжены тележками, но там не было ни парашетов, ни блиндажей, ни даже платформ. В девять часов утра они еще не стреляли; после первого выстрела отдача опрокинула каретки, и потребовалось много времени, чтобы установить их снова. Сами по себе эти три орудия имели очень мало боеприпасов. Укреплений или земляных валов там не было; было начато лишь возведение нескольких баррикад у подножия внешних бульваров. В девять часов Сесилия отправилась на Монмартр и застала защиту в таком позорном состоянии. Он немедленно направил депеши в Отель-де-Виль, призывая членов Совета прибыть самим или, по крайней мере, прислать подкрепление людьми и боеприпасами.

Похожее событие произошло в то же время на левом берегу в Военной школе. Оказавшись лицом к лицу со своим артиллерийским парком, версальцы с часу ночи маневрировали на Трокадеро, не сделав по ним ни единого пушечного выстрела. Чем же тогда занимался ректор Высшей школы?

На рассвете лангурская бригада атаковала хижины на Марсовом поле. Федералы оборонялись несколько часов и были выбиты только снарядами с Трокадеро, которые вызвали пожар.^[181] Затем они вернулись к Эколь и долгое время сдерживали усилия войск, давая семнадцатому округу время подняться. Набережная до Почетного Легиона, улиц Лилль, Университет и бульвара Сен-Жермен вплоть до улицы Сольферино была забаррикадирована. С Полдюжины заговорщиков с повязками во главе с Дюрушу и Вриньо на большой скорости спускались по улице Бак, когда член Совета Сикард арестовал их перед "Малым Сен-Томасом". Пуля попала в Дюрушу; его помощники унесли его и воспользовались случаем, чтобы больше не появляться. Улицы Бон, Верней и Сен-Пер были переведены в режим обороны, а на улице Севр у аббатства о-Буа была возведена баррикада.

Справа солдаты Сиссе беспрепятственно спустились по улице Вожирар до Авеню Мен; другая колонна двинулась вдоль железной дороги и в половине седьмого достигла вокзала Монпарнас. Эта чрезвычайно важная позиция была совершенно заброшена; около двадцати человек защищали ее, но вскоре у них закончились патроны, и они были вынуждены отступить на улицу Ренн, где под огнем войск они построили баррикаду в верхней части улицы Старого Коломбье. Крайний справа от него Сисси занял ворота Ванвеса и выстроился вдоль всей железной дороги на западе.

Париж поднялся под грохот пушек и зачитал воззвание Делеклюза. Магазины тотчас же снова закрылись, бульвары опустели, и Париж, старый повстанец, вновь обрел свой воинственный облик. По улицам пронеслись отряды, и остатки батальонов подошли к Ратуше, где были сосредоточены Центральный комитет, Комитет артиллерии и все военные службы.

В девять часов собралось двадцать членов Совета. Чудо! Там был Феликс Пайат, который тем же утром в своей газете крикнул "К оружию!". Он напустил на себя патриархальный вид. "Что ж, друзья мои, пришел наш последний час. О, для меня это не имеет значения! Мои волосы поседели, моя карьера на исходе. На какой более славный конец я мог надеяться, чем на баррикаде. Но когда я вижу вокруг себя так много людей в расцвете сил, я трепещу за будущее Революции!" Затем он потребовал, чтобы были указаны имена присутствующих членов клуба, чтобы отчетливо выделить тех, кто верен своему долгу. Он расписался, и со слезами на глазах старый комедиант побежал в укромное место, превзойдя своей последней трусостью все свои прежние злодеяния.

Это была бесплодная встреча, потраченная на обсуждение новостей дня; никакого импульса, никакой системы защиты не было предложено. Федералы были предоставлены самим себе — им пришлось самим заботиться о себе. В течение всей прошедшей ночи ни Домбровский, ни Военное министерство, ни Отель-де-Виль не думали о батальонах за пределами города. Отныне каждому корпусу не на что было рассчитывать, кроме как на свою собственную инициативу, на ресурсы, которые он мог бы создать, и на интеллект своих командиров.

В связи с отсутствием указаний раздавалось множество прокламаций.

"Да восстанут добрые граждане! На баррикады! Враг в наших стенах. Без колебаний. Вперед, за Коммуну и свободу. К оружию!"

"Пусть Париж оцетинится баррикадами, и из-за этих импровизированных крепостных валов все еще будет бросать своим врагам клич войны, гордости, неповиновения, но также и победы; ибо Париж с его баррикадами невыразим".

Великие слова; ничего, кроме слов.

Полдень.—Генерал Сисси перевернул Военную школу и тем самым вытеснил ее последних защитников. Солдаты вторглись на Эспланаду инвалидов и вышли на улицу Гренель Сен-Жермен, когда в Главной государственной школе произошел взрыв, обративший их в бегство. Две наши пушки обстреляли улицу Университета; четыре канонерские лодки, стоявшие на якоре под мостом Пон-Руаяль, открыли огонь по Трокадеро. В центре, в восьмом округе, завязалась перестрелка с версальцами. У Батиньоля они не продвинулись вперед, но их снаряды обрушились на улицу Леви. Мы также потеряли много людей на улице Кардине, где яростно дрались дети.

Малон и Жаклар, руководившие этой частью обороны, с утра тщетно обращались к Монмартру за подкреплением; поэтому ближе к часу дня они сами отправились на их поиски. Ни один из штабных офицеров не мог сообщить им ни малейшей информации. Федералы бродили по улицам или болтали небольшими группами. Мэлон хотел забрать их с собой, но они отказались, по их словам, приберегая себя для защиты собственного квартала. Пушки на холмах молчали из-за нехватки патронов; Отель-де-Виль прислал только слова.

На высотах все еще оставались два генерала, Кюзере и Ла Сесилия, бывший делегат меланхолически демонстрировал свою сонную беспомощность, в то время как Ла Сесилия, никому не известный в этих краях, сразу же почувствовал себя бессильным.

Два часа.— Отель-де-Виль снова принял свой величественный вид по-мартовски. Справа был захвачен Комитет общественной безопасности, а слева - Военное министерство. Центральный комитет множил свои распоряжения и возмущался неспособностью членов Совета, хотя сам был неспособен сформулировать ни одной точной идеи. Артиллерийский комитет, более чем когда-либо обеспокоенный, все еще не мог разобрать свои пушки, не знал, кому их передать, и часто отказывался от орудий для наиболее важных позиций.

Делегаты Лионского конгресса под руководством Жюль Амига и Ж. Ларрока приехали, чтобы предложить свое вмешательство, но у них не было мандата, и они даже не знали, является ли М. Тьер принятым бы их. Их приняли довольно холодно. Кроме того, многие в Ратуше верили в победу и почти радовались вступлению версальцев, ибо Париж, казалось, действительно поднимался.

Баррикады быстро увеличивались. Башня на улице Риволи, которая должна была защищать Отель-де-Виль, была возведена у входа на площадь Сен-Жак, на углу улицы Сен-Дени. Пятьдесят рабочих трудились каменщиками, в то время как толпы детей привозили с площади тачки, полные земли. Это сооружение глубиной в несколько ярдов, высотой в шесть ярдов, с рвами, амбразурами, внешним укреплением, такое же прочное, как флорентийский редут, на возведение которого ушли недели, было закончено за несколько часов — пример того, что разумные усилия в нужное время могли бы сделать для обороны Парижа. В девятом округе улицы Обер, Шоссе д'Антен, Шатоден, перекрестки в предместье Монмартр, Нотр-Дам-де-Лоретт, Тринитэ и улица Мучеников не были заасфальтированы. Были забаррикадированы большие подступы к Ла Шапель, Бют-Шомон, Бельвиль, Менильмонтан, улица ла Рокет, Бастилия, бульвары Вольтера и Ришара Ленуара, площадь Шато д'О, большие бульвары, особенно от ворот Сен-Дени; а на левом берегу по всей длине бульвара Сен-Мишель, Пантеона, улицы Сен-Жак, Гобеленов и главные проспекты тринадцатого округа. Очень многие из этих оборонительных сооружений так и не были закончены.

В то время как Париж готовился к последней битве, Версаль был вне себя от радости. Ассамблея собралась рано, и М. Тьер не оставил бы никому из своих министров возможность объявить о первых боях в Париже. Его появление на трибуне было встречено яростными возгласами. "Дело справедливости, порядка, человечности и цивилизации восторжествовало", - кричал маленький человечек. "Генералы, которые руководили вступлением в Париж, - великие военные люди. Искупление будет полным. Оно произойдет во имя закона, посредством закона, с соблюдением закона". Палата, понимая, что это сулит кровавую бойню, встала как один человек и единогласно, правые, левые, центристы, клерикалы, республиканцы, монархисты, поклялись, что "версальская армия и глава исполнительной власти хорошо послужили стране".[182]

Заседание было немедленно закрыто, депутаты устремились к Диоженскому фонарю, Шатийону и Мон-Валерьену, на все высоты, откуда они могли, как с огромного Колизея, наблюдать за бойней в Париже, не подвергаясь ни малейшей опасности. Толпа бездельников сопровождала их, и на этом пути следования версальских депутатов, куртизанок, светских дам, журналистов, чиновников, обуреваемых той же жаждой, иногда теснящихся в одном и том же вагоне, они являли пруссакам и Франции зрелище сатурналий буржуазии.

После восьми часов армия прекратила наступление, за исключением восьмого округа, где сады окружали баррикаду перед английским посольством. Наша линия обороны в Сен-Жерменском предместье тянулась от Сены до вокзала Мон-Парнас, который мы обстреливали из пушек.

С наступлением темноты стрельба стихла, но канонада все еще продолжалась. В Тюильри горел красный свет; горело Министерство финансов. В течение всего дня в него попадала часть версальских снарядов, предназначавшихся для террасы Тюильри, и бумаги, сложенные на его верхних этажах, загорелись. Пожарные коммуны сначала потушили этот пожар, мешавший обороне Сен-Флорентийского редута, но вскоре он вспыхнул снова и стал неугасимым.

Тогда начались те ужасные ночи, когда среди грохота пушек, при свете горящих домов люди искали друг друга в лужах крови. Париж восстания, наконец, был взбудоражен. Ее батальоны спустились к Отель-де-Виль во главе с оркестрами и красным флагом. Небольшие по численности, батальон численностью около двухсот человек, но решительные, эти федералы маршировали молча; были замечены также с мушкетами за плечами те люди, преданные Социальной революции, которых личная зависть держала на расстоянии. Но в этот час никто не думал о подобных взаимных обвинениях. Должны ли солдаты покинуть свое знамя из-за неспособности вождей? Париж 1871 года в противовес Версалю олицетворял Социальную революцию и новые судьбы нации; нужно быть против нее или за нее, несмотря на совершенные ошибки. Воздержались только трусы. Восстали все истинные революционеры, даже те, кто не питал иллюзий относительно исхода борьбы, стремясь бросить вызов смерти во имя своего бессмертного дела.

Десять часов.—Мы проследовали в Отель-де-Виль. Раздраженная группа федералов только что арестовала Домбровски. Генерал, с утра лишенный какого-либо командования, отправился со своими офицерами на аванпосты Сент-Уана и, полагая, что его роль окончена, хотел ночью проскакать через прусские ряды и достичь границы. Командир, который впоследствии был расстрелян как предатель, натравил своих людей на генерала под предлогом того, что он их предает. Представ перед Комитетом общественной безопасности, Домбровский возмущенно

воскликнул: "Они говорят, что я предал!" Члены Комитета тепло приветствовали его, и инцидент не имел дальнейших последствий.

В Военное министерство прибывали гонцы со всех точек сражения. Огромное количество охранников и офицеров отдавали приказы и депеши посреди постоянной суеты. Внутренние дворы были заставлены фургонами и каретами, лошади были уже запряжены; оружие вывозилось или заносилось внутрь, и не было видно ни малейших признаков уныния или даже тревоги, но повсюду царила почти веселая суета.

Улицы и бульвары, за исключением захваченных кварталов, были освещены, как обычно. У входа в предместье Монмартр свет резко погас, придав ему вид огромной черной дыры. Эту темноту охраняли федеральные часовые, время от времени выкрикивавшие: "Проезжайте с размахом!" За этим стояла только угрожающая тишина. Эти тени, движущиеся в ночи, казалось, принимали гигантские формы; человеку казалось, что его преследует зловеющий сон; самые храбрые приходили в ужас.

Бывали ночи более шумные, более ослепительные, более грандиозные, когда пожары и канонада окутывали Париж, но ничто из этого не производило более мрачного впечатления. Это ночь медитации, бдение битвы. Мы искали друг друга во мраке, говорили тихо, давая и принимая утешение. На перекрестке мы посоветовались друг с другом, чтобы изучить наши позиции, а затем приступить к работе! Теперь за лопату и тротуары! Пусть земля будет навалена так, чтобы снаряды могли расплющиваться о нее; пусть матрасы, выброшенные из окон, укрывают сражающихся. Отныне покоя больше не будет; пусть камни, скрепленные ненавистью, давят друг на друга, как плечи людей, выстроившихся для битвы. Враг застал нас расплож, беззащитных. Пусть он завтра встретится с Сарагосой или Москвой!

Каждого прохожего обыскивали. "Ну же, гражданин, протяни руку помощи Республике!" У Бастилии и на внутренних бульварах встречались толпы рабочих: одни копали землю, другие таскали брусчатку; дети пользовались лопатами и мотыгами размером с них самих. Женщины подбадривали мужчин; нежная рука молодой девушки подняла тяжелую кирку, которая упала с резким звуком, рассыпав огненные искры. Потребовался час, чтобы серьезно пробить почву. Какое это имело значение! они проведут там свою ночь. Вечером во вторник на пересечении площади Сен-Жак и Севастопольского бульвара *многие дамы де ла Галле* долго работали, наполняя мешки с землей и плетеные корзины.^[183]

И это уже были не традиционные двухэтажные редуты. За исключением четырех или пяти на улице Сент-Оноре и улице Риволи, майские баррикады состояли из нескольких булыжников мостовой высотой едва ли в человеческий рост; за ними иногда устанавливалась пушка или митральеза; а посередине, вклинившись в брусчатку двумя булыжниками, развевался красный флаг, цвет возмездия. За этими обрывками крепостных валов тридцать человек сдерживали полки.

Если бы это общее усилие было направлено с малейшей мыслью о комбинации, если бы Монмартр и Пантеон скрестили свои костры, версальская армия растаяла бы в Париже; но федералы, не имея указаний, не имея военных знаний, не видели ничего дальше своего собственного квартала или даже своих улиц; так что вместо 200 стратегических солидарных баррикад, которые легко защищать 7000 или 8000 человек, были разбросаны сотни, которые невозможно было вооружить в достаточной степени. Общей ошибкой была вера в то, что они

будут атакованы с фронта; в то время как версальцы, благодаря своей численности, повсюду совершали фланговые маневры.

Вечером Версальская линия протянулась от станции Батиньоль до конца Западной железной дороги на левом берегу, проходя мимо вокзала Сен-Лазар, казарм Пепиньер, английского посольства, Дворца промышленности, Легислатурного корпуса, Бургундской улицы, бульвара инвалидов и вокзала Монпарнас. Перед лицом захватчика были лишь зародыши баррикад. Если бы он одним усилием прорвал эту линию, все еще такую слабую, он застал бы центр врасплох совершенно безоружным. Но эти 130 000 человек не осмелились на это. Солдаты и вожди боялись Парижа. Они воображали, что улицы разверзнутся, дома обрушатся на них, о чем свидетельствует басня о торпедах, о минах под канализационными трубами, придуманная позже, чтобы оправдать их нерешительность.^[184] В понедельник вечером хозяева нескольких округов все еще дрожали, опасаясь какого-то ужасного сюрприза. Им понадобилось все спокойствие ночи, чтобы оправиться от своей победы и убедить себя, что Комитет обороны, несмотря на их хвастовство, ничего не предвидел и не подготовил.

СНОСКИ:

[179] "Потребовалось семнадцать часов, чтобы ввести 130 000 человек и нашу многочисленную артиллерию".—*M. Thiers, Enquête sur le 18 Mars.*

[180] "Из-за этого неожиданного препятствия возникла неразбериха, которая продолжалась до окончания прохождения войск и могла иметь серьезные последствия. Если бы повстанцы тогда открыли огонь по Трокадеро с батареей Монмартра, их снаряды сильно потревожили бы нас. Но пушки Монмартра по-прежнему молчали. Было немногим больше девяти часов, когда они начали стрелять; проход к тому времени уже был расчищен". —*Виноа, La Commune*, стр. 130.

[181] Первый пожар в майские дни, и версальцы признали, что они сами его разожгли. —*Виноа, "Перемирие и коммуна"*, стр. 809.

[182] Ни один депутат не протестовал ни в этот день, ни после и не заявил, что воздержался от голосования, ни от крайне левых, ни от крайне правых. Таким образом, все они в равной степени несут ответственность за это голосование.

[183] "На площади Бланш, - писал Г. Марото в *"Салют Паблик"* на следующий день, - была прекрасно сооружена баррикада, которую защищал батальон женщин численностью около 120 человек. В тот момент, когда я подошел, из глубины внутреннего двора отделилась темная фигура. Это была молодая девушка в фригийском колпаке на голове, с шассепотом в руке, с патронташем на боку. "Встань, гражданин! здесь никто не проходит!" Я остановился в изумлении, показал свой пропуск, и гражданка разрешила мне подойти к подножию баррикады".

[184] Приложение XV.

ГЛАВА XXVIII.

ВТОРНИК, 23—Е — ВЗЯТ МОНМАРТР— МАССОВАЯ РЕЗНЯ—МЫ ТЕРЯЕМ ПОЗИЦИИ—ПАРИЖ В ОГНЕ -ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В ОТЕЛЬ-ДЕ-ВИЛЬ.

Защитники баррикад спали на брусчатке. Вражеские аванпосты были начеку. В Батиньоле версальская разведка убила часового. Федерал изо всех сил закричал: "Да здравствует коммуна!" - и его товарищи, предупрежденные таким образом, смогли насторожиться. Его тут же застрелили. Таким же образом пали Д'Ассас и Барра.

В два часа ночи Сесилия в сопровождении членов Совета Лефрансе, Вермореля и Йоханнеса, а также журналистов Альфонса Гумберта и Г. Марто привела к Батиньолю подкрепление в 100 человек. На упреки Мэлона в том, что он целый день оставлял квартал без поддержки, генерал ответил: "Мне не повинуются".

Три часа.— На баррикады! Коммуна не умерла! Свежий утренний воздух омывает усталые лица и возрождает надежду. Канонада противника по всей линии фронта приветствует рассвет. Артиллеристы Коммуны, от Монпарнаса до холмов Монмартра, которые, казалось, просыпались, отвечали так хорошо, как только могли.

Ладмиро, накануне почти неподвижный, теперь развернул своих людей вдоль укреплений, заняв все ворота от Нейи до Сент-Уана в тылу. Справа от него Клинчан одним и тем же движением атаковал все баррикады Батиньоля. Первой сдалась улица Кардине, затем улицы Нобле, Трюффо, Ла Кондамин и нижняя авеню Клиши. Внезапно ворота Сент-Уана открылись, иверсальцы хлынули в Париж; это была монтодонская дивизия, которая с вечера действовала снаружи. Пруссак сдал нейтральную зону, и таким образом, с помощью Бисмарка Клинчан и Ладмиро смогли взять Бюты с двух флангов.

Почти окруженный в мэрии семнадцатого округа, Малон приказал отступать на Монмартр, куда также был направлен отряд из двадцати пяти женщин, пришедших предложить свои услуги под предводительством гражданки Димитриефф и Луизы Мишель.

Клинчант, продолжавший свой путь, был задержан баррикадой на площади Клиши. Чтобы разрушить эти плохо расположенные брусчатки, за которыми сражалось едва ли пятьдесят человек, потребовались объединенные усилия версальцев с улицы Сен-Петер-Бург и их тиральщиков из Колледжа Шапталь. Федералы, не имея больше снарядов, атаковали камнями и битумом; у них иссяк порох, они отступили на улицу Карьер, а Ладмиро, хозяин авеню Сент-Уан, превратил их баррикаду у кладбища Монмартр. Около двадцати гвардейцев отказались сдаться и были сразу же расстреляны версальцами.

В тылу квартал Эпинет еще некоторое время держался; наконец всякое сопротивление прекратилось, и около девяти часов весь Батиньоля перешел в руки армии.

В Ратуше еще ничего не знали о продвижении войск, когда Верморель бросился туда в поисках боеприпасов для Монмартра. Направляясь во главе фургонов, он встретил Ферре и со знакомой ему улыбкой сказал: "Ну, Ферре, члены меньшинства дерутся". "Члены большинства выполнят свой долг", - ответил Ферре. Великодушное подражание этим людям, которые были преданы народу и которым предстояло умереть так благородно.

Верморель не мог довести свои повозки до Монмартра, поскольку версальцы уже заняли высоты. Хозяевам Батиньоля достаточно было протянуть руку, чтобы захватить Монмартр. Бьютты казались мертвыми; паника, охватившая их ночью, продолжала свою тайную работу; батальоны, один за другим, становились все меньше и исчезали. Лица, замеченные позже в рядах армии, подстрекали к дезертирству, распространяли ложные новости и ежеминутно арестовывали гражданских и военных руководителей под предлогом того, что они предают. Только около сотни мужчин выстроились вдоль северного склона холма; ночью было возведено несколько баррикад, но без особого энтузиазма; только женщины проявили какой-то пыл.

Клюзере, по своей обычной привычке, испарился. Несмотря на его депеши и обещания Отель-де-Виль, Сесилия не получила ни подкреплений, ни боеприпасов. В девять часов, больше не слыша канонады на холмах, он поспешил наверх и обнаружил, что канониры ушли. Беглецы из Батиньоля, прибывшие в десять часов, только посеяли панику. Версальцы могли бы появиться сами; там не было 200 бойцов, чтобы встретить их.

Мак-Магон, однако, осмелился предпринять попытку штурма только со своими лучшими войсками, настолько опасной была эта позиция, настолько велика была слава Монмартра. Целых два армейских корпуса атаковали его со стороны Рус-Лепик, Меркаде и Шоссе Клиньянккур. Время от времени из нескольких домов раздавались выстрелы; тотчас же испуганные колонны остановились и начали регулярную осаду. Этим 20 000 человекам, полностью окружившим Монмартр, при поддержке артиллерии, установленной на территории окружения, потребовалось три часа, чтобы взобраться на эти позиции, которые безуспешно защищали несколько десятков тирайеров.

В одиннадцать часов кладбище было взято, и вскоре после этого войска достигли Шато-Руж. В окрестностях было несколько перестрелок, но те немногие упрямы, которые все еще сражались, вскоре были убиты или отступили, обескураженные своей изоляцией. Версальцы, пробравшись к холмам по всем ведущим к ним подъемам, в полдень расположились у Мулен-де-ла-Галетт, спустились по площади Сен-Пьер в мэрию и заняли весь восемнадцатый округ без какого-либо сопротивления.

Таким образом, без сражения, без штурма, даже без выражения отчаяния была оставлена эта неприступная крепость, из которой несколько сотен решительных людей могли бы сдержать всю версальскую армию и заставить Собрание прийти к соглашению.

Едва прибыв на Монмартр, версальский персонал устроил холокост манам Леконта и Клеман-Тома. Сорок два мужчины, три женщины и четверо детей были доставлены в дом № 6 по улице Розье и поставлены на колени с непокрытыми головами перед стеной, у подножия которой 18 марта были казнены генералы; затем они были убиты. Женщина, державшая на руках своего ребенка, отказалась опуститься на колени и крикнула своим товарищам: "Покажите этим негодям, что вы умеете умирать прямо".

На следующий день эти массовые убийства продолжились. Каждая партия заключенных останавливалась на некоторое время перед этой стеной, отмеченной пулями, а затем их отправляли на склон Холмов, откуда открывается вид на дорогу Сен-Дени.^[185]

Батиньоль и Монмартр стали свидетелями первых массовых убийств. Каждый человек, одетый в форму или штатские ботинки, был расстрелян, как само собой разумеющееся, без вопросов и без объяснений. Таким образом, версальцы с утра совершали убийства на площади Батиньоль, площади Отель-де-Виль и у ворот Клиши. Парк Монсо был их главной бойней в семнадцатом округе. На Монмартре центрами массовых убийств были Холмы, Елисейский дворец, где каждый шаг был усеян трупами, и внешние бульвары.

В нескольких шагах от Монмартра о катастрофе никто не знал. На площади Бланш женская баррикада несколько часов продержалась против солдат Клиншана; затем они отступили к баррикаде на площади Пигаль, которая пала около двух часов дня. Его начальника привели к версальскому командиру батальона. "Кто вы?" - спросил офицер. "Левек, масон, член Центрального комитета". Версальец выстрелил ему в лицо из револьвера; солдаты прикончили его.

На другом берегу Сены наше сопротивление было более успешным. Версальцы смогли с утра занять казармы Вавилона и Аббай-о-Буа, но Варлен остановил их на перекрестке улиц Круа-Руж. Этот переход останется знаменитым в истории обороны Парижа. Все улицы, ведущие к нему, были надежно забаррикадированы, и эта крепость была покинута только тогда, когда огонь и снаряды превратили ее в груды руин. На берегах реки, на улицах Университета, Сен-Доминик, Сен-Жермен и Де Гренель, 67-й, 135-й, 138-й и 147-й батальоны при поддержке *enfants perdus* и *les tirailleurs* оказывали упорное сопротивление. На Рю де Ренн и прилегающих бульварах версальцы истощили свои силы. На улице Вавен, где обороной руководил Лисбон, сопротивление было огромным; в течение двух дней этот передовой часовой сдерживал вторжение со стороны Люксембурга.

На нашем крайнем левом фланге мы были в меньшей безопасности. Версальцы рано утром захватили кладбище Монпарнас, которое мы удерживали с горсткой людей. Возле ресторана Richefeu федералы, позволив противнику приблизиться, сняли маски со своих митральез; но тщетно, так как версальцы были достаточно многочисленны, чтобы окружить немногочисленных защитников кладбища со всех сторон, и вскоре взяли его штурмом. Оттуда, миновав крепостные стены четырнадцатого округа, они прибыли на площадь Сен-Пьер. Укрепления авеню д'Италия и шоссе Шатийон, давно и тщательно подготовленные, но всегда обращенные против крепостных валов, были обойдены с тыла Шоссе Мен, а вся оборона

перекрестков четырех дорог была сосредоточена вокруг церкви. С вершины колокольни около дюжины федералов Монружа поддерживали баррикаду, перегораживавшую две трети шоссе Мэн, которую тридцать человек удерживали в течение нескольких часов. Наконец, когда их патроны иссякли, трехцветный флаг был поднят в мэрии в тот же час, когда он развевался над холмами Монмартра. Отныне путь к площади Энфер был открыт, и версальцы прибыли туда после того, как подверглись обстрелу со стороны Обсерватории, где укрылись несколько федералов.

За этими линиями, форсированными таким образом, были созданы другие оборонительные сооружения, благодаря заботе Вроблевского. За день до этого генерал, получив приказ об эвакуации фортов, ответил: "Это предательство или недоразумение? Я не буду эвакуироваться." Монмартр взят, генерал отправился к Делеклюзу, убеждая его перенести оборону на левый берег. Сена, форты, Пантеон, Бьевр образовывали, по его мнению, безопасную цитадель с открытыми полями для отступления; очень справедливая концепция для регулярных войск, но никто не может по своей воле вытеснить сердце восстания, и федералы все больше и больше склонялись к тому, чтобы оставаться в своих кварталах.

Вроблевский вернулся в свой штаб, собрал командиров фортов, определил все расположения, которые необходимо было предпринять для их защиты, и вернулся, чтобы возобновить командование левым берегом, данное ему предыдущими указами. Но когда он отправил приказ в Пантеон, ему ответили, что там командует Лисбон. Вроблевский, ничуть не смутившись, перевел оставленную ему часть в состояние обороны. Он установил батарею из восьми орудий и две батареи по четыре на Бют-о-Кайе, доминирующей позиции между Пантеоном и фортами; он укрепил бульвары Италии, Опиталь и ла-Гар. Его штаб располагался в мэрии Гобеленов, а резерв - на площади Италии, площади Жанны д'Арк и в Берси.

На других окраинах Парижа четырнадцатый и двадцатый округа также готовились к обороне. Отважный Пасседуэт заменил Дю Биссона, который все еще осмеливался называть себя *шеф-поваром* ресторана La Villette. Они забаррикадировали Большую улицу Шапель за Страсбургской железной дорогой, улицы Обервилье, Фландрскую и канал, образовав пять линий обороны, защищенных с фланга бульварными укреплениями. Пушки были установлены на улице Рике у газового завода, в то время как рабочие отнесли части "Вала" на холмы Шомон, а другие - на улицу Пуэбла. Батарея из шести человек была установлена на высоте Пер-Лашез, оглашая Париж своими грохочущими выстрелами.

Безмолвный и пустынный Париж. Как и накануне, магазины оставались закрытыми, а улицы, выбеленные солнцем, выглядели пустыми и угрожающими. Мчащиеся во весь опор самолеты, сдвинутые с места артиллерийские орудия, бойцы на марше - все это одиночество нарушалось. Крики "Откройте ставни!" "Опусти шторы!" - один из них прервал это молчание. Два журнала, "*Народная трибуна*" и "*Общественное приветствие*", выходили, несмотря на версальские снаряды, которые попадали в типографию на улице Абукир.

Несколько человек в Отель-де-Виль сделали все возможное, чтобы разобраться в деталях. Один декрет уполномочивал начальников баррикад реквизировать необходимые орудия труда и провизию; другой приговаривал к сожжению каждый дом, из которого стреляли по федералам. Во второй половине дня Комитет общественной безопасности распространил обращение к солдатам: —

"Жители Парижа никогда не поверят, что вы могли поднять на них оружие. Когда они столкнутся с вами лицом к лицу, ваши руки дрогнут от поступка, который был бы настоящим братоубийством.

"Как и мы, вы тоже пролетарии. То, что вы сделали 18 марта, вы сделаете снова. Приходите к нам, братья, приходите к нам; наши объятия открыты, чтобы принять вас".

Центральный комитет в то же время опубликовал аналогичный призыв — ребяческую, но великодушную иллюзию; и в этом пункте жители Парижа полностью согласились с их требованиями. Несмотря на неистовство Собрании, расстрел раненых, обращение, которому подвергались заключенные в течение шести недель, рабочие не допускали, чтобы дети народа могли разрывать внутренности того Парижа, который сражался за них.

В три часа ночи . Бонвале и другие члены *Лиги прав Парижа* прибыли в Отель-де-Виль, где их приняли некоторые члены Совета и Комитета общественной безопасности. Они оплакивали эту борьбу, предлагали вмешаться, как они так успешно делали во время осады, и передать М. Это было выражением их скорби; далее, они предоставили себя в распоряжение Ратуши. "Ну, тогда, - ответили им, - берите ружье и идите на баррикады!" Перед этим прямым призывом Лига обратилась к Центральному комитету, который имел слабость прислушаться к ним.

О переговорах в разгар битвы не могло быть и речи. Версальцы, развивая свой успех на Монмартре, в этот момент продвигались к бульвару Орнано и Северному железнодорожному вокзалу. В два часа баррикады шоссе Клиньянккур были оставлены, и на улице Мирра, рядом с Верморелем, Домбровский был смертельно ранен. Утром Делеклюз посоветовал ему сделать все возможное в окрестностях Монмартра; и без надежды, без солдат, под подозрением с момента вступления версальцев, все, что Домбровский мог сделать, это умереть. Он скончался через два часа в больнице Ларибуазьер. Его тело доставили в Отель-де-Виль, люди с баррикад обнажили оружие, когда его проносили мимо. Его славная смерть обезоружила подозрения.

Клинчант, отныне свободный слева от себя, направился в девятый округ. Колонна прошла по улицам Фонтен, Сен-Жорж и Нотр-Дам-де-Лоретт и сделала остановку на перекрестке дорог; в то время как другая обстреляла из пушек колледж Роллена, прежде чем проникнуть на улицу Труден, где ее сдерживали до вечера.

Подробнее в центре, на бульваре Осман, Дуэ вплотную приблизился к баррикаде магазина Printemps и выстрелами выбил федералов, занявших церковь Святой Троицы. Пять орудий, установленных под папертью церкви, были затем направлены на очень важную баррикаду, которая перегораживала шоссе д'Антен у входа на бульвар. Отряд проник на улицы Шатоден и Лафайет, но на перекрестке улиц предместья Монмартр баррикада высотой не более ярда, которую защищали двадцать пять человек, задержала их до ночи.

Правые Дуэ все еще были бессильны против Рю Рояль. Там в течение двух дней Брюнель выдерживал борьбу, сравнимую только с борьбой на Бют-о-Кайль, в Бастилии и замке О. Его главная баррикада, пересекавшая улицу поперек, была перекрыта соседними домами, из которых версальцы уничтожали федералов; и Брюнель, впечатленный важностью вверенного ему поста, приказал сжечь эти смертоносные дома дотла. Подчинявшийся ему федерал был поражен пулей в глаз и, умирая, вернулся к Брюнелю со словами: "Я плачу своей жизнью за приказ, который вы мне отдали. Vive la Commune!" Все дома, расположенные между домом № 13 и предместьем Сент-Оноре, были охвачены пламенем, и версальцы в ужасе разбежались,

некоторые перешли к федералам. Один из них надел парижскую форму и стал ординарцем Брюнеля.

Справа бульвар Мальзерб, слева терраса Тюильри, которую Бержере занимал со вчерашнего дня, поддерживали усилия Брюнеля. Бульвар Мальзерб, изрытый снарядами, был похож на поле, вспаханное гигантскими пашнями. Огонь восьмидесяти артиллерийских орудий на набережной Орсе, Пасси, Марсовом поле, Этуальской заставе сошелся на террасе Тюильри и баррикаде Сен-Флорентин. Около дюжины федеральных частей выстояли под этим ливнем. Площадь Согласия, взятая под перекрестный огонь, былаусеяна обломками фонтанов и фонарных столбов. Статуя в Лилле была обезглавлена, статуя в Страсбурге пробита картечью.

На левом берегу версальцы переходили от дома к дому. Жители квартала оказали помощь и из-за закрытых жалюзи открыли огонь по федералам, которые, возмущенные, ворвались в предательские дома и подожгли их. Версальские снаряды уже вызвали пожар, и вскоре остальная часть квартала была объята пламенем. Войска продолжали укрепляться, заняли Военное министерство, телеграф и достигли казарм Бельшассе и улицы Университета. Баррикады набережной и улицы Бак были разрушены снарядами; федеральным батальонам, которые в течение двух дней держались у Почетного Легиона, больше некуда было отступить, кроме набережных. В пять часов они эвакуировали это нечистое место после того, как подожгли его.

В шесть часов баррикада на шоссе Антен была нами захвачена; враг, наступавший боковыми улицами, занял полностью разобранный дом Новой оперы, и с крыш баррикадой командовали пехотинцы-фузилеры. Вместо того чтобы последовать их примеру и тоже занять дома, федералы там, как и везде, упрямо держались за баррикадами.

В восемь часов баррикада на улице Нев-де-Капуцинок, у входа на бульвар, рухнула под огнем осколков калибра 4 см., установленных на улице Комартен. Версальцы приблизились к Вандомской площади.

На всех участках армия добилась решительного прогресса. Версальская линия, начинавшаяся от Северного железнодорожного вокзала, следовавшая по улицам Рошешуар, Кадет, Друо, мэрия которой была захвачена, Итальянскому бульвару, тянувшемуся до Вандомской площади и площади Согласия, проходила по улице дю Бак, Аббатству о-Буа и бульвару д'Энфер, заканчиваясь у бастиона 81. Площадь Согласия и Королевская улица, окруженные с флангов, возвышались, как мыс посреди бури. Ладмиро противостоял Ла Виллетту; справа от него Клинчант занял девятый округ; Дуэ появился на Вандомской площади; Виной поддерживал Сисси, действовавшего на левом берегу. В этот час федералы все еще удерживали едва ли половину Парижа.

Остальное было предано резне. Они все еще сражались на одном конце улицы, когда завоеванная часть уже была разграблена. Горе тому, у кого было оружие или форма! Горе тому, кто предавался смятению! Горе тому, кто был осужден политическим или личным врагом! Его утащили. У каждого корпуса был свой постоянный палач, провост; но для ускорения дела на улицах были дополнительные провосты. Жертв приводили туда и расстреливали. Слепая ярость солдат, поощряемая блюстителями порядка, служила их ненависти и погашала их долги. За резней последовало воровство. Лавки торговцев, снабжавших Коммуну, или которых обвиняли их соперничающие лавочники, были отданы на разграбление; солдаты разбили ихмебель и

унесли ценные предметы. Драгоценности, вино, ликеры, провизия, белье, парфюмерия исчезли в их рюкзаках.

Когда М. Тьер был извещен о падении Парижа, он считал, что битва окончена, и телеграфировал в префекты. В течение шести недель он не переставал заявлять, что после взятия крепостных валов повстанцы обратятся в бегство; но Париж, вопреки привычкам жителей Седана и Мецаи Национальной обороны, отбивал улицу за улицей, дом за домом и, вместо того чтобы сдаться, сжигал их.

С наступлением темноты возникло ослепительное сияние. Горел Тюильри, а также Почетный легион, Государственный совет и Окружной суд. Из королевского дворца доносились мощные взрывы, стены которого рушились, а огромные купола рушились. Языки пламени, то медленные, то быстрые, как стрелы, вырывались из сотен окон; в красном приливе Сены отражались памятники, усиливая таким образом пожар. Раздуваемое восточным ветром, пылающее пламя поднялось над Версалем и воззвало к завоевателю Парижа, что он больше не найдет там своего места и что эти монархические памятники больше не будут приютом монархии. Улица дю Бак, улица Лилль, Круа-Руж вздымали в воздух светящиеся колонны; Королевская улица до Сен-Сюльпис казалась стеной огня, разделенной Сеной. Клубы дыма окутали весь запад Парижа, и спиралевидное пламя, вырывающееся из этих печей, выбрасывало снопы искр, которые падали на соседние кварталы.

Одиннадцать часов.—Мы идем в Отель-де-Виль. Часовые на дальних передовых постах обезопасили его от любой неожиданности; через большие промежутки времени в темноте мерцал газовый фонарь; на нескольких баррикадах горели факелы и даже бивуачные костры. На площади Сен-Жак, напротив Севастопольского бульвара, росли большие деревья, ветви которых раскачивались взад и вперед на ветру, бормотали и трепетали в грозном мраке.

Фасад Ратуши был окрашен в красный цвет далекими огнями; статуи, отражение которых, казалось, двигалось, шевелились в своих нишах. Внутренние дворы были заполнены толпами и суматохой. Повозки с артиллерийскими боеприпасами, телеги, омнибусы, битком набитые боеприпасами, с громким шумом укатывались под своды. Праздники барона Османа не вызывали такого звонкого эха. Жизнь и смерть, агония и смех сталкивались на этих лестницах, на каждом этаже, озаренные одним и тем же ослепительным светом газа.

Нижние вестибюли были забиты национальными гвардейцами, закутанными в одеяла. Раненые лежали, постанывая, на своих покрасневших матрасах; из носилок, расставленных вдоль стен, сочилась кровь. Привели командира, который больше не походил на человека; пуля прошла через его щеку, оторвала губы, сломала зубы. Неспособный произнести ни звука, этот храбрый парень все же размахивал красным флажком и призывал тех, кто отдыхал, заменить его в бою.

В печально известной палате Валентина Османа труп Домбровского был разложен на кровати из синего атласа. Единственная свеча отбрасывала свой зловещий свет на героического солдата. Его лицо, белое как снег, было спокойным, нос тонким, рот изящным, небольшая светлая борода торчала заостренно. Два адъютанта, сидевшие в затемненных углах, молча наблюдали за происходящим, другой торопливо набрасывал последние черты своего генерала.

Двойная мраморная лестница была заполнена входящими и выходящими людьми, которых часовые с трудом удерживали на расстоянии от кабинета делегата. Делескюз подписывал приказы, безмолвный и бледный, как призрак. Страдания тех последних дней поглотили его

последние жизненные силы; его голос был лишь предсмертным хрипом; только глаза и сердце еще жили в этом умирающем спортсмене.

Два или три офицера спокойно подготовили приказы, проштамповали и отправили депеши; множество офицеров и охранников окружили стол. Никаких речей, небольшая беседа между различными группами. Если надежда и угасла, решимость не стала меньше.

Кто эти офицеры, снявшие мундиры, эти члены Совета, эти чиновники, сбившие бороды? Что они делают здесь, среди этих храбрых людей? Ранвир, встреча двух своих коллег таким образом замаскированный, которые во время блокады были среди самых *berplumed*, *apostrophised* их, угрожая застрелить их, если они не сразу вернуться в свои округа.

Отличный пример не был бы бесполезным. Час от часа вся дисциплина рушилась. В тот же момент Центральный комитет, который считал себя облеченным властью после отречения Совета, опубликовал манифест, в котором выдвигал условия: "Роспуск Собрания и Коммуны; армия должна покинуть Париж; правительство должно быть временно передано делегатам крупных городов, которые изберут Учредительное собрание; взаимная амнистия". Ультиматум завоевателя. Эта мечта была развешана на нескольких стенах и внесла новый беспорядок в сопротивление.

Время от времени с площади доносился еще больший шум. У баррикады на авеню Виктория был застрелен шпион. Некоторые были достаточно дерзки, чтобы проникать в самые сокровенные советы.^[186] В тот вечер в Отель-де-Виль Бержере получил устное разрешение на поджог Тюильри, когда человек, притворившийся посланным им, попросил этот приказ в письменной форме. Он все еще говорил, когда вернулся Бержере. "Кто вас послал?" - спросил он этого человека. "Бержере". - Когда вы видели его? - Спросил я. - Только что здесь, минуту назад.

В этот вечер Рауль Риго, подчиняясь приказам только самого себя и не советуясь ни с кем из своих коллег, отправился в тюрьму Сент-Луис. Пелажи и дал понять Чоди, что тот должен умереть. Чоди запротестовал, сказал, что он республиканец, и поклялся, что не отдавал приказа стрелять 22 января. Однако в то время он был единственным авторитетом в Отель-де-Виль. Его протесты не возымели действия против резолюции Риго. Его привели на тренировочную площадку Ste. Пелажи, Шоди были застрелены, как и трое жандармов, взятых в плен 18 марта. Во время первой осады он сказал некоторым партизанам Коммуны: "Сильнейший застрелит остальных". Возможно, он умер за эти слова.

СНОСКИ:

^[185] Приложение XVI.

^[186] Приложение XVII.

ГЛАВА XXIX.

"Nos vaillants soldats se conduisent de manière à inspirer la plus haute estime, la plus grande admiration à l'étranger."—*Discours de M. Thiers, à l'Assemblée Nationale le 24 Mai 1871.*

СРЕДА, 24—Е - ЧЛЕНЫ СОВЕТА ЭВАКУИРУЮТ ОТЕЛЬ-ДЕ—ВИЛЬ— ПАНТЕОН ВЗЯТ—ВЕРСАЛЬЦЫ СОТНЯМИ РАССТРЕЛИВАЮТ ФЕДЕРАЛОВ—ФЕДЕРАЛЫ РАССТРЕЛИВАЮТ ШЕСТЕРЫХ ЗАЛОЖНИКОВ-НОЧЬ ПУШЕК.

Защитники баррикад, и без того лишенные подкреплений и боеприпасов, теперь остались даже без продовольствия и были полностью брошены на ресурсы окрестностей. Многие, совершенно измученные, отправились на поиски какой-нибудь еды; их товарищи, не видя их возвращения, пришли в отчаяние, в то время как начальники баррикад прилагали все усилия, чтобы удержать их.

В девять часов Брюнель получил приказ эвакуироваться с улицы Рояль. Он отправился в Тюильри, чтобы сказать Бержере, что он все еще может продержаться, но в полночь Комитет общественной безопасности снова прислал ему официальный приказ отступать. Вынужденный покинуть пост, который он так хорошо защищал в течение двух дней, храбрый командир сначала вывез своих раненых, а затем и пушку на улицу Сен-Флорентин. Федералы последовали за ними; когда они оказались наверху улицы Кастильоне, на них обрушились выстрелы.

Это были версальцы, которые, овладев улицей Мира и улицей Нев-де-Капуцинок, вторглись на Вандомскую площадь, совершенно безлюдную, и у Отель-дю-Рен прорвали баррикаду на улице Кастильоне. Федералы Брюнеля, покинув улицу Риволи, форсировали оградусада, поднялись по набережным и вернули себе Отель-де-Виль. Враг не осмелился преследовать их и только на рассвете занял здание Морского министерства, давно покинутое.

Остаток ночи пушки молчали. В Ратуше не было оживления. Федералы спали на площади; в бюро члены комитетов и офицеры улучили несколько минут отдыха. В три часа прибыл штабной офицер из Нотр-Дама, занятого отрядом федералов. Он пришел сообщить Комитету общественной безопасности, что в Отель-Дье находятся восемьсот больных, которые могут

пострадать из-за близости места сражения, и Комитет отдал приказ об эвакуации собора, чтобы спасти этих несчастных.

И вот взошло солнце, затмив отблески пожаров; наступил лучезарный день, но без малейшего проблеска надежды для Коммуны. У Парижа больше не было правого фланга; его центр был разбит; предположить наступление было невозможно. Продолжение ее сопротивления теперь могло служить только свидетельством ее веры.

Ранним утром версальцы двинулись на все пункты. Они направились к Лувру, Пале-Роялю, Банку, Эскомптской конторе, площади Монтолон, бульвару Орнано и линии Северной железной дороги. С четырех часов они обстреливали Пале-Рояль, вокруг которого велись отчаянные бои. К семи часам они были в банке и на Бирже; оттуда спустились в Сент-Эташ, где встретили упорное сопротивление. Многие дети сражались на стороне мужчин; и когда федералы были обойдены с фланга и вырезаны, этим детям выпала честь не быть исключением.

На левом берегу войска с трудом преодолели набережные и всю ту часть шестого округа, которая граничила с Сеной. Баррикада в центре Круа-Руж была эвакуирована ночью, как и баррикада на улице Ренн, которую тридцать человек удерживали в течение двух дней. Затем версальцы смогли войти на улицу Ассас и Нотр-дам-де-Шан. На крайнем правом фланге они достигли Валь-де-Грас и двинулись к Пантеону.

В восемь часов около пятнадцати членов Совета собрались в Отель-де-Виль и решили эвакуировать его. Протестовали только двое. Третий округ, пересеченный узкими и хорошо забаррикадованными улочками, прикрывал фланг Ратуши, которая не поддавалась никаким атакам спереди и со стороны набережных. При таких условиях обороны отступить означало обратиться в бегство, лишит коммуны того небольшого престижа, который у нее еще оставался; но не далее как за несколько дней до этого они смогли выработать две здравые идеи. Они боялись всего, потому что ничего не знали. Комендант Пале-Рояля уже получил приказ эвакуировать это здание после того, как оно было подожжено. Он запротестовал и заявил, что все еще может продержаться, но приказ был повторен. Состояние замешательства было таким, что один из членов предложил отступить на Бельвиль. С таким же успехом они могли бы сразу покинуть замок О и Бастилию. Как обычно, время было потрачено на светскую беседу. Управляющий Отель-де-Виль нетерпеливо ходил взад-вперед.

Внезапно с вершины колокольни вырвалось пламя; час спустя от Ратуши осталось лишь одно зарево. Старое здание, свидетель стольких лжесвидетельств, где люди так часто устанавливали силы, которые впоследствии разрушали их, теперь треснуло и рухнуло вместе со своим истинным хозяином. С шумом рушащихся павильонов, рушащихся сводов и дымовых труб, с глухими и оглушительными взрывами смешивались резкие выстрелы пушек с большой баррикады Сен-Жак, которая тянулась вдоль улицы Риволи.

Военное министерство и все службы переехали в мэрию одиннадцатого округа. Делеклюз протестовал против дезертирства из Ратуши и предсказывал, что это отступление обескуражит многих комбатантов.

На следующий день они покинули Национальную Импримери, где 24-го числа в последний раз появился *Официальный* представитель коммуны. Подобно уважающему себя *Официозу*, оно опоздало на день; в нем содержались прокламации предыдущего дня и некоторые подробности сражения, но не далее как во вторник утром.

Это бегство из Отель-де-Виль, рассекшее оборону надвое, увеличило сложность коммуникаций. Штабные офицеры, которые не исчезли, добрались до нового штаба с большим трудом; их останавливали у каждой баррикады и заставляли таскать брусчатку. Когда они предъявили свои депеши с просьбой о срочности, им ответили: "Сегодня больше нет эполет". Гнев, который они вызывали в течение долгого времени, вырвался наружу этим же утром. На улице Седен, недалеко от площади Вольтера, молодой офицер генерального штаба, граф де Бофор, был опознан гвардейцами 166-го батальона, которым он угрожал несколько дней назад в Военном министерстве. Арестованный за попытку нарушить приказы поста, Бофор, выйдя из себя, пригрозил провести чистку батальона. Так вот, за день до этого, близ Мадлен, батальон потерял шестьдесят человек и верил в реванш со стороны Бофора. Этот офицер был арестован и предстал перед военным трибуналом, который расположился в магазине на бульваре Вольтера. Бофор предъявил такие свидетельства, что обвинение было снято. Тем не менее, судьи решили, что он должен служить в батальоне простым охранником. Некоторые из присутствующих возразили и назначили его капитаном. Он вышел победителем. Толпа, не знавшая его объяснений, заворчала, увидев его на свободе. Охранник бросился на него, и Бофор имел неосторожность выхватить револьвер. Его немедленно схватили и бросили обратно в мастерскую. Начальник генерального штаба не посмел прийти на помощь своему офицеру. Делеклюз поспешил к нему, попросил отсрочки, сказал, что Бофора следует судить; но толпа ни о чем не хотела слышать, и пришлось уступить, чтобы предотвратить ужасную драку. Бофор, которого вывели на открытое пространство, расположенное за мэрией, был застрелен.

Незадолго до этой вспышки ярости, на Пер-Лашез, Домбровский получал последние почести. Его труп был перевезен туда ночью, и во время перехода в Бастилию произошла трогательная сцена. Федералы, стоявшие на этих баррикадах, остановили кортеж и положили тело у подножия июльской колонны; несколько человек с факелами в руках выстроились в круг, и все федералы, один за другим, подошли, чтобы в последний раз поцеловать генерала в лоб, под барабанный бой салюта. Затем тело, обернутое красным флагом, положили в гроб. Верморель, брат генерала, его адъютанты и около 200 охранников стояли с непокрытыми головами. "Вот он, - воскликнул Верморель, - которого обвинили в предательстве! Один из первых, он отдал свою жизнь за Коммуну. А мы, что мы здесь делаем вместо того, чтобы подражать ему?" Он продолжал клеймить трусость и панику. Его речь, обычно замысловатая, теперь лилась из него, разгоряченная страстью, подобно расплавленному металлу. "Давайте поклянемся уйти отсюда только для того, чтобы искать смерти!" Это было его последнее слово; он должен был сдерживать его. Грохот пушки в нескольких шагах от него время от времени заглушал его голос; лишь немногие из присутствующих мужчин проливали слезы.

Счастливы те, у кого могут быть такие похороны! Счастливы те, кто похоронен во время битвы под салют пушек, над кем оплакивают их друзья.

В тот же самый момент был застрелен версальский агент, который льстил себе, что сможет подкупить Домбровского. К середине дня версальцы, энергично продвигаясь в атаку на левом берегу, взяли штурмом Школу изящных искусств, Институт монетного двора, который его директор Камелина покинул лишь в последнюю минуту. Перед тем как его заперли на острове Нотр-Дам, Ферре отдал приказ эвакуировать префектуру полиции и разрушить ее. Однако 450 заключенных, арестованных за незначительные правонарушения, были сначала отпущены на свободу; только один, Вайссет, был задержан и расстрелян на Пон-Неф перед статуей Генриха

IV. Незадолго до своей смерти он произнес эти странные слова: "Ты ответишь за мою смерть перед графом де Фабрисом".[187]

Версальцы, пренебрегая префектурой, вышли на улицу Тарран и прилегающие улицы. В течение двух часов их сдерживали у баррикады на площади Аббай, которую жители квартала помогли обойти с фланга. Восемнадцать федералов были расстреляны. Правее войска проникли на площадь Сен-Сюльпис, где заняли мэрию шестого округа; оттуда они вышли на улицу Сен-Сюльпис с одной стороны, а с другой стороны проникли по улице Вожирар в Люксембургский сад. После двух дней борьбы храбрые федералы с улицы Вавен отступили и при отступлении взорвали пороховой склад в Люксембургском саду. Суматоха на мгновение приостановила сражение. Люксембургский дворец не был защищен. Несколько солдат пересекли сад, сломали ограждение, выходящее на улицу Суффло, пересекли бульвар и атаковали первую баррикаду на этой улице.

Перед Пантеоном были возведены три баррикады: первая у входа на улицу Суффло - ее только что захватили; вторая в центре; третья протянулась от мэрии пятого округа до Школы права. Варлен и Лизбонна, с трудом вырвавшиеся из Круа-Руж, снова поспешили навстречу врагу. К сожалению, федералы не послушали ни одного командира, остались в обороне и, вместо того чтобы атаковать горстку солдат, выставленных у входа на улицу Суффло, дали подкреплению время прибыть.

Основная масса версальцев достигла бульвара Сен-Мишель у улиц Расина и Медицинской школы, которые защищали женщины. Мост Сен-Мишель прекратил огонь из-за нехватки боеприпасов, так что солдаты смогли всем скопом перейти бульвар и дошли до площади Мобер, в то время как справа они снова поднялись на улицу Муфтар. В четыре часа дня высота Сент. Женевьева, почти покинутая, была захвачена со всех склонов, и ее немногочисленные защитники рассеялись. Таким образом, Пантеон, как и Монмартр, пал почти без борьбы. Как и на Монмартре, массовые убийства начались немедленно. Сорок заключенных были расстреляны один за другим на улице Сен-Жак на глазах и по приказу полковника.

Риго был убит в этом районе. Солдаты увидели федерального офицера, стучащего в дверь дома на улице Гей-Люссак, и выстрелили, не попав в него. Дверь открылась, и вошел Риго. Солдаты на полной скорости последовали за ним, ворвались в дом, схватили домовладельца, который удостоверял свою личность, и поспешили выдать Риго. Солдаты тащили его в Люксембургский дворец, когда на улице Руаяль-Коллар полковник версальского штаба встретил конвойных и спросил имя заключенного. Риго храбро ответил: "Да здравствует Коммуна! Долой убийц!" Его немедленно прижали к стене и застрелили. Пусть этот мужественный конец будет засчитан ему!

Когда о падении Пантеона, который так доблестно защищали в июне 1848 года, стало известно в мэрии одиннадцатого округа, они сразу же возопили против предателей; но что же тогда сделали Совет и Комитет общественного спасения для защиты этого важного поста? В мэрии, как и в Отель-де-Виль, они совещались.

В два часа члены Совета, Центрального комитета, высшие офицеры и начальники служб собрались в библиотеке. Делеклюз заговорил первым среди глубокой тишины, ибо малейший шепот заглушил бы его умирающий голос. Он сказал, что еще не все потеряно; что они должны приложить огромные усилия и держаться до последнего. Одобрительные возгласы прервали его. Он призвал каждого высказать свое мнение. "Я предлагаю, - сказал он, - чтобы

члены Коммуны, обвязавшись шарфами, произвели смотр всем батальонам, которые могут быть собраны на бульваре Вольтера. Затем мы во главе их двинемся к пунктам, которые должны быть завоеваны".

Идея показалась грандиозной и взволновала присутствующих. Никогда с момента заседания, когда он сказал, что некоторые народные избранники будут знать, как умереть на своем посту, Делеклюз так глубоко не трогал сердца присутствующих. Отдаленная пальба, пушки Пер-Лашеза, беспорядочные крики батальонов, окружавших мэрию, сливались с его голосом и временами заглушали его. Смотрите, посреди этого поражения этот старик выпрямился, его глаза сияют, правая рука поднята, бросая вызов отчаянию, эти вооруженные люди, только что вернувшиеся с битвы, затаив дыхание, прислушиваются к этому голосу, который, казалось, доносился из могилы. Во всей тысяче трагедий того дня не было сцены более торжественной.

Последовал переизбыток самых решительных решений. На столе открытым лежал большой ящик динамита; неосторожный жест мог взорвать мэрию. Они говорили о том, чтобы перекрыть мосты, перекрыть канализацию. Какой был смысл в этих высокопарных речах? Теперь требовались совсем другие средства. Где главный инженер, который сказал, что по его приказу развернется пропасть и поглотит врага? Его нет. Ушел и начальник генерального штаба. После казни Бофорта он почувствовал, что его эполеты задувает дурной ветер. Было сделано больше ходатайств, и ходатайства будут подаваться до конца. Центральный комитет снизошел до заявления, что он будет подчиняться Комитету общественной безопасности. Наконец, казалось решенным, что командир 11-го легиона должен объединить всех федералов, укрывшихся в одиннадцатом округе; возможно, ему удастся сформировать колонны, о которых говорил Делеклюз.

Затем военный делегат посетил оборонительные сооружения. В Бастилии велись серьезные приготовления. На улице Сент-Антуан, у входа на площадь, заканчивалась баррикада, оснащенная тремя артиллерийскими орудиями; еще одна баррикада при въезде в предместье прикрывала улицы Шарантон и ла Рукетт; но здесь, как и везде, фланги не охранялись. Патроны, гильзы были сложены вдоль домов, открытые для всех снарядов. Подходы к одиннадцатому округу были спешно укреплены, а на пересечении бульваров Вольтера и Ришара-Ленуара возводилась баррикада из бочек, тротуаров и больших тюков бумаги. Это произведение, недоступное спереди, также должно было быть свернуто. Перед ним, у входа на бульвар Вольтера, площадь Шато д'О, была возведена стена из тротуара высотой в два ярда. За этим смертоносным валом с помощью двух пушек федералы на двадцать четыре часа остановили все версальские колонны, вышедшие на площадь Шато д'О. Справа, у подножия улиц Оберкампф, Д'Ангулем, в предместье Тампль, на улице Фонтен-о-Руа и авеню Амандье, они уже находились в обороне. Выше, в десятом округе, Брюнель, прибывший в то же утро с Рю Рояль, снова вышел на первый план, как Лизбонн, как Варлен, жаждущий новых опасностей. Большая баррикада перегораживала перекресток бульваров Маджента и Страсбург; улица Шато д'О была перекрыта, а здания ворот Сен-Мартен и Сен-Дени, над которыми они работали день и ночь, были заполнены сражающимися.

К десяти часам версальцы смогли овладеть Северным железнодорожным вокзалом, свернув на улицу Стефенсон и преодолев баррикады на улице Дюнкерк; но Страсбургская железная дорога, вторая линия обороны Ла Виллета, выдержала их натиск, и наша артиллерия сильно потревожила их. На холмах Шомон Ранвье, руководивший обороной этих кварталов, установил

три гаубицы калибра 12 см, две гаубицы калибра 7 мм возле храма Сибиллы и две гаубицы калибра 7 мм на нижнем холме, в то время как пять пушек окружали улицу Пуэбла и защищали Ротонду. В Карьер д'Америк стояли две батареи из трех орудий; части Пер-Лашез непрерывно вели огонь по захваченным кварталам, при поддержке пушек крупного калибра на бастиионе 24.

Девятый округ наполнился автоматными очередями. Мы потеряли много позиций в предместье Пуассоньер. Несмотря на их успех в Халле, версальцы не смогли пробиться в третий округ, защищенный длинным рукавом бульвара Севастополь, и мы контролировали улицу Тюрбигу у казарм принца Евгения. Второй округ, почти полностью оккупированный, все еще держался на берегах Сены; со стороны Пон-Неф баррикады на авеню Виктория и набережной Жевр сопротивлялись до ночи. Наши канонерские лодки были брошены, противник захватил их и перевооружил.

Единственный успех нашей обороны был достигнут у холма о-Кайль, где под напором Вроблевского она перешла в наступление. Ночью версальцы осмотрели наши позиции, а на рассвете перешли в наступление. Федералы не стали их дожидаться и бросились им навстречу. Четыре раза версальцы получали отпор, четыре раза они возвращались; четыре раза они отступали, и солдаты, обескураженные, больше не подчинялись своим офицерам.

Таким образом, Ла Виллет и Бют-о-Кайль, два крайних пункта нашей обороны, удержали свои позиции; но какие бреши были по всей линии! Из Парижа, полностью принадлежавшего им в воскресенье, федералы теперь владели только одиннадцатым, двенадцатым, девятнадцатым и двадцатым округами и только частью третьего, пятого и тринадцатого.

В тот день массовые убийства приняли такой бешеный размах, что через несколько часов День Святого Варфоломея остался далеко позади. До тех пор убивали только федералов или людей, на которых доносили; теперь солдаты не знали ни друзей, ни врагов. Когда версальец устремлял на вас свой взор, вы должны были умереть; когда он обыскивал дом, от него ничего не ускользало. "Это больше не солдаты, выполняющие свой долг", - заявил консервативный журнал *La France*. И действительно, это были гиены, жаждущие крови и грабежа. В некоторых местах достаточно было иметь часового, чтобы быть застреленным. Трупы были обысканы,^[188] и корреспонденты иностранных газет называли эти кражи последним расследованием. И в тот же день М. Тьер имел наглость заявить Собранию: "Наши доблестные солдаты ведут себя таким образом, что внушают зарубежным странам высочайшее уважение".

Тогда же была придумана легенда о бензинах, которая, порожденная страхом и распространяемая прессой, стоила жизни сотням несчастных женщин. Распространился слух, что фурии бросали в подвалы горящую нефть. На каждую женщину, плохо одетую или несущую бидон из-под молока, ведро, пустую бутылку, указывали как на бензозаправщицу, ее одежду рвали в клочья, ее прижимали к ближайшей стене и убивали выстрелами из револьвера. Чудовищно идиотическая сторона легенды заключается в том, что предполагалось, что нефтяники будут действовать в кварталах, занятых армией.

Беглецы из захваченных кварталов принесли весть об этих массовых убийствах в мэрию одиннадцатого округа. Там, в меньшем масштабе и более угрожающем, царилата же неразбериха, что и в Отель-де-Виль. Узкие дворики были забиты повозками, патронами и порохом; каждая ступенька главной лестницы была занята женщинами, шившими мешки для баррикад. В Зале бракосочетаний, куда Ферре перевел управление общественной

безопасности, делегат с помощью двух секретарей отдавал распоряжения, подписывал пропуска, допрашивал приводимых к нему людей с величайшим спокойствием и объявлял свои решения вежливым, мягким и негромким голосом. Дальше, в комнатах, занимаемых Военным министерством, некоторые офицеры и начальники служб получали и ускоряли отправку депеш; некоторые из них, как и в Отель-де-Виль, выполняли свой долг с совершенным хладнокровием. В этот час некоторые люди проявили необычайную силу характера, особенно среди второстепенных участников движения. Они чувствовали, что все потеряно, что они вот-вот умрут, возможно, даже от рук своего собственного народа, ибо лихорадка подозрительности достигла предельной степени пароксизма; и все же они оставались в горниле, их сердца были спокойны, а умы ясны. Никогда правительство, за исключением правительства национальной обороны, не имело в своем распоряжении больше ресурсов, больше интеллекта, больше героизма, чем Совет коммуны; никогда оно не было настолько неполноценным по отношению к своим избирателям.

В половине восьмого перед тюрьмой Ла Рокет, куда накануне перевезли триста заложников, содержащихся до тех пор в Мазасе, послышался сильный шум. Среди толпы охранников, возмущенных массовыми убийствами, стоял делегат Комиссии общественной безопасности, который сказал: "Поскольку они стреляют в наших людей, шестеро заложников должны быть казнены. Кто сформирует взвод?" "Я! Я!" - кричали со всех сторон. Один выступил вперед и сказал: "Я мщу за своего отца"; другой: "Я мщу за своего брата". "Что касается меня, - сказал охранник, - то они застрелили мою жену". Каждый заявил о своем праве на месть. Были выбраны тридцать человек, и они вошли в тюрьму.

Делегат просмотрел тюремный реестр, указал на архиепископа Дарбоя, президента Бонжана, банкира Джекера, иезуитов Алларда, Клерка и Дюкудре; в последний момент Джекера заменил кюре Дегерри.

Их отвели на тренировочную площадку. Дарбой, запинаясь, произнес: "Я не враг Коммуны. Я сделал все, что мог. Я дважды писал в Версаль". Он немного оправился, когда увидел, что смерть неизбежна. Бонжан не мог держаться на ногах. "Кто осуждает нас?" - сказал он. "Правосудие народа". "О, это не то", - ответил президент. Один из священников бросился к будке часового и обнажил грудь. Их повели дальше, и, завернув за угол, они встретились с расстрелянным отрядом. Несколько человек обратились к ним с апострофом; делегат немедленно приказал замолчать. Заложники встали у стены, и офицер взвода сказал им: "Вы должны обвинять в своей смерти не нас, а версальцев, которые расстреливают заключенных". Затем он подал сигнал, и оружие выстрелило. Заложники отступили в одну линию на равном расстоянии друг от друга. Один Дарбой остался стоять, раненный в голову, с поднятой рукой. Второй залп уложил его рядом с остальными.^[189]

Слепое правосудие революций наказывает первых пришельцев за накопленные преступления их касты.

В восемь часов версальцы приблизились к баррикаде у ворот Сен-Мартен. Их снаряды уже давно подожгли театр военных действий, и федералы, теснимые этим пожаром, были вынуждены отступить.

В ту ночь версальцы расположились бивуаком перед Страсбургской железной дорогой, улицей Сен-Дени, Ратушей (занятой к девяти часам войсками Виноя), Политехнической школой,

Мадлоннетами и парком Монсури. Они представляли собой нечто вроде веера, неподвижную точку которого образовывал мост Менял, правую сторону - тринадцатый округ, левую - улицы Сен-Мартен и Фландрская улица, дугу - укрепления. Веер вот-вот должен был закрыться в Бельвиле, который был центром.

Париж продолжал яростно гореть. Ворота Сен-Мартен, церковь Сен-Эташ, Королевская улица, улица Риволи, Тюильри, Пале-Рояль, Отель-де-Виль, Театр Лирик, левый берег от Почетного Легиона до Дворца правосудия и префектуры полиции выделялись ярко-красным в ночной темноте. Причуды огня демонстрировали сверкающую архитектуру арок, куполов, призрачных сооружений. Огромные клубы дыма, облака искр, взлетающие в воздух, свидетельствовали о страшных взрывах; каждую минуту на горизонте загорались и снова гасли звезды. Это были пушки форта Бисетр, Пер-Лашез и Бют-Шомон, которые вели огонь по захваченным кварталам. Версальские батареи отвечали с Пантеона, Трокадеро и Монмартра. Теперь выстрелы следовали друг за другом через равные промежутки времени; теперь по всей линии раздавался непрерывный гром. Они целились наугад, вслепую, безумно. Снаряды часто разрывались посреди своего пути; весь город был окутан вихрем пламени и дыма.

Что за люди эта горстка сражающихся, которые без вождей, без надежды, без отступления оспаривали свои последние рубежи, как будто это означало победу! Лицемерная реакция обвинила их в преступлении поджога, как будто на войне огонь не был законным оружием; как будто версальские снаряды не подожгли по меньшей мере столько же зданий, сколько зданий федералов; как будто частные домыслы некоторых блюстителей порядка не внесли свою лепту в эти руины.^[190] И тот же самый буржуа, который говорил о "сожжении всего"^[191] перед пруссаками, называет этот народ негодяями, потому что они предпочли похоронить себя в руинах, чем отказаться от своей веры, своей собственности, своих семей коалиции деспотов, в тысячу раз более жестоких и долговечных, чем иностранцы.

В одиннадцать часов два офицера вошли в комнату Делеклюза и сообщили ему о казни заложников. Он выслушал рассказ, не переставая писать, а потом только спросил: "Как они умерли?" Когда офицеры ушли, Делеклюз повернулся к другу, который работал с ним, и, закрыв лицо руками, воскликнул: "Какая война!" - воскликнул он. "Какая война!" Но он слишком хорошо знал революции, чтобы погрузиться в бессмысленные размышления, и, справившись со своими эмоциями, воскликнул: "Мы будем знать, как умирать!"

В течение всей ночи депеши сменяли друг друга без перерыва, все требовали пушек и людей под угрозой оставить ту или иную позицию. Но где найти пушки? И люди стали такой же редкостью, как бронза.

СНОСКИ:

^[187] Один из командующих немецкими войсками.

^[188] Приложение XVIII.

^[189] В половине девятого вечера в мэрии одиннадцатого округа делегат Гентон выступил с речью, которую мы слышали и воспроизводим дословно.

^[190] Приложение XIX.

[191] "Сжечь все! Я слышал эти слова от самых мудрых, самых добродетельных людей". —Жюль Фавр, "Исследование 18 Марта", том ii, стр. 42. "Скорее Москва, чем Седан", — писал во время первой осады один из этих мудрых и добродетельных людей - М. Жюль Симон.

ГЛАВА XXX.

ЧЕТВЕРГ, 25—Й — ВЕСЬ ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ПЕРЕХОДИТ В РУКИ ВОЙСК—ДЕЛЕКЛЮЗ УМИРАЕТ—
БРАССАРДЬЕ[192] СТИМУЛИРУЮТ РЕЗНЮ -ЧЛЕНЫ СОВЕТА ЭВАКУИРУЮТ МЭРИЮ
ОДИННАДЦАТОГО ОКРУГА.

Несколько тысяч человек не могли бесконечно удерживать линию фронта длиной в несколько миль. Когда наступила ночь, многие федералы бросили свои баррикады, чтобы немного отдохнуть. Версальцы, которые были начеку, овладели своими укреплениями, и при свете зари увидели трехцветный флаг там, где накануне реял красный флаг.

В темноте федералы эвакуировали большую часть десятого округа, артиллерийские орудия которого были перевезены в замок О. Брюнель и храбрые *ученики Коммуны* все еще стояли на своих позициях на улице Маньян и набережной Жемап, войска удерживали верхнюю часть бульвара Маджента.

На левом берегу версальцы возвели батареи на площади Энфер, Люксембургской площади и бастионе 81. Более пятидесяти пушек и митральез были направлены на холм о-Кайль; ибо, отчаявшись взять его штурмом, Сисси хотел сокрушить его своей артиллерией. Вроблевский, со своей стороны, не оставался бездейственным. Помимо 175-го и 176-го батальонов, под его командованием находился легендарный 101-й, который был для войск Коммуны тем же, чем 32-я бригада была для армии Италии. С 3 апреля 101-й полк не отдыхал. Днем и ночью, с горячими ружьями, они бродили по траншеям, деревьям, полям; версальцы из Нейи, из Аньера десять раз обращались в бегство перед ними. Они забрали у них три пушки, которые, как верные мастифы, повсюду следовали за ними. Все граждане тринадцатого округа и квартала

Муфтар, недисциплинированные, необузданные, грубые, с порванной одеждой и флагом, подчиняющиеся только одному приказу - идти вперед, бунтующие, когда бездействуют, когда едва гаснет огонь, заставляющий снова бросаться в него. Серизье командовал ими, или, скорее, сопровождал их; на самом деле их единственным командиром была ярость. Находясь на фронте, они устраивали сюрпризы, захватывали аванпосты, держали солдат в тревоге. Вроблевский, незащищенный справа от него после взятия Пантеона, обеспечил свои коммуникации с Сеной баррикадой на Аустерлицком мосту и снабдил площадь Жанны д'Арк пушками, чтобы сдержать войска, которые могли бы рискнуть приблизиться к железнодорожной станции.

В тот день М. Тьер осмелился телеграфировать в провинции, что маршал Мак-Магон только что в последний раз призвал федералов к капитуляции. Это была отвратительная ложь, добавленная ко многим другим. Подобно Кавеньяку в 1848 году, М. Тьер, напротив, хотел продлить битву. Он знал, что его снаряды поджигают Париж, что массовое убийство пленных, раненых повлечет за собой гибель заложников. Но какое ему дело до судьбы нескольких священников и нескольких жандармов? Какое дело буржуазии, если она восторжествует среди руин, если на этих руинах она сможет написать: "Париж вел войну с привилегированными; Парижа больше нет!"

Отель-де-Виль и Пантеон оказались во власти войск, все их усилия были сосредоточены на замке О, Бастилии и холме о-Кайль. В четыре часа Клинчан возобновил свой марш к замку О. Одна колонна, двинувшись с улицы Паради, направилась вверх по улицам Шато д'О и Де Бонди; другая двинулась к баррикаде на бульварах Маджента и Страсбург; в то время как третья со стороны улицы Молодых продвигалась между бульварами и улицей Тюрбиго. Корпус Дуэ справа поддержал это движение и попытался вновь занять третий округ Руэ Шарло и Де Сентонж. Винуа продвигался к Бастилии маленькими улочками, примыкающими к улице Сент-Антуан, набережными правого и левого берегов. Сисси, придерживавшийся более скромной стратегии, обстрелял из пушек холм о-Кайль, перед которым его люди так часто поджимали хвост.

В фортах разыгрывались болезненные сцены. Вроблевский, чье левое крыло было ими прикрыто, полагался в их сохранении на энергию члена Совета, взявшего на себя функции делегата. Накануне вечером командующий Монружем оставил этот форт и отступил в Бисетр со своим гарнизоном. Форт Бисетр продержался недолго. Батальоны заявили, что хотят вернуться в город, чтобы защитить свои кварталы, и делегат, несмотря на свои угрозы, не смог удержать их; поэтому, вооружившись, весь гарнизон вернулся в Париж. Версальцы заняли два эвакуированных форта и там сразу же установили батареи против форта Иври и холма о-Кайль.

Общая атака на Холм началась только в середине дня. Версальцы прошли по крепостным валам до авеню д'Италия и Рут де Шуази, намереваясь захватить Итальянскую площадь, которую они атаковали со стороны Гобеленов. Проспекты Италии и Де Шуази были защищены мощными баррикадами, о прорыве которых они и мечтать не могли; но бульвар Сен-Марсель, защищенный с одной стороны пожаром гобеленов, можно было обойти многочисленными садами, пересекающими этот квартал, и версальцам это удалось. Сначала они овладели улицей Кордильер Сен-Марсель, где были убиты двадцать федералов, отказавшихся сдаться, а затем вошли в сады. В течение трех часов продолжительная и упорная перестрелка велась по холму о-Кайль, обстреливаемому версальскими пушками, в шесть раз превосходящими по численности орудия Вроблевского.

Гарнизон Иври прибыл к часу дня. Покидая форт, они подожгли мину, из-за которой образовались два бастиона. Вскоре после этого версальцы проникли в заброшенный форт, и тогда борьбы не было, как пытался представить это г-н Тьер в одном из тех бюллетеней, в которых он очень ловко смешивал правду и ложь.

К десяти часам на правом берегу версальцы достигли баррикады в предместье Сен-Дени, недалеко от тюрьмы Сен-Лазар, обошли с фланга и расстреляли семнадцать федералов.^[193] Оттуда они заняли баррикаду Сен-Лоран на пересечении бульвара Себастополь, установили батареи против замка О и по улице Реколле вышли к набережной Вальми. В ту ночь их выходу на бульвар Сен-Мартен помешала улица Ланери, по которой они открыли огонь из театра Ambigu-Comique. В третьем округе их остановили на улице Месле, улице Назарет, улице дю Вербуа, улице Шарло, улице Сентонж. Второй округ, захваченный со всех сторон, все еще оспаривал свою улицу Монторгей, расположенную ближе к Сене, Винуа удалось кружными улицами проникнуть в Гренье д'Абонданс, и, чтобы вытеснить его, федералы подожгли это здание, выходящее окнами на Бастилию.

Три часа.— Версальцы все больше и больше вторгались в тринадцатый округ. Их снаряды попали в тюрьму на авеню д'Италия, федералы эвакуировали ее, одновременно вывезя заключенных, среди которых были доминиканцы из Аркуэя, которые были возвращены в Париж с гарнизоном Бисетра. Вид этих людей, вдвойне отвратительный, привел сражающихся в ярость, чьи ружья, так сказать, самопроизвольно выстрелили, и дюжина апостолов Инквизиции пала под пулями в тот момент, когда они убегали по Аллее. Ко всем остальным заключенным относились с уважением.

С утра Вроблевский получил приказ отступить в одиннадцатый округ. Он упорно держался и переместил центр своего сопротивления немного дальше в тыл, на площадь Жанны д'Арк. Но версальцы, хозяева авеню Гобеленов, соединились с колоннами авеню Италии и Шуази в тринадцатом округе. Один из их отрядов, продолжая двигаться вдоль вала, достиг набережной Орлеанской железной дороги, и красномундирники уже показывались на бульваре Сен-Марсель. Вроблевский, почти окруженный со всех сторон, был, наконец, вынужден согласиться на отступление. Более того, младшие командиры, как и их генерал, получили приказ отступить; и таким образом, защищенный огнем с Аустерлицкого моста, умелый защитник холма о-Кайль переправился через Сену в хорошем порядке со своей пушкой и тысячей человек. Некоторое количество федералов, которые упрямо оставались в тринадцатом округе, были окружены и взяты в плен.

Версальцы не осмелились помешать отступлению Вроблевского, хотя они удерживали часть бульвара Сен-Марсель, Орлеанский вокзал, а их канонерские лодки поднимались вверх по Сене. Последние на мгновение задержались у входа в канал Святого Мартина, но, разлив полный ход, преодолели препятствие и вечером оказали помощь в атаке на одиннадцатый округ.

Весь левый берег теперь принадлежал врагу; Бастилия и замок О стали центром сражения.

Теперь на бульваре Вольтера можно было увидеть всех искренних людей, которые не погибли или чье присутствие не было обязательным в их кварталах. Одним из самых активных был Верморель, который на протяжении всей борьбы проявлял мужество, состоящее одновременно из огня и хладнокровия. Верхом на лошади, повязав красный шарф, он разъезжал от баррикады

к баррикаде, подбадривая людей, собирая подкрепления. Около двенадцати часов в мэрии состоялся еще один митинг. Присутствовали двадцать два члена Совета; еще около десяти защищали свои округа, остальные исчезли. Арнольд объяснил, что накануне вечером секретарь мистера Уошберна, посла Соединенных Штатов, приходил предложить посредничество немцев. По его словам, коммуне теперь остается только направить комиссаров в Венсен, чтобы согласовать условия перемирия. Секретарь, представленный собранию, повторил это заявление, и обсуждение началось. Делеклюз проявил большое нежелание принимать этот план. Какие мотивы побудили иностранца вмешаться? Чтобы положить конец пожару и сохранить свои гарантии, ему ответили. Но их гарантией было версальское правительство, чей триумф в этот момент уже не вызывал сомнений. Другие серьезно утверждали, что упорная оборона Парижа внушила пруссаку восхищение. Никто не спросил, не скрывается ли за этим бессмысленным предложением какая-то ловушка; не является ли мнимый секретарь простым шпионом. Они цеплялись, как утопающие, за этот последний шанс на спасение. Арнольд даже изложил основы перемирия, аналогичного тому, которое было заключено Центральным комитетом. Четверым из присутствующих членов, и среди них Делеклюзу, было поручено сопровождать американского секретаря в Венсен.

В три часа они подъехали к Венсенским воротам, но комиссар полиции отказался их пропустить. Они показали свои шарфы, карточки членов Городского совета. Комиссар настоял на получении охранной грамоты от Комиссии общественной безопасности. Пока продолжалась дискуссия, подошли несколько федералов. "Куда вы направляетесь?" спросили они. "В Венсен". "Почему?" "С заданием". Последовал болезненный спор. Федералы подумали, что члены Совета хотят скрыться, и даже собирались жестоко с ними расправиться, когда кто-то узнал Делеклюза. Его имя спасло остальных, но комиссар по-прежнему настаивал на охранной грамоте.

Один из делегатов побежал в мэрию одиннадцатого округа, чтобы раздобыть его, но даже по приказу Ферре стражники отказались опустить подъемный мост. Делеклюз обратился к ним, сказав, что на карту поставлено всеобщее благо; номолитвы и угрозы оказались в равной степени неспособны преодолеть мысль о дезертирстве. Делеклюз вернулся, дрожа всем телом. На мгновение его заподозрили в трусости; это было для него смертельным ударом.

Перед мэрией он увидел толпу, выкрикивавшую какие-то флаги с орлами, которые, по их словам, только что украли из Версаля. Из Бастилии выносили раненых. Мадемуазель Димитриефф, сама раненная, поддерживала Франкеля, раненого на баррикаде Сент-Антуанского предместья. Вроблевский только что прибыл с холма о-Кайль, Делеклюз предложил ему стать главнокомандующим. "У вас есть несколько тысяч решительных людей?" - спросил Вроблевский. "Самое большее, несколько сотен", - ответил делегат. Вроблевский не мог принять на себя никакой ответственности командования в таких неравных условиях и продолжал сражаться как простой солдат. Он был единственным генералом Коммуны, проявившим качества командира отряда. Он всегда просил прислать ему эти батальоны, на что все остальные отвечали отказом, обещая использовать их.

Атака приближалась все ближе и ближе к замку О. Это место, построенное с целью проверки предместий и выходящее на восемь больших проспектов, на самом деле не было укреплено. Версальцы, хозяева Драматического театра Фоли и улицы Шато д'О, атаковали его, перевернув казармы принца Евгения. Дом за домом они отбирали улицу Маньян *уучеников Коммуны*.

Брюнель, проведя с врагом четыре дня, упал, раненный в бедро. *Ученики* унесли его на носилках через площадь Шато д'О под градом пуль.

С улицы Маньян версальцы вскоре добрались до казарм, и федералам, слишком малочисленным, чтобы защитить этот огромный памятник, пришлось эвакуировать его.

Падение этой позиции обнажило улицу Тюрбиго, что позволило версальцам занять всю верхнюю часть третьего округа и окружить Консерваторию искусств и метрополитен. После довольно продолжительной борьбы федералы оставили баррикаду консерватории, оставив после себя заряженную митральезу. Также осталась женщина. Как только солдаты оказались в пределах досягаемости, она разрядила в них митральезу.

Отныне баррикадам бульваров Вольтера и Театра Дежазе приходилось выдерживать огонь казарм принца Евгения, бульвара Маджента, бульвара Сен-Мартен, улицы Тамплль и улицы Тюрбиго. Укрывшись в своем хрупком укрытии, федералы доблестно встретили эту лавину. Скольких людей называли героями, которые никогда не проявляли и сотой доли того простого мужества, без всяких сценических эффектов, без истории, которое проявилось в эти дни в тысяче мест Парижа! В замке О молодая девятнадцатилетняя девушка, румяная и очаровательная, с черными вьющимися волосами, одетая как фузилер морской пехоты, отчаянно сражалась целый день. На том же месте перед баррикадой был убит лейтенант; пятнадцатилетний Дотейль пошел поднять кепи убитого в гуще пуль и принес его обратно под одобрительные крики своих товарищей.

Ибо в уличных битвах, как и в открытом поле, дети проявили себя такими же храбрыми, как и мужчины. На баррикаде в предместье Тамплль самым неутомимым стрелком был ребенок. Баррикада была взята, все ее защитники были расстреляны, и настала очередь ребенка. Он попросил трехминутную передышку, "чтобы он мог забрать у своей матери, которая жила напротив, свои серебряные часы, *чтобы она, по крайней мере, не потеряла все*". Офицер, невольно растроганный, отпустил его, не думая увидеть его снова; но через три минуты после того, как ребенок крикнул: "Вот и я!" - спрыгнул на тротуар и проворно прислонился к стене рядом с трупами своих товарищей. Парис никогда не умрет, пока она воспитывает таких людей.

Площадь Шато д'О была разрушена, как после урагана. Стены рушились под снарядами и бомбами; огромные глыбы были выброшены наверх; львы фонтанов были пробиты или опрокинуты, венчающий их бассейн был разбит вдребезги. Огонь охватил двадцать домов. На деревьях не было листьев, и их сломанные ветви свисали, как конечности, почти отделенные от основной массы. Запущенные сады вздымали облака пыли. Невидимая рука смерти опустилась на каждый камень.

Без четверти семь недалеко от мэрии одиннадцатого округа мы увидели Делеклюза, Журда и около сотни федералов, марширующих в направлении замка О. Делеклюз был одет в свое обычное платье, черную шляпу, пальто и брюки, его красный шарф, по своему обыкновению, не бросающийся в глаза, был повязан вокруг талии. Безрукавный, он опирался на трость. Опасаясь некоторой паники в замке О, мы последовали за делегатом. Некоторые из нас остановились у церкви Святого Амбруаза, чтобы взять оружие. Затем мы встретили торговца из Эльзаса, который, разгневанный на тех, кто предал его страну, сражался пять дней и только что был тяжело ранен; чуть дальше - Лисбона, который, как и Брюнель, слишком часто бросавший вызов смерти, наконец, пал в замке О; его возвращали почти мертвым; и, наконец, Вермореля,

раненного рядом с Лисбоном, которого Тайс и Жаклар уносили на носилках, оставляя после себя большие капли крови. Таким образом, мы немного отстали от Делеклюза. Примерно в восьмидесяти ярдах от баррикады сопровождавшие его охранники отошли назад, поскольку вход на бульвар был заслонен снарядами.

Делеклюз все еще шел вперед. Взгляните на сцену; мы были свидетелями этого; пусть это останется в анналах истории. Солнце садилось. Старый изгнанник, не обращая внимания на то, следят ли за ним, продвигался все тем же шагом, единственное живое существо на дороге. Добравшись до баррикады, он свернул влево и взобрался на брусчатку. В последний раз его суровое лицо, обрамленное белой бородой, показалось нам обращенным навстречу смерти. Внезапно Делеклюз исчез. Он словно громом пораженный упал на площади Шато д'О.

Какие-то люди пытались поднять его. Трое из четырех упали замертво. Единственное, о чем можно было думать сейчас, - это о баррикаде, о сплочении ее немногочисленных защитников. Член городского совета Йоханнард, стоя почти посреди бульвара, подняв ружье и плача от ярости, кричал тем, кто колебался: "Нет! вы недостойны защищать Коммуну!" Наступила ночь. Мы вернулись с разбитыми сердцами, уезжая, брошенные на произвол врага без уважения к смерти, к телу нашего друга.

Он никого не предупредил, даже своих самых близких друзей. Молчаливый, доверенным лицом которого была только его суровая совесть, Делеклюз направился к баррикаде, как старые монтаньяры идут на эшафот. Насыщенная событиями жизнь истощила его силы; у него оставался лишь вдох, и он отдал его. Версальцы похитили его тело, но память о нем будет храниться в сердцах людей до тех пор, пока Франция будет метрополией Революции. Он жил только ради справедливости. Это был его талант, его наука, полярная звезда его жизни. Он провозгласил ее, исповедал ее через тридцать лет изгнания, тюрем, оскорблений, презирая преследования, которые раздавили его. Будучи якобинцем, он пал вместе с представителями народа, защищая ее. Это была его награда - умереть за нее, со свободными руками, при дневном свете, в свое время, не боясь вида палача.

Сравните поведение военного министра Коммуны с трусостью бонапартистского министра и генералов, спасающихся от смерти, сложив шпаги.

Весь вечер версальцы атаковали вход на бульвар Вольтера, защищенный пожаром двух угловых домов. Со стороны Бастилии они не продвинулись дальше Королевской площади, но уже врывались в двенадцатый округ. Под прикрытием стены набережной они в течение дня проникли под Аустерлицкий мост; вечером, под защитой своих канонерских лодок и батарей Ботанического сада, они продвинулись до Мазаса.

Наше правое крыло держалось лучше. Версальцы не смогли продвинуться дальше Восточной железнодорожной линии. Издалека они атаковали улицу Обервилье, при поддержке огня "Ротонды". Раньше энергично обстреливал Монмартр из пушек, когда в депеше Комитета общественной безопасности ему сообщили, что на Мулен де ла Галетт развевается красный флаг. Раньше, не в силах поверить в это, отказался прекратить огонь.

Вечером версальцы выстроились перед федералами ломаной линией, начинавшейся от Восточной железной дороги, проходившей мимо замка О и Бастилии и заканчивавшейся у Лионской железной дороги. От Коммуны остались нетронутыми только два округа, девятнадцатый и двадцатый, и примерно половина одиннадцатого и двенадцатого.

Версальский Париж больше не представлял собой цивилизованный вид. Страх, ненависть и дьявольская жестокость подавили все человеческие чувства. Это было всеобщее "яростное безумие", - сказал Сикл 26-го. "Никто больше не отличает справедливого от несправедливого, невинного от виновного. Жизнь граждан весит не больше волоса. За крик, за слово человека арестовывают, расстреливают". Вентиляционные отверстия подвалов были перекрыты по приказу армии, которая хотела воздать должное легенде о бензозаправщиках. Национальные стражи порядка выползли из своих укрытий, гордясь своими нарукавными повязками, предлагая свои услуги офицерам, обыскивая дома, отказываясь от чести руководить перестрелками. В десятом округе бывший мэр Дубайль при содействии командира 109-го батальона повел солдат на охоту за теми, кто ранее находился под его управлением. Благодаря *брассардье* поток заключенных увеличился настолько, что возникла необходимость централизовать бойню. Жертв загоняли в мэрии, казармы, общественные здания, где были организованы суды общей юрисдикции, и расстреливали в войсках. Когда артиллерийского огня оказалось недостаточно, митральезы скосили их. Не все умерли сразу, и ночью из этих кровоточащих куч раздавались ужасные крики агонии.

Ночные тени вернули зрелище пожаров. Там, где солнечные лучи освещали только темные облака, теперь появились огненные пирамиды. Гренье д'Абонданс освещал Сену далеко за пределами укреплений. Колонна Бастилии, сплошь пробитая снарядами, от которых загорелись короны и флаги, пылала, как гигантский факел. Рядом с замком О горел бульвар Вольтера.

Смерть Делеклюза была такой простой и быстрой, что даже в мэрии одиннадцатого округа в ней усомнились. Ближе к полуночи некоторые члены Совета согласились эвакуировать мэрию. Что? всегда убегайте перед порохом и выстрелами! Взята ли Бастилия? Разве бульвар Вольтера еще не устоял? Вся стратегия Комитета общественной безопасности, весь его план сражения заключался в отступлении. В два часа ночи, когда требовался член Коммуны, чтобы поддержать баррикаду замка О, был найден только Гамбон, спящий в углу. Офицер разбудил его и попросил прощения. Достойный республиканец ответил: "Это так же хорошо, что это должен быть я, как и другой; я выжил", - и удалился. Но шары уже пронесли по бульвару Вольтера вплоть до церкви Святого Амбруаза. Баррикада была пуста.

СНОСКИ:

[192] Заговорщики в нарукавниках.

[193] Федералов несколько раз призывали сдаться, но они отвечали: "Да здравствует Коммуна!" Их отбросило к стене тюрьмы, и они упали с одинаковым криком, один из них все еще сжимал красный флаг баррикады. Перед такой верой версальскому офицеру стало немного стыдно. Он повернулся к людям, которые спешили из соседних домов, и несколько раз повторил в качестве извинения: "Это их вина! Почему они не сдались?" Как будто они не убивали всех федералов регулярно и безжалостно.

ГЛАВА XXXI.

"Le commandant Ségoyer a été pris par les scélérats qui défendaient la Bastille, et, sans respect des lois de la guerre, a été immédiatement fusillé"—*M. Thiers aux Préfets, le 27 Mai.*

ЦЕНТРЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ В БЕЛЬВИЛЕ — В ПЯТНИЦУ НА УЛИЦЕ ХАКСО РАССТРЕЛЯНЫ СОРОК ВОСЕМЬ ЗАЛОЖНИКОВ -В СУББОТУ, 27—го, ЗАХВАЧЕН ВЕСЬ ДВАДЦАТЫЙ ОКРУГ — ВЗЯТ ПЕР—ЛАСЕЗ — В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 28-ГО, БИТВА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В ОДИННАДЦАТЬ ЧАСОВ УТРА - В ПОНЕДЕЛЬНИК, 29-ГО, СДАН ВЕНСЕНСКИЙ ФОРТ.

Солдаты, продолжая устраивать ночные сюрпризы, овладели опустевшими баррикадами на улице Обервилье и бульваре ла Шапель. Со стороны Бастилии они заняли баррикаду на улице Сент-Антуан на углу улицы Кастекс, станцию Лионской железной дороги и тюрьму Мазас; с третьей стороны, все оставленные укрепления рынка и площади Тамплъ. Они дошли до первых домов на бульваре Вольтера и остановились в "Журнале Реюньона".

Во тьме ночи версальский офицер был застигнут врасплох нашими аванпостами у Бастилии и застрелен; "без соблюдения законов войны", - сказал М. Тьер на следующий день. Как будто в течение четырех дней, когда он безжалостно расстреливал тысячи заключенных, стариков, женщин и детей, г-н Тьер подчинялся какому-либо иному закону, кроме закона дикарей.

Атака возобновилась на рассвете. У Ла Виллет версальцы, перейдя улицу д'Обервилье, повернули и заняли заброшенный газовый завод; в центре они дошли до цирка Наполеона; справа, в двенадцатом округе, они без боя захватили ближайшие к реке бастионы. Один отряд поднялся по насыпи Венсенской железной дороги и занял вокзал, в то время как другой овладел бульваром Мазас, авеню Лакуэй и проник в Сент-Антуанское предместье. Бастилия, таким образом, была плотно прижата к своему правому флангу, в то время как войска Королевской площади атаквали ее слева, со стороны бульвара Бомарше.

Солнце не показывалось. Продолжавшаяся пять дней канонада вызвала дождь, который обычно сопровождает большие сражения. Стрельба утратила свой резкий, быстрый характер, но продолжалась приглушенно. Измученные, промокшие до нитки люди с трудом различали

сквозь пелену тумана точку, откуда велась атака. Снаряды версальской батареи, установленной на железнодорожном вокзале Орлеана, потревожили вход в Сент-Антуанское предместье. В семь часов было объявлено о присутствии солдат на вершине предместья. Федералы поспешили туда со своими пушками. Если они не выстоят, Бастилия будет взята.

Они выстояли. Улица Алигр и авеню Лакуэй соперничали друг с другом в преданности. Укрепившись в домах, федералы пали, но не сдались и не отступили; и благодаря их самопожертвованию Бастилия в течение шести часов все еще удерживала свои разрушенные баррикады и дома. В этом устье Революции каждый камень имел свою легенду. Здесь в стене запечатлена пуля, выпущенная в крепость в 1789 году. Прислонившись к той же стене, сыновья июньских комбатантов сражались за тот же тротуар, что и их отцы. Здесь консерваторы 1848 года дали волю своему гневу; но что значила их ярость по сравнению с яростью 1871 года? Дом на углу улицы ла Рокет, угол улицы Шарантон, исчез, как декорации театра, и среди этих руин, под этими горящими балками, какие-то люди стреляли из пушек, двадцать раз поднимали красный флаг, который так часто срывали на версальских балах. Как хорошо известно, бессильный одержать победу над целой армией, старый славный город, по крайней мере, сдастся с честью.

Сколько их было в середине дня? Сотни, поскольку ночью сотни трупов лежали вокруг главной баррикады. На улице Крозатье они были мертвы; они были мертвы и на улице д'Алигр, убитые в борьбе или после битвы. И как они умерли! На улице Крозатье армейский артиллерист, перешедший на сторону народа 18 марта, был окружен. "Мы собираемся расстрелять вас", - кричали солдаты. Он, пожимая плечами, ответил: "Мы можем умереть только один раз!" Дальше боролся старик; офицер с утонченной жестокостью хотел застрелить его на куче грязи. "Я храбро сражался, - сказал старик. - Я имею право не умирать в трясине".

Действительно, везде они умирали достойно. В тот же день Мильер, арестованный на левом берегу Сены, был доставлен в штаб Сисси. Этот империалистический генерал, разоренный гнуснейшим разворотом и завершивший свою министерскую карьеру предательством,^[194] превратил свою штаб-квартиру в Люксембурге в одну из боен левобережья. Роль Мильера во время Коммуны заключалась в простом примирении, а его полемика в журналах была исключительно доктринальной и носила самый возвышенный характер; но ненависть офицеров ко всем социалистам, ненависть Жюль Фавра, подстерегала его. Убийца, штабс-капитан Гарсен,^[195] с высоко поднятой головой рассказал о своем преступлении.^[196] Перед историей мы должны дать ему высказаться.

- Мильера привели, когда мы завтракали с генералом в ресторане "Турнон", недалеко от Люксембургского дворца. Мы услышали сильный шум и вышли. Мне сказали: "Это Мильер". Я позаботился о том, чтобы толпа не взяла правосудие в свои руки. Он не вошел в Люксембургский дворец; его остановили у ворот. Я обратился к нему и спросил: "Вы Мильер?" - "Да, но вы знаете, что я депутат". "Возможно, но я думаю, что вы утратили свой депутатский статус. Кроме того, среди нас есть депутат, месье де Кинсоннас, который вас узнает.

Тогда я сказал Мильеру, что генерал отдал приказ расстрелять его. Он спросил меня: "Почему?"

Я ответил ему: "Я знаю только ваше имя. Я читал ваши статьи, которые вызвали у меня отвращение" (вероятно, статьи о Жюле Фавре). - Ты гадюка, которую раздавливают ногами. Ты ненавидишь общество. - Он остановился и сказал с многозначительным видом: - О, да! Я

действительно ненавижу это общество". "Что ж, оно вырвет вас из своих объятий; вы будете расстреляны". "Это правосудие без суда и следствия, варварство, жестокость". "И всю ту жестокость, которую вы совершили, вы принимаете это за ничто? Во всяком случае, раз вы называете себя Мильер, ничего другого не остается.

"Генерал приказал, чтобы его расстреляли в Пантеоне, на коленях, чтобы он попросил прощения у общества за все зло, которое он совершил. Он отказался быть расстрелянным на коленях. Я сказал ему: "Таков приказ; вы будете расстреляны на коленях, и никак иначе". Он разыграл небольшую комедию, распахнув пальто и обнажив грудь перед расстрельной командой. Я сказал ему: "Ты притворяешься; ты хочешь, чтобы они сказали, как ты умер; умри тихо, это будет лучше всего". "Я волен в своих собственных интересах и ради своего Дела поступать так, как мне нравится". "Пусть будет так; встань на колени". Тогда он сказал мне: "Я сделаю это только в том случае, если ты заставишь меня лечь двумя мужчинами". Я заставил его встать на колени, а затем его казнили. Он закричал: "Да здравствует человечество!" - Он собирался выкрикнуть что-то еще, когда упал замертво".[197]

Офицер поднялся по ступенькам, подошел к труп и выстрелил из своего огнестрельного оружия в левый висок. Голова Мильера отскочила и, откинувшись назад, раскрылась, черная от пороха, и, казалось, смотрела на фронтиспис памятника.

"Vive l'humanité!" Это слово подразумевает две причины. "Я так же забочусь о свободе других людей, как и о свободе Франции", - сказал федерал реакционеру.[198] В 1871 году, как и в 1793 году, Париж борется за всех угнетенных.

Бастилия пала около двух часов. Ла Виллет все еще сопротивлялся. Утром баррикада на углу бульвара и улицы Фландр была сдана ее командиром. Федералы сосредоточились в тылу вдоль линии канала и забаррикадировали Крымскую улицу. Ротонда, предназначенная для отражения главного удара, была укреплена баррикадой на набережной Луары. 269-й полк, который в течение двух дней противостоял врагу, возобновил борьбу за новые позиции. Поскольку эта линия от Ла-Виллетт имела большую протяженность, Ранвье и Пасседуэт отправились за подкреплением в двадцатый округ, где укрылись остатки всех батальонов.

Они столпились вокруг мэрии, которая распределяла жилье и заказы на еду. Возле церкви с шумом выставляли повозки и лошадей. Штаб-квартира и различные службы были расположены на улице Хаксо в Сите Венсен, в серии зданий, окруженных садами.

Очень многочисленные баррикады на запутанных улицах Менильмонтана почти все были обращены против бульвара. Стратегический маршрут, который в этом месте выходит на Пер-Лашез, Бют-Шомон и внешний бульвар, даже не охранялся.

С высоты крепостных валов были видны вооруженные пруссаки. Согласно условиям конвенции, ранее заключенной между Версалем и принцем Саксонским, немецкая армия с понедельника окружила Париж с севера и востока. Она перекрыла железную дорогу на Севере, перекрыла линию канала от Сен-Дени, выставила часовых от Сен-Дени до Шарантона, возвела баррикады на всех путях сообщения. С пяти часов вечера в четверг 5000 баварцев выступили маршем из Фонтенэ, Ножана и Шарантона, образовав непроницаемый кордон от Марныдо Монترея; а вечером другой корпус численностью в 5000 человек занял Венсен с восемьюдесятью артиллерийскими орудиями. В девять часов он окружил форт и разоружил федералов, которые хотели вернуться в Париж. Он сделал еще лучше — захватил игру для Версаля. Уже во время

осады пруссаки оказали косвенную поддержку версальской армии; их циничный сговор с французскими консерваторами нескрываясь проявился в течение восьми дней мая. Из всех М. Одним из самых отвратительных преступлений Тьера, несомненно, будет то, что он ввел завоевателей Франции в наши гражданские раздоры и умолял их о помощи, чтобы сокрушить Париж.

Ближе к полудню в западной части доков Ла Виллетт вспыхнул пожар - огромный склад нефти, эссенций и горючих материалов, подожженный снарядами с обеих сторон. Этот пожар вынудил нас покинуть баррикады на улицах Фландр и Рике. Версальцы, пытавшиеся пересечь канал на лодках, были остановлены баррикадами на Крымской улице и Ротонде.

Виной продолжал подниматься по двенадцатому округу после того, как оставил несколько тысяч человек, необходимых для дознания и казней в Бастилии. Баррикада на улице Рейи, на углу предместья Сент-Антуан, продержалась несколько часов против солдат, обстреливавших ее из пушек с бульвара Мазас. В то же время версальцы, маршируя по бульвару Мазас и улице Пикпю, двинулись к площади Трон, которую они попытались обойти с фланга крепостными валами. Артиллерия приготовилась и прикрывала малейшее их движение. Обычно они атаковали части на углу дорог, которые хотели сократить, выдвигали их вперед, стреляли и снова отводили в укрытие. Федералы могли добраться до этого невидимого врага только с высот; но централизовать артиллерию Коммуны было невозможно, поскольку каждая баррикада хотела обладать своим орудием, не заботясь о том, где оно находится.

Никакой власти больше не было. В штабе скопилась толпа сбитых с толку офицеров. О продвижении врага стало известно только по прибытию оставшихся в живых батальонов. Неразбериха была такова, что в этом месте, смертельном для предателей, можно было увидеть Дю Биссона в генеральской форме, изгнанного из Ла-Виллета. Те немногие члены Совета, с которыми предстояло встретиться в двадцатом округе, бродили наугад, абсолютно игнорируемые; но они не отказались от обсуждения. В пятницу их было двенадцать человек на улице Хаксо, когда прибыл Центральный комитет и провозгласил диктатуру. Это было дано им, несмотря на протесты некоторых, и Варлен был добавлен к их числу. О Комитете общественной безопасности больше не было слышно.

Единственным из его членов, кто играл какую-либо роль, был Ранвье, великолепно энергичный в боях. В те дни он был душой Ла Виллета и Бельвиля, подбадривал людей, следил за всем. 26-го он выпустил прокламацию: "Граждане двадцатого округа! если мы сдадимся, вы знаете, какая судьба уготована вам. К оружию! Будьте бдительны, особенно ночью. Я прошу вас точно выполнять наши приказы. Окажите поддержку девятнадцатому округу; помогите ему дать отпор врагу. В этом ваша безопасность. Не ждите, пока нападут на сам Бельвиль. Тогда вперед. Vive la République!"

Но очень немногие читали или подчинялись. Снаряды с Монмартра, которые накануне разрушили Бельвиль и Менильмонтан, крики, вид раненых, перебирающихся из дома в дом в поисках помощи, слишком явные признаки приближающегося конца ускорили обычные явления поражения. Люди стали ожесточенными и подозрительными. Любому человеку без формы рисковал быть застреленным, если у него не было хорошо известного имени, которое могло бы рекомендовать его. Новости, приходившие со всех концов Парижа, усиливали тоску и отчаяние. Было известно, что солдаты не давали пощады; что они отправляли раненых, убивая даже врачей;^[199] что каждый человек, взятый в форме Национальной гвардии, обутый в

штатские ботинки или на одежде которого были видны следы недавно расстегнутых нашивок, был застрелен на улице или во дворе своего дома; что комбатанты, которые сдались под обещание сохранить им жизнь, были расстреляны на улице. массовые убийства; что тысячи мужчин, женщин, детей и стариков были доставлены в Версаль с непокрытой головой и часто убиты по дороге; что достаточно быть родственником комбатанта или предложить ему убежище, чтобы разделить его судьбу; рассказывалось о бесчисленных казнях так называемых нефтяников.

Около шести часов сорок восемь жандармов, священнослужителей и гражданских лиц прошли маршем по улице Хаксо между отрядами федералов. Сначала предполагалось, что они были пленниками, недавно захваченными и оскверненными посреди полной тишины. Но распространился слух, что они были заложниками Ла Рокета и что их вели на смерть. Толпа становилась все больше, они следовали за ними, обращались с апостроф-ми, но не били их. В половине седьмого кортеж подъехал к Венсенскому городу; ворота за ними закрылись, и толпа разошлась по соседним дворам.

Конвой с шумом оттеснил заложников к чему-то вроде траншеи у подножия стены. Шахты выравнивались, когда член Совета сказал: "Что вы делаете? Здесь пороховой погреб; вы нас взорвете". Таким образом он надеялся отсрочить казнь. Другие, совершенно растерянные, переходили от группы к группе, пытаясь обсудить, унять гнев. Они были отвергнуты, им угрожали, и их дурной славы едва ли хватило, чтобы спасти их от смерти.

Со всех сторон загрели ружья; мало-помалу заложники падали. Снаружи раздались аплодисменты. И все же в течение двух дней взятые в плен солдаты проходили через Бельвиль, не вызывая ропота; но эти жандармы, эти шпионы, эти священники, которые целых двадцать лет топтали Париж, представляли Империю, буржуазию, массовые убийства в их самых отвратительных формах.

В то же утро Джекер, сообщник Морни, был застрелен. Совет не знал, как его наказать; народное правосудие обрушилось на него. Взвод из четырех федералов отправился за ним в Ла-Рокет. Казалось, он спокойно смирился и даже болтал подороге. "Вы ошибаетесь, - сказал он, - если думаете, что я хорошо провернул дело. Эти люди обманули меня". Он был казнен на открытой территории, примыкающей к Пер-Лашезу со стороны Шаронны.

В течение этого дня войска не совершали никаких крупных перемещений. Корпуса Дуэ и Клишана были размещены на бульваре Ришар-Ленуар. Двойная баррикада в тылу Батаклана остановила вторжение на бульвар Вольтера; на улице Сен-Себастьян был убит версальский генерал; площадь Трон все еще держалась благодаря баррикаде Филиппа-Огюста. Ротонда и доки Ла Виллетт также продолжили сопротивление. К концу дня пожар перекинулся на часть доков, ближайшую к мэрии.

Вечером армия заняла оборону между укреплениями и изогнутой линией, которая от бойен Ла Виллетт тянулась до Венсенских ворот, проходя мимо канала Сен-Мартен, бульвара Ришар-Ленуар и улиц Предместий Сент—Антуан-Ладмиро и Винуа, занимая две оконечности, Дуэ и Клишан - центр.

Ночь с пятницы на субботу была мрачной и лихорадочной в Менильмонтане и Бельвиле, истерзанных снарядами. На повороте каждой улицы часовые требовали произнести контрольное слово (Бушот-Бельвиль), но часто даже этого было недостаточно, и приходилось

доказывать, что тебя послали с поручением. Каждый начальник баррикады заявлял о своем праве помешать вашему проходу. Остальные батальоны продолжали прибывать в беспорядке и захватили все дома. Большинство, не найдя укрытия, отдыхало под открытым небом, среди снарядов, которые всегда приветствовались криками "Да здравствует Коммуна!"

По Большой улице Бельвиль несколько национальных гвардейцев несли гробы на скрещенных мушкетах, несколько человек шли впереди с факелами, били барабаны. Эти бойцы, которые среди снарядов молча хоронили своих товарищей, предстали в трогательном величии. Они сами были у врат смерти.

Ночью баррикады на улице Алемань были оставлены. Максимум тысяча человек в течение двух дней сдерживали 25 000 солдат Ладмиро. Почти все эти храбрецы были малоподвижными стражниками и детьми.

Влажный отблеск субботнего утра предвещал зловещую перспективу. Туман был густым и пронизывающим, почва пропиталась влагой. Клубы белого дыма медленно поднимались над дождем; это была стрельба. Федералы дрожали под своими промокшими плащами.

С рассветом баррикады стратегического маршрута, ворота Монтрей и Баньоле, были заняты войсками, которые без сопротивления вторглись в Шаронну. В семь часов они расположились на площади дю Трон, оборона которой была оставлена. Увъезда на бульвар Вольтера версальцы установили батарею из шести орудий против мэрии одиннадцатого округа. Отныне уверенные в победе, офицеры хотели шумно торжествовать. Эта баррикада, по которой они вели огонь в течение всего дня 27-го, имела всего две части самого неправильного выступления. Множество версальских ракушек упало к ногам статуи Вольтера, который своей сардонической улыбкой, казалось, напоминал своим буржуазным потомкам о "прекрасном образе жизни", который он им обещал.

В Ла-Виллетте солдаты со всех сторон отклонились от линии, прошли мимо укреплений и атаковали Рус-Пуэбла и Де-Крым. Их левые, все еще занятые в верхней части десятого округа, пытались овладеть всеми его улицами, ведущими к бульвару ла Виллет. Их батареи на Фландрской улице, на крепостных валах и на Ротонде объединили свой огонь с огнем Монмартра и засыпали Бют-Шомон снарядами. Баррикада на улице Пуэбла сдалась к десяти часам. Матрос, оставшийся один, спрятавшись за брусчаткой, поджидал версальцев, выстрелил в них из револьвера, а затем с топором в руке бросился в гущу их рядов. Противник развернулся на всех прилегающих улицах вплоть до улицы Менадье, которую упорно удерживали наши тирайлеры. На площади Праздников две наши части окружили Крымскую улицу и прикрывали наш правый фланг.

В одиннадцать часов девять или десять членов Совета собрались на улице Хаксо. Один из них, Жюль Алликс, которого его коллеги были вынуждены заткнуть как сумасшедшего во время Коммуны, вышел сияющий. По его словам, все было к лучшему; помещения центра были разобраны; им оставалось только спуститься туда. Другие думали, что, сдавшись пруссакам, которые доставили бы их в Версаль, они могли бы положить конец массовым убийствам. Один или два члена парламента продемонстрировали абсурдность этой надежды и то, что, кроме федералов, никому не позволят покинуть Париж. Их не послушали. Была составлена торжественная записка, когда Ранвье, который бродил по всем углам, подбирая людей одного за другим для защиты холмов Шомон, прервал их обсуждение, воскликнув: "Почему вы не идете

и не сражаетесь, вместо того чтобы дискутировать?" Они разошлись в разные стороны, и это была последняя встреча этих людей, занятых вечными размышлениями.

В этот момент версальцы заняли бастион 16. В полдень распространился слух, что войска выходят с улицы Пари и крепостных валов. Толпа мужчин и женщин, изгнанных снарядами из своих домов, окружила ворота Роменвиля, с громкими криками прося разрешить им бежать на соседние поля. В час дня подъемный мост был опущен, чтобы дать проход нескольким масонам, которые обращались к немецким властям с вопросом, разрешат ли они свободный проход беглецам. Толпа выбежала на улицу и рассеялась по домам деревни де Лиля. Несколько женщин и детей попытались пробиться дальше и перебраться через баррикаду, воздвигнутую посреди дороги, сержант роменвильской жандармерии бросился на них, крича пруссакам: "Огонь! давай, стреляй в эту канарейку! Прусский солдат выстрелил, ранив женщину.

Тем временем подъемный мост был поднят. Около четырех часов полковник Парент верхом на лошади, сопровождаемый трубачом, осмелился по собственному почину отправиться к прусским войскам и попросить разрешения пройти. Бесплезное унижение. Офицер ответил, что у него нет приказа и что он обратится в Сен-Дени.

В тот же день член Совета Арнольд, который все еще верил в американское вмешательство, отправился отнести письмо для мистера Уошберна на немецкие аванпосты. Его проводили от одного офицера к другому, приняли довольно грубо и отправили обратно с обещанием, что его письмо будет передано послу.

Около двух часов дня несколько версальских батальонов, прочесав стратегический маршрут, достигли улицы Крым по улице Лиля и открытой территории укреплений, но были остановлены на улице Бельвю. С площади Марш три пушки присоединились к огню с площади Праздников, чтобы защитить холмы Шомон. Эти орудия целый день обслуживались всего пятью артиллеристами с обнаженным оружием, без свидетелей, не нуждаясь ни в начальнике, ни в приказах. В пять часов пушки на холмах замолчали, у них больше не было боеприпасов, и их артиллеристы присоединились к стрелкам из русов Менадье, Фессар и Де Аннеле.

В пять часов Ферре привел на улицу Хаксо линейных солдат казарм принца Евгения, переведенных со среды в тюрьму Ла Петит Рокет, которая только что была эвакуирована, как и Гранд Рокет. Толпа смотрела на них, не произнося ни единой угрозы, ибо они не испытывали ненависти к солдатам, которые, как и они сами, принадлежат к народу. Они были расквартированы в Бельвильской церкви. Их прибытие вызвало фатальную диверсию. Люди выбежали посмотреть, как они проходят, и площадь праздников была демонтирована. Версальцы подошли, заняли его, и последние защитники Холмов отступили к предместью Тампл и Парижской улице.

Пока наш фронт сдавался, на нас напали с тыла. С четырех часов пополудни версальцы вели осаду Пер-Лашеза, в которой находилось не более 200 федералов, решительных, но лишенных дисциплины или предусмотрительности. Офицеры не смогли заставить их штурмовать стены. Пять тысяч версальцев приблизились к окружению со всех сторон, в то время как артиллерия бастиона прочесывала внутренние районы. С полудня у частей Коммуны почти не осталось боеприпасов. В шесть часов версальцы, не осмеливаясь, несмотря на свою многочисленность, усиливать окружение, обстреляли из пушек большие ворота кладбища, которые вскоре поддались, несмотря на подпиравшую их баррикаду. Затем началась отчаянная борьба.

Укрывшись за могилами, федералы отвоевывали свое убежище шаг за шагом; они сходились с врагом в ужасных рукопашных схватках; в подвалах они сражались с применением холодного оружия. Враги перекатились и умерли в одной могиле. Рано опустившаяся тьма не положила конец отчаянию.

В субботу вечером у федералов оставалась только часть одиннадцатого и двадцатого округов. Версальцы расположились лагерем на площади Праздников, улице Фессар, улице Прадье вплоть до улицы Ребеваль, где, как и на бульваре, они были задержаны. Четырехугольник, состоящий из улицы Фобур-дю-Тампль, улицы Фоли-Мерикур, улицы ла-Рокет и внешнего бульвара, был частично занят федералами. Дуэ и Клинчан ждали на бульваре Ришар-Ленуар момента, когда Виноа и Ладмиро захватили бы высоты и таким образом вынудили федералов подойти к пушкам.

Что за ночь выдалась для немногих участников боевых действий последних часов! Лил проливной дождь. Пожар в Ла Виллетте осветил этот мрак своим ослепительным сиянием. Снаряды продолжали обстреливать Бельвиль; они даже добрались до Баньоле и ранили нескольких прусских солдат.

Раненые в большом количестве прибывали в мэрию двадцатого округа. Не было ни врачей, ни медикаментов, ни матрасов, ни одеял, и несчастные люди умирали без помощи. Несколько шпионов, застигнутых врасплох в одежде национальных гвардейцев, оказались там, а затем расстреляны в суде. *Прибылим*стители де Флуранс во главе со своим капитаном, прекрасным молодым человеком, пошатываящимся в седле. Кантиньерка, в бреду, с платком, повязанным вокруг кровоточащего лба, ругалась, созывала мужчин криком раненой львицы. Из судорожно сжимаемых рук наугад выстрелили пистолеты. Грохот повозок, угрозы, причитания, пальба, свист снарядов сливались в сводящий с ума шум, и кто в те страшные часы не чувствовал, что его рассудок слабеет? Каждое мгновение приносило с собой новую катастрофу. Один охранник подбежал и сказал: "Баррикада Прадье оставлена!"; другой: "Нам нужны люди на улице Ребеваль"; третий: "Они бегут по улице Пре". На этих похоронных звонах присутствовало всего несколько членов Совета, среди которых были Тринке, Ферре, Варлен и Ранвье. Отчаявшись от своего бессилия, сломленные этими восемью днями, без сна и без надежды, сильнее погрузились в скорбь.

С четырех часов Виноа и Ладмиро повели свои войска вдоль крепостных валов по незащитному стратегическому маршруту и вскоре соединились у ворот Роменвиля. К пяти часам войска заняли баррикаду на улице Ребеваль на бульваре ла Виллет, а со стороны улицы Венсан и пассажа дю Ренар атаковали баррикады на улице Пари с тыла. Мэрия двадцатого округа была занята только в восемь часов. Баррикаду на Рю де Пари на углу бульвара защищали командир 191-го полка и пять или шесть гвардейцев, которые держались до тех пор, пока не иссякли их боеприпасы.

Колонна выступила с бульвара Филипп-Огюст, проникла в Рокет около девяти часов и освободила находившихся там заложников. Хозяева Пер-Лашеза со вчерашнего дня, версальцы, могли проникнуть в заброшенную тюрьму по крайней мере с девяти часов вечера. Эта двенадцатичасовая задержка в достаточной степени демонстрирует их презрение к жизням заложников. Четверо из последних, среди которых был епископ Сурат, которым удалось бежать днем в субботу, были схвачены на соседних баррикадах и расстреляны перед "Петит Рокет".

К девяти часам сопротивление было подавлено на небольшой площади, образованной улицами Тампль, Труа Борн, Труа Куронн и бульваром Бельвиль. На двух или трех улицах двадцатого округа все еще продолжалась борьба, в том числе на улице Рампоно. Небольшая фаланга из пятидесяти человек, возглавляемая Варленом, Ферре и Гамбоном, с красными шарфами вокруг талии и шассепотами за плечами, промаршировала по улице Шан и из двадцатого округа вышла на бульвар. Гигантский гарибальдиец нес перед ними огромный красный флаг. Они въехали в одиннадцатый округ. Варлен и его коллеги собирались защищать баррикады на улице Фобур-дю-Тампль и на улице Фонтен-о-Руа. С фронта он был неприступен; версальцам, хозяевам госпиталя Святого Людовика, удалось обогнуть его у улиц Сен-Мор и Биша.

К десяти часам у федералов почти не осталось пушек, и две трети армии окружили их. Какое это имело значение? На улице Фобур-дю-Тампль, улице Оберкампф, улице Сен-Мор, улице Парментье они все еще хотели сражаться. Там были баррикады, которые нельзя было разворотить, и дома без выходов. Версальская артиллерия обстреливала их, пока федералы не израсходовали свои боеприпасы. Израсходовав последний патрон, измученные снарядами, они бросились на ошестинившиеся вокруг них мушкеты.

Мало-помалу стрельба стихла, все стихло. Около десяти часов на Рю де Пари, занятой версальцами, выстрелила последняя федеральная пушка. Орудие, заряженное двойной дробью, со страшным грохотом испустило последний вздох Парижской коммуны.

Последняя баррикада майских дней находилась на улице Рампоно. Четверть часа ее защищал один-единственный федерал. Трижды он ломал древко версальского флага, водруженного на баррикаде улицы Пари. В награду за свое мужество этому последнему солдату Коммуны удалось сбежать.

В одиннадцать часов все было кончено. Площадь Согласия продержалась два дня, Бют-о-Кайль - два, Ла-Виллет - три, бульвар Вольтера - два с половиной дня. Из семидесяти девяти членов Совета, исполнявших обязанности 21 мая, один, Делеклюз, погиб на баррикадах; двое, Ж. Дюран и Р. Риго, были застрелены; двое, Брюнель и Верморель (умершие несколькими днями позже в Версале), [200] были тяжело ранены; трое, Уде, Протот, Франкель, слегка. Версальцы потеряли мало людей. У нас было 3000 убитых или раненых. Потери армии в июне 1848 года и сопротивление повстанцев были относительно более серьезными. Но июньским повстанцам пришлось противостоять всего 30 000 человек; майские сражались против 130 000 солдат. Июньская борьба длилась всего три дня; у федералов - восемь недель. Накануне июня революционная армия была цела; 21 мая она была разгромлена. Самые доблестные защитники пали на передовых позициях. Чего не могли бы сделать в Париже эти 15 000 человек, бесполезно принесенных в жертву за пределами города? Чего только не могли сделать храбрецы из Нейи, Аньера, Исси, Ванва, Кашана в Пантеоне и на Монмартре?

Захват Венсенского форта произошел в понедельник, 29-го. Этот форт, разоруженный в соответствии с положениями мирного договора, не мог принимать никакого участия в боевых действиях. Его гарнизон состоял из 350 человек и двадцати четырех офицеров под командованием главнокомандующего легионом Фальто, ветерана войн за Польшу и Гарибальди, одного из самых активных бойцов 18 марта. Ему предложили совершенно безопасное убежище, но он ответил, что честь запрещает ему покидать своих товарищей по оружию.

В субботу полковник версальского штаба прибыл вести переговоры о капитуляции. Фальто потребовал незаполненные паспорта не для себя, а для некоторых своих офицеров иностранного гражданства, и, получив отказ версальцев, Фальто совершил ошибку, обратившись к немцам. Но Мак-Магон, предвидя осаду, обратился за помощью к принцу Саксонскому, и немец был начеку от имени своего собрата-офицера.^[201] Во время переговоров генералу Виноу удалось установить связь с местом, где несколько лиц с сомнительной репутацией предложили сократить несговорчивых федералов. Среди последних был Мерле, генерал-лейтенант инженерных войск и артиллерии, бывший унтер-офицер, способный, энергичный и вполне решительный взорвать это место, а не сдавать его. Пороховой погреб содержал 1000 килограммов пороха и 400 000 патронов.

В воскресенье, в восемь часов утра, в комнате Мерле прозвучал выстрел. В его комнату вошли, и он был найден лежащим на земле с головой, пронзенной пулей из револьвера. Беспорядок в комнате свидетельствовал о борьбе; и капитан 99-го, освобожденный позже версальцами, Б., признался, что он разогнал элементы электрической батареи, с помощью которой Мерле намеревался взорвать форт.

В понедельник ближе к полудню версальский полковник повторил предложение о капитуляции. В течение двадцати четырех часов борьба в Париже была закончена. Офицеры совещались; было решено, что ворота должны быть открыты, и в три часа версальцы вошли. Гарнизон, сложив оружие, выстроился в конце двора. Девять офицеров были заключены отдельно друг от друга.

Ночью, во рву, в ста ярдах от того места, где пал герцог Энгиенский, эти девять офицеров выстроились в шеренгу перед расстрельным отрядом. Один из них, полковник Делорм, повернулся к командующему версальцами со словами: "Пощупайте мой пульс, посмотрите, боюсь ли я".

СНОСКИ:

^[194] Военный министр с 1871 года, он был в 1876 году, несмотря на отчаянные усилия Мак-Магона, исключен из министерства, частично из-за нарушений, обнаруженных в его бюджете, частично за то, что позволил своей любовнице, немке, взять план одного из новых фортов вокруг Парижа, который был передан в Берлин.

^[195] С повышением в звании.

^[196] *Анкета на 18 Марта*, том ii. стр. 239.

^[197] См. Приложение XX.

^[198] Услышано и передано автором книги "*Фонд общества нашей коммуны*". Автор остроумно добавляет: "О чем, черт возьми, беспокоился этот идиот?"

^[199] Приложение XXI.

[200] Версальские клеветники, преследовавшие его до последнего часа, распространили информацию о том, что он исповедовался иезуиту и отрекся от своих трудов "в присутствии жандармов и монахинь".

[201] "Маршал Мак-Магон генералу Виною, 29 мая, 10.5 утра.— В ответ на наши предложения войти в форт принц Саксонский отдал приказ усилить блокаду, чтобы предоставить французским властям свободу действовать так, как они сочтут нужным. Он пообещал сохранить блокаду". —Вино, *"Перемирие и коммуна"*, стр. 430.

ГЛАВА XXXII.

"Nous sommes d'honnêtes gens; c'est par les lois ordinaires que justice sera faite. Nous n'aurons recours qu'à la loi."—*M. Thiers à l'Assemblée Nationale, 22 Mai 1871.*

"Честный, честный Яго!" —*Шекспир.*

ВЕРСАЛЬСКАЯ ЯРОСТЬ—БОЙНИ- СУДЫ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ—СМЕРТЬ ВАРЛЕНА—
ПОХОРОНЫ.

В Париже царил порядок. Повсюду руины, смерть, зловещий трепет. Офицеры вызывающе расхаживали, бряцая саблями; унтер-офицеры подражали их высокомерию. Солдаты расположились бивуаками на всех больших дорогах. Некоторые, отупев от усталости и кровавой бойни, спали на мостовой; другие готовили суп рядом с трупами, распевая песни своих родных домов.

Трехцветный флаг свисал со всех окон, чтобы предотвратить обыски в домах. Оружие, коробки с патронами, униформа были свалены в кучу в сточных канавах популярных кварталов. Перед дверями сидели женщины, подперев головы руками, пристально глядя перед собой, ожидая сына или мужа, которым никогда не суждено было вернуться.

В богатых кварталах радости не было предела. Бежавшие после двух осад демонстранты на Вандомской площади, многие эмигранты из Версаля снова завладели бульварами. С четверга это население в детских перчатках следовало за заключенными, приветствуя жандармов, которые вели колонны, [202] аплодируя при виде залитых кровью фургонов. [203] Гражданские стремились превзойти военных в легкомыслии. Такой человек, который не отважился заходить дальше кафе дю Гельдер, рассказывал о взятии замка О, хвастался, что расстрелял дюжину своих пленников. Элегантные и веселые женщины, как в увеселительной поездке, направлялись к трупам и, чтобы насладиться видом доблестных павших, приподнимали концами зонтиков свои последние покрывала.

"Жители Парижа, - сказал Мак-Магон 28-го в полдень, - Париж сдан! Сегодня борьба окончена. Порядок, труд, безопасность вот-вот возродятся".

"Париж освобожден" был разделен на четыре команды по приказу генерала Виной, Ладмирола, Сисси, Дуэ и еще раз переведен под режим осадного положения, введенный коммуной. В Париже больше не существовало никакого правительства, кроме армии, устроившей резню в Париже. Прохожие были вынуждены снести баррикады, и любой признак нетерпения влек за собой арест, любое проклятие - смерть. Было объявлено, что любой, у кого есть оружие, немедленно предстанет перед военным трибуналом; что любой дом, из которого будут произведены выстрелы, будет предан суммарной казни. Все общественные места закрывались в одиннадцать часов. Отныне свободно могли передвигаться только офицеры в форме. Улицы заполнили конные патрули. Въезд в город стал затруднен, покинуть его стало невозможно. Поскольку торговцам не разрешалось ходить взад и вперед, запасы провизии были на грани истощения.

"Борьба окончена", армия превратилась в огромный взвод палачей. В воскресенье более 5000 заключенных, захваченных в окрестностях Пер-Лашез, были доставлены в тюрьму Ла Рокет. Командир батальона, стоявший у входа, осмотрел заключенных и сказал: "Направо" или "налево". Те, кто слева, должны были быть расстреляны. Их карманы опустели, их оттянули вдоль стены, а затем зарезали. Напротив, у стены, два или три священника, склонившись над своими требниками, бормотали молитвы за умирающих.

С воскресенья по утро понедельника только в Ла-Рокете таким образом было убито более 1900 человек. [204] Кровь растекалась большими лужами в сточных канавах тюрьмы. Такая же резня произошла в Военной школе и парке Монсо.

Это были боины без фраз. В других местах заключенных приводили в суды общей юрисдикции, которыми Париж кишел с понедельника. Они возникли не случайно и, как считалось, не в разгар яростной борьбы. Военным трибуналам было доказано, что количество и места пребывания этих судов общей юрисдикции были определены в Версале до ввода войск. [205] Одним из самых знаменитых был театр Шатле, где руководил полковник Вабр. Тысячи заключенных, которых привели туда, были прежде всего загнаны на сцену и в зрительный зал, под прицелы солдат, размещенных в ложах; затем, мало-помалу, как овец, которых гнали к

дверям бойни, из крыла в крыло их загоняли в салон, где вокруг большого стола сидели офицеры армии и честной Национальной гвардии, [206] их имена были указаны в документах. сабля у них между ног, сигара во рту. Допрос длился четверть минуты. "Вы брали в руки оружие? Вы служили Коммуне? Покажите свои руки". Если решительное поведение пленного выдавало участника боевых действий, если его лицо было неприятным, без выяснения его имени, профессии, без внесения какой-либо записи в какой-либо реестр, он *классифицировался*. "Вы?" - спросили следующего, и так далее до конца шеренги, не исключая женщин, детей и стариков. Когда по прихоти заключенного спасали, говорили, что он был *обычными* предназначался для Версаля. Никто не был освобожден.

The *Классифицированные* были немедленно переданы палачам, которые отвели их в ближайший сад или двор. Из Шатле, например, их перевели в казармы Лебау. [207] Не успели закрыться двери, как жандармы открыли огонь, даже не сгруппировав своих жертв до взвода. Некоторые, только раненые, бежали вдоль стен, жандармы преследовали их и стреляли в них, пока они не падали замертво. Моро из Центрального комитета погиб в одной из этих банд. Застигнутый врасплох в четверг вечером на улице Риволи, он был препровожден в Шатле, а на следующий день расстрелян. Осужденных превотальным судом Люксембурга вывели в сад и разместили на террасе. Жертв было так много, что уставшие солдаты были вынуждены направить свои ружья фактически на страдальцев. Стена террасы была покрыта мозгами; палачи шли по лужам крови.

Таким образом, массовые убийства продолжались, методично организованные, в казарме Дюпле, Лицее Бонапарта, на Северном и Восточном вокзалах, в Ботаническом саду, во многих мэриях и казармах, одновременно со скотобойнями. За трупами приезжали большие открытые фургоны и выносили их на площадь или любое открытое пространство по соседству.

Жертвы умирали просто, без фанфаронады. [208] Многие скрестили руки перед мушкетами и сами скомандовали огонь. Женщины и дети последовали за своими мужьями и отцами, крича солдатам: "Стреляйте в нас вместе с ними!" И их расстреляли. Было видно, как женщины, до тех пор незнакомые с борьбой, выходили на улицы, возмущенные этой бойней, били офицеров, а затем бросались к стене в ожидании смерти. [209]

В июне 1848 года Кавеньяк пообещал помилование, а сам устроил резню. Г-н Тьер поклялся законом и дал армии карт-бланш. Офицеры, вернувшиеся из Германии, могли теперь сколько душе угодно изливать свой гнев против Парижа, который оскорбил их тем, что не капитулировал; бонапартисты мстили республиканцам за старую ненависть Империи; мальчишки, только что окончившие Сен-Сир, проходят обучение наглости *упекинцев*. Генерал (скорее всего Сисси) отдал приказ расстрелять м. Чернушки, преступление которого состояло в том, что он предложил 100 000 франков на антиплебисцитарную кампанию 1870 года. [210] Любой человек с какой-либо популярной известностью был уверен в смерти. Доктор Тони Мойлин, который не играл никакой роли во время Коммуны, но был замешан в нескольких политических процессах во времена Империи, через несколько мгновений был судим и приговорен к смертной казни; "не потому, - снизошли до того, чтобы сказать ему судьи, - что он совершил какой-либо поступок, заслуживающий смертной казни, а потому, что он был лидером Социалистической партии, одним из тех людей, от которых благоразумное и мудрое правительство должно избавиться, когда оно найдет законный повод". [211] Радикалы Палаты,

чья ненависть к Коммуне была продемонстрирована наиболее явно, не осмеливались ступить в Париж из-за страха быть причастными к массовым убийствам.

Армия, не имея ни полиции, ни точной информации, убивала наугад. Любой прохожий, назвавший человека революционным именем, становился причиной того, что солдаты, жаждущие получить награду, расстреливали его. В Гренеле они застрелили псевдо-Биллиорея,^[212] несмотря на его отчаянные протесты; на Вандомской площади они застрелили псевдо-Брюнеля в апартаментах мадам Фульд. *Gaulois* опубликовал рассказ военного хирурга, который *знал* Вальеса и присутствовал при его казни;^[213] очевидец заявил, что видел, как Лефрансе застрелили в четверг на улице Банк. Настоящий Биллиоре предстал перед судом в августе месяце; Брюнелю, Вальесу и Лефрансе удалось бежать из Франции. Таким образом, члены и функционеры Коммуны были расстреляны, причем часто по несколько раз, в лицах людей, более или менее похожих на них.

Увы, Варлин! сбежать было невозможно. В воскресенье, 28 мая, его узнали на улице Лафайет и привели, или, скорее, притащили к подножию холмов Монмартра, к главнокомандующему. Версальцы отправили его на расстрел на улице Розье. Целый час, смертный час Варлена волокли по улицам Монмартра со связанными за спиной руками под градом ударов и оскорблений. Его молодая, вдумчивая голова, которая никогда не питала иных мыслей, кроме братства, рассеченная саблями, вскоре превратилась в сплошную массу крови, изувеченной плоти, глаз вылез из орбиты. Дойдя до улицы Розье, он уже не шел, его несли. Они опустили его на землю, чтобы застрелить. Негодяи расчленили его труп ударами прикладов своих мушкетов.

На горе мучеников нет более славного человека, чем Варлин. Пусть он тоже будет увековечен в великом сердце рабочего класса! Вся жизнь Варлина была примером. Он совершенно самостоятельно, одной лишь силой своей воли, получил образование, отдавая учебе те редкие часы, которые оставались у него вечером после семинара; учился не для того, чтобы пробиться в буржуазию, как многие другие, а для того, чтобы наставлять людей и предоставлять им избирательные права. Он был сердцем и душой рабочих ассоциаций на закате Империи. Неутомимый, скромный, говоривший мало, всегда в нужный момент, а затем словом прояснявший запутанную дискуссию, он сохранил тот революционный инстинкт, который часто притупляется у образованных рабочих. Одним из первых 18 марта, трудясь на протяжении всей коммуны, он был на баррикадах до последнего. Его смерть - это честь рабочих. Именно Варлену и Делеклюзу следовало бы посвятить эту историю, если бы на фронтисписе нашлось место для какого-либо другого названия, кроме названия Парижа.

Версальские журналисты плюнули на его труп; сказали, что при нем было найдено несколько сотен тысяч франков.^[214] Вернулся в Париж вслед за армией, они последовали за ним как шакалы. Представители полусвета, прежде всего, обезумели от кровавой истерии. Коалиция 21 марта была воссоздана. Все издали единый вопль против побежденных рабочих. Далекие от того, чтобы сдерживать массовые убийства, они поощряли их, публиковали имена, места укрытия тех, кто должен был быть убит, не жалея изобретений, рассчитанных на поддержание яростного террора буржуазии. После каждого выстрела они выкрикивали "на бис".

Я цитирую наугад, и мог бы процитировать страницы: "Мы должны устроить охоту на коммунаров" (*Bien Public*). "Ни один из злоумышленников, в руках которых Париж находился в течение двух месяцев, не будет рассматриваться как политический деятель. С ними будут обращаться как с разбойниками, которыми они и являются, как с самыми страшными

монстрами, когда-либо виденными в истории человечества. Многие журналы говорят о восстановлении разрушенного ими эшафота, чтобы даже не оказывать им честь расстрелом" (*Moniteur Universel*). "Давайте, честные люди, приложим усилия, чтобы покончить с этой демократической и международной нечистью" (*Figaro*). "Эти люди, которые убивали ради убийства и воровства, схвачены, и мы должны ответить, Милосердие! Эти отвратительные женщины, которые вонзали нож в грудь умирающих офицеров, схвачены, и мы должны взывать: "Пощадите!" (*Patrie*).[215]

Чтобы подбодрить палачей, если это было необходимо, пресса бросала им короны.

"Какое замечательное отношение наших офицеров и солдат!" - писала *Figaro*. "Только французскому солдату дано выздоравливать так быстро и так хорошо". "Какая честь!" - воскликнул *Журнал дебатов*. "Наша армия отомстила за свои бедствия неоценимой победой".

Таким образом, армия отомстила Парижу за свои поражения. Париж был таким же врагом, как и Пруссия, и тем менее заслуживал пощады, что армии предстояло отвоевать его престиж. В довершение всего, после победы был устроен триумф. Римляне никогда не выносили решения об этом после гражданской борьбы. Г-н Тьер не стыдился на глазах у иностранца, перед еще дымящимся Парижем, устроить своим войскам грандиозный смотр. Кто же тогда посмеет обвинить федералов в том, что они оказали версальской армии такое сопротивление, какое они оказали бы пруссакам?

И когда это иностранцы проявляли такую ярость?[216] Смерть, казалось, даже усилила их злобу. В воскресенье, 28-го, недалеко от мэрии одиннадцатого округа только что было расстреляно около пятидесяти заключенных. Побуждаемые не недостойным любопытством, а искренним желанием узнать правду, мы, рискуя быть узванными, дошли до трупов, лежащих на тротуаре. Там лежала женщина с задранными юбками; из ее разорванного тела торчали внутренности, которые фузилер морской пехоты забавлялся, разделявая концом своего штыка. Офицеры, стоявшие в нескольких шагах от него, позволили ему это сделать. Победители, чтобы опозорить эти трупы, нанесли им на грудь надписи "убийца", "вор", "пьяница" и воткнули горлышки бутылок в рот некоторым из них.

Как оправдать эту дикость? В официальных отчетах упоминается лишь очень мало смертей среди версальцев — 877 человек за все время операций, с 3 апреля по 28 мая.[217] Тогда у версальской ярости не было оправдания этим репрессиям. Когда горстка разъяренных людей, чтобы отомстить за тысячи своих братьев, расстреливает шестьдесят трех своих самых закоренелых врагов[218] из почти 300 человек, которые были у них в руках, лицемерная реакция скрывает свое лицо и протестует во имя справедливости. Что же тогда скажет это правосудие, когда будут судить тех, кто методично, без всякого беспокойства относительно исхода боя и, прежде всего, окончания сражения, расстрелял 20 000 человек, из которых три четверти не принимали участия в бою? Солдаты все же проявляли некоторые проблески человечности, и было видно, как некоторые возвращались с казней с опущенными головами; но офицеры ни на секунду не ослабевали в своей свирепости. Даже после воскресенья они продолжали убивать заключенных, кричали "Браво!" во время казней. Мужество жертв они называли наглостью.[219] Пусть они ответят перед Парижем, Францией, новым поколением, за эти позорные деяния.

Наконец запах кровавой бойни начал заглушать даже самых отчаянных. Приближался вредитель, если не жалость. Мириады мясных мух взлетали с разлагающихся трупов. Улицы

были полны мертвых птиц. *Авенир Либераль*, воспевая прокламации Мак-Магона, применил слова Флешье: "Он прячется, но слава находит его". Слава Тюренна 1871 года предала его вплоть до Сены.^[220] На некоторых улицах трупы устилали дорогу, глядя на прохожих своими мертвыми глазами. В Сент-Антуанском предместье их можно было увидеть повсюду кучами, наполовину побелевшими от хлористой извести. В Политехнической школе они занимали пространство 100 ярдов в длину и три в глубину. В Пасси, который не был одним из крупных центров казни, рядом с Трокадеро находилось 1100 человек. Они, покрытые тонким слоем земли, также демонстрировали свои жуткие профили. "Кто не помнит, - говорили *временные*, - хотя видел это всего лишь мгновение, площадь, нет, склеп Тур-Сен-Жак? Из этой влажной почвы, недавно вспаханной лопатой, тут и там выглядывают головы, руки, ступни и кистени рук. Были видны отпечатавшиеся на земле профили трупов, одетых в форму национальных гвардейцев. Это было отвратительно. Из этого сада исходил гнилостный, тошнотворный запах, и иногда в некоторых местах он становился зловонным ". Дождь и жара ускорили процесс разложения, и распухшие тела появились снова. Слава Мак-Магона проявила себя слишком хорошо. Журналы были напуганы. "Этим негодьям, - сказал один из них, - которые причинили нам столько вреда при жизни, нельзя позволять делать это и после их смерти". И те, кто спровоцировал резню, закричали: "Хватит!"

"Давайте больше не будем убивать, - писала *Paris Journal* от 2 июня, - даже убийц, даже поджигателей. Давайте больше не будем убивать. Мы просим у них не прощения, а отсрочки ". "Достаточно казней, достаточно крови, достаточно жертв", - заявила *Nationale* от 1 июня. И "*Национальное мнение*" от того же дня: "Необходимо провести серьезное обследование обвиняемого. Хотелось бы видеть, как умирают только действительно виновные".

Казни прекратились, и началась зачистка. За трупами приезжали всевозможные экипажи, фургоны, omnibusы и разъезжали по городу. Со времен великих эпидемий в Лондоне и Марселе не видели таких телег с человеческим мясом. Эти эксгумации доказали, что огромное количество людей было похоронено заживо. Неумело застреленные и брошенные вместе с грудями трупов в общую могилу, они объелись земли и показали, как корчились в страшной агонии. Некоторые трупы были разобраны на куски. Необходимо было как можно скорее погрузить их в закрытые повозки и как можно скорее отвезти на кладбища, где огромные известковые могилы поглощали эти гниющие массы.

Парижские кладбища поглотили все, что могли. Жертвы, положенные бок о бок, без какого-либо другого прикрытия, кроме одежды, заполнили огромные рвы на Пер-Лашез, Монмартре, Мон-Парнасе, куда люди в память о благочестивых людях будут ежегодно приходить в качестве паломников. Другие, более неудачливые, были выведены из города. В Шаронне, Баньоле, Бисетре и др. были использованы траншеи, вырытые во время первой осады. "Трупных эманаций бояться нечего, - сказала *Ла Либерте*. - Нечистая кровь оросит землю работника, оплодотворяя ее. Погибший делегат на войне сможет провести смотр своих верных последователей ровно в полночь; лозунгом будет *поджог и убийство*". Женщины, стоявшие у края зловещей траншеи, пытались опознать эти останки. Полиция ждала, что их горе выдаст их, чтобы арестовать этих "женщин-повстанцев".

Хоронить такое большое количество трупов вскоре стало слишком трудно, и их сожгли в казематах укреплений; но из-за отсутствия тяги сгорание было неполным, и тела превратились в

кашицу. В Бют-Шомоне трупы, сложенные в огромные кучи, политые бензином, сжигались под открытым небом.

Массовые убийства продолжались до первых дней июня,^[221] а суммарные казни - до середины того же месяца. Долгое время в Булонском лесу разыгрывались таинственные драмы.^[222] Точное число жертв Кровавой недели никогда не будет известно. Начальник военной юстиции признал 17 000 расстрелянных;^[223] муниципальный совет Парижа оплатил расходы по захоронению 17 000 трупов; но большое количество было убито за пределами Парижа или сожжено. Не будет преувеличением сказать, что по меньшей мере 20 000 человек.

На многих полях сражений погибло больше, но эти, по крайней мере, пали в ярости боя. Столетие не было свидетелем такой резни после битвы; ничто не сравнится с этим в истории нашей гражданской борьбы. День Святого Варфоломея, июнь 1848 года, 2 декабря, станет лишь эпизодом майской резни. Даже великие палачи Рима и современности бледнеют перед герцогом Маджента. Одни только гекатомбы азиатских победителей, праздники Дагомеи могли бы дать некоторое представление об этой бойне пролетариев.

Таковы были репрессии "по законам, с помощью законов". И во время этих зверств, несравненно худших, чем болгарские, буржуазия, воздев к небу свои окровавленные руки, взялась натравливать весь мир на этот народ, который после двух месяцев господства и резни тысяч своих соплеменников пролил кровь шестидесяти трех заключенных.

Все общественные силы заглушили предсмертный хрип жертв своими аплодисментами. Священники, эти великие инициаторы убийств, отпраздновали победу торжественной службой, на которой присутствовало все Собрание. Правление Д'жесу вот-вот должно было начаться.

СНОСКИ:

^[202] На Итальянском бульваре женщины целовали сапоги конных офицеров, сопровождавших колонны. Журналист Франсиск Сарси писал: "С какой безмятежной радостью взор останавливался на преданных лицах этих храбрых жандармов, которые бодрым шагом маршировали по бокам отвратительной колонны, образуя боевой и суровый каркас!"

^[203] Приложение XXII.

^[204] Приложение XXIII.

^[205] Приложение XXIV.

^[206] Позже все имена будут известны. Давайте приведем цитату из сотни. В мэрии пятого округа - полковник национальной гвардии Галле; в седьмом округе - М. Габриэль Оссуд и М. Бламон; в Колледже Бонапарта - М. де Суланж, командир 69-го батальона; в мэрии девятого округа - М. Шарпантье; в Л'Элисе - М. де Сен-Женьез, командир 3-го батальона; в Люксембурге - М. Госселин, Парфе, Даниэль; в мэрии тринадцатого округа, Г-н Д'Авриль, командир 4-го батальона, Ласколь, командир 17-го полка; в Шатле Вабр за несколько часов приобрел чудовищную известность.

^[207] Приложение XXV.

^[208] Приложение XXVI.

[209] Приложение XXVII.

[210] Приложение XXVIII.

[211] Приложение XXIX.

[212] Приложение XXX.

[213] Приложение XXXI.

[214] Журнал *L'Ariégeois* опубликовал текст рапорта, адресованного полковнику 67-го линейного полка лейтенантом Сикром, уроженцем департамента Арьеж, который принимал участие в аресте Варлена и командовал расстрельной группой. Мы извлекаем следующий отрывок: "Среди найденных при нем предметов были записная книжка с его именем, кошелек, в котором было 284 франка 15 сантимов, перочинный нож, серебряные часы и визитная карточка некоего Тридона".

[215] Некоторые иностранные журналы выступили с таким же призывом. В *Военно-морской газете* от 27 мая говорилось: "Мы сознательно придерживаемся мнения, что повешение - слишком хорошая смерть для таких злодеев, и если медицинскую науку можно было бы продвинуть вперед, оперируя живые тела злоумышленников, которые распяли свою страну, мы, по крайней мере, не нашли бы недостатков в эксперименте".

[216] Воскресным утром в винной лавке на площади Вольтера мы встретили нескольких совсем молодых солдат. Это были морские пехотинцы образца 1871 года. Цвет их лица был желтоватым, движения тяжелыми, взгляд тусклым. "И много там мертвых?" - спросили мы. "Ах! - ошеломленно ответил один из них. - У нас есть приказ не брать пленных; это генерал сказал нам" (они не смогли назвать нам имя своего генерала). "Если бы они не разожгли эти костры, им бы так не подавали; но раз они подожгли, мы должны убивать" (текст). Затем он продолжил разговор со своим товарищем. "Сегодня утром туда (и он указал на баррикаду мэрии) подошел один в блузе. Мы увели его. "Вы не собираетесь меня застрелить?" - спросил он. "О, я бы так не подумал!" Мы заставили его пройти перед нами, а потом - пан, пан; и разве он не забавно брыкался!"

[217] Шестьдесят три офицера убиты и 430 ранены, 794 солдата убиты и 6024 ранены — всего 877 убитых и 6454 раненых. *Rapport du Maréchal MacMahon*.

[218] Это точное число казненных заложников: четверо в Ste. Пелажи, шестеро в "Рокетт", сорок восемь на улице Хаксо, четверо в "Пти Рокетт" и банкир Жеккер.

[219] Граф де Мун сказал (*Enquête sur le 18 Mars*, том ii, стр. 276): "Когда их расстреляли, все они умерли с такой дерзостью, которая не может быть объяснена моральным чувством" (без сомнения, чувством палача, месье де Муна), "и может быть объяснена только решимостью прийти к соглашению". лучше покончить со смертью, чем жить, работая". Верно, что Мак-Магон сказал (стр. 28): "Они, казалось, думали, что защищают святое дело, независимость Парижа. В своих намерениях некоторые из них, возможно, были добросовестны". Кто более отвратителен: тот, кто верит, что убивает "наглеца", или тот, кто знает, что убивает мученика?

[220] "На Сене можно увидеть длинный кровавый след, следующий по течению воды и проходящий под второй аркой со стороны Тюильри. Этот след никогда не прерывался". — "Свобода" от 31 мая.

[221] Приложение XXXII.

[222] Приложение XXXIII.

[223] Это цифра, приведенная Генералом Аппертом в *запросе на 18 Марта*. Мак-Магон сказал: "Когда люди сдают оружие, в них нельзя стрелять; это было признано. К сожалению, по некоторым пунктам данные мной инструкции были забыты. Однако я могу подтвердить, что количество казней было очень ограниченным ". Восхищаюсь логикой этого рассуждения. Без сомнения, был составлен список всех, не обращая внимания на жертв предыдущих судов; "верный солдат" полностью игнорирует их.

Через несколько дней после битвы *Национальная* либерально-консервативная газета сообщила: "В официальных кругах подсчитано, что 20 000 человек - это число федералов, убитых, застреленных или умерших в результате ран, полученных в майские дни. Мы бы не осмелились назвать эту цифру, которая кажется нам значительной, если бы не получили эту информацию от офицеров, которые заявили, что эта оценка, весьма вероятно, верна".

ГЛАВА XXXIII.

"La cause de la justice, de l'ordre, de l'humanité, de la civilisation, a triomphé."—*M. Thiers à l'Assemblée Nationale, 22 Mai 1871.*

КОНВОИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ—ОРАНЖЕРЕЯ—АРЕСТЫ—САТОРИ—ОБВИНИТЕЛИ—ПРЕССА—ЛЕВЫЕ
ОСКОРБЛЯЮТ ПОБЕЖДЕННЫХ—ДЕМОНСТРАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.

Счастливы мертвые! Им не пришлось подниматься на Голгофу узников.

По массовым залпам можно догадаться о количестве арестованных. Это была яростная свара: мужчины, женщины, дети, парижане, провинциалы, иностранцы, толпа людей всех полов и всех возрастов, всех партий и всех состояний. Все жильцы дома, все обитатели улицы были унесены целыми телами. Подозрения, слова, сомнительного отношения было достаточно, чтобы кого-то схватили солдаты. Таким образом, с 21 по 30 мая они собрали 40 000 человек.

Эти заключенные были скованы в длинные цепи, иногда свободные, иногда, как в июне 1848 года, связанные веревками так, что образовывали только одно тело. Того, кто отказывался идти дальше, закалывали штыком, а если он сопротивлялся, расстреливали на месте, иногда привязывая к лошадиному хвосту.[224] Перед церквями в богатых кварталах пленников заставляли становиться на колени с непокрытыми головами среди печально известной толпы лакеев, модников и проституток, кричащих: "Смерть! смерть! Не идите дальше, расстреляйте их здесь!" На Елисейских полях они хотели взломать файлы, чтобы попробовать крови.

Пленников отправили в Версаль. Галлифет ожидал их в Ла-Мюэтте. В городе он сопровождал вереницы, останавливаясь под окнами аристократических клубов, чтобы заслужить аплодисменты и "ура". У ворот Парижа он собрал десятину, прошел мимо рядов и с видом голодного волка сказал кому-то: "Вы кажетесь умным". - Выйдите из рядов". "У вас есть часы, - сказал он другому. - вы, должно быть, были функционером Коммуны", - и он отвел его в сторону. 26-го числа он отобрал восемьдесят три мужчины и три женщины из одной колонны, заставил их выстроиться вдоль осыпи укреплений и приказал их расстрелять.[225] Затем он сказал своим товарищам: "Меня зовут Галлифет. Ваши парижские дневники достаточно запятнали меня. Я мщу". В воскресенье, 28-го, он сказал: "Пусть те, у кого есть седые волосы, выйдут из рядов". Сто одиннадцать пленников двинулись вперед. "Вы, - продолжал Галлифет, - вы видели июнь 1848 года; вы более виновны, чем другие", - и он приказал сбросить их трупы за укрепления.

Эта чистка закончилась, конвои вступили на маршрут в Версаль, зажатые между двумя шеренгами кавалерии. Это было похоже на население города, унесенное свирепыми ордами. Парни, седобородые мужчины, солдаты, денди, все без исключения; самые деликатные и самые грубые смешались в одном водовороте. Много женщин, некоторые с наручниками на руках; одна со своим ребенком, который сжимал шею матери испуганными ручонками; другая со сломанной рукой и окровавленной шемизеткой; третья подавленная, цепляющаяся за руку своей более энергичной соседки; третья в величественной позе, игнорирующая боль и оскорбления; всегда эта женщина из народа, которая, после того как отнесла хлеб в окопы и дала утешение умирающим, потерявшим надежду...

"Découragée de mettre au jour des malheureux,"

жаждал освободительной смерти.

Их позиция, вызвавшая восхищение у иностранных журналов,[226] привела версальцев в ярость. "При виде колонн женщин-повстанцев, - писала *"Фигаро"*, - невольно испытываешь что-то вроде жалости; но успокаиваешься, думая, что все публичные дома столицы были распахнуты Национальными гвардейцами, которые им покровительствовали, и что большинство этих дам были обительницами этих заведений".

Запыхавшиеся, покрытые грязью, обезумевшие от усталости, голода и жажды, обожженные солнцем, колонны часами тащились по раскаленной дорожной пыли, измученные криками,

ударами конных егерей. Пруссаки не обращались так жестоко с этими солдатами, когда несколько месяцев назад их самих, взятых в плен, уводили из Седана или Меца. Павших пленников иногда расстреливали, иногда их просто бросали в следовавшие за ними повозки.

При въезде в Версаль их ждала толпа, всегда *элита* французского общества: депутаты, чиновники, священники, офицеры, женщины всех мастей. Ярость 4 апреля и предыдущих конвоев была превзойдена настолько же, насколько морская волна во время равноденственного прилива. Авеню Пари и Сен-Клу были окаймлены дикарями, которые преследовали колонны с криками, ударами, забрасывали их грязью и осколками бутылок. "Можно видеть, - писала либерально-консервативная газета *Siècle* от 30 мая, - что женщины, не проститутки, а элегантные леди, оскорбляют заключенных при их прохождении и даже бьют их свои зонтиками". Горе тому, кто не оскорблял побежденных! Горе тому, кто позволил вырваться у него движению сочувствия! Его сразу же схватили, отвели к столбу, [227] или же просто силой затащили в конвой. Ужасное отступление от человеческой природы, тем более отвратительное, что оно контрастировало с элегантностью костюма! Прусские офицеры еще раз приехали из Сен-Дени, чтобы посмотреть, какие правящие классы им противостояли.

Первые колонны для зрелища прогуливались по улицам Версаля; другие часами стояли на знойной площади Армии, в нескольких шагах от больших деревьев, тени которых им было отказано. Затем заключенных распределили по четырем складам: подвалам Гранд-Экюри, оранжерее замка, докам Сатори и манежам Школы Сен-Сир. В этих сырых, тошнотворных подвалах, куда свет и воздух проникали только через несколько узких отверстий, мужчины, дети, некоторым из которых было не более десяти лет, в первые дни были вынуждены ютиться без соломы. Когда они все-таки раздобыли немного, то вскоре оно превратилось в простой навоз. Не было воды, чтобы умыться; не было возможности сменить свои лохмотья, поскольку родственники, принесшие белье, были жестоко отправлены обратно. Дважды в день в корыто наливалась желтоватая жидкость, похожая на кашу. Жандармы продавали табак втридорога и конфисковывали его, чтобы продать снова. Врачей не было. Раненых поразила гангрена; началась офтальмия; бред стал хроническим. По ночам были слышны крики больных лихорадкой и сумасшедших. Жандармы напротив сохраняли невозмутимость, их пистолеты были заряжены.

Даже эти ужасы были превзойдены Львиным рвом, безвоздушным, абсолютно темным склепом, вестибюлем гробницы под большой лестницей из красного мрамора, ведущей на террасу. Тот, кто был отмечен как опасный, или тот, кто просто вызвал недовольство капрала, был брошен в нее. Самые выносливые могли противостоять этому только несколько дней. Выйдя оттуда, с головокружением, с пустым разумом, ослепленные ярким дневным светом, они упали в обморок. Счастлив тот, кто встретил взгляд своей жены. Жены пленников прижались к внешним перилам оранжереи, пытаясь различить кого-нибудь среди смутно различимого стада. Они рвали на себе волосы, умоляли жандармов, которые отталкивали их, били, обзывали позорными именами.

Адом открытого дневного света были доки плато Сатори, огромного параллелограмма, окруженного стенами. Почва глинистая, и при малейшем дожде она пропитывается влагой. Первых прибывших разместили в зданиях, которые могли вместить около тысячи трехсот человек, остальные остались снаружи с непокрытыми головами, поскольку их шляпы были

сорваны в Париже или Версале. Жандармы были на дежурстве, будучи более надежными, более закаленными, чем солдаты.

В четверг вечером, в восемь часов, к причалу прибыла колонна, состоящая в основном из женщин. "Многие из нас, - сообщила мне одна из них, жена *шеф-повара легиона*, - умерли по дороге; с утра у нас ничего не было.

Было еще светло. Мы увидели великое множество заключенных. Женщины находились отдельно в хижине у входа. Мы присоединились к ним.

"Нам сказали, что там есть пруд, и, умирая от жажды, мы бросились туда. Первый, кто напился, издал громкий крик, его вырвало. - О, негодяи! они заставляют нас пить кровь нашего собственного народа". Ибо с вечера раненые ходили туда промывать свои раны; но жажда мучила нас так жестоко, что у некоторых хватило смелости прополоскать рот этой кровавой водой.

"Хижина была уже полна, и нас заставили лечь на землю группами примерно по 200 человек. Пришел офицер и сказал нам: "Мерзкие твари! слушайте мой приказ. Жандармы, кто первый двинется с места, стреляйте по этим...!"

"В десять часов мы услышали выстрелы совсем рядом. Мы вскочили. "Ложитесь, негодяи!" - закричали жандармы, прицеливаясь в нас. В нескольких шагах от нас расстреливали заключенных. Мы думали, что пули пройдут через наши головы. Жандармы, которые только что стреляли, пришли на смену нашим охранникам. За нами всю ночь наблюдали разгоряченные резней люди. Они ворчали на тех, кто корчился от ужаса и холода. "Не теряйте терпения, приближается ваша очередь". На рассвете мы увидели мертвых. Жандармы сказали друг другу: "О! разве это не чудесный винтаж?"

Вечером заключенные слышали стук лопат и молотков по южной стене. Стрельба, угрозы свели их с ума. Они ждали смерти со всех сторон и в любом обличье; они думали, что на этот раз их взорвут. Открылись отверстия, и появились митральезы, некоторые из которых были разряжены".[228]

В пятницу вечером над лагерем разразился многочасовой шторм. Заключенных заставляли под страхом расстрела всю ночь лежать в грязи. Около двадцати человек умерли от холода.

Лагерь Сатори вскоре превратился в Лонгшан версальской светской жизни. Капитан Обри оказывал почести дамам, депутатам, литераторам, показывая им своих подданных, ползающих в грязи, проглатывающих несколько бисквитов, набирающих воду из пруда, в который стояли жандармы, не церемонясь опорожняясь. Одни, обезумев, бились головой о стены; другие выли, рвали на себе бороды и волосы. Зловонное облако поднялось над этой живой массой тряпья и ужасов. "Есть, - заявила *Независимая Франция*, - несколько тысяч людей, отравленных грязью и паразитами, распространяющими инфекцию на километр вокруг. Пушки направлены на этих несчастных, запертых в клетках, как дикие звери. Жители Парижа боятся эпидемии, возникшей в результате захоронения убитых в городе повстанцев. Те, кого *Официальные лица* Парижа называли деревенщиной, гораздо больше боятся эпидемии, вызванной присутствием живых повстанцев в Сатори".

Это честные люди Версаля, которые только что стали причиной триумфа "дела справедливости, порядка, человечности и цивилизации". Какими добрыми и гуманными, несмотря на бомбардировки и страдания осады, были эти *разбойники* Парижа, прежде всего рядом с этими *честными людьми*! Кто когда-либо жестоко обращался с заключенными в Париже времен Коммуны? Какая женщина погибла или была оскорблена? В каком темном уголке парижских тюрем скрывалась хотя бы одна из тысячи пыток, которые среди бела дня применялись в Версале?

С 24 мая по первые дни июня конвои не прекращали движение в эти глубины. Аресты продолжались большими группами днем и ночью. Сержанты сопровождали солдат и под предлогом проведения дознания взламывали замки, присваивая ценные предметы. Впоследствии несколько офицеров были осуждены за растрату изъятых предметов.^[229] Они арестовывали не только лиц, скомпрометированных в последних делах, тех, кого изобличала их униформа или документы, найденные в мэрии и в Военном министерстве, но и всех, кто был известен своими республиканскими взглядами. Они арестовали также поставщиков коммуны и даже музыкантов, которые никогда не пересекали крепостной вал. Та же участь постигла санитаров скорой помощи. И все же во время осады делегат коммуны, осмотрев машины скорой помощи для прессы, сказал персоналу: "Я знаю, что большинство из вас являются друзьями правительства Версаля, но я надеюсь, что вы проживете достаточно долго, чтобы осознать свою ошибку. Я не утруждаю себя выяснением, являются ли ланцеты, которыми пользуются раненые, роялистскими или республиканскими. Я вижу, что вы достойно выполняете свою задачу. Я благодарю вас за это. Я сообщу об этом в Коммуну".

Несколько несчастных укрылись в катакомбах. За ними охотились при свете факелов. Полицейские агенты с собаками стреляли в каждую подозрительную тень. Сражения были организованы в лесах под Парижем. Полиция следила за всеми вокзалами, за всеми портами Франции. Паспорта нужно было обновить и получить визу в Версале. Капитаны лодок находились под наблюдением. 26-го Жюль Фавр торжественно обратился к иностранным державам с просьбой о выдаче беглецов под предлогом того, что уличная битва не была политическим актом.

В Париже процветала экстрадиция. Страх закрыл все двери. Там не было убежища для беглецов. Друзей осталось немного — товарищей не осталось. Повсюду безжалостные отказы или доносы. Врачи возобновили бесчестье 1834 года и доставили раненых.^[230] Каждый трусливый инстинкт поднялся на поверхность, и Пэрис раскрыла трясину позора, о существовании которых она не подозревала даже при Империи. Честные люди, хозяева улиц, арестовали своих соперников, своих кредиторов как коммунаров и сформировали следственные комиссии в своих округах. Коммуна отвергла доносчиков; полиция порядка приняла их с распростертыми объятиями. Количество доносов возросло до невероятных 399 823,^[231] из которых подписана не более двадцатой части.

Очень значительная часть этих разоблачений вышла из печати. В течение нескольких недель это не переставало разжигать ярость и панику буржуазии. Г-н Тьер, редактируя одну из нелепостей июня 1848 года, в бюллетене говорил о "ядовитых жидкостях, собранных для того, чтобы отравить солдат". Все изобретения того времени были снова взяты на вооружение, приспособлены к часу и чудовищно усилены; камеры канализации с подготовленными проводами, 8000 заправок бензином, дома, помеченные печатью для сожжения, насосы,

инжекторы, яйца, наполненные бензином, отравленные шарики, поджаренные жандармы, повешенные матросы, изнасилованные женщины, реквизированные проститутки, бесконечные кражи — все было напечатано, и чайки всему верили. Некоторые журналы специализировались на ложных приказах о поджогах; [232] фальшивые автографы, оригиналы которых никогда не могли быть представлены, но которые должны были быть признаны в качестве положительных доказательств военными трибуналами и честными историками. Когда газете показалось, что ярость буржуазии пошла на убыль, пресса снова раздула ее, причем каждый журнал превзошел другой в злодействе. "Мы знаем, что Париж, - заявила *Добрая публика*, - не желает ничего лучшего, как снова лечь спать; хотя мы и побеспокоим его, мы его разбудим". А 8 июня "*Фигаро*" все еще разрабатывала планы кровавой бойни. [233] Революционный писатель, который возьмет на себя труд собрать в одном томе выдержки из реакционной прессы мая и июня 1871 года, из парламентских расследований, буржуазных памфлетов и историй Коммуны — смесь столь же чудовищную, как смесь "котла ведьм", — сделает больше для назидания и будущей справедливости народа, чем целая группа о болтающих без умолку агитаторах.

К чести французов, среди этой эпидемии трусости были некоторые черты великодушия и даже героизма. Раненого Вермореля приняла жена консьержа, которой в течение нескольких часов удавалось выдавать его за своего сына. Мать версальского солдата предоставила убежище нескольким членам Совета коммуны. Огромное количество повстанцев было спасено неизвестными людьми; и все же в первые дни это был вопрос смерти, а затем транспортировки, чтобы укрыть побежденных. Женщины еще раз показали свое великодушие.

В июне и июле среднее число арестов достигало сотни в день. В Бельвиле, Менильмонтан, в тринадцатом округе, на некоторых улицах остались только старухи. Версальцы в своих лживых декларациях приняли 38 568 заключенных, [234] среди которых было 1058 женщин и 651 ребенок, из которых сорока семи было тринадцать лет, двадцати одному двенадцать, четырнадцать и одному семь, [235] как будто они каким-то секретным методом подсчитали стада, которых они кормили у кормушек. Число арестованных, весьма вероятно, достигло 50 000 человек.

Ошибок было бесчисленное множество. Некоторые женщины из этого бомонда, которые ходили с расширенными ноздрями смотреть на трупы федералов, были включены в раззии и уведены в Сатори, где, одетые в лохмотья, изъеденные паразитами, они очень хорошо изображались в качестве воображаемых героинь своих журналов.

Тысячи людей были вынуждены скрываться; тысячи перешли границу. Представление об общих потерях можно составить из того факта, что на дополнительных выборах в июле было на 100 000 избирателей меньше, чем в феврале. [236] Парижская промышленность была раздавлена этим. Большинство рабочих, придавших этой отрасли производства художественную окраску, погибли, были арестованы или массово эмигрировали. В октябре муниципальный совет в официальном отчете подтвердил, что некоторые отрасли промышленности были вынуждены отказаться от заказов из-за нехватки рабочих рук.

Жестокость обысков, количество арестов в сочетании с отчаянием от поражения вызвали в этом городе, обескровленном до последней капли крови, какие-то высшие конвульсии. В Бельвиле, на Монмартре, в тринадцатом округе, из домов раздавались выстрелы. В кафе дю Хелдер, на улице Ренн, на улице Мира, на площади Мадлен солдаты и офицеры падали, пораженные невидимыми руками; возле казарм Пепиньер был застрелен генерал. Версальские газеты с

наивной наглостью удивлялись, что народная ярость не утихла, и не могли понять, "какую причину, даже самую бесполезную, ненависти можно иметь к солдатам, у которых самый безобидный вид в мире" (*La Cloche*).

Левые до самого конца следовали линии, которую они наметили для себя 19 марта. Помешав провинциям прийти на помощь Парижу и выразив благодарность армии, она также присоединила свои проклятия к проклятиям сельских жителей. Луи Блан, который в 1877 году должен был защищать красный флаг, написал в *Figaro*, чтобы заклеить побежденных, склониться перед их судьями и объявить "общественное возмущение законным".^[237] Эти крайне левые, которые пять лет спустя с энтузиазмом выступали за амнистию, не услышали ни предсмертных стонов 20 000 расстрелянных, ни даже, хотя бы в сотне ярдов от них, воплей из Оранжереи. В июне 1848 года мрачное проклятие Ламменне обрушилось на массовые убийства, и Пьер Леру встал на защиту повстанцев. Великие философы Сельского Собрания, католики или позитивисты, все были как один против рабочих. Гамбетта, обрадованный избавлением от социалистов, поспешил вернуться из Сен-Себастьяна и в торжественной речи в Бордо заявил, что правительство, которое смогло сокрушить Париж, "даже этим доказало свою легитимность".

В провинциях было несколько отважных людей. В "*Правах человека*" Монпелье, "*Освобождении Тулузы*", "*Национальном собрании Луаре*" и нескольких передовых журналах рассказывалось об убийствах завоевателей. Большинство этих журналов подверглись судебному преследованию и были подавлены. Произошли некоторые движения; начались беспорядки в Памье (Аррьеж) и Вуароне (Изер). В Лионе армия была заперта в своих казармах, и префект Валентин приказал закрыть город, чтобы арестовать парижских беглецов. В Бордо были аресты.

В Брюсселе Виктор Гюго протестовал против заявления бельгийского правительства, которое обещало выдать беглецов. Луи Блан и Шельхер написали ему письмо, полное обвинений, а его дом был забросан камнями модной толпой. Бебель в немецком парламенте и Уолли в Палате общин осудили версальскую ярость. Гарсия Лопес сказал с трибуны кортесов: "Мы восхищаемся этой великой революцией, которую сегодня никто не может оценить по достоинству".

Рабочие зарубежных стран торжественно похоронили своих парижских братьев. В Лондоне, Брюсселе, Цюрихе, Женеве, Лейпциге и Берлине собрания монстров провозгласили себя солидарными с Коммуной, предали убийц всеобщему проклятию и объявили соучастниками этих преступлений правительства, которые не сделали никаких возражений. Все социалистические журналы прославляли борьбу побежденных. Великий голос Интернационала рассказал об их усилиях в красноречивом обращении,^[238] и доверил их память рабочим всего мира.

Во время триумфального вступления Мольтке во главе победоносной прусской армии в Берлин рабочие приветствовали их криками "ура" в честь коммуны, и в нескольких местах на людей напала кавалерия.

СНОСКИ:

^[224] Приложение XXXIV.

[225] Этот и следующий факт подтверждаются не только заключенными, но и журналами порядка и корреспондентами консервативных иностранных газет, выступающими в качестве очевидцев. Приложение XXXV.

[226] "Я заметил одиноко идущую стройную фигуру в костюме Национальной гвардии, с длинными светлыми волосами, ниспадающими на плечи, ярко-голубыми глазами и красивым, смелым молодым лицом, которое, казалось, не знало ни стыда, ни страха. Когда зрители с первого взгляда определили, что этот молодой на вид национальный гвардеец - женщина, их возмущение нашло выход в нецензурных выражениях; но единственной реакцией жертвы был яркий румянец и сверкающие глаза. Если бы французская нация состояла только из французов, какой ужасной это была бы нация!" — *The Times*, 29 мая 1871 г.

[227] Таким образом они обошлись с М. Ратисбоном, с тем, кто во время *дебатов* только что написал: "Какая неоценимая победа!"

[228] Об этих фактах свидетельствуют несколько консервативных журналов, среди прочих *Siècle*. Мы предпочитаем эту статью журналам фигаристов, которые, как можно заподозрить, преувеличивали славу армии. "Позавчера (в Сатори) была предпринята попытка восстания. Солдаты начали с того, что прицелились в самых непокорных; но так как эта процедура казалась недостаточно быстрой, были выдвинуты митральезы, которые стреляли в толпу. Порядок был восстановлен, но какой ценой!" (Версаль, 27 мая). "К четырем часам утра среди узников Сатори произошло новое восстание. Было произведено несколько залпов митральез, и, как вы можете предположить, число убитых и раненых должно было быть довольно значительным". (Версаль, 28 мая).

[229] Среди прочих некто Тьерс, подполковник, который руководил казнями в тринадцатом округе.

[230] В больнице Божон находился раненый федерал, которого весь персонал хотел спасти. Отказался только один человек, доктор Дельбо, главный хирург и профессор медицинского факультета. Он послал солдат с соседнего поста, и беднягу увели. К чести студентов следует сказать, что несколько месяцев спустя они вынудили его прервать лекции.

[231] Номера реестров, в которые были внесены доносы, позволили установить доказательства этой позорной статистики, опубликованной шпионскими журналами того времени.

[232] Один из этих приказов, приказывавший Мильеру поджечь левый берег, был подписан Биллиоре, бежавшим 21-го числа, и Домбровским, к тому времени уже мертвым.

[233] "Генеральное предприятие парижской уборки.—Репрессии должны быть равны преступлению. Это средства, с помощью которых будет достигнут этот результат. Члены коммуны, вожди восстания, члены комитетов, военно-полевых и революционных трибуналов, иностранные генералы и офицеры, дезертиры, убийцы Монмартра, Ла-Рокета и Мазаса, *петролеры* и *нефтяники*, люди, получившие отпускные, подлежат расстрелу. Военное положение должно быть применено со всей строгостью к журналистам, которые передали факел и шашку в руки фанатичных идиотов. Часть этих мер уже реализована на практике. Наши солдаты упростили работу версальских военных трибуналов, расстреляв их на месте; но нельзя упускать из виду, что очень многие виновные избежали наказания". - *Le Figaro* от 8 июня.

[234] Отчет Генерального прокурора, таблица i. стр. 215, 262.

[235] Отчет капитана Гишара, *Запрос на 18 Марта*, том iii. стр. 313.

[236] В *Journal des Débats* подсчитано, что "потери стороны восстания убитыми и пленными достигли цифры в 100 000 человек".

[237] В "*Фигаро*" от 8 июня — в том же номере, где содержался план массового убийства, — можно прочитать: "Мы получили следующее письмо от месье Луи Блана:—

"Месье Филиппу Жиллю.

"Сэр, я прочитал в статье, подписанной вами, что честная республиканская партия имеет право ожидать от меня протеста против мерзостей, театром и жертвой которых стал Париж. Это наблюдение удивляет меня.

"Какой честный человек мог бы, не испытывая недостатка в самоуважении, считать себя обязанным предупреждать общественность о том, что поджоги, грабежи и убийства приводят его в ужас? Я достаточно уважаю себя, чтобы судить, что с моей стороны заявление совершенно бесполезно.

"Когда общественное возмущение столь законно и столь велико, знаете ли вы, сэр, что в судах молчание помощников обязательно; столь верно, что долг каждого - хранить молчание, когда судья собирается заговорить. Примите, сэр, заверения в моем уважении.

- "Луи Блан".

[238] Гражданская война во Франции. Обращение Совета Международной ассоциации рабочих.

ГЛАВА XXXIV.

"La conciliation, c'est l'ange qui plane après l'orage."—*Dufaure à l'Assemblée Nationale, 26 Avril 1871.*

ПОНТОНЫ—ФОРТЫ—ТЮРЬМЫ —ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ.

Человеческие озера Версаля и Сатори вскоре переполнились. С первых дней июня заключенных гуськом отправляли в морские порты и запихивали в фургоны для перевозки скота, герметично закрытые навесы которых не пропускали ни малейшего дуновения воздуха. В углу лежала гряда печенья; но, сами брошенные на эту кучу, заключенные вскоре превратили ее в крошки. В течение двадцати четырех, а иногда и тридцати двух часов они оставались без питья. Они дрались в этой толпе за немного воздуха, за немного места. Некоторые, обезумев, бросались на своих товарищей.^[239] Однажды в Ла-Ферте-Бернар в фургоне раздались крики. Начальник конвоя остановил колонну; сержанты разрядили свои револьверы через навес. Наступила тишина, и гробы на колесиках снова тронулись в путь на полной скорости.

Таким образом, с июня по сентябрь 28 000 заключенных были брошены в гавани, форты и на океанские острова от Шербура до Жиронды. Двадцать пять понтонов приняли 20 000 человек, форты и острова - 8087.

На понтонах в соответствии с правилами применялись пытки. Июньские и декабрьские традиции неукоснительно соблюдались по отношению к жертвам 1871 года. Заключенные, запертые в клетках из деревянных досок и железных прутьев, получали лишь тусклый свет через прибитые иллюминаторы. Вентиляции там не было. С первых часов дыхание стало невыносимым. Часовые ходили взад и вперед по этому зверинцу с приказом стрелять при малейшей тревоге. Пушки, заряженные картечью, не обращали внимания на батареи. Не было ни гамаков, ни одеял, а из еды были только галеты, хлеб и фасоль, но ни вина, ни табака. Жители Бреста и Шербура прислали немного провизии и небольших предметов роскоши, и офицеры отправили их обратно.

Через некоторое время эта жестокость несколько ослабла. Заключенные получили по гамаку на двоих, несколько рубашек, блузок и время от времени немного вина. Им разрешили помыться, выйти на палубу подышать свежим воздухом. Моряки проявляли некоторую человечность, но морские пехотинцы всегда были такими же бандитами, как и в майские дни, и команде часто приходилось отбирать у них пленников.

Устройство понтонов менялось в зависимости от офицеров. В Бресте второй офицер, командир *Лионского* корабля, запретил оскорблять заключенных, в то время как начальник над оружием *Бреслау* обращался с ними как с каторжниками. В Шербуре один из лейтенантов *полка*, Клемансо, был свиреп. Командир "*Байярда*" превратил свое судно в миниатюрную Оранжерею. Этот корабль был свидетелем, возможно, самых отвратительных деяний, запятнавших историю французского военно-морского флота. Правилom на борту была абсолютная тишина. Как только кто-нибудь в клетках заговаривал, часовой угрожал и несколько раз стрелял. За жалобу или просто за забвение какого-либо правила заключенных привязывали к прутьям их клеток за лодыжки и запястья.^[240]

Подземелья на берегу были такими же ужасными, как и понтоны. В Келерне до сорока заключенных были заперты в одном каземате. Нижние были смертельно опасны. Выгребные ямы сливались в них, и утром фекалии покрывали пол примерно на два дюйма глубиной. Рядом с ними были целебные свободные помещения, но они не захотели переводить туда пленников. Однажды пришел месье Жюль Симон, подумал, что его бывшие избиратели выглядят очень плохо, и решил, что необходимо прибегнуть к строгости. Элизе Реклю открыла школу и попыталась вывести из невежества сто пятьдесят одного заключенного, которые не умели ни читать, ни писать. Министр народного образования приказал прекратить занятия и закрыть маленькую библиотеку, которую заключенные собрали, пойдя на величайшие жертвы.

Узников фортов, как и узников понтонов, кормили печеньем и беконом; позже по воскресеньям добавляли суп и бульон; ножи и вилки были запрещены; раздобыть ложки стоило нескольких дней борьбы. Прибыль маркитанта, которая, согласно перечню сборов, должна была быть ограничена десятой частью, доходила до пятисот процентов.

В форте Боярд мужчины и женщины были заперты в одном помещении, разделенном только ширмой. Женщин заставляли совершать омовение на глазах у часовых. Иногда их мужья находились в соседнем купе. "Мы заметили, - писал заключенный, - молодую и красивую двадцатилетнюю женщину, которая падала в обморок каждый раз, когда ее заставляли раздеваться".[241]

Согласно многочисленным свидетельствам, которые мы получили, самой жестокой тюрьмой была тюрьма Сен-Маркуф. Заключенные оставались там более шести месяцев, лишённые воздуха, света и табака, им запрещалось говорить, и единственной пищей были крошки коричневого печенья и прогорклый жир. Все они были поражены цингой.

Эта постоянная суровость взяла верх над самыми крепкими телосложениями; в результате в больницах оказалось 2000 больных. Официальные отчеты признают 1179 погибших из 33 665 гражданских заключенных. Очевидно, что эта цифра не соответствует действительности. В первые дни в Версале было убито определенное количество людей, а другие погибли без учета. До передачи на понтоны статистики не было. Не будет преувеличением сказать, что 2000 заключенных погибли, находясь в руках версальцев. Впоследствии многие умерли от малокровия и болезней, подхваченных во время плена.

Некоторое представление о пытках на понтонах и фортах, вдали от наблюдения за общественным мнением, можно получить из тех, что были открыто продемонстрированы в Версале,[242] на глазах правительства, Палаты представителей и радикалов. Полковник Гайяр, глава военной юстиции, сказал солдатам, охранявшим заключенных Шантье: "Как только вы увидите, что кто-то движется, поднимает оружие, стреляйте; это я отдаю вам приказ".

На вокзале Гренье д'Абонданс Западной железной дороги работало восемьсот женщин. Неделями они спали на соломе, не имея возможности сменить белье. При малейшем шуме, ссоре охранники набрасывались на них, били, особенно по груди. Шарль Мерсеро, бывший центурион, губернатор этого района, приказывал связывать тех, кто ему не нравился, а затем избивал их своей тростью. Он водил по своим владениям версальских дам, падких на бензин, и перед ними говорил своим жертвам: "Ну же, потаскушки, опустите глаза". И действительно, это было самое малое, что наши федеральные женщины могли сделать перед этими честными людьми.

Проститутки, которых увозили в тюрьмы и тщательно содержали там, чтобы они шпионили за другими заключенными, публично отдавались надзирателям. Протесты женщин Коммуны были наказаны ударами веревками. С изощренным позором версальцы хотели низвести этих доблестных женщин до уровня остальных. Все заключенные были подвергнуты досмотру.

Достоинство и оскорбленная природа отомстили за себя ужасными кризисами. "Где мой отец? Где мой муж? и мой сын? Что! один, совсем один, и все эти трусы против меня! Я, мать, трудолюбивая жена, подвергнутая кнуту, оскорблениям и запятнанная этими нечистыми руками за то, что защищала свободу!" Многие сошли с ума. Все прошли через часы безумия. У тех, кто был беременен, случился выкидыш или родились мертворожденные дети.

В тюрьмах недостатка в священниках было не больше, чем на стрельбах. Капеллан Ришмона сказал заключенным: "Я знаю, что я здесь, в лесу Бонди,^[243] но мой долг" и т.д. В день святой Магдалины епископ Алжира, деликатно намекая на святую того дня, сказал им: "Все они были магдалинами, но не все". рассказавшийся; что Магдалину не сжигали и не убивали"; и произнося другие евангельские утешения.

Дети были заперты в одной из частей женской тюрьмы, и с ними обращались так же жестоко. Капрал, секретарь Мерсеро, вспорол мальчику живот; другой получил взбучку и надолго задержался в лазарете. Двенадцатилетний сын Ранвье был жестоко избит за отказ выдать место, где прятался его отец.

Все эти несчастные узники понтонов, фортов и исправительных домов в течение нескольких месяцев были пожираемы паразитами, прежде чем их дела были расследованы. У версальского Молоха было больше жертв, чем он мог переварить. После первых дней июня он извергнул 1090 человек, возвращенных реакционерами. Но как составить обвинительные акты против 36 000 заключенных? Со стороны Дюфора было очень хорошо отпустить всех полицейских агентов Империи в тюрьмы; в августе месяце было допрошено только 4000 заключенных.

Все же необходимо было утолить ярость буржуазии, которая хотела сенсационного судебного процесса. Были схвачены несколько знаменитостей, избежавших резни, некоторые члены Совета коммуны, Центрального комитета, Россель, Рошфор и др. М. Тьер и Дюфор устроили грандиозное представление.

Этот судебный процесс должен был стать образцовым, послужить образцом для судебной практики военных трибуналов, поскольку заключенных должны были судить те же солдаты, которые их победили. Старый прокурор и его президент применили всю свою мелочную хитрость, чтобы снизить остроту дебатов. Они отказали обвиняемым в характере политических деятелей и свели восстание к обычному преступлению, обеспечив себе таким образом право пресекать эффективную защиту и преимущество приговоров к бань и смертной казни, которые лицемерная буржуазия якобы отменила в политических делах.^[244] Третий трибунал был тщательно отобран. Комиссаром был выбран Гаво, малоэнергичный человек, который проявлял признаки психического отчуждения и бил заключенных на улицах Версаля; президентом был Мерлен, инженерный полковник, один из капитуляров армии Базена; остальными были верные бонапартисты. Седан и Мец собирались судить Париж.

Церемония началась 7 августа в большом зале на две тысячи мест. Высокопоставленные особы полулежали в креслах, обитых красным бархатом; депутаты занимали триста мест; остальные принадлежали знатной буржуазии, "честным" семьям, аристократии проституции и воющей

прессе. Эти говорящие журналисты, эти блестящие платья, эти улыбающиеся лица, эти игры с веерами, эти веселые букеты, эти театральные бинокли, направленные во все стороны, напоминали одно из самых элегантных представлений премьеры. Штабные офицеры, в полной форме, чинно проводили дам к их местам, не забыв отвесить неременный поклон.

Вся эта мразь вскипела, когда появились заключенные. Их было семнадцать: Ферре, Асси, Журд, Пасхаль Груссе, Режер, Биллиоре, Курбе, Урбен, Виктор Клеман, Тринке, Шампи, Растуль, Вердюр, Декамп, Парент - члены Совета коммуны; Ферра и Луллье - члены Центрального комитета.

Гаво зачитал обвинительный акт. Эта революция была порождена двумя заговорами, заговором революционной партии и заговором Интернационала; Париж восстал 18 марта в ответ на призыв нескольких негодяев; Центральный комитет приказал казнить Леконта и Клеман-Тома; манифестация на Вандомской площади была невооруженной манифестацией; главный армейский хирург был убит, когда обращался с громким призывом к примирению; Коммуна совершала всевозможные кражи; инструменты монахинь Пикпюса были превращены в ортопедические инструменты; взрыв здания больницы был вызван массовыми беспорядками. Журналы "Рапп" были делом рук Коммуны; желая разжечь в сердцах федералов яростную ненависть к врагу, Ферре руководил казнью заложников в Ла-Рокете, поджег Министерство финансов, о чем свидетельствует факсимиле приказа, написанного его рукой: "*Сжечь финансы!*" Каждый из членов Совета коммуны должен был ответить за факты, относящиеся к его конкретным функциям, и в совокупности за все изданные постановления. Этот обвинительный акт, достойный мелкого полицейского агента, был заранее доведен до сведения М. Тьер действительно превратил это дело в простое ограбление и поджог.

Это заняло целое заседание. На следующий день Ферре, допрашивавший первого, отказался отвечать и выложил свои выводы на стол. "Выводы поджигателя Ферре не имеют значения!" - воскликнул Гаво, и были вызваны свидетели против него. Четырнадцать из двадцати четырех принадлежали к полиции; остальные были священниками или государственными служащими. Эксперт по почерку, известный в судах своими грубыми ошибками, подтвердил, что приказ "*Сжечь финансы*", несомненно, был написан рукой Ферре. Напрасно обвиняемый требовал, чтобы подпись под этим приказом была сличена с его подписью, которая очень часто фигурировала в тюремном реестре; чтобы был предъявлен хотя бы оригинал, а не факсимиле. Гаво возмущенно воскликнул: "Да ведь это недостаток уверенности!"

Таким образом, с самого начала разобравшись в сюжете и характере своих судей, обвиняемые могли бы уклоняться от любых прений; они совершили ошибку, приняв их. Если бы даже они с гордостью отреклись от своего политического характера! Но это было не так; некоторые даже отрицали это. Почти все, ограничившись личной защитой, отказались от Революции 18 марта, мандата которой они просили или приняли. Их озабоченность собственной безопасностью проявилась в печальном дезертирстве. Но с самой скамьи подсудимых мстительно раздавался глас народа, отвергнутый таким образом. Рабочий из этой отважной парижской расы, первый в труде, учебе и борьбе, член Совета коммуны, умный и убежденный, скромный в Совете, один из передовых в борьбе, сапожник Тринке, отказался от чести выполнить свое поручение до конца. "Я был, - сказал он, - послан в Коммуну моими согражданами; я заплатил своей жизнью; я был на баррикадах и сожалею, что не погиб там; я не должен был сегодня присутствовать при этом

печальном зрелище коллег, которые, приняв участие в акции, больше не будут нести свою часть ответственности. Я повстанец, я этого не отрицаю".

Экзамены проводились с придирчивой медлительностью в течение семнадцати сеансов. Всегда одна и та же публика, состоящая из солдат, буржуа, куртизанок, освиистывающих обвиняемых; одни и те же свидетели, священники, полицейские агенты и чиновники; та же ярость обвинения, тот же цинизм трибунала, тот же вой прессы. Массовые убийства не исчерпали этого. Оно кричало на обвиняемых, требовало их смерти и каждый день затягивало их в трясину своих репортажей.^[245] Иностранные корреспонденты были возмущены. "Standard", ярый поноситель коммуны, сказала: "Ничего более скандального, чем тон прессы полусвета во время этого процесса, невозможно себе представить". Некоторые из обвиняемых обратились за защитой к президенту, и Мерлин взялся за защиту дневников.

Затем последовало обращение прокурора в суд. Гаво, оставаясь верным своим инструкциям, должен был продемонстрировать, что Париж сражался в течение шести недель, чтобы дать возможность нескольким людям украсть остатки общественных ценностей, сжечь несколько домов и застрелить нескольких жандармов. Эта ветвь закона в эпоху опровергла все аргументы, которые он, как солдат, выстраивал как мировой судья. "Коммуна, - сказал он, - действовала как правительство", и через пять минут после этого он отказал членам Совета коммуны в статусе политических деятелей. Перечисляя различных обвиняемых, он сказал о Ферре: "Я напрасно тратил бы свое и ваше время, обсуждая многочисленные обвинения, предъявляемые ему"; о Журде: "Цифры, которые он вам привел, совершенно вымышлены. Я не стану отнимать у вас время, обсуждая их." Во время уличного сражения Журд получил приказ Комитета общественной безопасности выплатить по тысяче франков каждому члену Совета. Только около тридцати человек получили эту сумму. Гаво сказал: "Они разделили миллионы друг между другом"; и человека круга, должно быть, поверил этому. Какой суверен когда-либо отказывался от власти, не унося с собой миллионы? Он пространно обвинил Груссе в краже бумаги для печати своего журнала; другого - в том, что он жил с любовницей. Грубыйланскенет, неспособный понять, что чем больше он унижал людей, тем больше он совершал эту Революцию, столь жизненно важную, несмотря на все отступничества и неспособности.

Публика подчеркнула это обвинение неистовыми аплодисментами. В заключение раздались крики, как в театре. Мерлин разрешил адвокату Ферре говорить, но Ферре заявил, что хочет защищаться сам, и начал читать:

После заключения мирного договора, последовавшего за позорной капитуляцией Парижа, Республика оказалась в опасности, люди, наследовавшие Империи, пали посреди грязи и крови" -

Мерлин. Павший посреди грязи и крови! Здесь я должен остановить тебя. Разве ваше правительство не находилось в такой же ситуации?

Ferré. "Цепляясь за власть и, хотя и подавленные общественным презрением, они втемную готовили государственный переворот; они упорно отказывали Парижу в выборах в его муниципальный совет" -

Гаво. Это неправда.

Мерлин. То, что ты говоришь, Ферре, ложь. Продолжайте, но в третий раз я остановлю вас.

Ferré. "Честные и искренние журналы были подавлены, лучшие патриоты приговорены к смерти" -

Гаво. Заключение не может больше читать это. Я буду просить о применении закона.

Ferré. "Роялисты готовились к разделу Франции. Наконец, в ночь на 18 марта они посчитали, что готовы, и попытались разоружить Национальную гвардию и провести массовый арест республиканцев" -

Мерлин. Проходи, садись. Я разрешаю твоему адвокату говорить.

Адвокат Ферре потребовал, чтобы его клиенту разрешили прочитать последние предложения его заявления, и Мерлин уступил.

Ferré. "Как член Коммуны, я нахожусь в руках ее победителей. Им нужна моя голова; они могут забрать ее. Я никогда не буду спасать свою жизнь трусостью. Свободным я жил, поэтому я умру. Я добавляю только одно слово. Судьба капризна; я верю будущему заботу о моей памяти и моей мести".

Мерлин. Память убийцы!

Гаво. Такие манифесты следует направлять банью.

Мерлин. Все это не соответствует действиям, ради которых вы здесь.

Ferré. Это означает, что я принимаю уготованную мне судьбу.

Во время этой дуэли между Мерлином и Ферре зал хранил молчание. Свиристое шипение разразилось, когда Ферре закончил. Президент был вынужден объявить перерыв в заседании, и судьи собирались уходить, когда адвокат потребовал, чтобы защита обратила внимание на то, что президент назвал Ферре "убийцей".

В ответ слышалось шипение аудитории. Адвокат с негодованием повернулся к трибуналу, к местам для прессы, к публике. Крики ярости раздались из всех углов зала, заглушив его голос на несколько минут. Мерлин, который сиял, наконец добился тишины и бесцеремонно ответил: "Я признаю, что использовал выражение, о котором говорил адвокат. Суд принимает к сведению ваши выводы".

Накануне, как заметил ему адвокат, "Мы все несем ответственность не перед сегодняшним общественным мнением, а перед историей, которая нас рассудит"; Мерлин цинично ответил: "История! В ту эпоху нас здесь уже не будет!" Французская буржуазия нашла своего Джеффриса.

Рано утром следующего дня зал был переполнен. Любопытство публики и беспокойство судей были чрезмерными. Гаво, чтобы обвинить своих противников во всех преступлениях сразу, в течение двух дней говорил о политике, истории, социализме. Было бы достаточно ответить на каждый из его аргументов, чтобы придать делу тот политический характер, который он отрицал, если бы кто-нибудь из заключенных, наконец, очнулся и, заботясь меньше о своей личности, чем о Коммуне, шаг за шагом развил обвинение, противопоставил гротескным теориям заговора вечную провокацию привилегированных классов; описал Париж, предлагающий себя правительству национальной обороны, преданный им, затем атакованный Версалем, брошенный; пролетарии, реорганизуя все службы этого великого города и находящиеся в

состоянии войны. , окруженный изменой, правящий в течение двух месяцев без полицейских шпионов и без казней, оставаясь бедняком на виду у миллиардов банков; если бы он поставил перед шестьюдесятью тремя заложниками 20 000 убитых, снял бы заграждения, тюрьмы, кишасшие 40 000 несчастных; призвал бы мир в свидетели во имя истины, справедливости, будущего и сделал обвиняемую Коммуну обвинителем.

Президент мог бы прервать его, крики публики заглушили его отзыв, суд после первых же слов объявил его вне закона. Такой человек, вынужденный замолчать, подобно Дантону с кляпом во рту, нашел бы жест, крик, который пронзил бы стены и обрушил бы свою анафему на главу трибунала.

Побежденные упустили возможность отомстить. Вместо того чтобы выступить в коллективную защиту или хранить молчание, которое спасло бы их достоинство, обвиняемые доверили себя адвокатам. Каждый из этих джентльменов делал все возможное, чтобы спасти своего клиента, даже засчет своих братьев-юристов. Один адвокат также был *сотрудником "Фигаро"* и доверенным лицом императрицы; другой, один из демонстрантов на Вандомской площади, умолял суд не смешивать его дело с делом негодяя, находившегося рядом с ним. Раздались скандальные заявления. Это унижение не обезоружило ни трибунал, ни общественность. Гаво ежеминутно вскакивал со своего кресла. "Вы наглец", - сказал он адвокату. "Если здесь и есть что-то абсурдное, так это вы". Публика заплодировала, всегда готовая наброситься на заключенных. 31 августа его ярость возросла до такой степени, что Мерлин пригрозил очистить суд.

2 сентября суд весь день делал вид, что совещается. В девять часов вечера заседание возобновилось, и Мерлин зачитал решение. Ферре и Луллье были приговорены к смертной казни; Тринке и Урбен - к пожизненным каторжным работам; Асси, Биллиоре, Шампи, Режер, Груссе, Вердюр, Ферра - к заключению в крепости; Курбе - к шести месяцам, а Виктор Клеман - к трем месяцам тюремного заключения. Декампс и Парент были оправданы. Зрители удалились, сильно разочарованные тем, что получили только два смертных приговора.

На самом деле это судебное представление ничего не доказало. Можно ли оценить Революцию 18 марта по поведению второстепенных актеров, а также Делеклюза, Варлена, Вермореля, Тридона, Моро и многих других, по позиции Луллье, Декампа, Виктора Клемана или Биллиоре? И даже если поведение Ферре и Тринке не доказывало, что в Совете коммуны были люди, что же тогда показывало отступничество большинства, если не то, что это движение было делом всех, а не нескольких великих умов; что в этом кризисе только народ был велик, только революционер; что революцию следовало искать в народе, а не в правительстве коммуны?

Буржуазия, напротив, продемонстрировала все свое уродство. Аудитория, трибунал, были на том же уровне. Некоторые свидетели явно лжесвидетельствовали. Во время дебатов, в вестибюлях, в кафе все оборванцы, пытавшиеся обмануть Коммуну, нагло приписывали себе успехи армии. *Figaro*, открыв подписку на Ducatel, собрала для него 100 000 франков и орден Почетного легиона. Привлеченные этим успехом, все заговорщики потребовали свою милостыню и свой орден. Сторонники Бофон-Ласнье и Шарпантье-Домалена поссорились, рассказывали о своей доблести, каждый из них клялся, что предал лучше, чем его соперники.

Пока общество мстило в Версале, Суд присяжных Парижа мстил за честь Жюля Фавра. Сразу после Коммуны министр иностранных дел арестовал г-на Лалуье, который был виновен в том,

что передал Мильеру документы, опубликованные в "*Мести*". Честный министр, не добившись расстрела своего врага как коммунара, вызвал его в суд за клевету. Здесь бывший член правительства национальной обороны, бывший министр иностранных дел, депутат парламента Парижа публично признался, что совершал подлоги, но он признал, что сделал это для того, чтобы обеспечить своим детям состояние. Это трогательное признание растрогало *городных* присяжных, и Лалуйе был приговорен к тюремному заключению сроком на один год. Через несколько месяцев после того, как он умер в Сент-Луисе. *Pélagie*. Жюлю Фавру ужасно повезло. Менее чем за шесть месяцев перестрелка и темница избавили его от двух грозных врагов.[\[246\]](#)

Пока третий военный трибунал препирался с адвокатами, четвертый без лишних фраз поспешил завершить свое дело. 16 августа, почти сразу после своего открытия, судуже вынес два смертных приговора. Если при одном дворе был свой Джеффрис, то при другом - свой Трестайон в лице полковника Буаденеметца, этакого дикого кабана, пьяницы, мерещащегося во все стороны, временами остроумца и корреспондента *Фигаро*. 4 сентября к нему предстали несколько женщин, обвиняемых в поджоге Ордена Почетного Легиона. Это был суд над петролеусами. Число восьми тысяч зарегистрированных фурий, о которых было объявлено журналами порядка, сократилось до пяти. Перекрестный допрос доказал, что так называемые бензоаправщики были всего лишь удивительно добросердечными медсестрами скорой помощи. Один из них, Ретиф, сказал: "Я должен был заботиться не только о Национальной гвардии, но и о солдате Версаля". "Почему, - спросили другого, - вы остались, когда весь батальон убежал?" "Там были раненые и умирающие", - просто ответила она. Сами свидетели обвинения заявили, что не видели, как кто-либо из них разжигал огонь, но их судьба была решена заранее. В перерыве между двумя заседаниями Бойсденемец крикнул в кафе: "Смерть всем этим труллям!"

Трое адвокатов из пяти покинули бар. "Где они?" - спросил президент. "Они попросили разрешить им отлучиться в деревню", - ответил комиссар. Суд обвинил солдат в защите этих бедных женщин. Один из них, квартирмейстер Бордле, произнес такую прекрасную речь: "Я полагаюсь на мудрость трибунала".

Его клиент, Суэтенс, был приговорен к смертной казни, как также Ретиф и Марше, "за попытку изменить форму правления"; двое других - к транспортировке и тюремному заключению. Один из осужденных, повернувшись к офицеру, зачитывавшему приговор, крикнул ему истощным голосом: "А кто будет кормить моего ребенка?"

Твой ребенок! Смотри, он здесь!

Несколько дней спустя перед тем же Буазенеметцем предстали пятнадцать парижских детей; старшему было шестнадцать лет, младшему, такому маленькому, что его едва можно было разглядеть на скамье подсудимых, было одиннадцать. На них были синие блузы и кепи в стиле милитари.

- Друэ, - сказал солдат, - что сделал твой отец?

- Он был механиком.

- Почему ты не работал, как он?

"Потому что для меня не было работы".

- Бувере, почему вы присоединились к *Ученикам Коммуны*?

- Чтобы перекусить.

- Вас арестовывали за бродяжничество?

- Да, дважды; второй раз за кражу пары чулок.

- Каньон, вы были *сторонником Коммуны*?

- Да, сэр.

"Почему ты бросил свою семью?"

"Потому что у них не было хлеба".

- Вы сделали много выстрелов?

-Около пятидесяти.

- Леско, почему ты бросил свою мать?

- Потому что она не смогла удержать меня.

-Сколько у вас было детей? - спросил я.

-Трое.

- Вы были ранены? - спросил я.

- Да, пулей в голову.

"Леберг, ты был у мастера и был удивлен, взяв кассу. Сколько ты взял?"

-Десять су.

- Разве эти деньги не жгли тебе руки?

И ты, человек с поличным! эти слова, разве они не обжигают тебе губы? Зловещие глупцы! кто не понимает, что перед этими детьми, выброшенными на улицу без образования, без надежды, из-за необходимости, которую вы создали для них, виновником являетесь вы, солдат в кружевах, вы, общественный деятель общества, в котором двенадцатилетние дети, способные и желающие работать, вынуждены воровать, чтобы раздобыть пару чулок, и у них нет другой альтернативы, кроме как пасть под пулями или умереть с голоду!

СНОСКИ:

[239] Эти подробности взяты из очень многочисленных записок, предоставленных не только заключенными, в том числе Элизой Реклю, но и совершенно незнакомыми с коммуной людьми, муниципальными советниками портовых городов, иностранными журналистами и т.д.

[240] В отчете генерала Апперта не только ничего не говорится об этих позорных разбирательствах, но и содержится устрашающая безмятежность. Он говорит, например, что "С заключенными на понтонах обращались так же, как с матросами, с той разницей, что они не

работали и часто получали вино". О клетках, паразитах, побоях - ни слова. Точно так же он излагает, в стиле претенциозного квартирмейстера, историю Коммуны и последних сражений. Было бы слишком большой честью для него указывать на то, насколько его абсурдные заявления противоречат друг другу. И все же именно на основе этой официальной лжи все буржуазные историки до сих пор составляли свои истории.

[241] Письмо, адресованное *Либерте* Брюсселя.

[242] Помимо 27 837 заключенных, официально признанных на понтонах, еще 8472 были признаны рассредоточенными в Сатори, Оранжери, Ле Шот, домах правосудия и исправительных учреждениях Руан-Клермона и Сен-Сира. 15 октября в тюрьмах Версаля все еще находилось 3500 человек.

[243] Бывший курорт всевозможных преступников.

[244] Великие политические гекатомбы произошли во Франции после указа Временного правительства 1848 года.

[245] Вот пример, и не один из самых выразительных: "Мы не должны допускать ошибок", - сказала *La Liberté*; "мы должны, прежде всего, не придерживаться тонкостей; это, безусловно, банда негодяев, убийц, воров и поджигателей, которых мы имеем перед нашими глазами. Аргументировать свое положение обвиняемых, чтобы добиться для них уважения и пользы закона, который предполагает их невиновность, было бы недостатком веры. Нет, нет! тысячу раз нет! Это не обычные обвиняемые; они были схвачены, некоторые на месте преступления, а другие настолько уверенно подтвердили свою виновность подлинными и торжественными действиями, что достаточно установить их личность, чтобы воскликнуть полным и звучным убеждением голосом: "Да, да! они виновны!"

"Задержанные свидетели - по большей части зловещие бандиты со зверскими лицами, отталкивающие типы, особенно самые молодые, которых не хотелось бы встретить даже среди бела дня на опушке леса".

[246] Семья и нравственность торжествовали по всей линейке. Через несколько дней после падения коммуны первый председатель Кассационного суда, официальный посредник в любовных делах Наполеона III, торжественно занял, на глазах у всех судов, свое место, откуда его изгнала лицемерная чопорность людей 4 сентября.

ГЛАВА XXXV.

"A Versailles, tous les moyens ont été employés pour assurer l'instruction la plus sérieuse, la plus attentive, la plus complète de tous les procès qui ont été jugés.... Je tiens donc que les jugements qui ont été rendus ne sont pas seulement en droit, d'après toutes nos lois, inattaquables, mais que, pour la conscience la plus scrupuleuse, ils sont des jugements qui ont dit la vérité.—('Très bien! très bien!')"—*Le Garde des Sceaux Dufaure, Discours contre l'Amnistie, Séance du 18 Mai 1876.*

"Les conseils de guerre ont jugé, je l'admets, pour le mieux."—*Allain-Targé, député Gambettiste, Séance du 19 Mai 1876.*

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ-КАЗНИ—БАЛАНС ВЫНЕСЕННЫХ ПРИГОВОРОВ.

Двадцать шесть военных трибуналов, двадцать шесть судебных митральезов работали в Версале, Мон-Валерье, Париже, Венсенне, Сен-Клу, Севре, Сен-Жермене, Рамбуйе и даже в Шартре. В составе этих трибуналов презиралось не только всякое подобие правосудия, но даже все военные правила. Ассамблея даже не потрудились определить их прерогативы. И эти офицеры, разгоряченные борьбой, для которых любое сопротивление, даже самое законное, является преступлением, были выпущены на волю против своих побежденных врагов без какой-либо иной юриспруденции, кроме своей фантазии, без какой-либо иной узды, кроме своей человечности, без каких-либо других инструкций, кроме своих обязанностей. С такими янычарами и уголовным кодексом, охватывающим все в своей эластичной неизвестности, не было необходимости в исключительных законах, чтобы охватить весь Париж. Вскоре в этих судебных притонах стали изобретаться и распространяться самые экстравагантные теории. Таким образом, нахождение на месте преступления представляло собой юридическое соучастие; для этих магистратов это было догмой.

Вместо того, чтобы отправить военные трибуналы в порты, заключенные были вынуждены снова пройти мучительный путь от моря до Версаля. Некоторым, как Элизе Реклю, таким образом, пришлось пройти через четырнадцать тюрем. С понтонов их повели пешком на железнодорожную станцию со скованными руками; но в Бресте, когда они проходили по улицам, показывая свои цепи, прохожие обнажались перед ними.

За исключением нескольких известных заключенных, судебные процессы над которыми я кратко перескажу, основная масса заключенных предстала перед трибуналами после допроса, который даже не всегда удостоверял их личность. Слишком бедные, чтобы нанять защитника, эти несчастные люди, без проводников, без свидетелей защиты — те, кого они вызывали, не осмеливались прийти из страха быть арестованными, — только появлялись и исчезали перед трибуналом. Обвинение, допрос, приговор были пересказаны за несколько минут. - Вы сражались при Исси, при Нейи? Приговорен к ссылке. - Что? пожизненно? А моя жена, мои дети? Другому: "Вы служили в батальонах Коммуны?" "А кто бы кормил мою семью, когда мастерская и фабрика были закрыты?" Снова приговорен к перевозке. "А вы? Виновен в незаконном аресте. Баньо." 14 октября, менее чем за два месяца, первый и второй суды вынесли более шестисот приговоров.

Если бы я мог рассказать о мучениках тысяч людей, которые осквернялись таким образом в мрачных рядах, - национальных гвардейцев, женщин, детей, стариков, санитаров скорой помощи, врачей, чиновников этого опустошенного города! Это тебя я должен чтить, тебя превыше всего, тебя, безымянный, которому я должен отдать первое место, поскольку ты занял его в работе на баррикадах, где ты незаметно выполнял свой долг. Подлинная драма военных трибуналов заключалась не в тех торжественных заседаниях, на которых обвиняемый, трибунал и адвокаты готовились к публичному выступлению, а в тех залах, где только несчастные, игнорируемые всем миром, оказывались лицом к лицу с трибуналом, столь же неумолимым, как шассепо. Сколько из этих скромных защитников Коммуны держали свои головы горделивее, чем вожди, и о чьем героизме никто не расскажет! Когда становятся известны наглость, оскорбления, гротескные доводы известных судей, можно догадаться, с каким позором были повержены неизвестные обвиняемые в тени этих новых судебных инстанций. Кто отомстит за эти гекатомбы неизвестных людей, казненных молча, как последние бойцы Пер-Лашеза во тьме ночи?

В журналах не осталось никаких следов их судебных процессов; но, за неимением имен жертв, я могу развеять имена некоторых судей по всем ветрам истории.

Раньше, в дни славы французской армии, в 1795 году, после Киберона, было необходимо пригрозить офицерам Республики смертью, чтобы сформировать военные трибуналы, которые должны были судить вандейцев. И все же побежденные под огнем пушек с английским оружием напали на свою страну с тыла, в то время как объединившиеся Державы нанесли удар спереди. В 1871 году сообщники Базена добивались чести судить побежденных в том Париже, который был оплотом национальной чести. В течение долгих месяцев 1509 офицеров этой деградировавшей армии, у которой не было лишнего часа на реабилитацию и учебу, 14 генералов, 266 полковников и подполковников и 284 командира получили звание судей и комиссаров. Как выбрать среди этого набора зоофилии? Когда я наугад упоминаю нескольких президентов — Мерлина, Буаденеметца, Джоби, Делапорте, Дюлака, Бартеля, Донната, Обера, — я обижаю сотню других.

Известны Мерлин и Буазденемец. Полковник Делапорт принадлежал к племени галлифетов. Старый, измотанный, валетудинарец, он ожил только после вынесения смертного приговора. Именно он произнес наибольшее число приговоров с помощью секретаря суда Дюплана, который заранее готовил приговоры, а затем совершал самые дерзкие подлоги в протоколах. Говорили, что Джоби потерял сына в борьбе с Коммуной, и теперь он отомстил за себя. Его

маленький морщинистый глаз следил за страданием на лице несчастного, которого он приговорил. Каждое обращение к здравому смыслу было для него оскорблением.

"Он был бы счастлив, - сказал он, - поджарить адвокатов вместе с преступниками".

И все же, как мало адвокатов выполняли свой долг! Многие заявляли, что никто не может прилично помогать таким заключенным. Другие хотели, чтобы их реквизировали. За четырем или пятью исключениями,[\[247\]](#) эти недостойные защитники пировали с офицерами. Адвокаты и комиссары сообщали друг другу свои способы нападения или защиты; офицеры заранее объявляли вердикты. Адвокат Рише хвастался тем, что составил обвинительный акт против Росселя. Официально назначенные адвокаты не ответили на звонок.

Эти невежественные судьи, устраивавшие парад насилия, оскорблявшие заключенных, свидетелей и адвокатов, были достойно поддержаны комиссарами. Один из них, Грималь, продавал журналам полусвета бумаги знаменитых заключенных.[\[248\]](#) Гаво, дикий простака, без тени таланта, умер несколько месяцев спустя в сумасшедшем доме. Бурбулон, стремившийся к показухе, стремился к ораторскому эффекту. Бартелеми, любитель пива, светловолосый и толстый, пускался в каламбуры, требуя головы обвиняемых. Шарьер, в свои пятьдесят лет все еще капитан, что-то вроде дикой кошки, слабоумного и претенциозного лжеца, сказал, что он "дал обет жестокости по отношению к цезарю". Жуэн, печально известный в армии своей глупостью, компенсировал это своей упрямой враждебностью. В таких судах многого не требовалось. Самыми неумолимыми в целом были третий, четвертый и шестой суды, а также тринадцатый в Сен-Клу, которые публично хвастались, что никого не оправдали.

Вот и все о судьях и правосудии, которое буржуазия устроила тем пролетариям, которых они не расстреляли. Я хотел бы иметь возможность шаг за шагом проследить за их дерзкой юриспруденцией, рассматривать судебные процессы один за другим, показать, что законы нарушаются, самые элементарные правила процедуры презируются, документы фальсифицируются, доказательства искажаются, заключенных приговаривают к каторжным работам и смерти без того, что было бы призрачным доказательством перед серьезным жюри присяжных; цинизм общих судов времен Реставрации и Смешанных комиссий декабря привился к жестокости солдата, который мстит своей касте. Такая работа потребовала бы длительного технического труда.[\[249\]](#) Я укажу только основные строки. Кроме того, разве эти суждения уже не вынесены?

В 1871 году версальское правительство потребовало от Швейцарии выдачи губернатора Военной школы, а в 1876 году - венгерского делегата Франкеля, приговоренных к смертной казни за убийство и поджог. Они были немедленно арестованы. Либеральная Швейцария и сельская Венгрия, рассматривая действия Коммуны как общеуголовные преступления, были готовы выдать заключенных, если Версаль предоставит юридические доказательства, требуемые договорами о выдаче, что они совершили деяния, за которые были осуждены. Версальское правительство представило только приговоры военных трибуналов и не смогло добавить ни малейшего "следа доказательств или каких-либо точных свидетельств, устанавливающих виновность".[\[250\]](#) Заключенных пришлось освободить.

8 сентября Россель предстал перед третьим судом. Его оправдание состояло в том, что он служил коммуне в надежде, что восстание возобновит войну против пруссаков. Мерлин

относился к пленному с величайшим уважением, а тот, в свою очередь, выказывал глубочайшее уважение к армии. Но солдатам-романтикам нужен был пример, и Россель был приговорен к смертной казни.

21-го числа Рошфор был приговорен к заключению в крепость. Придворные бонапартисты особенно положили глаз на автора *Фонаря*. Мерлен защищал Пьера Бонапарта. Гаво обвинил пленника в том, что он оскорбил личность императора. Трошю, которого Рошфор вызвал в качестве свидетеля защиты, ответил человеку, который во время осады пожертвовал ради него своей популярностью, оскорбительным письмом.

Революционная журналистика имела честь подсчитать несколько жертв в своих рядах. Молодой Марто за две статьи — всего за две — в *"Салют Паблик"* был приговорен к смертной казни; Альфонс Гумберт за три или четыре статьи в *"Отце Дюшен"* — к пожизненным каторжным работам.

Другие журналисты были приговорены к высылке. В чем заключалось их преступление? Они защищали Коммуну. Однако Коммуна удовлетворилась закрытием журналов, защищавших Версаль. Фактически военным трибуналам было поручено уничтожить революционную партию.

Страх перед будущим делал их неумолимыми. После бесчисленных убийств на улице Розье они тоже хотели устроить холокост манам Леконта и Клеман-Тома. Настоящих палачей так и не удалось найти. Взрыв ярости, стоивший жизни двум генералам, был спонтанным, внезапным, как тот, в результате которого в 1789 году погибли Флессель, Фулон и Бертье. Действующих лиц этой драмы было множество, и вместе с этим все следы их были потеряны. Военные судьи выбирали обвиняемых наугад, как их коллеги на холмах Монмартра расстреливали первых встречных.

"Саймон Майер, - говорилось в отчете, - до последнего момента пытался защитить заключенных, а Казданский делал все возможное, чтобы воспрепятствовать приведению в исполнение угроз смертной казни. Толпа оскорбила его и сорвала с него золотой шнурок". Герпен-Лакруа предпринял отчаянные усилия; Лагранж, отказавшийся участвовать в расстреле, чувствовал себя настолько уверенным в своей невиновности, что пришел сдать судьям по собственной воле. В отчете были выдвинуты основные обвинения против него, а также против Саймона Майера, Каздански, Херпен-Лакруа и рядового сержанта Верданье, который 18 марта поднял приклад своего пистолета.

Судебный процесс вел полковник Обер, насмешливый мелодраматический фанатик. Несмотря на его усилия и усилия комиссара, против заключенных не удалось предъявить ни малейших доказательств. Даже армейские офицеры, товарищи генерала Леконта, дали показания в их пользу. "Симон Майер сделал все, что было возможно, чтобы спасти нас", - сказал командер Пуссарг. Этот офицер слышал голос, кричавший: "Не убивайте даже предателей без суда; создайте военный трибунал"; текстуально это слова Херпен-Лакруа. Из всех обвиняемых он узнал только Майера. Другой офицер дал аналогичные показания. Верданье доказал, что во время казни он находился в хижинах Курселя. Обвинение отвергло все, но не смогло представить ни одного свидетеля. Рибемон доказал, что он противостоял нападавшим в комнате на улице Розье. Массело не имел против него ничего, кроме показаний нескольких враждебных женщин, утверждавших, что он хвастался тем, что стрелял в генералов. Капитан Беньо, адъютант министра, присутствовавший при казни, напротив, утверждал, что генералы

были окружены солдатами; г-н де Майефу, что передний взвод состоял из девяти солдат, полки которых он называл.

Не было даже ложных официальных свидетелей, как на процессе над членами Коммуны; и все же обвинение, отнюдь не позволившее им вырваться из своих когтей, было самым неумолимым по отношению к тем самым людям, которые рисковали своими жизнями, чтобы спасти генералов. Комиссар пригрозил арестовать свидетеля, который горячо давал показания в пользу заключенного. После нескольких заседаний они обнаружили, что судят одного человека за другого. Президент приказал прессе замять инцидент. Каждое заседание, каждое новое свидетельство оправдывало заключенных и делало осуждение еще более невозможным. Однако 18 ноября Верданье, Майер, Герпен-Лакруа, Массло, Леблон и Альденхофф были приговорены к смертной казни; остальные были приговорены к наказаниям, варьирующимся от каторжных работ до тюремного заключения. Одному из приговоренных к смертной казни, Леблону, было всего пятнадцать с половиной лет.

Это удовлетворение армия, суды, как хорошо придворных, мстили за преступления в отношении М. Тьер. Чиновник Фонтейн, обвиняемый коммуной в сносе отеля того, кто снес сотни домов, предстал перед пятым военным трибуналом, который сделал все возможное, чтобы выставить его вором. Все знали, что М. Мебель и серебряная посуда Тьера были отправлены в Гард-Мебле, предметы искусства - в музеи, книги - в публичные библиотеки, постельное белье - в машины скорой помощи, и что после ввода войск маленький человек вернул себе большую часть этих предметов. Некоторые из них погибли во время пожара в Тюильри, и в отчете Фонтена обвиняли в том, что он забрал их, хотя в его доме были найдены только две бесценные медали. На это обвинение, от которого, как он считал, его защитила долгая жизнь в честности, Фонтэн мог ответить только слезами. Фигаристы много смеялись над этим, и он был приговорен к двадцати годам каторжных работ.

28 ноября Собрание возобновило обстрел. Г-н Тьер, ловко предоставив депутатам право смягчения наказаний, распорядился, чтобы Палата назначила Комиссию по помилованию. Она состояла из пятнадцати членов, поставщиков Смешанной комиссии 1852 года, крупных собственников, закоренелых роялистов.^[251] Один из них, маркиз де Кинсоннас, во время уличного сражения руководил казнями в Люксембургском дворце. Президент, Мартель, был старым сатиром, который продавал свои помилования хорошеньким стряпчим.

Первыми делами, за которые они взялись, были дела Росселя и Ферре. Либеральная пресса горячо вступилась за молодого офицера. В его беспокойном уме, лишенном здравых политических взглядов, который так бесцеремонно повернулся спиной к Коммуне, буржуазия вскоре узнала одного из своих блудных детей. Кроме того, он сделал *амende почетным*. Пресса опубликовала его мемуары, в которых он поносил коммуны и федералов. День за днем они рассказывали о жизни заключенного, о его возвышенных беседах с протестантским священником, о его душераздирающих беседах с семьей. О Ферре ни слова, кроме того, что он был "отвратительным". Его мать умерла сумасшедшей; его брат был заперт как сумасшедший в темницах Версаля; его отец был узником цитадели Фура; его сестра, девятнадцатилетняя девушка, молчаливая, покорная, стоическая, проводила дни и ночи, чтобы заработать двадцать франков, которые она каждую неделю посылала своему брату. Она отказалась от помощи своих друзей, не желая ни с кем делить честь исполнения своего благочестивого долга. Действительно, нельзя представить ничего более "отвратительного"!

В течение двенадцати недель смерть висела над головами приговоренных. Наконец, 28 ноября, в шесть часов утра, им сказали, что они должны умереть. Ферре вскочил с постели, не выказывая ни малейших эмоций, отклонил визит капеллана, написал письмо с просьбой к военному трибуналу освободить его отца и своей сестре, чтобы она распорядилась похоронить его, чтобы его друзья могли снова найти его. Россель, поначалу несколько удивленный, впоследствии поговорил со своим священником. Он написал письмо с требованием не мстить за его смерть — совершенно бесполезная предосторожность — и адресовал несколько благодарственных писем Иисусу Христу. Товарищем по смерти у них был сержант 45-й линии, Буржуа, перешедший на сторону Коммуны и проявлявший такое же спокойствие, как Ферре. Россель был возмущен, когда на него надели наручники; Ферре и Буржуа пренебрегли протестом.

Едва забрезжил рассвет; было ужасно холодно. Перед холмом Сатори 5000 вооруженных мужчин окружили три белых столба, каждый из которых охраняли двенадцать палачей. Полковник Мерлин командовал, объединяя таким образом три функции завоевателя, судьи и палача. Несколько любопытных зрителей, офицеров и журналистов, составляли всю публику.

В семь часов появились повозки с осужденными; барабаны отбили салют, зазвучали трубы. Заключение спустились вниз в сопровождении жандармов. Россель, проходя перед группой офицеров, отдал им честь. Храбрый буржуа, безразличным видом наблюдавший за всей этой драмой, прислонился к среднему столбу. Ферре пришел последним, одетый в черное и курящий сигару, ни один мускул на его лице не дрогнул. Твердым и ровным шагом он подошел и прислонился к третьему столбу.

Россель в сопровождении своего адвоката и священника попросил разрешить ему командовать пожаром. Мерлин отказался. Россель пожелал пожать ему руку, чтобы отдать дань уважения его приговору. В этом ему было отказано. Во время этих переговоров Ферре и Буржуа оставались неподвижными и молчаливыми. Чтобы положить конец излияниям Росселя, офицер был вынужден сказать ему, что он продлевает пытки двух других. Наконец, ему завязали глаза. Ферре сдвинул повязку и, поправив монокль, посмотрел солдатам прямо в лицо.

Приговор был оглашен, адъютанты опустили сабли, ружья были разряжены. Россель и Буржуа отступили. Ферре остался стоять; он был ранен только в бок. В него снова выстрелили, и он упал. Солдат, приставивший шассепоп к его уху, вышиб ему мозги.

По мановению Мерлина раздались звуки труб, и, подражая обычаям каннибалов, войска с триумфом дефилировали перед трупами. Какие крики ужаса издала бы буржуазия, если бы перед казненными заложниками федералы прошли парадом под звуки музыки!

Тела Росселя и Ферре были забраны их семьями; тело Буржуа исчезло в общей могиле кладбища Сент-Луис. Народ не отделит его память от памяти Ферре, потому что они оба погибли с одинаковым мужеством за дело, которому служили с одинаковой преданностью.

Либеральная пресса приберегла свои слезы для Росселя. Несколько отважных провинциальных газет почтили память всех жертв и посвятили ненависти к Франции Комиссию по помилованию — "Комиссию убийц", как сказал в Ассамблее депутат, младший ординарец. Привлеченные к суду присяжных, все эти журналы были оправданы.

Через два дня после казни Сатори Комиссия по помилованию приказала казнить Гастона Кремье. С момента его осуждения прошло шесть месяцев, и эта долгая задержка, казалось, делала убийство невозможным. Но сельская комиссия хотела отомстить за его знаменитую речь в Бордо. 30 ноября, в семь часов утра, Гастона Кремье отвели в Прадо, большую равнину, граничащую с морем. Он сказал своим опекунам: "Я покажу, как должен умереть республиканец". Его поставили к тому же столбу, где за месяц до этого был расстрелян солдат Паки за то, что перешел на сторону мятежников.

Гастон Кремье пожелал, чтобы ему сняли повязку с глаз и приказали разжечь костер. Они согласились. Затем, обращаясь к солдатам: "Цельтесь в грудь; не касайтесь моей головы. Огонь! Vive la Répub...." Последнее слово было прервано смертью. Как и в Сатори, последовал танец солдат вокруг труп.

Смерть этого молодого энтузиаста произвела глубокое впечатление на жителей города. Списки, вывешенные у дверей его дома, за несколько часов заполнились тысячами подписей. Марсельские революционеры не забудут его детей.

В тот же день шестой суд отомстил за смерть Шоди. Это было сделано по приказу и под контролем одного только Рауля Риго. Люди, составлявшие взвод, находились за границей. Пре де Ведель, главный обвиняемый, затем заключенный в тюрьму в Сент-Луисе. Пелажи за обычное преступление всего лишь держал фонарь. Но судебная практика офицеров возлагала на простых агентов ту же ответственность, что и на начальников. Пре де Ведель был приговорен к смертной казни.

4 декабря в зале третьего суда появилось нечто вроде призрака, бледнолицего и сочувствующего. Это был Лизбонн, который в течение шести месяцев таскал свои раны в замке д'О. Перед военным трибуналом, как и во время Коммуны и при Бузенвале, этот храбрейший из храбрых гордился тем, что сражался, и отрицал только обвинения в мародерстве. Другие судьи гордились бы тем, что пощадили такого врага; версальцы приговорили его к смертной казни.

Несколько дней спустя тот же военный трибунал услышал женский голос. "Я не буду защищаться; я не позволю себя защищать", - кричала Луиза Мишель. "Я всецело принадлежу социальной революции и заявляю, что принимаю на себя ответственность за все свои действия. Я принимаю это полностью и безоговорочно. Вы обвиняете меня в участии в казни генералов. На это я отвечаю: да. Если бы я был на Монмартре, когда они хотели стрелять в людей, я бы, не колеблясь, сам приказал открыть огонь по тем, кто отдавал такие команды. Что касается пожаров в Париже, да, я участвовал в них. Я хотел противопоставить захватчикам Версаля огненный барьер. У меня нет сообщников; я действовал сам по себе".

Комиссар Ежедневно требовал смертной казни.

Луиза Мишель. Чего я прошу у вас, у вас, кто называет себя военным трибуналом, кто провозглашает себя моими судьями, кто не прячется, как Комиссия по помилованию, так это поля Сатори, где уже пали наши братья. Я должен быть отрезан от общества; вам было сказано сделать это. Что ж, комиссар Республики прав. Поскольку кажется, что каждое сердце, бьющееся за свободу, имеет право только на небольшое преимущество, я тоже требую своего участия. Если вы оставите меня в живых, я не перестану взывать к отмщению и предам возмездие моих братьев убийц из Комиссии по помилованию.

Президент. Я не могу позволить вам продолжать.

Луиза Мишель. Я сделал. Если вы не трусы, убейте меня.

У них не хватило смелости убить ее одним ударом. Ее приговорили к отправке в крепость.

Луиза Мишель была не одинока в своем мужестве. Многие другие, среди которых следует упомянуть Лемеля и Огюстин Шифон, показали версальцам, какими ужасными женщинами являются эти парижанки, даже побежденные, даже в цепях.

Дело о казни Ла Рокет разгорелось в начале 1872 года. Там, как и на процессах Клеман-Тома и Чоди, у них не было ни одного реального действующего лица, кроме Гентона, который выполнял приказ. Почти все свидетели, бывшие заложники, давали показания с яростью, естественной для дрожащих людей. Обвинение, отказывающееся верить во вспышку ярости, создало нелепую картину военного трибунала, обсуждающего смертную казнь заключенных и отдающего приказ о ней. В нем утверждалось, что один из обвиняемых приказал открыть огонь и его собирались осудить, несмотря на торжественные протесты Гентона, когда был доставлен настоящий руководитель расстрельной группы, которого только что обнаружили умирающим в тюрьме. Гентон был приговорен к смертной казни. Его адвокат гнусно оклеветал его, затем сбежал, и суд отказался предоставить ему второго защитника.

Самым важным делом, которое последовало за этим, было дело доминиканцев Аркейля. Ни одна казнь не была менее преднамеренной. Эти монахи погибли при переходе авеню д'Италия, их застрелили бойцы 101-го полка. В отчете обвинялся Серизье, которого в тот момент даже не было на авеню. Единственный свидетель, вызванный против него, сказал: "Я сам ничего не утверждаю; я слышал, как это говорили". Но мы знаем, какие тесные узы объединяют армию и духовенство. Серизье был приговорен к смертной казни, как и один из его помощников, Буэн, против которого не удалось привлечь ни одного свидетеля. Суд воспользовался случаем, чтобы вынести смертные приговоры Врублевскому, который в то время находился в Бют-о-Кайль, и Франкелю, который сражался в Бастилии.

12 марта дело на улице Хаксо предстало перед шестым судом, по-прежнему под председательством Делапорта. Палачей заложников можно было обнаружить не больше, чем палачей с улицы Розье. Обвинение было предъявлено начальнику тюрьмы Франсуа, который долгое время оспаривал выдачу своих заключенных, и двадцати двум лицам, о которых ходили сплетни, опровергнутые на суде. Ни один из свидетелей не узнал обвиняемого. Делапорт умножал свои угрозы с таким цинизмом, что комиссар Русто, который, однако, представил доказательства своей враждебности на предыдущих судебных процессах, не смог удержаться от восклицания: "Но вы хотите осудить их всех?" На следующий день его заменил идиот Шарьер. Несмотря на все это, обвинительный акт тянулся час за часом, пока свидетели не отказались от своих показаний. По-прежнему ни один из заключенных не сбежал. Семеро были приговорены к смертной казни, девять - к каторжным работам, а остальные - к ссылке.

Комиссия по помилованию ожидала с шассепотом в руках добычу, выданную им военным трибуналом. 22 февраля 1872 года были расстреляны трое так называемых убийц Клеман-Тома и Леконта, даже те, чья невиновность наиболее ясно проявилась на процессе — Герпен-Лакруа, Лагранж и Верданье. Распятые на крестах 28 ноября, они кричали "Да здравствует коммуна!" и умирали с сияющими лицами. 19 марта Прео де Ведель был казнен. 30 апреля настала очередь Гентона. Раны, полученные им в мае, снова открылись, и он дотащился до холма на костылях.

Оказавшись у костра, он сбросил их с себя, крикнул "Да здравствует Коммуна!" и попал под огонь. 25 мая три колья были снова заняты Серизье, Буэном и Буденом, последний осужден как командир взвода, который перед Тюильри казнил версальца, пытавшегося помешать возведению баррикад на улице Ришелье. Они сказали солдатам взвода: "Мы дети народа, и вы тоже. Мы покажем вам, что дети Парижа умеют умирать". И они тоже упали, крича "Да здравствует Коммуна!"

Эти люди, которые так мужественно сошли в могилу, которые жестом бросили вызов мушкету, которые, умирая, воскликнули, что их дело не погибло, эти звонкие голоса, эти непоколебимые взгляды глубоко смутили солдат. Мушкеты дрожали, и почти в упор они редко убивали с первого выстрела. Поэтому во время следующей казни, 6 июля, командир Колин, руководивший этими перестрелками, приказал завязать жертвам глаза. Их было двое — Бодуэн, обвиняемый в поджоге церкви Святого Элуа и в убийстве человека, стрелявшего в федералов; и Руильяк, повстанец, стрелявший в буржуа, который травил федералов. Оба оттолкнули сержантов, которые подошли, чтобы завязать им глаза. Колин отдал приказ привязать их к столбу. Бодуэн трижды рвал веревки; Руильяк отчаянно сопротивлялся. Священник, пришедший на помощь солдатам, получил несколько ударов в грудь. Наконец, ошеломленные, они закричали: "Мы умираем за правое дело". Их искалечили яйцами. После того, как марш прошел мимо, офицер психологического склада ума, носком ботинка разминая вытекшие мозги, заметил коллеге: "Именно этим они и думали".

В июне 1872 года, когда все знаменитые дела были завершены, военное правосудие отомстило за смерть федерала, капитана Бофорта. Есть только одно объяснение этому странному факту, которое заключается в том, что Бофор принадлежал к версальцам. Мы получили важные свидетельства на этот счет.^[252] В любом случае, если бы Делеклюз или Варлен были застрелены федералами, Версаль не отомстил бы за их смерть.

Присутствовали трое обвиняемых из четырех: Дешам, Денивель и мадам Лашез, знаменитая кантиньерша 66-го полка. Она последовала за Бофортом до заседания совета, проходившего на бульваре Вольтер, и, выслушав объяснения, сделала все возможное, чтобы защитить его. Тем не менее, обвинительный акт сделал ее главной виновницей его смерти. На основании письменных показаний свидетеля, которого не удалось найти и который никогда не встречался с ней лицом к лицу, комиссар обвинил мадам Лашез в осквернении трупа Бофора. Услышав это отвратительное обвинение, эта благородная женщина разрыдалась. Она, а также Денивель и Дешам были приговорены к смертной казни.

Непристойное воображение солдат с алжирскими привычками пошло на то, чтобы осквернить обвиняемого. Полковник Дюлак, осуждавший близкого друга Риго, сделал вид, что их дружба носила печально известный характер. Несмотря на возмущенные протесты заключенного, несчастный офицер упорствовал.

Буржуазная пресса, далекая от того, чтобы клеймить, аплодировала. Без перемирия, без апатии, с момента открытия военных трибуналов он сопровождал все судебные процессы одним и тем же хором проклятий и клеветы. Некоторые люди протестовали против этих казней так долго после битвы, что Франциск Сарси написал: "Топор должен быть прикован к руке палача".

До этого Комиссия по помилованию убивала только троих одновременно. 24 июля он зарезал четверых — Франсуа, директора "Ла Рокет", Обри, Даливуста и Де Сент-Омера, осужденных за дело на улице Хаксо. Де Сент-Омер был более чем под подозрением, и в тюрьме его товарищи держались от него в стороне. Перед мушкетами они кричали "Да здравствует Коммуна!" Он ответил: "Долой это!"

18 сентября были казнены Лолив (обвиняемый в участии в казни архиепископа), Денивель и Дешам. Эти последние кричали: "Да здравствует Всеобщая Социальная Республика! Долой трусов!" 22 января 1873 года, через девятнадцать месяцев после уличной битвы, Комиссия по помилованию привязала к столбам еще трех жертв — Филиппа, члена Совета коммуны, виновного в том, что он энергично защищал Берси; Бено, который поджег Тюильри; и Декампа, осужденного за пожар на Лилльской улице, хотя они не смогли представить против него никаких доказательств. "Я умираю невиновным", - воскликнул он. "Долой Тьера!" Филипп и Бено: "Да здравствует Социальная республика!" *Vive la Commune!* Они пали, не опровергнув мужества солдат Революции 18 марта.

Это была последняя казнь в Сатори. Кровь двадцати пяти жертв обгадила колья Комиссии по помилованию. В 1875 году в Венсенне был застрелен молодой солдат, обвиняемый в смерти детектива Визентини, которого сотни рук бросили в Сену во время взятия Бастилии.^[253]

Передвижения в провинциях рассматривались военными трибуналами или судами присяжных, в зависимости от того, находился департамент на осадном положении или нет. Повсюду ждали решения проблемы парижской борьбы. Сразу после поражения Парижа реакция подняла бунт. Военные трибуналы Эспивана инициировали эти процессы. У него было свое Гаво в лице командира Вильнева, одного из бомбардиров 4 апреля, его Мерлина и его Буаденемца в лице полковников Томассена и Дуата. 12 июня Гастон Кремье, Этьен, Пелисье, Ру, Буше и все те, кто мог быть связан с движением 23 марта, предстали перед солдатами. Претенциозная тупость Вильнева послужила прообразом обращений военной прокуратуры, которыми была наводнена Франция. Кремье, Этьен, Пелисье и Ру были приговорены к смертной казни. Иезуитской буржуазной реакции этого было недостаточно. Эспиван заявил через Кассационный суд, что департамент Буш-дю-Рон находился на осадном положении с 9 августа 1870 года на основании указа императрицы, который не был опубликован в законодательном вестнике, не был санкционирован Сенатом и даже не обнародован. Вооруженный этой рукой, он преследовал всех, отмеченных рукой Собрания. Муниципальный советник Дэвид Боск, бывший делегат Комиссии, судовладелец-миллионер, обвиняемый в краже серебряных часов у полицейского агента, был оправдан лишь небольшим большинством голосов. На следующий день полковника-президента сменил подполковник 4-го егерского полка Доннат, полубезумный от употребления абсента. Рабочий в возрасте семидесяти пяти лет был приговорен к десяти годам каторжных работ и двадцати годам лишения гражданских и политических прав за то, что 4 сентября на полчаса арестовал полицейского агента, который отправил его в Кайенну в 1852 году. Сумасшедшая старуха, поставщик иезуитов, арестованная на несколько минут 4 сентября, обвинила бывшего командира Гражданской гвардии в своем аресте. Ее обвинение было опровергнуто ею самой и полностью опровергнуто алиби и бесчисленными доказательствами. Экс-командир была приговорена к пяти годам тюремного заключения и десяти годам лишения гражданских прав. Один из солдат-судей, выйдя после совершения этого преступления, сказал: "Нужно иметь очень глубокие политические убеждения, чтобы осуждать по подобным делам". С этими циничными коллаборационистами Эспивент мог удовлетворить всю свою ненависть. Он

попросил версальский суд выдать ему члена Совета коммуны Амурокса, который некоторое время был делегатом в Марселе. "Я привлекаю его к ответственности за вмешательство в жизнь солдат, - писал Эспивент, - преступление, караемое смертной казнью; и я убежден, что это наказание будет применено к нему".

Лионский военный трибунал был не слишком уступающим. Сорок четыре человека были привлечены к ответственности за движение 22 марта, и тридцать два приговорены к наказаниям, варьирующимся от транспортировки до тюремного заключения. Восстание 30 апреля дало семьдесят пленных, взятых наугад в Лионе, как это было принято в Версале. Мэр Гильотьера Крестен, вызванный в качестве свидетеля, не узнал среди них никого из тех, кого он видел в тот день в своем мэрии. Председатели судов, полковники Марион и Ребийо.

В Лиможе Дюбуа и Рубейроль, демократы, которых уважал весь город, были заочно приговорены к смертной казни как главные действующие лица движения 4 апреля; двое были приговорены к двадцати годам тюремного заключения за то, что хвастались, что знают, кто стрелял в полковника Билле. Другой получил десять лет за распространение боеприпасов.

Вердикты присяжных были разными. Суд Нижних Пиренеев 8 августа оправдал Дюпорталя и четырех или пять человек, обвиняемых в движении Тулузы. Такой же оправдательный приговор был вынесен в Родезе, куда Диджон и обвиняемый из Нарбонны явились после предварительного заключения сроком на восемь месяцев. Сочувствующая публика заполнила зал и подходы к трибуналу и приветствовала обвиняемых при их уходе. Энергичный настрой Диджона еще раз продемонстрировал сильные стороны его характера.

Суд присяжных Риома осудил по делам Сент-Этьена двадцать одного заключенного, среди которых был Амуру, приславший только двух делегатов. Молодой рабочий Катон отличился своим умом и твердостью.

Присяжные Орлеана были суровы к обвиняемым из Монтаржи, всех из которых они приговорили к тюремному заключению, и жестоко обошлись с обвиняемыми из Коне и Ньюри-сюр-Луар, где сопротивления не было. Всего их было двадцать три, из них три женщины. Все их преступление заключалось в том, что они размахивали красным флагом и кричали "Да здравствует Париж! Долой Версаль!" Малардье, бывший представитель народа, прибывший только накануне манифестации и не принимавший в ней участия, был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Никто из обвиняемых не был пощажен. Владельцы Луаре отомстили за испуг своих собратьев-владельцев Ньевра.

Движения Куломье, Нима, Дордива и Вуарона вызвали некоторые осуждения.

В июне месяце 1872 года большая часть репрессивной работы была выполнена. Из 36 309^[254] заключенные, мужчины, женщины и дети, не считая 5000 военнопленных, в отношении которых версальцы признались, 1179, по их словам, умерли в своих тюрьмах; 22 326 были освобождены после долгих зимних месяцев на понтонах, в фортах и тюрьмах; 10 488 предстали перед военными трибуналами, который осудил 8525 из них. Преследования не прекращались. С приходом Мак-Магона, 24 мая 1873 года, начался рецидив. 1 января 1875 года общее резюме версальского правосудия содержало 10 137 приговоров, вынесенных в присутствии обвиняемых, и 3313 заочно. Вынесенные приговоры были распределены следующим образом:—

Приговоры к смерти	270 из которых	8 были женщинами	и 1 ребенок
Каторга	410 из которых	29 были женщинами	
Транспортировка в крепости	3989 человек, из которых	20 были женщинами	
Простая транспортировка	3507 человек, из которых	16 были женщинами	и 1 ребенок
Задержание	1269 человек, из которых	8 были женщинами	
Заключение	64 из которых	10 были женщинами	
Каторжный труд на общественных работах	29		
Лишение свободы на срок от трех месяцев и выше	432		
Лишение свободы на срок от трех месяцев до одного года	1622 из которых	50 были женщинами	и 1 ребенок
Лишение свободы на срок более одного года	1344 из которых	15 были женщинами	и 4 детей
Изгнание	322		
Наблюдение за полицией	117 из которых	1 была женщиной	
Штрафы	9		
Дети до шестнадцати лет, отправленные в исправительные дома			56
Всего	13 440 человек, из которых	157 из них были женщинами	и 62 ребенка

Это резюме не содержало ни приговоров, вынесенных военными трибуналами за пределами юрисдикции Версаля, ни приговоров судов присяжных. Следовательно, мы должны добавить 15 приговоров к смертной казни, 22 - к каторжным работам, 28 - к ссылке в крепость, 29 - к простой перевозке, 74 - к заключению, 13 - к тюремному заключению и некоторое количество - к тюремному заключению. Общая цифра осужденных Парижа и провинций превышает 13 700 человек, среди которых 170 женщин и 62 ребенка.

Три четверти из 10 000 осужденных в то время — 7418 из 10 137 — были простыми охранниками или унтер-офицерами, 1942 младших офицера. Там было всего 225 высших офицеров, 29 членов Совета коммуны, 49 членов Центрального комитета. Несмотря на жестокую судебную практику, расследования и лжесвидетельство, военные трибуналы не смогли выдвинуть обвинения против девяти десятых осужденных - 9 285 человек - в совершении какого-либо другого преступления, кроме ношения оружия или выполнения государственных функций. Из 766 осужденных за так называемые общеуголовные преступления 276 были осуждены за простые аресты, 171 - за уличную драку, 132 - за преступления, отнесенные в отчете к категории "других",

все, очевидно, за военные действия.^[255] Несмотря на большое количество людей, вынужденных уйти в отпуск, намеренно привлеченных к этим судебным преследованиям, почти три четверти осужденных — 7119 — не имели судейского прошлого; 524 были осуждены за нарушение общественного порядка (политические или простые полицейские дела); 2381 - за преступления или мелкое правонарушение, которые в отчете не были указаны. Наконец, это восстание, спровоцированное и проведенное иностранцем, согласно буржуазной прессе, привело ко всему, кроме 396 заключенных иностранного происхождения.

Это бухгалтерский отчет за 1874 год. Последующие годы добавили новых обвинений. Количество судов сократилось, но их институт сохранился, и судебные преследования продолжаются. Даже сейчас, спустя шесть лет после поражения, аресты и обвинительные приговоры не прекратились.

СНОСКИ:

^[247] Давайте процитируем Дюпона де Буссака и, прежде всего, Леона Биго, который защищал Марто, Лисбон и множество неизвестных заключенных. Целый год он отдавал им свое время, свой труд, свои деньги, публикуя мемуары, изнуряя себя написанием заявлений. Он умер в упряжке, упав, пораженный апоплексическим ударом, даже в баре. Дружья коммуны никогда не забудут этой благородной преданности.

^[248] В 1876 году он был приговорен к пяти годам тюремного заключения за растрату.

^[249] Неужели в юридических школах нет никого, кто мог бы этим заняться? С чего бы еще лучше начать молодому человеку? Какой благородный повод стереть великие ошибки школ во время Коммуны, приблизить к пролетариям ту часть нашей молодежи, которая с каждым днем отдаляется от них все дальше?

^[250] "На это требование о передаче судебных доказательств, - заявил трибунал Буда-Пешта в своем решении, - французское правительство ответило простой передачей приговора военного трибунала. В этом предложении нет ни малейших доказательств, ни каких-либо точных доказательств, устанавливающих виновность. Принимая во внимание, что этот вердикт полностью лишен доказательств и что он не указывает на способы их получения, этот трибунал освобождает Френкеля от выдвинутых против него обвинений ".

^[251] Вот их имена, которые действительно принадлежат истории народа: Мартель, президент; Пиу, вице—президент; граф Октав де Бастард, Феликс Вуазен, секретари; Бэтби, граф де Майе, граф Дюшатель, Пельтеро-Вильнев, Франсуа Саказ, Тальо, маркиз де Кинсонна, Биго, Мервейе-Дювиньян, Париж, Корн.

^[252] Приложение XXXVII.

^[253] Согласно реакционным журналам, этот агент сначала был привязан к доске - одиозное изобретение, которое ничто из того, что выяснилось в ходе судебного разбирательства, не могло оправдать. Визентини, охваченный спонтанной вспышкой ярости и немедленно брошенный в Сену, мог бы даже спастись, если бы доска, за которую он цеплялся, при опрокидывании не ударила его по голове.

[254] Доклад генерального прокурора.

[255] Таким образом, изъятия, произведенные во время обысков в домах, в силу обычных предписаний, были отнесены к актам кражи с применением насилия, мародерства и т.д., как если бы эти действия имели какой-либо личный мотив. Теперь необходимо отметить, что никто не дал показаний о краже против заключенных в военном трибунале; никто не мог сказать, что пожарами воспользовались для мародерства.

ГЛАВА XXXVI.

"Les déportés sont plus heureux que nos soldats, car nos soldats ont des factions à faire ... tandis que le déporté vit au milieu des fleurs de son jardin."—*Discours de l'Amiral Fourichon, Ministre de la Marine, contre l'Amnistie, Séance du 17 Mai 1876.*

"Ce sont surtout les républicains qui ne doivent pas vouloir l'amnistie."—*Victor Lefranc, Séance du 18 Mai 1876.*

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ—ИЗГНАНИЕ—БАЛАНС БУРЖУАЗНОЙ МЕСТИ -ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПАЛАТА И АМНИСТИЯ.

В двух днях пути от Франции находится колония, жаждущая рабочих рук, достаточно богатая, чтобы обогатить тысячи семей. После каждой победы над парижскими рабочими буржуазия всегда предпочитала отдавать своих жертв антиподам, чем оплодотворять ими Алжир. В Республике 1848 года была Нука-Хива; Версальская ассамблея, Новая Каледония. Именно на

эту скалу, в шести тысячах лиг от их родной земли, было решено перевезти приговоренных к пожизненному заключению. "Правительственный совет, - сказал репортер "Закона", - дает перемещенному семью и дом". Митральеза была более честной.

Приговоренные к транспортировке были собраны вместе на четырех складах: Форт Боярд, Сен-Мартен-де-Ре, Олерон и Келерн, где в течение долгих месяцев они томились между отчаянием и надеждой, которые никогда не покидают политических жертв. Однажды, когда они считали себя почти забытыми, раздался жестокий звонок. В операционную! Врач осмотрел их, расспросил, не выслушал их ответов и сказал: "Годны к отъезду!"^[256] А затем прощай семья, страна, общество, человеческая жизнь, *на пути* к гробнице антиподов. И счастлив тот, кто был приговорен только к транспортировке. Он мог в последний раз пожать дружескую руку, увидеть слезы в добрых глазах, поцеловать в последний раз. Но галерный раб Коммуны будет видеть только надсмотрщика. По сигналу свистка он должен раздеться, быть обыскан, затем ему бросят ливрею рейса и, не прощаясь, подняться на плавучий баньо.

Транспортный корабль представлял собой движущийся понтон. Большие клетки, построенные на орудийной палубе, закрывали заключенных. Ночью они становились очагами инфекции. Днем у людей, освобожденных из клеток, было всего полчаса, чтобы подняться на палубу и подышать немного свежим воздухом. Вокруг клеток стояли, ворча, тюремщики, наказывая черной дырой за малейшее нарушение правил. Некоторые несчастные провели все путешествие на дне трюма, иногда почти голыми, за то, что отказались подчиниться капризу. Женщин, как и мужчин, отправляли в черную дыру; монахини, наблюдавшие за ними, были хуже тюремщиков. В течение пяти месяцев они были вынуждены жить таким беспорядочным образом в клетке, среди грязи своих соседей, питаясь галетами, часто заплесневелыми, беконом, почти соленой водой; то обжигаясь от тропиков, то замораживаясь от южных холодов или от брызг, заливающих орудийную палубу. И какие призраки прибыли! Когда "*Орн*" бросил якорь у берегов Мельбурна, из 588 заключенных цингой болели 360 человек.^[257] Они внушали жалость даже грубым колонистам Австралии. Жители Мельбурна пришли им на помощь, собрав за несколько часов 40 000 франков. Командир *Orne* отказался передать заключенным эту сумму даже в виде одежды, инструментов и простых предметов первой необходимости.

"*Даная*" была первым кораблем, отправившимся в плавание 3 мая 1872 года; за ней последовали "*Герьер*", "*Гаронна*", "*Вар*", "*Сибилла*", "*Орн*", "*Кальвадос*", "*Виржини*" и другие. К 1 июля 1875 года в Новой Каледонии высадилось 3859 заключенных.^[258]

Эта каледонская гробница имеет три круга: на полуострове Дюко, недалеко от Нумеа, столицы Новой Каледонии, для приговоренных к ссылке в крепость — 805 мужчин и 6 женщин; на Иль-де—Пен, в тридцати милях к юго-востоку от главного острова, для приговоренных к простой перевозке - 2795 мужчин и 13 женщин; и, совсем на заднем плане, хуже смерти, баньо на Иль-Ноу, для 240 галерных рабов.

Полуостров Дюко, узкий перешеек, которым командуют пушки, устье которого охраняют солдаты, без реки, без зелени, пересечен засушливыми холмами и заболоченными долинами. Вместо крова осужденные нашли несколько полуразрушенных лачуг; из всей мебели - кастрюлю и гамак. Иль-де-Пен, плоскогорье с совершенно пустынным центром, ограничено плодородными равнинами, но находится в руках монахов-маристов, которые эксплуатируют труд местных жителей. Для приема осужденных ничего не было подготовлено. Первые прибывшие бродили по лесу; лишь очень долгое время спустя они получили плохие палатки и

гамаки. Туземцы, подстрекаемые миссионерами, убегали от них или продавали им провизию по огромным ценам.

Администрация должна была предоставить необходимую одежду. Ни одно из предписанных правил не было соблюдено. Кепи и сапоги вскоре изнашивались, и подавляющее большинство осужденных, не имея никаких средств, были вынуждены переносить солнце и сезон дождей с непокрытой головой и босыми ногами. У них не было ни табака, ни мыла; не было бренди, чтобы разбавить солоноватую воду.

Вначале заключенные не пали духом. Трудолюбивые, активные, с присущими парижским рабочим способностями, они чувствовали себя способными преодолеть первые трудности. Репортер "Закона" превозносил многотысячные доходы Новой Каледонии — рыболовство, скотоводство, разработку рудников - и представлял эту принудительную эмиграцию как основание новой Французской империи на Тихом океане. Осужденные надеялись обрести дом в этой далекой стране. Эти пролетарии были свободны от ложного достоинства, на которое посягали запрещенные буржуа; они не только не отказывались от работы, но и искали ее. На Иль-де-Пен нужно было достроить больницу, акведук, административные склады, построить большую дорогу; 2000 осужденных явились сами; только 800 были наняты, и их заработная плата никогда не превышала 85 сантимов в день. Некоторые из тех, кому администрация отказала, затем потребовали уступки территории; им было предоставлено несколько ярдов земли,^[259] и по непомерным ценам семена и инструменты. Приложив самые большие усилия, они едва ли смогли бы заставить почву дать хоть несколько плодов овощей. Остальные, у которых ничего не было, обратились в частную промышленность, предлагая свои услуги торговцам Нумеа. Но колония, задушенная военным режимом, стесненная бюрократическими чиновниками и, кроме того, располагавшая очень ограниченными ресурсами, могла обеспечить работой не более 500 человек. Более того, многие из тех, кто занялся сельским хозяйством, были вынуждены очень скоро бросить его и вернуться на Иль-де-Пен.

Это был золотой век транспорта. Ближе к середине 1873 года депеша морского министра достигла Нумеа. Версальское правительство приостановило все административные выплаты в поддержку государственных работ. "Если бы кто-то признал, - сказал он, - право осужденного на труд, то вскоре стал бы свидетелем возобновления скандального примера национальных мастерских 1848 года". Это совершенно логично. Версаль не обязан предоставлять средства к труду тем, кого он лишил свободы. Итак, мастерские были закрыты. Леса Иль-де-Пен были ценным сырьем для краснодеревщиков, и часть списанной мебели пользовалась большим спросом в Нумеа. Им было приказано прекратить производство. А 13 декабря морской министр осмелился заявить с трибуны, что большинство осужденных отказались от любой работы.^[260]

В тот самый момент, когда Администрация таким образом сократила жизнь депортированных, она вызвала их жен в Морское министерство, где им была представлена самая очаровательная картина Новой Каледонии. По прибытии они должны были найти там дом, участок земли, семена и инструменты. Большинство из них, подозревая какую-то ловушку, отказывались отправляться в путь без приглашения своих мужей. Шестьдесят девять, однако, были привлечены и поднялись на борт "Фенелона" вместе с женщинами, присланными Управлением общественной помощи в качестве помощниц колонистам. Эти несчастные жены осужденных, высадившись на берег, обнаружили только отчаяние и нищету своих мужей. Правительство отказалось отправить их обратно.

Таким образом, существуют тысячи людей, привыкших к работе, к активности ума, запертых, праздных и несчастных, одни на узком полуострове, другие на Иль-де-Пен, без одежды, плохо питающихся, подчиняющихся приказам грубых людей, [261] с револьвером в руке, почти не имеющих связи с миром, если не считать нескольких редких писем, да и те задержаны на три дня. недели в Нумеа. Вначале бесконечные грезы, затем уныние и мрачное отчаяние; случались случаи безумия, наконец, смерть. Первым, кого освободили, был учитель Вердюр, член Совета коммуны. Комиссар военного трибунала обвинил его всего в одном преступлении. "Он был филантропом-утопистом". Он хотел открыть школу на полуострове; в разрешении ему было отказано. Никому не нужный, вдали от жены и дочери, он томился и умер. Однажды утром 1873 года тюремщики и священники увидели на извилистой дорожке, ведущей к кладбищу, гроб, усыпанный цветами, который несли несколько осужденных. За ними в глубоком молчании шли 800 друзей. "Гроб, - сказал нам один из них, - был опущен в могилу. Друг сказал несколько слов на прощание; каждый бросил свой маленький красный цветок и воскликнул: "Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!" - и все было кончено". В ноябре на Иль-де-Пен скончался Альбер Грандье, один из сотрудников *Rappel*. Его сердце осталось во Франции, с сестрой, которую он обожал. Каждый день он ходил на берег моря, чтобы дожидаться ее; так он сошел с ума. Администрация отказалась поместить его в сумасшедший дом. Он сбежал от друзей, которые охраняли его, и однажды утром был найден мертвым от холода в болотах, недалеко от дороги, ведущей к морю. [262]

У этих, по крайней мере, есть утешение страдать вместе с равными себе. Но каторжники, закованные в цепи в раковине негодяев! "Я знаю только одного баньо", - ответил республиканский министр Виктор Лефранк матери, умоляющей за своего сына. И действительно, есть только один баньо, где герои вроде Тринке и Лисбона, люди, исполненные преданности и честности, такие как Фонтен, Рок, мэр Пюто (так много имен напрашивается, что мне стыдно называть некоторые из них), журналисты с высокой репутацией, такие как Бриссак и Гумберт, единственным преступлением которых было выполнение ордера на арест, были прикованы на пять лет к убийцам и ворами, терпели их оскорбления и по ночам привязывались к одной раскладушке. Версальцы хотят большего, чем тело; они должны овладеть мятежным умом, окружить его атмосферой зловония и порока, чтобы заставить его потерпеть неудачу и развалиться. "Уголовники" Коммуны, приравненные к преступникам, подвергнутые такому же труду, такому же правлению палкой и кнутом, испытывают особую ненависть тюремщиков, которые направляют на них осужденных. Время от времени письма ускользают и даже доходят до нас. Вот что пишет член Совета коммуны, тридцатитрехлетний мужчина, когда-то отличавшийся крепким здоровьем:

- Сент-Луис.

"... Работа в лагере считается самой тяжелой. Она включает в себя выкапывание камней, земляные работы и тому подобное. Он прерывается только в воскресенье утром для проведения религиозной службы. Для полноценного питания у нас есть кофе без сахара в пять часов утра, 700 граммов хлеба и 100 граммов фасоли; вечером небольшой кусочек говядины; и, наконец, 69 сантитров вина в неделю. Когда я в состоянии купить четверть фунта хлеба, мое здоровье оставляет желать лучшего. Уже нескольких наших не стало. На многих напала анемия. Пятнадцать человек из шестидесяти в Сент-Луисе находятся в больнице. Все это было бы пустяком, если бы здесь не было такого скопления людей с дурно известными страстями. В

одном купе нас пятьдесят человек. Что касается рабочих мест, магазинов и контор, то коммунары к ним не допускаются".

Другой пишет:

"Иль Ноу, 15 февраля.

"Я изолирую себя настолько, насколько могу, но бывают часы, когда я должен находиться в баньо под страхом смерти. Бывают часы, когда я должен защищать свой паек от прожорливости моих товарищей, когда я должен подчиняться фамильярности Мано или латхауэра.^[263] Это ужасно, и я краснею от стыда, когда думаю, что стала почти нечувствительной ко всему этому позору. Эти негодяи - трусы, и они не в последнюю очередь наши мучители. Этого достаточно, чтобы свести с ума одного, и я верю, что многие среди нас станут такими. Березовский, этот несчастный человек,^[264] который так много страдал в течение восьми лет, почти сошел с ума, и на него больно смотреть. Это ужасно, и я не смею думать об этом. Сколько месяцев, лет нам еще предстоит провести в этом баньо? Я дрожу при этой мысли. Несмотря ни на что, верьте, что я не позволю раздавить себя; моя совесть спокойна, и я силен. Одно только мое здоровье могло предать меня и быть подорванным, но в себе я уверен и никогда не отступлю".

Третий:—

"Я много страдал; тулонский баньо, цепи, одежда каторжников и, что еще хуже, постыдное общение с преступниками — все это мне пришлось вынести. У меня, правда, есть одно утешение в стольких страданиях — моя спокойная совесть, любовь моих престарелых родителей и уважение таких людей, как вы.... Сколько раз я был обескуражен! Какое отчаяние, какие сомнения овладели мной! Я верил в человечество, и все мои иллюзии рухнули одна за другой; со мной произошла великая перемена, и я почти не смог противостоять стольким разочарованиям".

Еще одно:—

"Я не обманываю себя; эти годы полностью потеряны для меня; мое здоровье не только подорвано, но я чувствую, что с каждым днем становлюсь все хуже. Эта жизнь действительно слишком тяжела, чтобы ее выносить, без книг (кроме тех, что в библиотеке Мэмми), в этом грязном баньо, подвергаясь всем оскорблениям, всем ударам; запертые в зарешеченных пещерах; в мастерских, с которыми обращаются как со зверями; оскорбляемые нашими тюремщиками и нашими товарищами по цепи, мы должны подчиняться всему этому безропотно, малейшее нарушение влечет за собой ужасные наказания — камеру, четверть пайки хлеба, утюги, винты для больших пальцев, плеть. Это позорно, и я содрогаюсь при мысли об этом. Многие из наших товарищей находятся в двойных цепях в исправительном взводе, подвергаются тяжелейшему труду, умирают от голода, преследуемые ударами палки, часто выстрелами из револьвера, неспособные общаться с нами, которые не могут даже передать им кусок хлеба. Это ужасно, и я боюсь, что все это закончится не очень скоро. Но протесты будут сделаны; нас не бросят; было бы ужасно, если бы нас оставили здесь. Я не могу работать, поэтому я прав, говоря, что эти годы полностью потеряны, и это приводит меня в отчаяние; и все же я был готов учиться; но что делать без книг и без руководства? У нас почти нет новостей. И все же мы знаем, что Республика утверждает себя изо дня в день; наша надежда есть, но я не смею в это верить; у нас было так много обманов".

Сколько из них живут сегодня? Неизвестно. Мартото уехал в марте 1875 года. Комиссия по помилованию отягчила его наказание; Сатори был переведен в тюрьму Иль Ноу. В двадцать пять лет он умер в баньо за две статьи, когда шакалы версальской прессы, каждая строка которых требовала кровавой расправы, захватили наш Париж. До последнего момента мужество не покидало его. "Умереть - не великое дело, - сказал он друзьям, окружившим его смертное ложе, - но я предпочел бы костер Сатори этому грязному тюфяку. Друзья мои, подумайте обо мне! Что будет с моей матерью?"

Услышьте этот похоронный звон, произносимый одним из осужденных:—

"Иль Ноу (Обжигной завод), 18 апреля.

"Я не могу не сказать, что многие друзья умирают, и что в этом месяце пятеро скончались".

"15 мая.

"Старый Одант, один из арестованных 2 декабря, навсегда освобожден от своей цепи. Он был болезненным, старым (пятидесяти девяти лет), и наш труд одолел его. Однажды, измученный, пораженный острым бронхитом, он не мог встать; тем не менее он был вынужден возобновить свою работу. Через два дня после этого он попросил о визите врача. Он попал в темницу. Через пять дней после того, как он умер в больнице, а еще через несколько дней другой, Гоберт, последовал за ним к могиле".

"Канал, 25 декабря.

"... Добавьте к этому смерть старых и хороших друзей. В честь Марто, Мортена, Марса, Леколя, которых мы похоронили месяц назад".

Они умирают, но никто не дрогнул. Политические осужденные - мужчины; им удастся оставаться на поле, не подвергаясь осквернению. Именно генеральный инспектор Рабуль позволил этому признанию ускользнуть от него. Что такое хваленый часовой героизм христианского мученика по сравнению с этими людьми, которые каждый день в неутомимых, безжалостных когтях тюремщиков непреклонно сохраняют свою революционную веру и свое достоинство?

И знаем ли мы вообще обо всех их страданиях? Только случай приподнял уголок завесы. 19 марта 1874 года Рошфору, Журду, Пасхалю Груссе и троем другим, приговоренным к транспортировке, удалось бежать на борту австралийского корабля.^[265] Они благополучно приземлились в Австралии, и информация, которую они привезли с собой, пролила немного света на это логово. Именно тогда мы узнали, что осужденные Коммуны подверглись дополнительным пыткам; что пытка с помощью винтов для больших пальцев, которые калечили кисти рук, все еще применяется в баньо; что четверо осужденных были расстреляны на Иль-де-Пен за простое нападение, которое было бы наказано несколькими месяцами тюремного заключения обычными судами; что жестокость и оскорбления тюремщиков, по-видимому, были направлены на то, чтобы вызвать восстание, которое позволило бы отправить в баньо всех приговоренных к транспортировке. Осужденным пришлось дорого заплатить за эти разоблачения. Версальское правительство немедленно выслало контр-адмирала Рибура, и винт пыток был закручен сильнее, чем когда-либо. Те, кто получил разрешение на пребывание на

главном острове, были снова заперты на полуострове Дюко или Иль-де-Пен; рыбная ловля была запрещена; каждое запечатанное письмо конфисковано; право собирать дрова в лесу для приготовления пищи было подавлено. Тюремщики удвоили свою жестокость, открывая огонь по заключенным, которые выходили за пределы тюрьмы или не возвращались в свои хижины в установленный законом час. Некоторые купцы Нумеа, обвиненные в содействии побегу Рошфора и его друзей, были изгнаны с острова.

Рибур добился отставки губернатора Ла Ришери, бывшего губернатора Кайенны, который путем грабежа сколотил большое состояние в Новой Каледонии. Конечно, он был наказан не за свою нечестность, а за побег 19 марта. Временное правительство было доверено полковнику Аллейрону, который прославился майскими погромами. Аллейрон постановил, что каждый заключенный должен был отдавать государству полдня труда под страхом получения только самых необходимых продуктов питания - 700 граммов хлеба, 1 сантিলитр масла и 60 граммов сушеных овощей. Поскольку заключенные протестовали, он начал с применения указа к пятидесяти семи лицам, из которых четверо были женщинами.

Ибо женщины подвергались такому же строгому обращению, как и мужчины, и они мужественно отказались от права разделять общую участь всех. Луиза Мишель и Лемель, которых они хотели разлучить со своими товарищами, заявили, что убьют себя, если закон будет нарушен. Оскорбленные тюремщиками, оскорбленные иногда в приказе ко дню командующего полуостровом, едва обеспеченные одеждой, они не раз были вынуждены надевать мужскую одежду.

Прибытие в начале 1876 года нового губернатора Де Прицбюэра положило конец короткой, но блестящей карьере Аллейрона. Прицбер, ренегат протестантизма, превратившийся в отъявленного иезуита и отправленный в Новую Каледонию из-за иезуитских тенденций Министерства, нашел способы своим слащавым видом еще больше усугубить страдания заключенных. В выполнении этой задачи им руководил полковник Шарьер, генеральный директор пенитенциарного учреждения Новой Каледонии, который объявил преступников банью гораздо более благородными, чем политических осужденных. Прицбюэр обновил приказ своего предшественника, добавив, что те из осужденных, которые в течение одного года не должны были быть в состоянии создать для себя достаточные ресурсы, больше не будут получать полный паек; и, наконец, что Администрация намеревалась по истечении определенного срока возместить себе все расходы, связанные с осужденными. Был назначен агент, который будет действовать в качестве посредника между ними и торговцами Нумеа. Но никакие декреты в мире не могут расширить торговлю или промышленность страны без природных ресурсов. Сто раз было сказано и доказано, что в Новой Каледонии нет работы для этих тысяч мужчин, которые могли бы преуспеть в жизненно важной и процветающей колонии. Те немногие, кого можно было бы нанять, доказали свою сообразительность и получили несколько медалей или были с почетом упомянуты на выставке в Нумеа. Наименее обеспеченные — их сотни - страдают под ударом декрета 1875 года. В действительности, подавляющее большинство приговоренных к транспортировке в настоящее время подвергаются каторжным работам. Правила, введенные в силу после побега Рошфора, так и не были смягчены. Женам, матерям осужденных, разрешается общаться с ними только через редкие промежутки времени и под присмотром тюремщиков. Более одного человека были высланы из колонии.

Несмотря на столько усилий сломить их, честь большинства заключенных не пострадала; более того, это пример для других. Хотя военные трибуналы смешали с осужденными Коммуны плохой элемент, совершенно чуждый этой революции, обычные проступки очень редки. Их осуждение за политические проступки, контакты с лучшими рабочими даже пробудили совесть многих людей с печальным прошлым. Большинство осужденных наказываются только за нарушения правил или за попытки побега; попытки почти всегда заранее обречены на провал. Как летать без денег и без сообщников? Было совершено всего пятнадцать успешных побегов. К середине марта 1875 года двадцать заключенных Иль-де-Пен, среди которых был член Совета коммуны Растуль, бежали на барке, которую они тайно сконструировали. Об их судьбе так и не было известно, но через несколько дней после их бегства среди рифов были обнаружены обломки корабля. В ноябре 1876 года Тринке и нескольким его товарищам удалось скрыться на пароходе. Их преследовали, настигли. Двое бросились в море, спасаясь от преследователей. Один умер; другой, Тринке, был возвращен к жизни и баньо.

Перед лицом такой бездны страданий изгнанники не должны говорить о своих страданиях, но они могут сказать в двух словах, что они не запятнали честь Дела. Тысячи рабочих со своими семьями, беспомощных, без средств к существованию, брошенных в чужую страну, говорящих на незнакомом языке, служащие, профессора, еще более обездоленные, преуспели благодаря энергии в добывании средств к существованию. Рабочие Парижской коммуны заняли почетное место в мастерских зарубежных стран. Они даже, особенно в Бельгии, привели к тому, что процветавшие до тех пор отрасли промышленности пришли в упадок; они передали некоторым мануфактурам секрет парижского вкуса. Изгнание коммунаров, как прежде протестантов, перебросило за границы часть национального богатства. Изгнанники так называемых свободных профессий, часто более несчастные, чем рабочие, проявили не меньше мужества. Некоторые занимают доверенные должности; один, возможно, приговорен к смертной казни как поджигатель или к каторжным работам за мародерство, работает преподавателем в крупном колледже или проверяет кандидатов в государственные учебные заведения. Несмотря на трудности в начале, болезни, разгильдяйство на работе, не было ни одного изгнания и не было ни одного осуждения в полицейском суде. Ни одна женщина не пала. И все же именно женщины несут на себе большую долю общих страданий. Среди этих тысяч изгнанников было обнаружено всего два или три шпиона; и только один, Ландек, составил журнал доносов, более гнусных, чем *Фигаро*. Справедливость вскоре восторжествовала, ибо ни одно проскрипционное предписание не было более бережным к своему достоинству. Одному бывшему члену Совета коммуны пришлось оправдываться перед беженцами за то, что он получил деньги от крайне левых депутатов. Никогда еще памятный митинг 18 марта не был так посещаем, как в 1876 году во время дебатов об амнистии, ибо все без исключения покраснели бы, если бы не покраснели в такой момент. Несомненно, как и у любого другого запрета, у запрета 1871 года есть свои группы и своя вражда, но все эти мнения исчезают за красным флагом, сопровождающим гроб товарища. Несомненно, имели место злобные манифесты, которые, однако, затрагивали только их авторов. Наконец, эти изгнанники не забыли своих братьев из Новой Каледонии и открыли для них постоянную подписку, центр которой находится в Лондоне. Плохая помощь, без сомнения; но эта частица ссыльных идет и говорит несчастному каторжнику Коммуны: "Мужайся, брат! твои товарищи не забывают тебя; они чтут тебя". Это рука раненого, протянутая умирающему.

Двадцать пять тысяч мужчин, женщин и детей, убитых во время сражения или после него; по меньшей мере три тысячи умерших в тюрьмах, на понтонах, в фортах или вследствие болезней, полученных во время плена; тринадцать тысяч семьсот осужденных, большинство пожизненно; семьдесят тысяч женщин, детей и стариков, лишенных своих естественных сторонников или изгнанных из Франции; по меньшей мере сто одиннадцать тысяч жертв - таков баланс буржуазной мести за одиночное восстание 18 марта.

Какой урок революционной энергии преподан рабочим! Правящие классы стреляют скопом, не утруждая себя выбором заложников. Их месть не длится ни часа; ни годы, ни жертвы не смягчают ее; они превращают ее в административную функцию, методичную и непрерывную.

В течение четырех лет Сельское собрание разрешало военным трибуналам действовать, и либеральный элемент, который после стольких выборов усилился, сразу же пошел по следу сельских жителей. Одно или два ходатайства об амнистии были отклонены предыдущим вопросом. В январе 1876 года, когда разошлось Сельское собрание, оно перевело нескольких осужденных из одной части Новой Каледонии в другую, сократило несколько сроков тюремного заключения и даровало полное помилование шестистам лицам, приговоренным к самым легким наказаниям. Каледонское водохранилище осталось нетронутым.

Но на всеобщих выборах народ не забыл побежденных. Во всех крупных городах *Амнистия* была лозунгом; она стояла во главе всех демократических программ; на всех публичных собраниях этот вопрос ставился перед кандидатами. Радикалы со слезами на глазах, приложив руки к братским сердцам, поклялись просить свободной и полной амнистии; даже либералы обещали "стереть последние следы наших гражданских раздоров", как обычно говорит буржуазия, когда она снисходит до чистки брусчатки, которая сама покраснела от крови.

Февральские выборы 1876 года были республиканскими. Известные слои гамбеттистов вышли на поверхность. Толпа юристов, либеральных землевладельцев, захватила провинции во имя свободы, реформ, умиротворения. Министр-реакции Баффета избивали по всей линии, даже в сельских уголках. Радикальные газеты провозгласили демократическую Республику раз и навсегда основанной, и одна из них в своем энтузиазме воскликнула: "Будь мы прокляты, если не положим конец эре революций!"

Надежды на амнистию теперь стали реальностью. Без сомнения, это было благом, которым Палата по выплате репараций ознаменовала свое радостное пришествие. Конвой осужденных собирался отплыть в Новую Каледонию. Виктор Гюго вызвал президента Мак-Магона, чтобы отложить отправление до обсуждения и принятия обеими палатами безусловно благоприятного решения. Петиция, составленная в спешном порядке, за несколько дней собрала более ста тысяч подписей. Вскоре вопрос об амнистии вытеснил все остальные, и министерство настояло на немедленном обсуждении.

На стол были выложены пять предложений. Только одно требовало полной амнистии. Остальные исключали преступления, квалифицируемые как общеуголовные, и среди которых были классифицированы газетные статьи. Палата назначила комиссию для составления отчета. Семь членов комиссии из десяти высказались против всех предложений.

Новые слои проявляли себя. Это всегда был один и тот же средний класс, лишенный идей и смелости, жесткий по отношению к людям, робкий перед цезарем, мелочный и иезуитский. Рабочим, уже расстрелянным в июне 1848 года Собранием республиканцев, предстояло увидеть, как в 1876 году Республиканское собрание заклепает цепь, выкованную сельскими жителями.

Предложение о полной амнистии было поддержано теми же радикалами, которые боролись с Коммуной или поддерживали М. Тьера. Теперь они были демократическими львами Парижа без социалистической прессы, без народных трибун, без истории Коммуны, за которыми следили военные трибуналы, всегда готовые к новым жертвам, лишенные всех революционных избирателей. В этом городе, которому он помог пустить кровь, были округа, оспаривавшие честь избрания Луи Блана. Депутатом Монмартра был тот самый господин Клемансо, который 18 марта поздравил Леконта со взятием пушки.

Он сделал скупое, искаженное, робкое разоблачение непосредственных причин событий 18 марта, но позаботился о том, чтобы не затрагивать истинных причин. Другие радикалы, чтобы сделать побежденных более интересными, стремились принизить их. "Вы абсолютно ошибаетесь относительно характера этой революции", - очень величественно заявил месье Локрой. "Вы видите в этом социальную революцию, где на самом деле был только приступ истерики и лихорадки". Г-н Флоке, выдвинутый от самого революционного округа, того, в котором пал Делеклюз, назвал движение "отвратительным". Г-н Марку мудро заявил, что Коммуна была "анахронизмом".

Никто, даже из крайне левых, не осмеливался смело сказать стране правду. "Да, они были правы, взявшись за оружие, эти парижане, которые помнили июнь и декабрь; да, они были правы, утверждая, что монархисты замыслили революцию; да, они были правы, что боролись насмерть против прихода священника". Никто не осмеливался говорить о массовых убийствах, призывать правительство к ответу за кровопролитие. Они были еще менее откровенны, чем парламентский запрос. Из этого слабого и поверхностного обсуждения очевидно, что они всего лишь хотели подтвердить свое слово, данное своим избирателям.

Для защитников, которые опустили так низко, ответ был достаточно прост. Как это сделали г-н Тьер и Жюль Фавр 21 марта 1871 года, министр Дюфор уместно изложил истинный вопрос, о котором шла речь. "Нет, джентльмены, - сказал он, - это не было общественным движением; это была по своим идеям, в своих мыслях и даже в своих действиях самая радикальная революция, которая когда-либо предпринималась в мире". И репортер Комиссии: "В нашей современной истории были часы, когда амнистия, возможно, была необходима, но восстание 18 марта ни с какой точки зрения нельзя сравнивать с нашими гражданскими войнами. Я вижу грозное восстание, преступное восстание, восстание против всего общества. Нет, ничто не обязывает нас возвращать осужденным Коммуны права граждан". Подавляющее большинство аплодировало Дюфору, воспевая дифирамбы военным трибуналам, и ни у одного радикала не хватило смелости протестовать, бросить вызов министру, чтобы тот представил хоть один документ, хоть одно обычное судебное решение. Этим крайне левым было бы легко возразить: "Молчите, фарисеи, которые позволяют убивать людей, а затем приходят умолять за них; немые или враждебные во время битвы, высокопарные после поражения". Адмирал Форишон отрицал, что осужденные Коммуны поставлены в равные условия с другими; отрицал жестокое обращение с ними; сказал, что осужденные жили в настоящем цветочном саду. Некоторые

непримиримые заявили, что "пытки возобновлены", и им был дан этот восхитительный ответ: "Это нас вы подвергаете пыткам".

18 мая 1876 года 396 голосов "против" против 50 "за" отклонили полную амнистию. Гамбетта не голосовал. На следующий день они обсудили одно предложение об амнистии, которое исключало лиц, осужденных за действия, квалифицированные военными трибуналами как общеуголовные преступления. Комиссия снова отклонила это ходатайство, заявив, что оно должно быть оставлено на милость правительства, которое пообещало значительное количество помилований. Радикалы немного поспорили, чтобы соблюсти приличия. Г-н Флоке сказал: "Мы никогда не должны сомневаться в намерениях правительства из-за великодушия и милосердия", - и это предложение было отвергнуто.

Два дня спустя в Сенате Виктор Гюго попросил амнистии в речи, в которой он провел сравнение между защитниками коммуны и участниками событий 2 декабря. Его предложение даже не обсуждалось.

Два месяца спустя Мак-Магон завершил эту лицемерную комедию, написав военному министру: "Отныне судебные преследования не должны проводиться без согласия единодушных чувств честных людей". Честные офицеры поняли. Осуждения продолжались. Несколько человек, осужденных заочно, которые отважились вернуться во Францию благодаря надеждам первых дней, были схвачены; вынесенные им приговоры были подтверждены. Организаторов рабочих групп беспощадно били, когда удавалось установить их связь с Коммуной.^[266] В ноябре 1876 года военные трибуналы вынесли смертные приговоры.^[267]

Это безжалостное упорство до такой степени встревожило общественное мнение, что радикалам снова пришлось немного взбодриться. Ближе к концу 1876 года они потребовали, чтобы Палата прекратила судебные преследования или, по крайней мере, ограничила их. Был принят иллюзорный закон; Сенат отклонил его; наши либералы рассчитывали на это.

Милосердие Мак-Магона было наравне со всеми остальными. На следующий день после отклонения ходатайства об амнистии Дюфор учредил консультативную комиссию по помилованию, состоящую из тщательно отобранных им самим функционеров и реакционеров. В то время в пенитенциарных учреждениях Франции содержалось 1600 человек, осужденных за участие в Коммуне, а количество отправленных выросло примерно до 4400. Новая Комиссия продолжила систему прежней, смягчила некоторые наказания, помиловала на несколько недель или месяцев, даже освободила двух или трех осужденных, которые были мертвы. Через год после своего заключения она отозвала из Новой Каледонии самое большее сотню наименее интересных заключенных.

Таким образом, Либеральная палата продолжала мстить Сельского собрания; таким образом, буржуазная Республика казалась рабочим враждебной их правам, возможно, более непримиримой, чем монархисты, оправдывая замечание одного из М. Министры Тьера заявили: "Прежде всего республиканцы должны быть против амнистии". Еще раз оправдался инстинкт народа 18 марта, когда они увидели в консервативной республике, предложенной им М. Это анонимное угнетение хуже, чем империалистическое иго.

В настоящее время, спустя шесть лет после массовых убийств, около пятнадцати тысяч мужчин, женщин и детей содержатся в Новой Каледонии или в изгнании.[268]

Какая остается надежда? Нет. Буржуазия была слишком сильно напугана. Призывы к амнистии, провозглашенные выборы не встревожат консервативных республиканцев или монархистов. Все очевидные уступки окажутся лишь множеством ловушек. Самые отважные, самые преданные погибнут в Баньо, на полуострове Дюко, на Иль-де-Пен.

Обязанность рабочих - выполнять свой долг, насколько это возможно сегодня.

Ирландцы после восстания фениев открыли сотни публичных подписок в пользу жертв. На их защиту в трибуналах было выделено около 1200 фунтов стерлингов. Трое мужчин, повешенных в Манчестере, получили утром в день своей смерти официальное обещание, что их семьи ни в чем не будут нуждаться. Это обещание было выполнено. Родители одного, жена другого были обеспечены, дети получили образование, приданое. Только в Ирландии пожертвования семьям превысили 5000 фунтов стерлингов. Когда была объявлена частичная амнистия, весь ирландский народ бросился на помощь амнистированным. Единственный журнал, *the Irishman*, за несколько недель получил 1000 фунтов стерлингов, по большей части в виде пенни и шестипеннисовых подписок. В качестве единственного пожертвования ирландцы из Америки прислали им 4000 фунтов стерлингов, а беднейшие из бедных ирландцев, эмигранты из Новой Зеландии, более 240 фунтов стерлингов. И это была вспышка не за один день. В 1874 году Семейный фонд политических заключенных по-прежнему получал 425 фунтов стерлингов. Общая сумма взносов превышает 10 000 фунтов стерлингов. Наконец, в 1876 году несколько фениев зафрахтовали судно и увезли нескольких своих товарищей, все еще находившихся в Австралии.

Во Франции все пожертвования для семей осужденных Коммуны не превышали 8000 фунтов стерлингов. Жертвы ирландцев исчислялись всего несколькими сотнями; жертвы Версаля должны исчисляться тысячами.

Ничего не было сделано для перевезенных "осужденных". Греппо, Луи Бланк и Ко., которые без мандата, без какого-либо надзора присвоили себе право централизовать подписку, распространять ее по своему усмотрению, таким образом сформировали себе свиту из семей тех, кого они предали. Они отказались передавать что-либо осужденным, то есть самым нуждающимся, которые в шести тысячах лье от Франции чахнут без средств к существованию и без возможности работать.

Понимаете ли вы, рабочие, вы, свободные? Теперь вы знаете, какова ситуация в целом и что собой представляют люди. Помните о побежденных не один день, а в любое время. Женщины, вы, чья преданность поддерживает и возвышает их мужество, позвольте агонии заключенных преследовать вас, как вечный кошмар. Пусть все мастерские каждую неделю откладывают что-нибудь из своей заработной платы. Пусть подписки больше не направляются в версальский комитет, а передаются в надежные руки. Пусть Социалистическая партия подтвердит свои принципы международной солидарности и свою мощь, спасая тех, кто пал из-за нее.

СНОСКИ:

[256] "Мы все помним одного из наших товарищей, Корселя, который заболел чахоткой легких в тяжелой форме. Он едва держался на ногах, когда ползал перед Комиссией. На обычный

вопрос Председателя он ответил только жалкой улыбкой, и в то время как один из молодых членов Комиссии, движимый, вероятно, жалостью при виде ходячего трупа, наклонился к уху старого хирурга, несомненно, с целью попросить отсрочки, последний ответил достаточно громко, чтобы его услышали пациент и несколько других заключенных: "Ба! акулам захочется чего-нибудь поесть." И акулам действительно было что поесть; менее чем через три недели после того, как мы вышли в море, наш друг Корсель был мертв, и мы сбросили его останки в последний общий резервуар ". Мы должны назвать имя этого друга акул; его зовут доктор Чанал. "Из четырех тысяч осужденных, которые проходили по делу до него, неизвестны десять случаев освобождения. И, возможно, о мотивах, которые диктовали это, можно будет лучше судить, когда станут известны следующие факты. Г-н Эдмон Адан, депутат от Сены, приехав на Иль-де-Ре, чтобы навестить г-на Х. Рошфора, который находился там взаперти, пригласил к себе в отель молодую женщину, которая предложила ему за скромную сумму в 1000 франков выхлопотать у главного врача отсрочку для его друга при отъезде. Ей нужно было сказать всего одно слово, заметила она, и старик подчинялся ее приказам". — *Отчет двух сбежавших заключенных из Новой Каледонии, Пасхалия Груссе и Журда, опубликованный "Таймс" 27 июня 1874 года.*

[257] Австралийские и английские журналы сообщили об этих страданиях, и версальское правительство ответило в своем журнале: "Новости о каторжном судне "Орн", переданные через английскую прессу, неточны во всех пунктах. Далеко не считая 420 случаев цинги, на этом судне было едва ли 360 случаев".

[258] Отчет Комиссии по помилованию, представленный в январе 1876 г. М. Мартелем и Ф. Вуазеном.

[259] В Иль-де-Пен 900 осужденных получили в общей сложности все 500 гектаров (около 100 акров). "Мы ошиблись относительно ресурсов, предлагаемых островом Пен", - философски заметил морской министр в 1876 году. "Я сказал это три года назад", - ответил месье Жорж Перен.

[260] Адмирал Рибур в своем расследовании заявляет, что в течение 1873 года инженерный департамент выплатил осужденным на полуострове 110 525 франков. Тогда мы должны перестать говорить, что осужденные не будут работать". — *Речь месье Жоржа Перена в поддержку амнистии, заседание 17 мая 1876 года.*

[261] Надзиратель первого класса был осужден за попытку убийства; другой, награжденный крестом Почетного Легиона, приговорен к семи годам каторжных работ за попытку убийства своей жены. Многих из них каждый день осуждали за пьянство.

[262] Подробности взяты из очень корректного и ни в коем случае не преувеличенного сообщения, которое Пасхаль Груссе и Журд опубликовали в *Times* после своего побега. С тех пор она была переиздана в виде брошюры.

[263] Два отъявленных убийцы.

[264] Поляк, осужденный за то, что в Париже стрелял в царя.

[265] Один из них дал полный отчет о своем побеге вместе с некоторыми интересными подробностями о Новой Каледонии: "Кругосветное путешествие" А. Байера.

[266] 22 декабря 1876 года барон, бывший делегат парижских бухгалтеров на Конгрессе рабочих, был вызван в третий военный трибунал, который обвинил его в том, что он был одним из секретарей военной делегации во время Коммуны. Барон был приговорен к ссылке в крепость. Во время допроса председатель сказал: "Суд примет к сведению, что обвиняемый по-прежнему испытывает те же чувства, что и в 1871 году, поскольку в 1876 году, как мы видели, он принимал участие в Конгрессе рабочих".

[267] Приложение XXXVIII.

[268] Еще в апреле 1877 года из Франции в Новую Каледонию было отправлено другое судно с 506 осужденными к транспортировке.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.—(Стр. 29.)

Центральный комитет обнаружил в бюро Военного министерства и в *Официальном* издании коммуны, опубликованном 25 апреля, следующее письмо верховного главнокомандующего артиллерией сухопутных войск генералу Сюзанне:

"Париж, 12 декабря 1870 года.

"Моя дорогая Сюзанна— я не нашел среди молодых помощников вашего протеже Хетцеля, а только месье Хесселя. Имеется в виду именно он? - Скажи мне откровенно, чего ты хочешь, и я это сделаю. Я пристрою его к своему штабу, где ему будет скучно от нечего делать, или же я отправлю его в Мон-Валерьен, где он будет подвергаться меньшему риску, чем в Париже (это для родителей), и где у него будет вид, что он стреляет из пушек в воздух по методу Ноэля.

"Расстегни пуговицы — свой рот, конечно. —Твой,

Гайод"

Упомянутый в то время Ноэль командовал Монт-Валерьеном.

II.—(Стр. 83.)

Роль Центрального комитета в течение дня 18 марта.

"Я хотел бы напомнить вам, что члены Комитета разошлись примерно в половине четвертого утра с 17-го на 18-е число. Перед началом заседания было решено, что собрание на следующий день состоится в одиннадцать часов вечера в реквизированной для этой цели школе на улице Басфруа.

"Несмотря на поздний час, ничего не произошло относительно действий, на которые решило правительство, и Комитет, только что созданный для рассмотрения своих полномочий и распределения поручений, не получил никакой информации, которая могла бы навести его на мысль о неизбежности опасности. Его военная комиссия еще не приступила к работе; она получила в свое распоряжение документы, заметки и протоколы предыдущей комиссии, и это было все.

"Вы знаете, как Париж проснулся утром 18-го. Члены Комитета узнали о событиях этой ночи из публичных слухов и официальных плакатов. Что касается меня, то, проснувшись около восьми часов, я поспешил одеться и направился на улицу Басфруа, пересекая площадь Бастилии, занятую парижской гвардией. Едва я вошел на улицу ла Рокет, как увидел, что люди начинают организовывать оборону. На углу улицы Нев де Лапп возводилась баррикада. Немного выше мне отказали в прохождении, несмотря на заявление, которое я сделал о своем качестве члена Центрального комитета. Мне пришлось подняться по улице Шаронн, в предместье, и вернуться в направлении улицы Сен-Бернар. На улице Сент-Антуанское Предместье еще не велись работы, но оживление там было велико. Наконец, к половине одиннадцатого я добрался до улицы Басфруа, которая была забаррикадирована с обеих сторон, за исключением прохода, отведенного для пушек, установленных на открытой территории этой улицы, которые по ходу возведения одну за другой отводили к разным баррикадам.

"Мне удалось, не без труда, попасть в классную комнату, где собрались некоторые из моих коллег. Там были граждане Асси, Прюдом, Руссо, Гуайе, Лавалетт, Жересм, Буи и Фужере. Как раз в тот момент, когда я вошел, вели младшего лейтенанта штаба, арестованного на улице Сен-Мор. Его допросили. Затем был вызван жандарм, но единственными бумагами, найденными у него, были плакаты, переданные одной из мэрий. Х. руководил этим делом и организовал во дворе нечто вроде тюрьмы. Я также видел, как оскверняли около пятнадцати человек, военных и гражданских, арестованных народом. Тем временем я узнал, что Бержере был отправлен принять командование на Монмартр, где за день до этого он был назначен *шеф-поваром легиона*. Варлен, приехавший сразу после меня, снова отправился в путь, чтобы организовать оборону Батиньоля. Арнольд тоже ненадолго появился, а затем отправился становиться во главе своего батальона. Комитет добавил к своим номерам граждан Одойно, Ферра и Биллиоре.

"В середине дня все еще ждали, какой ход примут события, и ничего не было решено. Я умолял некоторых моих коллег оставить Х. с его бесполезными допросами и перейти для обсуждения в другую комнату, которую мы занимали, поскольку в нее постепенно вторгались лица, незнакомые с Комитетом. Как только мы устроились, мы попросили нескольких граждан, готовых служить в нашем генеральном штабе, и информировать нас о ситуации в различных кварталах. Явилось большое количество людей. Мы разослали их во все стороны, чтобы сказать нашим коллегам, чтобы они поторопились, насколько это возможно, со строительством баррикад, собрали Национальную гвардию, приняли командование ею и указали пункты, куда мы должны переправлять наши сообщения.

- Из наших гонимых вернулись только четверо. Тот, кого мы послали в двадцатый округ, сообщил нам, что место сбора находится на улице Пари и в Менильмонтане, напротив нового мэрия. У Варлена возникли большие трудности с формированием Национальной гвардии Батиньоля. Один штаб собрал силы на площади дю Трон и направился к казармам Нейи, но солдаты закрыли ворота и приняли угрожающий вид. Брюнель вместе с Лисбон готовились угрожать казармам замка О.

Из других источников мы узнали, что приказов Комитета ждали. Дюваль обосновался в Пантеоне и ждал. Фальто прислал нам записку следующего содержания: "У меня пять или шесть батальонов на улице Севр; что мне делать?" Пинди вступил во владение мэрией третьего округа и набирал батальоны, преданные Комитету. Как только мы получили эти разведданные, были приняты некоторые меры для атаки.

"Пока обсуждались эти резолюции, Лулле прибыл, чтобы предоставить себя в распоряжение Комитета. Комитет не отдавал ему никакого официального приказа и ограничился сообщением, что стягиваются все силы, доступные для захвата Отель-де-Виль.

"Чтобы обеспечить передачу приказов, каждый из присутствовавших тогда членов клуба — подошли другие, но я не мог сказать, кто именно, — обязался доставить их в назначенное место. Итак, в три часа Комитет разошелся, оставив Асси и двух других членов в качестве постоянного подкомитета на улице Басфруа". - Выдержка из сообщения, адресованного автору членом Центрального комитета.

III.—(Стр. 160)

Вот письмо одного из них, впоследствии самого яростного врага этой революции, господина Мелина, генерального секретаря Министерства юстиции, написанное 30 марта председателю Совета коммуны:

Виль де Пари (*Первый округ, мэрия Лувра*).

"Гражданин Президент— я больше не обладаю достаточной физической силой после длительной усталости, чтобы сражаться посреди нашего Собрания, которому суждено обсудить так много серьезных вопросов. В таком случае я прошу вас принять мою отставку и мои искренние надежды на то, что Ассамблея сможет консолидировать Республику. Примите, гражданин Президент, выражение моих братских чувств,

- Жюль Мелин.

"30 марта 1871 года."

IV.—(Стр. 207)

Вот письмо, адресованное делегату на войне:—

"Гражданин, Извините, что я обращаюсь к вам с этими строками, и будьте так добры, примите во внимание просьбу, с которой я к вам обращаюсь.

"У меня три сына в рядах Национальной гвардии — старший в 197-м батальоне, второй в 126-м и третий в 97-м. Что касается меня, то я нахожусь в 177-м полку.

Однако у меня все еще остается один сын, самый младший. Ему скоро исполнится шестнадцать лет, и он всем сердцем желает быть зачисленным в какой бы то ни было батальон; ибо он поклялся своим братьям и мне, что возьмет в руки оружие, чтобы защитить нашу молодую Республику от палачей Версаля.

"Мы все согласились и дали клятву отомстить тому, кто падет от братоубийственных пуль наших врагов.

"Гражданин, тогда прими последнего из моих сыновей. Я от всего сердца отдаю его республиканскому отечеству. Делайте с ним, что хотите, направьте его в батальон по вашему выбору, и вы сделаете меня тысячу раз счастливее. —Примите, гражданин, мое братское приветствие,

Огюст Жулон,
"Гвардия 177-го батальона".

"Авеню д'Италия, 18, Париж,
12 мая 1871 года".

V.—(Страница 209.)

В дневниках того времени полно примеров их мужества. Одна цитата, взятая наугад из "Коммуны" от 12 апреля:

"В четверг, 6-го, в тот момент, когда 26-й батальон Сент-Уана защищал баррикаду на перекрестке дорог, четырнадцатилетний ребенок В. Тибо подбежал к мячам, чтобы дать защитникам что-нибудь выпить. Снаряды заставили федералов отступить, и они уже собирались пожертвовать провизией батальона, когда ребенок, несмотря на снаряды, прыгнул к бочке с вином, в которую он воткнул нож, крича: "Во всяком случае, они не будут пить нашего вина". В то же мгновение, схватив винтовку только что упавшего федерала, он зарядил ее, прицелился и убил офицера жандармерии. Затем, увидев повозку с запряженными в нее двумя лошадьми, возница которых только что был ранен, он вскочил на лошадей и спас повозку. Эжен

Леон Ванвьер, тринадцати с половиной лет, сумел спасти орудия на заставе Порт-Майо, несмотря на свое ранение".

VI.—(Стр. 217)

Префект полиции Валентин разослал следующий циркуляр комиссарам различных железнодорожных станций:

"Версаль, 25 апреля 1871 года.

"Глава исполнительной власти только что постановил, что с сегодняшнего дня все поезда с продовольствием и все поставки провизии, направленные в Париж, должны быть остановлены.

"Я прошу вас немедленно принять все меры, которые вы сочтете необходимыми для исполнения этого указа. Вы должны самым бдительным образом осмотреть все железнодорожные составы, все вагоны, направляющиеся в Париж, и отослать поставщикам всю провизию, которую сможете обнаружить.

"Для этой цели вы выступите с ... и с.

"Делегат функций префекта полиции.

"Валентин".

VII.— (Стр. 219)

" ... В сопровождении Франкеля и одного из моих братьев я направился к главпочтамту, который все еще занимали Национальные стражи порядка. Я был немедленно принят М. Рэмпонтом в окружении Административного совета. М. Рэмпонт сначала заявил, что он не признает полномочий Центрального комитета, который назначил меня; но я думаю, что это была чисто формальная предосторожность, поскольку он немедленно начал переговоры. Я сказал ему, что правительство 4 сентября, которое назначило его на эту должность, также было порождено революционным движением, и что, несмотря на это, он принял свой пост. Во время этой дискуссии он сказал нам, что он социалист-мутаулист, сторонник идей Прудона и, следовательно, враждебен коммунистическим идеям, которые только что восторжествовали с Революцией 18 марта. Я ответил, что Революция 18 марта была не триумфом социалистической школы, а прелюдией социальной трансформации, не ограниченной какой-либо конкретной школой, и что я сам принадлежу к школе мутаулизма. После долгого разговора, в котором он заявил, что готов признать власть Коммуны, название которой должно было быть присвоено через два-три дня, он предложил мне представить в Центральный комитет следующее обязательство. До того дня, когда Коммуна должна была принять решение, он обещал оставаться во главе Почтового отделения; он принял управление двумя делегатами Комитета. Я передал это предложение Вайану и А. Арно (которые передали мне мою кандидатуру), чтобы они могли проинформировать Комитет. Я напрасно ждал ответа.

"Коммуна собралась. Наверное, на второй день я затронул вопрос о почте. Это должно было быть изложено в порядке дня, но всегда в той путанице, которую можно найти в порядке этих дебатов, когда 30 марта рабочий пришел сообщить Пинди, что администрация Почтового отделения дезертирует. Коммуна немедленно проголосовала за мою кандидатуру и отдала мне приказ занять кабинет. Шардон отправился во главе батальона в сопровождении Вермореля и меня. Было семь или восемь часов вечера. Работа была закончена, и осталось лишь небольшое количество сотрудников. Некоторые встретили нас сочувственно, другие казались равнодушными. Шардон оставил охрану, и я провел ночь один в офисе.

"На следующий день, в три часа ночи, я прошелся по комнатам и дворам, куда сотрудники прибывали за первой доставкой. Рукописный плакат, развешанный во всех комнатах и дворах, предписывал служащим отказаться от своих услуг и возвращаться в Версаль под страхом увольнения. Я сорвал эти плакаты и призвал мужчин оставаться верными своим постам. Сначала была некоторая нерешительность, затем некоторые решили сплотиться вокруг меня.

В восемь часов пришли другие служащие; в девять часов еще больше. Они образовали группы в большом дворе, разговаривали, дискутировали, некоторые начали отступление, и их примеру вот-вот должны были последовать.

"Я приказал закрыть двери и по-военному занять их охраной; и я ходил от группы к группе, что-то обсуждая, угрожая. Наконец я отдал приказ каждому вернуться в свое бюро. Вслед за этим подошел ценный помощник, гражданин А., служащий почтового отделения, социалист, для которого у меня было письмо от друга. Последовало минутное замешательство. Отец семейства, пользовавшийся большим уважением, уверенный в скором повышении, он собирался рискнуть выгодным местом. Ноего колебание длилось всего несколько секунд. Он обещал мне свою помощь и верно оказывал ее до последнего дня. Он свел меня с гражданином Б., который вскоре стал моим заместителем. Оба они снабдили меня чрезвычайно полезной информацией об этом отделе, о котором я не знал самых простых деталей.

"Все начальники бюро покинули свои посты; то же самое произошло и со вторыми главными клерками, за исключением одного, который немедленно записался на больничный лист. А- и Б - собрали несколько друзей, главных клерков, которые долгое время выполняли всю работу начальников бюро. Гражданин С был назначен начальником почтовой службы Парижа.

"Все отделы бюро, за исключением двух, были закрыты и заброшены. Запасы были унесены, касса опустошена, что подтверждается протоколом, составленным комиссаром коммуны при содействии нескольких известных людей квартала, среди которых был г-н Бреле, с тех пор назначенный депутатом Парижа. Почтовых марок не хватало. Повозки отправились в Версаль.

"А., Б. и некоторые другие, отличавшиеся неутомимым рвением, приказали слесарям открыть слесарные мастерские в присутствии комиссаров квартала и наняли благонамеренных граждан, за обучением которых они следили. Но доставка писем была приостановлена на два дня, что вызвало недовольство общественности, и я был вынужден разъяснить факты на плакате. По истечении сорока восьми часов А. и Б. реорганизовали сбор и доставку писем.

"Все граждане, которые были приняты на службу в качестве вспомогательных работников, получали временно, пока можно было судить об их способностях, жалование в размере пяти франков в день.

"Случайно мы нашли несколько почтовых марок достоинством в десять сантимов на дне сундука. Камелина, назначенная директором Монетного двора, послала за пластинами и запасом и немедленно приступила к изготовлению марок.

"В первые дни связки писем из Парижа, предназначенные для провинций, принимались получателем из Со, у которого, без сомнения, не было точных инструкций; затем блокада была завершена. Отправка писем в провинции стала предметом ежедневной борьбы. Секретные агенты отправлялись бросать их в ящики офисов на десять миль вокруг. На письмах из Парижа только для Парижа были проставлены даты. Те, что отправлялись в провинции нашими контрабандистами, имели только почтовую марку, которая не позволяла отличить их от других. Когда Версаль узнал об этом маневре, он изменил расстановку марок. Мы расплатились в Париже тем, что отправили важные письма без предоплаты и приобрели марки в версальских бюро.

"Если бюро по отправке писем из Парижа все еще могло работать, то бюро по сбору писем из-за границы остановилось. Письма из провинций скапливались в Версале. Некоторые бизнесмены открыли агентства, где за очень высокую плату можно было получить письма, за которыми они отправлялись в Версаль. Эти люди эксплуатировали население, но мы не могли вытеснить их, и мы были вынуждены закрыть на это глаза. Мы ограничились некоторым сокращением прибыли, вычитая из каждого письма почтовые расходы из Парижа в Париж, так что они не могли за счет этого собрать сумму, установленную их рекламой.

"Усилия Версаля по дезорганизации восстановленных почтовых служб несколько раз терпели неудачу благодаря бдительности наших двух инспекторов. Однако мы не смогли помешать успеху всех их попыток подкупа.

"С первых дней апреля мы учредили совет при почтовом отделении, состоящий из делегата, его секретаря, генерального секретаря, всех руководителей служб, двух инспекторов и двух старших почтальонов. Почтальонам, *стражам порядка* и сортировщикам повысили зарплату, увы, очень незначительно! потому что наши квитанции, значительно сократившиеся, не позволяли нам быть очень либеральными.

"Мы приняли решение об отмене, если не абсолютной, то, по крайней мере, частичной, срока службы в качестве нештатного сотрудника, который был сокращен до строго необходимого срока. Отныне пригодность рабочих должна была подтверждаться тестами и экзаменами, а также количеством и качеством их труда ". — Выдержка из отчета, адресованного автору Theisz.

VIII.—(Стр. 220.)

Ограничения этого Приложения вынуждают меня составить резюме чрезвычайно интересных отчетов Файе и Луи Дебока о прямых налогах и Национальной типографии:—

"Вечером 24 марта Файе и Комбо (из the International) явились в управление прямых налогов. На основании письменного заявления о том, что он поддавался угрозам, директор передал им ключи. Гражданин Х., который был досконально знаком с административными порядками, очень быстро предоставил себя в их распоряжение.

"Первоначальный реестр и другие материалы для сбора налогов исчезли. Было решено, что налоги должны взиматься в соответствии со списком 1869 года. *Персонал* из сорока коллекторских компаний, оценщики, служащие, составлявшие список, сбежали. Сборщиков сменили сорок граждан, некоторые из которых были рабочими, принадлежащими к Интернационалу, остальные - клерками коммерческих домов или правительственных учреждений. Некоторые из старых чиновников, которые не ушли в отставку, были сохранены, но под присмотром надежного человека. Присутствие гражданина Х. побудило большое количество сотрудников прийти и работать под началом новых директоров.

Служба прямых налогов состояла: для *внутренних* из директора, главного администратора, генерального секретаря, двух заместителей секретаря, одного начальника налогового бюро и списков, главного бухгалтера, пяти других бухгалтеров и двух инспекторов отделов сбора налогов; для *внешних* дел — из сорока сборщиков налогов, каждому помогали два или три клерка, разносчик судебных повесток и агент со своими бухгалтерами на таможенном складе вина.

"Раз или два в неделю директор совершал обход всех офисов коллектора, которые инспекторы посещали каждый день. Каждый сборщик налогов приносил кассиру направления квитанции за предыдущий день. Кассир каждый вечер представлял декларации администрации и передавал в Центральную кассу Финансового департамента все, что не требовалось для общих расходов службы.

"Служба прекратилась вечером в субботу, 25 мая. Сотня клерков, не считая свой долг перед Коммуной полностью выполненным, сформировали отряд разведчиков, пост которых был учрежден в пресвитерии Тампль-де-Биллетт".

"18 марта, в пять часов вечера, Пинди и Луи Дебок явились с батальоном в Национальную типографию и обосновались там. Директор Оре спустился вниз, попытался договориться, а затем снова поднялся в свои апартаменты. Вечером Дебок пошел к нему, чтобы попросить список рабочих. Оре воспользовался случаем, чтобы выразить протест против своего республиканства, сказал, что он бывший редактор *National*, друг Марраста, Араго и др., и что движение 18 марта не имело *смысла существования* вообще. Ему было отведено несколько дней на удаление.

"Весь *персонал* был сохранен, за исключением директора, заместителя директора, надсмотрщика и начальника завода Феликса Деренемесниля, которого все искренне ненавидели за его жестокость и несправедливость. Они распространили за границей информацию о том, что у Центрального комитета нет денег и что рабочим не будут платить. В ответ Дебок вывесил в мастерских плакат с приказом дня, гарантирующий заработную плату от имени Центрального комитета.

"В конце марта, по предписанию Версаля, все служащие и руководители служб, за очень немногими исключениями, покинули типографию после получения своего жалованья. Новый директор воспользовался этим, чтобы назначить новых мастеров мастерских самими рабочими. На должности заведующих типографией был проведен конкурс. Поскольку администрация улицы Пажевен чинила препятствия на пути размещения плакатов с декретами и прокламациями, Дебок посоветовал рабочим, расклеивающим рекламные плакаты,

объединиться. Они так и сделали; их заработная плата увеличилась на 25%, а типография сэкономила 200 франков в день.

"Основная часть заработной платы была значительно снижена; заработная плата низших клерков и рабочих возросла. 18 марта рабочим и женщинам причиталось двухнедельное жалование, а служащим - недельное. Коммуна погасила эти долги. Победивший Версаль отказался выплачивать рабочим заработную плату за несколько дней. Однако администрация Версаля обнаружила, что склады нетронуты и находятся в идеальном порядке.

"Бюджет ежемесячных расходов до 18 марта вырос до 120 000 франков, из которых 23 000 были покрыты зарплатой функционеров, служащих и т. Д. После этой даты расходы не достигали 20 000 франков в неделю, включая расходы на размещение рекламных плакатов.

"После коммуны Республиканский союз объявил в журналах, что он спас Архивы и Национальную типографию от пожара. Это была ложь, что подтверждается приказом, отправленным 24 мая в Архив по запросу Дебока.

"Приказываю.—Архивы не сжигать.— Полковник, командующий Ратушей, Пинди.

Что касается типографии, то она была занята Дебоком вплоть до вторжения в квартал. В ночь на 24-е он послал запрос в Комитет общественной безопасности о документах и статейках, необходимых для составления *Официального журнала*. На следующий день, не получив ответа, а версальцы продолжали наступление, он отправился в Бельвиль, где по его приказу были напечатаны три прокламации или плаката, появившиеся в последующие дни".

IX.— (Стр. 241)

"Конечно, общинный принцип должен был быть очень силен сам по себе, чтобы продержаться шестьдесят дней против таких дураков". *За кулисами коммуны, "Журнал Фрейзера", декабрь 1872 г.*

"Победить было так легко, что потребовалась двойная доза тщеславия и невежества, которыми были набиты слабые мозги большинства членов Коммуны, чтобы помешать народу одержать победу". — *Парижская коммуна 1871 года, "Журнал Фрейзера", март 1873 г.*

"Он (Делеклюз) только однажды осмелился напасть на меня в лицо, но это привело к такому замешательству для него самого, и он вышел из этого дела таким удрученным, что на будущее ограничился тем, что строил заговоры против нас за моей спиной, в то время как в моем присутствии он был настолько вежлив, насколько это было возможно". — *За кулисами коммуны, "Журнал Фрейзера", декабрь 1872 г.*

X.— (Стр. 250.)

На суде над членами Коммуны адвокат Асси зачитал письмо, которое заключенные в Германии прислали его клиенту:

"Гражданин Асси— значит, вы больше не думаете вместе с Центральным комитетом дрянных, что мы устали от ваших фарсов и эволюций без цели и без ограничений.... Горе тебе, потопитель народа! Все возможные неудачи обрушатся на вас и в результате ваших действий, лишенных здравого смысла и способностей, вызовут ненависть заключенных, содержащихся в Германии, и суровое наказание, которому вас безжалостно подвергнут уважаемые представители всей Франции. Оказавшись за границей, последний из заключенных пойдет и вонзит в сердце виновного кинжал, который должен вернуть безопасность законному правительству. Будьте готовы к приговору, который приготовили для вас все заключенные в Германии.... Смерть повстанцам! Смерть адскому комитету! Трепещите, разбойники!

"Замечен и одобрен всеми заключенными Магдебурга, Эрфурта, Кобленца, Майнца, Берлина" и т. Д.

Далее следуют подписи.

XI.— (Стр. 267)

Один из отчетов Ларока заканчивался так:

"Я посылаю вам имена друзей порядка и агентов, оказавших вам величайшую услугу. Жюль Массе, П. Вердые, Сигизмунд, Галле, Тарьест, Онобеде, Туссен, Артур Селлион, Джулия Франциск Балтид, Э. Филипс, Салоухихт, Маниэль, Долсанд (42-й батальон), Роллен, Верокс (семинарист), Д'Антон, Сомме, Кремонати, Ташер де ла Пажери, Жозефина Легро, Юпитер (полицейский агент), управляющий кафе Суэд, владелец мадридского кафе, Лючия, Германс, Амели, маленькая Селестина из кафе "Пренс", Камилла и Лаура (кафе "Петерс"), мадам дю Вальди (Сен-Жерменское предместье), Лейнхасс (пивовар).

XII.— (Стр. 268)

Вот что произошло между Комитетом общественной безопасности и Домбровским:—

"Последний пришел к нам однажды вечером и сообщил нам, что с помощью одного из его офицеров (Хатцингера) Версаль сделал ему предложение и попросил назначить встречу. Он спросил нас, нельзя ли извлечь из этого что-нибудь полезное для Коммуны. Мы решили позволить ему попробовать взять интервью при условии, что он расскажет нам все, что произошло. В тот вечер мы поручили кому-то проследить за ним и арестовать, если он сдастся. С этого времени за Домбровским велось пристальное наблюдение — именно благодаря этому наблюдению он не был похищен версальцами, которые использовали женщину, чтобы заманить его в окрестности Люксембурга, — и я заявляю, что мы не узнали ничего такого, что могло бы ослабить наше доверие к нему.

"Он пришел на следующий день и сказал нам, что ему предложили миллион при условии, что он предаст одни из ворот. Он назвал нам имена тех, кого видел; среди прочих был кондитер с площади Бирж, адрес подкупщиков (8 Rue de la Michaudière) и объявил о другой встрече на

следующий день.... Он объяснил нам, как заманит несколько тысяч версальцев в Париж, чтобы взять их в плен. Мы с Пиатом воспротивились этой попытке. Он не настаивал, но потребовал, чтобы на следующий день ему предоставили 20 000 человек и несколько гаубиц. Он решил привлечь версальские войска внезапным нападением в пределах досягаемости укреплений.... Из 20 000 человек удалось собрать только 3 000 или 4 000, и вместо 500 артиллеристов прибыло только пятьдесят". —*Выдержка из сообщения, адресованного автору членом Комитета общественной безопасности.*

XIII.— (Стр. 274)

Вот выдержка из доклада , адресованного муниципальному совету Тулузы делегатами , отправленными в Версаль на имя М. Тьер и крайне левые депутаты, чтобы разобраться в ситуации:—

Затем мы обратились за информацией к членам крайне левых; Мартину Бернару, компаньону и другу Барбеса, Луи Блана, Шельхера и других.

"Месье Луи Блан дал нам самую точную информацию. Бесполезно, сказал он нам, снова пытаться примириться; слишком велика враждебность с обеих сторон. Кроме того, с кем можно вести переговоры в Париже? Эти разные и враждебные силы борются за власть.

Во-первых, это *Коммуна*, результат выборов, в которых приняло участие лишь небольшое число выборщиков, состоящих в основном из неизвестных людей, сомнительных способностей, а иногда даже сомнительной чести.

Во-вторых, *Комитет общественной безопасности*, назначенный коммуной, но вскоре пришедший к насильственному разрыву с ней, потому что он хотел руководить диктаторски.

В-третьих, *Центральный комитет*, сформированный во время осады и состоящий главным образом из агентов Интернационала, занятых исключительно космополитическими интересами и очень мало заботящихся об интересах Парижа или Франции; именно этот Центральный комитет распоряжается пушками и боеприпасами, одним словом, почти всеми материальными силами.

Ко всему этому следует добавить бонапартистское и прусское влияния, более или менее очевидное действие которых легко проследить во всех трех державах.[\[269\]](#)

"Парижское восстание, - продолжал г-н Луи Блан, - законно по своим мотивам и своей первой цели — отмене муниципального избирательного права Парижа. Но вмешательство Центрального комитета и проявленные претензии на управление всеми другими коммунаmi Республики совершенно изменили его характер. Наконец, восстание в присутствии прусской армии, готовой войти в Париж в случае победы Коммуны, заслуживает полного осуждения и должно быть осуждено каждым истинным республиканцем. Вот почему мэры Парижа, левые из Собрания и крайне левые, не колеблясь, протестовали против восстания, которое присутствие прусской армии и другие обстоятельства могли бы сделать преступным.

"Месье Мартин Бернар придерживался того же языка и говорил почти в тех же выражениях. "Если бы Барбес был еще жив, - воскликнул он, - его сердце было бы разорвано, и он тоже осудил бы это роковое восстание".

"Все остальные люди, которых мы смогли увидеть... мм . Анри Мартен, Бартелеми Сент-Илер, Гумберт, Виктор Лефранк и другие говорили с нами в том же духе, и это единодушие не могло не произвести на нас глубокого впечатления".

XIV.— (Стр. 290)

Это текстовая копия доклада, адресованного версальскому генеральному штабу:

"В *систему контроля* были внесены изменения 17-го, 18-го и 19-го числа.

"У нас был версальский корпус (генерала Дуэ).

"На пороховом складе в Раппе произошел взрыв, как я вам уже докладывал. Было несколько убитых и много раненых.

"Полицейский комиссар Комиссии безопасности произвел около сорока арестов. Число пострадавших в результате взрыва оценивается примерно в 125 человек.

"Сержант Туссен (3-я батарея, 2-й эскадрон) был арестован коммуной. Говорят, что этот храбрый офицер застрелен.

"По нашим сведениям, больных увезли либо накануне, либо утром в день катастрофы в Отель инвалидов. В тот день работниц, а не мужчин, отправили домой раньше.

"Чиновник Контрольно-ревизионной службы больницы Гро-Кайю, месье Бернар, вел себя очень хорошо.

"Я рекомендую господину министру добрую волю, господину Жанвье, Берталону (?), Модюиту, Морелли и Сигизмунду, людям, пользующимся превосходной репутацией.

"Они желают получить крест или важную должность коллекционера.

- Сигнальные услуги были оказаны мадам Броссе и мадемуазель Жигу. Именно в доме последнего я прятался восемь дней, пока люди Риго искали меня.

"Эта женщина очень преданна; она живет в квартале Гро Кайю, на улице Доминика Сен-Жермена. Она дочь бывшего офицера. Она была бы рада иметь табачную лавку". —*Отчет командера Джерриэта, бывшего командира эскадрильи.*

XV.—(Стр. 325)

Этот факт был категорически опровергнут М. Э. Белграндом, директором Службы автомобильных дорог общего пользования, перед Комиссией по расследованию событий 18 марта (том iii, стр. 352-353).

"Повстанцы ничего не предпринимали с канализацией. Короче говоря, я могу подтвердить, что с 18 марта вплоть до вступления войск в Париж вообще не предпринималось никаких попыток проникнуть в канализацию; что там не было устроено никаких камер; что не было введено ни зажигательных или взрывчатых веществ, ни проводов, предназначенных для поджога мин или зажигательных веществ".

XVI.— (Стр. 329)

The *Bien Public*, орган г—на Тьера, руководимый Вриньо, опубликовал в своем номере от 23 июня 1871 г.:

"Весь Париж сохранил память о той ужасной канонаде, которая велась с Монмартра в последние три дня гражданской войны по холмам Шомон, Бельвиль и Пер-Лашез. Вот несколько очень точных подробностей того, что происходило тогда на вершине холма, за батареями на улице Розье № 6.

"В этом доме, столь печально прославленном, была учреждена должность провоста во главе с капитаном егерей. Поскольку жители квартала соперничали друг с другом в усердии в разоблачении повстанцев, арестов было много. По мере прибытия заключенных их допрашивали.

"Их заставили молча опуститься на колени с непокрытыми головами перед стеной, у подножия которой были убиты несчастные генералы Леконт и Клеман-Тома. Они оставались так несколько часов, пока на их место не пришли другие. Вскоре, чтобы уменьшить жестокость в этом почетном деле, заключенным разрешили сесть в тени, но всегда напротив стены, вид которой готовил их к смерти, и вскоре после этого главные виновники среди них были расстреляны.

"Оттуда их отвели на несколько шагов к склону холма, в то место, где во время осады находилась батарея, обзоревавшая дорогу Сен-Дени. Именно туда же был доставлен Варлин, которого им с большим трудом удалось защитить от насилия толпы. Варлин назвал свое имя и не предпринял никаких попыток избежать ожидавшей его участи; он умер в игре.

В. Б."

XVII.— (Стр. 338)

За день до этого, в пять часов, в тот момент, когда багаж Военного министерства прибыл в Отель-де-Виль на авеню Виктория, на двух охранников, несших сундук, напал с топором человек, одетый в блузу и кепку. Один из федералов упал замертво. Убийца, немедленно

схватившись за него, закричал: "Вам конец! вам конец! Верните мне мой топорик, и я продолжу." У этого сумасшедшего комиссар полиции Ратуши нашел документы *иливрею*, доказывающие, что он служил в *городском сержантском полку*.

Вечером во вторник человек, одетый в форму офицера свободного корпуса, пришел за распоряжениями в Отель-де-Виль. Комендант того же корпуса вошел в зал, увидел этого офицера и, не узнав его, спросил, как его зовут. Последний пришел в замешательство: "Но нет, вы не один из моих людей", - сказал комендант. Этот человек был арестован и признан носителем версальских инструкций и приказов.

Измена принимала самые разные формы. Тем же утром в Бельвиле, на площади Праздников, Ранвье и Франкель услышали, как барабанщик зачитывает Федеральной гвардии приказ не покидать свои округа. Ранвье, допросив барабанщика, узнал, что приказ исходил от генерала дю Биссона.

XVIII.— (Стр. 348)

Полковник Гайяр, начальник военных тюрем, допрошенный *Комиссией по разведке* относительно ценных предметов, найденных у повстанцев, ответил: "Я не могу предоставить вам никакой информации по этому поводу. Там были ценности, которые не были отправлены в Версаль. Несколько дней назад я встречался с министром Дании. Он пришел узнать, что стало с суммой в 100 000 франков, изъятой у одного из его соотечественников, застреленного возле ратуши. Его министр сказал мне, что ему не удалось получить никакой информации. В Париже произошло много событий, о которых мы ничего не знаем". — *Исследование 18 Марта, полковник Гайяр*, т. 2, с. 246.

XIX.— (Стр. 351)

Узнаем ли мы когда-нибудь обо всех фальшивых спекулянтах, коммерсантах, у которых не осталось средств, людях на грани банкротства, которые воспользовались пожарами, чтобы свести счеты? Сколько кричало "Смерть!" тех, кто сам только что поджег бензин.

10 марта 1877 года суд присяжных Сены приговорил к десяти годам каторжных работ разорившегося бонапартиста Приера де ла Комбле, признанного виновным в поджоге собственного дома с целью получения крупной премии от компаний, в которых он был застрахован. Он подготовил свое преступление с величайшим *хладнокровием*, выкрасил стены, пропитал гобелены керосином, позаботился о девяти различных очагах возгорания. Его отец, бывший мэр первого округа, обанкротился на сумму 1 800 000 франков, и на закате Империи против него было возбуждено дело о банкротстве. Итак, 24 мая 1871 года сгорели дома обвиняемого на улице Лувр, его отца на улице Риволи и правопреемника банкротства на Севастопольском бульваре, и в результате этих тройных пожаров исчезли бухгалтерские книги и квитанции. Этот факт был упомянут только в суде присяжных, и председатель ограничился тем,

что сказал, что это странно. Он позаботился о том, чтобы не допрашивать Приера; а всем известно, что председатели судов присяжных обычно не стесняются выяснять прошлое обвиняемого.

Причина этой необычайной скрытности заключалась в том, что нельзя было обвинять армию и военные трибуналы, которые расстреляли или осудили нескольких *нефтяников* за поджог этих самых домов, подожженных приером де ла Комблем.

XX.— (Стр. 368)

"... Слева от нас, на улице Вожирар, появился пикет солдат. Они маршировали в две шеренги. Посреди них был Мильер.

"Он был одет точно так же, как я видел его несколько месяцев назад в Бордо на трибуне Ассамблеи и в Республиканском кругу — черные брюки, темно-синее пальто, плотно застегнутое на все пуговицы, высокая черная шляпа.

Пикет остановился перед дверью Люксембургского дворца. Один из солдат, державший винтовку за конец ствола, крикнул: "Это я его схватил! это я имею право застрелить его!" Там было около сотни человек обоего пола и всех возрастов. Многие кричали: "Смерть ему! пристрели его!"

"Национальный гвардеец с трехцветной нарукавной повязкой схватил Мильера за запястье, отвел его в правый угол и прислонил к стене, после чего он удалился.... Мильер снял шапку, положил ее на пьедестал колонны, скрестил руки на груди и спокойно и хладнокровно посмотрел на войска. Он ждал.

"Вокруг нас допрашивали солдат. "Кто это?" - спросили одного из них, и я услышал, как он ответил: "Это Майер".

"Из Люксембургского дворца вышел священник; на нем была сутана прямого покроя и высокая шляпа. Подойдя к Мильеру, он сказал ему несколько слов и указал на небо.

Без показухи, но с очень твердой и спокойной позицией Мильер, казалось, поблагодарил его и покачал головой в знак отказа. Священник удалился.

Из дворца вышли два офицера и обратились к заключенному. Один из них, которого первый, по-видимому, вел, поговорил с ним минуту или две. Мы услышали звуки голосов, не понимая слов, которыми обменивались, затем я услышал команду: "К Пантеону!"

Пикет перестроился вокруг Мильера, который надел шляпу, и кортеж снова двинулся по улице Вожирар в направлении Пантеона.

Мы подошли к перилам одновременно с пикетом. Дверь открылась и закрылась за ними. Поставив ноги на каменную балюстраду, я обхватил обеими руками верхнюю часть перекладин; моя голова не касалась их, потому что эти перила низкие. Рядом со мной солдат, внутренний часовой, отвечал каким-то проституткам, которые задавали ему вопросы; его локоть, прислоненный к перилам, коснулся моего.

Пикет отряда остановился и почти прислонился к закрытой двери. Мильера провели между двумя колоннами центра. Добравшись до места, где ему предстояло умереть, и поднявшись на последнюю ступеньку лестницы, он обменялся несколькими словами с офицером. Порывшись в кармане своего пальто, которое он только что расстегнул, он достал какой-то предмет, который, как я предположил, был письмом, и передал ему, а также часы и медальон. Офицер взял их, затем схватил Мильера и поставил его таким образом, чтобы в него можно было выстрелить сзади. Последний резким движением повернулся и, скрестив руки на груди, повернулся лицом к отряду. Это единственное движение негодования или ярости, которое я у него видел.

Они обменялись еще несколькими словами; Мильер, казалось, отказывался подчиняться приказу. Офицер спустился вниз. Мгновение спустя солдат схватил того, кого должны были застрелить, за плечо и заставил преклонить колено на каменной плите.

Только половина винтовок взвода была направлена на него; остальные оставались в руках солдат. За это время, полагая, что настал его последний миг, Мильер трижды прокричал: "Да здравствует Республика!"

Офицер, приблизившийся к пикету отряда, приказал снова поднять винтовки, которые были слишком поспешно опущены, а затем указал своей саблей, как будет отдан приказ стрелять.

"Vive le peuple! Vive l'humanité," cried Millière.

Солдат на посту, чей локоть коснулся моей руки, ответил на последние слова так: "На ва-тен-фур-де-юманите!" Я едва успел их расслышать, как Мильер упала, как громом пораженная.

"Военный, который, как я полагаю, был унтер-офицером, поднялся по ступенькам, подошел к труп, опустил винтовку и выстрелил в упор в район левого виска. Взрыв был таким сильным, что голова Мильера дернулась и, казалось, была вывернута назад. Дождь в течение трех четвертей часа бил ему в лицо; облако пудры осело на нем.

"Лежащий на боку, со сложенными руками, с распахнутой и в беспорядке сброшенной при падении одеждой, с почерневшей, как будто разорванной головой, он, казалось, смотрел на фронтиспис памятника, его труп был чем—то ужасным ..." -*О смерти Мильера рассказал месье Луи Ми, Генеральный консул Дордони, муниципальный советник Периге, депутат Палаты от Бордо.*

Мадам Мильер возбудила судебное дело против штабс-капитана Гарсена, убийцы ее мужа, и судебный процесс был прерван следующим письмом:

"Версаль, 30 июня 1873 года.

"Капитан Гарсен из Генерального штаба, приданный 2-му корпусу, во время второй осады Парижа выполнял только приказы, данные ему начальством. Таким образом, он никоим образом не может быть привлечен к ответственности за действия, которые были результатом этих приказов. Ответственность лежит исключительно на тех, кто отдавал приказы.

- Военный министр,
Де Сисси.

XXI.— (Стр. 371)

К числу невинных жертв наших гражданских разногласий мы с прискорбием должны добавить имя молодого человека двадцати семи лет, мсье Фано, доктора медицины.

"Доктор Фано с начала войны работал в Международной службе скорой помощи. В течение всей осады Парижа он не переставал с ревностной преданностью ухаживать за ранеными.

После революции 18 марта он остался в Париже и возобновил службу в машинах скорой помощи.

"25 мая он был на дежурстве в Большом семинарии Сен-Сюльпис, где федералы установили машину скорой помощи.

"Когда армия овладела перекрестком дорог у Круа-Руж, она продвинулась до самого Места.

"Рота линейных солдат подошла к дверям семинарии, где развевался флаг Женевы.

"Офицер, который командовал, попросил разрешения поговорить с начальником скорой помощи. доктор Фано, который выполнял эту функцию, представился сам.

"Здесь есть федералы?" - спросил его офицер.

"У меня только раненые, - ответил мсье Фано, - это федералы, но они уже несколько дней находятся в моей машине скорой помощи".

"В тот момент, когда он заканчивал эти слова, из одного из окон первого этажа раздался выстрел и попал в солдата.

"Этот выстрел был произведен одним из раненых федералов, который выбрался из своей кровати и добрался до окна.[\[270\]](#)

Офицер немедленно в ярости бросился на доктора Фано, крича ему: "Вы лжете, вы расставили нам ловушку; вы друг этих негодяев; вы будете расстреляны".

Доктор Фано понимал, что бесполезно пытаться оправдаться; кроме того, он не оказал сопротивления расстрельной группе.

"Через несколько минут после этого несчастный молодой человек упал, сраженный десятью пулями.

"Мы знали доктора Фано и можем подтвердить, что он не только не сочувствовал членам Коммуны, но сожалел об их роковых ошибках и с нетерпением ждал восстановления порядка". - *Le Siècle*.

XXII.— (Стр. 383)

В *National* от 29 мая появилось следующее:—

"Париж, 28 мая 1871 года.

"Сэр, в прошлую пятницу, в то время, когда на бульваре Сен-Мишель подбирали трупы, несколько человек в возрасте от девятнадцати до двадцати пяти лет, одетых как состоятельные люди, сидели с веселыми женщинами внутри и у дверей некоторых кафе этого бульвара, предаваясь с ними скандальному веселью.—Ассепт, Monsieur le rédacteur, &c.,

Дюамель.

- Бульвар д'Энфер, 55.

Факты, упомянутые выше, повторялись каждый день.

The "*Журналь де Пари*", версальский журнал, запрещенный коммуной, писал:—

"Манера, с которой население Парижа вчера выражало свое удовлетворение, была более чем легкомысленной, и мы опасаемся, что со временем ситуация будет усугубляться. У Парижа сейчас праздничный вид, что, к сожалению, неуместно; и если мы не хотим, чтобы нас называли парижанами эпохи упадка, такого рода вещам должен прийти конец ". Затем он процитировал отрывок из Тацита: "И все же на следующий день после этой ужасной борьбы, еще до того, как она полностью закончилась, Рим, деградировавший и развращенный, снова начал барахтаться в сладострастной трясине, которая разрушала его тело и загрязняла его душу —*alibi proelia et vulnera, alibi balnea popinaeque*— "здесь драки и раны, там бани и рестораны".

XXIII.— (Стр. 384)

Версальские журналы сообщили о 1600 заключенных, похороненных на кладбище Пер-Лашез. В "*Национальном мнении*" от 10 июня говорилось: —

"Мы не хотим покидать Пер-Лашез, не поприветствовав взглядом христианского сострадания эти глубокие траншеи, где лежат погребенные повстанцы, взятые в плен с оружием в руках, и те, кто не сдался.

Они искупили свою преступную глупость актом правосудия без суда и следствия. Пусть Бог сжалится над ними!

Давайте попутно опровергнем преувеличенные слухи, которые были распространены по поводу казней на Пер-Лашез и в окрестностях.

"Из определенной информации — мы бы даже рискнули сказать, из официальных заявлений — следует, что на этом кладбище было похоронено, *расстреляно* или убито в бою, всего *тысяча шестьсот человек*".

Но следующий отчет о казни Ла Рокета был предоставлен мне очевидцем, который едва избежал смерти:

"Я вернулся к себе домой в субботу вечером. В воскресенье утром, когда я переходил бульвар принца Евгения, я был взят в плен. Нас проводили в Ла Рокет. У входа стоял командир батальона. Он оглядел нас; затем, кивнув головой, сказал: "Направо" или "налево". Меня послали налево. "Ваше дело улажено", - сказали нам солдаты. "Вы будете расстреляны, *каналы!*" Нам приказали выбросить спички, если они у нас были, а затем был дан сигнал идти дальше.

Я был последним в колонне, рядом с сержантом, который нас вел. Он посмотрел на меня. "Кто вы?" - спросил он меня. - Профессор. Меня схватили сегодня утром, когда я выходил из своего дома. "Без сомнения, мой акцент и элегантность моей одежды поразили его, потому что он добавил: "У вас есть какие-нибудь документы?" "Да". "Идемте!" - и он отвел меня обратно к командиру батальона. - Командир, - сказал он, - это ошибка. У этого молодого человека есть его документы." "Хорошо, - ответил офицер, не глядя на меня, - направо".

Сержант увел меня. Пока мы шли, он объяснил мне, что заключенные, которых отвели налево, были расстреляны. Мы уже подошли к двери справа, когда за нами побежал солдат: "Сержант, комендант говорит, чтобы вы отвели этого человека налево".

"Усталость, отчаяние от поражения, обессиление, вызванное столькими страданиями, лишили меня всяких сил оспаривать свою жизнь. "Что ж, пристрелите меня, - сказал я сержанту. - Для вас это будет еще большим преступлением! только верните эти бумаги моей семье", - и я повернулся налево.

Я уже заметил длинную цепочку людей, выстроившихся у стены, другие лежали на земле. Напротив них трое священников читали в своих требниках молитвы умирающих. Еще несколько шагов, и я был мертв, как вдруг кто-то схватил меня за руку. Это был мой сержант. Он силой отвел меня обратно к офицеру. "Комендант, - сказал он, - мы не можем застрелить этого человека. У него есть документы!" "Дайте мне посмотреть", - сказал офицер. Я протянул свою записную книжку, в которой лежала карточка сотрудника Министерства торговли во время первой осады. - Направо, - сказал комендант.

"Вскоре справа было более 3000 пленных. Все воскресенье и часть ночи рядом с нами раздавались взрывы. В понедельник утром прибыл взвод. "Пятьдесят человек", - сказал сержант. Мы думали, что нас будут расстреливать группами, но никто не пошевелился. Солдаты взяли первые пятьдесят, которые им попались. Я был в их числе. Нас отвели на знаменитую левую сторону.

"На пространстве, которое казалось нам бесконечным, мы увидели кучи трупов. "Соберите весь этот мусор, - сказали нам сержанты, - и сложите его в эти повозки". Мы подняли эти трупы, покрытые кровью и грязью. Солдаты отпускали ужасные шутки: "Посмотрите, какие гримасы они корчат", - и раздавили каблуками чье-то лицо. Мне показалось, что некоторые еще были живы. Мы так и сказали солдатам, но они ответили: "Идите, идите! вперед!" Конечно, некоторые умерли под землей. Мы погрузили в эти тележки 1907 трупов".

В "*Либерте*" от 4 июня говорилось:—

"Губернатор Ла-Рокет во времена Коммуны и его помощники были застрелены на самом месте своих подвигов.

"Для других национальных гвардейцев, арестованных в этом районе, число которых превысило 4000 человек, в самом Рокете был учрежден временный военный трибунал. Проведение первого осмотра было поручено комиссару полиции и полицейским агентам безопасности. Тех, кого назначили расстреливать, отправили в глубь страны; их убили сзади, когда они шли, а их тела бросили в ближайшую кучу. У всех этих монстров были лица бандитов; об исключениях приходилось сожалеть".

XXIV.— (Стр. 384)

"Во время судебного процесса над членами Совета коммуны на третьем заседании военного трибунала в Версале некий мсье Габриэль Оссуде пришел давать показания в качестве свидетеля против Журда, к аресту которого он был причастен, по его словам, в качестве проректора седьмого округа, и поскольку полковник Мерлен, председатель суда, казался удивленным, что такая функция перешла к гражданскому лицу, мсье Оссуде пустился в очень точные объяснения, которые я прекрасно помню.

"Он заявил, что ближе к концу Коммуны Версальское правительство учредило суды общей юрисдикции ввиду раннего ввода войск в Париж; что количество и места расположения чрезвычайных трибуналов были определены заранее, а также топографические границы их юрисдикции; что он (М. Габриэль Оссуде) получил свою кандидатуру из рук М. Тьер, хотя и не имел звания в армии, но был капитаном семнадцатого батальона Национальной гвардии". — *Письмо Улисса Парента Раппелю от 19 марта 1877 г.*

XXV.—(Стр. 385)

"Сцена возле Военной школы в этот момент очень волнующая; туда постоянно приводят заключенных, и суд над ними *прекращен* заранее. Она заключается только во взрывах". — *Сикль, 28 мая.*

"Военные трибуналы действовали в Париже с неслыханной активностью в нескольких особых точках. В казармах Лобау, в Военной школе, постоянно слышна стрельба. Это сведение счетов с теми негодями, которые открыто принимали участие в борьбе". — *Либерте, 30 мая.*

"С утра (воскресенье, 28 мая) вокруг театра (Шатле) устанавливается сильное оцепление, где постоянно находится военный трибунал. Время от времени можно увидеть выходящую группу из пятнадцати-двадцати человек, состоящую из национальных гвардейцев, гражданских лиц, *женщин и детей пятнадцати-шестнадцати лет.*

"Эти люди приговорены к смертной казни. Они маршируют по двое в сопровождении взвода егерей, которые возглавляют и замыкают процессию. Этот кортеж поднимается по набережной Жевр и входит в республиканские казармы на площади Лобау. Через минуту изнутри доносится стрельба взводов и последовательные ружейные залпы; это приговор военного трибунала, который только что был приведен в исполнение.

- Отряд егерей возвращается в Шатле за другими пленными. Шум выстрелов произвел на толпу глубокое впечатление". — *"Дневник дебатов", 30 мая 1871 г.*

XXVI.—(Стр. 385)

Журнал бельгийской буржуазии *"Этуаль"*, один из самых яростных против Коммуны, позволил вырваться этому признанию:

"Большинство встретило смерть, как арабы после битвы, с безразличием, с презрением, без ненависти, без гнева, без оскорблений по отношению к своим палачам.

"Все солдаты, принимавшие участие в этих казнях и которых я допросил, были равнодушны в своих показаниях.

"Один из них сказал мне: "Мы отстреляли около сорока таких *канарейек* в Пасси. Все они умерли как солдаты. Некоторые скрестили руки на груди и гордо подняли головы. Другие распахнули туники и закричали нам: "Огонь! мы не боимся смерти".

"Ни один из тех, в кого мы стреляли, не дрогнул. Особенно я помню артиллериста, который один причинил нам больше вреда, чем целый батальон. Он один обслуживал пушечное орудие. В течение трех четвертей часа он осыпал нас виноградной дробью и убил и ранил немало моих товарищей. Наконец он был ошеломлен. Мы перевернули его баррикаду.

"Я все еще вижу его. Он был мужчиной крепкого телосложения. Он был весь в поту от службы, которую выполнял в течение трех четвертей часа. "Теперь ваша очередь", - сказал он нам. "Я заслужил стрельбу, но я умру дичью".

Другой солдат корпуса генерала Клинчанта рассказал мне, как его рота привела к крепостным валам восемьдесят четыре захваченных повстанца с оружием в руках.

"Они все выстроились в шеренгу, - сказал он мне, - как будто собирались тренироваться. Ни один не дрогнул. Один из них, с красивым лицом, в брюках из тонкой ткани, заправленных в сапоги, и с поясом зуава на талии, спокойно сказал нам: "Попробуйте прицелиться мне в грудь; будьте осторожны, не заденьте мою голову."Мы все стреляли, но бедняге оторвало половину головы".

Один чиновник из Версаля рассказал мне следующее:

"Днем, в воскресенье, я совершил экскурсию в Париж. Я шел мимо театра Шатле к дымящимся руинам Ратуши, когда меня окружил поток толпы, следовавшей за колонной заключенных, и понес за собой.

- Я нашел среди них тех же людей, которых видел в батальонах при осаде Парижа. Почти все они казались мне рабочими.

Их лица не выражали ни отчаяния, ни уныния, ни каких-либо эмоций. Они шли твердым, решительным шагом, и мне показалось, что они настолько безразличны к своей судьбе, что я подумал, что они ожидают освобождения. Я глубоко ошибался. Этих людей схватили утром в

Менильмонтане, и они знали, куда их ведут. Прибыв в казармы Лобау, кавалерийские офицеры, шедшие впереди эскорта, образовали полукруг и не давали любопытствующим продвигаться вперед".

XXVII.— (Стр. 385)

Один из самых неблагородных зазывал версальских, Франциск Сарси, писал в "Голуа" от 13 июня:

"Довольно хладнокровные люди, в чьих суждениях и слове я не могу сомневаться, рассказывали мне с удивлением, смешанным с ужасом, о сценах, которые они видели собственными глазами и которые заставили меня несколько задуматься.

"Молодые женщины, хорошенькие, одетые в шелковые платья, вышли на улицу с револьверами в руках, выстрелили наугад, а затем сказали с гордым видом, повышенным голосом, с глазами, полными ненависти: "Пристрелите меня немедленно!" Одну из них, которую схватили в доме, откуда стреляли из окон, собирались связать, чтобы отвезти в Версаль и судить там.

"Пойдем, — сказала она, - избавь меня от хлопот путешествия!" - И прислонилась к стене, раскинув руки и обнажив грудь, она, казалось, призывала - провоцировала смерть.

"Все те, кого разъяренные солдаты казнили таким образом, умерли с оскорблениями на устах, с презрительным смехом, как мученики, которые, жертвуя собой, выполняют великий долг".

XXVIII.— (Стр. 386)

Во время судебного разбирательства, возбужденного против г—на Распая, сына, в 1876 году за его брошюру в поддержку амнистии, в суде было зачитано следующее письмо, адресованное ему г-ном Эрви де Сейзи, сенатором:

"Я не могу, по соображениям благоразумия, относящимся к разным лицам, повторить в этом письме рассказ, который я сделал вам *живым* по случаю, о котором вы мне напоминаете. Однако я хочу ответить на ваше вежливое обращение, повторив здесь слова, которые послужили причиной незаконного приказа, которым была нарушена жизнь господина Чернушки в тот день, когда войска захватили тюрьму Сент-Луис. Пелажи и ботанический сад.

"Это слова, произнесенные дивизионным генералом, отдавшим приказ о немедленной казни. Узнав, что Чернушки отправился в тюрьму, у дверей которой я видел его карету, он сказал кому-то, кого я не могу назвать: "А! это Чернушки, человек, получивший 100 000 франков плебисцита. Возвращайтесь в тюрьму, и пусть его расстреляют в течение пяти минут".

"Пять минут представляли собой время, которое потребовалось бы кавалеру ордена, чтобы добраться до тюрьмы из Седра Жюссье, откуда генерал наблюдал за ходом боя.

Сначала я не понял этой странной фразы, но через несколько мгновений вспомнил, что это было выражение политической мести, которая вот-вот должна была быть осуществлена против господина Чернушки за то, что он предложил 100 000 франков на пропаганду, которую оппозиция должна была вести во время последнего плебисцита Империи.

"Глубоко возмущенный тем, что я только что услышал, я был достаточно удачлив, чтобы вызвать случайный инцидент, которому уже осужденная жертва была обязана своим спасением.

- Вот детали, которыми я могу вас снабдить.

Hervé de Saisy.

XXIX.— (Стр. 386)

"Некоторые парижские газеты, - писала газета *"Эхо Дордони"* 19 июня 1871 года, - повторили, что Тони Мойлин был осужден и расстрелян за то, что 27 мая держал в руках оружие. Это сообщение неверно.

"Тони Мойлину поставили в упрек только один факт: то, что он 18 марта вступил во владение мэрией своего округа и, таким образом, принял участие в подаче сигнала к восстанию. Ему показали что-то вроде увольнения, данного им в тот день месье Эриссону, мэру, которого он заменил. Свидетель не был заслушан.

Мойлин признал этот факт; затем он добавил, что исполнял обязанности мэра едва ли два дня; что по истечении этого срока, мало согласный с жителями коммуны, он добровольно перестал появляться в мэрии, где его немедленно заменили.

"Военный трибунал потребовал от Мойлина отчета за проведенное время и свои действия со дня вступления версальской армии в Париж. Он ответил, что, давно известный, особенно благодаря процессу в Блуа и своим трудам, как один из руководителей Социалистической партии, которому пришлось отвечать за захват мэрии восьмого округа 18 марта, опасаясь слишком скорого правосудия и ярости первых минут, он искал и нашел убежище у друга, и что с утра понедельника до вечера субботы; ... что субботним вечером, 27 марта, этот друг попросил своего гостя покинуть его убежище, и что, покинув этот негостеприимный дом, обескураженный, не стремясь больше защищать ни свою свободу, ни даже свою жизнь, он вернулся к себе домой, где по доносу своего привратника и соседей почти сразу после этого был арестован и предстал перед военным трибуналом в Люксембурге.

"Этим рассказом была ограничена защита Тони Мойлина, который был немедленно приговорен к смертной казни. Военный трибунал снизошел до того, чтобы сказать ему, что факт убийства мэра, единственного, в чем его можно было упрекнуть, сам по себе не имел большого значения и не заслуживал смертной казни, но что он был одним из руководителей Социалистической партии, опасным из-за своих талантов, своего характера и своего влияния на массы; короче говоря, одним из тех людей, от которых благоразумное и мудрое правительство должно избавиться, когда оно найдет для этого законный повод.

"Тони Мойлин мог быть удовлетворен только вежливостью (*sic*) членов суда. Без каких-либо затруднений ему была предоставлена двенадцатичасовая передышка для того, чтобы он мог составить свое завещание, написать несколько прощальных слов своему отцу и, наконец, назвать свое имя женщине, которая во время процесса в Блуа и после него проявляла к нему величайшую преданность. Выполнив эти обязанности, 28 мая, утром, Тони Мойлин был выведен в сад в нескольких шагах от дворца и застрелен. Его тело, на которое претендовала его вдова и передача которого была сначала обещана, было ей отказано".

XXX.—(Стр. 386.)

Это убийство также относится к заслугам Гарсена. Давайте снова позволим ему высказаться.

Биллиорай сначала пытался отрицать свою личность. Он хотел броситься на солдата; он был человеком атлетической силы.... Он защищался, у него была пена от ярости. Времени на допрос у него почти не было. Он начал рассказывать какую-то историю о деньгах, место припрятывания которых он мог указать. Он заговорил о 150 000 франках; затем прервал себя, чтобы сказать мне: "Я вижу, вы собираетесь меня расстрелять. Мне бесполезно говорить что—либо еще. "Я сказал ему: "Вы настаиваете?" "Да". Он был застрелен". -*Исследование 18 Марта*, том ii. стр. 234.

XXXI—(Страница 386.)

"Событие произошло в четверг, 25 мая, в несколько минут седьмого вечера на маленькой улице Прет-Сен-Жермен-л'Оксерруа. Вальес выходил из театра Шатле, ведомый расстрельной группой, которой было поручено застрелить его. На нем были черное пальто и светлые брюки желтоватого оттенка. Он был без шляпы, а его борода, которую он недавно сбрил, была очень короткой и уже начинала седеть.

"Когда он въехал в переулок, где должен был быть приведен в исполнение зловеющий приговор, чувство самосохранения вернуло ему энергию, которая, казалось, покинула его. Он хотел бежать; но, сдерживаемый солдатами, он пришел в страшную ярость, кричал "Убивают!", извивался, хватал своих палачей за горло, кусал их, одним словом, оказывал отчаянное сопротивление.

Солдаты уже начали смущаться и были немного тронуты этой ужасной борьбой, когда один из них, проходя сзади, нанес ему такой яростный удар прикладом ружья в поясницу, что несчастный упал с тихим стоном.

"Без сомнения, позвоночник был сломан. Затем они произвели несколько выстрелов из револьверов прямо в его тело и пронзили его штыковыми ударами. Когда он еще дышал, один из палачей подошел и разрядил ему в ухо свой шассепот. Часть черепа разорвалась; его тело было брошено в канаву, пока кто-нибудь не пришел, чтобы подобрать его.

"Именно тогда приблизились зрители этой сцены и, несмотря на изуродовавшие его раны, смогли установить его личность". —*Отчет военного хирурга, опубликованный в "Голуа"*.

XXXII.— (Стр. 392)

"Радикал" от 30 мая 1872 г. опубликовал следующее письмо сотрудника Сент—Тома д'Акена, который во время коммуны оказал версальцам услугу по предотвращению стрельбы 8-сантиметровыми пушками с казенным заряданием:

"Господину графу Дарю, председателю Комитета по расследованию Восстания 18 марта, Версаль.

"Господин председатель, я только что прочел в книге, озаглавленной *"Парламентский запрос о восстании 18 Марта"*, в разделе *"Показания свидетелей"*, следующие показания штабс—капитана Гарсена:

"Все те, кто был арестован с оружием в руках, были расстреляны в первые минуты, то есть во время боя. Но когда мы были хозяевами левого берега, казней больше не было".

"В отчете маршала Мак—Магона об операциях версальской армии против восставшего Парижа я нахожу следующее заявление:-

"Вечером 25 мая весь левый берег был в нашей власти, как и мосты через Сену".

"Показания капитана Гарсена, к сожалению, противоречат истине. Через четыре дня после 25 мая мой сын и четырнадцать других несчастных жертв были убиты в казармах Дюпле, расположенных на левом берегу, недалеко от Военной школы.

"31 августа я направил министру юстиции жалобу по этому поводу, точную копию которой я направляю вам. После изложения фактов, касающихся моего сына, я потребовал, чтобы закон разыскал и наказал виновных.

"До настоящего времени закон оставался глух к моим претензиям, несмотря на огласку, которую я придала этой жалобе, чтобы доказать исчезновение моего ребенка.

"Если бы это было правдой, как заявляет капитан Гарсен, что главнокомандующий войсками левого берега отдал приказ положить конец этим казням после вечера 25 мая; если бы опять же это было правдой, что маршал Мак-Магон в своей депеше от 28 мая отдал приказ приостановить все казни, как заявил полковник, председательствовавший в военном трибунале на процессе над членами Коммуны - офицер жандармерии по фамилии Ронколь, который отдал приказ о массовых убийствах в казармах Дюпле...", а его сообщники должны были быть привлечены к ответственности за то, что в нарушение приказов главнокомандующего армией убили несчастных людей, которые не принимали участия в бою.

"Таким образом, ужасный факт: утром 29 мая, когда я сдавал пушку в Сент-Тома д'Акен, которую мы с сыном поклялись нашей честью сохранить для государства и ради которой мы рисковали нашими жизнями, мой сын был убит в конце конюшни теми, кто должен был его защищать.

"В связи с этими фактами, которые я только что обнаружил, я прошу господина президента быть настолько любезным, чтобы исправить показания капитана Гарсена, которые по этому пункту о казнях полностью противоречат истине.— Имею честь, господин президент и т.д.,

(Подпись) "Г. Лауде".

"Подлинная копия этого письма была адресована заказным письмом от 28 марта 1872 года за номером 158 господину графу Дарю, который подтвердил его получение.

Г. Лауде".

"Париж, 23 мая 1872 года".

XXXIII.— (Стр. 393)

"Именно в Булонском лесу в будущем будут казнены те, кто приговорен военным трибуналом к смертной казни. Всякий раз, когда число приговоренных превысит десять человек, расстрельные взводы будут заменены митральезами". —*Paris Journal*, 9 июня.

"В Булонском лесу запрещено любое обращение.

"Вход туда запрещен без сопровождения взвода солдат, и еще более запрещено выходить оттуда". —*Paris Journal*, 15 июня.

XXXIV.—(Стр. 395.)

"Один мужчина, смуглый, дородный парень с копной черных волос, сел на углу улицы де ла Пэ и отказался идти дальше, грозя людям кулаком и скрипя зубами. После нескольких попыток применения принудительных мер один из солдат потерял всякое терпение и дважды вонзил штык в его тело, приказав ему встать и идти дальше, как остальные. Как и следовало ожидать, этот метод не увенчался успехом, и поэтому его схватили и посадили на лошадь, с которой он быстро спрыгнул, а затем привязали к ее хвосту и поволокли по земле на манер Брунгильды. Вскоре он потерял сознание от потери крови и, таким образом, был приведен в неподвижное состояние, его погрузили вфургон скорой помощи и увезли под крики и проклятия населения". —*Times*, 31 мая.

"Другого заключенного, который также отказался идти маршем, тащили за руки и волосы по дороге". —*Times*, 30 мая.

"Недалеко от парка Монсо были схвачены муж и жена, которым приказали идти маршем к Вандомской площади, на расстояние полутора миль. Они оба были инвалидами и не могли идти так далеко. Женщина села на бордюрный камень и отказалась сделать ни шагу, несмотря на уговоры мужа попробовать. Она настаивала на своем отказе, и они оба опустились на колени, умоляя сопровождавших их жандармов немедленно застрелить их, если их расстреляют. Было выпущено двадцать револьверов, но они все еще дышали, и только после второго выстрела они, наконец, упали замертво. Затем жандармы уехали, оставив тела там, где они упали". —*Times*, 29 мая.

Консервативная газета "*Триколор*" сообщила 31 мая:—

"Воскресным утром, 24-го, из более чем *двух тысяч* федералов сто одиннадцать были расстреляны во рвах Пасси, и это при обстоятельствах, которые показывают, что победа [заключение этой бессмысленной фразы должно быть приведено в оригинале] *наступила на пути к зрелости ситуации*.

"Пусть те, у кого есть седые волосы, выйдут из рядов!" - сказал генерал Галлифет, присутствовавший при казни, и число седовласых федералов достигло ста одиннадцати!

"Для них отягчающим обстоятельством было то, что они были современниками июня 1848 года.

"Здесь есть новая *ретросинкопантная* теория, которая может увести нас далеко назад".

"*Либерте*" из Брюсселя опубликовала следующее заявление, подписанное очевидцами событий, произошедших в Ла-Мюэтте 26 мая 1871 года:

"26 мая прошлого года мы были частью колонны заключенных, которая в восемь часов утра покинула бульвар Мальзерб в направлении Версаля. Мы остановились в замке Ла Мюэтт, где генерал Галлифе, спешившись со своей лошади, прошел в наши ряды, а затем, сделав выбор, указал войскам на восемьдесят три мужчины и трех женщин. Их увели по осыпи укреплений и расстреляли у нас на глазах. После этого подвига генерал сказал нам: "*Меня зовут Галлифет. Твои парижские дневники достаточно запятнали меня. Я мщу.*"

"Оттуда нас направили в Версаль, где во время путешествия нам снова пришлось присутствовать при ужасных казнях двух женщин и трех мужчин, которые, упав в изнеможении и не в силах поспевать за колонной, были убиты штыковыми ударами *сержантов де виля*, составлявших наш эскорт".

Далее следовали имена, профессии и адреса подписавших, всего их было одиннадцать.

"Колонна заключенных остановилась на проспекте Угрич и выстроилась в ряд по четыре или пять человек на пешеходной дорожке, обращенной к дороге. Генерал маркиз де Галлифеэ и его штаб, которые прибыли туда раньше нас, спешили и начали осмотр слева от строя, недалеко от того места, где я находился. Медленно спускаясь и оглядывая ряды, словно на смотру, генерал останавливался то тут, то там, похлопывая человека по плечу или подзывая его из задних рядов. В большинстве случаев без дальнейших переговоров отобранного таким образом человека выводили на середину дороги, где, таким образом, вскоре формировалась небольшая дополнительная колонна.... Очевидно, они слишком хорошо знали, что настал их последний час, и было ужасно интересно наблюдать за тем, как изменилось их поведение. Один, уже раненый, в пропитанной кровью рубашке, сел на дорогу и завыл от боли; ... другие плакали молча; два солдата, предположительно дезертиры, бледные, но собранные, спрашивали всех остальных заключенных, видели ли они их когда-нибудь в своих рядах; некоторые вызывающе

улыбались.... Было ужасно видеть, как один человек таким образом выбирает группу своих собратьев, чтобы через несколько минут быть преданным насильственной смерти без дальнейшего суда.... В нескольких шагах от того места, где я стоял, конный офицер указал генералу Галлифету на мужчину и женщину, совершивших какое-то конкретное преступление. Женщина, выбежав изрядов, бросилась на колени и, протянув руки, молила о пощаде и страстно заявляла о своей невиновности. Генерал выждал паузу, а затем с самым непроницаемым выражением лица и невозмутимыми манерами сказал: "Мадам, я посетил все театры Парижа; ваша игра не произведет на меня никакого впечатления" ("Се не что иное, как па-па").... Я внимательно следил за генералом вдоль строя, все еще оставаясь пленником, но удостоенный особого эскорта из двух кавалерийских егерей, и пытался понять, чем он руководствовался при выборе. Результатом моих наблюдений стало то, что в этот день нехорошо быть заметно выше, грязнее, чище, старше или уродливее своего соседа. Один человек, в частности, поразил меня тем, что, вероятно, своим быстрым освобождением от невзгод этого мира он был обязан сломанному носу на том, что в остальном могло бы быть обычным лицом, и неспособности скрыть это из-за своего роста. Отобрав таким образом более сотни человек, расстрельная группа дала отбой, и колонна возобновила свой марш, оставив их позади. Через несколько минут после этого в нашем тылу начался непрерывный огонь, который продолжался более четверти часа. Это была казнь этих негодяев, осужденных без суда и следствия". —*"Дейли Ньюс". 8 июня 1871 г.*

"Вчера (воскресенье, 28-го) около часа дня генерал Галлифет появился во главе колонны из 6000 пленных.... На их изможденных лицах и в опущенных глазах не было видно ни лучика надежды. Они, очевидно, были готовы к худшей участи и вяло тащились вперед, как будто не имело смысла идти пешком в Версаль, чтобы быть расстрелянными, когда немедленная казнь могла избавить их от хлопот. Г-н де Галлифе, по-видимому, придерживался того же мнения, и немного за Триумфальной аркой он остановил колонну, отобрал восемьдесят два человека и приказал расстрелять их на месте. Вскоре после этого отряд из двадцати помпье был приведен в парк Монсо и казнен". *"Таймс", 31 мая 1871г.*

XXXVI.—(Стр. 438)

Вот копия письма, адресованного версальскому генеральному штабу и, вероятно, все еще находящегося в его распоряжении, с номером 28 ibis:

"Начальнику Генерального штаба.

"Генерал, меня приняли за господина де Бофона, и это раздражает меня тем больше, что допущенная им небрежность вменяется мне.

"Я определенно не терял времени даром в течение этого пятнадцатидневного периода. Я организовал целый легион бойцов. Их приказ состоит в том, чтобы убегать при приближении войск и таким образом привести ряды федералов в беспорядок.

"Средства, указанные Комитетом А, кажутся практически осуществимыми. Я воспользуюсь ими. Всего с сотней пьяниц можно многое сделать".

XXXVII.— (Стр. 444)

Это, согласно, конечно, очень приблизительному отчету генерала Апперта, контингент представителей различных профессий: 528 ювелиров, 124 изготовителя картона, 210 шляпных мастеров, 328 плотников, 1065 клерков, 1491 сапожника, 206 портних, 172 позолотчика, 636 краснодеревщиков, 1598 коммерческих служащих, 98 приборостроителей, 227 жестянщиков, 224 литейщика, 182 гравера, 179 часовщиков, 819 наборщиков, 159 печатников на крашеной бумаге, 106 учителей, 2901 поденщик, 2293 каменщика, 1659 столяров, 193 кружевницы, 863 маляра, 106 переплетчиков, 283 скульптора, 2664 слесаря и механика, 681 портной, 347 кожевников, 157 формовщиков, 766 камнерезов.

XXXVIII.— (Стр. 463)

Особенно в деле шпиона Отбрюйеров, за которое уже были осуждены несколько человек. Этот шпион — двадцатилетний молодой человек, а не ребенок, как утверждали реакционеры, — привлек вражеские снаряды к федеральным позициям. Представ перед военным трибуналом, в состав которого входили Ла Сесилия, командир армейского корпуса, Йоханнар, делегат коммуны, и все командиры батальонов, он признался, что взял у версальцев план федеральных позиций и получил двадцать франков в качестве награды. Он был единогласно приговорен к смертной казни. В момент казни Йоханнар и Грандье, адъютанты Сесилии, объяснили приговоренному, что он будет помилован, если раскроет имя своего сообщника, жителя Монружа. Он ответил: "Вы разбойники. *Je vous ennuie....*" Этот факт, отвратительно искаженный, снабдил Виктора Гюго, очень плохо информированного об этой гражданской войне, стихотворением для своей "Анны Ужасной", столь же несправедливым по отношению к Иоганнару, как и к Серизье, одному из расстрелянных в Сатори. Великий поэт обязан сам себе сделать оговорку.

СНОСКИ:

[269] Сами Тьер и Жюль Фавр клеветали на Париж меньше, чем Луи Блан. Первый говорит в *Справке о 18 Марсе*, т. ii, стр. 15: "Неверно, как утверждалось, что у меня были большие трудности с прусским правительством по поводу Коммуны или что оно имело какое-либо пристрастие к последней." Жюль Фавр, том ii, стр. 49; "Я не видел ничего, что могло бы дать мне право обвинять ни бонапартистов, ни Пруссию. Генерал Трошу ошибся. Я не видел ничего, что могло бы дать мне право обвинять бонапартистов в подстрекательстве к 18 марта. После восстания 18 марта я потратил время на то, чтобы отказаться от предложений пруссаков помочь в свержении Коммуны."

[270] В Советев поисках смягчающих обстоятельств для армии придумали этот более чем фантазмагорический инцидент.

КОНЕЦ.

Примечание переписчика

Некоторые непоследовательные расстановки переносов и орфография в оригинальном документе сохранены.

Исправлены типографские ошибки в тексте:

Страница xii КРЕЗО заменен на КРЕЗО
Страница xii АНСЬЕР заменен на АНЬЕР
Страница 10 вантель заменен на разыскиваемый
Страница 10 Страсбург заменен на Страсбург
Страница 12 неслыханное изменено на неслыханное
Страница 13 франци заменено на безумие
Страница 16 Лафрансе заменено на Лефрансе
Страница 29 наблюдение заменено на наблюдение
Страница 39 сержанты заменены на сержанты
Страница 51 Д'Орель заменен на Д.
Страница 75 сержанты заменены на сержантов
Страница 78 владение заменено на владение
Страница 81 бараки заменены на казармы
Страница 81 Чемпионы заменены на Чемпиона
Страница 82 Бруней заменен на Брюнеля
Страница 85 Доу заменен на Делать
Страница 85 обстейн заменен на воздерживаться
Страница 106 ВЕМДОМ заменен на ВАНДОМ
Страница 109 угнетение заменено на угнетение
Страница 116 Арнан заменен на Арно
Страница 116 Бьюит заменен на Буит
Страница 134 Комиссариат изменен на Комиссию
Страница 141 кюрасье заменено на кирасиры
Страница 147 неподвижные заменены на неподвижные
Страница 161 Тизз заменен на Тейз
Страница 167 Молино заменен на Мулино
Страница 169 кепи заменен на кепи Страница 171 КОММУНА заменена на КОММУНУ
Страница 180 боевые части заменены на батальоны
Страница 181 наблюдение заменено на наблюдение
Страница 190 АНЬЕР заменен на АНЬЕР
Страница 192 Slaav изменен на Slav
Страница 202 заменена на it
Страница 204 Bourdeaux изменен на Bordeaux
Страница 213 Offiee изменен на Office
Страница 224 themelves изменен на самих себя
Страница 244 aut изменен на out

Страница 246 Galiffet изменен на Gallifet
Страница 250 haid изменен на said
Страница 254 Aout изменен на Août
Страница 261 Gamlon изменен на Gambon
Страница 270 Afer изменен на After
Страница 277 Montargies изменен на Montargiss
Страница 280 Себастьян изменен на Себастьян
Страница 302 voll. изменено на vol.
Страница 309 батальон изменен на батальон
Страница 319 де изменен на
Страница 323 Сарагоса изменен на Сарагоссу
Страница 329 Пигале изменен на Пигаль
Страница 330 тщательно изменен на тщательно
Страница 333 Хаусман изменен на Хаусманна
Страница 332 run изменен на ran
Страница 397 und изменен на и
Страница 408 сержанты изменены на сержантов
Страница 435 Верданнер изменен на Верданье
Страница 440 Бойденемертц изменен на Буаденемертц
Страница 443 Кинсонназ изменен на Кинсоннас
Страница 462 непримиримые изменены на непримиримых
Страница 465 fvom изменен на с
Страница 465 Committee изменен на Комитет
Страница 471 Meillot изменено на Maillot
Страница 485 Perigeux изменено на Perigueux
Страница 487 proclia изменена на proelia
Страница 487 cemetery изменено на cemetery